В. В. БЕШАНОВ

ГОД 1942 — «УЧЕБНЫЙ»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В историографии Великой Отечественной войны существует огромный пробел. Это кампания 1942 года. Причина умолчания заключается в том, что Красная Армия проиграла тогда практически все сражения с Вермахтом. Пытаясь переломить ход войны своими контрнаступлениями, РККА пережила несколько «Сталинградов наоборот», потеряла свыше 5 миллионов бойцов и огромное количество боевой техники, отступила до Волги и Кавказских гор. Впервые в отечественной литературе автор достаточно подробно и достоверно описывает ход боевых действий того периода. Необходимую информацию он извлек в основном из мемуаров непосредственных участников событий, происходивших 60 лет назад. Оттуда же происходит название данного исследования: битые советские генералы объясняли свои поражения тем, что они еще только «учились» воевать!

- Владимир Бешанов
  - Вступление
  - Новый год — новые надежды
  - На Московском направлении
  - «…И покоренья Крыма»
  - Как один Баграмян два фронта загубил
  - «На Западном фронте без перемен…»
  - Битва за нефть
  - * *
  - «…»
  - «…»
  - Сталинградские университеты
  - 15.10.1942.
  - Операция «Марс»
  - Заключение

Владимир Бешанов

Год 1942 — «учебный»

Вступление

…История Великой Отечественной войны абсолютно неправдивая… Это не история, которая была, а история, которая написана. Она отвечает духу современности. Кого надо прославить, о ком надо умолчать…

Маршал Г. К. Жуков

«Действительно, многие военные писатели, генералы и маршалы так искажают историю Отечественной войны, что от действительной истории иногда остается лишь общий фон, схема, скелет, а содержание так „состряпано“, что зачастую не поймешь, когда и где это было», — заявил как-то Жуков в интервью «Литературной газете».

Перефразируя старый софизм, можно подытожить: если самый главный маршал той войны сказал, что маршалы врут (искажают историю), говорил ли он правду?

На самом деле этот вопрос никого не интересовал. Главным при написании истории Отечественной войны 1941-1945 годов было доказать великие преимущества социалистического строя, непогрешимость политического руководства, прозорливость и искусность полководцев, мощь Советской Армии, практически в одиночку спасшей мир от «коричневой чумы», монолитное единство коммунистической партии и народа и готовность последнего защищать «завоевания Октября».

И вот мы имеем историю, «которая написана», но «абсолютно неправдивая». [4] В популярном изложении для массового потребления — это лубок, скомпонованный из жуковских мемуаров, киноэпопей Озерова и романов Стаднюка. В сознании соотечественников прочно укоренились мифы о том, как принципиальный Жуков предостерегал Сталина и спас Ленинград, о «28 панфиловцах» и «моряках-черноморцах», о рельсовой войне и грандиозной победе под Прохоровкой, знаменитой «прожекторной» атаке и бездеятельности союзников. Кого надо (в основном самих себя) — прославили, о ком надо — умолчали. После смерти в 1982 году последнего «выдающегося полководца» Л.И. Брежнева, труд был закончен — добавить больше было нечего. В этой истории, созданной под эгидой отдела военной истории при Институте марксизма-ленинизма, переплелись и личные амбиции ее участников, и идеологические требования. Причем последние, конечно, стояли на первом месте, а наша «история» являлась орудием борьбы с «буржуазными

фальсификаторами».

Еще 15 лет назад офицеров Советской Армии и Флота заставляли писать сочинение на тему «За что я ненавижу американский империализм» (моего знакомого, по наивности поверившего в лозунги «перестройки» и написавшего, что к американскому империализму у него претензий нет, выгнали со службы).

С тех пор мир сильно изменился. Лишенная возможности распространять «бациллы большевизма» на другие народы под собственной тяжестью рухнула «мировая система социализма», окончательно обанкротилось «самое передовое» учение Маркса — Ленина, а «звериное лицо империализма» обернулось «другом Биллом» и «другом Колем».

Ничего не изменилось только в истории Отечественной войны. Мы по-прежнему штурмуем рейхстаг и рассказываем своим детям, как спасли мир. Хотя для наших детей — это события прошлого века, такие же древние, какими для моего поколения были Цусима и падение Порт-Артура. [5]

Учебники, книги, статьи полны идеологических штампов из лексикона «Красной Звезды» военных лет: «фашистские орды», «бесноватыйфюрер», «гитлеровские стервятники», «белофинны», «вероломствосоюзников», «японские милитаристы» и т. п. Вот, например, вышла статья, подписанная кандидатом исторических наук, с подзаголовком: «22 июня исполняется 60 лет (70, 80,100? —*Авт.)* со дня варварского нападения фашистской Германии на СССР». Нет уже ни фашистской Германии (которая никогда не была «фашистской», о чем кандидату наук следовало бы знать), ни СССР, однако статья — прямо сводка Совинформбюро. Дело доходит до абсурда: 9 мая 2001 года немецкой делегации не позволили возложить цветы на братскую могилу советских воинов в мемориальном комплексе Брестская крепость, чтобы не затронуть чувств наших ветеранов, что, однако, не помешало последним по окончании митинга с благодарностью принимать от «фашистов» денежную помощь.

Наверное, пора уже понять, что эта война закончилась. А также вспомнить, что за Победу вместе с нами сражалось 70% населения земного шара. Пора сосчитать своих павших и заодно подумать, отчего это не было сделано раньше и почему так невероятно велики оказались потери, несмотря на «преимущества социалистического строя» и наличие плеяды «выдающихся полководцев». То ли это были не преимущества, то ли — не полководцы?

В официальной версии начальный период войны излагается следующим образом:

«Война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. На первом этапе войны гитлеровская армия, ввиду внезапного и вероломного нападения на СССР, имела некоторые временные преимущества перед Красной Армией. Эти преимущества заключались в том, что фашистская Германия, исподволь готовясь к войне против нашей страны, заранее перевела все хозяйство для обслуживания фронта, создала количественное превосходство в танках и авиации. [6] Немецкая армия была полностью отмобилизована к началу войны. К тому же она имела известный опыт современного ведения войны с использованием больших масс танков, авиации, автоматического оружия, полученных ею в войне с Польшей, Бельгией, Францией, Грецией и Югославией. Понятно поэтому, что в первые месяцы войны Красная Армия была вынуждена отступать и оставить часть советской территории».

Одним словом, мы к войне не готовились, вероломного нападения не ожидали, не отмобилизовались, не имели ни количественного превосходства, ни боевого опыта (но при этом, «укрепляя обороноспособность», за полтора года успели осуществить агрессию против шести государств).

Последний тезис старательно подкреплялся «научно» высосанными из пальца цифрами, долженствующими свидетельствовать о подавляющем превосходстве немецкой армии в людях и технике, вкупе с жуткими подробностями о том, как советские бойцы героически бросались под танки, имея одну винтовку на троих (даже винтовок не хватало!). Сего дня ни для кого не секрет, что количественного превосходства над Красной Армией вермахт не имел никогда. Германские сухопутные силы на Восточном фронте не превышали 3,4 млн человек (общее количество всех военнослужащих в самые лучшие времена достигало 4,3 млн). Между тем в Советском Союзе только в 1941 году в вооруженные силы было мобилизовано около 10 млн, что, кстати, более чем вдвое превышало штаты военного времени и возможности наркомата обороны по их обучению и вооружению. Поэтому призывников и ополченцев так и бросали в бой — необученными и безоружными, именно отсюда — одна винтовка на троих.

Эти миллионы, в основном безымянные, остановили немцев под Москвой, Ленинградом и Ростовом. [7] А что произошло потом? Что мы знаем о событиях 1942 года? Даже школьник скажет, что был Сталинград. А как там оказалась германская армия? Главное — почему? Ведь Сталин планировал в 1942 году победоносно закончить войну и жестоко спорил с англо-

американскими союзниками о признании западных границ СССР. Вместо этого врагу вновь были отданы огромные территории, вдребезги разбиты полтора десятка советских армий (одна только 51-я армия — трижды), потери РККА оказались наивысшими за всю войну.

Традиционные объяснения неудач 1942 года были предложены еще Сталиным. Главная из них, кроме само собой разумеющегося «превосходства противника», заключалась в том, что:

«Предательская политика реакционных правящих кругов США и Англии, срывавших открытие второго фронта в Европе, позволила гитлеровцам сосредоточить к лету 1942 года крупные силы для наступления на советско-германском фронте… Фактически Советская Армия продолжала вести борьбу одна против всей фашистской коалиции».

Этому есть что возразить.

Во— первых, силы были не такие уж крупные. Во всяком случае меньше, чем их имелось в июне 1941 года, когда к тому же действовал «привходящий» фактор внезапности.

Во— вторых, сегодня эти обвинения звучат, по меньшей мере, неприлично. Значит, когда мы помогали Гитлеру воевать с Англией, которая именно одна и сражалась в ту пору против всей фашистской коалиции, то заботились о своей безопасности. Когда же Англия сама первой протянула нам руку помощи, без которой войну было не выиграть, мы обвинили её в «предательской политике». Мы не хотим знать, что война была не только Отечественной, но и мировой, ведь нам так хочется верить в наш «решающий вклад».

В— третьих, это объяснение ничего не объясняет. [8] Гитлер тоже мог бы пожаловаться, что Япония не открыла второй фронт на Дальнем Востоке, поэтому

Красная Армия имела такие же возможности сосредоточить силы где ей было угодно. Но не сосредоточила, или сосредоточила не там, где нужно, либо использовала их не так, как следовало.

Отсюда возникает еще один вопрос: как же воевала наша «непобедимая и легендарная», о чем думали ее полководцы, вооруженные самой передовой в мире военной наукой? Генералы повсеместно, особенно битые, часто сетуют на начальство, ошибки подчиненных, недостаток сил или неблагоприятные погодные условия. Советские маршалы тоже широко используют все эти аргументы. Но, кроме того, они придумали своим провалам совершенно уникальное оправдание: оказывается, в 1942 году они еще не умели воевать. Все они — руководители

фронтов, командующие армиями, начальники штабов с детской непосредственностью сообщают, что они пока только учились, присматривались к противнику, накапливали опыт! А то, что это обошлось в 48 млн гражданского населения, пережившего оккупацию, и 6-7 млн (цифра уточняется до сих пор) погибших солдат — издержки обучения. Кстати, и «успехи в учебе» не впечатляют.

Валентин Пикуль в своем последнем романе много размышлял над этим феноменом и только развел руками: «Когда задумываешься о любимцах Сталина, которым вверялась власть над миллионами наших солдат, то невольно возникает вопрос: как мы вообще эту войну с Германией выиграли?»

Хороший вопрос. Но, слава Богу, мы были не одни. [9]

Новый год — новые надежды

В принципе же тот факт, что мы отступили далеко от границы и дали противнику возможность занять и разорить Украину, Белоруссию, часть Российской Федерации, явился результатом просчетов и неумелого руководства. Вероятно, многие люди, которым доверили дело, были достаточно примитивны.

Н. С. Хрущев

В конце 1941 года, после ряда катастрофических поражений, Красная Армия сумела провести крупные наступательные операции под Ростовом и Тихвином, а также «развеять миф о непобедимости германской армии» на полях Подмосковья. Советские войска достигли существенных результатов, отбросив противника на 150-300 км на запад и нанеся ему значительные потери в живой силе, и особенно в технике.

К Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину вновь начала возвращаться былая уверенность. Преодолев кризис под Москвой, он счел, что война теперь пошла по той же колее, что и в 1812 году: враг разбит, настало время его преследования и окончательного разгрома.

Сталину очень нравилась такая аналогия, и уже тогда историками в погонах стала разрабатываться верноподданническая теория о том, как «величайший полководец современности Иосиф Виссарионович Сталин», подобно «гениальному Кутузову» (но применив еще и безошибочную марксистскую методу), заманил Гитлера под Москву, где и «загубил» его лучшие войска.

«Советская военная наука, созданная товарищем Сталиным, заново разработала и успешно применила… контрнаступление… Сталинское учение о контрнаступлении явилось величайшим приобретением советской военной науки», — писал полковник П.А. Жилин в своей работе, посвященной… фельдмаршалу М.И. Кутузову. [10] Все правильно понимал товарищ, как не сделать такого академиком?

В общем, Верховный Главнокомандующий «непобедимой и легендарной» пришел в себя после нокдауна. Изменение показаний сталинского «барометра» четко прослеживается в развитии его взаимоотношений со вновь приобретенными западными союзниками, в частности по вопросу второго фронта.

Впервые правительство СССР поставило этот вопрос менее чем через месяц после германского нападения. Было от чего: к

этому времени потерпели сокрушительное поражение армии Кузнецова и Павлова, пал Смоленск, танки вермахта рвались к Ленинграду, Москве и Киеву. Пришлось советскому генсеку, еще недавно готовившему «великий освободительный поход с целью освобождения международных пролетариев от гнета помещиков, капиталистов, полицейских и всякой другой сволочи», просить помощи у заклятых классовых врагов — английских буржуев. В послании на имя британского премьер-министра, датированном 18 июля 1941 года, говорилось:

«…Военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на западе (Северная Франция) и на севере (Арктика). Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию… Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на востоке позиции».

Черчилль даже не стал советоваться со своими военными, а сразу ответил, что создание фронта во Франции является в настоящий момент нереальным предприятием. [11]

3 сентября, в момент нового обострения ситуации на советско-германском фронте, когда бои уже шли у стен Киева, а танковая группа Гудериана выходила в тыл войскам генерала Кирпоноса, Сталин вновь повторил свое предложение «…создать уже в этом году второй фронт…», который бы оттянул с советского фронта 30-40 немецких дивизий, — и вновь получил отказ.

Ясно, Черчилль — сволочь, старый враг Советской власти и желает «нашего ослабления». 6 ноября 1941 года в торжественной речи, которую пришлось произносить в подземном зале Московского метро, Сталин недвусмысленно возложил вину за свои военные поражения на Англию и США.

Он заявил:

«Одна из причин неудач Красной Армии состоит в отсутствии второго фронта в Европе против немецко-фашистских войск. Дело в том, что в настоящее время на Европейском континенте не существует каких-либо армий Великобритании и Соединенных Штатов Америки, которые бы вели войну с немецко-фашистскими войсками… Обстановка теперь такова, что наша страна ведет освободительную войну одна, без чьей-либо военной помощи…»

Вождь, мягко говоря, лукавил.

Во-первых, уже 22 июня 1941 года Черчилль предложил «оказать России и русскому народу всю ту помощь, какую мы

только сможем». С начала сентября Великобритания начала поставки военной техники Советскому Союзу на условиях ленд-лиза, т. е. в долг, а 1 октября 1941 года в Москве был подписан протокол, согласно которому западные державы обязались поставлять в СССР ежемесячно 400 самолетов, 500 танков, большое количество грузовых автомобилей и многое другое. Так что военную помощь Красная Армия получала и объемы ее росли!

Во-вторых, с чего бы вдруг объявились на континенте «армии» Соединеных Штатов государства, которое ни с кем не воюет? [12]

И в-третьих, именно Англия бескомпромиссно сражалась с Гитлером и его союзниками в течение двух лет (1939-1941), причем последний год-в одиночку. Англия теряла корабли, самолеты, солдат, вела битву за Британию и битву за Атлантику, сражалась в Египте, Франции, Греции и Норвегии, охотилась на «Бисмарка» и терпела поражения под Дюнкерком и на Крите. Ее города подвергались разрушительным бомбардировкам, в которых погибли десятки тысяч мирных жителей и огромные материальные ценности. Все это время Советский Союз, оговорив пактом 1939 года свою «зону влияния», снабжал дружественную Германию стратегическим сырьем, укрывал германские корабли в своих базах, выводил «корсаров фюрера» на британские коммуникации Северным морским путем, а наш нарком иностранных дел товарищ В.М. Молотов отстукивал в Берлин поздравительные телеграммы на взятие европейских столиц. Остров бился в тисках подводной блокады, а товарищ Сталин слал камраду Гитлеру эшелоны с зерном, лесом, никелем, хромом, марганцем, цинком, каучуком, хлопком — всем тем, в чем нуждались военные заводы Третьего рейха.

Черчилль, выступая в палате общин 13 мая 1940 года, заявил:

«…Вы спрашиваете, в чем состоит наша политика? Я отвечу: она в том, чтобы вести войну на море, на земле и в воздухе и использовать для этого всю нашу мощь и всю нашу силу, которую только может дать нам Господь; вести войну против чудовищной тирании, равной которой нет в мрачном и достойном сожаления перечне человеческих преступлений. Вы спрашиваете, в чем состоит наша цель? Я могу дать ответ одним словом: победа! Победа любой ценой! Победа, несмотря на весь ужас! Победа, как бы долог и тернист ни был путь к ней, ибо без победы не может быть жизни…»

А Молотов в это время разъяснял депутатам Верховного Совета, что «…не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за „уничтожение гитлеризма“, и поздравлял посла Шуленбурга с „победами германских армий“.

[13]

Теперь же, когда товарища Сталина прижало, он стал требовать от англичан второго фронта, и немедленно, и «оттянуть» на себя с советско-германского фронта 30-40 дивизий — это в дополнение к тем 38 дивизиям вермахта, которые дислоцировались во Франции и Бельгии.

Проведение десантной операции такого масштаба нуждалось в гигантских материальных ресурсах, огромном количестве транспортных и специальных судов (Англия потеряла уже более 2000 кораблей), завоевании господства на море и в воздухе, подавляющем превосходстве в живой силе и технике (в метрополии имелось 39 дивизий, причем британский флот был в состоянии обеспечить переброску лишь шести из них). Гитлер, ввиду нехватки сил и средств, так и не решился на прыжок через Ла-Манш, еще меньше шансов на успех было осенью 1941 года у Черчилля, о чем он прямо заявил советскому послу в Лондоне И.М. Майскому.

После советской победы под Москвой вопрос о втором фронте потерял для Сталина актуальность. Это явствует из его бесед с министром иностранных дел Великобритании Антони Иденом, проведенных в период с 16 по 20 декабря. Последний прибыл в Москву для заключения договора о союзе в войне с Германией и послевоенном сотрудничестве. Сталин же дал ясно понять, что гораздо больше его интересует проблема будущих границ СССР. Он настойчиво требовал от Идена признания в договоре рубежей Советского Союза 1941 года, заявив при этом:

«Наши войска могут в близком будущем вновь занять Балтийские государства».

Вождь настолько уверовал в прочность своего положения, что, в виде уступки за признание Англией западных границ СССР, готов был снять требования об открытии второго фронта. Теперь его больше заботило подтверждение западными демократиями территориальных приобретений, полученных в результате сговора с Гитлером (!), в том числе раздела Польши, из-за которой Великобритания, собственно, и ввязалась в эту войну. [14] Идеи, ссылаясь на Атлантическую хартию, отказывался давать конкретные обязательства по этому вопросу. «Какая еще „хартия“? — возмущались в Кремле. — Ведь всем известно, что соответствующие территориальные изменения были произведены согласно волеизъявлению населения данных территорий». Вот оно что: английское правительство «стоит за расчленение Советского государства»! А раз так, заявил Сталин, то и договора никакого не будет.

На вопрос Идена об оказании Советским Союзом помощи в

войне с Японией, Сталин ответил, что СССР к этому еще не готов:

«Было бы гораздо лучше, если бы Япония напала на СССР. Это создало бы более благоприятную политическую и моральную атмосферу в нашей стране…»

Верховный добавил, что «был бы готов возобновить разговоры о дальневосточной ситуации весной. Возможно, конечно, что японцы сами атакуют СССР раньше, тогда позиция сама собой прояснится».

Таким образом, встречая новый 1942 год, Сталин чувствовал себя способным добить Гитлера и без помощи союзников. Идеи уехал из Москвы ни с чем, переговоры не были завершены «ввиду отказа Англии признать западную границу СССР».

Советское планирование

Свою оценку изменившейся ситуации в войне Сталин претворил в плане общего наступления Красной Армии, который обсуждался в Ставке 5 января 1942 года. Суть плана была изложена им лично в директивном письме от 10 января 1942 года. В нем указывалось: «Немцы хотят… выиграть время и получить передышку. Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом*полный разгром гитлеровских войск в 1942 году (курсив наш. — Авт.)*». [15]

Это решение поддержали все командующие фронтами, при этом они докладывали о своих грандиозных успехах, просили резервов и обещали кого-нибудь разбить. Главком Юго-Западного направления Тимошенко собирался наступать на Харьков и разгромить 6-ю немецкую армию, Мерецков хотел окружить и уничтожить 18-ю армию Кюхлера, Конев — 9-ю армию Моделя, а Жуков предлагал ликвидировать на Ржевско-Вяземском плацдарме чуть ли не всю группу армий «Центр».

Атмосферу самых радужных надежд, сложившуюся в начале 1942 года в высших военно-политических кругах, прокомментировал генерал-полковник П.И. Белов:

«Разгром фашистов под Москвой, успешное преследование отступающих гитлеровцев породили у некоторых военачальников преувеличенное представление о возможностях наших войск и привели к недооценке противника.

В Ставке ослабло критическое отношение к обстановке, многое представлялось в слишком розовом цвете. Усилилось стремление проводить крупные операции, хотя возможности для этого были далеко не всегда…

Разрабатывая гигантские планы, Ставка иногда, как видно, не учитывала реальную действительность».

По— жуковски выражаясь: «…шапка была набекрень у всех тогда».

К середине января Красная Армия девятью фронтами перешла в наступление на 1000-километровом простанстве от Балтийского до Черного морей.

«В результате этого наступления, — подтверждает маршал А.М. Василевский, — войска Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов при содействии Балтийского флота должны были разгромить главные силы группы армий „Север“ и ликвидировать блокаду Ленинграда; [16] Калининский и Западный фронты во взаимодействии с армиями Северо-Западного и Брянского фронтов обязаны были окружить и разгромить главные силы группы армий „Центр“; Южный и Юго-Западный фронты имели задачу нанести поражение группе армий „Юг“ и освободить Донбасс; Кавказскому фронту совместно с Черноморским флотом предстояло в течение зимы освободить от врага Крым».

Сталин всерьез планировал закончить войну в 1942 году. При этом настолько был уверен в своих силах, что считал возможным принимать гордые позы перед западными союзниками. Так, в связи со вступлением в войну Соединенных Штатов Америки (что делало положение Гитлера практически безнадежным), советский посол в Вашингтоне М.М. Литвинов 20 января запросил Москву: «…не следует ли нам поставить прямо вопрос об оказании прямой военной помощи созданием второго фронта на Европейском континенте?». На что Молотов ответил следующей шифровкой:

«Мы приветствовали бы создание второго фронта в Европе нашими союзниками. Но Вы знаете,*что мы уже трижды получали отказ на наше предложение о создании второго фронта* (но тогда эту непосильную для нее задачу должна была решать одна Британия; с присоединением США к антигитлеровской коалиции обстановка кардинально изменилась, тем не менее в Кремле изображают оскорбленную невинность; курсив наш.—*Авт.)*, и мы не хотим нарываться на четвертый отказ. Поэтому Вы не должны ставить вопросы о втором фронте перед Рузвельтом. Подождем момента, когда, может быть,*сами союзники поставят этот вопрос перед нами (курсив наш. — Авт.)*».

Между тем зимнее советское наступление развивалось поначалу довольно успешно. В праздничном приказе № 55 от 23 февраля 1942 года нарком обороны доводил до сведения личного состава батальонов, батарей и эскадрилий:

«Теперь уже нет у немцев того военного превосходства, которое они имели в первые месяцы войны в результате вероломного и внезапного нападения. [17] Момент внезапности и неожиданности, как резерв немецко-фашистских войск, израсходован полностью. Тем самым ликвидировано то неравенство в условиях войны, которое было создано внезапностью немецко-фашистского нападения. Теперь судьба войны будет решаться не таким привходящим моментом, как момент внезапности, а постоянно действующими факторами: прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армий, организаторские способности начальствующего состава армии. При этом следует учесть одно обстоятельство: стоило исчезнуть в арсенале немцев моменту внезапности, чтобы немецко-фашистская армия оказалась перед катастрофой.

…Инициатива теперь в наших руках, и потуги разболтанной ржавой машины Гитлера не могут сдержать напор Красной Армии. Недалек тот день, когда Красная Армия своим могучим ударом отбросит озверелых врагов от Ленинграда, очистит от них города и села Белоруссии и Украины, Литвы и Латвии, Эстонии и Карелии, освободит советский Крым, и на всей советской земле снова будут победно реять красные знамена».

Об обороне здесь нет ни слова, только «отбросить», «очистить», «освободить».

Однако к концу февраля наступление выдохлось, в марте началась весенняя распутица, которая принесла с собой относительное затишье. Обе противоборствующие стороны исчерпали свои возможности, обстановка на фронтах стабилизировалась. Ни одна из советских операций не достигла поставленных решительных целей, потери Красной Армии за первый квартал 1942 года составили почти 1800 тыс. человек.

Генерал Типпельскирх пишет об этом периоде:

«Одной лишь непоколебимой стойкости немецких войск, которая в эту зиму превзошла всякие ожидания, конечно, было бы недостаточно, чтобы сорвать планы русских. Точно так же, как и Гитлер при нападении на Советский Союз, [18] теперь русское командование переоценило свои силы и недооценило силу сопротивления войск противника. Смелый план уничтожить две немецкие группы армий превышал возможности ослабевших русских армий и привел к дроблению сил».

Немцам удалось устоять.

Перед Ставкой Верховного Главнокомандования (СВГК) встал закономерный вопрос о плане боевых действий на лето 1942 года. При этом ни у кого не было сомнений, что, получив передышку, Гитлер попытается перехватить стратегическую инициативу.

Согласно официальной советской версии и утверждениям наших хрестоматийных полководцев, Верховное Главнокомандование (ВГК) на этот раз благоразумно решило перейти к стратегической обороне «на заранее подготовленных рубежах», вот только никак не могло определиться с одним вопросом — где ожидать удара противника, в центре или на юге? Одновременно, чтобы «не сидеть сложа руки» и «улучшить оперативное положение войск», предполагалось провести «ряд частных наступательных операций под Ленинградом, в районе Демянска, на Смоленском, Льговско-Курском направлениях, в районе Харькова и в Крыму». Маршал Василевский после войны, «критически оценивая» этот план, самым уязвимым его звеном считал решение «одновременно и обороняться, и наступать». Однако при взгляде на карту и не разберешь, на каком же участке советско-германского фронта планировалось «стратегически обороняться» и где находились эти «подготовленные рубежи»? До сегодняшнего дня никто этих оборонительных планов не видел (как и оборонительных планов на 1941 год).

* * *

Сталин не зря говорил о «новых больших резервах», которые будут у него весной. Несмотря на почти 2-миллионные потери в ходе зимнего наступления, к апрелю 1942 года численность действующей армии была не только восстановлена, но и выросла на полтора миллиона человек, достигнув 5600 тыс. бойцов и командиров. [19] На десяти фронтах в состав 48 общевойсковых армий и 3 оперативных групп входили 293 стрелковые и 34 кавалерийские дивизии, 121 стрелковая и 56 отдельных танковых бригад. В тылу непрерывно формировались и развертывались стратегические резервы.

На полную мощь набирали обороты эвакуированные на восток предприятия, советская промышленность была полностью переведена на военные рельсы.

Выпуск автоматического оружия и противотанковых ружей в первом полугодии 1942 года возрос по сравнению со вторым

полугодием 1941 года почти в 6 раз, минометов — в 3 раза, артиллерии — в 1,8 раза, танков — в 2,3 раза. При этом из 11178 выпущенных за этот период танков более 6000 (50,8%) было средних (4414 «тридцатьчетверок») и тяжелых (1663 «Ворошиловых»), не имевших себе равных в мире. К маю в действующей армии насчитывалось 44900 орудий и минометов (без учета артиллерии Московской зоны обороны, Московского фронта ПВО и 50-мм ротных минометов, которых имелось более 21 тыс. штук), 1720 установок реактивной артиллерии БМ-13 и БМ-8, 4065 танков, 3855 самолетов. И все это — не считая резервов Ставки.

Одновременно подвергалось реорганизации высшее управление войсками: вновь было восстановлено корпусное звено, и с начала года начали формироваться гвардейские стрелковые корпуса, к лету их насчитывалось уже десять. В это же время создавались гвардейские армии, которые отличались более сильным составом.

Изменения коснулись и стрелковых дивизий, они стали оснащаться значительно большим количеством огневых средств, особенно противотанковых. В каждой стрелковой части теперь имелась противотанковая рота. Совершенствовалась артиллерия. [20] Появились армейские зенитно-артиллерийские артполки и дивизии, истребительно-противотанковые полки и бригады фронтового резерва, полки и соединения реактивной артиллерии и артиллерийские дивизии Резерва Верховного Главнокомандования (РВГК).

Рост выпуска бронетанковой техники позволил решать задачу по воссозданию с учетом накопленного опыта крупных бронетанковых соединений, «этого требовал и характер проводимых советскими войсками операций». Поэтому с марта 1942 года началось формирование первых четырех танковых корпусов, которые имели в своем составе управление, три танковые и одну мотострелковую бригады. По этому штату в корпусе должно было насчитываться 7800 человек, 168 танков (из них 70 легких), 32 орудия (калибра 45 и 76 мм), 20 зениток (калибра 37 мм), 44 миномета (калибра 82 и 120 мм), в июле к ним добавился гвардейский минометный дивизион в составе 250 человек и 8 реактивных установок, разведывательный и мотоциклетный батальоны. С мая приступили к созданию таких мощных оперативных соединений, как танковые армии смешанного состава: три танковых корпуса, резервная танковая бригада, одна-две стрелковые дивизии, артиллерийские части.

Кроме танковых корпусов и армий, для непосредственной поддержки пехоты формировались отдельные танковые

подразделения и части — батальоны и бригады. Отдельная танковая бригада имела 53 танка и 1038 человек личного состава. Отдельные танковые батальоны создавались двух типов: в составе двадцати девяти танков (девяти средних и двадцати легких) и тридцати шести танков (пять КВ, одиннадцать Т-34, двадцать Т-60). На 1 мая 1942 года в танковых войсках имелось уже 25 танковых корпусов и 114 отдельных бригад.

Неуклонно увеличивалось производство самолетов. В феврале ВВС получили 822 машины, в марте — 1352, в апреле — 1423. В мае было принято решение о ликвидации армейской авиации. [21] Одновременно, в целях более массированного использования авиации, началось формирование первых восьми воздушных армий из фронтовых и резервных соединений, а также Авиации дальнего действия (АДД), подчиненной непосредственно Ставке.

«Все это говорило о создании армии, способной решать крупные боевые задачи… Советские танковые войска, как и вся Красная Армия, готовились к активным боевым действиям», — сообщает история советских танковых войск. Вот именно! Все это говорит о том, что Сталин не намеревался отдавать стратегическую инициативу, более того, он не собирался ждать немецкого удара. Задача оставалась та же: закончить войну в 1942 году.

Никто из советских военачальников в принципе против этого не возражал. Просто каждый командующий хотел, чтобы главный удар наносили именно его войска (это обещало щедрые пополнения, а в случае успеха — славу, чины, ордена), только в этом заключалась суть возникших в Ставке разногласий. Генерал армии Г.К. Жуков предлагал «нанести мощные удары на Западном стратегическом направлении с целью разгрома вяземско-ржевской группировки противника. Эти удары должны были проводиться силами Западного и Калининского фронтов и частично силами Северо-Западного фронта, а также авиацией ПВО Москвы и других фронтов», что явно тянуло не на частную, а на полномасштабную стратегическую операцию. А маршал С.М. Тимошенко обещал не только отнять у немцев Харьков, но и освободить всю Украину. Военный совет Юго-Западного направления докладывал 22 марта:

«Противник доведен активными действиями наших войск до такого состояния, что без притока крупных стратегических резервов и значительного пополнения людьми и материальной частью не способен предпринять операции с решительной целью… войска Юго-Западного направления в период весенне-летней кампании должны стремиться к достижению*основной*

стратегической цели — разгромить противостоящие силы противника и выйти на средний Днепр (Гомель, Киев, Черкассы) и далее на фронт Черкассы, Первомайск, Николаев (курсив наш. — Авт.)». [22]

Сталин отдал предпочтение предложениям Тимошенко и Хрущева, «ручавшимся головой» за успех и достигшим больших, чем Жуков и Конев, успехов в зимнем наступлении. Но Верховный не складывал все яйца в одну корзину.

Харьковская операция, отнюдь не частная, должна была только положить начало разгрому вермахта. Это подтверждает маршал Москаленко:

«…многие из нас предполагали, что Красная Армия уже в состоянии немедленно выбросить захватчиков с советской земли. Предусматриваемая… серия ударов по врагу с целью оттеснить его от Днепра была, несомненно,*задумана как начало изгнания оккупантов с территории нашей Родины (курсив наш. — Авт.)*».

Одновременно последовала бы операция в Крыму, тоже с весьма решительными целями. Войскам Крымского фронта предстояло соединиться с защитниками Севастополя, разбить 11-ю немецкую армию и очистить Крым от противника. Это открывало путь на юг Украины и позволяло ударить навстречу наступающим к Днепру армиям Тимошенко, окружая всю группу армий «Юг». После этого в наступление должны были перейти войска Брянского фронта на Льговско-Курс-ком направлении, а потом настала бы очередь Западного и Калининского фронтов ликвидировать ржевс-ко-вяземскую группировку. В завершение — деблокада Ленинграда и выход Карельского фронта на линию Государственной границы СССР.

Таким образом, действительный замысел советской Ставки на весенне-летнюю кампанию 1942 года состоял в том, «чтобы последовательно осуществить ряд стратегических операций на разных направлениях, чтобы заставить противника распылить свои оезеовы, не лать создать ему сильную группиоовку для отражения наступления ни в одном из пунктов» (Соколов Б. Неизвестный Жуков. Мн., 2000. С. 358). [23] Поэтому имевшиеся в распоряжении Ставки 9 резервных армий были равномерно распределены по всему фронту.

Сталин и его полководцы думали, что Красная Армия теперь достаточно сильна, чтобы разгромить немцев, которые считались уже не способными к проведению крупных операций. В этом убеждали и фантастические цифры вражеских потерь, представляемых Разведуправлением Генштаба, не отставававшим в составлении победных реляций от щербаковского Совинформбюро.

Так, к 1 марта потери вермахта на Восточном фронте с начала войны оценивались в 6,5 млн человек — это больше, чем немцы потеряли за весь период борьбы с Советским Союзом. Вообще за 6 лет Второй мировой войны потери германских вооруженных сил на всех фронтах составили около 6924 тыс. человек. А на 1 марта 1942 года потери сухопутных сил на Восточном фронте достигли лишь 1005,6 тыс., т. е. вшестеро меньше, чем считали Сталин и его Генштаб. Собственные потери они преуменьшали в 2-3 раза. Соотношение сил члены Ставки преувеличивали в свою пользу и сильно переоценивали «организаторские способности начальствующего состава» Красной Армии, «опытность и прозорливость» ее генералов.

Между прочим, в период активной подготовки к реализации этих грандиозных планов президент Рузвельт поставил-таки сам вопрос об открытии второго фронта в Европе. В апреле он пригласил в США министра иностранных дел Молотова для подписания соответствующего договора. Но Сталин не торопился и успех переговоров ставил в зависимость от соглашения с Англией, которая, связанная обязательствами перед Польшей, по-прежнему «отказывается признавать некоторые пункты» относительно западной границы СССР. Вашингтон, в свою очередь, считал противоречащим принципам Атлантической хартии включение в состав Советского Союза государств Прибалтики. По свидетельству И.М. Майского, в апреле Молотова настойчиво звали и в Лондон для завершения затянувшихся переговоров, [24] но «нарком, однако, ответил, что в настоящее время он не может покинуть Москву… Идеи воспринял отказ Молотова довольно болезненно».

У советского руководства были более серьезные дела. 1 мая 1942 года Верховный Главнокомандующий обратился к вооруженным силам с приказом № 130, в котором говорилось:

«Несомненно, прежде всего, что за этот период фашистская Германия и ее армия стали слабее, чем 10 месяцев тому назад… Войне не видно конца, а людские резервы на исходе, нефть на исходе, сырье на исходе. В германском народе все более нарастает сознание неизбежности поражения Германии.

…Что касается немецкой армии, то, несмотря на ее упорство в обороне, она все же стала намного слабее… Ее старые опытные генералы вроде Рейхенау, Браухи-ча, Тодта и других либо убиты Красной Армией, либо разогнаны немецко-фашистской верхушкой. Ее кадровый офицерский состав частью истреблен Красной Армией, частью же разложился в результате грабежей и насилий над гражданским населением. Ее рядовой состав, серьезно ослабленный в ходе операций, получает все меньше

пополнений…

Несомненно, во-вторых, что за истекший период Красная Армия стала организованнее и сильнее, чем в начале войны… Красная Армия добилась перелома в ходе войны и перешла от активной обороны к успешному наступлению на вражеские войска… Все это говорит о том, что Красная Армия стала организованнее и сильнее, ее офицерские кадры закалились в боях, а ее генералы стали опытнее и прозорливее.

Приказываю…*всей Красной Армии добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев (курсив наш.-Авт.)*».

До начала Харьковской операции оставалось 10 дней. С середины мая должен был начаться отсчет «могучим ударам» по «озверелым врагам» и неудержимое движение советских войск к западным границам СССР. Но, по иронии судьбы, именно май ознаменовал собой начало целой серии катастрофических поражений Красной Армии.

Крупной неудачей обернулась Ржевско-Вяземская операция Калининского и Западного фронтов, в Мясном Бору началась агония 2-й ударной армии, войска Крымского фронта почти полностью были уничтожены стремительным контрнаступлением Манштейна. Войска Юго-Западного фронта, наступая на Харьков, сами залезли в мешок как раз тогда, когда немцы стремились его ликвидировать. Все это создало благоприятные условия для стратегического летнего наступления вермахта на Южном направлении.

Пришлось товарищу Молотову срочно собирать чемодан, садиться в стратегический бомбардировщик и лететь на поклон к капиталистическим дядям…

Германское планирование

Поражение под Москвой действительно потрясло Гитлера. Еще бы, стратегия блицкрига потерпела крах, парад на Красной площади откладывался на неопределенное время. Но вождь, априори, не может ошибаться. Поэтому были определены виновные — «стихийные силы природы» и генералы, «постоянно встревавшие» в гениальные планы фюрера.

Генерал— фельдмаршала Браухича пришлось отправить в отставку. Непосредственное руководство сухопутными силами

Гитлер взял на себя.

«Последствия этого решения, — по мнению Типпельскирха, — оказались гибельными для дальнейшего ведения войны и для самой сухопутной армии. Однако в тот момент решение Гитлера было единственно возможным и обещало успех. Он привел армию к Москве, он один обладал силой внушения, необходимой, чтобы воодушевить армию. [26] Он пользовался полным доверием войск. Поэтому его решение вызвало энтузиазм. Даже те представители высшего командования, которые критически относились к его руководству прошедшими операциями, понимали моральное значение этого решения Гитлера».

Первым делом фюрер отдал приказ о запрещении всякого самовольного отхода. Он тоже помнил историю великой армии Наполеона и больше всего опасался, что войска вермахта, ни материально, ни психологически не подготовленные к боевым действиям в суровых зимних условиях и разочарованные в обещанном им быстром окончании войны, сломаются физически и морально — тогда их будет уже не остановить, отступление превратится в бегство, фронт окончательно рухнет. Позднее фюрер признался маршалу Антонеску, что вооруженные силы находились на краю «наполеоновской катастрофы». В этих условиях «стоп-приказ» Гитлера, с тактической точки зрения примитивный и негибкий (как и сталинский «Ни шагу назад!»), по общему признанию, сыграл положительную роль: Восточный фронт устоял. Благодаря жестким мерам, фюреру удалось «предотвратить превращение оперативной неудачи в моральное поражение», а немецкий солдат

«после всех совершенных им героических усилий, после испытаний, выдержанных в обстановке, противоречащей всяким тактическим принципам, и после успешного отражения натиска противника… проникся верой в самого себя и в превосходство своего командования…».

Одним словом, с кризисом под Москвой Гитлер справился. Его личная репутация как «величайшего полководца всех времен» (все диктаторы — непременно великие полководцы) осталась незапятнанной. Правда, от всех этих хлопот «аккумулятор германского народа» заработал идиосинкразию. «У него физическое отвращение к снегу и морозу», — отметил в своем дневнике доктор Геббельс.

Неудачи в России не проникли глубоко в сознание немцев еще и потому, что с декабря 1941 года начались крупные успехи японцев на Тихоокеанском театре военных действий, выдвигаемые на первый план министерством пропаганды. [27] На

радостях Гитлер и Муссолини тоже объявили войну Америке, хотя «стальной пакт» их к этому и не обязывал. Возможно, фюрер лелеял надежду на то, что японцы в качестве ответного жеста выступят против СССР, но те предпочли отделаться выражениями благодарности. Тем не менее вступление Японии в войну оказало Германии большую психологическую поддержку и имело важное военное значение. Считалось, что Соединенные Штаты теперь надолго будут отвлечены собственными проблемами и не смогут оказывать существенной помощи Великобритании и Советскому Союзу, что, в свою очередь, отдаляло решение вопроса об открытии второго фронта в Европе.

Одним словом, немцам казалось, что у них еще есть время для окончательного решения русского вопроса. С другой стороны, решение этого вопроса именно в 1942 году стало насущно необходимым, ибо теперь странам «Оси»{1}и их союзникам противостояло 75% населения, промышленности и сырья всего мира. Гитлер понимал, что это последняя возможность Германии выиграть войну, далее поражение Третьего рейха просчитывалось чисто арифметически.

Поэтому еще в то время, когда немецкие войска из последних сил отбивали наступление русских, фюрер занялся разработкой планов летней кампании. На этот раз было ясно, что для достижения победы над Советским Союзом путем одновременного наступления на трех основных стратегических направлениях сил не хватит. Сводка германской армии от 30 марта 1942 года показывала, насколько дорогую цену пришлось заплатить за зимние бои. Из 162 действовавших на Восточном фронте дивизий только 8 были пригодны для наступательных действий, еще 50 дивизий могли пойти в бой после краткосрочного доукомплектована, основная масса могла использоваться только для оборонительных целей. В 16 танковых дивизиях осталось всего 140 исправных танков. [28]

Провал «молниеносной войны» поставил Германию перед перспективой войны затяжной, требующей колоссальных средств, материальных и людских ресурсов. К такой войне не были подготовлены ни вооруженные силы, ни экономика. Разрыв между постоянно растущими потребностями фронта и ресурсами страны, а также состоянием военного производства все более увеличивался. Ранее установленный уровень выпуска военной продукции не соответствовал масштабам разворачивающихся военных действий и не покрывал расходов вермахта.

10 января 1942 года Гитлер распорядился о перестройке промышленности на военные нужды. Два с половиной года он не решался пойти на этот шаг — производить пушки вместо масла,

стремясь минимизировать в глазах нации тяготы войны. Более того, совсем недавно им было принято решение о сокращении сухопутной армии, производства вооружений и боеприпасов. После Московской битвы и вступления в войну США положение круто изменилось, настало время поделить «тяготы» с народом:

«Современный ход тотальной войны, в которой немецкий народ ведет борьбу за свое существование, властно требует использования всех имеющихся сил для вермахта и военного производства».

То, что Сталин уже заканчивал, фюрер только начинал. Если летом 1942 года германская промышленность добилась выпуска 500 танков ежемесячно, то советская уже выдавала 2000 машин.

Что касается людских ресурсов, генерал Мюллер-Гиллебранд пишет:

«Потери в личном составе оставались столь высокими, что они уже не могли более восполняться. Недостаток бойцов стал тяжелейшей организационной проблемой, которая так и не была решена до конца войны». [29]

Но Гитлер старался убедить себя, что и на этот раз он одолеет судьбу.

Генерал— фельдмаршал Кюхлер, сменивший Лееба на посту командующего группы армий «Север», предлагал первоначально осуществить наступление на северном участке с целью овладения Ленинградом. Гальдер продолжал считать решающим Центральное направление и рекомендовал нанести главный удар на Москву. Фюрер рассмотрел все эти предложения и решил начать кампанию большим наступлением на юге, а затем, по мере высвобождения сил, наносить удары и на других направлениях.

28 марта 1942 года в ставке Гитлера состоялось совещание, на котором был окончательно принят план летнего наступления. Присутствовавший при этом генерал Варлимонт впоследствии писал:

«…Гитлер, невзирая на постигшие немцев неудачи, вновь возвратился к своей основной идее, которой он придерживался в декабре 1940-го и летом 1941 года. Он снова хотел сосредоточить основные силы на крайних флангах широко растянутого фронта… *Москва как цель наступления пока совершенно отпадала (курсив наш. — Авт.)*».

На севере следовало взять Ленинград, чтобы установить наконец связь с финнами по суше. На южном крыле Восточного фронта намечалось нанести противнику сокрушительные удары, захватить индустриальный Донецкий бассейн, нефтеносные районы на Кавказе, пшеничные поля Кубани, овладеть Сталинградом и лишить Советский Союз жизненно необходимых

для ведения войны «важнейших военно-экономических центров». Считалось, что в случае успеха никакая американская помощь не сможет возместить Сталину потерянного. Германия соответственно приобретет источники стратегического Сырья для продолжения войны. Заместитель начальника генерального штаба ОКВ{2}Гюнтер Блюментрит по этому поводу вспоминал: [30]

«Промышленно-экономические круги в Германии оказывали сильное давление на военных, доказывая важность продолжения наступательных операций. Они говорили Гитлеру, что не смогут продолжать войну без кавказской нефти и украинской пшеницы».

Как видим, альтернатив у фюрера было немного.

Одновременно с решением задачи экономического ослабления СССР, следовало нанести ему и максимальное военное поражение, «чтобы окончательно уничтожить оставшиеся в распоряжении Советов силы». На последний момент обращалось особое внимание:

«Необходимо избегать того, чтобы в результате слишком позднего подхода войск, предназначенных для окружения, противник получил возможность избежать этого окружения».

В дальнейшем Гитлер предполагал создать на востоке «восточный вал» — гигантскую оборонительную линию, чтобы затем повернуть на юг и через Ближний Восток нанести удар по Англии. Геббельс писал, что с Россией дело может дойти до Столетней войны, которая не будет доставлять Германии никаких хлопот. Мысленно фюрер уже устремлялся к Индии и странам Персидского залива, предусмотрительно приказав увеличить производство вооружения и снаряжения для действий в тропиках из расчета на 7 дивизий.

В соответствии с принятым решением, 5 апреля 1942 года была издана директива «фюрера и верховного главнокомандующего» № 41. Согласно этому документу, основной комплекс операций кампании слагался из ряда последовательных дополнявших друг друга глубоких ударов. Целью первого из них являлся прорыв на Воронеж, откуда танковые и моторизованные соединения должны были повернуть на юг и, во взаимодействии с войсками, наступающими от Харькова, уничтожить силы Красной Армии между Донцом и Доном. Затем следовало наступление двумя группировками на Сталинград с взятием противника в клещи с северо-запада (вниз по течению Дона) и с юго-запада (вверх по течению Дона). [31] И наконец, поворот на Кавказ — к вожделенной нефти и маячившим на горизонте «индиям». Таким образом, основная задача кампании состояла в завоевании Кавказа с его нефтяными промыслами. Но сначала две группы армий должны были путем

глубоких охватов уничтожить главные силы Красной Армии в районе западнее Сталингоада.

* * *

Весной 1942 года количество немецких дивизий на Восточном фронте возросло до 183, а на юге — до 68. Для восполнения потерь части получили около миллиона не имевших боевого опыта новобранцев. 31 марта фельдмаршал Кейтель отдал приказ о том, что добровольцы по достижении 17 лет могут призываться в вермахт или войска СС без согласия родителей. После чего почти все пехотные дивизии группы армий «Юг» были укомплектованы до полного штата. Здесь же сосредоточивалось около 50% имевшихся в наличии танковых и моторизованных соединений. Поскольку танковые и моторизованные дивизии предназначались для ведения наступления на решающих направлениях, их боеспособность была доведена до максимального уровня.

В танковых дивизиях танковые полки перешли на 3-батальонную организацию. В каждом батальоне имелось по две роты легких танков и одной роте средних. Эти танковые полки были укомплектованы полностью. Боевую мощь основных танков T-IIIи T-IVзначительно увеличило оснащение их длинноствольными пушками. Моторизованная бригада была усилена ротой 20-мм самоходных установок, а дивизионная артиллерия — зенитным дивизионом. Разведывательные батальоны расформировывались, но мотоциклетному батальону придавалась рота разведывательных танков.

Моторизованные дивизии впервые получили в штат один танковый батальон, состоявший из двух рот легких и роты средних танков. Разведбат также подвергся расформированию, а мотоциклетный батальон обзавелся ротой разведывательных танков. [32] Усилилась зенитная артиллерия, а в истребительно-противотанковых дивизионах две роты были оснащены русскими «трофеями» — 76,2-мм пушками на самоходных лафетах.

В среднем в танковой дивизии имелось около 130 танков, в моторизованной — свыше 50. Таким образом, танковые дивизии были примерно равноценны дивизиям образца 1941 года, а моторизованные повысили свою боевую мощь.

Пехота получила на вооружение новые 75-мм противотанковые пушки, но, ввиду невосполнимых потерь в

автотранспорте, стала менее подвижной. Примерно 30% артиллерии составляли орудия устаревших образцов.

Группы армий «Центр» и «Север», остававшиеся в обороне, пополнялись во «вторую очередь». Невозможность доукомплектовать их личным составом и техникой вынудила сократить здесь штатную организацию пехотных дивизий на одну треть. Танковые дивизии имели только по одному танковому батальону — 60-70 машин. Чтобы обеспечить хотя бы 85% первоначальной мобильности группы армий «Юг», все соединения двух других групп пришлось демоторизо-вать.

Численность самолетов уменьшилась по сравнению с маем 1941 года, а количество боеспособных машин составляло в среднем 50-60% от фактического наличия.

«После провала „воздушной битвы за Англию“, — пишет Мюллер-Гиллебранд, — авиация западных противников Германии смогла сравняться силами с люфтваффе. Германские военно-воздушные силы во все возрастающей степени сковывались обороной имперской территории и участием в боях на других театрах военных действий на Севере и Средиземноморье… Вследствие этого сухопутные силы должны были учитывать, что поддержка их со стороны ВВС и зенитных частей будет уменьшена…» [33]

В целом, по общему мнению (это мнение и самих немцев), в преддверии новой летней кампании германская армия выглядела слабее, чем год назад, ей не удалось восстановить былой боеспособности ни в количественном, ни в качественном отношении. Общий недокомлект личного состава на советско-германском фронте составлял в мае 1942 года 650 тыс. человек, остро ощущалась нехватка офицеров и унтер-офицеров. Если действующая армия на Восточном фронте увеличилась на 29 дивизий, то численность личного состава по сравнению с июнем 1941 года уменьшилась на 359 тыс. человек.

Для восполнения людских ресурсов ОКВ обратилось за помощью к союзникам Германии. Кейтель спешно направился в вояж в Будапешт и Бухарест, чтобы набрать венгерских и румынских солдат. Геринг, а потом и сам Гитлер обратились к Муссолини. Переговоры увенчались успехом, фюрер получил обещания направить на русский фронт дополнительное количество пушечного мяса. Для летнего наступления немцы рассчитывали иметь 52 союзнические дивизии: 27 румынских, 13 венгерских, 9 итальянских, 2 словацких и 1 испанскую. Это составляло четвертую часть объединенных сил держав «Оси» на Востоке. Половина этих соединений должна была усилить южный фланг фронта, где предстояло наносить главный удар. Задача

союзников состояла в прикрытии в ходе наступления его северного фланга, глубина которого должна была все более увеличиваться по мере продвижения на восток. Офицеры и солдаты вермахта относились к союзникам с презрением и не рассчитывали на серьезную помощь с их стороны. Все они разделяли мнение фельдмаршала фон Рунштедта, который заявил:

«Румынские офицеры и нижние чины не выдерживают никакой критики; итальянцы просто ужасны, а венгры только и мечтают, как бы поскорее убраться домой».

Боеспособность этих войск была ниже боеспособности немецких дивизий, но германское командование дорожило любой помощью. Правда, планировалось, что весь обещанный контингент полностью прибудет в Россию лишь к началу осени. [33]

К маю 1942 года, если верить официальной «Истории Второй мировой войны», Германия и ее союзники имели на советско-германском фронте 217 дивизий и 20 бригад — 6198 тыс. человек (цифра явно завышена миллиона на полтора; кроме того, около 300 тыс. военнослужащих были задействованы для поддержания порядка на оккупированных территориях), 56941 орудие и миномет (свои 50-мм минометы мы не считаем, у противника, конечно же, учитываем, хотя в справочниках пишем, что «наши превосходили»), 3229 танков и штурмовых орудий (танков у Красной Армии всегда было больше, поэтому советские маршалы предусмотрительно сообщают, что «значительная часть нашего бронетанкового парка по своим боевым качествам уступала немецким»; мы в ответ можем смело сказать, что значительная часть нашего бронетанкового парка по боевым качествам превосходила абсолютно все, что имели немцы, а вот качество нашего «генеральского парка» — да, оставляло желать…), 3395 боевых самолетов (из них 2815 машин люфтваффе и 580 итальянских, финских и прочих союзников).

Операция «Блау» должна была начаться в июне. До этого с целью создания благоприятных условий предполагалось провести наступательные операции с ограниченной целью — в Крыму и на Изюмском направлении. Советское руководство своей самоуверенной стратегией в какой-то мере само облегчило противнику выполнение этой задачи.

* * *

«Ржавая и разболтанная» военная машина Гитлера, с ее (опять же по сталинскому определению) «дефективной стратегией» и «шаблонной тактикой», вновь сумела использовать и «момент внезапности», и другие «моменты» и поставить Советский Союз буквально на край гибели. [35] Немецкие солдаты вышли к Волге и поднялись на вершины Кавказа, германский адмирал уже готовился принять командование Каспийской флотилией, а корпус «Ф» — совершить бросок на Багдад…

Гроза двенадцатого года
Настала— кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?
Но бог помог…

На Московском направлении

Решение Ставки продолжать операцию без паузы имело все признаки того огульного наступления, которое Сталин сам раскритиковал в 1929 году. Он говорил тогда: «…Не бывало и не может быть успешного наступления без перегруппировки сил в ходе самого наступления, без закрепления захваченных позиций и доведения до конца наступления. При огульном продвижении, то есть без соблюдения этих условий, наступление должно неминуемо выдохнуться и провалиться. Огульное продвижение вперед есть смерть для наступления». Сделавшись Верховным Главнокомандующим, Сталин сам забыл то, чему поучал.

Генерал— полковник П. А. Белов

В соответствии с решением Ставки от 5 января 1942 года, без какой-либо оперативной паузы (чтобы не «дать немцам передышки») началось зимнее наступление Красной Армии. Главной советской военной операцией стало стратегическое наступление на Московском направлении с целью полного разгрома германской группы армий «Центр» на Ржевско-Вяземском плацдарме. [36]

Замысел операции заключался в том, чтобы охватывающими ударами войск Калининского фронта из района северо-западнее Ржева на Сычевку, Вязьму и войск левого крыла Западного фронта из района Калуги в направлении Юхнов, Вязьма с одновременным наступлением остальных сил Западного фронта на Сычевку и Гжатск окружить, расчленить и уничтожить основные силы генерал-фельдмаршала Понтера фон Клюге.

С целью содействия Коневу и Жукову в выполнении столь грандиозной задачи Северо-Западный фронт генерал-лейтенанта П.А. Курочкина должен был организовать наступление двумя армиями левого крыла из района Осташкова в направлении Торопец, Велиж, Рудня. Брянский фронт генерал-полковника Я.Т. Черевиченко в полном составе — 61, 3 и 13-я армии — наносил удары на Волховском и Орловском направлениях, с тем чтобы сковать находившиеся здесь войска противника и обеспечить с юга наступление войск Западного фронта.

Таким образом, успех операции должны были обеспечить скоординированные действия четырех фронтов — семнадцати армий, в которых насчитывалось полтора миллиона бойцов и командиров. Из них более миллиона человек, сколоченных в 77 стрелковых, 17 кавалерийских и 1 танковую дивизию, 26

стрелковых, 18 танковых и 2 воздушно-десантные бригады, находились в составе наступавших на главном направлении Калининского и Западного фронтов. Войска пополнялись людьми и техникой.

В своем резерве, с учетом Московской зоны обороны, Ставка ВГК имела еще 14 дивизий и 7 стрелковых бригад, а во внутренних округах продолжалось формирование новых соединений. [37] Кроме того, советское высшее руководство считало, что германские войска, деморализованные поражением под Москвой и плохо подготовленные к боевым действиям в зимних условиях, не смогут оказать достаточно серьезного сопротивления по крайней мере до тех пор, пока не будут восполнены понесенные ими серьезные потери.

Группа армий «Центр» по-прежнему оставалась самой сильной из германских гупп армий. В нее входили 9,4 и 2-я полевые, 3-я и 4-я танковые армии — всего 49 пехотных, 14 танковых, 8 моторизованных, 3 охранные дивизии и 3 бригады.

Однако эта же группа понесла и наибольшие потери в безуспешной попытке взять Москву. Германские войска были измотаны, утратили значительное количество тяжелого вооружения, танков и другой техники. В начале января 1942 года во многих пехотных батальонах насчитывалось по 90-100 человек, в батареях по 1-2 орудия, в танковых дивизиях по 10-14 танков.

Немцы спешно укрепляли рубежи обороны на реках Лама, Руза, Нара и в тылу, перебрасывали войска и технику на Московское направление из 1ермании и с менее активных участков. Сплошной линии фронта не было. Немецкая оборона представляла собой систему отдельных опорных пунктов, узлов сопротивления и небольших гарнизонов в населенных пунктах, перекрывавших пути возможного движения советских войск и узлы дорог. Подходы к деревням и поселкам прикрывались минными полями. Прочности такой оборонительной системы способствовал глубокий снег, исключавший продвижение по целине крупных соединений и техники.

Перед войсками вермахта ставилась единственная задача: стоять насмерть, любой ценой удерживать треугольник Ржев, Брянск, Смоленск. В директиве командования указывалось: [38]

«Недопустимо никакое значительное отступление, так как оно приведет к полной потере тяжелого вооружения и материальной части. Командующие армиями, командиры соединений и все офицеры… должны заставить войска с фанатичным упорством оборонять занимаемые позиции, не обращая внимания на противника, прорвавшегося на флангах и в тыл наших войск. Только такой метод ведения боевых действий

позволит выиграть время, которое необходимо, чтобы перебросить подкрепления с родины и с запада».

* * *

В начале января Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин написал инструкцию по ведению наступательных действий, в которой постарался в доступной форме разъяснить своему генералитету положения теории глубокой операции и некоторые принципы военного искусства. Это сочинение было оформлено как директивное письмо Ставки от 10 января 1942 года и передано по телеграфу всем фронтам и армиям. В письме командующим «открывались глаза» (они сами так утверждают в своих мемуарах) на довольно тривиальные вещи: прорыв вражеской обороны надо производить мощными ударными группами на узких участках, на их поддержку следует бросать все силы и средства, артиллерии надлежит непрерывно сопровождать и оказывать содействие наступающим войскам на поле боя.

«Наступление может дать должный эффект лишь в том случае, если мы создадим на одном из участков фронта большой перевес сил над силами противника, — наставлял „корифей всех наук“ своих нерадивых учеников. — А для этого необходимо, чтобы в каждой армии, ставящей себе задачу прорыва обороны противника, была создана ударная группа в виде трех или четырех дивизий, сосредоточенных Для уцара на определенном участке фронта. В этом первейшая задача командования армии, ибо только таким образом можно обеспечить решительный перевес сил и успех прорыва обороны противника на определенном участке фронта…

Что требуется для того, чтобы обеспечить прорыв оборонительной линии противника на всю ее глубину? Для этого требуется по крайней мере два условия: во-первых, нужно заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенными цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенных в одном направлении, и во-вторых, необходимо заменить так называемую артиллерийскую подготовку артиллерийским наступлением… Что это значит?

Это означает, во-первых, что артиллерия не может ограничиваться разовыми действиями в течение часа или двух часов перед наступлением, а должна наступать вместе с пехотой, должна вести огонь при небольших перерывах за все время

наступления, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю ее глубину.

Это означает, во-вторых, что пехота должна наступать не после прекращения огня, как это имеет место при так называемой «артиллерийской подготовке», а вместе с наступлением артиллерии, под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской музыки.

Это означает, в-третьих, что артиллерия должна действовать не вразброс, а сосредоточенно, и она должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе действия ударной группы армии, фронта, и только в этом районе, ибо без этого условия немыслимо артиллерийское наступление».

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что до исторического письма, «принципы которого легли в основу организации и проведения наступательных операций в Великой Отечественной войне», руководящий состав Красной Армии об этих премудростях военной профессии имел весьма смутное представление и все делал с точностью до наоборот. Впрочем, и после — тоже. [40]

Торопецко-Холмская операция

В результате контрнаступления под Москвой войска Калининского и левого крыла Северо-Западного фронтов охватили основные силы группы армий «Центр» с севера, что создавало благоприятные условия для нанесения удара с этого направления в глубокий тыл противника. Согласно указаниям Верховного Главнокомандующего, наступать должны были абсолютно все. Поэтому генерал Курочкин одним крылом своего фронта готовился окружить и разгромить демянскую группировку противника, а левым флангом должен был провести наступательную операцию для содействия армиям генерала Конева.

Замысел операции заключался в том, чтобы силами 3-й и 4-й ударных армий, имевших в своем составе 8 дивизий, 10 бригад, 13 лыжных и 4 танковых батальонов, нанести удары из района Осташкова на Андреанополь, Торопец, Велиж, Руцня, разгромить противника и в дальнейшем, развивая успех на Юго-Западном направлении и перерезая тыловые коммуникации, обойти с запада ржевско-вяземскую группировку и уничтожить ее во взаимодействии с войсками Калининского и Западного фронтов.

Для обеспечения главного удара с севера часть сил 34-й армии должна была атаковать Ватолино.

Ударные армии в Красной Армии начали формировать в ноябре 1941 года. Эти оперативные объединения предназначались для разгрома группировок противника на важнейших направлениях и по сравнению с обычными общевойсковыми армиями, как правило, имели больше танков и артиллерии. Личный состав ударных армий по своему положению приравнивался к гвардии, получал повышенные денежные оклады, имел право возвращения в свою часть после ранения и другие льготы.

Свежая 3— я ударная армия, которой командовал генерал-лейтенант М.А. Пуркаев, формировалась в резерве Ставки в конце декабря путем преобразования 60-й резервной. [41] В состав армии входили 23, 33 и 257-я стрелковые дивизии, 20, 27, 31, 42, 45 и 54-я стрелковые бригады, усиленные двумя артполками РГК, тремя дивизионами гвардейских минометов, двумя танковыми, шестью лыжными, четырьмя саперными, одним инженерным батальоном. Всего в армии насчитывалось: 51500 человек, 35 танков, 142 орудия, 347 минометов. Войска Пуркаева должны были наступать почти строго на запад, на Холм, с последующим поворотом на Великие Луки.

4— я ударная, также сформированная в декабре на базе 27-й армии, имела в своем составе 249, 332, 334, 358 и 360-ю стрелковые дивизии, 21, 39, 48 и 51-ю стрелковые бригады, 2 танковых батальона, 2 дивизиона РС, 2 артполка РГК. Армии предстояло наступать на юго-запад, вдоль железной дороги Пено-Андреа-поль — Торопец — Великие Луки с поворотом на юг, перерезая тыловые коммуникации группы армий «Центр». Командармом был назначен бывший командующий Брянским фронтом, специалист по нанесению ударов «перевернутым фронтом», обещавший в сентябре 1941 года разгромить «подлеца Гудериана» и сам месяц спустя разбитый им вдребезги, генерал-полковник А.И. Еременко. Ну да за одного битого двух небитых дают.

Главный артиллерист армии генерал Н.М. Хлебников оставил о Еременко самые хвалебные отзывы:

«Слышал о нем как о горячем человеке, инициативном, любившем первым наносить врагу удар, далее если он обладал значительным превосходством в силах и средствах. Неудивительно поэтому, что Верховный Главнокомандующий В.И. Сталин называл его „драчливым генералом“ и часто посылал его в самые горячие места».

Однако есть по поводу этого прозвища и другие версии.

Андрей Иванович слыл известным мордобойцем, любителем, так сказать, кулачного воспитания подчиненных. Вот, к примеру, жалоба члена Военного совета 13-й армии секретаря ЦК Компартии Белоруссии Ганенко на имя Сталина: [42]

«Находясь на передовой линии фронта истекшей ночью, я с генералом Ефремовым вернулись в опергруппу штабарма для разработки приказа о наступлении. Сюда прибыл командующий фронтом Еременко с членом Военного совета Мазеповым, при них разыгралась следующая сцена: Еременко, не спросив ни о чем, начал упрекать Военный совет в трусости и предательстве Родины, на мои замечания, что бросать такие тяжелые обвинения не следует, Еременко бросился на меня с кулаками и несколько раз ударил по лицу, угрожал расстрелом. Я заявил — расстрелять он может, но унижать достоинство коммуниста и депутата Верховного Совета он не имеет права. Тогда Еременко вынул маузер, но вмешательство Ефремова помешало ему произвести выстрел. После этого он стал угрожать расстрелом Ефремову. На протяжении всей этой безобразной сцены Еременко истерически выкрикивал ругательства, несколько остыв, Еременко стал хвастать, что он, якобы с одобрения Сталина, избил несколько командиров корпусов, а одному разбил голову. Сев за стол ужинать, Еременко заставлял пить с ним водку Ефремова, а когда последний отказался, с ругательством стал кричать, что Ефремов к нему в оппозиции и быть у него заместителем больше не может, тем более что он не может бить в морду командиров соединений».

Да уж, «горячим» и «инициативным» человеком был генерал Еременко. Депутат и секретарь ЦК в этом эпизоде тоже хорош! Помнится мне, генерал Гудериан за резкое слово в свой адрес вызвал на дуэль фельдмаршала Клюге — самому Гитлеру пришлось разнимать. Но в Красной Армии давно искоренили все эти аристократические выкрутасы, все по уставу: дали в морду — можешь жаловаться по инстанции.

Общая численность ударной группировки Северо-Западного фронта составляла 122100 человек, более 1000 орудий и минометов, 97 танков. По мнению генерала Е.Г. Семенова: [43]

«Дивизии… были сколочены, хорошо управляемы и полностью укомплектованы личным составом и вооружением. Силы по тому времени были немалые».

Воздушную поддержку обеспечивали две смешанные авиадивизии ВВС фронта и армейская авиация.

У немцев в районе предстоящих действий проходила разграничительная линия между группами «Север» и «Центр». В районе Демянска размещались 5 дивизий 2-го армейского

корпуса из состава 16-й армии генерала Буша — против них готовилась отдельная операция; еще 3 дивизии находились в районе Селижарово. Промежуток между этими двумя группами прикрывали лишь 123-я пехотная дивизия и кавб-ригада СС. Резервы силою до двух полков были расположены в районе Андреаполь, Величко. На участке от Залесья до Селища, где намечался удар двух советских армий, немцы имели наименьшую плотность сил, а всего на фронте около 100 км они могли противопоставить войскам Пуркаева и Еременко чуть более трех дивизий и 150 орудий.

Широких наступательных действий Красной Армии на этом второстепенном направлении противник не ожидал. Он в принципе считал невозможным действия крупных масс в этом районе. Условия для наступления действительно были очень тяжелыми. Леса, болота со множеством больших и малых озер занимали девять десятых площади. Дорожная сеть была развита очень слабо; далее летом маневрирование здесь войсками являлось крайне проблематичным делом. А в январе 1942 года среднесуточная температура воздуха достигала минус 35-40 градусов, морозы перемежались обильными снегопадами, глубина снежного покрова составляла 70-100 см, почти полностью исключая передвижение войск, особенно техники, вне дорог.

Наиболее ценными спецподразделениями в таких условиях являлись лыжные батальоны, которых у немцев не было. Однако в силу специфического «рассейс-ко-огульного» подхода к их формированию фронтовые командиры с удивлением порой узнавали, что прибывший в их распоряжение батальон лыжников состоит сплошь из чистокровных азиатов, лыж никогда в жизни не видевших. [44] Вот и в 4-йударной: «…лыжный батальон прибыл без лыж, растеряв их по дороге». На соседнем фронте генерал Ф.И. Голиков тоже получил пять лыжных батальонов, но «ходить и вести бой на лыжах они не умели».

Другой проблемой выступала косность мышления советского высшего генералитета, стремившегося наступать везде и сразу, что приводило к равномерному распылению сил и средств по всему фронту. Так, командующий 4-й ударной армией предложил прикрыть второстепенные участки небольшими заслонами, а максимум сил и средств, глубоко их эшелонировав, бросить на Пено — Андреаполь — Торопец. С одной стороны, здесь пролегала единственная большая дорога, к тому же расчищенная противником, с другой — такое построение армии позволяло постоянно наращивать удар за счет выдвигаемых из глубины вторых эшелонов и резервов: Еременко уже имел горький опыт

командования фронтом, когда германские ударные группировки легко разрезали его растянутую в нитку оборону.

Однако генерал Курочкин и представитель Ставки Н.А. Булганин раскритиковали план командарма в пух и прах и предложили ему нанести вспомогательный удар в направлении озера Вселуг с целью обеспечить стык с соседом справа и «воспретить противнику возможность маневра». Удар должна была наносить 360-я стрелковая дивизия, с 51-й стрелковой бригадой во втором эшелоне, с танковым батальном, тяжелой артиллерией и дивизионом РС, — почти четверть наличных сил 4-й ударной армии.

Все эти соединения и части направлялись по бездорожью и глубоким снегам в лесные дебри (в прямом смысле слова, поскольку маршрут пролегал через заповедную зону, где не имелось даже просек), полностью изолируясь от главных сил. [45] Для связи между правым флангом и центром выделялась 48-я стрелковая бригада с двумя лыжными батальонами. На основное направление Пено — Андреаполь выдвигались 249-я и 332-я стрелковые дивизии и 39-я бригада, 1 танковый и 3 лыжных батальона. Левее действовала 334-я стрелковая дивизия, позади нее уступом влево должна была двигаться 21-я стрелковая бригада, обеспечивавшая стык с соседней 22-й армией Калининского фронта. Столь же равномерно распределялась артиллерия, в результате чего ее плотность не превышала 30 стволов на километр фронта.

Еременко прямо назвал такой подход оперативной «скудостью» командования фронта, а генерал Хлебников счел нужным дать следующие разъяснения:

«Теоретически, в принципе, все были согласны с тем, что решительное превосходство над противником, созданное на решающем участке, обеспечивает успех наступления (по сути, эту теорему доказал на практике фиванский полководец Эпаминонд в 371 году до нашей эры; слыхал ли „государственный и военный деятель“ и будущий министр обороны Булганин такую „фамилию“? — *Авт.)*. Однако на практике, под влиянием разного рода обстоятельств, данная аксиома военного искусства соблюдалась далеко не всегда (вроде бы знают, что это — аксиома, но нет, надо бы еще «опыт» поставить над собственными войсками. — *Авт.)*. Поэтому случалось, что хорошо задуманный глубокий удар превращался в ряд фронтальных атак, которые лишь «выталкивали» противника, не приводя к его окружению и уничтожению».

В связи с трудностями сосредоточения войск, которое производилось в сложных погодных условиях в ночное время,

начало операции несколько раз откладывалось. Единственная железная дорога с перевозками не справлялась, а в 40 км перед Осташковым была уничтожена немцами. Далее стрелковые подразделения доставлялись на исходные рубежи автотранспортом, лыжные батальоны шли своим ходом. Некоторые части прибыли уже после начала наступления. [46] Еще хуже обстояли дела с материальным обеспечением, особенно с горючим и продовольствием. 8 января в «Журнале боевых действий войск 4-й ударной армии» появилась запись:

«В 360— й стрелковой дивизии на 9 января 1942 года продовольствия нет».

Такая же помета сделана ив отношении 322-й дивизии. В соседней 3-й ударной положение было еще хуже, так как она снабжалась со складов армии Еременко.

На полном серьезе командарм рассказывает, как он «тренировал» войска к боям в суровых условиях: в период сосредоточения полуголодные дивизии «…по трое-четверо суток подряд не заходили в населенные пункты, чтобы приучить личный состав действовать и жить в лесу при низких температурах (!)» — этакая школа выживания. Политработники на 30-градусном морозе внушали бойцам наступательный дух и учили их строить шалаши, «утепляя их еловым лапником».

В общем, по послевоенному признанию маршала Еременко, в материально-техническом отношении его армия к операции оказалась неподготовленной:

«В войсках и на складах имелось всего 2,5 боекомплекта боеприпасов, 1-1,5 суточной дачи продовольствия и фуража. Бензина на армейских складах не было совсем, и в баках машин оставалось в среднем 0,5 заправки. Тем не менее основные условия для успеха имелись: определённая степень материального обеспечения (см. выше. — *Авт.)*, высокий моральный дух войск (трое суток ночевавших в сугробах и шалашах тренировки ради. — *Авт.)*, в целом верно разработанный и доведенный до непосредственных исполнителей план действий».

* * *

Утром 9 января армии левого крыла Северо-Западного фронта, не завтракавши, но «с большим подъемом», перешли в общее наступление. В полосе 3-й ударной армии главный удар в

центре наносили 33-я и 257-я стрелковые дивизии. [47] Им противостояли подразделения 415-го пехотного полка 123-й дивизии, усиленные охранным батальоном. Из-за низкой плотности артиллерии и плохой разведки полностью подавить огневую систему противника не удалось. Советские соединения, встретив на ряде участков организованное сопротивление, ввязались в фронтальные затяжные бои с мелкими гарнизонами. Вместо того чтобы использовать незанятые промежутки для обхода опорных пунктов врага, дивизии штурмовали их непрерывными лобовыми атаками. В результате задень войска продвинулись вперед всего на 4-5 км. Генерал Пуркаев, неудовлетворенный темпами наступления, подгонял своих комдивов привычными большевистскими методами:

«…слушайте задачу… Генерал Пуркаев назвал рубеж, на который должны выйти части нашей дивизии завтра к вечеру. Передайте товарищам Мака-рьеву (комдив-33. — *Авт.)*и Лыткину (комиссар. — *Авт.)*, — добавил командарм, — что за невыполнение задачи они пойдут под суд военного трибунала».

Лишь 12 января 3-я ударная армия прорвала тактическую оборону противника, углубившись в его расположение на 20-25 км. Немцы во всей полосе начали отход в юго-западном направлении. Отсутствие дорог и глубокий снег замедляли продвижение советских войск, особенно артиллериии и танков, усложняли работу тылов. Тем не менее темп наступления вырос. Ударные 33-я и 257-я дивизии 14 января вышли на дорогу Молтовицы — Холм, которую немцы поддерживали в хорошем состоянии, и через двое суток, почти не встречая организованного сопротивления, достигли рубежа Красный Клин, озеро Волкота, в 20-25 км вос-точнее Холма. Правда, к этому времени из-за отсутствия горючего отстали 146-й танковый батальон, 106-й дивизион РС и артполки усиления. Ухудшилось положение с подвозом продовольствия и боеприпасов. На правом фланге удалось пройти до 40 км, затем советские соединения втянулись здесь в затяжные бои за укрепленные пункты Ватолино и Молвотицы. [48]

К исходу 16 января войска генерала Пуркаева растянулись по фронту на 100 км и продолжали наступать широким веером, штурмуя каждый населенный пункт. В этот день командование Северо-Западного фронта закрепило эту порочную систему своими новыми вводными. Правым крылом 3-я ударная армия должна была овладеть Ватолино, и Молвотицами, поскольку сосед справа, 34-я армия, успеха не добилась. Для решения этой «стратегически важной» задачи выделялась почти половина стрелковых соединений — 23-я стрелковая дивизия, 20, 27 и 42-я

бригады. В центре — подвижными отрядами 33-й стрелковой дивизии полковника А.К. Макарьева следовало занять 19 января город Холм. Левофланговым 257-й стрелковой дивизии и 31-й бригаде предстояло наступать в сторону Великих Лук. В итоге фронт армии расширялся еще больше, ее силы дробились натри части, каждая из которых действовала на самостоятельных направлениях, не имея никакой связи друг с другом. Аналогично в целом 3-я ударная армия проводила свои операции безотносительно соседней с ней армиии Еременко, с которой не имела ни локтевой, ни какой-либо иной связи.

Генерал Пуркаев с собственными дивизиями общался с помощью бороздивших снег на санях посыльных. По этой причине 33-я стрелковая дивизия, находившаяся в 30 км от Холма, лишь днем 18 января получила приказ, из которого комдив узнал, что уже должен вести бои за город и 19-го полностью овладеть им. По данным разведки, немцы имели на подступах к городу и в гарнизоне Холма около 1500 солдат и офицеров.

Выполняя поставленную задачу, полки Макарьева совершили ночной марш-бросок и утром вступили в бои на подступах к городу, являвшемуся важным узлом дорог. Немцы оказывали ожесточенное сопротивление и впервые за все время советского наступления применили на этом направлении бомбардировочную авиацию для поддержки своих частей. 21 января советская пехота захватила западную часть Холма, но, остановленная сильным огнем с восточного берега, через реку Ловать переправиться не смогла. [49] К этому времени немцы подтянули к городу части 218-й пехотной дивизии, переброшенной на самолетах из Дании.

Таким образом, к исходу 21 января все войска 3-й ударной армии были втянуты в сражение. На Демянском направлении 23-я стрелковая дивизия и три бригады безуспешно топтались у Ватолино и Молвотиц. В центре 33-я дивизия вела бои за Холм. На левом фланге 257-я стрелковая дивизия и 31-я бригада достигли района Снопово, Шешурино.

У генерала Еременко дела шли несколько веселее. Против правого фланга 4-й ударной армии противник имел 2 полка 123-й пехотной дивизии, в центре — кавалерийскую бригаду СС и отдельные разведотряды, на левом фланге — 453-й полк 253-й пехотной дивизии. Армия Еременко действовала более решительно, двухчасовая артподготовка была проведена эффективно. После чего стрелковые части прорвали оборону противника и к исходу дня, пройдя почти 20 км, вышли к Пено. На подступах к городу, не имея поддержки своей отставшей артиллерии, они были остановлены сильным огнем. За ночь части 249-й стрелковой дивизии генерала Г.Ф. Тарасова обошли город,

подтянулись гаубицы, «катюши», 141-й танковый батальон — тридцать один танк (четыре КВ, семь Т-34, двадцать Т-60). Появились и запоздавшие к началу операции 5 лыжных батальонов. Правда, «…лыжники были утомлены трудным 2-суточным маршем без продовольствия». С рассветом Пено взяли одним ударом, а его гарнизон почти полностью уничтожили.

Избегая лобовых ударов, обходя опорные пункты, ударная группировка армии Еременко продвигалась вдоль железной дороги на Андреаполь, Торопец. 332-я стрелковая дивизия имени М.В. Фрунзе под командованием полковника С.А. Князькова вскоре повернула на юг, к станции Западная Двина, расположенной на другой, почти параллельной первой, железной дороге. 249-я дивизия наступала в прежнем направлении. [50] Активную помощь войскам оказывали партизаны. Они разрушали рокадные дороги в тылу у немцев, прикрывали фланги отдельных частей, а также выполняли роль передовых отрядов.

С 13 по 15 января бои велись в районе Величко, Лучи, станции Охват. Германское командование, обеспокоенное быстрым продвижением 4-й ударной армии, попыталось остановить ее, введя в бой свежие силы. Прорыв должна была закрыть прибывшая из Франции 81-я пехотная дивизия. Однако на этот раз сами немцы сработали поспешно и неграмотно: дивизия вводилась в бой с ходу, по частям, на широком фронте, что заранее предопределило ее поражение. Кроме того, и командование 81-й пехотной дивизии, и все ее солдаты и офицеры, оказавшись в условиях, столь резко отличных от Западного театра военных действий, «растеряли многие качества, которые в сумме своей определяют боеспособность войск». В первых же столкновениях ее 189-й полк и 2 отдельных батальона были разбиты частями 249-й и 332-й стрелковых дивизий.

В ночь на 15 января дивизия Тарасова вышла к Анд-реаполю, окружив его с трех сторон. Утром к городу подтянулись артиллерия и танки. После полуторачасовой артподготовки советские части начали атаку 1ер-манский гарнизон состоял из пехотного полка, саперного батальона и батальона связи 81-й пехотной дивизии, а также отдельных подразделений 253-й дивизии. Немцы в течение двух дней оказывали упорное сопротивление, но к исходу 16 января были разгромлены. В Адреаполе удалось захватить крупную базу снабжения группы армий «Север», склады с провольствием и фуражом.

Таким образом, наступление главных сил 4-й ударной армии развивалось успешно. [51] 249-я стрелковая дивизия в хорошем темпе продвигалась к Торопцу, 332-я — к станции Западная Двина. Этого, правда, нельзя было сказать о фланговых

группировках.

Правофланговая 360-я стрелковая дивизия генерала И.М. Кузнецова, направленная «прорываться» через леса и болота, этим и занималась, полностью потеряв взаимодействие с главными силами. Во втором эшелоне за ней следовала 51-я стрелковая бригада полковника Н.А. Федорова. Сопровождавший их 171-й танковый батальон, на две трети укомплектованный английскими «матильдами» и «валентайнами» и не имевший ни одной широкогусеничной «тридцатьчетверки», гаубичный и гвардейский минометный дивизионы не смогли преодолеть снежных заносов, быстро израсходовали горючее и встали. Позднее их перебросили на направление главного удара, а пехота по пояс в снегу продолжала выполнять указания товарища Бул-ганина: двигалась вперед, прокладывая дорогу в сплошном лесу, валя вручную деревья, утаптывая снег и перетаскивая на себе боевую технику.

Чтобы проложить пути для двух маршевых колонн, приходилось рубить до 1000 деревьев на 1 км. По таким «путям», естественно, невозможно было организовать нормальный подвоз продовольствия. Его и не организовывали, и «наши части… терпя лишения, шли вперед и снабжались теми запасами, которые удавалось отбить у противника». Но неприятеля в этой глуши было совсем немного, запасов — тоже. Этот беспримерный марш имел глубокое оперативно-тактическое обоснование, он

«…в случае неудачи на Центральном направлении обеспечивал общий успех прорыва (!?), выводя крупные силы (?) в глубокий тыл оборонительной полосы гитлеровцев».

На левом крыле 334-я дивизия генерала Н.М. Мищенко и 21-я стрелковая бригада ввязались в затяжные бои и сильно отстали. Кроме того, немцы непрерывно атаковали их во фланг из района Селижарово. [52] Еременко также признает, что

«объективные трудности действий на этом участке усугублялись тем, что командование дивизии не могло отрешиться от стремления брать опорные пункты в лоб без тщательной разведки и надлежащей организации боя».

Еще левее 22-я армия вела бои с селижаровской группировкой противника. 4-я ударная прошла 70 км и вырвалась вперед, все больше сил выделяя на обеспечение своих флангов — в сражение была введена 358-я стрелковая дивизия из резерва командарма.

Следующей целью стал Торопец. Город, где размещалась вторая крупная база снабжения группы армий «Север», обороняли части 253-й пехотной дивизии, полевой жандармерии и полиции, полк противотанковой обороны (НТО) — всего около 2500 человек. Генерал Тарасов получил специальный приказ: вести

свои полки лесами и скрытно подойти к городу, чтобы внезапно ворваться в район товарной станции, захватить продовольственные склады и удерживать их любой ценой. Как пишет Еременко:

«Для нас в то время продовольствие имело первостепенное значение. Снабжение на Северо-Западном фронте было организовано плохо. В этих условиях возможность получить продовольствие… являлась для армии просто кладом. И мы не выпустили этот клад из наших рук».

Еременко вел свою голодную армию к Торопцу, прямо как генерал Бонапарт своих оборванцев в цветущую Италию.

С утра 20 января части 249-й стрелковой дивизии внезапно для противника ворвались в город, и ее 917-й полк к 14 часам овладел товарной станцией, депо и складами. Опомнившись, немцы контратаками выбили русских со станции, но склады наш героический полк не отдал! Взять город с ходу, правда, не удалось. Войска 4-й ударной произвели перегруппировку сил. Из тыла подошли 48-я и 39-я стрелковые бригады. Объявилась наконец-то 360-я стрелковая дивизия: она, преодолев за 12 дней 135 км, вышла из лесов и болот с большими потерями в технике, почти без артиллерии и боеприпасов и заняла позиции северо-западнее Торопца. [53] Одновременно специальный отряд лыжников был выслан для захвата станции Старая Торопа с тем, чтобы перерезать железную дорогу Великие Луки — Торопец и перехватить пути отхода противника на юго-запад и на юг.

21 января, после 2-дневных боев, Торопец был освобожден. В качестве трофеев советским войскам достались 720 автомашин (штаб армии оснастился немецкими мотоциклами и вездеходами), 450 тыс. снарядов, большие склады горюче-смазочных материалов, до 40 складов с продовольствием. Еременко неоднократно указывает, что последнее обстоятельство для его войск было «самым главным»:

«Эти продовольственные склады мы превратили в свои армейские. Их запасами армия питалась в течение месяца… Нас выручало лишь то, что мы захватили большие продовольственные и другие склады противника и по-хозяйски их расходовали… Можно прямо сказать, что материальное обеспечение армии, особенно продовольствием, а частично и горючим, и даже боеприпасами, производилось за счет противника».

334— я дивизия полковника Мищенко вела в это время упорные бои на подступах к поселку и железнодорожной станции Нелидово, стимулом для ее бойцов служило донесение разведки об обнаружении на станции эшелонов с продовольствием.

Под Торопцом впервые довольно активно действовала

германская авиация: 20 января во время проведения рекогносцировки перед штурмом генерал Еременко получил здесь от немецкого пилота пулю, перебившую голень правой ноги. Командарма пришлось отправить на командный пункт. В госпиталь он ехать отказался и продолжал управлять войсками с носилок, о чем сам скромно рассказывает:

«В течение 23 дней, т. е. до полного выполнения задачи, поставленной Ставкой, мне пришлось командовать войсками с носилок, с перебитой ногой, положенной в гипс. Эти 23 дня стоили, наверняка, нескольких лет жизни. [54] Кроме физических страданий, я и морально пережил немало, прежде всего потому, что из-за своей неподвижности не мог бывать в войсках („не мог бить в морду командиров соединений“? — *Авт.)*… Однако должен сказать, что эти невзгоды и переживания не сломили моей воли, я стремился твердо и уверенно руководить войсками».

К 21 января 4-я ударная армия на направлении главного удара продвинулась на 140-150 км и заняла рубеж Старая Торопа — Западная Двина, перерезав железную дорогу Великие Луки — Ржев, являвшуюся важной коммуникацией ржевской и оленинской группировок противника.

Таким образом, в ходе 2-недельных боев войска левого крыла Северо-Западного фронта, глубоко вклинившись в немецкую оборону на стыке групп армий «Север» и «Центр», нарушили оперативное взаимодействие между ними и обошли с запада ржевско-вяземскую группировку.

* * *

В связи с тем, что фронт генерала Курочкина вел наступление на двух расходящихся направлениях, а его южная ударная группировка решала общие с Калининским фронтом задачи, Ставка 22 января передала обе ударные армии в подчинение генерала Конева. Новый командующий потребовал более энергичного наступления для того, чтобы выйти в глубокий тыл и перерезать коммуникации группы армий «Центр», не дать войскам Клюге отойти на тыловые оборонительные рубежи и создать условия для уничтожения всей германской группировки. Задача 3-й ударной армии фактически оставалась прежней — взять Холм, овладеть Великими Луками и продвигаться на Витебск. Правофланговые части все так же бились за Ватолино и Молвотицы. [55]

Соединения генерала Пуркаева за третью декаду продвинулись в Юго-Западном направлении еще на 120 км и к 30 января подошли к Великим Лукам, разгромив по дороге 323-й пехотный полк 218-й дивизии. Однако в дальнейшем 257-я стрелковая дивизия полковника А. А. Дьяконова и 31-я стрелковая бригада натолкнулись на ожесточенное сопротивление противника. Немцы имели в районе Великих Лук свежую 83-ю пехотную дивизию, части 403-й охранной дивизии и несколько отдельных частей под общим руководством штаба 59-го армейского корпуса. В начале февраля сюда дополнительно были переброшены 330-я и 205-я пехотные дивизии.

Понеся значительные потери, войска левого фланга 3-й ударной армии остановились и в первых числах февраля перешли к обороне.

33— я стрелковая дивизия в течение десяти суток вела бои за Холм. 23 января в помощь к ней прибыл 146-й танковый батальон, имевший в своем составе две «тридцатьчетверки» и 11 танков Т-60, а также 3 установки РС. Дивизия, несмотря на нехватку боеприпасов и ощутимые потери в людях, продолжала штурмовать восточную часть Холма и одновременно отражала атаки 386-го полка 218-й германской пехотной дивизии, рвавшегося на помощь гарнизону. 27 января немцы обошли город с севера и отбили его западную часть. Дальнейшее их продвижение удалось остановить только 31 января в 10-15 км юго-западнее Холма с помощью подошедшей из второго эшелона 45-й стрелковой бригады. К этому времени дивизия Макарьева из-за понесенных потерь была не в состоянии вести активные боевые действия: в полках оставалось по 200-300 человек. Поэтому 1 февраля советские войска и наХолмском направлении перешли к обороне.

К этому времени армия Пуркаева растянулась по фронту более чем на 200 км и исчерпала свои наступательные возможности.

4— я ударная должна была наступать в общем направлении на Велиж и Рудню. [56]

Наступление продолжалось безо всякой паузы. Дивизии не успели восполнить понесенные потери, сильно растянулись тыловые коммуникации. Это, вместе с нехваткой транспорта, бездорожьем и продолжавшимися снегопадами, весьма отрицательно сказывалось на снабжении войск. От Конева армия не получила ничего, кроме указаний.

«Нам предстояло преодолеть оборону противника, состоявшую из опорных пунктов, — вспоминает генерал Хлебников. — Они перекрывали те немногие дороги, которые

оставались еще проходимыми. При глубоком снежном покрове обойти такой опорный пункт сколь-нибудь значительными силами было очень трудно, так как артиллерия тотчас застревала в сугробах, а части, совершившие обход, лишались регулярного снабжения и практически превращались в легкие рейдовые группы. Конечно же, такими силами, лишенными артиллерийской поддержки, с ограниченным запасом продовольствия, фуража и боеприпасов, редко удавалось выполнить серьезную боевую задачу. Вот почему, начав наступление, мы были вынуждены ввязываться в бои за опорные пункты, терять время и силы, чтобы выбить эти пробки, мешавшие нам двигаться по дорогам».

Командиры советских частей упорно сражались за отдельные деревни не потому, что все они были совсем уж профанами в военном деле. В зимнюю стужу населенные пункты, по выражению Еременко, обладали «притягательной силой». Наночевавшись за две недели боев (не считая «тренировок») в снегу или «утепленных» шалашах, войскам хотелось получить хоть краткую передышку, хоть какой-то человеческий отдых. При этом они надеялись, что удастся удар с ходу. Когда этого не получалось, ввязывались в затяжные бои. В результате штурм села Ильино занял двое суток, Кресты — трое. Это позволило германскому командованию выиграть время, перебросить резервы и сильно укрепить Велиж. Под этим городом завязались ожесточенные и продолжительные бои. [57]

На левом фланге армии 334-я дивизия полковника Мищенко утром 25 января при содействии партизан овладела Нелидово. 332-я стрелковая дивизия, блокировав город Демидов, продвинулась в район Рудни, но взять этот населенный пункт и перерезать железную дорогу Смоленск — Витебск ей не удалось.

Главную роль в наступлении на Велиж, Рудню играли 360-я и 358-я стрелковые дивизии. Дивизия генерала Тарасова, обойдя 29 января стороной Велиж, а затем и Сураж, вырвалась далеко вперед и 3 февраля вышла на подступы к Витебску. Чтобы избежать бомбардировок вражеской авиации, дивизия продвигалась по ночам. На специально приспособленных санях везли с собой десять 45-мм пушек и восемь 82-мм минометов. Этими средствами и ограничивалась огневая поддержка стрелковых полков. Вся полковая и дивизионная артиллерия, а также 141-й танковый батальон остались далеко в тылу, застряв на занесенных снегом дорогах.

Отсутствие артиллерии и танков не позволило успешно завершить дерзкий бросок. На подступах к Витебску, у села Тетерки, две пехотные дивизии противника со всей своей артиллерией предприняли ряд ожесточенных контратак. Связи со

штабом 4-й ударной армии генерал Тарасов не имел, поэтому принял решение отступить. 249-я стрелковая дивизия, в которой оставалось 1400 штыков, отошла к Велижу, где включилась в бои, которые вели за этот город главные силы армии.

В первых числах декабря, выйдя на рубеж Усвяты, Велиж, Демидов, 4-я ударная армия дальше продвинуться не смогла, хотя общая численность германских войск здесь оценивалась не более 7000 человек. Сопротивление противника все усиливалось и выбить его из Велижа и Демидова не удалось, несмотря на неоднократные попытки. Армия прошла дорогами наступления свыше 250 км, части нуждались в отдыхе и пополнении. Из-за снежных заносов и отсутствия горючего далеко в тылу остались танки, тяжелая артиллерия и трофейные склады. [58] Соседи справа и слева отставали на 100 км. Большие потери были в технике, в основном по причине поломок на бездорожье. Резервов тоже не имелось. Поэтому все усилия войск ощутимых результатов не давали.

Против 3— й и 4-й ударных армий немцы выдвинули в январе-феврале дополнительно четыре свежие пехотные дивизии, прибывшие из Западной Европы, и к началу февраля остановили продвижение русских. Растянувшиеся на фронте около 300 км советские войска не смогли преодолеть возросшее сопротивление противника и перешли к обороне на достигнутых рубежах. Бои за Холм и Велиж систематически возобновлялись до конца мая, но каждый раз безуспешно.

В ходе Торопецко-Холмской операции было нарушено взаимодействие между группами армий «Север» и «Центр», войска ударных армий вклинились на глубину до 250 км, освободили от оккупантов территорию площадью более 12 тыс. км2 с большим количеством населенных пунктов, прервав при этом ряд коммуникаций, создав угрозу важным для противника железнодорожным магистралям и дорогам в районе Витебск, Орша, Смоленск и тылам его гжатско-вяземской группировки.

Можно сказать, что в целом войска Пуркаева и Еременко поставленные задачи выполнили. Более того, в свете дальнейших событий эту операцию можно признать одним из самых успешных наступлений Красной Армии в первой половине 1942 года. Потери обеих ударных армий оказались сравнительно невелики и на 6 февраля составили около 30 тыс. человек. Однако прорыв, совершенный на большом удалении от района Вязьмы, где происходили главные события, не смог решающим образом повлиять на оперативно-стратегическую обстановку в центре советско-германского фронта. [59]

В полосах Калининского и Западного фронтов между Селижарово и Жиздрой с немецкой стороны в первом эшелоне оборонялись 10 армейских корпусов (23, 6, 27, 5, 9, 7, 20,12, 13 и 43-й) и 5 моторизованных (41, 56,46,57 и 40-й) общей численностью 38 пехотных, 2 охранные, 9 танковых и 5 моторизованных дивизий, входивших в состав 9-й и 4-й полевых, 3-й и 4-й танковых армий. Из резервов на этом направлении у фон Клю-ге имелись корпусные части 9-го армейского корпуса в районе Можайска; 339-я и 208-я пехотные дивизии, перебрасываемые в район Вязьмы, и части 216-й пехотной дивизии северо-восточнее Спас-Деменска. Итого: 57 расчетных дивизий и примерно 440 танков. В среднем на одну дивизию приходилось 10 км фронта.

Германская авиация на Западном направлении была представлена оперативной группой «Восток», насчитывавшей 615 боевых самолетов, в том числе 236 бомбардировщиков, 284 истребителя и 95 разведчиков.

* * *

Калининский фронт имел в своем составе 22,39, 29, 31 и 30-ю армии, а также 11-й кавалерийский корпус — 32 стрелковые и 5 кавалерийских дивизий, 4 танковые бригады, 12 артполков РГК — 346100 человек.

Фронтом командовал генерал-полковник И.С. Конев, бывший унтер-офицер царской армии и комиссар гражданской войны, выросший в советское время в крупного военачальника. Большой личной храбрости человек, он, по свидетельству сослуживцев, «дипломатией заниматься, прямо сказать, неумел». По отношению к подчиненным это выражалось в насаждении в буквальном смысле слова палочной дисциплины. То есть у Конева была особая палка, которой он лупил провинившихся.

«Когда я ему сказал об этом, — вспоминал маршал А.Е. Голованов, — он ответил: „Да я лучше морду ему набью, чем под трибунал отдавать, а там расстреляют!“ [60]

Еще один отзыв:

«Сам Конев был, безусловно, одаренным военным, этого у него не отнимешь, хотя те люди, которые служили под его

началом, утверждали, что людей он не жалел, при выполнении задачи шел на любые жертвы. Крут бывал нередко…»

В состав Западного фронта, занимавшего полосу более 500 км, входили 1-я ударная, 20,16, 5, 33., 43, 49, 50 и 10-я армии, 1-й и 2-й гвардейские кавкорпуса — всего 45 стрелковых, 12 кавалерийских, 1 танковая дивизия, 26 стрелковых, 2 воздушно-десантные и 14 танковых бригад — 713100 бойцов и командиров.

Во главе фронта стоял «величайший» советский полководец-самородок с 2-классным образованием, генерал армии Г.К. Жуков, воспетый самим собой и мночисленными писателями и режиссерами. В отличие от гуманиста Конева, Георгий Константинович, не моргнув глазом, мог и в морду дать, и под трибунал отправить, а то и приказать организовать расстрел на месте. Даже «драчливый генерал» Еременко считал Жукова «узурпатором и грубияном» (!): «Это человек страшный и недалекий. Высшей марки карьерист…» Знаменитый летчик Г.Ф. Байдуков охарактеризовал Жукова одним словом — «зверюга». Из примеров жуковского самодурства, стремления раздавить и унизить нижестоящего можно составить книгу, не меньшую по объему, чем канонизированные «Воспоминания и размышления». Может, для кого-то все это является подтверждением его полководческих талантов, хотя у меня интеллектуальные способности (о морали не стоит заикаться, мораль отменили в 1917 году — это одно из «завоеваний Октября») человека, обладающего безграничной властью над жизнями сотен тысяч людей и опускающегося при этом до примитивного рукоприкладства, вызывают сомнения. А в 1945 году у маршала прорезался еще и «талант» барахольщика.

Под стать командующему Западным фронтом был его заместитель генерал Г.Ф. Захаров — «…преданный Советскому государству и Коммунистической партии воин, но очень не сдержан на руку». О нем вспомнил в своих мемуарах генерал П.А. Белов:

«Генерал Захаров прибыл с поручением побудить нас скорее выполнить задачу. Присутствие его создавало нервозную обстановку. Он щедро расточал угрозы, прибегал к самым крутым мерам… Одним из первых на глаза Захарову попался майор Кононенко (начальник разведки. — *Авт.)*. Ни с того ни с сего генерал обвинил его в том, что корпус не имеет хороших дорог для движения автомашин. Кононенко, как говорится, едва унес ноги и ушел в прорыв вместе с генералом Осликовским. Вообще командиры стремились избегать встреч с Захаровым».

Как видим, свои начальники были пострашнее немцев. Недаром Сталин как-то выразился в том смысле, что у нас нужно

больше смелости, чтобы отступить, нежели пойти в атаку.

* * *

Советские военачальники жалуются на то, что укомплектованность частей и соединений была недостаточной для проведения новой наступательной операции. Средняя численность стрелковых дивизий Калининского и Западного фронтов в этот период колебалась в пределах 3-5 тыс. человек. Однако количество самих дивизий увеличилось, а личный состав в них на 50% состоял из новых пополнений. Так, к началу контрнаступления под Москвой у Конева и Жукова имелась 941 тыс. командиров и красноармейцев (Гриф секретности снят. М., 1993. С. 174), потери за месяц боев составили 371 тыс. убитыми и ранеными. Тем не менее на 8 января в строю находилось 1060 тыс. человек, а согласно «Истории Второй мировой войны» и того больше — 1245 тыс.

Труднее было восполнить потери в технике: имелось всего 8700 орудий и минометов и 571 танк. [62] Настоящей же проблемой стала практически полная дезорганизация работы тыла. За месяц контрнаступления сильно растянулись коммуникации, недоставало автотранспорта, немцы при отступлении взорвали мосты и вывели из строя железнодорожные колеи, пригодные для движения дороги можно было сосчитать на пальцах. В результате войска испытывали острую нехватку в боеприпасах, продовольствии и горючем.

ВВС двух фронтов на 1 января имели 331 исправный самолет, в том числе 218 бомбардировщиков, 18 штурмовиков и 95 истребителей. Кроме того, на Западном направлении действовала авиация Московского военного округа и 6-й истребительный авиакорпус ПВО, авиационные группы генералов И.Ф. Петрова и Е.М. Николаенко, соединения дальнебомбардировочной авиации Главного Командования, а также авиация резерва Ставки ВГК — всего 1375 боеготовых самолетов. Если учитывать авиацию Северо-Западного фронта — 1422 самолета.

Это, оказывается, значительно меньше, чем 615 германских машин! Любопытную бухгалтерию с целью доказать германское превосходство в авиации применил коллектив генералов-историков под руководством маршала В.Д. Соколовского:

«По общему количеству самолетов советские ВВС на всем Западном направлении превосходили авиацию противника, но

только формально, ибо по мере удаления наступавших войск от Москвы количество истребительной авиации (в частности, самолетов 6-го истребительного корпуса ПВО Москвы) для прикрытия войск быстро уменьшалось. Поэтому фронты в дальнейшем могли в основном рассчитывать лишь на свои собственные ВВС. Силы же эти, особенно по истребителям, были весьма невелики и уступали количественно и качественно противнику… Если вычесть из общего количества 1422 самолета 320 истребителей ПВО Москвы и 548 небоевых машин, то для поддержки фронтов оставалось всего 554 боевые единицы. Таким образом, противник даже и по числу самолетов превосходил авиацию Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов (!!!)». [63]

Вот так, «формально» наших самолетов было больше, а «неформально» — 284 немецких истребителя «превосходили» 543 советских.

Странно только, что вся наличная авиация группы «Восток» сравнивается с исправными советскими самолетами: надо понимать, у немцев самолеты не ломались и не получали боевых повреждений? Далее, советские ночные бомбардировщики У-2 (за сбитие которых давался Железный крест, чем мы очень гордились) и разведчики Р-5 считаются «небоевыми машинами», а 95 германских воздушных разведчиков — самые что ни на есть «боевые». Кроме того, при всех подсчетах совершенно не учитывается армейская авиация, по принципу: у немцев ее не было, значит, и сравнивать не с чем. А между тем каждый советский командарм имел собственные авиаполки, которым сам ставил задачи.

По уставу командующий фронтом не имел права использовать авиацию общевойсковых армий в интересах фронта. Армейская авиация по количеству машин зачастую превосходила фронтовую. Например, на 1 января 1942 года ВВС Северо-Западного фронта насчитывали 77 исправных самолетов, а в одной только 4-й ударной армии этого же фронта находились 60 машин (в том числе 38 истребителей), из них 53 исправные.

В общем, наши ученые успешно доказали, что «с учетом же качественного превосходства материальной части немецких самолетов и того, что советские бомбардировщики устаревших типов могли выполнять боевые задачи только ночью (между прочим, именно перенимая советский опыт, немцы с опозданием создавали в это время свою ночную авиацию. — *Авт.*}, общее превосходство врага становилось еще более внушительным, фактически*противник превосходил нашу авиацию примерно в два раза (курсив наш. — Авт.* }». [64] Действительно, чтобы освоить

такую «высшую математику», надо непременно быть генералом и кандидатом наук, никак не меньше.

Но подавляющего количественного превосходства над армиями врага и правда не было, что уменьшало шансы на успех «красных маршалов», не усвоивших «аксиомы» военного искусства (об аксиомах, которые «не соблюдались», неоднократно упоминает и маршал Рокоссовский).

* * *

Наступление войск Калининского фронта началось 8 января 1942 года. Замысел проводимой им операции состоял в том, чтобы вначале прорвать оборону противника ударом 39-й армии генерал-лейтенанта И.И. Масленникова западнее Ржева, а затем, развивая успех главной группировкой фронта в направлении Сычевка, Вязьма, лишить противника основных коммуникаций, а потом разгромить его совместно с войсками Западного фронта. 22-я армия под командованием генерал-майора В.И. Вострухова, наступая на Белый, Ярцево, должна была обеспечить главную группировку фронта с запада.

В первый же день 39-я армия (361, 373, 355, 381,183 и 357-я стрелковые, 46-я и 54-я кавалерийские дивизии, 148-й и 165-й отдельные танковые батальоны, 3 батальона РС, три артполка РГК) прорвала оборону противника западнее Ржева на участке 15 км и, не встречая больше особого сопротивления, устремилась на юг, к Осуге и Сычевке. Однако соседи генерала Масленникова пока топтались на месте.

Справа 22-я армия (179,186 и 178-я стрелковые дивизии) за неделю боев практически не продвинулась вперед ни на шаг. Лишь 15 января в связи с отходом 253-й и 102-й пехотных дивизий, вызванным успешным наступлением Еременко, войска генерала Вострухова овладели Селижарово и частью сил переправились через Волгу. 29-й армии генерал-майора В.И. Швецова, в состав которой входили 220, 369, 252, 243, 246 и 174-я стрелковые дивизии, 143-й и 159-й танковые батальоны, 2 батальона гвардейских минометов и 4 артполка РГК, наступавшей с севера на Ржев, не удалось сбить с позиций части 6-го армейского корпуса. [65]

Не лучше обстояли дела на левом крыле Калининского фронта. 31-я армия генерал-майора В.А. Юшкевича в составе 247, 359, 262, 119, 5 и 250-й стрелковых дивизий на исходных позициях сражалась с 161-й и 162-й пехотными дивизиями противника. 30-я армия генерал-майора Д.Д. Лелюшенко (363, 348, 379, 371 и 365-я стрелковые дивизии) не смогла преодолеть упорного сопротивления 36-й моторизованной и 251-й пехотной дивизий.

Для ликвидации угрозы удара во фланг группировки фронта, наступавшей на Сычевку, Ставка потребовала во что бы то ни стало не позднее 12 января взять Ржев, привлекая все войска 29-й

и часть сил 39-й армий. Конев решил, используя успех генерала Масленникова, произвести перегруппировку армии Швецова в полосу прорыва и захватитьтород ударами с запада и северо-запада. Но все атаки девяти советских дивизий отражались обороной противника.

Одновременно 11-12 января был введён в прорыв 11-й кавалерийский корпус под командованием полковника Соколова. В его состав входили 18, 24, 82-я кавалерийские и 2-я гвардейская мотострелковая дивизии. Задача корпуса состояла в том, чтобы, достигнув района западнее Сычевки, отрезать противнику пути отхода. В дальнейшем конникам предстояло перерезать автостраду Москва — Минск западнее Вязьмы.

Таким образом, в первую неделю наступления войска Конева достигли успеха лишь на направлении главного удара. Но и этот успех был ограниченным. Хотя к 15 января войска 39-й армии пятью дивизиями вышли на подступы к Сычевке, овладеть городом они не смогли. Железная дорога Ржев — Сычевка — Вязьма оставалась в руках противника. Немцы перебросили сюда дополнительно 1-ю танковую дивизию из района Лотошино и части 208-й пехотной дивизии из резерва. [66] Войска Масленникова были скованы боями и понесли большие потери. Тылы армии, базировавшиеся на одну грунтовую дорогу, отстали; красноармейцы перешли на «самообеспечение» на и без того основательно разграбленной оккупантами территории. Выход в район юго-западнее Сычевки кавалерийского корпуса Соколова ничего не изменил. Поэтому командование фронта вынуждено было почти на неделю задержать конницу на правом фланге 39-й армии до окончательного выяснения обстановки.

16 января Гитлер под предлогом болезни отстранил генерала Штрауса от командования 9-й полевой армией и назначил на его место убежденного национал-социалиста, 50-летнего танкового генерала Вальтера Моделя.

Генерал Конев, получив директиву Ставки, 19 января уточнил задачи своим армиям: 22-й — обеспечивать правый фланг фронта и выйти к Белому; 29-й — овладеть Ржевом; 39-й армии — продолжать уничтожать противника в районе Осуга, Сычевка, не допуская его прорыва на запад и севро-запад; 11-му кавкорпусу — перерезать коммуникации западнее Вязьмы; 31-й армии — наступать левым флангом на Зубцов. Передававшиеся в подчинение Калининского фронта 3-я и 4-я ударные армии должны были развивать наступление на Велиж и Великие Луки.

К 22 января 39-я армия продвинулась на 80-90 км, выйдя на тылы 9-й немецкой армии, а войска Швецова глубоко охватили с северо-запада оленинскую группировку. Войска правого крыла

фронта глубоко охватили с северо-запада группу армий «Центр» и вышли в ее глубокий тыл, на подступы к Витебску, Смоленску иЯрцево.

Однако сопротивление противника резко усилилось. Армия генерала Вострухова вела ожесточенные бои за город Белый. Была остановлена 39-я армия. Кавкорпус Соколова прорвался к Вязьме с севера и 26 января перерезал шоссейную дорогу Вязьма — Смоленск, но не смог овладеть городом. [67] Сильный нажим испытывала 29-я армия, отрезавшая оленинскую группировку от главных сил Моделя. Не сумели преодолеть немецкую оборону и армии левого крыла Калининского фронта, наступавшие на Ржев с севера и северо-востока. Конев, обеспокоенный укреплением флангов у основания прорыва еще 21 января, принял решение на перегруппировку 30-й армии с левого крыла фронта в полосу действий обескровленной армии Швецова, но эти меры запоздали.

22 января в 10 часов утра 2 полка 6-го армейского корпуса противника при поддержке авиации перешли в наступление от Ржева вдоль Волги и заняли Ножкино. Одновременно 256-я пехотная дивизия и кавбри-гада СС контрударом от Трушково оттеснили на северный берег реки части 178-й стрелковой дивизии 22-й армии. На следующий день немцы сомкнули фронт по южному берегу реки, восстановив связь между 23-м и 6-м армейскими корпусами, и принялись расширять коридор между Волгой и железной дорогой Ржев — Великие Луки. Войска Калининского фронта оказались разобщенными на две группы: 22, 30, 31-я и часть сил 29-й армий остались на северном берегу Волги и на северных подступах к Ржеву; 39-я армия, основные силы 29-й и 11-й кавалерийский корпус — юго-западнее и южнее Ржева, между Чертолино и Сычевкой.

Генералу Лелюшенко, прибывшему к исходу 23 января в этот район с управлением 30-й армии и двумя стрелковыми дивизиями, было приказано принять под свое командование две оставшиеся дивизии 29-й армии и восстановить положение западнее Ржева. Основные силы Швецова должны были атаковать ему навстречу в Северном направлении. Но противник успел закрепиться на захваченных позициях и ожесточенно их оборонял. [68]

39— я армия, растянувшаяся на 60 км фронтом на восток вдоль железной дороги, столь же безуспешно пыталась взять Осугу и Сычевку-немцы успели перебросить сюда 1-ю и 2-ю танковые дивизии, дивизию СС «Рейх» и другие части. В итоге войска генерала Масленникова сами были вынуждены перейти к обороне. Корпус Соколова также перешел к обороне северо-

западнее Вязьмы.

К концу января стало ясно, что войскам Калининского фронта не удалось полностью завершить окружение с севера гжатско-вяземской группировки противника. Их действия стали приобретать позиционный характер, а сами они из окружающих постепенно превращались в окружаемых. Наиболее важные населенные пункты — Ржев, Осуга, Сычевка, Зубцово, Погорелое Городище — и основные коммуникации группы армий «Центр» остались в руках у немцев. Соединения, фактически оказавшиеся в тылу противника, пользовались для сообщения с главными силами узким проходом, сохранившимся между городами Белый и Нелидово.

Западный фронт имел задачу к середине января, нанося главный удар в направлении Вязьмы, уничтожить юхновско-можайскую германскую группировку с тем, чтобы во взаимодействии с войсками Конева достичь общей цели по разгрому основных сил группы армий «Центр». Собственно говоря, армии Жукова без какого-либо перерыва продолжали наступление, начатое 5 декабря 1941 года.

Одновременно с глубокими охватывающими ударами на флангах советское командование предприняло попытку ударом правого крыла Западного фронта с рубежа рек Лама и Руза рассечь окружаемую группировку противника. Решающая роль здесь отводилась 20-й армии под командованием героя Московской битвы генерала А.А. Власова (во всяком случае — официозного героя, хотя генерал Сандалов утверждает, что командарм в этот период отсутствовал, залечивая не то простуду, не то триппер). [69]

В состав 20-й армии входили 331-я и 352-я стрелковые дивизии, 28, 35 и 64-я стрелковые бригады, 134-й и 135-й отдельные танковые батальоны, а также оперативные группы генералов М.Е. Катукова и Ф.Г. Ремизова — 1-я гвардейская, 17-я и 145-я танковые, 40-я стрелковая бригады, 44-я кавалерийская дивизия, 89-й танковый батальон. К началу наступления армию усилили четырьмя стрелковыми бригадами и кавалерийской дивизией, взятыми из соседних 1-й ударной и 16-й армий, пятью артиллерийскими полками РГК, двумя дивизионами РС. Кроме того, для развития успеха армии придавался 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-майора И.А. Плиева с 22-й танковой бригадой и пятью лыжными батальонами.

Перед новой операцией Власов издал приказ, обобщивший итоги первого месяца боев. Из него следует, что армию на добрый лад надо бы не в бой бросать, а в полном составе отправлять в ближайшую учебку:

«Наблюдение и проверки организации боя командирами соединений и частей показывают, что командиры всех степеней плохо организовывают бой, ограничиваясь подчас только отдачей устного приказа. Этим можно объяснить, что несколько дней войска армии ведут бой на ранее достигнутых рубежах, имея незначительный успех на правом фланге.

Перед наступлением командиры разведки не ведут, взаимодействия на местности с другими родами войск не увязывают, в силу чего части и соединения действуют вслепую. Пехота не знает задач артиллерии, артиллерия не знает, где действует пехота. Пехотные командиры (командиры рот, батальонов) заявок артиллерии, как правило, не дают. Войсковые саперы по разведке переднего края не используются…

В процессе боя обстановку командиры частей и соединений в достаточной мере не изучают, потому, как правило, не знают, что происходит на поле боя. В результате чего командиры рот и батарей представлены сами себе. [70]

Приказываю:

1. При организации наступления командирам соединений и частей проводить личную командирскую разведку, определяя на местности задачи наступления. На местности устанавливать взаимодействие с артиллерией и танками по времени и рубежам…

3. Не распылять своих сил и средств на широком фронте, а стремиться бить противника паузком фронте всей массой огня артиллерии, минометов и живой силы. Стремиться обходить укрепленные населенные пункты противника — ни в коем случае не бить в лоб, а бить там, где он не ожидает…

6. Командирам всех степеней непрерывно следить за обстановкой в бою и при необходимости реагировать на нее немедленно…»

С этими напутствиями 20-я армия должна была наступать на Шаховскую на узком 20-километровом фронте. Непосредственно участок прорыва не превышал 8 км. Здесь сосредоточился ударный кулак в составе групп Ремизова, Катукова и 352-й стрелковой дивизии полковника Ю.М. Прокофьева. Во втором эшелоне находились 56-я и 64-я стрелковые бригады. Всего здесь было собрано 70% пехоты, 87% артиллерии и 100% танков. На решающем участке к «артиллерийскому наступлению» привлекалось 296 орудий и 312 минометов, была достигнута плотность 76 стволов и 12,5 танка на 1 км фронта и создано 2-3-х кратное превосходство над противником. Кавалерийский корпус Плиева планировалось ввести в дело на второй день с задачей двигаться на Гжатск.

Севернее вспомогательный удар пятью стрелковыми бригадами наносила 1-я ударная армия генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова.

Немцы удерживали Ламский оборонительный рубеж силами 5-й и 6-й танковых, 35-й и 106-й пехотных дивизий.

К 9 января советские войска не успели закончить сосредоточение, и наступление пришлось отложить. [71] Утром 10 января погода ухудшилась, повалил снег, авиация действовать не смогла. Полуторачасовая артиллерийская подготовка оказалась малоэффективной. В 10.30 ударные группы 20-й армии по снежной целине пошли в атаку. Немцы их уже ждали, мимо их внимания не прошла интенсивная подготовка русской стороны в предыдущие дни. В кровопролитных боях советские части продвинулись задень всего на 2-3 км. Произошло это еще и потому, что ударные группы армии сразу же принялись штурмовать в лоб сильно укрепленные пункты, вместо того чтобы обходить их и стремительно продвигаться дальше, оставляя немногочисленные немецкие гарнизоны для второго эшелона. Так, группа Ремизова «завоевывала» село Захарино, а дивизия Прокофьева — село Тимонино.

За второй день операции и в течение первой половины 12 января ударные группы 20-й армии таким макаром преодолели еще 3 км. В том же темпе двигались вперед левофланговые части 1-й ударной. Генерал Власов хотел ввести в сражение кавалерийский корпус, но Жуков делать это запретил до прорыва обороны противника на всю ее глубину. Корпус Плиева с утра 13 января пришлось все-таки бросить в бой, но это мало что изменило. Войска продолжали лишь медленно прогрызать оборону, продвигаясь вперед со скоростью 3-4 км в сутки. Причем конница и танки двигались на уровне пехоты. Левее ударной группы перешла в наступление 331-я стрелковая дивизия генерал-майора Ф.П. Короля, а затем и все войска армии.

Еще южнее 14 января начала продвигаться 16-я армия генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского, а затем 5-я армия генерал-лейтенанта Л.А. Говорова. На следующий день командующий фронтом приказал генералу Власову не задерживать кавалерийский корпус под Шаховской, а повернуть его на юг и перенацелить на Середу, Гжатск «для перехвата начавшей отход можайской группировки». [72]

Действительно, опасаясь, что образовавшиеся в обороне крупные бреши приведут к глубокому прорыву советских армий на Вяземском направлении и полному развалу фронта группы армий «Центр», фельдмаршал Клюге попросил разрешения отвести свои войска на тыловой рубеж. Гитлер вынужден был

дать на это согласие.

В директиве от 15 января он указывал:

«Уполномочиваю командующего группой армий „Центр“ на основании его запроса отвести войска 4-й армии, 4-й и 3-й танковых армий на рубеж восточнее Юхнова, Гжатск, Зубцов, севернее Ржева. Определяющим для прохождения линии фронта является требование, чтобы шоссе Юхнов — Гжатск — Зубцов — Ржев служило в качестве рокадной коммуникации и было защищено от воздействия противника. На вышеуказанном рубеже продвижение противника должно быть остановлено… В этой войне впервые мне пришлось отдать приказ об отходе войск на сравнительно большом участке фронта. Я надеюсь, что этот отход произойдет в достойной немецкой армии форме. Чувство превосходства над противником и фанатическая воля причинить ему максимальный ущерб должны возобладать в немецких войсках во время отхода».

Отвод войск на новые позиции позволял сократить фронт на 100 км и высвободить силы для ликвидации русских прорывов. Чтобы облегчить Клюге управление, 2-я полевая армия была передана в подчинение группы армий «Юг».

В соответствии с директивой фюрера, оказавшиеся под угрозой флангового удара со стороны Волоколамска, а также под воздействием начавшегося наступления 5-й армии Говорова вдоль автострады Москва — Минск, части 4-й, а затем и 3-й танковой армий начали общий отход на Гжатский оборонительный рубеж. 16 января советские войска освободили Лотошино, 17 января — Шаховскую, 20 января — Можайск. [73]

В это же время 2-й гвардейский кавкорпус после двухдневного штурма взял Середу. На этом и закончился путь «подвижной» группы, которую превратили в штурмовую: до Гжатска конники так и не доскакали. Генерал Плиев вспоминает:

«Корпус оторвался от пехоты и успешно развивал наступление. Высланные вперед дозоры донесли, что Середа занята крупными силами противника. На ее окраинах и западном берегу Рузы — хорошо подготовленная система обороны. Перед населенным пунктом с севера на юг тянется широкая полоса открытой местности с большой толщиной снега. Все это пространство было зоной сплошного заградительного огня.*Само собой напрашивалось решение обойти этот опорный пункт и продолжать стремительное движение на Гжатск.* Об этом решении я доложил прибывшему ко мне начальнику штаба 20-й армии Сандалову.*Командование армии приказало не тратить времени (?) на обход и взять Середу атакой с фронта* (курсив наш. — *Авт.)*. Атака в лоб опорного пункта через открытое,

заснеженное пространство днем, к тому же без заблаговременной подготовки, сводила к нулю наши преимущества и могла привести к затяжному бою с тяжелыми потерями. Но приказ есть приказ».

В итоге 3 кавалерийские дивизии, «не тратя времени» на маневры, двое суток бились за очередную деревню и взяли ее, но «…наши потери из-за лобовой атаки противника были очень большими». Какой уж теперь Гжатск!

К тому же 20 января по приказанию Сталина, считавшего, что немцы находятся при «последнем издыхании», была выведена в резерв 1-я ударная армия и полоса наступления 20-й армии увеличилась вдвое. Вывод из сражения в столь ответственный момент целой армии являлся несомненной ошибкой Верховного Главнокомандования, слишком оптимистично оценивавшего обстановку на фронте.

21 января для отражения контрудара 2-й танковой армии на Сухиническое направление было переброшено управление и отдельные соединения 1б-й армии. [74]

Наступление правого крыла Западного фронта, утратившее ударную силу, постепенно затухало. 25 января советские войска вышли к новым подготовленным немецким позициям на линии Погорелое Городище — Дурыкино — Шанский Завод и остановились. За две недели боев они продвинулись на 40-50 км, тесня противника кровопролитными фронтальными атаками, и выдохлись. Попытка прорвать подготовленную оборону силами всего только двух армий не увенчалась успехом. Хотя до Сычевки по прямой оставалось всего лишь около 50 км, преодолеть эти километры и соединиться с войсками Конева не удалось.

* * *

Успешно поначалу развивалось наступление войск левого крыла Западного фронта — 43, 49, 50, 10-й армий и группы генерала П.А. Белова, наносивших удар с юго-востока. В их задачу входило разгромить юхновско-медынскую группировку противника, перехватить железную дорогу Вязьма — Брянск в районе Киров, Людиново и в дальнейшем наступать в общем направлении на Вязьму. Здесь в начале января в результате успешного контрудара советских войск между флангами 4-й полевой и 2-й танковой немецких армий на участке Юхнов, Белев был создан и последовательно расширялся оперативный прорыв,

где уже не имелось сплошного фронта.

Главные усилия 43-й армии генерал-майора К.Д. Голубева — 17, 53, 415-я стрелковые дивизии, 26-я танковая и 5-я воздушно-десантная бригады — после овладения Малоярославцем были направлены на захват Медыни, важного опорного пункта на Варшавском шоссе. Преодолев оборону 98-й пехотной дивизии на реке Лужа, 14 января советские войска освободили город. Овладение Медынью являлось крупным успехом и создавало возможность развить удар во фланг юхновс-кой группировке противника. Но немцы очень упорно оборонялись вдоль Варшавского шоссе. [75] Лишь к 29 января дивизиям Голубева удалось овладеть Мятлево и выйти на рубеж реки Изверь. На этом продвижение 43-й армии, увязшей в затяжных боях, по сути, закончилось: охват с севера юхновской группировки, насчитывавшей около девяти дивизий, для нее оказался непосильным.

49— я армия генерал-лейтенанта Н.Г Захаркина в составе 5-й гвардейской, 60,133, 173, 194, 238-й стрелковых дивизий, 19, 26, 30, 34-й стрелковых, 18-й и 23-й танковых бригад вела наступление в сужающемся конусе в общем направлении на Кондрово, Юхнов. Здесь все свелось к лобовому прогрызанию подготовленной обороны. В итоге с 8 по 31 января армия Захаркина продвинулась до Варшавского шоссе северо-восточнее Юхнова на 55-60 км и вынуждена была остановиться.

50— я армия генерал-лейтенанта И.В. Болдина (154, 217, 258, 290, 340, 413-я стрелковые, 31-я кавалерийская дивизии, 112-я и 32-я танковые бригады) наносила удар на Юхнов с юго-востока. Наступление развивалось медленно, лишь правый фланг армии успешно продвигался вперед вдоль южного берега Угры и одновременно с войсками 49-й армии медленно приближался к Юхнову.

Группа генерала Белова, в которую входили 1-я и 2-я гвардейские, 57 и 75-я кавалерийские дивизии 1-го гвардейского кавкорпуса, 239-я и 325-я стрелковые дивизии, а также 5 лыжных батальонов, в начале января быстрее всех выдвинулась к Юхнову и завязала бои на южных подступах к нему еще до подхода армии Болдина. Об этом критическом для немецких войск моменте бывший начальник штаба 4-й полевой армии генерал Блюментрит пишет:

«Намерения русских понятны. Они планировали двойное окружение 4-й армии путем нанесения ударов на севере и на юге. Их окончательной целью было окружение и уничтожение этой армии на ее позициях западнее Москвы. Немецкое командование почти не надеялось избежать окружения и разгрома огромной

южной группировки. Русские медленно расширяли брешь между 2-й танковой и 4-й полевой армиями. [76] У фельдмаршала фон Клюге не было резервов, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над южным флангом. Более того, 4-ю армию связывала с тылом только одна дорога. Она проходила через Юхнов, Медынь, Малоярославец и Подольск… Если бы русские, наступая с юга, сумели захватить нашу единственную жизненную артерию, с 4-й полевой армией было бы покончено… Что-то вроде чуда произошло на южном фланге 4-й армии. Нам было непонятно, почему русские, несмотря на их преимущество на этом участке фронта, не перерезали дорогу Юхнов — Малоярославец и не лишили 4-ю армию ее единственного пути снабжения. По ночам кавалерийский корпус Белова… продвигался в нашем глубоком тылу по направлению к Юхнову. Этот корпус достиг жизненно важной для нас коммуникации, но, к счастью, не перерезал ее. Он продолжал двигаться в западном направлении и скрылся где-то в огромных Богородицких болотах».

Даже по признанию германских генералов, положение под Юхновом складывалось исключительно удачно для наступавших. Группа Белова, уже достигнувшая Варшавского шоссе, имела все шансы, повернув на Медынь, окружить и уничтожить во взаимодействии с 43, 49 и 50-й армиями главные сили 4-й полевой армии генерала Людвига Кюблера. В этот момент Жуков, которому окружения одной армии противника было недостаточно, и сотворил для немцев «чудо»: он приказал Белову наступать на Мосальск, а оттуда — на Вязьму. Овладеть Юхновом поручалось 50-й армии генерала Болдина.

«Мы с большим огорчением вынуждены были прекратить бой, близившийся к успешному завершению, и повернуть на Мосальк, — пишет Белов. — По мнению командования Западного фронта, захват Мосальска должен был развязать нам руки для предстоящего рейда на Вязьму. Но эта дополнительная операция задержала нас на семь суток. [77] За это время немцы успели закрыть разрывы в своих боевых порядках… пока части 50-й армии подошли к городу, немцы успели усилить оборону за счет войск, отступивших от Калуги и Малоярославца. Задачу, которую в первые дни января наша группа могла решить сравнительно легко и быстро, 50-я армия выполнить не сумела, так как время было упущено… Возможность окружить и разгромить 4-ю полевую армию гитлеровцев была потеряна. Избежала окружения и 9-я полевая армия немцев. Из двух зайцев не удалось убить ни одного».

9 января 325-я стрелковая дивизия своими силами овладела Мосальском, выбив немногочисленный гарнизон противника, а

войска Белова, совершив бессмысленный крюк в 60 км, вновь повели наступление на Варшавское шоссе, в районе Людково, Соловьевка, получив при этом «ободряющую» радиограмму Военного совета фронта:

«Отсутствие горючего, снарядов, продовольствия происходит от вашей беззаботности. Вы не занимаетесь устройством тыла, ложно думая (?), что эта обязанность лежит на тыле фронта».

Любопытно представляли себе в высоком штабе организацию снабжения как раз оперативной группы фронта, подчиненной непосредственно Жукову, собранной из различных соединений и собственных тыловых структур не имеющей. И как генералу Белову при такой постановке вопроса прокормить 28 тыс. подчиненных и 10 тыс. лошадей?

Германское командование понимало всю важность удержания в своих руках шоссе, являвшегося «единственной жизненной артерией» 4-й полевой армии, и принимало все меры для укрепления на подступах к нему системы многочисленных опорных пунктов и узлов сопротивления. Оборону здесь держали части 19-й танковой, 10-й моторизованной и 216-й пехотной дивизий. Находящееся позади них шоссе позволяло быстро маневрировать резервами, германская авиация, как обычно, господствовала в воздухе. [78]

С середины января в течение десяти дней войска группы Белова вели напряженные и безуспешные бои под Соловьевкой и Трушково, нащупывая слабое место для прорыва на север. Наконец в ночь на 25 января одному из лыжных батальонов, шедшему через лесополосу, удалось внезапным ударом захватить участок шоссе. Немедленно Белов подтянул сюда свои главные силы. К утру 27 января 2-я гвардейская и 75-я кавалерийская дивизии пересекли Варшавское шоссе. Сутки спустя переход совершили оставшиеся 3 кавдивизии. Вслед за конниками в прорыв должна была войти стрелковая дивизия, танковая бригада, а также тыловые подразделения группы. Однако сделать этого не удалось.

Вспоминает П.А. Белов:

«Генерал Захаров (боевой заместитель Жукова, прибывший подгонять Белова. — *Авт.)*обещал мне, что прорыв будет расширен и закреплен. У меня не было оснований ставить под сомнение его обещания. Однако немцы, едва только конница пересекла шоссе, сомкнули за нами свои фланги. Целую неделю я посылал радиограммы командирам 325-й стрелковой дивизии и 2-й гвардейской танковой бригады. Ни пехота, ни танки прорваться через шоссе не сумели. Повторилось почти то же самое, что произошло с войсками Калининской группы… Моя

группа оказалась отрезанной от главных сил».

Генерал Захаров оказался не способен сдержать свое обещание. Да и то сказать, одно дело махать кулаком перед носом подчиненных, другое — на равных тягаться с Клюге. В результате из группы Белова через Варшавское шоссе прорвался только 1-й гвардейский кавкорпус (около 7000 человек), без дивизионной и зенитной артиллерии, танков и обозов.

Для содействия войскам Западного фронта в прорыве немецкой обороны было принято решение высадить юго-западнее Вязьмы воздушный десант в составе двух батальное 201-й воздушно-десантной бригады и 250-го стрелкового полка. Районом десантирования выбрали деревню Желанье в 35-40 км за линией фронта. Высадку планировалось провести в несколько этапов: выброска парашютистов для захвата и удержания посадочной площадки; высадка стартовой команды и прием посадочного десанта. [79] Операцию обеспечивал 21 транспортный самолет ПС-84 и несколько бомбардировщиков ТБ-3, выделенные из состава 23-й авиадивизии для перевозки 45-мм пушек.

В ночь на 18 января в район деревни Желанье было выброшено 452 десантника. Вечером того же дня высадились 65 человек стартовой команды, а в ночь на 19 января — еще 200 парашютистов. В течение всего дня 20 января они готовили посадочную площадку, на которую в следующие 3 ночи транспортными самолетами был доставлен 250-й стрелковый полк майора Солдатова. Всего в район Желанье было высажено 1643 человека, переброшено более 100 пулеметов, 90 минометов и «сорокопяток». После высадки оба парашютных батальона под командованием капитана Суржика 24-27 января захватили деревни Ключи, Петрищево, Тырновка, в которых, в общем, немцев и не было, после чего соединились с 1-м гвардейским кавкорпусом.

Ветераны ВДВ считают, что в целом десант свою задачу выполнил: «захватил и удерживал указанный ему район». Однако у генерала Белова действия парашютистов особых восторгов не вызвали, поскольку никакой реальной помощи при прорыве через Варшавское шоссе его группа не получила:

«Мне было известно, что десять суток назад в тылу врага высадился авиадесантный отряд — два батальона парашютистов, общей численностью более семисот человек. Командовал отрядом капитан И.А, Суржик. Парашютисты имели приказ наступать на юг, на деревню Людково, и помочь нашему корпусу прорвать оборону противника. Однако активных действий отряд не вел и практической помощи нам не оказал… Одна из рот парашютистов

достигла Тырновки, где и остановилась. Проезжая через эту деревню, мы встретились наконец с десантниками. Я решил сделать в Тырновке привал. За Суржиком были посланы на лыжах несколько парашютистов, и капитан довольно быстро явился ко мне. [80] На вопросы о том, почему он держит свои силы далеко от линии фронта, почему не наступал ни на Людково, ни на Стреленки, Суржик не мог дать вразумительного ответа. У меня сложилось впечатление, что командир парашютистов — человек чересчур осторожный, не способный действовать настойчиво и проявлять инициативу».

30 января к кавалеристам присоединился и полк Солдатова. Дальнейший успех группы, по мнению Жукова, зависел от быстроты ее действий. Поэтому он приказал Белову двигаться вперед с наличными силами, не ввязываясь в затяжные бои у Варшавского шоссе. Конники начали форсированный марш-маневр на Вязьму, до которой оставалось пройти около 40 км.

10— я армия (322, 323, 324, 326, 328 и 330-я стрелковые дивизии) под командованием бывшего начальника Главного разведывательного управления Красной Армии, добросовестно, в соответствии с указаниями товарища Сталина, прохлопавшего немецкое нападение в 1941 году, генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова находилась на заходящем фланге Западного фронта. Ведя непрерывно бои в течение месяца в условиях зимнего бездорожья, армия наступала веером по отдельным направлениям. Ее дивизии двигались на запад вдоль дорог, не имея локтевой связи друг с другом, на интервалах 20-30 км и более. Вины Голикова здесь в общем-то и нет, поскольку командующий фронтом через голову командарма лично ставил задачи каждому соединению, жонглируя ими по собственному усмотрению.

Уровень подготовки войск 10-й армии ничем не отличался от уровня других армий, т. е. был весьма невысок. Начальник политотдела доносил в политуправление фронта: [81]

«…Наибольшее количество преступлений отмечено в частях 385 сд по вине командира дивизии, преступно руководившего вверенными ему войсками, неспособного организовать боевые операции не только соединения в целом, но и отдельными частями, благодаря чему не выполнено ни одного боевого приказа Военного совета армии.

Командир дивизии полковник Савин и военный комиссар Нестерук не организовали систематической разведки врага, расположения его огневых средств, тщательного изучения местности и путей подхода к расположению противника, а порой и, своевременно не имея данных о силах противника, назначали

атаки вслепую, от чего части несли большие потери.

В силу отсутствия командирской воли и большевистской настойчивости, в сознание массы бойцов и командиров не внедрялось высокой политической сознательности, железной воинской дисциплины, наступательного порыва, бодрости и уверенности в победе над врагом.

В силу этого во время проведения боевых операций отдельные лица начальствующего состава и бойцов преступно не выполняли приказы, проявляли неорганизованность, трусость и панику, бросали оружие и бежали с поля боя».

А откуда могли взяться у бойцов необходимые навыки, если даже стрельбу из винтовки освоили далеко не все. Вот донесение о том, как проводилась боевая подготовка в 325-й стрелковой дивизии:

«…В процессе учебы имели место недостатки. Иногда командиры учат тому, чего нет по расписанию, а именно: регулирование строевого шага, повороты на месте, а не тому, с чем придется столкнуться на войне. Части соединения ускоренную программу прошли не полностью, качество подготовки низкое. Требуется доработка… Отсутствие учебного и боевого оружия, боеприпасов не позволяет изучать материальную часть, не дает возможности подготовить личный состав для боя… Из имущества связи и артиллерии ничего не имеется… Занятия личный состав проводит с применением самодельного деревянного оружия (!)». [82]

Пройдя «ускоренную программу» и не усвоив даже ее, но с «отрегулированным» строевым шагом, дивизии меняли деревянное оружие на боевое и отправлялись на фронт — «на доработку». По свидетельству генерала М.И. Казакова основным и единственным критерием, определяющим боеспособность соединений, многие советские военачальники считали укомплектованность их личным составом: чем больше народу — тем мощнее дивизия, тем более значительные задачи перед ней можно ставить. Такой вот детерминизм.

О порядке в танковых войсках дает представление приказ командующего Западным фронтом, озаглавленный «О боевом использовании и сбережении танков»:

«Войска фронта несут большие и неоправданные потери. Причины огромных потерь танков заключаются в том, что танки бросаются в бой без предварительной и тщательной подготовки, увязки взаимодействия на местности с артиллерией, пехотой и авиацией по халатности и легкомысленности танкистов и общевойсковых командиров. Задачи ставятся письменно — в хате и только на карте. Время на подготовку бригад не отводится.

Перегруппировки осуществляются днем, под ударами авиации и огня артиллерии противника. Командиры танковых частей вводят бригады в бой без соответствующей технической подготовки, без разведки местности, без подготовки эвакосредств, пытаются решать боевые задачи одними танками, без пехоты. Слабо организуется обеспечение саперами, пехотой и артиллерийской поддержкой.

Сами танкисты, получив задачу, решают ее без надлежащего искусства, прямолинейно и, чаще всего, лобовой атакой. Танкисты не изучают скрытых подступов к противнику и мертвых пространств, а в результате этой безответственности несут большие потери. В некоторых случаях отмечается вредительское отношение танкистов к материальной части (ломают машины перед передним краем, затягивают ремонт)».

Отличились и артиллеристы-новаторы Западного фронта, догадавшиеся использовать орудия особой мощности для борьбы с танками противника! Ставке пришлось отправлять в войска главного артиллериста страны генерала Н.Н. Воронова, чтобы разобраться — куда же уходит прорва дорогостоящих снарядов:

«Огромные орудия применялись для борьбы с танками противника, дорогие снаряды тратились попусту… Я побывал на батареях и убедился, что в неправильном использовании мощной артиллерии повинны общевойсковые и артиллерийские начальники».

Такие армии, в силу необходимости, можно было бросить на чашу весов в критический момент, когда стоял вопрос о спасении Москвы, но окончательно разгромить «гитлеровских мерзавцев» в 1942 году они, как оказалось, были не способны. Может быть, были приняты кардинальные меры к улучшению качества подготовки новых формирований? А зачем, если проще — увеличить их количество? Необученных, часто и невооруженных новобранцев бросали в бой без колебаний всю войну.

Немцы не могли позволить себе подобной роскоши. На первое место в вермахте ставилась профессиональная подготовка пополнений и вновь сформированных дивизий, после чего — требование Гитлера — их можно было привлекать к участию в операциях, но таким образом, чтобы они «привыкали к борьбе с противником». Сталин предпочитал экстенсивный способ ведения войны: забрасывать врага трупами красноармейцев.

Общая полоса наступления 10-й армии, имевшая в середине декабря ширину 25 км, в январе достигла 150 км на пространстве между Юхновом и Брянским фронтом. Танков и тяжелой артиллерии у Голикова не было. Правда, и немцы на рубеже от Кирова до Мосалька могли наскрести не более трех расчетных

дивизий, включая тыловые, запасные и полицейские батальоны. [84]

К 11 января войска Голикова, окружив гарнизон врага в Сухиничах., освободили города Мосальк, Людиново, Киров и вышли на подступы к Жиздре, Зикеево. Части 326-й стрелковой дивизии полковника Немудрова захватили станцию Барятинскую, где обнаружился настоящий клад: огромные запасы советских артиллерийских и стрелковых боеприпасов, которые немцы не успели взорвать. Как вспоминает маршал Голиков:

«В последующем из этого склада в течение нескольких месяцев снабжались войска не только нашей армии, но и соседних».

Однако в районе Занозная, где находился крупный аэродром противника, советские войска натолкнулись на ожесточенное сопротивление. Атаковавшие на этом направлении 330-я и 326-я дивизии понесли большие потери, особенно от воздействия вражеской авиации, и исчерпали свои наступательные возможности. В полках осталось по 250-300 штыков. Дивизия Немудрова за период с 9 по 19 января потеряла убитыми и ранеными 2562 человека.

Тем временем германское командование создало в районе Брянска группировку из частей 4-й и 18-й танковых, 339, 211 и 208-й пехотных дивизий. Начиная с 12 января прибывшая из Франции 208-я дивизия при поддержке танков приступила к «прощупыванию» левого фланга 10-й армии, контратакуя из района Зикеево в направлении на Сухиничи. Авиация люфтваффе бомбила и обстреливала боевые порядки советских войск, а окруженный в Сухиничах немецкий гарнизон — два батальона 216-й пехотной, один батальон 403-й охранной, один батальон 56-й пехотной дивизий, маршевый и строительный батальоны под общим командованием генерал-майора фон Гильза — начал активную разведку на нескольких участках, отыскивая слабые места в непрочном кольце, созданном 324-й стрелковой дивизией генерал-майора Н.И. Кирюхина. Было очевидно, что немцы, учитывая глубокий выход армии Голикова к западу, ее растянутое по фронту положение, а также слабо прикрытый уступ между флангами Западного и Брянского фронтов, готовят контрудар под основание советского клина наступления. [85]

Отсутствие локтевой связи между этими двумя фронтами беспокоило и Ставку ВГК. По ее распоряжению 61-я армия Брянского фронта, которой командовал генерал-лейтенант М.М. Попов, с 13 января передавалась в подчинение Жукова. Однако задача армии по уничтожению белевско-болховской группировки противника не была изменена, между ней и левым крылом

Западного фронта по-прежнему оставался 70-километровый разрыв.

С середины января на левом фланге 10-й армии развернулись напряженные бои. Нанося сосредоточенный удар вдоль железной дороги Зикеево — Сухиничи, противник оттеснил растянутые по фронту части 322-й стрелковой дивизии, в которой насчитывалось не более 4500 человек, к северо-востоку и стал продвигаться вперед.

19 января немцы возвратили Людиново, выбив из города 323-ю стрелковую дивизию. Таким образом, за одну неделю обстановка на левом фланге армии сильно осложнилась. За 8 дней, используя фланговое поло жение и промежутки в расположении советскимх войск, германский «кулак» продвинулся вперед на 40-45 км. Дивизии Голикова, попавшие под фланговый уцар, вынуждены были приостановить наступление, отойти к северу от Людиново, к северо-западу и северо-востоку от Жиздры и перейти к обороне.

Из— за неполных и противоречивых данных, поставляемых разведкой, штаб армии некоторое время не мог разобраться в обстановке и, надеясь справиться с ситуацией самостоятельно, особо тревожных донесений в штаб фронта не предоставлял. Генерал Голиков принял решение окружить и уничтожить противника.

Вопрос об организации обороны даже не ставился. Во-первых, его войска обороняться не умели, во-вторых, учитывался моральный фактор: «Как отзовется на настроении наших людей, в том числе на командо-политическом составе, внезапный переход к обороне?…» [86] Организация правильной обороны в то время была для наших генералов малоизвестной наукой и считалась признаком проявления трусости:

«Надо было наступать, всемерно борясь за боевую инициативу и навязывая наступающему врагу свою волю. Не менее важным это было и с точки зрения сохранения должного морального состояния личного состава, включая командиров».

К 22 января Голиков закончил перегруппировку своих войск. Против немецкого острия выдвинулись 328-я стрелковая, прибывшие из резерва 12-51 гвардейская дивизия и 146-я танковая бригада, имевшая 14 легких танков. На флангах наступавшей германской группировки сосредоточились 323-я и 322-я стрелковые дивизии. 23 января войска 10-й армии начали «навязывать свою волю»: с фронта перешли в наступление 328-я стрелковая и 12-я гвардейская дивизий, одновременно были нанесены фланговые удары. Однако немцы, «не боявшиеся» рыть окопы на каждом занятом рубеже, всюду упорно удерживал и

позиции, отбивали советские атаки, сохраняя «должное моральное состояние», и неуклонно продвигались вперед. Сухиническая группировка фон Гильза численностью около 8000 человек начала прорыв из города. После жестоких боев к исходу 27 января 18-я танковая и 216-я пехотная немецкие дивизии соединились в районе Николаево.

С 28 января в районе Сухиничей была создана новая 16-я армия во главе с прибывшим сюда с правого крыла фронта генералом Рокоссовским. В ее состав вошли 5 стрелковых дивизий и танковая бригада, переданные от Голикова, 11-я гвардейская стрелковая дивизия и 2 лыжных батальона. 10-я армия, которую возглавил генерал-лейтенант В.С. Попов, с оставшимися у нее двумя дивизиями и новой 385-й стрелковой продолжала удерживать занимаемые рубежи к северо-западу от правого фланга 16-й армии.

Дальнейшие боевые действия на Жиздринском направлении вели войска Рокоссовского, которые 29 января заняли Сухиничи (немцы, деблокировав гарнизон, оставили город без боя), после чего получили от командования Западного фронта задачу: [87]*«… наступательными действиями продолжать изматывать противника (курсив наш. -Авт.)*, лишая его возможности прочно закрепиться и накапливать силы».

Что это означает, знал только гениальный Жуков. Генерал Рокоссовский, по собственному признанию, не понимал: «Одно дело изматывать врага оборонительными действиями, добиваясь выравнивания сил… Но можно ли „изматывать и ослаблять“ наступательными действиями при явном соотношении сил не в нашу пользу, да еще суровой зимой?» Ответ маршала на этот вопрос был изъят из его мемуаров и опубликован лишь в 1990 году:

«Наступательными действиями мы изматывали свои войска во много раз больше, чем вражеские. Это изматыва-ние было выгодно противнику, а не нам (курсив наш. — Авт.). Наши силы были уже исчерпаны до предела. Командование фронта не могло не знать этого, а раз так, то оно не имело права требовать от войск того, чего они выполнить не могли. Получалось, что Ставка и Генеральный штаб не хотели видеть настоящего положения дел, а командование фронтов, зная хорошо состояние войск, не желало доказывать несостоятельность наступательных мероприятий. Механически отписываясь директивами, явно невыполнимыми, оно перекладывало ответственность на командование армий… Обстоятельный доклад об этом, подкрепленный подсчетами и выводами, был представлен командующему фронтом. Как и следовало ожидать от Г.К.

Жукова, ответ он дал короткий и в резком тоне. Его реакция исключала надежду на то, что там, наверху (фронт, Ставка) поймут, может быть, что наступила пора подумать и о накапливании сил для летней кампании, а не доводить войска, как говорится, до ручки».

Жуков принципиально не признавал никаких оборонительных действий. Где бы он ни командовал, организованная им «оборона» всегда представляла собой непрерывную череду контратак и контрударов до полного истощения своих войск, и как обмолвился артиллерийский маршал Н.Н. Воронов: «Наше счастье, что силы советского тыла неисчислимы». [88]

Боевые действия в полосе 16-й армии в итоге свелись к борьбе за отдельные опорные пункты юго-западнее Сухиничей. Кто быстрее «изматывался» в ходе каждодневных штурмов, догадаться несложно:

«Наша пехота наступала тогда жиденькими цепями; они преодолевали глубокий снег под сильным огнем, при слабой артиллерийской поддержке из-за малочисленности стволов и недостатка снарядов. Еще не видя врага, задолго до атаки героическая пехота выбивалась из сил, несла потери… — пишет Рокоссовский. — Сложность заключалась еще и в том, что мне была непонятна основная цель действий войск Западного фронта. Генералиссимус Суворов придерживался хорошего правила, согласно которому „каждый солдат должен знать свой маневр“. И мне, командующему армией, хотелось тоже знать общую задачу фронта и место ар мии в этой операции. Такое желание — аксиома в воемнном деле. Не мог же я удовлетвориться преподнесенной мне комфронтом формулировкой задачи — „изматывать противника“, осознавая и видя, что мы изматываем прежде всего себя».

Этим бессмысленным избиением собственных войск Жуков занимался еще почти 2 месяца. Немецкие аналитики очень быстро раскрыли нехитрые секреты советского наступательного искусства, обобщив собранную информацию в специальном бюллетене от 14 января 1942 года:

«…Атаки русских проходят, как правило, по раз и навсегда данной схеме — большими людскими массами и повторяются по несколько раз без всяких изменений. Наступающая пехота компактными группами покидает свои пехотные позиции и с большого расстояния устремляется в атаку с криком „Ура“. Офицеры и комиссары следуют сзади и стреляют по отстающим.

В большинстве случаев атаке предшествует разведка боем на широком фронте, которая после прорыва противника или

просачивания в наше расположение переходит в решительное нападение с тыла и флангов.Артиллерийская подготовка атаки проводится редко…

Свои атаки русские начинают в сумерки или на рассвете. Пользуясь темнотой, туманом, вьюгой или дождливой погодой, русские занимают перед этим исходные позиции для атаки.*Отбитые атаки повторяются снова, не щадя сил и ничего не менял. Трудно предположить, что на протяжении одного боевого дня наступления атакующая часть каким-либо образом сменит схему проведения атаки (курсив наш. — Авт.)*.

Таким образом, для отражения атак русских нужны крепкие нервы и сознание того, что наше прекрасное стрелковое оружие в состоянии противостоять массовому наступлению русских…»

61— я армия, которой командовал талантливый пьяница Маркиан Попов-342, 346, 350, 356, 387-я стрелковые, 91-я и 83-я кавалерийские дивизии, 66-я танковая бригада, 142-й отдельный танковый батальон, 2 гвардейских минометных дивизиона — находилась в аналогичном положении. В армии к концу января насчитывалось 42829 солдат и офицеров, 160 полевых и 70 противотанковых орудий, 372 миномета и 25 танков. Войска Попова продолжали напряженную борьбу с войсками 2-й танковой армии, упорно оборонявшимися в районе Белев, Волхов. При этом, если в начале 61-я армия наступала на фронте 75 км, то с 13 января перед ней была поставлена задача закрыть 70-километровый разрыв с Западным фронтом, в состав которого она передавалась. К концу января правофланговым частям удалось продвинуться в целом на глубину 55-60 км и охватить фланг болховской немецкой группировки. Сил продолжать наступление не было, борьба приняла затяжной характер. [90]

К началу февраля наступление в полосах 10-й, 16-й и переданной из состава Брянского фронта 61-й армий фактически прекратилось.

Абсолютно никакого успеха с 8 января не имели вразнобой наступавшие две другие армии Брянского фронта — 3-я под командованием генерал-лейтенанта П.И. Батова и 13-я армия генерал-майора Н.П. Пухова (всего 12 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 14 лыжных батальонов, одна танковая бригада).

Вяземский узел

Основные события разворачивались на центральном участке Западного фронта.

Здесь 5— я армия генерал-лейтенанта Д.А. Говорова (19, 32, 50, 108, 144, 329, 336-я стрелковые, 82-я мотострелковая дивизии, 37, 43, 60-я стрелковые, 20-я танковая бригады), имевшая задачей овладеть Можайском и продвигаться на Гжатск, 9 января своими левофланговыми соединениями прорвала оборону противника и повела энергичное наступление вдоль автострады Москва-Минск. 20 января войска Говорова после 3-дневного штурма заняли Можайск, 22 января 19-я стрелковая дивизия генерал-майора Н.С. Дронова взяла Уваровку — последний крупный опорный пункт немцев на территории Московской области. 30 января, продвинувшись на 80 км, 5-я армия уперлась в новый оборонительный рубеж противника в 18-20 км восточнее Гжатска, который прорвать не смогла, хотя в ее состав вошла часть сил 16-й армии — 26-я и 354-я стрелковые дивизии и 36-я стрелковая бригада. Но войска были сильно истощены, в дивизиях оставалось по 2500 человек.

Как раз в это время в 32-ю дивизию вернулся из госпиталя лейтенант И.М. Третьяк:

«Встретили меня радушно, как бывалого фронтовика, но попотчевать особо было нечем. На паек выдавались сухари, в приварок шла конина. Было холодно и голодно. В таких условиях какая же поправка после лечения? Вместо того чтобы окрепнуть, организм ослаб. Открылись раны». [91]

Южнее вела наступление 33-я армия генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова. В состав армии входили 93, 110, 113, 160, 201, 222, 338-я стрелковые и 1-я гвардейская мотострелковая дивизии. 19 января после 3-дневных упорных боев за город армия освободила Верею. После этого Ефремов получил приказ повернуть войска на Дубну и нанести удар в направлении Вязьмы. 24 января головные дивизии, отбивая контратаки противника, вышли к Шанскому Заводу, а сутки спустя 93-я стрелковая дивизия овладела станцией Угрюмово. 26 января войска армии форсировали реку Воря. Выход передовых частей армии в этот район означал, что им удалось с ходу и внезапно для противника глубоко вклиниться в его оборону и овладеть рядом важных населенных пунктов, открывавших дорогу на Вязьму.

После непродолжительных боев на рубеже реки Воря 113, 338 и 160-я стрелковые дивизии в течение 26-28 января продвинулись еще глубже и достигли рубежа Кузнецовка, Морозово в 30 км юго-восточнее Вязьмы. Противник в излучине Угры стремился задержать их продвижение, но эти попытки успеха не имели. Вслед за войсками Ефремова в немецкий тыл прорвалась 329-я

стрелковая дивизия из состава 5-й армии.

Генерал Ефремов, опытнейший и образованный военачальник, не умевший, правда, «бить в морду командиров соединений» и бывший в этом смысле «белой вороной» в Красной Армии, находился 31 января в районе Износок, где пытался организовать фланговое обеспечение прорыва. Однако Жукова подобные мелочи не интересовали, он гнал войска вперед безо всяких изысков.

Полученная командармом телеграмма командующего фронтом была похожа на выговор: [92]

«Ваша задача под Вязьмой, а не в районе Износки. Оставьте Кондратьева в Износках. Самому выехать сейчас же вперед».

(Тридцать лет спустя маршал Жуков напишет: «Генерал-лейтенант Михаил Григорьевич Ефремов решил сам встать во главе ударной группы армии и стремительно двигаться с ними на Вязьму».)

Оставив армию на начальника штаба, Ефремов лично возглавил 12-тысячную группу из трех прорвавшихся дивизий. 1 февраля 113-я стрелковая дивизия достигла района Дашковка, 160-я дивизия — района Лядо и 338-я — района Воробьевка. С этого рубежа 2 февраля группировка 33-й армии начала наступление на Вязьму.

Стремясь побыстрее завершить окружение противника, Ставка ВГК еще 15 января приняла решение выбросить в тылу неприятеля крупный воздушный десант с задачей оседлать железную дорогу и автостраду Москва — Минск, не допустить подхода резервов врага с запада и отход его войск из района Вязьмы. Десантники должны были также содействовать советским войскам, наступавшим с севера и юго-запада. Это было смелое решение: массовая высадка воздушного десанта ночью, в зимних условиях являлась уникальным предприятием. Трудности его осуществления усугублялись еще более скоропалительностью подготовки, бездарностью планирования и исполнения.

Для проведения операции выделялся 4-й воздушно-десантный корпус (ВДК) под командованием генерал-лейтенанта А.Ф. Левашова. В состав корпуса входили 8, 9 и 214-я бригады, насчитывавшие около 10 тыс. парашютистов. Общее руководство десантированием возлагалось на командующего ВВС Красной Армии генерала П.П. Жигарева (он руководил из Москвы), а непосредственная подготовка десанта к высадке — на командующего воздушно-десантными войсками (ВДВ) генерала В.А. Глазунова (разместил свой КП в Калуге). Начало операции было назначению на 22 января. [93]

На обеспечение выброски выделялась авиационная группа из

39 транспортных самолетов типа ПС-84 из состава Гражданского воздушного флота (ГВФ) и 22 ТБ-3 из состава ВВС. Такое, явно недостаточное, количество самолетов могло обеспечить десантирование корпуса не менее чем за 3-4 суток, да и то при самых благоприятных условиях, если делать по 2-3 вылета за ночь. Воздушное прикрытие на маршруте и ведение разведки обеспечивала спецгруппа самолетов Пе-3 из 9-го дальнебомбардировочного авиаполка.

Исходным районом для десантирования был выбран аэроузел из трех аэродромов, находившийся в 30 км от линии фронта в районе Калуги. Аэродромы не были оборудованы укрытиями для машин и личного состава, не имели зенитных средств и вдобавок были хорошо известны немцам. Зато небольшое их удаление от линии фронта позволяло транспортной авиации совершить большее количество самолето-вылетов и обеспечить выброску максимально возможного числа людей и грузов в течение суток. Для прикрытия района сосредоточения от авианалетов противника было выделено 19 истребителей 402-го авиаполка, которые выполняли, кроме этой, и другие задачи в интересах фронта.

Перебазирование частей воздушно-десантного корпуса по железной дороге из Подмосковья в исходный район началось 17 января и продолжалось девять суток вместо намеченных двух. По пути «внезапно» выяснилось, что мост через Оку у Алексина взорван немцами при отступлении и еще не восстановлен. Пришлось производить перегрузку из эшелона в эшелон через реку по льду. Скрытности сосредоточения войск обеспечить не удалось, так как никто об этом и не задумывался. Как в пути, так и по прибытии в исходный район парашютное имущество не маскировалось, личный состав расхаживал в десантных комбинезонах, штабы частей с удобствами располагались в населенных пунктах, только недавно освобожденных и наводненных германской агентурой. [94]

Разработанный совместно штабами ВВС и ВДВ план воздушно-десантной операции определял цели и задачи десанта, состав сил, вопросы оперативного и боевого обеспечения, однако взаимодействия с войсками фронта, в интересах которого он применялся, даже не рассматривались. Выброску всего десанта планировалось осуществить в ночное время, передового отряда — днем. В связи с задержкой сосредоточения в исходный район, операция была перенесена на 26-27 января.

24 января Жуков приказал генералу Левашову: высадить в течение 26-27 января основные силы 4-го ВДК и удержать указанный на карте рубеж с целью отрезать противнику отход на

запад. Частью сил корпус должен был занять оборону фронтом на восток на участке от Реброво до Березников протяженностью около 8 км по линии бывших советских оборонительных рубежей, построенных в октябре 1941 года. Резерв корпуса намечалось сосредоточить в 6-8 км западнее указанного рубежа в готовности к действиям как в сторону Вязьмы, так и в направлении Смоленска. Одному усиленному батальону было приказано занять оборону фронтом на запад, восточнее Днепра. Особое внимание обращалось на то, что главные усилия ВДК следует направить на восток с задачей задержать противника, отступавшего из района Вязьмы. Вопросы взаимодействия с наступавшими войсками Западного фронта, с той же 33-й армией, как у же говорилось, не рассматривались. Ставя эти задачи, ни Жуков со своим штабом, ни командование ВВС не могли предоставить Левашову никаких достоверных данных о наличии противника в районе десантирования, несмотря на то что вокруг Вязьмы активно действовали партизаны, отряды майора Солдатова и капитана Суржика. Впоследствии оказалось, что выбранный район насыщен значительным количеством немецких войск и гарнизонов. Командир корпуса был оптимистично ориентирован штабом фронта в том смысле, что враг уже разбит, повсеместно отступает и преследуется нашими частями. [95] Поэтому план десантирования был больше похож на план проведения воздушного парада: самолеты в нем летали четко по графику, совершая по 5-6 рейсов за ночь, летчики выходили точно на цели, сроки выполнения задач рассчитывались строго по нормативам. Сложные метеоусловия, возможный выход из строя и без того немногочисленных транспортных самолетов и их потери, противодействие со стороны противника — все это в расчетах не учитывалось.

В качестве передового отряда десантировался 2-й парашютно-десантный батальон 8-й бригады. Его командир, капитан М.Я. Карнаухов, получил задание: десантироваться в районе деревни Озеречня и обеспечить высадку главных сил корпуса.

Передовой батальон высаживался в тыл противника днем 27 января. Даже в дневное время из-за сильной метели пилоты не смогли правильно определить Озеречню и выбросили десантников с большой высоты в районе Таборы, на 18 км южнее цели. Парашютистов разбросало в радиусе 20-25 км от Таборы, в результате некоторые из них попали и в Озеречню, где оказались немцы. Четыре человека были захвачены в плен и поутру повешены. Сбор десантников продолжался всю ночь, из 648 человек встретиться в условленном месте удалось всего 476. Большое количество грузов с боеприпасами, лыжами и

продовольствием так и не было найдено. При этом комбат не мог доложить командованию корпуса о результатах десантирования, поскольку начальника радиостанции с рацией дальней связи занесло далеко в сторону от места приземления Карнаухова и штаба передового отряда. Самостоятельно радист установить связь с «Большой землей» тоже не мог, так как переговорные таблицы находились у начальника связи батальона. Разыскивали они друг друга еще трое суток. [96]

Капитан Карнаухов принял решение оставить в деревне Таборы небольшую группу, которой надлежало подготовить площадку и световые сигналы на тот случай, если авиаторы повторят ошибку. Рано утром 28 января, не дожидаясь полного сбора людей, комбат повел десантников в район Озеречни, где планировалась высадка главных сил корпуса. К ночи батальон выбил немцев из деревни. В целом передовой отряд, из-за ошибки летчиков, задачи не выполнил и своего назначения не оправдал.

Генерал Левашов, не имея связи с передовым отрядом, решил продолжать десантирование 8-й воздушно-десантной бригады в район Озеречни. В ночь на 28 января был выброшен 3-й батальон этой бригады частью сил в районе Таборы, где десантники Карнаухова выложили сигналы, а частью — в районе деревни Озеречня. Комбат майор А.Г. Кобец, не дожидаясь полного сбора батальона, устремился на север, к шоссе и железной дороге Вязьма — Смоленск, где приступил к диверсионным действиям на этих коммуникациях.

Кроме выброски 3-го батальона в ночь на 28 января, планировалось десантирование остальных частей 8-й бригады с аэродромов Грабцево и Ржавец. Однако едва наступили сумерки, противник нанес бомбовый удар по сосредоточению транспортных самолетов и десантных подразделений на аэродроме Грабцево. В результате была разрушена взлетная полоса, уничтожены 7 самолетов ТБ-3, один истребитель, склад горючего; несколько самолетов получили повреждения, понес потери личный состав транспортной авиации и десанта.

С рассветом немцы повторили авианалет. Отвечавшее за противовоздушную оборону одно звено (!) истребителей 402-го авиаполка не было способно им противостоять. Десантирование с этого аэродрома пришлось прекратить, а с остальных продолжалось. Все последующие ночи немецкая авиация бомбила аэродромы, с которых десантировался 4-й ВДК.

Ввиду потери одного аэродрома и транспортных самолетов, сложных метеоусловий и противодействия противника, красиво вычерченный в штабах график сломался в первый день операции. [97] В ночь на 29 января были выброшены 540 десантников, 30

января — 120, 31 января — 215… Всего за 6 суток до 2 февраля удалось высадить в тыл противника только 2323 человека из состава 8-й воздушно-десантной бригады, т. е. менее 25% десанта. Дальнейшее продолжение операции было признано нецелесообразным, корпус возвращался из Калуги в Подмосковье.

Выброшенные в тылу десантники из-за ошибок пилотов оказались разбросаны на большом пространстве между Вязьмой и Дорогобужем, иногда в 50-60 км от заданной точки. Некоторые группы парашютистов попали в районы, занятые противником, и были сразу уничтожены. В итоге командиру бригады подполковнику А.А. Онуфриеву удалось собрать только 800 бойцов и командиров. Еще 520 человек попали к партизанам и в расположение корпуса Белова, они влились в состав бригады позднее, а 1003 десантника (43%!) не нашлись вовсе.

Некоторое время 8-я воздушно-десантная бригада действовала самостоятельно в тылах вяземскои группировки противника, а затем присоединилась к кавалеристам Белова.

2 февраля передовые части 33-й армии вышли на юго-восточные подступы к Вязьме и завязали бои за город, а 1-й гвардейский кавалерийский корпус 3 февраля прорвался к Вязьме с юга. В 12 км северо-западнее города находился 11-й кавкорпус Соколова. Поскольку к Вязьме практически одновременно вышли войска двух фронтов, логично было бы объединить их действия под единым командованием, что однако не было сделано.

В итоге наступление не согласовывалось ни по распределению задач, ни по времени и месту. Противник, спешно подтянув сюда, кроме пехоты, танки, артиллерию и бомбардировочную авиацию, удержал в своих руках город. [98] Германское командование, отдавая себе отчет, чем грозит потеря Вязьмы, в срочном порядке организовывало на ее подступах оборону, мобилизуя все имевшиеся под рукой силы и средства.

«Несогласованность сроков наступления на Вязьму, — пишет генерал Белов, — не позволила нам использовать элемент внезапности. Больше того, противник получил возможность отражать наступление советских войск по частям, то в одном, то в другом месте, маневрируя своими силами и средствами».

Под Вязьмой завязались ожесточенные бои, в весьма трудных условиях для выдвинувшихся туда советских войск, не имевших тяжелой артиллерии, танков, авиационного прикрытия, снабжения. Ценой больших потерь спешенные конники Белова к 6 января овладели опорными пунктами Стогово и Зубово, но дальше продвинуться не смогли. Не получило развития наступление войск 33-й армии. Части 11-го кавалерийского корпуса достигли автострады Вязьма — Смоленск, но

воспрепятствовать движению по ней немецких войск им не удавалось.

Наиболее негативную роль сыграло отсутствие организации и взаимодействия между нашими частями. С Юго-Восточного направления Вязьму обороняли части 5-й танковой, 10-й моторизованной и 516-й пехотной дивизий. На этом направлении оперировали 3 дивизии генерала Ефремова, 5 дивизий Белова, 329-я стрелковая дивизия из армии Говорова, 250-й полк майора Солдатова, 8-я воздушно-десантная бригада Онуфриева. Все эти соединения и части выполняли свои персональные задачи и подчинялись своим штабам или непосредственно штабу фронта. Более того, когда генерал Белов предложил создать под Вязьмой общий фронт с войсками Ефремова, исходя из того, что «в этом случае мы смогли бы свободнее маневрировать имевшимися у нас силами. Но и соединиться нам не было разрешено. Штаб фронта дал мне странное указание: [99] „Локтевая связь с пехотой (имелась в виду 33-я армия) вам не нужна (!)“. 10 февраля немцы контрударами отбросили корпус Белова на 12-15 км от города.

В начале февраля вяземский узел немецкой обороны и коммуникации, связывавшие Вязьму со Ржевом, Брянском и Смоленском, оказались в центре внимания как советского, так и германского командования. Ликвидация юхновской группировки и овладение Вязьмой должны были привести к завершению окружения основных сил группы армий «Центр» и созданию благоприятных предпосылок для их окончательного разгрома. Для вермахта это означало бы настоящую катастрофу. Поэтому военные действия в феврале на Западном направлении, и особенно в районе Вязьмы, приняли чрезвычайно острый характер. Хотя немцам в основном удалось создать новый фронт, удерживался он из последних сил.

Командующий 4-й немецкой армией 31 января доносил, что его

«соединения перенапряжены и душевно истощены. У солдат и офицеров отмечаются нервные припадки. В батальонах осталось примерно по 2 офицера, 12 унтер-офицеров, 60 солдат, по 5 пулеметов и 2 тяжелых пулемета. Пополнение недостаточно обучено, маршевые батальоны должной помощи не оказывают. Врачи отмечают у солдат как общее явление повышенную нервозность и апатию».

К счастью для оборонявшихся немецких войск, в это время иссякли силы и у русских. Назначенный 1 февраля главкомом вновь созданного Западного направления генерал армии Жуков был вынужден выбивать у Ставки каждый пулемет буквально поштучно. Не хватало снарядов и мин, были израсходованы все

материальные резервы. Реактивная артиллерия в связи с отсутствием боеприпасов была вообще снята с фронта. При таком положении войска, конечно, не обладали большой ударной силой. [100]

Тем временем германское командование спешно перебрасывало на помощь фон Клюге дивизии из Западной Европы. В середине января на Смоленское направление прибыли 4 дивизии из Франции. На наиболее опасные участки выдвигались подразделения и части, высвобождавшиеся в результате внутренних перегруппировок, а также с других районов фронта. Считая, что Кюблер не справляется с кризисом, Гитлер назначил новым командующим 4-й армией генерала Хейнрици.

Перегруппировав войска и используя подкрепления, немцы активизировали свои действия. 2-3 февраля силами 20-й танковой дивизии и пехотного полка СС они нанесли сильные контрудары в районе Захарово с севера и с юга, перерезали сообщения прорвавшихся к Вязьме советских войск и закрыли 8-километровый прорыв в своей обороне. 33-я армия оказалась в двух разобщенных группировках: 3 стрелковые дивизии под общим руководством генерала Ефремова и небольшой оперативной группы — под Вязьмой, основная группировка во главе с беспробудно пившим начальником штаба армии генерал-майором А.К. Кондратьевым — на рубеже Износки и севернее.

«Вначале этому событию командование армии и фронта не придало особого значения, рассчитывая, что положение будет быстро восстановлено. В район Захарово была брошена небольшая группа, около 2000 пехотинцев с несколькими танками под командованием генерал-майора В.А. Ревякина. Однако противник успел закрепиться, и выбить его этими силами не удалось» (Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964. С.348-349).

В самый канун немецкого наступления в прорыв вошла полнокровная 9-я гвардейская стрелковая дивизия, предназначенная для усиления ударной группировки Ефремова. Комдиву генералу А.П. Белобородову сразу же «стало ясно, что фашистские войска перешли к решительным действиям с целью „подрубить“ основание прорыва ударной группы 33-й армии и окружить ее». [101] Однако в тот же день по приказу Жукова дивизия была передана в состав армии Голубева и получила приказ выйти из прорыва и взять деревню Захарово, штурмом которой гвардейцы занимались до 13 февраля.

Оставшиеся под командованием самодура-алкоголика генерала Кондратьева дивизии 33-й армии вообще были не

способны выполнять какие-либо задачи в силу полной дезорганизации управления. Одну за другой строчили члены Военного совета армии и даже начальник Политуправления фронта самые негативные характеристики на начальника штаба:

«Кондратьев продолжает пьянствовать. Сегодня напился до того, что работать был не в состоянии…

…Кондратьев совершенно разложился. Человека, которому можно было бы поручить руководство штабом, сейчас нет…

…6 марта 1942 года он в пьяном виде подписал явно невыполнимый боевой приказ. В результате части понесли ненужные потери… О пьянстве и безделье Кондратьева знают все в штабе и частях, в силу чего авторитета Кондратьев никакого не имеет».

Именно на этого человека Жуков возложил обязанности обеспечить тылы ефремовской группы.

На радиограммы оказавшегося в окружении Ефремова, требовавшего быстрее восстановить коммуникации и усилить ударную группировку, Жуков отвечал железобетонно: «Меньше истерики. Держите себя более спокойно» или «Вам не дано право вступать в полемику с Военным советом фронта и наводить критику…», но никакой реальной помощи оказать не смог. Все попытки 43-й армии восстановить связь с ефремовцами не увенчались успехом. К началу марта ценой больших потерь войскам Голубева удалось лишь слегка потеснить противника и выйти к реке Воря. [102]

5 февраля 9-я армия Моделя неожиданно нанесла сильный удар по 29-й армии Калининского фронта со стороны Ржева и одновременно встречный удар из района Оленино. В результате к 1 7 февраля армия Швецова была отрезана от 39-й и оказалась в полной изоляции.

Положение советских войск на Западном направлении в феврале резко ухудшилось. Ослабленные длительными боями, они утратили свои наступательные возможности. Поэтому Ставка выделила генералу Коневу из своего резерва гвардейский стрелковый корпус, 7 стрелковых дивизий и 4 авиаполка, а для Жукова — гвардейский стрелковый корпус, 3 стрелковые дивизии, 4-й воздушно-десантный корпус, 200 танков и 60 тыс. бойцов маршевого пополнения.

Директивой от 16 февраля Ставка потребовала от главнокомандования Западного направления мобилизовать все силы Калининского и Западного фронтов для завершения разгрома группы армий «Центр». Перед войсками ставилась задача уничтожить группировку противника, действовавшую в районе Ржев, Вязьма, Юхнов, и к 5 марта выйти на рубеж

Оленино, река Днепр, Ельня и далее по реке Десна до Снопоти. Одновременно армии левого крыла Западного фронта должны были ликвидировать вражескую группировку в районе Волхов, Жиздра, Брянск и освободить город Брянск.

Руководствуясь этими указаниями, Жуков решил сначала силами 22, 30 и 39-й армий Калининского фронта и 43, 49 и 50-й армий Западного фронта нанести поражение оленинской и юхновской группировкам противника, а затем объединенным ударом обоих фронтов завершить разгром главных неприятельских сил в районе Ржева и Вязьмы. 16-я и 61-я армии получили задачу наступать на Брянском направлении. Последующие события показали, что войскам были поставлены чрезмерно сложные задачи. [103]

Новое наступление Калининского фронта не принесло успеха, деблокировать войска генерала Швецова не удалось; им пришлось с тяжелыми боями и большими потерями прорываться на соединение с 39-й армией. Для оказания помощи окруженным Конев принял решение десантировать в удерживаемый ими район Мончалово, Окороково 4-й парашютно-десантный батальон 204-й воздушно-десантной бригады под командованием старшего лейтенанта П.А. Белоцерковского — более 400 человек.

Десантирование производилось в ночь на 17 февраля одиночными самолетами в несколько заходов с высоты 300 м. Во время выброски парашютистов и грузов самолеты ТБ-3 летали по кругу над площадкой приземления. Немцы стреляли по ним из винтовок и пулеметов, так как радиус района боевых действий 29-й армии сократился к этому времени до 4 км. Несмотря на это, ни летчики, ни десантники в воздухе потерь не имели. Всего в заданный район было переброшено 312 человек, привезено обратно 75 человек и 38 парашютистов ошибочно высадили под Старицей. В расположение войск Швецова собралось лишь 166 человек. Чем они могли помочь командарму, неясно.

28 февраля остатки 29-й армии в количестве 6000 человек вырвались из кольца к своим. По немецким данным, в плен попали 4888 бойцов и командиров, еще 26647 человек погибли на поле боя. Таким образом, первую половину тех клещей, что должны были сжать основные силы группы армий «Центр», немцы отсекли уже в феврале.

Попытки Конева в марте и апреле продолжать наступление и выполнить поставленные задачи провалились. Генерал Модель получил от фюрера Дубовые листья к Железному кресту и прозвище «пожарный для безнадежных положений». [104]

Группа генерала Белова 17 февраля получила от главкома Западного направления приказ обойти Вязьму с запада и

перехватить железную дорогу Вязьма-Смоленск. В это же время 11-й кавкорпус Соколова, прорываясь с севера, должен был выйти на автомагистраль. Наступление началось вечером следующего дня и развивалось успешно. 2-я гвардейская кавдивизия неожиданным ударом выбила немцев из села Изборово, 21 февраля 8-я воздушно-десантная бригада заняла село Бекасово, а 41-я кавалерийская дивизия — Яковлево. Советские части перерезали железную дорогу и частично разрушили ее. Корпус Соколова в это время перехватил автостраду и закреплялся в селах Азарово и Черново в 6 км севернее. Однако соединиться двум подвижным группам так и не удалось.

Противник, подтянув танки, авиацию и 3 бронепоезда, сначала отбросил от автострады корпус Соколова, а 25 февраля нанес серию контрударов по группе Белова, окружив 41-ю кавдивизию, бригаду Онуфриева, 250-й полк майора Солдатова и 329-ю стрелковую дивизию. Белову пришлось отказаться от наступления на Вязьму ради спасения своих войск. На помощь окруженным направилась 2-я гвардейская кавдивизия. После 3-дневных боев кавалеристам и парашютистам удалось прорваться через вражеское кольцо и соединиться с главными силами. Но потери были велики. Так, в 75-й кавдивизии насчитывалось лишь 59 активных штыков.

Командование 329-й дивизии приняло решение пробиваться на восток, к 33-й армии Ефремова. Фактически дивизией уже никто не управлял, она распалась на мелкие группы, действовавшие по своему разумению. В итоге через боевые порядки противника к Белову и Ефремову смогли просочиться примерно 700 человек. 10 марта майор Солдатов вывел в расположение кавалерийского корпуса остатки 250-го полка — 75 лыжников. [105]

В разгар труднейших боев в самых неблагоприятных условиях Жуков прислал командиру группы новую телеграмму:

«…Почему вы, вопреки приказу Ставки и Военного совета фронта, ушли из-под Вязьмы? Кто вам дал право выбирать себе задачу? Задача определена моим приказом. Вы, кажется, забыли, что бывает за невыполнение приказа, хотя сами арестовываете и предаете суду виновных…»

Каков, однако, стиль управления! Непогрешимый Жуков «кажется забыл», что войска Белова и Ефремова больше месяца воюют в тылу противника, не получая от командования фронтом почти никакой помощи, кроме новых задач и однообразных угроз:

«Мы не получали боеприпасов с „Большой земли“, поэтому использовали пушки и снаряды, которые собирали в тылу врага. Они были оставлены тут еще при отступлении советских войск

осенью 1941 года. Снаряды долго пролежали под снегом, девяносто процентов их не разрывалось».

Только и оставалось, что заряжать пушки жуковскими телеграммами. Ясно было, что Вязьму уже не взять.

* * *

Для содействия войскам Западного фронта в окружении и разгроме юхновской группировки Жуков решил провести еще одну воздушно-десантную операцию. 10 февраля 4-й воздушно-десантный корпус получи я задачу силами 9-й и 214-й бригад и бальона 8-й бригады десантироваться в район западнее Юхнова, прорвать фронт обороны противника с тыла в направлении Ключей, в последующем выйти на Варшавское шоссе и соединиться с частями 50-й армии. Армии Болдина следовало наступать навстречу воздушному десанту и овладеть районами Бабыкино, Ключи, Песочня.

Для высадки корпуса была сформирована авиационная группа в составе 64 самолетов ПС-84 и ТБ-3. Десантирование на этот раз предполагалось осуществить с подмосковных аэродромов Люберцы и Внуково, хорошо прикрытых силами Московской ПВО. Центром десантирования избрали площадку восточнее деревни Желанье, которую контролировали партизаны. [106] Операцию планировалось провести в течение трех суток, каждый транспортный самолет должен был выполнить по 2 рейса за ночь.

Командование строго предупредило экипажи самолетов о личной ответственности за точность выброски каждой группы парашютистов. После такого инструктажа многие летчики в тех случаях, когда выложенные на земле сигналы внушали сомнения, предпочитали возвращаться на свои аэродромы, не выполнив задания. Это привело к нарушению графика вылета и повторным полетам значительного числа самолетов.

Германская авиация не имела возможности наносить удары по подмосковным аэродромам, но оказывала активное противодействие на маршрутах полета транспортной авиации и над районом десантирования, тем более что воздушные эшелоны с десантом нередко следовали без сопровождения истребителей. Немецкие бомбардировщики наносили удары по площадкам приземления парашютистов. Советские бомбардировщики и штурмовики десант в районе высадки и в ходе боевых действий не поддерживали.

Первым в ночь на 18 февраля десантировался 4-й батальон 8-й воздушно-десантной бригады. Задачу выполнили только 12 экипажей, которые сбросили 293 человека и 32 тюка с грузами. Остальные самолеты не смогли найти заданный район из-за потери ориентации. Путаницу и неуверенность в действия летчиков вносило большое количество костров и пожаров на земле, среди которых трудно было распознать «свои» сигналы. К тому же в дальнейшем сигналы подавал и противник, обозначая ложные площадки или места сбора. Применить вместо примитивных костров, выложенных в виде различных «букв», световые или радиотехнические средства наши начальники не догадались, а может, просто не знали, что это такое. Более того, воображения не хватило даже на то, чтобы присвоить каждой советской группировке в тылу противника отдельный сигнал: идентичным образом в это же время жгли костры снабжаемые по воздуху конники Белова, партизаны Кирилова и пехотинцы Ефремова. [107]

В последующие ночи десантировались части 9-й и 214-й бригад. Вместо трех ночей операция заняла неделю, в тыл противника за это время было заброшено 7100 человек и 1500 тюков. В ночь на 23 февраля в район высадки вылетел штаб 4-го ВДК. Все командование следовало в одном тихоходном самолете ТБ-3, который на подлете к цели подвергся атаке немецкого ночного истребителя Ме-110. В результате осколком был убит командир корпуса генерал Левашов и ранено несколько офицеров штаба. Командование принял на себя начальник штаба полковник А.Ф. Казанкин.

Но в целом урон, нанесенный германской авиацией, был небольшим. Гораздо более серьезные потери — свыше 2000 человек — десантники понесли в результате неточной выброски по вине собственной транспортной авиации. Как и прежде, имели место многочисленные случаи выброски людей и грузов на большой площади, с высоты 1000-2000 м, вместо положенных 600 м — в расположение 33-й армии, корпуса Белова, в боевые порядки противника и далее за Днепром. Потери грузов значительно снизили боеспособность десанта, потеря лыж лишила многие подразделения подвижности. До 23 февраля одновременно с продолжавшимся десантированием части корпуса сосредоточивались в районах сбора, разыскивали сброшенное имущество и вели разведку.

Немцы, в свою очередь, с первой же ночи появления в своем тылу десантников начали усиливать гарнизоны и оборонительные сооружения. Многие строения в населенных пунктах приспосабливались под огневые точки, строились ледяные окопы

и различные заграждения. Гарнизоны усиливались танками и артиллерией.

Приняв командование корпусом, полковник Казанкин связался со своими бригадами и с командованием 50-й армии. К этому времени войска генерала Болдина, подходившие к Варшавскому шоссе на рубеже Сапово, Савинки, встретили упорное сопротивление противника, преодолеть которое оказались не в состоянии. [108]

В ночь на 24 февраля 9-я воздушно-десантная бригада полковника И.И. Курышева, уничтожая по пути мелкие гарнизоны, вышла к населенным пунктам Пречистое и Куракино, где была остановлена немцами. 212-я бригада подполковника Н.Е. Колобовникова пыталась с ходу захватить опорные пункты в Иванцеве, Костинках, Жердовке, но успеха не имела. В течение ночи с 24 на 25 февраля части корпуса вели разведывательные поиски, улучшали занимаемые позиции и готовились к проведению повторных атак опорных пунктов. Единственным средством подавления, которым располагали десантники, являлся огонь из стрелкового оружия и минометов. Однако и он не мог быть особенно интенсивным из-за ограниченного количества боеприпасов. Поэтому корпус действовал в основном ночью, внезапными атаками.

Всего перед собой части Казанкина имели около пяти пехотных полков, принадлежавших 131, 34 и 31-й дивизиям. Они располагались в населенных пунктах, приспособленных к обороне, занимали укрепленные позиции, были усилены артиллерией и поддерживались бомбардировочной авиацией. Таким образом, с первого дня боевых действий корпус на всем фронте наступления встретился с организованной обороной, которая все более усиливалась в связи с тем, что десантирование и сбор частей воздушного десанта затянулись на длительное время. Противник, определив намерения и направление ударов войск 4-го ВДК, немедленно стал подтягивать в район действий дополнительные силы.

Несмотря на это, десантники на отдельных направлениях продвинулись на 20-22 км навстречу войскам фронта, овладели рядом населенных пунктов. В результате боев 23-28 февраля части корпуса вышли на указанный командованием Западного фронта рубеж, где должна была произойти встреча с войсками 50-й армии. [109] Нескольким разведгруппам 9-й воздушно-десантной бригады удалось даже пробраться через Варшавское шоссе и установить связь с частями генерала Болдина. Но 50-я армия не смогла прорвать фронт и соединиться с десантниками, и корпус, понеся значительные потери, при ограниченном

количестве боеприпасов, 1 марта перешел к обороне.

В итоге десантная операция поставленных целей не достигла. Войска 43, 49 и 50-й армий не добились решительного успеха. Только в начале марта после тяжелых многодневных боев им удалось срезать юхновский выступ и освободить Юхнов. Продвинуться дальше они не смогли. Сложившаяся обстановка вызвала необходимость длительного пребывания частей 4-го ВДК в тылу противника. В этой обстановке задачи корпуса свелись к удержанию захваченного района и диверсионной деятельности на немецких коммуникациях.

Отсутствие регулярного снабжения — ведь по замыслу операции боевые действия десанта должны были продолжаться не более 2-3 суток — артиллерии и танков, а также слабая поддержка с воздуха фронтовой авиацией не позволяли парашютистам успешно выполнять сложные боевые задачи. По существу, десантные бригады и батальоны превратились в обычные облегченные стрелковые части и партизанские отряды.

Анализируя эту операцию, генерал Лисов пишет:

«…в конце января и начале февраля в тылу вяземской группировки противника сложилось несколько очагов борьбы советских войск. Это группы генерала Белова и Ефремова, группы десантников майора Солдатова и подполковника Онуфриева. К моменту принятия решения на применение 4-го воздушно-десантного корпуса в феврале положение указанных групп нельзя было считать даже удовлетворительным. Отсюда возникает вопрос: стоило ли в этой обстановке бросать десантников навстречу войскам 50-й армии? [110]

Не лучше ли было-бы 4-й ВДК использовать вначале для усиления группы Ефремова, затем, соединив эти войска с группой генерала Белова, образовать единый плацдарм и, опираясь на него, под единым командованием… нанести удар на север между Вязьмой и Смоленском, навстречу 11-му кавалерийскому корпусу Калининского фронта или на юг навстречу армии генерала Болдина? Но командование Западным фронтом не дало соответствующих указаний.

Несогласованность как в сроках, так и в направлении действий советских войск под Вязьмой не позволила добиться решающих успехов, а противник получал возможность отражать их атаки по частям, то в одном, то в другом месте, маневрируя своими силами и средствами».

В ходе Отечественной войны советское командование попыталось провести еще одну крупную воздушно-десантную операцию в сентябре 1943 года, когда наши войска вышли на рубеле Днепра. Казалось бы, имея ценнейший опыт вяземских

десантов, теперь можно было предусмотреть все. Однако на деле опыт никому оказался не нужен, а просчеты в организации операции достигли уровня кретинизма.

Целью десанта являлось содействие войскам 40-й армии Воронежского фронта в расширении так называемого Букринского плацдарма на западном берегу реки. Для высадки был выделен сводный воздушно-десантный корпус в составе 1, 3 и 5-й бригад под командованием заместителя командующего ВДВ генерал-майора И.И. Затевахина. План операции утверждал лично представитель Ставки маршал Жуков, который в целях соблюдения секретности запретил взаимодействие и обмен информацией между армейским и десантным штабами — «пусть каждый решает свои задачи». В соответствии с этой идеей, командиры бригад получили боевой приказ 24 сентября в 16.00 — за полтора часа до посадки личного состава в самолеты; у комбатов на постановку задач своим подчиненным осталось по 30 минут; командиры рот и взводов проводили инструктаж бойцов уже в воздухе. [111]

Достоверные разведданные о составе и группировке противника отсутствовали, а те, которые имелись — игнорировались. Выдвижение в район предполагаемого десантирования германских резервов осталось незамеченным. Транспортных самолетов в исходные районы прибыло значительно меньше, чем планировалось, а их грузоподъемность оказалась меньше заложенной в расчетах и таблицах десантирования. Присланные за 30 минут (!) до взлета бензозаправщики не успели в столь короткий срок заправить все машины. В результате десантирование проводилось не по плану, а отдельными самолетами по мере их заправки. Уже в ходе операции выяснилось, что горючее закончилось, поэтому операция была прекращена.

Всего ночью 25 сентября удалось высадить 3-ю и 2 батальона 5-й воздушно-десантной бригады — 4575 человек без 45-мм орудий. В результате потери пилотами ориентиров и желания побыстрее покинуть зону зенитного огня противника парашютисты и грузы сбрасывались беспорядочно с высоты до 1000 м и на больших скоростях. Это привело к разбросу десанта на огромной площади между Ржищевом и Черкассами. Часть парашютистов была выброшена прямо в Днепр, 230 человек — на своей территории. 13 самолетов вернулись назад, так и не найдя района высадки. Основная же масса десанта попала прямиком в боевые порядки противника, вот тут, так сказать, эмпирическим путем и было установлено, что против плацдарма сосредоточены пять немецких дивизий, в том числе две танковые.

Но даже сообщить о своем «открытии» многозвездному начальству парашютисты не имели возможности из-за потери связи (в результате беспорядочной погрузки и неправильного распределения радиосредств). Например, командир 3-й воздушно-десантной бригады, вылетая на одном самолете со своим начальником штаба, не взял с собой ни одной рации дальнего действия, в то время как в других самолетах находилось по 3-6 радиостанций с радистами. [112] А радиостанции, в свою очередь, десантировались отдельно от блоков питания. И все это разбросало на площади свыше 1500 км! Многие рации были потеряны еще в воздухе или сразу после приземления, часть вышла из строя по техническим причинам. В итоге большинство командиров частей осталось без радиосредств.

Из— за неудачной выброски десантники были обречены на самостоятельные действия мелкими группами в районах своего приземления. С 25 сентября по 5 октября в тылу противника действовали 43 такие группы общей численностью около 2300 человек. Никакого реального содействия войскам Воронежского фронта они, конечно, оказать не могли.

В конце сентября подполковнику Сидорчуку удалось собрать в Каневском лесу нескольких таких групп и сколотить из них сводную бригаду в 600 человек, которая перешла к диверсионным действиям. Лишь 6 октября к ней присоединилась группа связистов с исправной радиостанцией, которая впервые установила связь с 40-й армией.

Между тем достаточно было открыть Полевой устав Красной Армии 1940 года, в котором четко указывалось:

«Использование воздушных десантов требует организации тщательной разведки районов выброски (высадки) и действий десанта; скрытности и внезапности применения; надежного обеспечения боевой авиацией транспортировки воздушного десанта и его последующих наземных действий; строгого учета времени, необходимого десанту на подготовку к операции и выполнение боевой задачи; организации надежной связи с выброшенным десантом».

Не для наших маршалов тот устав писался.

Жуков в мемуарах об этих событиях не обмолвился ни строчкой, как и о приказе Сталина, в котором, в частности, указывалось, что «выброска массового десанта в ночное время*свидетельствует о неграмотности организаторов этого дела… (курсив наш. — Авт.)*». [113]

В качестве постскриптума к данной теме осталось привести мнение маршала Н.Н. Воронова:

«С большим сожалением нужно сказать, что мы, пионеры

воздушного десанта, не имели разумных планов его использования».

Больше ни Генштаб, ни Жуков воздушно-десантными операциями не баловались — слишком сложная оказалась затея.

«Обстановка: поразительно спокойно…»

В первой декаде марта на всем советско-германском фронте наступило относительное затишье. Обе стороны пополняли войска, сильно поредевшие за истекшие месяцы.

В тылу у немцев южнее и юго-восточнее Вязьмы продолжала существовать обширная зона, контролируемая регулярными советскими частями и партизанскими отрядами. В ряде районов была установлена Советская власть, работали призывные комиссии, шел сбор оружия, боеприпасов и продовольствия. Генерал Белов произвел реорганизацию своей группы, расформировав 41, 57 и 75-ю кавалерийские дивизии, а их личный состав использовав для доукомплектования двух гвардейских дивизий.

За счет мобилизации мужского населения в возрасте до 49 лет и «окруженцев», численность корпуса была доведена до 17 тыс. человек. 1-я гвардейская кавдивизия генерал-майора Баранова дислоцировалась в районе Дорогобужа, подчинив себе все местные партизанские формирования. 2-я кавдивизия генерала Н.С. Осликовского контролировала район Всходы, Сенютино.

4— й воздушно-десантный корпус занимал район Ключи, Тыновка, Юркино, Петрищево, Новая, станция Вертерхово. Общий фронт обороны составлял 35 км. В первой половине марта более или менее было налажено снабжение корпуса и эвакуация раненых по воздуху. [114] Однако в воздушных перевозках часто бывали длительные перерывы из-за неблагоприятных метеоусловий, возросшего противодействия ночных истребителей противника и нехватки транспортных самолетов. В состав корпуса вновь влилась 8-я бригада Онуфриева, от которой, правда, осталось чуть больше батальона.

Группа Ефремова держала оборону по реке Угре в районе Шеломицы, Гуляево. От обескровленных войск требовалось

«организовать оборонительные действия так, чтобы ни в коем случае не допустить сдачи занимаемой территории и сужения района действий группы».

Ни одна из советских группировок во вражеском тылу не получила приказа о прорыве из окружения, так как для Жукова принять подобное решение означало окончательно отказаться от надежд захватить Вязьму. Ставка в директиве от 20 марта отмечала, что «ликвидация ржевско-гжатско-вяземской группировки противника недопустимо занянулась» и вновь приказывала овладеть городами Гжатск, Вязьма, Ржев.

Немцы оставили лесные районы, но цепко удерживали узловые населенные пункты и основные коммуникации. Вокруг зон, занятых советскими частями, были созданы полосы заграждений и укреплений, состоявшие из минных полей, рвов, ледяных валов, дзотов. Эти рубежи оснащались артиллерией, танками и прожекторами. Измотав армии Западного фронта, противник мог теперь выделить больше сил и средств для очистки своих тылов. Германские части начали планомерно сжимать кольцо.

Так, отразив наступление 50-й армии, немцы смогли вплотную заняться десантниками Казанкина. 18 марта части 131-й пехотной дивизии нанесли удар с востока и заняли Пушкино. К концу боя от оборонявшего этот пункт 4-го батальона 214-й воздушно-десантной бригады в живых осталось лишь 30 человек. 31 марта 34-я пехотная дивизия ударила в стык 9-й и 214-й бригад между деревнями Дубровня и Пречистое и заняла Куракино. [115] Части корпуса понесли значительные потери. Отряды парашютистов-диверсантов, не предназначенные и не вооруженные для правильного боя, оказались в тяжелом положении. Была потеряна почти вся артиллерия, ощущался острый недостаток в боеприпасах и продовольствии, в госпиталях корпуса находилось свыше 2000 раненых, причем треть из них нуждалась в немедленной эвакуации. 3 апреля немцы захватили Акулово, а к 9 апреля — деревню Жуковку, станции Вертерхово и Угра. На следующий день пали поселок Комбайн и Марьино. Создалась реальная угроза расчленения 4-го ВДК на две части.

Полковник Казанкин обратился за поддержкой к генералу Белову. На помощь десантникам была послана вся 2-я гвардейская кавалерийская дивизия. Наконец, 11 апреля воздушно-десантный корпус по распоряжению Военного совета фронта был подчинен штабу 1-го кавкорпуса. Белов по этому поводу саркастически заметил, что все советские соединения в тылу противника имели свои задачи, «но как только они попадали в тяжелое положение, их сразу же переподчиняли штабу корпуса и на нас возлагалась особая ответственность за их спасение». Объединенными усилями конников и десантников в крайне ожесточенных боях к 12 апреля немцев удалось

остановить. Десантники перешли к обороне вместе с партизанским отрядом Жабо.

В эти дни началась агония группы Ефремова. 10 апреля он послал донесение: «С 13.00 10.04.1942 г. враг бросил на сжатие кольца танки и пехоту, нацелив их на каждый наш укрепленный район… Стремлюсь организовать оборону по реке Угре». 12 апреля Ефремов получил заведомо невыполнимую директиву командующего Западным фронтом пробиваться на восток навстречу 43-й и 49-й армиям, которым предписывалось в один день прорвать оборону противника на всю глубину. [116]

Оценивая действия войск Голубева и Захаркина, полковник Генштаба К.В. Васильченко писал:

«Они разбросались на широком фронте по разным направлениям, без тесной увязки проводимых операций между собой. Не умели быстро достигать превосходств в силах на решающем направлении за счет решительного оголения второстепенных участков фронта. Стремление быть сильными везде, боязнь проявить оперативный риск вело к распылению сил и средств в каждой из них.

Вначале армии даже не имели резко выделенных ударных группировок; особенно в худшую сторону в этом вопросе выделяется 49-я армия, в которой даже дивизии действовали по различным направлениям, и нельзя понять по оперативной обстановке, где и на каком направлении командующий армией ищет решение своей задачи.

43 армия начиная с февраля имела ударные группировки на отдельных направлениях, но слабые по численному составу и раздробленные по силе. На первом этапе ей пришлось вести бои против мятлевскои группировки противника, которая напрягала все усилия для того, чтобы прорваться через части 43-й армии на северо-запад и против затянувшейся бреши в районе Захарове. В дальнейшем создала две ударные группировки и, наконец, одну сильную южную группировку, но с большим опозданием. Маневренность частями была слабая и малоповоротливая.

Для 43— й армии также присуща торопливость, поспешность, ввод частей в бой пачками, по частям, без должной организации взаимодействия всех родов войск, благодаря чему армия и не имела крупных успехов…

Когда противник расколол западную группировку 33-й армии на части и вышел на восточный берег р. Угра, с одной стороны, безрезультатность боев 43-й и 49-й армий по прорыву обороны — с другой, то была ясна судьба западной группировки. Благодаря крупным недочетам в первую очередь оперативного характера… в действиях 43-й и 49-й армий противник избежал разгрома по

частям. [117] Получился успех вместо оперативного масштаба — чисто тактический — вытеснение мятлевскои группировки противника, взятие Юхнова и выход на рубеж рек Воря и Угра».

Генералы Голубев и Захаркин задачу по деблокаде не выполнили и 14 апреля прекратили наступательные действия, тем самым предоставив немцам возможность сосредоточиться на окончательном уничтожении группировки 33-й армии. Она была плотно блокирована в районе деревни Новая Михайловка. Трижды раненный генерал Ефремов, не желая оказаться в плену, застрелился. Около сотни бойцов под командованием полковника Ф.М. Орлова пробились в расположение группы Белова, еще около 660 человек вышли на участок партизанского полка Жабо. Ударная группа 33-й армии прекратила свое существование.

Вину за провал операции, гибель Ефремова и его трех дивизий маршал Жуков, как уже нетрудно догадаться, возложил на самого Ефремова:

«…Как показало следствие, никто, кроме командующего 33-й армией, не виновен в том, что его коммуникации противник перехватил. Жуков».

В августе 1966 года он же поведал историкам:

«Там, собственно говоря, и операции никакой не было. Прорвались. Ефремова отсекли, Белова отсекли. Они остались в тылу… Относительно отрезания этой группы. Командующему фронтом, когда ведется сражение на таком огромном пространстве 600 км по фронту, очень трудно уследить за вопросами тактического порядка. Ефремов прошел в свободную „дырку“. Сзади у пего остались главные силы… Что должен был сделать Ефремов?*Он должен был за счет главных сил армии, которые задержались у Шанского завода, пару дивизий поставить, как распорки, для. того чтобы у него тыл был обеспечен. Он этого не сделал… Вопрос обеспечения — это не вопрос командующего фронтом (?), и я не считал нужным смотреть, что справа и слева (???,)… (курсив наш. — Авт.)*. Ну, а большую взять на себя ответственность для того, чтобы показать себя здесь самокритичным, я думаю, надобности нет, зачем это нужно». [118]

Относительно выхода из окружения Жуков наразмышлял, вернее, наизмышлял в своих мемуарах следующее:

«По просьбе генералов П.А. Белова и М.Г. Ефремова командование фронта разрешило оставить занимаемый район и выйти на соединение с войсками фронта, при этом было*строго указано: выходить из района Вязьмы на Киров, пробиваясь через партизанские районы, через лесные массивы, в общем направлении через Ельню, реку Десну, Киров (курсив наш. — Авт.)*, где 10-й

армией фронта будет подготовлен прорыв обороны противника. В этом месте был самый слабый участок в обороне противника… А Михаил Григорьевич Ефремов, считая, что этот путь слишком длинен, обратился через голову фронта по радио в Генштаб с просьбой разрешить ему прорваться по кратчайшему пути — через реку Угра. Мне позвонил Сталин и спросил мое мнение. Я категорически отверг эту просьбу. Но Верховный сказал, что Ефремов опытный командарм, надо согласиться с ним и приказал организовать встречный удар силами фронта».

Не в первый раз «память подвела» Георгия Константиновича. Во-первых, генералу Белову в течение пяти месяцев до последней возможности категорически запрещалось уходить из-под Вязьмы. Лишь в начале июня ему было дано разрешение на прорыв через линию фронта. Он и придумал вышеописанный маршрут на Киров, который был слишком заумен для Жукова, мыслящего кратчайшими расстояниями. Во-вторых, жуковский приказ Ефремову прорываться именно на восток подтверждается документально, в отличие от маршальских «воспоминаний».

Маршал Соколовский, бывший начальник штаба Западного фронта и направления, в изданном под его редакцией труде о Московской битве авторитетно подтвердил версию «патрона» о том, что Ефремов был хоть и героической личностью, но генерал — никудышный: [119]

«Что касается трех дивизий 33-й армии, то когда выяснилось, что овладеть Вязьмой имеющимися силами невозможно, командование фронта предложило (в какую форму облекал Жуков свои „предложения“ мы уже видели. — *Авт.)*генералу Ефремову отвести свои войска в район лесов между Вязьмой и Юхновом. Там успешно действовали наши крупные партизанские отряды (никаких указаний Ефремову «отвести свои войска» в район лесов в архивах до сих пор не обнаружено. — *Авт.)*. Задерживать далее под Вязьмой эти ставшие в тому времени весьма малочисленными соединения, без сомнения, не следовало.

Однако генерал Ефремов в ответ на это предложение в достаточно уверенной форме высказался за прорыв к главным силам своей армии в районе Захарова и немедленно двинулся в этом направлении, выключив радиосвязь (?) с фронтом. Командование фронта, получив последние донесения генерала Ефремова, приказало командующему 43-й армией организовать удар навстречу этим дивизиям. Но и двухсторонний прорыв не удался, ибо противник сопротивлялся упорнейшим образом.

В этом бою погибли геройской смертью генерал Ефремов (по Соколовскому, из-за собственной глупости и самоуверенности. — *Авт.)*и ряд других офицеров армии, а остатки дивизий, не

преследуемые противником, отошли в леса, где присоединились к партизанам (!)».

Получается, генерал Ефремов чуть ли не по собственной инициативе бросил армию и с тремя дивизиями решил взять Вязьму, и вообще, вел себя легкомысленно, не прислушиваясь к советам премудрого главкома, который, в свою очередь, «не считал нужным смотреть, что справа и слева», и тем более «взять на себя ответственность». [120]

Тем временем Жуков готовил новую, столь же необеспеченную наступательную операцию. Да и то сказать, ведь за 3 месяца он потерял всего каких-то полмиллиона человек.

50— я армия должна была в третий раз попытаться совершить прорыв через Варшавское шоссе, а 1-й гвардейский кавкорпус совместно с десантным корпусом-помочь ей, нанеся немцам удар с тыла. Обрадованный столь обнадеживающими известиями, генерал Белов провел разведку в указанном направлении и 10 апреля послал командующему Западным направлением план предстоящей операции:

«Протяженность корпуса по окружности превышает 300 км. Силы противника: на линии Милятино — Ельня разведано шесть пехотных дивизий. К Ельне подходят подкрепления со стороны Рославля и Смоленска… Силы корпуса и протяжение фронта вынудили меня перейти к обороне. Инициатива заметно переходит в руки противника. Резервов нет. В этих условиях выдвигаю следующий наступательный план…»

План Белова предполагал сосредоточение в течение 7-10 дней районе Всходы сильной ударной группы в со ставе 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских дивизий, 4-го воздушно-десантного корпуса и партизанского отряда Жабо и прорыв навстречу 50-й армии в общем направлении на Милятино. Ответ штаба фронта был разочаровывающим: предложенный план в целом признавался правильным, но сообщалось, что 50-я армия к наступлению не готова. Кроме того, запрещалось ослаблять район Дорогобужа, который по приказу Верховного Главнокомандующего надлежало удерживать. На свой страх и риск Белов решил провести несколько частных операций, чтобы продвинуться на юг и создать более благоприятную обстановку для соединения с армией Болдина.

Далее началась чехарда, вызванная жуковскими понятиями о секретности и взаимодействии: [121]

«14 апреля из штаба Западного фронта было получено совершенно неожиданное сообщение: 50-я армия перешла в наступление и даже овладела Зайцевой Горой в шести километрах от Милятино. Это сообщение показалось мне

странным. Три дня назад армия еще была не готова к активным действиям и вдруг самостоятельно, без согласования с нами, начинает прорывать оборону противника. Чем это объяснить? Несогласованностью? Нли у 50-й армии наметился просто частный успех?

Как бы там ни было, командующий фронтом потребовал от нас немедленно ускорить наступление навстречу 50-й армии. Я считал, что надо пойти на риск, снять из района Дорогобужа нашу самую сильную в то время — 1-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию с ее артиллерией и минометами. Однако командование фронта было другого мнения».

2— я гвардейская кавдивизия и 4-й воздушно-десантный корпус начали наступление довольно удачно. К исходу 14 апреля соединениями Казанкина были заняты станция Вертерхово, Богородицкое, а в ночь на 15 апреля-Платоновка, Акулово, Бараки Плотки. Кавалеристы Осликовского вели упорный бой в трех километрах от станции Баскаковка. В течение следующих двух суток 8-я и 9-я бригады продолжали наступление и 17 апреля освободили Буду. Однако с утра 18 апреля после сильного артиллерийского и авиационного налетов противник перешел в контратаку и к 16 часам выбил десантников из Буды. Полковник Казанкин перенес направление удара и к 23 апреля передовые части 9-й воздушно-десантной бригады достигли Нового Аскерово. Отсюда до позиций 50-й армии оставалось всего около двух километров. Казалось, еще одно усилие — и цель будет достигнута, но эти последние километры оказались непреодолимыми. Противник ввел в бой части 31-й пехотной и 19-й танковой дивизий и непрерывно контратаковал.

Войска Болдина не только не смогли прорвать оборону 34-й пехотной дивизии, но и были выбиты из Зайцевой Горы. Атаки продолжались еще в течение нескольких суток, но не принесли успеха. [122] Наступление постепенно затухло.

Очередная попытка 50-й армии прорваться через Варшавское шоссе снова оказалась безрезультатной. Группа Белова вернулась в прежний район и перешла к обороне.

Провалилось и наступление 5-й армии Говорова на Гжатск, результаты которого только укрепили немцев в сознании своего превосходства. 14 апреля штаб германского 9-го армейского корпуса докладывал в штаб 4-й танковой армии:

«Атаки противника, проведенные с 4.3.42 г. семью стрелковыми дивизиями, семью стрелковыми и двумя танковыми бригадами против северного фланга 252-й пехотной дивизии и против фронта 35-й пехотной дивизии с целью захвата Гжатска были отбиты. Противник потерял в этих боях свыше 800 пленных.

Его потери убитыми, согласно показаниям пленных и согласно нашему подсчету, составляют свыше 20000 человек. 36 танков противника были уничтожены».

Корпус потерял 5800 погибшими и пропавшими без вести и около 3200 человек тяжелоранеными и больными

В связи с «ослаблением наступательных возможностей войск Западного направления» и начавшейся весенней распутицей, Ставка 20 апреля приняла решение о переходе этих фронтов к обороне на занимаемых рубежах. Да и как тут было не ослабеть, если только в апреле армии одного лишь Западного фронта, с упорством, достойным лучшего применения, безуспешно атаковавшие на одних и тех же направления укрепленные позиции противника, потеряли 119 тыс. человек убитыми и ранеными — вдвое больше, чем войска вермахта на всем Восточном фронте.

20 апреля генерал Гальдер записал в дневнике:

«Обстановка: поразительно спокойно…» [123]

* * *

На этом закончилась Ржевско-Вяземская наступательная операция — но не эпопея десантного и кавалерийского корпусов, оставшихся в тылу противника.

«Частям, которые вели бои за линией фронта, — сообщает наша официальная история, — было приказано выходить на соединение с главными силами».

На самом деле 26 апреля генерал Белов был уведомлен о том, что Западный фронт перешел к обороне. Но ему вовсе не было приказано «выходить на соединение» с кем бы то ни было, а напротив — удерживать занимаемый район, «перейти к активной обороне» и одновременно «дать отдых людям и беречь кадровые соединения». Группа Белова ушла в леса, превратившись, по-существу, в партизанское соединение. На контролируемой ею территории находилась огромная масса вооружения и техники, брошенная советскими частями при октябрьском разгроме 1941 года:

«За время пребывания в тылу противника мы потеряли часть тех немногих артиллерийских орудий, которые удалось взять в рейд.*Но общее количество пушек не только не уменьшилось, а даже увеличилось (курсив наш. — Авт.)*. Наши гвардейцы с помощью населения и партизан разыскивали орудия, минометы и

боеприпасы, оставшиеся в лесах и болотах после боев, шедших в этих местах осенью 1941 года. Артиллеристам 1-й гвардейской кавалерийской дивизии удалось обнаружить несколько дальнобойных орудий с запасом снарядов. Одно из орудий оказалось исправным. Его установили вблизи села Гришине. Время от времени оно вело огонь по противнику, чаще всего по железнодорожной станции Вязьма, когда там скапливались вражеские эшелоны… Немецкая авиация долго и безрезультатно разыскивала эту пушку. Обстрел Вязьмы прекратился только, когда пушка разорвалась от слишком большого заряда.

Собранное и отремонтированное артиллерийское вооружение использовалось для пополнения материальной части наших подразделений. Кроме того, были заново сформированы минометный дивизион и две тяжелые артиллерийские батареи 152-мм гаубиц… [124]

В тылу врага, на освобожденной территории, мы обнаружили значительное количество советских танков. Некоторые машины можно было отремонтировать и снова ввести в строй… В первых числах мая мы объединили эти две роты в отдельный танковый батальон, который возглавил старший лейтенант Кошелев — более 20 танков (!), среди них два тяжелых КВ и восемь Т-34. В апреле была организована и посадочная площадка для самолетов, вывозились раненые».

В апреле— мае в район Дорогобужа была заброшена 23-я воздушно-десантная бригада 10-го ВДК — 2319 человек под командованием подполковника А.Г Мильского.

Эта идиллия продолжалась целый месяц. Командование группы твердо верило, что оно не напрасно копит силы и удерживает «плацдарм», что в первых числах июня непременно начнется большая наступательная операция Западного фронта. Генерал Белов имел информацию, что немцы готовят операцию по очистке своих тылов, к которой привлекались 7 дивизий 4-го и 43-го армейских корпусов, и считал этот момент исключительно удачным для удара 50-й армии. Однако немцы начали операцию «Ганновер» 24 мая, а наступление Западного фронта на Вяземском направлении так и не состоялось.

Между тем противник, применяя танки и авиацию, медленно и методично расчленял советские войска на отдельные группы. Наконец 5 июня Белов и Казанкин получили разрешение оставить район действий и прорываться к своим. При этом директива штаба фронта запрещала брать с собой партизанские части и рекомендовало два варианта прорыва:*на север, для соединения с главными силами Калининского фронта, и на восток, в направлении на Мосалъск, навстречу наступающему противнику.*

То есть Жуков снова предлагал прорываться по кратчайшему пути. Однако Белова не устраивали самоубийственные варианты: [125]

«При прорыве на север нам пришлось бы форсировать Днепр, не имея переправочных средств. Кроме того, нам нужно было бы пересечь железную дорогу и автостраду Москва-Минск (чего не удалось сделать и при более благоприятных условиях. — *Авт.)*, где немцы могли свободно маневрировать своими войсками. Прорыв на восток, к 50-й армии, исключался потому, что на этом направлении действовали главные силы противника».

Поэтому Белов предложил идти на юго-запад, прорываясь близ Ельни:

«Противник здесь был сравнительно слабый, а южнее Ельни значительный район контролировался 5-м партизанским полком имени Лазо. Пройдя через этот район, мы могли пересечь Варшавское шоссе, прорвать линию фронта и соединиться с войсками 10-й армии близ Кирова. Такое решение давало возможность избежать боев с крупными силами гитлеровцев, выйти из вражеского тыла с честью и без больших потерь».

В общем— это та идея, которую Жуков позже приписал себе и даже якобы отстаивал ее перед Сталиным.

Прорыв на юг был назначен в ночь на 9 июня в десяти километрах западнее Ельни между деревнями Быки и Титово. В первом эшелоне должны были наступать 4-й ВДК, 1-я и 2-я гвардейские кавдивизии, во втором — 329-я стрелковая дивизия, прикрывающая с тыла обозы с ранеными. Операция прошла удачно. Затем, совершив тяжелый марш через заболоченные леса, основные силы группы 15-16 июня сосредоточились у Варшавского шоссе. В ночь на 16 июня через шоссе прорвалась дивизия Баранова и половина десантного корпуса, а в ночь на 20-е — остальные силы. В ночь на 28 июня около 10 тыс. бойцов и командиров вышли в расположение 10-й советской армии. [126]

* * *

Ни в одном учебнике по военному искусству не сказано прямо, что Ржевско-Вяземская операция провалилась. Нет, она получила ярлычок «незавершенной», но имевшей «важное значение»:

«Советские войска отбросили противника на Западном направлении на 80-250 км, завершили освобождение от

оккупантов Московской и Тульской областей, освободили многие районы Калининской и Смоленской областей. Германские войска не получили ожидаемой зимней передышки для подготовки новых операций и понесли значительные потери. В ходе операции советское командование приобрело*поучительный опыт (курсив наш. — Авт.*) ведения крупной наступательной операции с выброской воздушных десантов в тыл противника»

и даже, кто бы мог подумать, — всего два года прошло после войны с Финляндией — «приобрели опыт наступления в условиях суровой зимы и бездорожья» (Советская военная энциклопедия. Т. 7). Более того, в ходе страстной дискуссии о стратегических операциях Великой Отечественной войны, проведя «углубленные исследования», наши историки доказали в 1987 году, что под Ржевом и Вязьмой советские войска нанесли противнику «тяжелое поражение» (!?), а «фланги группы армий „Центр“ были глубоко охвачены нашими войсками».

За этим пустословием скрывается простой факт, что ни одна из целей операции достигнута не была, а «поучительный опыт» пришлось оплатить сотнями тысяч (!!) похоронок. Генерал Конев фактически уложил весь Калининский фронт «первого состава»: к началу операции в его соединениях насчитывалось 346100 командиров и красноармейцев, потери же составили 341 227 человек! Остальные — на счету Жукова. Еще 61 тысячу убитыми и ранеными добавили войска Брянского фронта.

Маршал Рокоссовский назвал эту операцию «наступательной затеей», которая «оказалась выгодной только врагу, перешедшему к обороне…»:

«Непрерывные наступательные бои пожирали людей, как пламя сухую траву… Операции остались незавершенными. А раз так, то*они не оправдали затраченных на них сил и средств. [127] Выталкивая противника, мы только ослабили себя(курсив наш. — Авт.)*. К тому же оказались в невыгодном положении: растянули линию фронта, выписав из нее такие невероятные «вензеля», чем предоставили врагу возможность срезать многочисленные выступы (что привело к гибели частей 33-й, 29-й, а впоследствии и 39-й армий. — *Авт.)*».

Причиной, помешавшей успешно завершить наступление, наши полководцы называют нехватку сил и средств. А виноваты во всем — Сталин и Генштаб, мол, на слишком многое замахнулись. Это верно лишь отчасти. Но, во-первых, при планировании зимнего наступления никто из генералов против заявленных целей не возражал и вся их критика датируется задним числом; во-вторых, мы уже видели, как безграмотно имевшиеся силы были растрачены.

Упоминавшийся уже доклад полковника Васильченко главную вину*за поражение* (такое достижение, как глубоко охваченные фланги фон Клюге, для офицера Генштаба не являлись признаком успеха. — *Авт.)* возложил на генерала армии Жукова, непосредственно руководившего войсками Западного фронта и направления:

«Оперативный замысел операции по внезапному овладению г. Вязьмой, выходом на тылы гжатско-вяземской группировки противника, разъединение вяземской группировки от юхновской и одновременный их разгром по частям не соответствовал наличию сил и средств, выделенных для этой цели Западным фронтом.

Неправильная оценка противника о его боеспособности после нанесенных ему серьезных поражений в предшествующих боях.

Неверный расчет времени и игнорирование условий, в которых действовали наши войска, привели к неправильному принятию решения, вследствие чего задуманная операция не была выполнена. [128]

Если бы Западный фронт сначала всем своим левым крылом (33, 43, 49, 50-я и гр. Белова) обрушился на юхновскую группировку, окружил бы ее и уничтожил, для

чего по условиям обстановки предоставлялась полная возможность, а затем совместно с правым крылом при взаимодействии с Калининским фронтом мог бы ликвидировать сычевско-гжатско-вяземскую группировку противника.

Но вместо этого Западный фронт погнался преждевременно за большими целями, хотел одновременно разгромить гжатско-вяземскую, юхновскую, спас-деменскую, мятлевскую группировки противника, не имея для этого достаточных сил и средств. Действия Западного фронта уподобились действию растопыренными пальцами. Каждая армия имела свою ударную группировку, которая действовала на своем направлении без тесной увязки с соседями. Даже тогда, когда 43-я и 49-я армии были правильно нацелены для разрешения общей задачи по прорыву обороны противника с целью соединения с частями западной группировки 33-й армии, то и в этом случае не было налажено тесного взаимодействия между ними.

Армии, привыкшие действовать самостоятельно, без увязки своих действий с соседями, продолжали оставаться верны своим старым принципам.

Получилось так: когда ударная группировка одной армии наступает, то другой — стояла на месте, потом они менялись ролями.*А командование Западным фронтом продолжало наблюдать, как рядом ударные группировки двух армий дерутся,*

вразнобой, и не вмешивалось в их дела до тех пор, пока окончательно операция на этом направлении не была сорвана (курсив наш. — Авт.).

Западный фронт не создал кулака в виде крупной мощной группировки из всех родов войск на решающем направлении, при помощи которого решал бы задачу крупного оперативного размаха.

Силы и средства были почти равномерно распределены по всему огромному фронту.*Громкие приказы, которые отдавал командующий Западным фронтом, были невыполнимы. Ни один приказ за всю операцию вовремя не был выполнен войсками (курсив наш. — Авт.)*. [129] Они оставались голой бумагой, которая не отражала действительного положения войск и не представляла собой оперативного документа. А та торопливость, которую проявляло командование Западным фронтом, передавалась в войска и приносила большой вред делу.

Операции начинались неподготовленными, без тесного взаимодействия родов войск, части вводились в бой пачками, по частям, срывали всякую внезапность, лишь бы скорее начать операцию, без анализа дальнейшей ее судьбы.

Авиация также была раздроблена по всему фронту на мелкие группы, не было ее сосредоточенных ударов последовательно по определенным направлениям, а при прорыве войсками заранее подготовленной обороны противника, она почти на поле боя не участвовала, что отрицательно сказывалось на моральном состоянии войск.

Танковые и артиллерийские средства также нерационально использовались и сильно распылялись

Управление войсками, действовавшими на этом направлении, со стороны Западного фронта было слабым.

Особенно резко это сказывалось в отсутствии достаточных резервов у командующего Западным фронтом, который не мог без них влиять на ход операций».

С этими оценками согласны и немецкие «коллеги»:

«Упрямое и негибкое преследование поставленных перед собой целей посредством все новых и новых ожесточенных атак в одних и тех же местах во всех отношениях существенно облегчило немецкому командованию задачу сломить натиск противника».

* * *

Общие потери Калининского и Западного фронтов в Ржевско-Вяземской операции с 8 января по 20 апреля 1942 года, по скромным подсчетам, составили 776889 человек, 7296 орудий и минометов, 957 танков и 550 боевых самолетов.[130]

Группа армий «Центр», по советским оценкам, с 1 января по 30 марта потеряла более 330 тыс. человек. Согласно немецким источникам, потери вермахта на всем Восточном фронте с 5 января по 25 апреля достигли 318 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Таковы результаты ратного труда самого «выдающегося» советского полководца. Чего же тогда стоили остальные? Впрочем, в Красной Армии имелось немало талантливых командиров. Просто отбор на высшие должности производился по другим критериям. Созданный Сталиным гигантский и громоздский военный механизм, состоявший из взаимозаменяемых «винтиков» и «шестеренок», не имевших права на самостоятельную мысль, грозно выглядел только на парадах и учениях, а в реальной войне мог работать лишь при обильном смазывании кровью. Полководцы жуковского склада оказались лучшими «смазчиками».

К тому же на фоне динозавра К.М. Ворошилова, бездарного Ф.И. Кузнецова или настоящего кретина Е.Е. Соколова — Жуков и Конев действительно выглядели подлинными корифеями военной мысли.

«…И покоренья Крыма»

Армия баранов, предводительствуемая львом, сильнее, чем армия львов, предводительствуемая бараном.

Наполеон Бонапарт

Еще 23 августа 1941 года Гитлер направил записку в адрес главного командования германских сухопутных сил: [131]

«Из соображений политического характера крайне необходимо как можно быстрее выйти в районы, откуда Россия получает нефть, не только для того, чтобы лишить ее этой нефти, а прежде всего для того, чтобы дать Ирану надежду на возможность получения в ближайшее время помощи от немцев в случае сопротивления угрозам со стороны русских и англичан».

Одна из кратчайших дорог на Кавказ вела через Крым. Полуостров представлял из себя очень удобный плацдарм для базирования авиации. Находясь в советских руках, он давал возможность бомбить тылы немецких войск, действовавших под Ростовом, держать под авиационным воздействием нефтеносные районы Румынии, которая поставляла три четверти потребляемой промышленностью рейха нефти. Соответственно немцам овладение Крымом давало плацдарм для прыжка через Керченский пролив на Таманский полуостров и хорошо защищенный аэродром, с которого авиация могла бы действовать в направлении Кавказа.

Кроме того, в Севастополе размещалась главная база Черноморского флота. Ее положение обеспечивало контроль за морскими коммуникациями, возможность перехвата транспортов противника, обстрела румынского побережья, нефтепромыслов и портов. Гораздо более слабый флот Румынии, состоявший из четырех эсминцев и трех миноносцев весьма почтенного возраста, трех канонерских лодок, трех торпедных катеров и одной субмарины, был не в состоянии серьезно противостоять советским силам — одному линкору, пяти крейсерам, трем лидерам и тринадцати эсминцам, восьмидесяти четырем торпедным катерам, сорока семи подводным лодкам и пр. Захват Севастополя вынудил бы корабли Черноморского флота перебираться в отдаленные, технически слабо оснащенные базы на Кавказском побережье. [132]

Руководство Красной Армии хорошо понимало стратегическое значение полуострова. Для защиты Крыма от возникшей после разгрома Южного фронта угрозы вторжения с материка Ставка 14 августа 1941 года приняла решение о создании Отдельной 51-й армии с правами фронта и оперативным подчинением ей Черноморского флота. Командующим этой армией назначили небезызвестного генерал-полковника Ф.И. Кузнецова, за неполных 2 месяца уже успевшего «порулить» Северо-Западным и Центральным фронтами. В состав армии вошли 106,156, 271 и 276-я стрелковые, 32, 40, 42 и 48-я кавалерийские дивизии. Еще 4 дивизии были в срочном порядке сформированы из местных призывников и ополченцев. Задачей 51-й армии являлось: не допустить вторжения в Крым на суше через Перекопский перешеек и Сиваш, а также воспрепятствовать высадке морских и воздушных десантов — войск для этого у командующего было вполне достаточно. Оставалось только с толком ими распорядиться.

Однако вместо того чтобы определить направление наиболее вероятного наступления противника — а даже на глобусе видно, что это в первую очередь Перекопский перешеек — и соответственно распределить свои силы, генерал Кузнецов принялся строить круговую оборону Крыма. Кавалерийские дивизии были разбросаны по всему полуострову для борьбы с возможными воздушными десантами, 271-я стрелковая дивизия сосредоточилась в Симферополе как резерв командующего. Четыре крымские дивизии — 172, 184, 320 и 321-я — должны были оборонять побережье Черного моря у Евпатории, Судака, Алушты — на случай морского десанта, и все это при абсолютном господстве советских сил «на земле, в небесах и на море».

Адмирал флота Советского Союза И.С. Исаков писал по этому поводу:

«У немцев не было воможностей для высадки (тоннаж, прикрытие, поддержка с моря), даже если бы они смогли выделить в десант 2-3 дивизии… [133] Но, как видно, все были заражены психозом десанта, причем морского».

Этот «психоз» привел, например, к тому, что весь период боев за перешейки 321-я стрелковая дивизия простояла без дела под Евпаторией, а 184-я — в такой же позиции на берегу в районе Балаклава — Судак. По этой же причине, в ожидании могучих вражеских эскадр, флотские товарищи в первые недели войны завалили прибрежные воды минами заграждения, на которых

впоследствии из-за штурманских и судоводительских ошибок умудрились подорваться 4 собственных эсминца.

В итоге для защиты Крыма с севера были выделены 3 стрелковые дивизии под общим командованием генерала П.И. Батова. Причем 276-я должна была оборонять Чонгарский полуостров и Арабатскую стрелку — направление для наступающей стороны малоперспективное, 106-я растянулась на 70 км вдоль южного берега Сиваша, а на Перекопе оказались лишь 5 батальонов 156-й дивизии генерала П.В. Черняева.

Таким образом, командующий 51-й армией действовал в лучших традициях кордонной стратегии XVШ века, рассредоточив свои соединения по всей территории и не подумав концентрировать силы на наиболее вероятном направлении вражеского удара — Перекопском. Из почти 100 тыс. имевшихся у него штыков Крым со стороны материка обороняли 30 тыс., из них на Перекопе находилось 7000 человек. В голове генерала Кузнецова прочно засели опасения, что противник устроит ему новый Крит или Норвегию.

В начале сентября немцы совершенно беспрепятственно форсировали Днепр в его нижнем течении, к 12 сентября они полностью блокировали полуостров, и угроза вторжения в Крым с суши стала абсолютной реальностью.

Германский генштаб для решения этой задачи выделил 11-ю армию, командование которой 17 сентября принял генерал-полковник Эрих фон Манштейн. [134] Ему же подчинялась 3-я румынская армия генерал-полковника Думитреску. Большая часть этих сил продолжала наступление на восток в направлении Мелитополь-Ростов. На Крым был повернут лишь 54-й армейский корпус генерала Ганзена в составе 46-й и 73-й пехотных дивизий.

Перекопские позиции считались советскими военачальниками почти неприступными, и Манштейн понимал всю сложность поставленной его войскам задачи. Единственный пригодный для наступления перешеек имеет в северной части всего 8 км в ширину и длину 30 км. Наступление по нему могло вестись только фронтально, к тому же местность совершенно открытая — в хорошую погоду видимость достигает 15-20 км, что и не позволяет скрытно накапливать войска. Фланговый маневр исключался, так как с обеих сторон находится море.

Перешеек был подготовлен к обороне сооружениями полевого типа, которые начали возводить в конце июля, после оставления Южным фронтом Днестровского рубежа. На строительстве работало более 40 тыс. человек. Кроме имевшегося старинного Татарского вала и рва перед ним глубиной 10-20 м, были отрыты еще 2 противотанковых рва, окопы, ложные позиции, установлены

противотанковые надолбы и долговременные огневые точки. Поскольку ни противотанковых, ни противопехотных мин на вооружении «самой наступающей изо всех армий» не имелось, по предложению флотских специалистов в предполье установили морские мины заграждения и артиллерийские фугасы, взрываемые по проводам (многие из них не сработали, и эти «сюрпризы» приходится обезвреживать по сей день). Несколько южнее располагался поселок Армянск, превращенный в опорный пункт.

Но даже после прорыва через Перекоп наступающий оказывался еще на одном перешейке — Ишуньском. Он достигает в ширину 15 км, но ввиду наличия пяти довольно крупных соленых озер, реальная полоса наступления сужалась в этом районе до 3-4 км. [135] Южнее ишуньских позиций с востока на запад протекала река Чатырлык, заболоченное русло которой представляло собой еще одну естественную преграду.

Артиллерийскую поддержку советской пехоте должны были оказывать 8 флотских береговых батарей — 31 орудие, которые располагались на северо-западном побережье Крыма и южном берегу Сиваша, и бронепоезд «Орджоникидзе».

Примечательно, что воспоминания о битве за Крым оставили оба непосредственных ее руководителя — немецкий фельдмаршал Манштейн и советский генерал-полковник П.И. Батов. Последний буквально со второй страницы своего сочинения честит противника «крайне необъективным и нечистоплотным мемуаристом», приводящим «анекдотические сведения» вкупе с «непристойной ложью».

Затем наш полководец перечисляет все соединения 11-й германской армии — 10 дивизий, в том числе и те, которые, как например дивизия СС «Викинг», никогда в нее не входили, и сообщает, что кроме всего этого Манштейн имел 40 полков артиллерии, абсолютное превосходство в воздухе и тьму танков.

То есть видно, что враг был невероятно силен. «Как же мог наш командарм организовать успешную борьбу с этой огромной силой, если у него не было артгрупп ни в 9-м корпусе, ни в армейском масштабе?» — спрашиваету пытливого читателя генерал Батов. И сам же отвечает:

«Единственная возможность — взять артиллерию у рассыпанных по всей территории полуострова и потому*обреченных на бездействие (курсив наш. — Авт.*] дивизий… но на такой риск командарм не решился».

Оказывается, убедить генерала Кузнецова в том, что «гроза идет на Перекоп и сюда надо стягивать все силы было невозможно». И разве Манштейн виноват, что авиация

Черноморского флота — 626 самолетов, в том числе 346 истребителей и 136 бомбардировщиков — была в основном занята поиском «морских сил противника»? [136]

24 сентября, подтянув всю армейскую тяжелую артиллерию и инженерные части, немцы силами 46-й и 73-й пехотных дивизий начали штурм Перекопа. Советские войска оказывали упорное сопротивление, защищая каждую траншею и опорный пункт, но 26 сентября, действуя вдоль Перекопского залива, корпус Гашена прорвался через вал и захватил Армянск. В этот же день Батов нанес контрудар силами измотанной 156-й и подошедших 172-й, 271-й стрелковых и 42-й кавалерийской дивизий. Еще трое суток длил ось единоборство, перекопские позиции четыре раза переходили из рук в руки.

Как водится, у первых же взятых в плен немецких солдат карманы оказались набиты «гнусными фотографиями: один насилует девушку, другие с пьяными рожами ждут очереди». Вновь парадокс: с одной стороны, каждый второй советский генерал пытается представить вермахт как банду маньяков-туристов с фотоаппаратами (истории о «гнусных фотографиях» кочуют из мемуаров в мемуары с уставным единоообразием), с другой — непонятно, как они умудрялись столь профессионально бить красных командиров, вооруженных самой передовой военной наукой? Советским воинам до концаXXстолетия фотоаппараты иметь запрещалось (см. Устав внутренней службы ВС СССР), не то и они бы чего-нибудь наснимали в тот период, когда, ворвавшись в «логово фашистского зверя», брали «трофеи» и по призыву И. Эренбурга «ломали гордость надменного германского народа».

В труднейших боях германский корпус разбил советские части на Перекопе и заставил их отступить к Ишуню. Манштейн сообщает о захвате 10 тыс. пленных, 135 орудий и 112 танков. Однако победа досталась дорогой ценой, корпус Ганзена потерял убитыми и ранеными около 3 тыс. человек. Для прорыва ишуньских позиций сил уже не было.

Известие о сдаче Перкопа, по воспоминаниям всех участников событий, произвела ошеломляющее впечатление. [137] Не удивляется только генерал Батов: ведь нашей 156-й дивизии пришлось вступить «в единоборство с врагом, имевшим тройное превосходство в живой силе и артиллерии и*абсолютное — в танках и авиации» (курсив наш. — Авт.*]. Вот это как раз и есть «заведомая ложь». В то время как советская сторона на третий день боев довела свои силы на перешейке до четырех дивизий, со стороны противника действовали все те же две пехотные дивизии из 54-го корпуса. Остальные соединения 11-й армии отбивали

начавшееся 26 сентября советское наступление между Днепром и Азовским морем, и Манштейн не имел возможности передать Ганзену ни одного дополнительного полка. Но самый главный фокус состоит в том, что немцы при этом практически не имели авиационной поддержки и не было у них ни одного танка.

Между тем генерал-полковник Батов с красочными подробностями описывает трудности противотанковой борьбы, оперируя десятками вражеских машин:

«В 7.30 показались немецкие танки, за ними густые цепи пехоты, над ними целые стаи истребителей прикрытия… В первом эшелоне у немцев шли Т — 4 (на всем советско-германском фронте танков Т-4 имелось всего чуть более 200 штук и, конечно, большую их часть бросили против генерала Батова; подумаешь, где-то под Москвой разворачивается операция „Тайфун“!—*Авт.)*. Сначала их было 12-15 на километр фронта, затем это количество возросло до 20-22 (да это уже целая танковая дивизия, никак не меньше!—*Авт.)*.

…танки утюжили НП батареи…

Семь цепей шли на позиции 417-го полка на расстоянии 200-300 м одна от другой. Впереди 15 танков Т-4… Немецкие танки пытались пробить проходы в проволочных заграждениях и надолбах… Немцы бросили в бой на сравнительно узком участке до четырех пехотных полков с 50 танками… Все спрашивают, где же наши танки, когда у фашистов их пропасть…»

А танков становится все больше:

«Против каждой нашей части действовало от 20 до 30 вражеских танков, поддерживавших рывок своей пехоты… В контратаках участвуют подошедшие средние танки противника… Немцы сосредоточивают до 70 танков…» [138]

Если считать вслед за Батовым, то у противника имелось не менее 150 танков. При этом ни один из советских источников не сообщает нам номер танковой дивизии, которая действовала в составе армии Манштейна. И не могут этого сделать по простой причине: во всей группе армий «Юг» имелись только 5 танковых дивизий, все они в это время входили в танковую группу Клейста и рвались к Ростову. Туда же Манштейну пришлось отдать свое единственное моторизованное соединение — лейбштандарт «АдольфГитлер», который, впрочем, тоже танков не имел.

Вот у защитников Перекопа танки как раз имелись, не много, по советским меркам, но все же более сотни. Например, в составе 172-й стрелковой дивизии полковника И.Е Торопцева действовал 5-й танковый полк — 56 плавающих танков и 10 «тридцатьчетверок», а в 156-й — штатный танковый разведбат.

Ну и кто у нас здесь «нечистоплотный мемуарист»?

Лишь в начале октября 11-я армия вновь смогла взяться за выполнение своей основной задачи — занятие Крыма. В ее составе на этот раз имелись 30-й и 54-й армейские корпуса — 6 пехотных дивизий. Армия Ду-митреску была выведена из ее подчинения, но Манштейну удалось выпросить горную и кавалерийскую румынские бригады для охраны своих тылов.

Количество советских войск в Крыму к этому времени тоже увеличилось. В период с 7 по 16 октября из Одессы в Севастополь была эвакуирована Приморская армия генерал-майора И.Е. Петрова — 5 дивизий, 86 тыс. бойцов и командиров, 462 орудия, 24 танка и 20 тыс. тонн боеприпасов. Таким образом, под командованием Кузнецова оказалось уже 12 стрелковых и 4 кавалерийские дивизии — 235600 человек. Добавим сюда абсолютное количественное превосходство советского флота на море и советской авиации в воздухе. [139]

Между тем Манштейн готовился к штурму ишуньских позиций:

«Командование не имело… никаких возможностей облегчить войскам тяжелую задачу наступления какими-либо тактическими мероприятиями. О внезапном нападении на противника не могло быть и речи. Противник ожидал наступления на хорошо оборудованных оборонительных позициях. Как и под Перекопом, всякая возможность охвата или хотя бы ведения фланкирующего огня была исключена, так как фронт упирался с одной стороны в Сиваш, а с другой — в море. Наступление должно было вестись фронтально, как бы по трем узким каналам, на которые перешеек был разделен расположенными здесь озерами».

Ширина этих полос допускала введение в бой в первом эшелоне только трех дивизий 54-го корпуса — 73, 46 и 22-й. То есть 30-й корпус генерала Зальмута — 50, 72 и 170-я пехотные дивизии — мог вступить в бой только после занятия территории южнее перешейков. Местность представляла собой совершенно плоскую солончаковую степь без малейших укрытий. Вот и генерал Батов признает:

«Наши позиции на перешейках были удобны тем, что наступающий лишался возможности маневра фланговым огнем… Немцам оставалось пробиваться в лоб, причем до прорыва через узкости они могли вводить в бой войска острым клином».

Наступление 11-й армии началось в 5.10 утра 18 октября и проходило в чрезвычайно сложных условиях. Советские самолеты господствовали в воздухе и непрерывно атаковали любую обнаруженную цель.

«Не только пехота на переднем крае и батареи должны были окапываться, нужно было отрывать окопы для каждой повозки и

лошади в тыловой зоне, чтобы укрыть их от авиации противника… Только когда армии был подчинен Мёльдерс с его истребительной эскадрой, ему удавалось очистить небо, по крайней мере, в дневное время. Ночью и он не мог воспрепятствовать воздушным налетам противника».

Тем не менее немецкая пехота упорно прогрызала оборону, выталкивая противника с перешейка и стремясь вырваться на оперативный простор. [140]

С советской стороны ишуньские позиции обороняли сначала пять стрелковых, две кавалерийские дивизии и 7-я бригада морской пехоты, а затем их количество было доведено до восьми стрелковых и трех кавалерийских: с 22 октября в бои включились соединения Приморской армии — 25-я Чапаевская и 95-я стрелковые, 2-я кавалерийская дивизии, получившие приказ восстановить положение. Интересен стиль работы штаба Отдельной 51-й армии в эти решающие для судьбы Крыма дни: так, 19 декабря — воскресный день, и приехавший в Симферополь с заявками на горючее и боеприпасы начальник штаба Приморской армии генерал Н.И. Крылов не может никого найти, кроме дежурных офицеров, — выходной-с.

«А в это время Бонапарт переходил границу…»

20 октября немцы заняли Ишунь, форсировали устье реки Чатырлык и по побережью Каркинитского залива начали входить в глубь полуострова, в степь. Даже теперь командующий 51-й армией не ориентируется в обстановке: он отдает Батову категорический приказ «удержать ишуньские позиции» и одновременно указывает генералу Савинову на необходимость «упорно оборонять Чонгар и Сиваш», где противник не проявляет никакой активности.

Через два дня Ставка отозвала генерала Кузнецова в Москву, а командующим всеми силами в Крыму назначила вице-адмирала Г.И. Левченко.

24— 26 октября войска выдвинувшейся на север Приморской армии Петрова и оперативной группы Батова пытались нанести контрудары, но части вводились в бой с ходу, разрозненно, без артиллерийской поддержки, поэтому поставленных целей не достигли. Манштейн бросил на чашу весов переданную ему из группы армий «Юг» 132-ю пехотную дивизию, и немцы окончательно захватили инициативу. [141]

Как красиво изложил суть проблемы генерал Батов, советские соединения

«приняли участие в боях, но разновременно. Если не бояться метафор, то можно сказать, что на арене ишуньского боя выступала то одна, то другая наша дивизия и исполняла свой

героический монолог… Доблестью солдат и искусством командиров и политработников в масштабе полков и дивизий приходилось компенсировать отсутствие собранности и единого целеустремленного плана в целом».

Иными словами и без метафор, доблестью солдат и строевых офицеров, их жизнями в очередной раз оплачивалась бездарность оперативного руководства.

Конечно, не будем забывать о том, что по численному составу штат немецкой дивизии превосходил штат советской примерно на треть, но верно также и старое тактическое правило, что один солдат в обороне равен трем наступающим. Но даже и этого соотношения не было, советская сторона на ишуньских позициях обладала явным численным превосходством над противником. Зато в течение всего сражения наши части не имели связи между собой и командованием, поэтому штабные «направленцы день и ночь носились по степи». Как будто не изобретал радио Попов еще в 1895 году и, вроде бы, именно в России (впрочем, чему здесь удивляться, если всего двадцатью днями раньше Ставка Верховного Главнокомандования узнала о разгроме на Московском направлении трех своих фронтов из сообщений Берлинского радио). А наша авиация после ввода в сражение 8-го авиакорпуса люфтваффе утратила господство в воздухе.

В итоге «контрудар Приморской армии был встречен массированным огнем артиллерии врага и большой группой немецких бомбардировщиков под прикрытием истребителей», и 28 октября, после 10-дневных боев, советская оборона рухнула.

Писатель В. Карпов очень литературно это описал:

«Гитлеровцы прорвали ишуньские позиции. Своими танковыми и механизированными колоннами они вырвались на степной крымский простор… Если пехоту приморцы могли отбивать стрелковым оружием, то с танками бороться было просто нечем».

Ох уж эти навязшие ыа зубах «танковые и механизированные колонны»! Не было у Манштейна ни одного танка, так что и бороться с ними приморцам было не «нечем», а незачем. Механизированная колонна, кстати, — это просто пехота едет на машинах.

Генерал Батов также продолжает сражаться в своей виртуальной реальности:

«…по данным разведки, в районе Филатовка — Карпова балка было сосредоточено до 6 батальонов и 30 танков… количество вражеских танков у Армянска выросло до 100…

Бойцы лезли на танки и бросали бутылки с горючим… В комбата прямо на КП немецкий танк выпустил снаряд…

Немцы частью сил вышли в тыл 29-й батарее и снова бросили против нее до 30 танков и батальон пехоты. Неравная схватка…

170— я пехотная дивизия немцев, с которой действовало более 60 танков поддержки пехоты, вырвались к устью Чатырлыка».

А боевой соратник Батова, генерал И.А. Ласкин авторитетно сообщает, что на Перекопском направлении немцы сосредоточили 375 танков, что составляет примерно половину всех бронетанковых сил группы армий «Юг».

Когда при чтении мемуаров советских полководцев держишь в голове, что всего этого не было на самом деле, то, ей Богу, можно заработать шизофрению. Все «танковые полчища» Манштейна состояли на тот период из 24 самоходокStuGIIIиз 190-го дивизиона штурмовых орудий.

В конце октября разбитая 51-я армия откатывалась на Керченский полуостров, войска под командованием генерала Петрова — 6 измотанных дивизий — с арьергардными боями через горы отходили к Севастополю для защиты главной базы флота. [143] Немцы взяли около 26 тыс. пленных, но и сами понесли большие (по их меркам) потери. Только 54-й корпус под Ишунем и Перекопом потерял 1920 человек убитыми и 7273 ранеными. Для сравнения, одна лишь советская 172-я стрелковая дивизия безвозвратно потеряла 100 человек, 64 танка и всю артиллерию.

* * *

Для преследования и окончательного разгрома противника Манштейн направил три пехотные дивизии в направлении Феодосия — Керчь, две — на Симферополь — Алушту и две дивизии получили задачу продвигаться на Бахчисарай — Севастополь. Чтобы опередить войска Петрова и с ходу ворваться в Севастополь, из румынского моторизованного полка, немецких артдивизионов и разведбатов, насобирав «с бору по сосенке» автомобили и мотоциклы, была создана сводная мотобригада Циглера. (В этом импровизированном соединении генерал Батов умудрился насчитать аж 210 танков — больше чем в любой танковой дивизии вермахта; невольно складывается впечатление, что танки у Манштейна размножались, словно какие-нибудь кролики. Другой наш источник так прямо и указывает: «Противник посылал все новые и новые танки».) 30 октября на

подступах к городу бригада была остановлена огнем советских береговых батарей и подразделениями морской пехоты. Этот день принято считать началом Севастопольской обороны. Вслед за мотобригадой к городу подошла 132-я пехотная дивизия, а 4 ноября — части 50-й пехотной дивизии. Однако захватить Севстополь с ходу им не удалось.

Севастопольский гарнизон насчитывал около 52тыс. человек, имел 162 полевых и береговых орудия, 194 зенитные пушки, а также бронепоезд «Железняков». Правда, большинство батарей береговой обороны, вооруженных 41 орудием, могли вести огонь только в сторону моря. [144] Огневую поддержку сухопутных частей обеспечивали также отряды боевых кораблей в составе крейсеров «Красный Крым» и «ЧервонаУкраина», трех эсминцев, сторожевиков и тральщиков. Это была сильная группировка дальнобойной артиллерии крупного и среднего калибра. В Севастополе оставалась 82 самолета авиации флота. В обороне города с суши участвовала 8-я бригада, 2 полка и 7 отдельных батальонов морской пехоты.

4 ноября все эти силы были объединены в Севастопольский оборонительный район (СОР). Общее руководство обороной возлагалось на командующего флотом вице-адмирала Ф.С. Октябрьского, его заместителем по сухопутной части назначался генерал Петров. Для удобства управления войсками СОР был разделен на 4 сектора, возглавляемых комендантами.

В ночь на 7 ноября в Севастополь из Ялты морем прибыли отдельные части 172-й стрелковой дивизии и 7-й бригады морской пехоты, а сутки спустя стали подходить части Приморской армии — всего почти 30 тыс. бойцов и командиров, 360 орудий и минометов, 10 танков Т-26. Непрерывными контратаками при эффективной поддержке морской артиллерии защитники города заставили противника остановиться и приступить к перегруппировке сил.

В период так называемого «первого штурма», а точнее 7 ноября, «в день 24-й годовщины Октябрьской революции» совершила,свой фантастический подвиг группа краснофлотцев под командованием политрука Н.Д. Фильченковаиз 18-го отдельного батальона морской пехоты (береговой обороны).

В изложении комиссара Л.Н. Ефименко дело было так:

«Не зная, что и где предпримет противник, мы в порядке усиления боевого охранения сформировали несколько групп-пятерок, которые назвали разведывательными. Одну такую группу возглавил политрук Николай Фильченков. Она выдвинулась на высоту у дороги, что идет к шоссе севернее Дуванкоя… [145] Потом Фильченков дал знать на КП, что

показались танки и что он со своими краснофлотцами постарается их задержать.

Шло семь танков, группа Фильченкова залегла на их пути с гранатами и бутылками. Три танка разведчики подбили. Остальные повернули назад — немцы, с перепугу должно быть, не поняли, что наших всего пятеро… А потом там появилось пятнадцать танков. Мы уже приготовились встретить их на переднем крае. Но Фильченков решил не допустить их до батальонного рубежа. И не допустил. Пятеро моряков уничтожили еще несколько танков. Гранат у них было порядочно, но на такой бой, понятно, не хватило. Гранаты кончаются, атанки лезут… Чтобы хоть как-то их задержать, наши ребята стали с последними гранатами кидаться под гусеницы. Первым Фильченков, за ним двое краснофлотцев, кажется, уже раненые… Погибла вся пятерка. Последний, Василий Цибулько, умер уже на руках у нашего военфельдшера Петренко. От него и известно главное… Трех других краснофлотцев звали Иван Красносельский, Юрий Паршин и Даниил Одинцов».

В этом рассказе много несуразностей. Например, с чего это вдруг разведывательная группа, посланная собирать информацию о противнике, решила вступить в бой с двадцатью двумя танками и «не допустить» до батальонного рубежа. В официальной, более поздней версии, группа Фильченкова уже именуется истребительной, вооружена станковым пулеметом, которого у разведчиков, само собой, быть не могло, и в неравном бою уничтожает 10 танков и до 200 вражеских солдат. Тоже трудно себе представить на практике, как 4 матроса во главе с начальником клуба, которые не потрудились отрыть даже примитивнейший окопчик, а просто «залегли» на пути бронетанковой колонны, уложили такое количество супостатов. Позднее и это исправили: не залегли, а «закрепились в полуразрушенном блиндаже перед высотой у дороги».

Но вот под гусеницы-то зачем ложиться? Не проще положить туда гранату?

Сей ребус разгадывается просто, если вспомнить, что танков у немцев не было, так что и кидаться под гусеницы никому не пришлось. Мифические вражеские танки понадобились советским командирам для того, чтобы оправдать свое поражение в Крыму. В нашей реальности группа Фильченкова пропала без вести, никто не видел ее героического боя или хотя бы тел погибших «героев», в том числе и «умирающего Цибулько». Однако рожденный фантазией политруков и талантом писателя Андрея Платонова миф вошел в канон.

Первое описание этого боя, возникшее в недрах

Политического управления Черноморского флота, показывает, что его авторы никогда сами не видели ни реального боя, ни настоящих танков. Интересно, что чувствовали фронтовики, когда агитаторы зачитывали им такие перлы:

«Утром показались немцы. По шоссе и полям шли танки, прикрывая своей броней немецкую пехоту. В воздухе зарычали „юнкерсы“ и „мессершмитты“… Любой ценой надо остановить танки, отсечь от них пехоту. „Кто пойдет на это дерзкое и отважной дело?“ — спросил комиссар батальона. Вызвались все, но эта честь выпала политруку Фильченкову, краснофлотцам Цибулько, Паршину, Красносельскому, Одинцову (а весь батальон чем занимался? — *Авт.)*…

…Тогда с четырьмя бутылками в руках (?) выбежал вперед Красносельский. Метким ударом он зажег один танк, потом другой…

…Танк надвигается все ближе, герой бросается под гусиницы. Раздается тяжелый взрыв, и танк грузно сваливается набок (колеса спустили? — *Авт.)*…»

В дальнейшем ни одно повествование о событиях ноября 1941 года в советской историографии и мемуаристике не обходилось без упоминания подвига «моряков-черноморцев», так же как оборона Москвы — без «28 панфиловцев», а оборона Сталинграда — без «33 бронебойщиков». [147] Параллель между этими мифами очевидна, панфиловцы тоже гибли под гусеницами танков, при этом «царапая пальцами стальные плиты». Звание Героя Советского Союза Фильченкову, Одинцову, Красносельскому, Цибулько и Паршину было присвоено почти год спустя — 23 октября 1942 года.

10 ноября немцы завершили окружение Севастополя.

* * *

В восточной части Крыма остатки 51-й армии беспорядочно отступали к Керчи. Извиняюсь, организованно отходили, сдерживая наседающего врага:

«Сохранить боеспособность малочисленных подразделений (106, 157, 276 и 320-й дивизий), люди в которых были на грани истощения физических и моральных сил, командирам помогали комиссары, офицеры политотдела, политработники частей. Находясь безотлучно в ротах и батареях, они личным примером мужества и отваги, правдивым большевистским словом вселяли в

воинов уверенность в конечной победе над врагом» (Гвардейская Черниговская. М., 1976. С.43).

Но даже с помощью «правдивого большевистского слова» остановить 42-й корпус противника на ак-монайских позициях не удалось, они были оставлены 6 ноября. Вышеозначенный источник сообщает, что врагов было очень много — «сильные подвижные части» и не менее 50 танков. Скоро у Манштейна наберется танковая армия! Тем временем адмирал Левченко доносил на имя Сталина, что положение исключительно тяжелое: советские части совершенно деморализованы, небоеспособны и не в состоянии удержать Керченский полуостров. Большие опасения вызывала возможность потери всей материальной части артиллерии и техники. Командующий объединенными крымскими войсками просил у Верховного разрешения приступить к эвакуации войск на Таманский полуостров. [148]

12 ноября в Керчь прибыл маршал Г.И. Кулик с личным поручением вождя: оказать помощь командованию 51-й армии, не допустить форсирования противником Керченского пролива и выхода его на Северный Кавказ со стороны Крыма. Изучение обстановки повергло маршала в шок. На Таманском полуострове не имелось ни одной воинской части, кроме пограничников, обнаружилось полнейшее отсутствие оборонительных сооружений, за исключением одиночных стрелковых ячеек, вырытых бойцами горного полка, который был уже переброшен в Керчь и втянут в бой. Противник в любую минуту мог совершенно безнаказанно высадить десант.

На другом берегу пролива немецкие части подошли вплотную к Керчи, их артиллерия, заняв господствующие высоты, обстреливала город и причалы. Командующего крымскими войсками и штаб 51-й армии Кулик обнаружил в пещере, недалеко от пристани. Выслушав доклады, маршал понял, что ни Левченко, ни его начальник штаба обстановкой не владеют. Адмирал, по мнению Кулика, «…представлял из себя раскисшего политрука, много говорящего, но никто его не слушал». Поездка на передовую оставила удручающее впечатление. Командиры дивизий докладывали маршалу, что держатся главным образом благодаря артиллерии, что пехоты мало и та собрана в основном из тыловиков, части перемешаны, плохо управляемы и отходят при малейшем нажиме противника. Полсотни немецких автоматчиков заняли старую крепость, разогнав «оборонявший» ее сводный батальон морской пехоты. Фронт фактически сдерживался двумя полками вновь прибывшей 302-й стрелковой дивизии.

В это же время на пристанях толпа людей штурмовала все,

что могло держаться на воде. Каждый стремился как можно быстрее попасть на Таманский полуостров, бросая технику и личное оружие.

Вернувшись в пещеру к Левченко и еще раз оценив с ним соотношение сил и действия немцев, Кулик пришел к выводу, что больше двух дней армия оборонять город не сможет. [149] Выход, по его мнению, оставался один: войска организованно перебросить на Таманский полуостров, спасти вооружение, в первую очередь артиллерию, и технику — около 2000 орудий и столько же автомобилей. Иначе немцы разобьют остатки армии, которых и без того осталось 11,5 тыс. бойцов, и на плечах отступающих ворвутся в ничем не защищенную Тамань, а оттуда — на Северный Кавказ.

Приняв такое решение, Кулик приказал командующему войсками Крыма немедленно составить план перехода армии на Таманский полуостров и самому лично возглавить переправу. На генерала Батова и члена Военного совета Николаева возлагалась организация обороны Керчи. Начальнику штаба ставилась задача перейти в Тамань и обеспечить прием войск, а главное — укреплять оборону Таманского полуострова. На подготовку к отходу маршал дал два дня и 13 ноября, отправив шифрограмму в Ставку, убыл из Керчи.

В ночь с 15 на 16 ноября советские войска эвакуировались на Тамань. Весь Крым, за исключением Севастопольского оборонительного района (с 19 ноября он перешел в непосредственное подчинение Ставки ВГК), оказался в руках у немцев. Таким образом, 7 пехотных дивизий Манштейна уничтожили основные силы двух советских армий. Любопытно, какие выводы для себя как профессионала военного дела сделал генерал Батов? Ведь поражение — это урок для умного человека.

А вот, пожалуйста, он сам об этом написал:

«Должен, между прочим, заметить, что фашистский солдат в качестве одиночного бойца слаб. Гитлеровцы были сильны в массе, в строю, а действуя на свой страх и риск, они делались нерешительными и пугливыми. Эта черта характерна для захватнической армии».

Какое глубокое наблюдение! Вот в чем оказывается дело! Немецким солдатам главное было от «массы» не отделяться, тогда они сильны и не пугливы, а также способны бить «батовых» и «петровых», не глядя на их 3-кратное превосходство. Конечно, тут еще и Кузнецов подгадил, и танков у врага просто «пропасть». [150]

Всего в период первого завоевания Крыма армия Манштейна, по немецким данным, взяла до 100 тыс. пленных, захватила 750

орудий и 630 минометов, уничтожила 166 танков и 2 бронепоезда. Современные российские источники оценивают советские потери Крымской оборонительной операции в 63860 человек.

Вице— адмирал Левченко в конце ноября был арестован и на допросах у лубянских следователей признал себя виновным в том, что

«под влиянием фашистской пропаганды о непобедимости германской армии и мощи ее техники был настроен пораженчески, поддался панике и, не организовав отпора врагу, вопреки приказу Ставки Верховного Главнокомандующего Красной Армии, — сдал противнику значительную часть территории Крыма с городом Керчь».

Заодно дал показания о вредительских действиях Кулика и Кузнецова. 25 января 1942 года Военная коллегия Верховного суда СССР осудила Левченко на 10 лет лишения свободы. Однако через 6 дней Указом Президиума Верховного Совета судимость с него сняли и заменили высылкой на фронт с понижением в звании до капитана 1-го ранга.

Менее чем через месяц пошел под суд маршал Кулик. Его обвинили в пораженческом поведении, неисполнении приказа Ставки, несанкционированном оставлении Керчи и Ростова, а заодно в пьянстве, развратном образе жизни, злоупотреблении званием Маршала Советского Союза и расхищении государственной собственности. 16 февраля 1942 года Верховный суд приговорил лишить Кулика званий Маршала и Героя Советского Союза, а также всех боевых наград. Три дня спустя постановлением Политбюро он был исключен из состава членов ЦК ВКП(б) и снят с поста заместителя наркома обороны.

Генерал— полковник Ф.И. Кузнецов короткое время побыл заместителем Жукова по Западному фронту, но и на этом посту сумел продемонстрировать свою полную дремучесть в военном деле. [151] Маршал Рокоссовский вспоминает, как Кузнецов в конце января 1942 года прибыл испектировать подготовку 16-й армии к штурму Сухиничей:

«Расположившись в одном из домов со своей машинисткой (больше с ним никого не было), он вызвал меня к себе. Выслушав мой доклад, в повышенном тоне заявил, что наши мероприятия никуда не годятся. Дескать, вместо того чтобы усиливать равномерно всю занимаемую нами полосу (мало в Крыму равномерно наусиливал? — *Авт.)*, мы, стягивая кСухиничам силы, ослабляем другие участки, давая возможность этим воспользоваться противнику. С ним я не мог никак согласиться и счел своим долгом доложить о том командующему фронтом по

телеграфу. Тот мое решение одобрил, а Кузнецову приказал выехать в 61-ю армию…

И там ему тоже все не понравилось. Мероприятия, которые М.М. Попов проводил в войсках, он забраковал и доложил об этом по телефону Г.К. Жукову. Георгий Константинович реагировал немедленно: приказал генералу вступить в командование 61-й армией и показать, на что сам горазд. Как ни пытался тот избежать назначения, ссылаясь, что после его указаний командарм справится со своими задачами, выправит дело, пришлось самому принять армию и ответственность за нее. Не прошло и недели, как немцы продвинулись в полосе его армии на 30 километров. М.М. Попов опять вступил в командование армией, а Ф.И. Кузнецов вообще выбыл из состава Западного фронта».

В конце концов бывшего командующего трех разбитых фронтов назначили на должность начальника Военной академии Генштаба — делиться опытом «равномерного усиления». Его не судили, не понижали в звании и не лишали наград. Интересно, за что товарищ Сталин так любил Федора Исидоровича? [152]

* * *

Захватить Севастопольскую военно-морскую базу с ходу не удалось, и немецкие войска начали более основательно готовиться к штурму, который был назначен на 17 декабря. В нем должны были участвовать шесть из семи имевшихся в составе 11-й армии пехотных дивизий и отдельные румынские части, поддержанные тяжелой артиллерией и авиацией. Всего немцы сосредоточили под Севастополем 645 полевых и 252 противотанковых орудия, 378 минометов, 300 самолетов. Резерв составляли 2 дивизиона штурмовых самоходных орудий и 2 дивизиона сверхтяжелой артиллерии. Манштейну в первую очередь следовало пресечь морские сообщения, посредством которых крепость постоянно получала пополнения людьми, техникой и боеприпасами. Поэтому главный удар должен был наноситься с севера и северо-востока в направлении бухты Северной. К тому же только на этом направлении немцы могли в полной мере использовать возможности своей артиллерии.

На севере должен был наступать 54-й армейский корпус в составе 22,132, 50 и 24-й пехотных дивизий и 6-го румынского моторизованного полка. Сковывающий удар вдоль реки Черная на

Инкерман предстояло наносить 72-й и 150-й пехотным дивизиям и румынской горной бригаде.

Гарнизон крепости, получивший подкрепления морем, к этому времени состоял из шести стрелковых дивизий, двух бригад морской пехоты, отдельных полков и батальонов. Буквально накануне штурма в Севастополь с Кавказа были доставлены 388-я стрелковая дивизия (11 тыс. солдат и офицеров), маршевые пополнения (7500 бойцов), 221 орудие и миномет, 30 новых истребителей и штурмовиков. Численность защитников города выросла до 81 тыс. человек, в их распоряжении имелось 26 танков Т-26 и 90 самолетов. Дополнительную прочность обороне советских войск придавал огонь орудий береговых батарей и боевых кораблей. [153]

17 декабря в 6.10 немецкие батареи провели огневую подготовку, после которой в атаку пошла пехота 54-го корпуса. За день его дивизиям удалось продвинуться на 1-4 км, но и потери оказались велики — 1698 человек. Поддерживавший атаку 22-й дивизии 197-й штурмовой дивизион потерял 7 из 15 имевшихся самоходных установок. На следующий день бои приняли еще более ожесточенный характер.

Всю вторую половину декабря войска Петрова и Манштейна бились за Севастополь, неся при этом значительные потери. 20 декабря создалась угроза выхода немецких войск к Северной бухте. Ставка приняла срочные меры для усиления войск СОР. 21 декабря отряд кораблей доставил из Новороссийска 79-ю отдельную стрелковую бригаду под командованием полковника А.С. Потапова и батальон морской пехоты, которые на следующий день контратаками остановили противника.

22— 24 декабря на транспортах и боевых кораблях из Поти и Туапсе прибыли 345-я стрелковая дивизия (10 тыс. солдат) и 81-й танковый батальон (26 танков), а 28 декабря-386-я стрелковая дивизия.

Кстати, хотя состояние румынского флота нисколько не улучшилось, психоз, диагностированный адмиралом Исаковым, не проходил. Так, начальник штаба 345-й дивизии И. Хоменко, описывает трудности прорыва конвоя в Севастополь:

«Пришлось учесть, что турки, несмотря на свой нейтралитет, все-таки пустили в Черное море немецких фашистов (?). Море буквально кишело (!) вражескими подводными лодками и надводными кораблями и минами», — тут либо у страха глаза велики, либо кто-то из флотских разыграл сухопутного полковника.

День спустя советские войска, поддержанные огнем прибывших боевых кораблей, в том числе линейного корабля

«Парижская коммуна» (артиллеристы линкора записали на свой счет 19 уничтоженных танков) и крейсера «Молотов», авиацией и танками нанесли контрудар и отбросили немцев на главном направлении, ликвидировав угрозу прорыва. [154] 30 декабря командиры дивизий доложили Манштейну, что дальнейшие попытки продолжать наступление не обещают успеха. Командующий 11-й армией, вынужденный к тому же реагировать на обозначившуюся угрозу с востока, скрепя сердце отдал приказ об отводе войск на высоты севернее долины Бельбека, позиции, оставленные 17 декабря.

Еще один штурм потерпел неудачу. За две недели боев 54-й корпус потерял 7669 солдат и офицеров, из них 1318 убитыми и 255 пропавшими без вести, а также 15 штурмовых орудийStuGIII. Потери 30-го корпуса генерала фон Зальмута, наносившего вспомогательный удар, были значительно меньше. Советские потери косвенно оцениваются в 10-15 тыс. человек и не менее 15 танков.

Керченско-Феодосийская операция

Пока немцы топтались у стен приморской крепости, советская Ставка разработала план Керченско-Феодосийской операции, являвшейся составной частью общего наступления Красной Армии в зимней кампании. Целью ее было вновь овладеть Керченским полуостровом и создать условия для освобождения от противника всего Крыма. Замысел состоял в том, чтобы силами Закавказского (с 30 декабря Кавказского) фронта, которым командовал генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, при участии кораблей Черноморского флота и Азовской военной флотилии высадить десанты в район Керчи и в Феодосийский порт, отрезать от основных сил и уничтожить «керченскую группировку противника». Верховное Главнокомандование придавало операции большое значение: быстрое освобождение Крыма и снятие блокады Севастополя должно было значительно улучшить общую обстановку на южном крыле советско-германского фронта, ликвидировать опасность высадки немцев на Кавказское побережье. [155]

Главный удар, в районе Феодосии, должна была наносить снятая с иранской границы 44-я армия генерал-майора А.Н. Первушина, а вспомогательный, в районе Керчи, — знакомая нам 51-я армия, но уже под командованием генерал-лейтенанта В.Н.

Львова. Высадку войск планировалось провести на широком фронте (до 250 км) одновременно в нескольких пунктах, чтобы лишить противника возможности маневрировать резервами и сковать его на всех важнейших направлениях. В состав десантов были включены 8 стрелковых дивизий, 2 стрелковые бригады, 2 горнострелковых полка — всего 82500 человек, 43 танка, 198 орудий и 256 минометов. Для их обеспечения привлекалось 78 боевых кораблей и 170 транспортных судов, а также около 500 самолетов ВВС фронта и 161 самолет Черноморского флота.

На подготовку стратегической операции по высадке десанта на занятое противником побережье — вот она, вершина военно-морского искусства — отводилась одна неделя! Причем командование ВМФ о принятом Ставкой решении узнало последним. Но нет таких крепостей, которых не взяли бы большевики!

Начать предполагалось 21 декабря, однако в это время резко ухудшилась обстановка под Севастополем. По указанию Ставки корабли флота в срочном порядке перебросили в осажденную крепость 79-ю морскую бригаду и 345-ю стрелковую дивизию, составлявшие по плану передовой отряд и часть основных сил десанта 44-й армии. Десантную операцию пришлось отложить. Вместо убывших соединений в феодосийский десант назначили 9-ю и 63-ю горнострелковые дивизии. Менять в таком ответственном и сложном деле морских пехотинцев на горных стрелков — смелый шаг, но время поджимало, а других частей под рукой не имелось. [156]

Это решение прибавило головной боли и морскому командованию: вместе с новыми «пассажирами» им теперь предстояло обеспечить доставку большого количества вьючного снаряжения и 1,5 тыс. лошадей. (Вообще удивляться тут нечему, у нас всегда вдумчивому планированию предпочитали пожарные меры, а незаменимых у нас нет. Вот и получалось, что под Москвой и Сталинградом с немецкими танками сражались моряки и парашютисты, в морской десант шли горные стрелки, кавказские перевалы обороняли пограничники, а из узбеков формировались лыжные батальоны.)

Одновременно командующий фронтом решил вместо нанесения одновременных ударов на трех основных направлениях провести операцию в два этапа: 26 декабря Азовской флотилии предстояло высадить десанты в пяти пунктах на севере, которые должны были вести наступление в Южном направлении, чтобы соединиться с войсками, высаженными Керченской ВМБ к югу от Керчи; три дня спустя корабли Новороссийской базы обеспечивали десант в порт Феодосии. Готовилась также

выброска воздушного десанта в районе Владиславовки для овладения аэродромом, на который можно было бы перебазировать истребительную авиацию. После захвата плацдармов перед войсками ставилась задача при поддержке флота и авиации наступать на Ак-Монай.

Вся «керченская группировка» немцев состояла из штаба 42-го армейского корпуса с подчиненной ему 46-й пехотной дивизией, двух полков полевой артиллерии и пяти зенитных артдивизионов. Советская разведка «выявила» наличие здесь также двух танковых батальонов со 118 танками, которые почему-то не понадобились штурмующему Севастополь Манштейну, но это остается на совести советской разведки. Кроме того, было установлено, что Феодосийский порт к противодесантной обороне противником не подготовлен, боновые ворота открыты. [157]

Высадка частей 51-й армии на северо-восточное побережье началасьутром 26 декабря 1941 года. Условия были тяжелыми: на море бушевал шторм, сила ветра достигала 7 баллов, у берега образовалась кромка льда, препятствовавшая подходу судов; температура воздуха упала до 10-15 градусов ниже нуля. К тому же ни Черноморский флот, ни Азовская флотилия не имели специальных средств для выгрузки тяжелой техники и высадки войск на необорудованное побережье. Для переброски войск использовались малые боевые корабли, промысловые сейнеры, шаланды и земснаряд. На буксире они тащили рыбацкие лайбы и несамоходные плавсредства. Во время ночного перехода строй отрядов распался, рвались тросы, и многие лодки, в которые набивалось до 20 человек, были потеряны. Высадка десанта началась с опозданием и не во всех намеченных пунктах. Достичь внезапности при этом не удалось.

Так, 1— й отряд Азовской флотилии в назначенный ему пункт-залив Казантип — добраться не смог и по приказанию командующего флотилией повернул к мысу Зюк, где высаживал войска 2-й отряд. Из состава 3-го отряда к пункту высадки у мыса Тархан в назначенное время вышли только один катер-тральщик и земснаряд «Ворошилов», располагавшие всего двумя шлюпками. Успев свезти на берег лишь 18 человек, земснаряд с находившимися на нем 450 бойцами был потоплен немецкой авиацией. Подобрав из воды более 200 человек, командир отряда принял решение возвратиться в Темрюк.

Неудача постигла отряд «Б», которому следовало высадить десант на южном побережье Керченского полуострова, в районе горы Опук. Здесь подвела не только погода, но и организационные накладки. Выход отряда под командованием

контр-адмирала Н.О. Абрамова из Анапы задержался на сутки, дважды он возвращался назад из-за шторма и «несогласований» — суда на переходе теряли друг друга. В конце концов отряду назначили новое место высадки — в Керченском проливе у Камыш-Буруна. [158]

Доставленные к району высадки солдаты прыгали в ледяную воду и брели к берегу, где окапывались в ожидании следующей волны десанта. Многие, особенно раненые, замерзли, так как 27 декабря шторм усилился, движение судов по проливу было запрещено и возобновилось лишь сутки спустя. Несмотря на противодействие со стороны противника, советским войскам удалось захватить ряд плацдармов по обе стороны Керчи и на северном побережье полуострова. До 28 декабря на берегу закрепились части 224-й и 302-й стрелковых дивизий и 83-й бригады морской пехоты, насчитывавшие около 14 тыс. бойцов. Словно в насмешку над этими невероятными усилиями людей, пролив через 2 дня сковало льдом, и основные силы 51-й армии переправились в Керчь буквально пешком.

Манштейн, получив доклад о советских десантах, посчитал их вначале отвлекающим маневром, призванным облегчить положение защитников Севастополя. Он приказал командиру 42-го корпуса генералу Шпонеку сосредоточить все силы 46-й пехотной дивизии и сбросить русских в море, а для прикрытия Феодосии направить 4-ю горную, 8-ю кавалерийскую румынские бригады и один немецкий пехотный полк — свои последние резервы. Остальные силы 11-й армии были втянуты в жестокие бои за Севастополь: казалось, что нужно предпринять последнее усилие — и крепость падет. Поэтому 28 декабря немцы продолжили штурм.

* * *

В ночь на 29 декабря группа кораблей — 2 легких крейсера и 3 эсминца — под командованием капитана 1-го ранга Н.Е. Басистого подошла к Феодосии и открыла огонь по порту изо всех орудий, выпустив по берегу более 2000 артиллерийских снарядов. Артиллерийский огонь велся по площади и оказался малоффективным. [159] Но он позволил незамеченными подобраться ко входу в гавань катерам с первой волной десанта. Около 2.30 на сторожевых катерах и малых тральщиках в порт ворвалась штурмовая группа из 600 морских пехотинцев под

командованием старшего лейтенанта А.Ф. Айдинова. Они овладели прибрежной полосой и маяком. Все это было полной неожиданностью для праздновавшего Рождество немецкого гарнизона, который состоял из саперного батальона, одной береговой батареи, имевшей 4 орудия калибра 105 мм, и противотанкового дивизиона.

В 4.30 в гавань вошли эсминцы и крейсера. Прямо на причалы с боевых кораблей и транспортных судов началась высадка войск. Немцы сопротивлялись отчаянно. Хотя, по утверждению адмирала А. Зубкова, вражеские артиллеристы «после рождественской пьянки» открыли огонь с опозданием, они сумели потопить 4 катера и нанести серьезные повреждения всем кораблям отряда. Эсминец «Шаумян» потерял грот-мачту, на «Железнякове» разнесло кают-кампанию, а «Незаможник», стремясь побыстрее выйти из-под обстрела, въехал носом в стенку, разворотил себе форштевень и вынужден был вернуться в Новороссийск.

В крейсер «Красный Крым», стоявший на рейде, попали 8 снарядов и 3 мины. Дважды снаряды поразили тральщик «Щит». Крейсер «Красный Кавказ» более двух часов швартовался у внешней стороны мола: мешал сильный отжимной ветер, а наличия в составе передового отряда хотя бы одного буксира не предусмотрели. За это время корабль получил 17 попаданий снарядов и мин и, не закончив выгрузку артиллерии и автомашин, вынужден был отойти на рейд. Его командир позднее докладывал, что «крейсер подавлял вражеские батареи, бил прямой наводкой по бронепоезду (?), по танкам (?). При этом досталось и ему самому». Кто был пьян, а кто трезв?

Тем не менее, к 11.30 на берегу оказалось более 5000 бойцов штурмовых отрядов при 20 орудиях и минометах. [160] За 3 последующих дня флот перебросил в Феодосию личный состав трех стрелковых дивизий: 23 тыс. солдат и офицеров, 151 орудие и миномет, 34 танка, 326 автомашин и тягачей, 1550 лошадей, более 1000 тонн боеприпасов и других грузов. Выбив к исходу 29 января немцев из города (заодно прикончили 160 раненых в госпитале, многих просто выбросили из окон на мороз){3}и отбросив две подошедшие румынские бригады, части 44-й армии начали развивать наступление в Северном направлении.

На следующий день 51-я армия освободила Керчь и двинулась на запад. Вернее сказать, советские разведчики проникли в город и выяснили, что он оставлен противником. Генерал Шпонек, опасаясь быть отрезанным, несмотря на категорический приказ штаба армии держать оборону, велел своим войскам очистить Керченский полуостров.

Отход 46— й дивизии больше походил на бегство, ее части, бросив большую часть артиллерии и боевой техники, форсированным маршем отступили на Ак-Монайский перешеек (за самовольный отход граф Шпонек был предан суду военного трибунала и позднее расстрелян, а личный состав 46-й пехотной Гитлер запретил представлять к каким бы то ни было наградам).

В результате немецкая армия оказалась в критической ситуации. Как признавал Манштейн:

«Если бы противник использовал выгоду создавшегося положения и быстро стал бы преследовать 46 пд (пехотная дивизия. — *Авт.)* от Керчи, а также ударил решительно вслед отходившим от Феодосии румынам, то создалась бы обстановка, безнадежная не только для этого вновь возникшего участка… Решалась бы судьба всей 11-й армии. Более решительный противник мог бы стремительным прорывом на Джанкой парализовать все снабжение армии… [161] Но противник не сумел использовать благоприятный момент. Либо командование противника не поняло своих преимуществ в этой обстановке, либо оно не решилось немедленно их использовать».

Между тем на переброску немецких войск от Севастополя ко вновь возникшему фронту требовалось не менее двух недель.

Наступавшая через Керчь 51-я армия вела преследование очень вяло, а войска Первушина, к удивлению Манштейна, от Феодосии основными силами двинулись не на запад, а на восток, навстречу 51-й армии.

«Противник явно видел перед собой только свою тактическую цель — уничтожение наших сил на Керченском полуострове — и совершенно упустил из виду оперативную цель — пересечение основной жизненной артерии 11-й армии».

Это позволило немцам создать из измотанной 46-й дивизии, одного свежего пехотного полка и румынских частей непрочный фронт прикрытия протяженностью в 32 км на рубеже отроги Яйлы — побережье Сиваша западнее Ак-Монай. На укрепление румынских частей были посланы все офицеры, унтер-офицеры и солдаты, которых смогли наскрести по тыловым подразделениям, в том числе и из штаба армии.

К исходу 2 января 1942 года советские войска продвинулись на 100-110 км и очистили от немцев Керченский полуостров. Однако главные задачи выполнены не были: уничтожить немецкую группировку и ворваться на плечах разбитого противника в глубину Крыма не удалось. Обстановка требовала немедленного развития Кавказским фронтом активных действий, пока Манштейн не успел еще создать прочной обороны, слабость его сил на этом участке создавала исключительно выгодные

условия для развития наступления. Ставка указала генералу Козлову на необходимость скорейшего выхода к Перекопу, а также нанесения ударов в тыл севастопольской группировке противника. [162]

Но командующий фронтом под предлогом неготовности войск оттягивал переход к наступательным действиям. Его сомнения можно понять: в ходе десантной операции было потеряно более половины участвовавших в ней войск — 41935 человек, из них около 32 тыс. убитыми, замерзшими и пропавшими без вести, 35 танков, 133 орудия и миномета. В донесении от 2 января Козлов сообщал, что наступление может быть назначено не ранее чем на 12 января. Затем срок наступления перенесли на 16-е число, однако оно так и не состоялось, хотя в распоряжении Козлова к этому времени имелась 181 тыс. бойцов и офицеров.

Даже имея тройное превосходство в силах, советские генералы не решились на глубокую операцию и хотели накопить побольше сил. Например, 138-я горнострелковая дивизия 51-й армии, прибыв на полуостров во второй половине января, получила приказ занять позиции западнее станции Семисотка и месяц просидела в абсолютном бездействии.

Вспоминает бывший политрук 1-й роты 344-го горнострелкового полка Н.П. Плотников:

«Местность открытая, ни бугорочка, ни балочки, ни деревца. Голая, ровная степь… А противника все нет и нет. Связь со штабом полка — только через посыльных, до него как до чертовых куличек. Что дальше делать?

Бойцы спрашивали, почему сидим на месте, почему не наступаем на Владиславовку, на Джанкой. А что я мог ответить, если в полку не знали. Да и вся наша 138-я дивизия стояла на месте, хотя сопротивления не встретила.

Только через семь суток сюда подошел неприятель. Прежнюю ночь его не было, все тихо, спокойно, а наутро глядь: впереди нас уже окопались гитлеровцы. Никто — ни мы, ни они — не наступал. Изредка перестреливались, ночью немцы пускали ракеты — и на том вся война на нашем участке. Более того, через некоторое время враг угомонился: видимо, выдохся, может, кончились боеприпасы». [163]

Удивительно, что штаб дивизии, полка (последний сидит в семи километрах от передовой, туда и бегают посыльные по раскисшей от дождей степи), прибыв в район боевых действий, даже не пытается разведать обстановку, найти противника, а когда он, «глядь», сам объявился — выяснить его силы, прощупать оборону, организовать наблюдение, взять «языка» или хотя бы

наладить связь с собственными подразделениями. Никаких боевых задач не ставится. Все помыслы бойцов 344-го полка заняты решением одной проблемы: поиском еды и дров, так как «старшина не мог доставить ни термоса с пищей, ни сухой паек. Голодаем… Снова сидим без продовольствия». Днем «разведгруппы» уходят в собственный тыл охотиться на зайцев, ночью лебедой и полынью растапливаются полевые кухни.

Отсутствие опыта в проведении крупных десантных операций привело к полной дезорганизации тыла высадившихся войск. Детальное планирование при подготовке не проводилось, моряки не получили от командования фронтом точных сведений о составе десанта и о том, какие грузы подлежат перевозке. Поэтому потребность в морских перевозках возникала неожиданно, часто изменялась, что приводило к загромождению излишним имуществом пунктов погрузки и выгрузки.

Не уделялось должного внимания и такому важнейшему вопросу, как организация строго централизованного использования ограниченных ресурсов плавсредств. На полуостров перевозились не только действительно нужные грузы, но и громоздкие фронтовые учреждения, запасные полки и даже фронтовые курсы командного состава, а в дивизиях в это время не хватало продовольствия, артиллерии и боеприпасов.

Не имелось ни одного медицинского учреждения, ближайший госпиталь находился на Кубани. Раненые бойцы, получив первичную перевязку в полковой санроте, свозились с позиций в Керчь, оттуда оказией на пароходах самостоятельно добирались до Новороссийска; за все это время они не видели ни одного врача или санитара. [164]

В обеспечении войск, действовавших на Керченском полуострове, исключительно важную роль должен был играть Феодосийский порт, в котором могли разгружаться суда большого тоннажа. Между тем, планируя операцию, советское командование не предусмотрело оснащение гавани средствами ПВО — зенитки не завезли, и порт оказался практически беззащитным против налетов авиации противника, что, естественно, резко снизило его пропускную способность.

До 4 января в этом районе под бомбами погибли 5 транспортов: «Красногвардеец», «Ташкент», «Зырянин» и др. Тяжелейшие повреждения получил в Феодосии крейсер «Красный Кавказ», доставивший наконец-то отдельный зенитный артдивизион. Получив 3 пробоины ниже ватерлинии и осев в воду по самые кормовые башни, корабль едва дотянул до Туапсе. Отбуксированный затем в Поти, он надолго стал в капитальный ремонт.

Тыл фронта был приведен в относительно удовлетворительное состояние с большим опозданием и смог более или менее нормально выполнять свои задачи только к концу марта 1942 года — т. е. почти через три месяца после завершения десантной операции!

Оттягивая со дня надень начало наступления, штаб Козлова, как и подчиненные ему командные инстанции, не принимали мер и к организации обороны, к закреплению на достигнутых рубежах. Войска не только не построили простейших инженерных сооружений, но даже не организовали систему огня. Равным образом не было налажено управление. И в Керчи, и в Севастополе военачальники всех ступеней пребывали в эйфории от своих успехов и вертели дырочки для орденов.

Генерал Петров получил морем маршевые пополнения и две свежие стрелковые дивизии. [165] 1 января 1942 года в Севастополь было доставлено 20 тыс. противотанковых и 25 тыс. противопехотных мин, 200 тонн взрывчатки, а также оперативная группа инженерных заграждений во главе с начальником штаба инженерных войск Красной Армии генералом И.П. Галицким. Последний, проинспектировав оборонительные рубежи Приморской армии, отметил, что оборудованы они «очень примитивно», пехота окопалась «кое-как». И вообще,

«…войска, оборонявшие Севастополь, сейчас не проявляют особого рвения к инженерному оборудованию позиций, хотя и страдают из-за этого: нещадно мерзнут и мокнут, несут излишние потери… Многие в Приморской армии считают, что скоро им последует приказ на наступление. Отсюда вывод: зачем оборудовать позиции, коль придется идти вперед?»

Перебравшись на Керченский полуостров, генерал Галицкий наблюдает аналогичную картину:

«Отсутствовало эшелонирование в глубину. Армейский тыловой рубеж еще и не думали строить. Ак-монайские позиции представляют собой разрушенную на 30% тонкую линию из противотанкового рва (возведенного еще в августе — ноябре 1941 года) и проволочных заграждений с небольшим количеством дотов… В подразделениях отрыты отдельные стрелковые ячейки… Передний край минами не прикрыт… командиры подразделений и частей считают, что не надо окапываться, поскольку скоро предстоит идти в наступление».

Командующий 44-й армией на вполне резонные соображения военных инженеров о том, что неплохо бы, используя затишье, уделить время оборудованию обороны, заявил: «Делать это незачем. Мы готовимся в ближайшее время наступать.»

Дураков, как известно… учат.

* * *

Положение германской 11-й армии в начале 1942 года действительно было незавидным: на востоке фронт удерживался мизерными силами; под Севастополем, чтобы помешать снятию войск с этого участка, непрерывно атаковала армия Петрова; в Евпатории 5 января высадился еще один советский десант, отбивший у немцев южную часть города. [166] Перебросить в Крым дополнительные резервы германское командование не имело возможности, ибо все силы группы армий «Юг» были скованы активными действиями советских войск на Ростовском направлении.

В этой ситуации генерал Манштейн проявил качества настоящего полководца. Первым делом он в 3-дневный срок ликвидировал евпаторийский десант. (Если бы последний удался, с этого плацдарма можно было вести наступление на Симферополь с запада, по ровной степи. Сомнений в успехе у советского командования не было, с первым эшелоном для восстановления советской власти в Евпаторию высаживались партийные руководители, сотрудники НКВД и милиции. Однако затяжной шторм и сильный огонь с берега не позволили провести высадку подкреплений на евпаторийский берег, и усиленный батальон морской пехоты капитан-лейтенанта Г. Бузинова численностью 700 человек полег здесь в полном составе, а сам десант зачислили в разряд «отвлекающих». Такие же неудачные высадки имели место в Алуште и Судаке.) Затем началась скрытная переброска двух дивизий в район Феодосии, на Севастопольском фронте оставались четыре пехотные дивизии и румынская горная бригада.

15 января немцы внезапно перешли в наступление, нанося главный удар по стыку 51-й и 44-й армий в районе Владиславовки. Несмотря на количественное превосходство советских войск и наличие у них бронетехники, противник прорвал… ну, «обороной» это назвать нельзя, скажем, позиции генерала Первушина — штаб 44-й армии был уничтожен первым же авианалетом, командующий получил тяжелые ранения, член Военного совета Комиссаров убит, управление дезорганизовано — и 18 января отбил Феодосию. [167]

По данным Манштейна, русские потеряли 6700 человек убитыми, 10 тыс. пленными, 177 орудий и 85 танков. В боях

особенно отличилась штурмовая батарея 190-го дивизиона из трехStugIII, подбившая с близких дистанций 16 советских Т-26. Немецкая авиация потопила в порту несколько транспортов. Войска Кавказского фронта вынуждены были оставить занимаемые позиции и отойти за Ак-Монайский перешеек.

В результате потери управления и связи со своими дивизиями комфронта не сумел организовать контрудар и вновь овладеть Феодосией, как этого требовала Ставка. Потеря наиболее крупного из имевшихся портов не могла не сказаться на и без того бестолковой организации тыла. Правда, продолжить наступление Манштейн не рискнул, ввиду малочисленности своих сил и полного отсутствия танков.

Выведенный из себя Сталин прислал телеграмму командующему Кавказским фронтом:

«…Немедленно арестовать исполняющего обязанности командующего 44-й армией генерал-майора Дашичева и направить его в Москву. Сейчас же принять меры к тому, чтобы немедленно привести войска 44-й армии в полный порядок, остановить дальнейшее наступление противника и удержать город Феодосию за собой…»

Армию возглавил полковник С.Е. Рождественский, но лучше воевать от этого она не стала. (Полковника вскоре сменил «выглядевший очень браво» генерал С.И. Черняк. Это именно он спорил с. Галицким по поводу совершенствования обороны, и самое грустное состоит в том, что происходило это 27 января, т. е. буквально через 10 дней после сдачи немцам Феодоссии.)

Советская Ставка осудила также действия генерала Козлова и его штаба и потребовала немедленного принятия мер к созданию на ак-монайских позициях непреодолимой обороны. Но при этом Сталин подчеркнул, что задача освобождения Крыма с Кавказского фронта не снимается и дал указание о подготовке наступательной операции. Одновременно был осуществлен ряд мер к тому, чтобы облегчить выполнение этих задач. [168]

28 января Ставка приняла решение о выделении войск, действовавших на Керченском направлении, в самостоятельный Крымский фронт под командованием генерала Козлова, с подчинением ему Севастопольского оборонительного района, Черноморского флота и Азовской флотилии, а также Северо-Кавказского военного округа. Фронт усилил и новыми стрелковыми дивизиями, танковыми частями и артиллерией. В начале февраля через пролив переправилась и вошла в состав фронта 47-я армия генерал-майора К.С. Калганова.

Заодно Москва решила «укрепить» штаб Козлова и самого командующего. В Керчь в сопровождении группы офицеров

прибыл в качестве представителя Ставки армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис — член ЦК ВКП(б), начальник Главного политуправления РККА, заместитель наркома обороны, нарком Госконтроля и прочая, прочая, один из главных блюстителей идеологической чистоты армейских рядов и просто близкий к Сталину человек.

«Мехлис, по своему обычаю, вместо чтого чтобы помогать, стал перетасовывать руководящие кадры. И прежде всего он заменил начальника штаба фронта Толбухина генерал-майором Вечным», — сообщает генерал армии С.М. Штеменко. Конечно, генерал Ф.И. Толбухин для Мехлиса фигура явно подозрительная: бывший штабс-капитан, к тому же женат на графине. Впрочем, отъезд подальше от Льва Захаровича скажется на карьере Толбухина самым благоприятным образом — через 2 года он станет маршалом, а вот генерал-лейтенант Козлов закончит войну и уйдет в запас в 1954 году все в том же звании.

Первоочередной задачей фронта стало подготовить и провести операцию по деблокированию Севастополя. Специально для своих «полководцев» Верховный разослал «Указания по организации наступательной операции и боя». Сталин требовал

«заменить в практике армий и фронтов действия отдельными дивизиями действиями ударных групп, сосредоточенных на одном направлении; коренным образом улучшить использование артиллерии при поддержке наступления пехоты и танков; тщательно и всесторонне организовать взаимодействие войск и обеспечить надежное управление ими в ходе боя и операции». [169]

Верховное Главнокомандование утвердило срок начала операции 26-27 февраля 1942 года. Генерал Козлов заверил Ставку, что к этому времени будет разрешена большая часть вопросов, связанных с организацией тыла и обеспечением войск всем необходимым. К началу наступления Крымский фронт располагал двенадцатью стрелковыми, одной кавалерийской дивизиями, несколькими отдельными танковыми батальонами с тяжелыми КВ и средними Т-34 и артиллерийскими частями РГК. Из общего количества войск 9 дивизий входили в состав первого эшелона фронта.

Манштейн смог им противопоставить 3 немецкие пехотные дивизии и 18-ю румынскую, которую ему подбросил маршал Антонеску. Ее поставили на северном фланге с расчетом, что, упираясь в Азовское море, румынские солдаты смогут удержать позицию, «тем более что болотистая местность перед ее фронтом делала маловероятным использование противником крупных сил». Еще одна румынская дивизия прикрывала Евпаторию. У

генерала Петрова, в Севастопольском оборонительном районе, было семь стрелковых дивизий и три бригады против четырех немецких пехотных дивизий и одной румынской горной бригады. Таким образом, советские войска имели в Крыму достаточное превосходство в силах для успешного решения поставленной задачи.

Наступление Крымского фронта началось 27 февраля и развивалось очень медленно: зарядили непрерывные дожди, грунт размок настолько, что в грязи застревали даже танки. Одновременно Приморская армия из Севастополя нанесла удары в Северном и Восточном направлениях, пытаясь пробить кольцо окружения. [170] Немцам удалось отбить все атаки противника. Не устояла лишь 18-я румынская дивизия, на северном участке перешейка русские смогли прорваться до Киета, левый фланг обороны угрожающе выгнулся на запад. Манштейну пришлось бросить в бой свой единственный резерв — 213-й пехотный полк и штабные подразделения. Упорные бои продолжались до 3 марта, а затем советские дивизии исчерпали свои ударные силы. Войска Крымского фронта достигли лишь незначительных успехов, в основном на своем правом фланге. На юге продвижение составило 400-800 м. Прорвать неприятельскую оборону на всю глубину, разгромить противника и открыть ворота в Крым не удалось.

Причины неудачи советских войск лежат на поверхности. Меньше всего была виновата погода. Возьмем для примера тот же 344-й полк. Вся подготовка к наступательной операции в нем свелась к подвозу боеприпасов и проведению партийного собрания.

И вот:

«27 февраля в 9.00 началась артподготовка. Откровенно говоря, мы ожидали много большей. Но артиллерия била всего полчаса, да и то как-то вяло…

Взвились вверх две красные ракеты — сигнал атаки… Бежать было очень трудно: грязь, туман, изморозь. В нашем полку установили: командир роты, политрук, командиры взводов поднимают личный состав и идут в атаку первыми. Мы так и сделали (конечно — мужественный поступок, но следствием этого решения стало то, что в первом же бою из строя выбыло четыре пятых командного состава. — *Авт.)*…

На нашем участке немцы пристреляли каждый метр, хотя вроде бы вели себя довольно-таки смирно. Вся рота попала под сильный заградительный вражеский огонь. Пришлось залечь. Замешательство длилось считанные минуты. Рота снова рванулась вперед и снова безуспешно…

Враг отступил. Впереди — рукой подать — Каясан-Русский. Бойцы рванулись туда. Но окраина ощетинилась минометным огнем. [171] А артиллерия в нашем тылу почему-то молчала. И 5-я рота залегла. Тут бы связь, чтобы попросить открыть огонь из наших пушек. Но телефонную линию не провели. Мы даже не знали, где штаб полка, где штаб дивизии, где артиллеристы…

…Враг усилил обстрел. Прямо-таки вбивал нас в крымскую землю. Более того, на флангах начались контратаки. Вот-вот могли оказаться в окружении. Отправил связных найти штаб полка, доложить обстановку и попросить подкрепление. Время идет. Огонь врага все плотнее. Мы держимся изо всех сил. Ждем связных, а их нет и нет.

Справа залегла под минометным огнем 3-я рота. От нее помощи не дождаться, ей самой помогать надо. А сосед слева где-то отстал или отклонился в сторону…

…Мы, до смерти уставшие и понесшие большие потери, не могли продолжать атаку».

Что мы здесь имеем?

Стрелковый полк на ровной, как стол, степи атакует в лоб укрепленный пункт противника без поддержки артиллерии, танков и авиации. Посыльные совершают 14-километровые кроссы, держат, так сказать, связь с вышестоящим начальством. Что здесь можно комментировать?

Именно эта неудача стала поводом для снятия генерала Толбухина. 10 марта он был освобожден от должности и отозван в Москву.

В период с 13 по 19 марта наступление возобновилось, но и на этот раз дало весьма незначительные результаты, хотя полкам 46-й немецкой дивизии пришлось за 3 дня отбить от 10 до 22 атак. 24-26 марта наши войска пробовали частью сил овладеть опорными пунктами в районе Кой-Асан, с тем же успехом. Последнюю попытку Козлова, предпринятую 9-11 апреля, Манштейн парировал уже без особого труда: противник выдохся, а в 11-ю армию стали поступать подкрепления и, наконец, в ее составе появилась 22-я танковая дивизия — 180 танков. [172]

Таким образом, Крымский фронт с момента своего создания топтался на месте, несмотря на значительное превосходство в силах не достиг ни одной из поставленных целей и потерял еще 181680 человек. Последовал «разбор полетов»:

«Основной причиной неудачных наступательных действий фронта явилось то, что командующий фронтом и его штаб, а также командующие группами войск и командиры соединений не прониклись сущностью указаний Верховного Главнокомандования о методах организации и ведения

наступательного боя, не организовали должным образом наступления и не научили подчиненные им войска правильным методам ведения наступательного боя».

Короче говоря, собрать много людей и техники оказалось явно недостаточно, чтобы победить противника, даже заведомо уступающего количественно: надо еще и уметь воевать. Впрочем, большинству советских военачальников наука давалась с трудом, на обучение солдат в Красной Армии всегда не хватало времени — то политзанятия, то хозработы, а там, глядишь, уборка урожая или освоение целины. Поэтому основной «метод ведения наступательного боя» до конца войны оставался прежним — собрать очень много людей и техники. До Победы оставался актуальным лозунг «оружие добудете в бою» и принцип «самообучаемости» выживших в своей первой атаке.

На проведенном 17 апреля Военным советом фронта заседании начальники установили (впрямь та вдова, что сама себя высекла), что разведка перед наступлением была организована плохо и система обороны противника изучена не была. Ни пехота, ни артиллерия не знали истинного начертания переднего края (!). Поэтому в период артподготовки система вражеского огня не была подавлена. Взаимодействия пехоты и танков с артиллерией не было никакого, в большинстве стрелковых подразделений первого эшелона отсутствовали передовые артиллерийские наблюдатели. Пехота не умела наступать за огневым валом и фактически за ним не пошла. [173] Артиллерия в войсках для наступления в боевых порядках пехоты и ведения огня прямой наводкой не использовалась.

Пехота была не приучена начинать сближение с противником под прикрытием артогня, пока пушки гвоздят немецкие позиции, и в атаку переходила с исходного положения (с дистанции 800 м) только после прекращения артподготовки. Взаимодействие артиллерии с пехотой фактически прекращалось с момента броска последней в атаку. А какое может быть взаимодействие, если, к примеру, штаб Северной группы войск планировал перемещение артиллерии только по времени, независимо от фактического продвижения боевых порядков пехоты — вот так: сидит в штабе «полководец» генерал Львов, а перед ним — график битвы и командирские часы.

Но даже прорвав вражеские позиции, части не знали, что им делать дальше, а их командиры быстро теряли управление. Опорные пункты немцев, созданные на высотах в глубине обороны, пехота пыталась брать лобовыми атаками, без применения маневра. При продвижении вперед советские подразделения не закреплялись на достигнутых рубежах и в

результате успешно вышибались обратно контратаками неприятеля.

Где— то сами по себе ездили танки, летали самолеты, последние использовались беспланово и рассредоточено. Крымский фронт имел 580 самолетов (не считая авиации Черноморского флота) против 110 немецких (из них 40 истребителей). Однако в интересах наземных войск производилось менее 25% самолето-вылетов. В соответствии с довоенной теорией над полем боя действовала только армейская авиация, а фронтовая использовалась для нанесения ударов в глубоком тылу противника. При этом бомбардировочные полки зачастую вылетали на задания без истребительного сопровождения и прикрытия. Не потому, что истребителей не хватало, а просто об этом «никто из вышестоящих начальников не подумал». [174]

Управление боем было организовано плохо. При постановке задач, а также при организации взаимодействия главное внимание уделялось письменным распоряжениям или многочисленным схемам, без непосредственной работы командиров на местности. Боевые приказы на наступление отдавались с большим запозданием, получавшие их войска фактически не имели времени на подготовку. Боем большинство начальников предпочитало руководить, не вылезая из блиндажей.

Помилуй Бог, все это сборище «военных» умело хоть что-нибудь, кроме как палить в белый свет, трескать паек и ходить строем? Вот потом и приходится «проявлять героизм», ложиться под гусеницы и «царапать пальцами» броню. Нелишне заметить, что 44-я и 47-я армии — это не какие-то там резервисты или «народные ополченцы», а кадровые полнокровные дивизии.

Генерал Козлов оказался слишком «интеллигентным» для занимаемой им должности. Возможно, что как бывший преподаватель оперативного искусства он неплохо воевал на картах, но реальная война сильно отличалась от кабинетной. Для руководства РККА нужны были «жуковские» качества: волевизм, беспощадность, презрение к чужим жизням, умение ломать чужую волю — только так можно управлять малоэффективной феодально-крепостнической системой.

С прибытием агрессивного и облеченного доверием вождя Мехлиса, Козлов фактически отдал ему бразды правления, оказавшись в роли «военспеца» под присмотром маниакально-бдительного комиссара. На фронте возникли сразу 2 автономных штаба: свой личный штаб Мехлис натравливал на штаб командующего, всюду выискивая «вражеские происки» и «измену». Сложилась нездоровая обстановка кляуз, доносов и

болтологии. Беспрерывной чередой следовали совещания, заседания, отчетно-выборные собрания, партактивы и т. п. По выражению Валентина Пикуля: «Муза бюрократии парила над армией». Создавшееся двоевластие дергало и дезориентировало войска. [175]

«Присутствие на нашем фронте представителя Ставки Л.З. Мехлиса сказалось на работе оперативного отдела штаба ВВС фронта прежде всего в том, что по его требованию мы три раза в сутки готовили справки-доклады о боевой деятельности авиации сторон, вновь и вновь дешифровали производимые летчиками через день фотоснимки четырехполосной обороны противника (сравните с нашей обороной. — *Авт.)* на направлении Ак-Монайского перешейка, монтировали их на огромные планшеты с обязательным условием, чтобы «красиво смотрелось», — пишет генерал авиации С.Н. Гречко. — На все это затрачивалось много времени и потому его не хватало для обстоятельной и целеустремленной подготовки ВВС фронта к предстоящему наступлению».

Симонов:

«Заговорил я об этом отнюдь не за тем, чтобы лишний раз недобрым словом помянуть Мехлиса, который, кстати, был человеком безукоризненного личного мужества и все, что делал, делал не из намерения лично прославиться. Он был глубоко убежден, что действует правильно, и именно поэтому с исторической точки зрения действия его на Керченском полуострове принципиально интересны. Это был человек, который в тот период войны, не входя ни в какие обстоятельства, считал каждого, кто предпочел удобную позицию в ста метрах от врага неудобной в пятидесяти, — трусом. Считал каждого, кто хотел элементарно обезопасить войска от возможной неудачи, — паникером; считал каждого, кто реально оценивал силы врага, — неуверенным в собственных силах. Мехлис, при всей своей личной готовности отдать жизнь за Родину, был ярко выраженным продуктом атмосферы 1937-1938 годов.

А командующий фронтом, к которому он приехал в качестве представителя Ставки, образованный и опытный военный, в свою очередь, тоже оказался продуктом атмосферы 1937-1938 годов, только в другом смысле — в смысле боязни взять на себя полноту ответственности, боязни противопоставить разумное военное решение безграмотному натиску «все и вся — вперед», боязни с риском для себя перенести свой спор с Мехлисом в Ставку. [176]

Тяжелые керченские события с исторической точки зрения интересны тем, что в них как бы свинчены вместе обе половинки последствий 1937-1938 годов, и та, что была представлена

Мехлисом, и та, что была представлена тогдашним командующим Крымским фронтом Козловым».

* * *

К сожалению, обладая в полной мере и властью, и волевыми качествами, выпускник Института красной профессуры в военном деле был абсолютным нулем.

«Взяв на себя командование, — вспоминал Н.С. Хрущев, — Мехлис фактически лишил возможности командовать Козлова… Козлов не проявил своего характера как командующий войсками. Он стал покорно слушать и выполнять приказы и предложения, которые вносил Мехлис… Он как командир проявил там в какой-то степени и беспринципность, и бесхарактерность».

* * *

В середине апреля Ставка дала указание временно прекратить попытки продолжения наступления и перейти к «активным (?) оборонительным (??) действиям». При этом указывалось, что задача освобождения Крыма остается в силе, но, «готовясь к ее осуществлению, надо одновременно создать прочную оборону». Но и оборону, тем более прочную, создать не сумели, советскими уставами она просто не предусматривалась, а специальных «указаний» на этот счет Верховный не прислал. На деле фронт готовился к новому наступлению, которое планировалось в середине мая. [177]

Между тем уже в конце апреля в штаб фронта стали поступать сведения о подготовке противника к активным действиям на Керченском направлении; в первых же числах мая данные стали совершенно определенными. Командующий просто отмахивался от этой информации, его начальник штаба генерал Вечный считал, что Манштейн завяз под Севастополем, Мехлис — последовательный борец с «оборонческими настроениями» — приказал «не паниковать». Вновь прибывшему начальнику инженерной службы фронта генералу А.Ф. Хренову была поставлена задача «обеспечить инженерную подготовку наступления… готовить колонные пути и мосты, отрабатывать действия по разграждению».

Поэтому, «перейдя к обороне», советские войска продолжали сохранять боевые порядки, рассчитанные на ведение наступательных действий. При этом они были переуплотнены: дивизии занимали участки шириной до 2 км, а порой — и 500 м. Резервы располагались в непосредственной близости от передовых частей. Фактически в качестве резерва, достаточно удаленного от передовой линии, могла быть использова-нахэдна стрелковая и одна кавалерийская дивизии.

Остальные части, в том числе тяжелая артиллерия, были стиснуты в одну линию на 27-километровом фронте в условиях открытой местности. Даже штатную артиллерию резервных дивизий у них изъяли для усиления переднего края. Вторая полоса обороны имелась лишь на правом фланге. Пункты управления размещались вблизи переднего края и в случае наступления противника неизбежно попадали под удары вражеской артиллерии. Противотанковые резервы не создавались вовсе. Ни один из рубежей в глубине Керченского полуострова не

был подготовлен к обороне: ни армейский тыловой рубеж, ни Турецкий вал, ни керченские оборонительные обводы.

Не была оборудована в инженерном отношении даже главная полоса. [178] Она состояла из отдельных стрелковых ячеек, окопчиков, землянок, разбросанных безо всякой системы и не связанных между собой ходами сообщения. Далеко не в полной мере использовались противопехотные и противотанковые заграждения. Правда, после феодоссийской оплеухи кое-где были выставлены минные поля, но растаял снег, прошли дожди, мины оказались на поверхности и просматривались визуально — никого это не волновало.

Не была организована система артиллерийского огня, одни дивизионы и батареи открывали огонь с большим запозданием, другие не имели подготовительных данных. Артиллеристы не умели вести огонь по танкам с открытых позиций по прямой наводке. При этом запасные позиции не создавались, а основные не маскировались.

Точно так были плохо замаскированы командные пункты всех инстанций. За весь период нахождения советских войск на ак-монайских позициях командные пункты ни разу не меняли мест своего расположения, а потому были точно и достоверно установлены немецкой разведкой. Вся система управления строилась исключительно на проводной связи, радиосвязь не любили и пользоваться ей не умели. Соответствующей являлась и организация взаимодействия армий, дивизий, родов войск.

Потому и грустил в Севастополе начальник штаба Приморской армии генерал Н.И. Крылов:

«От Севастопольских рубежей до ак-монайских позиций — каких-нибудь 160-170 км, а порой возникало ощущение, что Крымский фронт где-то очень далеко. С ним нельзя было связаться ни по телефону (!), ни по прямому телеграфному проводу (!!!)»

— ну не дает 22-я Нижнесаксонская дивизия проложить «прямой провод» к Козлову.

К этому можно добавить, что как ближайший войсковой тыл Крымского фронта, так и вся территория полуострова в полосе основных магистралей и район Керчи были загромождены многочисленными тыловыми учреждениями, которые тем более не соблюдали мер маскировки и тылового обеспечения. [179] Действительно, странная какая-то атмосфера сложилась на этом сравнительно небольшом по площади участке территории, буквально набитом войсками — а здесьуже 17 стрелковых, 2 кавалерийские дивизии, 3 стрелковые и 4 танковые бригады, не считая отдельных батальонов и полков — всего 260 тыс. бойцов,

на вооружении которых имелось 3577 орудий и минометов, 347 танков (всего на полуостров перебросили 629 танков, но много уже потеряно в безрезультатных атаках). Советские военачальники всех степеней ведут себя, подобно непуганным идиотам.

«Самым страшным злом, — по мнению очевидца, — была беспечность командиров дивизий и полков. Они не придавали серьезного значения обороне противотанкового рва и минно-взрывных заграждений. Побережье не только не оборонялось, но даже не охранялось».

Это за трое суток до немецкого наступления!

Все эти вопиющие недочеты не могли не привести к разгрому.

«Охота на дроф»

Как видим, советские стратеги в Крыму проявляли удивительное легкомыслие. Уверовав, что Манштейн, зажатый между двумя фронтами, способен только к пассивной обороне, они сели рисовать новые планы и графики разгрома «гитлеровских вояк» в мае. Между тем в последних числах апреля 1942 года германское командование начало подготовку к наступлению на Керченском полуострове. По замыслу ОКХ, окончательное изгнание противника из Крыма, включая Севастополь, должно было составить начало крупного наступления на южном отрезке Восточного фронта.

В начале мая подготовка к операции приняла интенсивный характер: немцы резко усилили деятельность всех видов разведки, на ряде участков провели разведку боем, прощупывая передний край, перегруппировывали свои войска. Под Севастополем оставались четыре германские и одна румынская пехотные дивизии; на Керченском фронте против трех советских армий сосредоточивались пять пехотных и одна танковая дивизии 11-й армии, к которым добавлялись три дивизиона штурмовых орудий, одна румынская пехотная дивизия и одна кавалерийская бригада. Впрочем, Манштейн считал части союзников «условно пригодными» для наступательных действий.

Задачу наступавшей стороны осложняло то, что линия фронта на севере и юге упиралась в море, исключая фланговый маневр. Просто оттеснить русских или даже совершить прорыв было недостаточно. Цель 11-й армии, таким образом, состояла не

только в том, чтобы рассечь советскую группировку на всю глубину, но прежде всего в том, чтобы уже в ходе прорыва уничтожить главные силы противника или, по крайней мере, большую их часть.

В этом отношении само советское командование своей беспечностью предоставило Манштейну благоприятные условия. На южном участке фронта советские части после потери Феодосии занимали старый Парпачский рубеж. На северном участке в результате отступления 18-й румынской дивизии фронт отклонялся большой дугой на запад до Кията, выходя далеко вперед за старый рубеж обороны, а новый, как мы знаем, никто оборудовать не удосужился.

Немецкая разведка показала, что противник сосредоточил две трети своих сил на северном участке — 47-ю и 51-ю армии. На юге оборону занимала «самая слабая из трех армий» — 44-я. Три ее дивизии находились на передовом и главном рубежах, две другие — в резерве. В состав армии входили также 56-я и 39-я танковые бригады, 124-й и 126-й отдельные танковые батальоны. [181]

«Эта обстановка и явилась основой, на которой немецкий штаб разработал план операции „Охота на дроф“. Замысел заключался в том, чтобы нанести решающий удар не по непосредственно выдающейся вперед дуге, где этот удар сам напрашивался, а значит, и просчитывался противником, а на южном участке вдоль Черного моря.

Эта задача возлагалась на 30-й армейский корпус под командованием генерала Фреттер-Пико в составе 28-й горнострелковой, 132-й и 50-й пехотных, а также 22-й танковой дивизий. 170-я пехотная, которая вначале должна была оставаться на центральном участке с целью введения противника в заблуждение, в дальнейшем тоже вводилась в прорыв.

Корпусу предстояло прорвать советские позиции, имея в первом эшелоне все три пехотные дивизии. Его ближайшая задача состояла в том, чтобы захватить плацдарм по другую сторону противотанкового рва и этим обеспечить возможность преодоления его танками. Затем он должен был повернуть на северо-восток и позже на север, чтобы ударить во фланг и тыл основным силам противника, занимавшим оборону на северном участке, и окружить их во взаимодействии с 42-м армейским корпусом и румынскими дивизиями.

Прикрытие открытого восточного фланга ударной группировки в ходе выполнения маневра возлагалось на моторизованную бригаду Гроддека, составленную из немецких и румынских моторизованных частей. Бригада должна была

обеспечить выполнение этой своей задачи путем решительных наступательных действий, быстро продвигаясь в направлении на Керчь, чтобы одновременно отрезать пути отхода на тыловые позиции отступающим частям противника. На остальных участках фронта планировалась демонстрация наступления с целью сковать советские дивизии» (Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск, 1999. С.277).

Чтобы облегчить задачу прорыва Парпачского рубежа, командование 11-й армии приняло решение провести морскую десантную операцию с помощью штурмовых лодок. [182] Было решено перебросить на рассвете из Феодосии 1 батальон пехоты в тыл русским. С воздуха немецкое наступление поддерживал 8-й авиационный корпус Рихтгофена — до 400 самолетов.

Успех задуманной операции, по мнению Манштейна,

«зависел от двух предварительных условий. Во-первых, от того, удастся ли держать противника в заблуждении относительно направления главного удара, а именно, что он наносится якобы на северном участке, до тех пор пока для русских не будет упущена возможность выйти из окружения или перебросить свои резервы на южный участок. Во-вторых, с какой скоростью будет проходить наступление на север 30 ак (армейского корпуса. — *Авт.)*, а в особенности 22 тд (танковой дивизии. — *Авт.)*».

Первую предпосылку немцы обеспечили обширной системой мероприятий, направленных на введение противника в заблуждение. Помимо демонстрации подготовки к наступлению путем ведения ложных радиопереговоров, предусматривалась также ложная артподготовка на северном и центральном участках, а также передвижение войск на этих же участках.

«По— видимому, эти мероприятия имели полный успех, так как основные резервы противника находились позади его северного фланга до тех пор, пока не стало поздно».

Таким образом, понимая, что в голой степи переброску войск никак не скрыть, Манштейн буквально афишировал свои приготовления к наступлению. Единственной его целью являлось запутать неприятеля относительно направления главного удара. Действуя по всем правилам военной науки, Манштейн, можно сказать, даже перестарался: он мог концентрировать свои войска открыто — в штабах Козлова и Мехлиса ему все равно «не верили». Оба штаба «явно недооценивали силы и возможности противника и, увлеченные междуусобными дрязгами, не обращали внимания на приготовления гитлеровцев к наступлению». [183]

По свидетельству генерал-полковника А.Ф. Хренова:

«…начальник штаба П.П. Вечный считал нашу тревогу преувеличенной. „Блефуют немцы, — говорил он. — Манштейну не до наступления, у него Севастополь — как кость в горле“… Впрочем, точка зрения Вечного определялась, наверное, не столько собственной оценкой обстановки, сколько влиянием сверху — ведь этого мнения придерживался Мехлис. И ему, и Козлову я тоже пытался докладывать свои соображения. Но командующий просто не считался с нами, а Мехлис начинал темпераментно возражать: не паникуйте, мол, попусту, не принимайте ложные маневры противника за истину, вы и сами видите, что подготовка к наступлению идет по плану, в середине мая мы начнем его наилучшим образом… Подготовка действительно не прекращалась, мало того, из Москвы пришла директива, обязывающая нас перейти в наступление».

Войска Крымского фронта к этому времени имели более чем 2-кратное превосходство в численности пехоты и танков, значительное в артиллерии и примерное равенство в авиации.

Поэтому и все нижестоящие инстанции мер к усилению обороны не принимали, боевое построение войск не изменяли, их командные пункты оставались на прежних местах, получаемые разведданные игнорировались, на «ложные маневры» немцев, в соответствии с полученными указаниями, никак не реагировали.

«…ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад…»

* * *

Рано утром 8 мая началась «Охота на дроф». Первым делом немецкая авиация и артиллерия уничтожили заранее выявленные командные и наблюдательные пункты и узлы связи, быстро и эффективно парализовав всю систему управления советских войск. [184] В первые же часы боя командующий фронтом, командующий 44-й армией и их штабы лишились своих «прямых проводов», радиосвязь же бездействовала. Попытки использовать подвижные средства связи (помните, как у Батова и Петрова направленцы «носятся по степи»?) оказались безрезультатными, так как в создавшейся обстановке посылаемые приказы или донесения либо вовсе не доходили до адресата, либо получались им с таким опозданием, что теряли всякий смысл. Уже к концу первого дня вражеского наступления штаб фронта фактически не имел понятия, что делается на его левом фланге. Вполне понятно, что войска, оказавшиеся без управления, не могли проявить

должной устойчивости в обороне, к которой они и не готовились.

30— й армейский корпус внезапным ударом на 5-километровом участке вдоль побережья Феодосийского залива преодолел противотанковый ров и, прорвав позиции 63-й горнострелковой дивизии, продвинулся на глубину 7-8 км, достигнув района Арма-Эли. Позади пехоты начали выдвигаться танки. Сыграл свою роль и высаженный с моря десант. Как уже отмечалось, побережье не охранялось, и оказавшийся в тылу батальон застал русских врасплох. На северном участке к активным сковывающим действиям приступил 42-й армейский корпус.

В этот же день, почуяв, что запахло жареным, Мехлис в одно мгновение превратился в «оборонца» и отстучал (просится — настучал) Верховному телеграмму следующего содержания:

«Теперь не время жаловаться, но я должен доложить, чтобы Ставка знала командующего фронтом. 7-го мая, т.е. накануне наступления противника, Козлов созвал Военный совет для обсуждения проекта будущей операции по овладению Кой-Асаном. Я порекомендовал отложить этот проект и немедленно дать указания армиям в связи с ожидаемым наступлением противника. [185] В подписанном приказании комфронта в нескольких местах ориентировал, что наступление ожидается 10-15 мая, и предлагал проработать до 10 мая и изучить со всем начсоставом, командирами соединений и штабами план обороны армий. Это делалось тогда, когда вся обстановка истекшего дня показывала, что с утра противник будет наступать. По моему настоянию ошибочная в сроках ориентировка была исправлена. Сопротивлялся также Козлов выдвижению дополнительных сил на участок 44-й армии».

Сталина не могла обмануть такая неуклюжая попытка свалить с себя ответственность, и в ответ он телеграфировал:

«Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего задела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте вы — не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неуспехи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете зато, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если „вся обстановка показывала, что сутра противник будет наступать“, а вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для вас. Значит, вы еще не поняли, что вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля, а как ответственный представитель Ставки.

Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но вы не можете не знать, что у нас нет в резерве гинденбургов. Дела у вас в Крыму несложные, и вы могли бы сами справиться с ними. Если бы вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронт и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца на Крымфронте».

Катастрофы еще вполне можно было избежать, второе предварительное условие Манштейна еще не вступило в силу. [186] Обстановка к концу первого дня немецкого наступления позволяла организовать решительный контрудар во фланг 30-му корпусу и восстановить положение. Ставка Верховного Главнокомандования потребовала от командования фронта срочно подготовить такой контрудар, использовав для этого все свободные резервы. Генерал Козлов приступил к подготовке, рассчитывая утром 9 мая силами своей северной и южной группировок нанести с двух сторон удары по вклинившейся группировке противника и выровнять фронт. С этой целью южная группа должна была сформировать «кулак» в составе четырех стрелковых дивизий, двух танковых бригад и двух танковых батальонов и сосредоточить его на рубеже Арма-Эли, гора Кабуш-Эбе. Сосредоточение этих соединений было закончено к 4.30 утра. Однако намеченный контрудар осуществлен не был.

Едва только соединения заняли указанные рубежи, как очередной командующий 44-й армией генерал-майор С.И. Черняк получил от комфронтом новое распоряжение, согласно которому часть сил южной группировки, в том числе одна танковая бригада, исключалась из ее состава и направлялась в распоряжение командующего северной группировкой для усиления его ударных возможностей. Копия этого распоряжения параллельно была передана непосредственно командирам соединений. Легко представить, к какому бардаку неминуемо вела столь великолепная организация.

Генерал Черняк, учитывая обстановку, решил указания Козлова проигнорировать и нанести удар всеми силами созданной им группировки. Но командиры соединений, получив непосредственно приказ командующего фронтом о перегруппировке на центральный участок, самостоятельно начали отводить части с занимаемого рубежа, на котором они, кстати, находились в непосредственном контакте с противником.

Неожиданный отход с обороняемых позиций одних частей повлек за собой стихийное отступление и на соседних с ними участках. [187] В этот момент Манштейн ввел вдело 22-ю

танковую дивизию, развивая наступление на Керлеут и Узун-Аяк. Таким образом, под угрозой оказался тыл всего Крымского фронта. Никаких решительных мероприятий генерал Козлов в этот день осуществить не смог, почти все его войска, за исключением одной пехотной и одной кавалерийской дивизий, оказались втянутыми в бой и скованы противником.

Видя безрезультатность попыток осуществить контрудар, неспособность командующего взять в свои руки управление войсками для оказания решительного противодействия 11-й армии, а также учитывая возросшую глубину прорыва на левом фланге фронта, советская Ставка в ночь на 10 мая потребовала быстро отвести войска на Турецкий вал, проходивший в 20-25 км западнее Керчи, и упорно оборонять последний. Ставка также указывала, что в первую очередь должны быть отведены войска правого крыла. Учитывая стиль работы штаба Крымского фронта, Москва заключила свое послание следующими словами:

«Торопитесь с исполнением указания. Время дорого, а вы всегда запаздываете».

История отвела Крымскому фронту еще одни сутки, в течение которых решилась его судьба. Весь день 10 мая шли проливные дожди, парализовавшие действия немецких танков и авиации. Это, по-видимому, породило у Козлова какие-то надежды на исправление ситуации. Во всяком случае он, как всегда, «запаздывал». Утратив возможность управлять войсками с помощью проводной связи, командующие фронтом и армий, их штабы не смогли использовать радио и другие средства связи.

Не поняв замысла противника, стремившегося охватить, а затем окружить войска правого крыла Крымского фронта и потому не проявлявшего в первые дни особой активности на этом участке, Козлов не принял необходимых мер к планомерному и быстрому отводу северной группы войск из «мешка», который вырисовывался в районе Киет, Корпечь, Ак-Монай. [188] Отход частью сил начался лишь в ночь на 11 мая, однако и он должным образом организован не был.

Утром 11 мая, немцы приступили к расширению прорыва в Северном направлении, перейдя в наступление из района Парпач на Огуз-Тобе. К исходу дня 22-я танковая вышла к Азовскому морю; в созданном ею котле оказались 8 советских дивизий. Остальные войска Крымского фронта беспорядочно откатывались на восток. Все попытки организовать оборону на Турецком валу частями отходившей южной группы успеха не имели, так как распоряжения Козлова и его штаба до войск не доходили. Немцы вышли к Турецкому валу 13 мая — раньше 156-й стрелковой дивизии из фронтового резерва — и с ходу прорвались на его

центральном участке. Фронт рухнул. Его командующий окончательно потерял всякую способность в той или иной мере влиять на обстановку.

Следует отметить, что для содействия наземным войскам немцы с самого начала активно использовали свою авиацию. Только в первый день наступления, 8 мая, она совершила около 1000 самолето-вылетов. Сильная авиация, которой располагал Крымский фронт, применялась неэффективно, распыленно. Советское командование даже не пыталось использовать ее для нанесения массированных ударов по группировкам противника. Истребители не привлекались для прикрытия отхода своих войск, непрерывно подвергавшихся атакам немецких самолетов. Неспособность командования фронта целесообразно использовать свою авиацию вынудило Ставку 12 мая дать указание о подчинении всей авиации фронта командующему АДД генералу А.Е. Голованову. Но это уже ничего не могло изменить.

В последующие дни советские части отходили в район Керчи, немцы вели непрерывное преследование. К исходу 14 мая передовые части 170-й пехотной дивизии генерала Зандера прорвались к южной и западной окраинам города, а также вышли в районы Катерлез и Эльтиген на побережье Керченского пролива. [189]

«У солдат это преследование оставляло неизгладимое впечатление. Все дороги были забиты брошенными машинами, танками и орудиями противника. На каждом шагу навстречу попадались колонны пленных. Незабываемое зрелище открывалось с высоты вблизи города Керчь, где мы встретились с генералом фон Рихтгофеном… Перед нами был берег, на котором стояло несметное количество разных машин».

15 мая Сталин издал приказ: «Керчь не сдавать», но Керчь уже сдали: советские войска оставили город и начали эвакуацию на Таманский полуостров, через пролив удалось переправить 116,5 тыс. военнослужащих, 25 орудий, 27 минометов и 47 установок РС. К 18 мая сражение закончилось. Шесть германских дивизий разгромили три советские армии. Еще неделю около 18 тыс. бойцов и командиров держались в Аджимушкайских каменоломнях, затем их выморили газами. Вечером 23 мая Совинформбюро сообщило:

«По приказу Советского Главного Командования наши войска оставили Керченский полуостров. Войска и материальная часть эвакуированы. Эвакуация проведена в полном порядке».

Черту подвела директива Ставки от 4 июня 1942 года:

«Основная причина провала Керченской операции заключается в том, что командование фронта — Козлов,

Шаманин, Вечный, представитель Ставки Мехлис, командующие армиями фронта, и особенно 44-й армии — генерал-лейтенант Черняк и 47-й армии — генерал-майор Калганов,*обнаружили полное непонимание природы современной войны (курсив наш. — Авт.)*. Они пытались отразить атаки ударных группировок противника, насыщенных танками и поддержанных сильной авиацией, линейным построением обороны — уплотнением войск первой линии за счет уменьшения глубины боевых порядков обороны. [190] Вследствие такого неправильного построения боевых порядков командующий фронтом и командующие армиями оказались не в силах организовать сопротивление группировкам противника в глубине обороны и нанести им сильные контрудары.

Командование и штабы фронта и групп войск не учли опыта войны, подтверждающего необходимость обеспечения бесперебойного и твердого управления войсками в бою и операции. Они не приняли мер для маскировки своих командных пунктов и для организации надежной связи. В результате этого командование Крымского фронта в первые же часы наступления противника потеряло управление войсками и до конца операции не сумело его восстановить. Командование Крымского фронта пренебрежительно отнеслось и к такому вопросу, как взаимодействие войск; не сумело организовать отвод своих войск и не разгадало маневр врага; не выполнило своевременно указаний на отход на линию Турецкого вала. Козлов начал отвод войск с опозданием на двое суток и осуществил его неорганизованно и беспорядочно — что явилось гибельным для исхода всей операции».

Одна из важнейших причин неудач заключалась также и в бюрократическом, бумажном методе руководства войсками.

«Козлов и Мехлис считали, что изданием приказа заканчиваются их обязанности по руководству войсками. Они не поняли того, что издание приказа является только началом работы и что главная задача командования состоит в обеспечении выполнения приказа, в доведении приказа до войск, в организации помощи войскам по выполнению приказа командования. Как показал разбор операции, командование фронта отдавало свои приказы без учета обстановки на фронте, не зная истинного положения войск. В критические дни операции командование Крымского фронта и т. Мехлис, вместо личного общения с командующими армиями и вместо личного воздействия на ход операции, проводили время на многочасовых бесплодных заседаниях Военного совета». [191]

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования

Мехлис был снят с постов заместителя наркома обороны и начальника Главпура, понижен в звании до корпусного комиссара. Сняты с должности и понижены в звании на одну ступень генерал-лейтенант Козлов и дивизионный комиссар Шаманин. Снят с должности начальник штаба фронта Вечный. Генерал-майор Черняк, генерал-майор Колганов, командующий ВВС фронта генерал-майор авиации Николаенко снижены в звании до полковников. Все они были вскоре направлены в войска с рекомендацией: «…проверить на другой, менее сложной военной работе». Герой Советского Союза генерал-лейтенант Г.Ф. Самойлович рассказывал, что когда Мехлиса решили предать суду военного трибунала, он явился к Сталину и упал на колени:

— Товарищ Сталин! Прикажите расстрелять эту дурацкую жидовскую башку!

— Ну, раз такая самокритика,-сказал Сталин.

Мехлиса простили. Он остался членом ЦК, прошел войну ЧВС армий и фронтов, оставался министром Госконтроля и в феврале 1953 года упокоился в Кремлевской стене. Но представителем Ставки его никогда больше не назначали.

Генерал Козлов в сентябре 1942 года на один месяц получил под свое начало 24-ю армию, год спустя он вновь дослужился до генерал-лейтенанта, но никогда больше не получал самостоятельного командования — преподаватель тактики оказался некудышным полководцем.

Отсутствие «гинденбургов» стоило Крымскому фронту огромных потерь — более 176 тыс. человек, по большей части пленными, свыше 3400 орудий и минометов, около 350 танков, 400 самолетов. Всего же с момента высадки на полуостров потери составили более 330 тыс. человек.

«Противник захватил почти всю нашу боевую технику и тяжелое вооружение, — признает „История Великой Отечественной войны“, — и позже использовал их в борьбе против защитников Севастополя». [192]

Остатки советских войск оказались вновь на Таманском полуострове. Здесь 47-я армия была поставлена в оборону, 51-я, получив маршевые пополнения, передана Южному фронту, а 44-я выведена на переформирование. На базе управления Крымского фронта 20 мая был сформирован Северо-Кавказский фронт под командованием маршала С.М. Буденного. В оперативном отношении ему были подчинены весь Черноморский флот и Азовская флотилия. Фронт получил задачу оборонять восточный берег Азовского моря, Керченский пролив и побережье Черного моря до Лазоревской.

Падение Севастополя было теперь лишь делом времени. Германское командование могло сосредочить против него все силы 11-й армии, используя к тому же массу трофейной артиллерии.

В составе СОР к началу июня имелось 7 стрелковых дивизий, 3 бригады и 2 полка морской пехоты, полк береговой обороны, 4 крепостных, 1 саперный, 2 танковых батальона, 3 роты огнеметчиков, 14 артполков, 10 отдельных артиллерийских дивизионов, 4 отдельных батареи, 3 роты зенитных пулеметов — 106600 человек, 47 танков, 1 бронепоезд, 1624 орудия и миномета, дивизион из 12 реактивных установок М-8, особая авиагруппа со 128 самолетами. Только в июне в крепость было доставлено более 23,5 тыс. человек пополнения, до 15 тыс. тонн грузов, в том числе 35 орудий, 3000 пистолетов-пулеметов ППД и 500 противотанковых ружей; эвакуировано около 25 тыс. раненых и жителей города. НКВД на эскадренном миноносце заботливо вывезло 456 своих подопечных. [193]

В распоряжении гарнизона имелось полгода для совершенствования оборонительных позиций. Манштейн пишет:

«Основное, чем была сильна крепость Севастополь, заключалось не в наличии современных крепостных сооружений, хотя они и имелись в некотором количестве. Основными факторами были чрезвычайно труднодоступная местность и то, что эта местность была усилена огромным количеством мелких оборонительных сооружений. Они густой сетью покрывали весь район от долины реки Бельбек до Черного моря. Особенно сильно был укреплен участок местности между долиной реки Бельбек и бухтой Северной, представлявший собой сплошной укрепленный район».

На флангах оборонительного района располагались самые мощные в Севастополе береговые батареи: № 30 — в районе деревни Любимовка, в устье реки Бельбек, № 35 — в районе мыса Херсонес, получившие у немцев название «Максим ГорькийI» и «Максим ГорькийII». Каждая батарея имела по четыре 305-мм орудия, размещенных в 2-орудийных бронированных башнях (стенки — 305 мм, крыша — 203 мм). Орудия посылали 471-кг дистанционную гранату на дальность 27 тыс. м, а 314-кг фугасный снаряд на — 45980м. Скорострельность достигала 2 выстр./мин. Господство над окружающей местностью обеспечивало орудиям круговой обстрел.

Две башенные установки батареи представляли собой целый

подземный городок, укрытый толстым слоем бетона. Объем бетонных работ только на одной батарее приблизительно равнялся объему работ при строительстве Днепрогэса. Вокруг каждой башни располагались 2 снарядных и 2 зарядных погреба. В каждом размещался 201 снаряд, в зарядном — 402 полузаряда. В подбашенном помещении имелась рельсовая железная дорога с ручными вагонетками, в которых боеприпасы доставлялись к зарядному. Подъем боеприпаса, заряжание, наведение осуществлялось с помощью электроприводов. Расчет одной башни состоял из 54 человек. [194] Башенные установки оборудовались приборами управления стрельбой, получавшими данные от дальномерной рубки, двумя перископическими прицелами.

Батарея № 35 была введена в строй в 1928 году, батарея № 30 — четыре года спустя.

Впервые батарея № 30 открыла огонь 30 октября 1941 года по немецким войскам, двигавшимся к Севастополю со стороны Бахчисарая. Стрельба велась по невидимой цели, поэтому за несколько дней до подхода противника по указанию командира батареи капитана Александера на господствующих высотах были развернуты корректировочные посты. Точное целеуказание позволило с первых же выстрелов поражать колонны немецких войск, а также железнодорожные составы, разгружавшиеся на станциях Альма и Биюк-Сюрен. В течение многих месяцев обороны башенные батареи вели огонь по врагу, сами будучи неуязвимыми для бомб и снарядов.

Воздушное прикрытие обеспечивали 109 самолетов 3-й специальной авиагруппы под командованием полковника Дзюбы, базировавшейся на аэродромы СОР, и авиация Черноморского флота.

* * *

Командующий 11-й армией собрал под Севастополем 8 немецких и 2 румынские пехотные дивизии, со средствами усиления — 167 тыс. солдат и офицеров, 2045 орудий и минометов, 600 самолетов. Советские источники указывают также на наличие в этом районе 450 немецких танков — штат трех танковых дивизий, При этом сообщается, что только в составе 54-го армейского корпуса действовало более 100 танков, «преимущественно тяжелых» (хотелось бы знать каких). [195] Это, конечно, вранье: сразу после окончания «Охоты на дроф» 22-ю

танковую дивизию передали в распоряжение группы армий «Юг», а единственное, что осталось у Манштейна — это три дивизиона (190,197 и 249-й) 75-мм самоходных установок «артштурм» (около 50 машин) и 300-й отдельный танковый батальон под командованием капитана Вайке, имевший на вооружении чуть более тридцати танков-операторовPz.Kpfw.IIIи радиоуправлемые взрывающиеся танкеткиSd.Kfz.301 иAusfASd.Kfs.302 «Goliath». Надо отметить, что первыми такие «сухопутные торпеды» применили еще в феврале 1942 года как раз защитники Севастополя. Авиакорпус Рихтгофена обеспечивал господство в воздухе и блокировал снабжение оборонявшихся кораблями Черноморского флота.

Окончательный штурм, получивший кодовое название «Лов осетра», должен был проводиться по старому плану. Основной удар наносился с севера в направлении восточной оконечности Северной бухты силами 54-го армейского корпуса в составе 22, 24, 50 и 132-й дивизий, усиленных пехотным полком. Общая численность войск на направлении главного удар составляла 75,5 тыс. солдат и офицеров. Ведение наступления на южном участке, из района Камары через Сапун-гору, было возложено на 30-й корпус — 72, 170 и 28-я дивизии — 54,5 тыс. человек. Румынский горный корпус — 18-я пехотная и 1-я горная дивизии — 36 тыс. человек, действовавший между двумя ударными группами немецких войск, на первом этапе операции должен был сковывать противника перед своим фронтом и обеспечивать фланги германских корпусов. В армейском резерве, между Севастополем и Керченским полуостровом, имелось еще 37 тыс. немецких и румынских солдат и офицеров.

Манштейн использовал для решающего штурма все имевшиеся в его распоряжении орудия, а ОКХ предоставило самые мощные огневые средства. В целом 54-й корпус имел 56 батарей тяжелой артиллерии и артиллерии большой мощности, 41 батарею легкой артиллерии, 18 минометных батарей, 2 дивизиона самоходных артустановокStuGIII. 30-й армейский корпус располагал 25 батареями тяжелой артиллерии и артиллерии большой мощности, 25 батареями легкой артиллерии, 6 минометными батареями, 1 дивизионом самоходок. [196] Здесь же находился 300-й отдельный танковый батальон. Румынский горный корпус имел 12 тяжелых и 22 легкие батареи.

Среди пушечных батарей артиллерии большой мощности имелись системы калибра до 194 мм, а также дивизион 210-мм мортир, два дивизиона 240-мм тяжелых гаубиц, четыре батареи гаубиц калибра 280 мм, 815-й и 641-й дивизионы 305-мм мортир

(в состав последнего входила также батарея из двух мортир M1 калибра 356 мм), 624-й дивизион (в каждой из трех его батарей было по две 305-мм мортирыMrs(t) и три 210-ммMoerzer18), батарея 420-мм гаубиц, батарея 420-мм мортир «Gamma» (вес установки 140т, вес снаряда 1020 кг; дальность стрельбы 14200 м; скорострельность 1 выстрел в 8 минут) и батарея 280-мм железнодорожных артустановок.

Кроме того, имелось 2 специальных орудия калибра 615 мм и 800-мм суперпушка «Dora».

* * *

Немцы традиционно располагали большим количеством различных образцов крупнокалиберных орудий, предназначенных для разрушения фортов и других долговременных железобетонных укреплений. Например, артсистема 42 см «Gamma»Moerzerбыла создана перед Первой мировой войной и использовалась для разрушения фортов Льежа и Намюра, а позднее Модлина. В 30-е годы, предусматривая возможность нового столкновения с Францией, командование вермахта постаралось как следует подготовиться к прорыву мощнейшей линии Мажино, сооруженной в 1929-1936 годах, протянувшейся на 400 км вдоль границы, где имелось более 5600 долговременных укреплений и огневых точек. Для их разрушения немецкие конструкторы спроектировали ряд артиллериских систем большой и особой мощности. [197]

Первой из них стала разработанная фирмой «Рейнметалл» в 1940 году осадная мортира по обозначением 60 смMoerzer. Проектирование велось с 1937 года; орудие планировалось использовать в борьбе с долговременными фортификационными сооружениями. Поскольку разработкой руководил начальник Управления вооружений генерал артиллерии Карл Беккер, система получила неофициальное название «Карл» (заводской индексGeraet040). Ствол мортиры имел длину 8,44 калибров (5,1 м).

615— мм бетонобойный снаряд массой 2170 кг имел начальную скорость 220 м/с, фугасный, весивший 1700 кг,-283 м/с. Это обеспечивало ведение навесного огня на дистанцию 4500 и 6700 м соответственно. Угол подъема ствола составлял 70°, сектор горизонтального обстрела — 4°. Наведение осуществлялось ручными приводами. Снаряд пробивал бетонную

плиту толщиной до 3,5 м либо 450-мм броню. Небольшая скорость полета снаряда позволяла наблюдать его в воздухе.

Для транспортировки боеприпасов и заряжания мортир использовалась специальная машина на шасси танкаPzKpfwIV. Каждой мортире придавались 2 таких транспортера. На их корпусе вместо башни монтировали бронированную рубку для четырех 615-мм выстрелов и лебедку для подъема снарядов к казенной части оруция. Применение автоматизированного заряжания значительно ускоряло процесс подготовки к выстрелу. Тем не менее боевая скорострельность была невысокой — 1 выстрел в 10 минут. После 35 выстрелов была необходима замена расстрелянного ствола.

Общая масса артсистемы достигала 126 т. Мортира размещалась на открытой площадке. Для обеспечения хотя бы минимальной мобильности применялся гусеничный движитель, приводимый в движение 12-цилиндровым дизелем фирмы «Даймлер-Бенц» и позволявший развивать скорость до 10 км/ч. Таким образом, «Карл» стал самой крупнокалиберной и тяжелой САУ в мире. [198] Впрочем, гусеницы применялись только для ограниченного маневрирования на огневой позиции. В связи с большой величиной силы отдачи машина перед выстрелом опускалась днищем на грунт, так как ходовая часть не могла воспринять усилие отдачи в 700 т. В походном положении мортира перевозилась по железной дороге, между двумя 5-осными платформами, снабженными специальными фермами. По шоссе артсистема транспортировалась на трейлерах, разобранная на 3 части.

Экипаж «Карла» насчитывал 15-17 человек. Рабочие места артиллеристов, расположенные на высоте двух метров над землей, снабжались леерным ограждением. Все машины оборудовались радиостанциями. Общая численность персонала, закрепленного за каждой артустановкой, включая экипаж машин для боеприпасов, железнодорожного спецсостава, передовых наблюдателей, корректировщиков и связистов, составляла 109 солдат и офицеров.

Всего было построено 6 единиц гигантских самоходок. Вслед за «Адамом», введенным в строй в ноябре 1940 года, в течение полугода последовали «Ewa», «Thor», «Odin», «Loki» и «Ziu». Первые четыре самоходки вошли в состав 833-го тяжелого артдивизиона, в котором сформировали две 2-орудийные батареи: в 1-ю включили «Тор» и «Один», во 2-ю — «Адама» и «Еву». Впервые новая система была применена в июне 1941-го, когда «Адам» открыл огонь по фортам Брестской крепости. В стволе «Евы» при первом же выстреле заклинило снаряд, и всю

установку пришлось везти в Дюссельдорф. «Адам» выпустил 16 снарядов. 1-я батарея — «Тор» и «Один» приняли участие в обстреле Львова, причем последний сразу вышел из строя в результате поломки ходовой части, «Тор» произвел 4 выстрела.

В июне 1942 года именно 1-я батарея была переброшена под Севастополь. [199]

* * *

Наиболее крупнокалиберной и тяжеловесной артсистемой всех времен и народов, применявшейся в боевых действиях, стала 800-мм экспериментальная железнодорожная установка «Дора» К (Е), созданная в конце 1941 года. Инициатором и горячим стороником этого оружия был сам Гитлер, обожавший подобные проекты. Работы в конструкторском бюро фирмы «Крупп АГ» начались в 1935 году. Управление вооружений заказало 3 гигантские пушки, строительство первой из них началось в строжайшей тайне летом 1937 года. Из-за технологических трудностей, связанных с обработкой 32-метрового ствола, пробные стрельбы удалось провести только 4 года спустя.

Орудие использовало снаряды различной длины и веса: бронебойные (масса 7100 кг, начальная скорость 720 м/с) и фугасные (4800 кг и 820 м/с). Дальнобойность составляла 38 и 48 тыс. м соответственно. Боевая скорострельность этого монстра достигала рекордно малой величины — 1 выстрел в 20 минут. Несмотря на эти недостатки, пушка вполне соответствовала своему прямому назначению: разрушению наиболее мощных укреплений линии Мажино. Бетонобойные снаряды легко пробивали броневую плиту толщиной 1 метр и 8-метровый слой бетона. В плотном земляном грунте боеприпас проникал на глубину до 32 м.

Лафет орудия покоился на специальной платформе, занимавшей две параллельные колеи железной дороги. Боевая масса установки составляла 1350 т. Огонь мог вестись только строго параллельно оси железнодорожного пути, на котором стояло орудие — любое отклонение от этой оси под воздействием силы отката грозило перевернуть махину набок. Кроме того, масса артсистемы, приближавшаяся к критической, не позволила ввести в конструкцию лафета устройства горизонтальной наводки. Поэтому наведение в горизонтальной плоскости осуществлялось с помощью выкладывания на нужном курсовом

угле ветки железной дороги, на которую и загонялся состав с орудием. [200]

Семитонные снаряды и пороховые заряды от транспортера к казенной части орудия поднимали 2 крана, установленные в хвостовой части платформы. Комплекс, сопровождавший «Дору», в своем составе имел энергопоезд, железнодорожный состав техобслуживания, состав с боеприпасами, 2-3 подвижные зенитные батареи, летучки и т. д. — всего до 60 локомотивов и вагонов с персоналом в несколько сот человек. Столь разнообразная номенклатура подразделений обеспечения заставила выделить единственную пушку в отдельную войсковую часть — 672-й железнодорожный артиллерийский дивизион, сформированный в январе 1942 года.

«Дору» не удалось использовать по прямому назначению — Франция капитулировала прежде, чем орудие было введено в строй. Боевым крещением орудия стало участие в операции «Лов осетра». По мнению Гитлера, «Дора» должна была сыграть важную роль в последнем штурме русской приморской крепости. В конце апреля 1942 года (как видно, Манштейн нисколько не сомневался в своей победе над армиями Козлова) в Симферополь прибыли эшелоны с солдатами 672-го дивизиона и разобранной на части пушкой.

Огневую позицию для «Доры» выбрали в 2 км к востоку от Бахчисарая. Оборудование ее заняло 4 недели. В работах были задействованы около 1500 местных жителей, до 1000 служащих «Организации Тодта», подразделение саперов и группа специалистов с заводов Круппа. Большое внимание уделялось безопасности «Доры». Охрана возлагалась на усиленный до 400 человек зенитный артдивизион, две румынские роты охраны общей численностью 300 человек, 40-й особый взвод жандармерии и взвод проводников с собаками. Вся территория вокруг была обнесена колючей проволокой, а само орудие укрыто маскировочными сетями. В целях дезинформации советской разведывательной

авиации в пяти километрах западнее настоящей позиции было развернуто строительство ложной. [201] Вместе с двумя эскадрилиями люфтваффе — истребителями и корректировщиками, боевую работу «Доры» под Севастополем обеспечивали почти 5000 человек. 26 мая орудие было установлено на позиции, монтаж длился 3 дня.

Основной задачей сверхмощных орудий являлось уничтожение советских башенных батарей. Причем первоначально главный удар планировался по батарее № 30, которая считалась одним из основных узлов обороны Северной

Стороны и которую немцы решили взять в первую очередь.

В целом во Второй мировой войне немцы никогда не достигали такой плотности применения артиллерии, как под Севастополем — в среднем 36 орудий и минометов на километр фронта, а на направлениях главных ударов — от 74 до 110 стволов. Ну это у германца от бедности! В 1942 году Красная Армия достигала плотности до 120 орудий и минометов на километр фронта, а в 1945-м доводила ее до 250 стволов. Но нигде, кроме Севастополя, в ходе войны расход артиллерийских снарядов не превышал расхода винтовочных и автоматных патронов.

* * *

Таким образом, в июле 1942 года под Севастополем не наблюдалось классического соотношения 3:1 между наступающими и обороняющимися: немцы имели вдвое больше бойцов, примерно равное количество артиллерии и бронетехники. Решающее значение в данной ситуации имело более чем 5-кратное количественное и бесспорное качественное превосходство германской авиации. Осажденная крепость напрямую зависела от морских поставок, объем которых после разгрома Крымского фронта неуклонно снижался.

Начиная с 20 мая летчики Рихтгофена начали целенаправленную деятельность по завоеванию господства в воздухе в районе Севастополя. [202] С рассвета до заката пад городом непрерывно патрулировали от 3 до 6 немецких истребителей, которые немедленно вызывали в воздух тревожные эскадрильи при каждом старте советского самолета. Из-за коротких ночей следовавшие в крепость транспорты оказывались в опасной зоне в светлое время и подвергались атакам неприятельской авиации.

Быстроходные военные корабли еще могли прорваться в Севастополь (с середины июня основная тяжесть по доставке военных грузов легла на эсминцы и крейсера), но они не способны были обеспечить потребности 100-тысячного гарнизона. Кроме того, для блокады города с моря немцы сосредоточили в крымских портах сторожевые и торпедные катера — 6 «шнелльботов» 1-й флотилии корветен-капитанаХейнца Бирнбахера и 5 итальянскихMTSMпод командой капитана 1-го ранга Милибелли из 10-й флотилииMAS. В Ялте разместились 6

итальянских карликовых субмарин типа СВ, а на аэродромах — до 150 самолетов-торпедоносцев и пикировщиков, переброшенные со Средиземноморского театра военных действий.

О последних адмирал Басистый писал: «Пожалуй, впервые мы встретили таких настойчивых вражеских летчиков. Не отступают, лезут на огонь». 10 июня в севастопольской базе, атакованный 15 «юнкерсами», погиб эсминец «Свободный», 13-го у Минной Стенки немецкая авиация потопила теплоход «Грузия» с грузом снарядов.

Все это вынудило командование Черноморского флота активнее привлекать в качестве транспортов подводные лодки. Они осуществляли перевозку боеприпасов, продовольствия и авиатоплива. Субмарины совершали переход морем в надводном положении максимальными скоростями. Погружались только в случае уклонения от атак противника. Разгрузку производили ночью, стараясь до рассвета передать грузы и принять эвакуируемых. В случае задержек, лодка на день ложилась на грунт. [203]

В мае— июне к перевозкам привлекались 24 подводные лодки всех имеющихся типов, которые совершили 78 походов и доставили севастопольцам около 4000 тонн груза. Обратными рейсами вывезено более 1300 человек. Особо опасное предприятие представляла собой транспортировка в лодочных цистернах бензина: он разрушает резиновые уплотнения, и его пары, проникая в отсеки, отравляют личный состав, создают опасность воспламенения от искр работающих электромеханизмов. На нескольких «малютках» имели место серьезные аварии, вызванные взрывами паров бензина и последующими пожарами. С каждым днем возрастало и противодействие противника.

Начиная со 2 июня в течение пяти суток немцы вели непрерывную артиллерийскую канонаду и авиационную бомбардировку Севастопольского оборонительного района. Самолеты наносили удары по порту, тылам, аэродромам, коммуникациям и городу, в котором еще оставалось 35 тыс. жителей. Советская артиллерия в ответ совершала огневые налеты по местам скопления войск противника; их стрельбу корректировали высаженные на побережье специальные группы наблюдателей.

5 июня в 5.35 первый бетонобойный снаряд по северной части Севастополя выпустила установка «Дора». Следующие 8 снарядов полетели в район батареи № 30. Столбы дыма от взрывов поднимались на высоту 160 м, однако ни одного

попадания в броневые башни достигнуто не было, точность стрельбы орудия-монстра с дистанции почти 30 км оказалась, как и следовало ожидать, весьма невелика. Еще 7 снарядов «Дора» в этот день выпустила по так называемому «Форту Сталин», в цель попал только один из них.

На следующий день орудие 7-кратно обстреляло «Форт Молотов», а затем уничтожило большой склад боеприпасов на северном берегу бухты Северной, укрытый в штольне на глубине 27 м. [204] Это, кстати, вызвало недовольство фюрера, который считал, что «Дора» должна использоваться исключительно против сильно укрепленных фортификационных сооружений. В течение трех дней 672-й дивизион израсходовал 38 снарядов, осталось 10. Уже в ходе штурма 5 из них 11 июня были выпущены по «Форту Сибирь» — в цель попали 3, остальные выстрелили 17 июня. Лишь 25-го числа на позицию был доставлен новый боезапас — 5 фугасных снарядов. Четыре использовали для пробной стрельбы и лишь один выпустили в сторону города.

Сразу по окончании сражения, 2 июля, начался демонтаж «Доры». В сравнении с усилиями, затраченными на обеспечение ее боевой деятельности, толку от сверхпушки оказалось немного. К тому же из-за громоздскости и привязки к железнодорожному полотну артсистема была уязвима для авиация. По оценке Манштейна:

«В целом эти расходы не соответствовали достигаемому эффекту».

В начале 1943 года в строй была введена вторая пушка этого типа, но в боевых действиях они больше не применялись. Обе уничтожили сами немцы в последние недели войны. В целом оправдала себя оценка, данная проекту генералом Гальдером еще в декабре 1941 года: «Необычная сверхпушка, но бесполезная».

Наибольшего успеха под Севастополем добились артиллеристы 833-го артдивизиона. Израсходовав с 5 по 14 июня 172 бетонобойных и 25 фугасных 615-мм снарядов, «карлы» сумели прямыми попаданиями разрушить обе башни 30-й батареи.

7 июня наступило время штурма.

8 3.00 вся немецкая и румынская артиллерия открыла ураганный огонь по позициям обороняющихся. Час спустя, после того как огонь был перенесен в глубину, в атаку двинулись немецкие дивизии. Бои с первого дня приняли ожесточенный, кровавый характер. [205] В их ходе германские полки сократились до нескольких сот человек, ибо русский солдат, по признанию Манштейна, «поистине сражался достаточно храбро», показывая пример «невероятной стойкости».

В течение пяти суток защитники города успешно отражали атаки, однако к середине июня они стали остро ощущать нехватку боеприпасов. 17 июня немецкая пехота окружила 30-ю батарею. На тот момент, помимо личного состава батареи, в казематах укрылось около 300 красноармейцев из отступавших стрелковых частей. Часть пехотинцев и матросов прорвались к своим, а остальные укрылись в подземных помещениях, где бои продолжались до 24 июня. Немцы применяли огнеметы, подрывные заряды, бензин, а по некоторым данным — и отравляющие газы, в итоге им удалось взять в плен 40 бойцов. 26 июня Александер с несколькими матросами вырвался из бетонного блока через водосток, но через сутки был пленен и впоследствии расстрелян в Симферопольской тюрьме. [206]

18 июня ценой больших потерь немцам удалось выйти к Северной бухте, Инкерману, Сапун-горе. 26 июня в Севастополь на двух эскадренных миноносцах, лидере «Ташкент» и двух тральщиках прибыло последнее пополнение — 142-я стрелковая бригада. Корабли разгружались и принимали раненых в Камышевой бухте, которая находилась за городской чертой. На обратном пути у мыса Айтодор вражеские бомбардировщики потопили эсминец «Безупречный». Боеприпасы, топливо и продовольствие доставлялось теперь в небольших количествах только подводными лодками и транспортными самолетамиDC-3.

Капитан 1-го ранга А.К. Евсеев записывал в дневнике:

«После падения Северной Стороны бомбардировки с воздуха усилились еще более, дойдя до своего апогея. Самолетов было настолько много и настолько тесно им было маневрировать в воздухе, что были зафиксированы отдельные случаи столкновения германских самолетов друг с другом, которые с грохотом падали на землю… Наша зенитная артиллерия была подавлена совсем… Наша истребительная авиация днем уже почти не поднималась в воздух».

29 июня, с падением Инкерманских высот, судьба крепости была решена. В советских стрелковых дивизиях осталось по 800 бойцов, в бригадах — 400. Лишь 9-я и 142-я бригады были укомплектованы почти по полному штату. Из-за отсутствия боеприпасов, редкий огонь артиллерии мог оказать оборонявшимся чисто моральную поддержку. В ночь на 30 июня подразделения 22-й дивизий генерала Вольфа и 24-й дивизии генерала фон Теттана, прикрываемые артогнем и дымовыми завесами, форсировали на моторных лодках Северную бухту. Эта операция сопровождалась концентрированными ударами немецко-румынских сил на всех направлениях. Пехота 170-й дивизии при поддержке реактивных минометов, штурмовых

орудий и «голиафов» взяла штурмом Сапун-гору, следом пал Малахов курган. [207] Вечером 30 июня остатки войск СОР стали отходить из Севастополя к бухтам Стрелецкая, Камышевая, Казачья и на мыс Херсонес. Началась агония Приморской армии.

Официальная советская история сообщает, что

«3 июля советские войска*по приказу Ставки Верховного Главнокомандования оставили Севастополь и были эвакуированы морем… (курсив наш. — Авт.)*. Чтобы не дать противнику возможности помешать эвакуации, части прикрытия в районе Севастополя и на Херсонесском полуострове сдерживали наступление врага, а тем временем по ночам производилась посадка на корабли».

Далее демонстрируется «схема эвакуации» войск и населения.

В действительности эвакуация Севастополя никогда не планировалась, а 30 июня, после занятия противником Корабельной Стороны, стала просто невозможной. Поэтому в ночь на 1 июля, после доклада адмирала Октябрьского о том, что все возможности для обороны города исчерпаны, по приказу Москвы с мыса Херсонес на подводных лодках Л-23 и Щ-209 и нескольких транспортных самолетах были вывезены только высшие командиры и комиссары СОР — генерал Петров со штабом, командиры дивизий, командование флота, партийное руководство и чины НКВД — всего 498 человек, а также около трех тонн документов и ценностей. Той же ночью отплыли все имевшиеся под рукой исправные плавсредства — на них тоже сажали по спискам, они доставили в кавказские порты 304 человека.

Эти генералы и есть эвакуированные войска, а партийные бонзы и их родственники — население. Все остальные — и еще ведущие бой пехотинцы, и раненые в подвалах и штольнях — все были оставлены на берегу («войска прикрытия»!). Улетели в Анапу последние 18 исправных боевых самолетов, а около 2000 человек наземной обслуги отправились в окопы.

Оставшимся бойцам во главе с командиром 109-й стрелковой дивизии генерал-майором П.Г. Новиковым (крымским татарином) вручили приказ: «…сражаться до последней возможности, после чего… пробиваться в горы, к партизанам». Они держались еще 2 дня. [208]

В ночь на 2 июля личный состав взорвал батарею № 35: боекомплект был израсходован полностью. Прибывшие в последний раз два тральщика, две подводные лодки и пять морских охотников вывезли еще около 650 человек.

Инженер А.Н. Шаров, воевавший на Херсонесе до последнего дня, вспоминал:

«На берегу скопились тысячи солдат. Когда подошел корабль, люди бросились на деревянный причал, и он рухнул под тяжестью тел. Невозможно было разобрать, кто погиб, а кто выбрался из-под бревен. Штормовая волна. Корабль отошел от берега. Люди бросаются вплавь. Матросы спускают веревки, чтобы помочь солдатам взобраться на палубу. Картина была страшная… Вдоль берега под скалами, насколько хватало глаз, лежали убитые бойцы. Узкая кромка буквально устлана телами».

Остатки Приморской армии — более 30 тыс. человек, не имевших боеприпасов, продовольствия, пресной воды, все госпитали и медсанбаты — пытались укрыться в пещерах, расположенных в крутых склонах, напрасно ожидая своей эвакуации. Никто еще не знал, что больше кораблей не будет.

К 4 июля организованное сопротивление на мысе Херсонес было сломлено, к 10-му ликвидированы его последние очаги. Прорваться в горы не удалось почти никому, на малых кораблях и судах на Кавказ были переправлены еще 750 бойцов. Единицы сумели уйти морем на шлюпках, плотах, автомобильных камерах; одних перехватывали вражеские катера, некоторых подобрали советские подлодки. Всего за 3 дня было вывезено чуть более 2000 человек. На долю остальных выпали смерть и плен. [209]

Для утешения советских граждан и поднятия морального духа Красной Армии Совинформбюро сообщило, что героические защитники Севастополя только за последние 25 дней штурма «полностью разгромили» 22, 24, 28, 50, 132 и 172-ю немецкие пехотные дивизии и четыре отдельных полка, 22-ю танковую дивизию (?) и отдельную мехбригаду 1, 4 и 18-ю румынские дивизии «и большое количество частей из других соединений» — все, что было и чего не было.

«За этот короткий период немцы потеряли под Севастополем до 150 тысяч солдат и офицеров, из них не менее 60 тысяч убитыми, более 250 танков, до 250 орудий. В воздушных боях над городом сбито более 300 немецких самолетов. За все 8 месяцев обороны Севастополя враг потерял до 300 тысяч солдат убитыми и ранеными. (Этого показалось мало и в дальнейшем стали утверждать, что Манштейн „уложил“ 300 тысяч только убитыми, а писатель Карпов даже вычислил арифметически, какой высоты получится стена, если выложить все эти трупы вдоль 30-километрового оборонительного периметра, учитывая, что *«каждый солдат, обутый в сапоги, с каской на голове, был ростом около двух метров». — Авт.)*. В боях за Севастополь немецкие войска понесли огромные потери, приобрели же — руины… Никаких трофеев, ценностей или военного имущества врагу захватить не удалось… Сковывая большое количество

немецко-румынских войск, защитники города спутали и расстроили (?) планы немецкого командования».

Фантастические цифры не могли скрыть тот факт, что теперь в руках у немцев оказался весь Крым. Германское командование высоко оценило успехи 11-й армии. Манштейн получил чин генерал-фельдмаршала и отпуск в Карпатах. Для участников штурма Гитлер учредил почетный знак «Крымский щит». С оперативной точки зрения «полностью разгромленная» Советским информбюро 11-я армия очень вовремя освободилась для участия в большом наступлении вермахта на южном участке Восточного фронта. Ее потери в июне — июле 1942 года, в период самых жестоких боев, составили 24111 человек убитыми и ранеными. [210]

Войска Севастопольского оборонительного района с 30 октября 1941 по 4 июля 1942 года потеряли более 200 тыс. солдат и офицеров, в том числе 156880 безвозвратно. При выполнении боевых задач в районе Севастополя погибли крейсер «Червона Украина», 4 эскадренных миноносца, 4 крупных транспорта, подводные лодки С-32 и Щ-214; 1 лидер и 3 эсминца получили тяжелые повреждения, не считая малых боевых кораблей. Овладев крепостью, немцы захватили в качестве трофеев 622 орудия, 758 минометов и 26 танков.

В плен попали 95 тыс. советских солдат. Их бросили, это нередко случается на войне.

Но их еще и предали, самих объявив предателями. Те, кто был оставлен на берегу своим командованием, пройдут через плен и концлагеря и будут жить с клеймом в биографии. На их головы падут допросы, подозрения, обвинения — все в соответствии с указанием вождя: «У нас нет военнопленных»!

Несколько примеров из статьи Людмилы Овчинниковой:

«О том, что они пережили после войны…

Офицер, попавший в плен раненый, после войны был отправлен в лагеря. Когда он вернулся, смог устроиться только истопником в котельной.

Бывшая медсестра, выжившая в концлагере, 10 лет боялась переступить порог отдела кадров, чтобы не подвести мужа, работавшего на оборонном заводе.

Солдат из Севастополя поступил учиться в педагогический. Студента выдвинули на именную стипендию. Его вызвал особист: «Как ты сюда попал? Ты, сдавшийся в плен, будешь учить наших детей?»

И конечно, учрежденная 22 декабря 1942 года медаль «За оборону Севастополя» предназначалась не им.

* * *

В целом бездарно проваленная оборона Крыма обошлась Красной Армии почти в 600 тыс. человек. [211]

Как один Баграмян два фронта загубил

Последствия нашего поражения под Харьковом сказались в дальнейшем под Сталинградом. Размышляя над этим, еще и еще раз приходишь к выводу, насколько велика ответственность военачальника, принимающего решение на ту или иную операцию. Как необходимы здесь всесторонее знание противника и трезвая оценка своих сил, выбор места и времени для нанесения удара!

Генерал армии М.И. Казаков

В мае 1942 года одновременно с боями в Крыму развернулись активные военные действия в районе Харькова. Здесь к наступлению подготовились обе стороны.

Еще во второй половине марта Военный совет Юго-Западного направления — главком маршал С.К. Тимошенко, ЧВС Н.С. Хрущев, начальник оперативной группы генерал И.Х. Баграмян — обратился к Верховному Главнокомандующему с предложением провести наступательную операцию силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов с целью разгрома противостоящих группировок врага и выхода на линию Гомель — Киев — Черкассы — Первомайск — Николаев. В результате Барвенково-Лозовской операции на стыке Юго-Западного и Южного фронтов советским войскам удалось глубоко вклиниться в расположение противника; к югу от Харькова образовался так называемый барвенковский или изюмский выступ глубиной до 90-100 км, откуда создавалась прямая угроза флангу и глубокому тылу основной немецкой группировки, оккупировавшей Донбасс и побережье Азовского моря. [212]

Тимошенко считал, что немцы на Юго-Западном направлении понесли серьезные потери в живой силе, вооружении и боевой технике и что без достаточно длительной передышки и получения крупных подкреплений из глубокого тыла они не в состоянии перейти к решительным действиям. Учитывая эти обстоятельства, маршал полагал, что если Ставка существенно подкрепит его направление разервами и техникой, то, предприняв ряд взаимосвязанных наступательных операций, он освободит от врага Харьков и Донбасс.

Для достижения поставленных целей штаб Тимошенко запросил в дополнение к имеющимся 92 дивизиям и 480 танкам

еще полмиллиона бойцов и 1500 танков. Группа армий «Юг» на тот момент имела в своем составе 64 дивизии и 450 танков.

«Что же касается степени возможного усиления основных группировок противника… за счет резервов из глубины Германии, то наши прогнозы строились больше на догадках, нежели на реальных сведениях»,

— признает маршал Багрямян.

Чрезвычайно любопытно проходило 27 марта обсуждение плана в Кремле, куда Верховный вызвал для доклада командование Юго-Западного направления. По ходу дела Сталин прочитал присутствовавшим в кабинете двум маршалам и двум генералам лекцию по основам оперативно-тактического искусства.

«Сталин разъяснил нам, как надо использовать артиллерию при прорыве оборонительной полосы врага (между прочим, Тимошенко считался героем прорыва „линии Маннергейма“, но, видимо, Главнокомандующий знает цену его талантам. — *Авт.)*… не раз по ходу доклада и в процессе его обсуждения также разъяснял нам (!), как наилучшим образом использовать боевые качества пехоты, танков, авиации в предстоящих летних операциях Красной Армии», — вспоминает Баграмян.

Зачарованные познаниями вождя в военном деле, «полководцы» уехали из Кремля «во власти новых впечатлений», в очередной разубедившись, что «во главе наших Вооруженных Сил стоит не только выдающийся политический деятель современности, но также и хорошо подготовленный в вопросах военной теории и практики военачальник». [213]

Однако запрошенных Тимошенко резервов Сталин не дал: у него были более глобальные планы. Большая часть советских сил сосредоточивалась на Московском направлении, и для проведения столь крупномасштабного наступления на юге достаточного количества подготовленных войск просто не было. Через день штаб Тимошенко, несколько сократив размах операции, представил новый план, учитывавший принятое Ставкой решение о выводе Брянского фронта из состава Юго-Западного направления (как мы помним, для проведения самостоятельной операции в районе Курска). Но и переработанный план был отклонен по тем же соображениям.

Наконец, приняли удовлетворившее всех решение о более узкой операции, которую предполагалось провести только силами Юго-Западного фронта. Целью ставилось овладеть городом Харьков, затем произвести перегруппировку войск и ударом с северо-востока захватить Днепропетровск и Синельниково. Из резервов Ставки в распоряжение Тимошенко передавались 10

стрелковых дивизий, 26 танковых бригад, 18 артполков РГК. Сталин считал, что этого вполне достаточно для разгрома 6-й немецкой армии, а далее из Крыма навстречу Тимошенко должен был выступить фронт генерала Козлова, «разбивший Манштейна».

Командование Юго-Западного направления планировало нанести 2 удара по сходящимся направлениям на Харьков — с северо-запада, из района Волчанска, и с юга — с барвенковского выступа.

Первый этап операции предусматривал прорыв советскими войсками первых двух полос обороны, разгром тактических резервов противника и обеспечение ввода в прорыв подвижных групп. Общая глубина наступления — 20-30 км, продолжительность этапа — трое суток. [214] Второй этап намечалось осуществить в течение 3-4 суток с продвижением наступающих войск на глубину 24-35 км. В ходе его предусматривалось разгромить оперативные резервы врага, выйти главными силами ударных группировок фронта непосредственно на подступы к городу, а подвижными войсками завершить окружение и разгром харьковской группировки противника — 6-й армии Паулюса, силы которой оценивались в 13 дивизий, в том числе 1 танковую.

Из района Волчанска, обходя Харьков с севера и северо-запада, прорывались дивизии вновь сформированной 28-й армии генерал-лейтенанта Д.И. Рябышева. Принимая под свое командование свежую полнокровную армию в составе 13-й гвардейской, 244, 175, 169, 162 и 38-й стрелковых дивизий, 6-й гвардейской, 84, 90 и 6-й танковых бригад, генерал отметил, что ее бойцы «были вооружены автоматами, имели противотанковые ружья и противотанковую артиллерию. Артчасти были оснащены орудиями по штату». Впрочем, к началу операции все армии фронта при ставшем традиционным некомплекте личного состава вооружением и боевой техникой были обеспечены на 100%.

В качестве подвижной группы Рябышеву придавался 3-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-майора В.Д. Крюченкина. Для обеспечения флангов ударной группировки в наступлении задействовалась часть сил соседних 21-й армии генерал-майора В.Н. Гордова и 38-й армии генерал-майора К.С. Москаленко. Всего северный «кулак» насчитывал 13 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии, 8 танковых и 2 мотострелковые бригады.

С юга на Харьков предстояло наступать 6-й советской армии под командованием генерал-лейтенанта А.М. Городнянского — 253, 266, 1203, 411, 47, 337, 248 и 41-я стрелковые дивизии, 5-я гвардейская, 37, 38 и 48-я танковые бригады. Чтобы обеспечить

его действия с юго-запада с Барвенковского плацдарма, на Красноград наносила удар армейская группа генерал-майора Л.В. Бобкина в составе 393 и 270-й стрелковых дивизий, 6-го кавалерийского корпуса и приданной ему 7-й танковой бригады. [215]

Для развития успеха на втором этапе в полосе 6-й армии в прорыв вводились 21-й и 23-й танковые корпуса, наносившие удар в общем направлении на Люботин. Во взаимодействии с 3-м кавкорпусом им предстояло завершить окружение харьковской группировки противника. При этом 21-й танковый корпус генерала Г.И. Кузьмина — 198, 199, 64-я танковые и 4-я мотострелковая бригады — должен был развивать наступление на Змиев и на пятый-шестой день овладеть Люботиным. К этому времени 23-й корпус генерала Е.Г. Пушкина — 6, 130, 131-я танковые, 23-я мотострелковая бригады — должен был выйти в район Валков. Общий состав сил южной ударной группировки: 10 стрелковых, 3 кавалерийские дивизии, 11 танковых и 2 мотострелковые бригады. В оперативном подчинении генерала Городнянского находились также 5-й и 55-й полки реактивной артиллерии.

Таким образом, в разгроме Паулюса предстояло принять участие двадцати трем стрелковым, шести кавалерийским дивизиям, девятнадцати танковым (925 танков) и четырем мотострелковым бригадам Юго-Западного фронта. Главный удар наносился с барвенковского выступа. Большинство танковых бригад — 560 танков — придавались стрелковым дивизиям и должны были использоваться для непосредственной поддержки пехоты в первом эшелоне. Правда, маршал Баграмян жалуется на то, что «половину из них составляли легкие танки устаревших типов и Т-60». Но это просто привычка такая у советских полководцев: раз наших бьют — значит техники либо мало, либо она плохая. Между тем все «легкие танки устаревших типов» были потеряны в 1941 году, а советская промышленность еще до начала войны полностью перешла на выпуск самых новейших машин. Отдельная танковая бригада образца 1942 года имела в своем составе 32 танка Т-34 и 21 танк Т-60 илиТ-70. [216] Что здесь составляет большую половину — посчитать нетрудно.

Маршал Москаленко, наоборот, вспоминает, что ознакомившись с данными о составе сил, которые планировалось привлечь к наступлению,

«испытал чувство огромной радости. Впервые с начала Великой Отечественной войны мне предстояло участвовать в наступательной операции, в которой мы превосходили противника по численности в живой силе, по количеству

артиллерии и танков, не уступали ему в авиации. Например, никогда не было на нашем фронте такого количества танков непосредственной поддержки пехоты».

Южному фронту активных задач не ставилось. Две его правофланговые армии должны были жесткой обороной обеспечить наступление Юго-Западного фронта на Харьков от возможных ударов противника на Барвенково с юга. 57-я армия генерал-лейтенанта К.П. Подласа в составе пяти стрелковых дивизий, усиленных тремя полками РГК и отдельным танковым батальоном, защищала 80-километровый фронт на южном фасе выступа. 9-я армия генерал-майора Ф.М. Харитонова — шесть стрелковых дивизий, одна стрелковая, 121-я и 15-я танковые бригады, пять артполков РГК — на южном и юго-восточном. Позади них располагался резерв командующего Южным фронтом: 5-й кавкорпус генерала И.А. Плиева и 12-я танковая бригада.

Кроме того, в случае необходимости боевые действия 57-й и 9-й армии могли поддержать резервные 2-й кавалерийский корпус, две стрелковые дивизии и 92-й тяжелый танковый батальон, размещенные на стыке двух фронтов.

Прорыв немецкой обороны и развитие успеха поддерживала вся фронтовая и армейская авиация Юго-Западного фронта — 656 самолетов; кроме того, для обеспечения наступления южной ударной группировки привлекались 233 машины из состава Южного фронта. [217]

Как видим, план советского командования в Харьковской операции преследовал решительные цели и обеспечивался серьезными силами. По мнению советских историков, существенным его недостатком являлось то, что район, из которого наносился главный удар, был выбран неудачно — фланг и тыл наступавших отсюда войск оказались очень уязвимыми. Враг, «готовившийся к нанесению главного удара на юге, считал одной из своих ближайших задач ликвидацию барвенковского выступа».

Но ведь эта опасность при планировании прогнозировалась, и только для прикрытия южной ударной группировки с фланга выделялось в общей сложности 15 стрелковых, 6 кавалерийских дивизий, 3 танковые, 1 стрелковая и 1 мотострелковая бригады, которым было приказано

«создать прочную оборону, развитую в глубину, с продуманной системой противотанковой защиты, с максимальным развитием инженерных сооружений, противотанковых и противопехотных препятствий и широким приспособлением к обороне населенных пунктов».

В директиве № 00275 от 28 апреля, подписанной Тимошенко,

Хрущевым и Багрямяном, в частности, указывалось, что

«…возможна попытка противника ликвидировать барвенково-лозовский выступ и одновременно предпринять наступление в направлении Харькова, Купянска с целью выхода на основные коммуникации наших армий, действующих на внутренних крыльях фронтов Юго-Западного направления».

Другое дело, что эти приказы и директивы менялись по несколько раз в день, а советский план составлялся безотносительно к противнику; немцев Тимошенко в принципе считал неспособными к каким-либо активным действиям, а «прогнозы строились больше на догадках, нежели на реальных сведениях».

«Как это ни странно, Военный совет фронта уже не считал противника опасным, — вспоминает бывший командующий 38-й армией,-… меня усиленно уверяли, что противостоящий враг слаб и что мы имеем все необходимое для его разгрома. Военный совет Юго-Западного направления был убежден в непогрешимости своей оценки сил противостоящего врага». [218]

Готовность к наступлению назначалась к исходу 4 мая, но из-за несвоевременного прибытия пополнения и поступления вооружения срок начала операции перенесли на 12 мая.

* * *

В это время немецкое командование для создания более благоприятных условий для летнего наступления готовилось, в свою очередь, к операции по ликвидации барвенковского выступа. 10 мая Паулюс представил фон Боку план «Фридрихус». Он должен был осуществляться наступлением его 6-й армии из района севернее Балаклеи и армейской группы Клейста (1-я танковая, 17-я полевая армии) из районов Славянска, Краматорска в общем направлении через Барвенково на Изюм. Цель операции — «срезать» барвенковский выступ, восстановить линию фронта по Северскому Донцу и овладеть плацдармами на восточном берегу в районе Изюма. Немецкие части пополнялись личным составом и техникой, из Франции перебрасывались новые пехотные и танковые дивизии.

При этом, в отличие от красных командиров, германские никогда не жалели сил на прочное удержание уже занятых рубежей и на совершенствование обороны. На Харьковском направлении главная полоса последней имела две-три позиции

общей глубиной 6-7 км. Основу каждой из них составляли опорные пункты и узлы сопротивления, созданные вокруг населенных пунктов. Вторая оборонительная полоса была построена в 10-1 5 км от переднего края, тыловая — в 20-25 км по рубежу населенных пунктов Змиев, Чугуев, Липцы, Черемошное. Хорошо развитая система обороны и огневого взаимодействия позволяла Паулюсу держать весь фронт предстоящего советского наступления шестью пехотными дивизиями, остальные части находились на тыловых рубежах, готовые оказать поддержку на любом участке. [219]

К тому же от многочисленных перебежчиков немцы без всякой разведки знали подробности подготовки советского наступления. Например, командир одного из батальонов 294-й пехотной дивизии записывал в дневнике:

«Сегодняшний перебежчик принес сведения, что русские хотят наступать 15 мая. Ну, до этого времени мы будем готовы. Пусть тогда приходят…

…Сегодня у нас было целых 10 перебежчиков. Из них 8 азиатов и 2 русских. Последние принадлежали к инженерной разведке, которая имела задачу выяснить условия перехода Бабаки танками. В Молодовой уже построены штурмовые мосты для танков. Следовательно, мы с большой определенностью можем считаться с тем, что русские будут атаковать наш участок танками…

Сообщения о подготовке русского наступления усиливаются. Перебежчики нам приносят много существенных новостей — часто, может быть, преувеличенных, но в основном верных. Постройка мостов, их всего 7, и одна переправа указывают на то, что наступление будет произведено против нашего участка».

Это только на участке одного немецкого батальона! К тому же перегруппировка и сосредоточение советских войск велись без соблюдения мер секретности, маскировки и длились почти 30 суток.

Говорят, маршал Б.М. Шапошников, навсегда покидая Генштаб, просил Ставку воздержаться от Харьковской операции, считая ее рискованной и малоподготовленной. Но Сталин, по свидетельству Василевского,

«дал разрешение на ее проведение и приказал Генштабу считать операцию делом направления, т. е. — делом Тимошенко, и ни в какие вопросы по ней не вмешиваться…».

Что касается Тимошенко, то сей полководец с 2-классным образованием никогда ни в чем не сомневался и всегда был готов сражаться до последнего своего солдата. [220]

В канун наступления командующий созвал в Купянске

совещание командиров; еще раз заверив их в слабости противника, он говорил о полном преимуществе своих армий — как в живой силе, так и в техническом обеспечении. На этом же совещании прозвучали слова:

«Уже одно то, что товарищ Сталин, наш великий друг и учитель, одобрил наступательные планы фронта, может служить верным залогом в предстоящем успехе нашего наступления!»

Итак, высочайшее одобрение получено — какие могут быть сомнения?

«…во всех частях и подразделениях армий фронта поздно вечером 11 мая были проведены митинги, партийные и комсомольские собрания, на которых боевые задачи войск были доведены до сознания каждого бойца. Приказ о переходе к активным боевым действиям был встречен с большим воодушевлением», — пишет Баграмян.

Предстоящее наступление гордо именовалось «операцией по полному и окончательному освобождению Украины от немецко-фашистских захватчиков».

«Дух оптимизма… витал на командном пункте фронта», — вспоминает Москаленко.

Наступление войск ударных группировок Юго-Западного фронта началось в 7.30 утра 12 мая, за 6 дней до начала запланированной немцами операции «Фридрихус», после часовой артиллерийской подготовки.

На северном участке были брошены в бой в первом эшелоне 11 стрелковых дивизий при поддержке 7 танковых бригад и 20 артиллерийских полков РГК. Буквально сразу выяснилось, что значительное число огневых точек противника подавить не удалось, кроме того,

«их оказалось намного больше, чем предполагалось, и это была первая неожиданность для наших войск. [221] В результате стрелковые подразделения и танки первых эшелонов были встречены плотным огнем».

Легкой победы не получалось, немецкую оборону пришлось прогрызать. Тем не менее к концу дня фланговые 21-я и 38-я армии прорвали главную полосу и продвинулись на 6-10 км. Менее успешно наступала «ударная» армия Рябышева, которой удалось вклиниться в оборону противника лишь на 2 км, при том что здесь на одну наступающую дивизию приходилось 2,5 км фронта прорыва, количество орудий и минометов на 1 км составляло 59,5 единицы, танков — 12. Окрыленный своим успехом, генерал Москаленко предложил передать подвижную группу 38-й армии, но штаб фронта решил, что все и так складывается удачно: фланги Рябышева надежно обеспечены и

теперь ему ничто не мешает «переть» прямо на Харьков. Надо сказать, войскам трех советских армий противостояли в этот день 79-я и 294-я пехотные дивизии и один пехотный полк 71-й дивизии противника.

Благоприятно складывались дела и у южной ударной группировки. Шесть советских дивизий при поддержке 200 танков и 14 полков РГК к полудню сломили сопротивление двух немецких пехотных дивизий и бригады венгров. Во второй половине дня на Красноградском направлении в прорыв был введен 6-й кавкорпус с приданной ему танковой бригадой. К вечеру войска Городнянского и Бобкина на 40-километровом участке вклинились в глубь немецкой обороны на 12-15 км, достигнув второго оборонительного рубежа, созданного на возвышенном западном берегу реки Орель. Немцы бросили сюда все, что было под рукой, в том числе трофейные команды и строительные подразделения, а генерал Городнянский начал выдвижение двух дивизий второго эшелона. Танковые корпуса оставались на месте, хотя находились уже в 35 км от линии фронта.

Продвижению советских войск благоприятствовало практически полное отсутствие у противника авиации. [222] Основные силы 4-го воздушного флота были задействованы в это время гораздо южнее, помогая Манштейну громить Крымский фронт. Поэтому советская авиация работала в условиях чистого неба, обеспечивая прикрытие и поддержку обеих ударных группировок. Анализируя итоги первого дня боев, Тимошенко и его штаб пришли к выводу, что в целом наступление развивается по плану.

Генерал Паулюс, оценив обстановку, начал перегруппировку своих сил. На южный участок он направил один пехотный полк 113-й дивизии, одновременно из Харькова против 38-й армии начали выдвижение 3-я и 23-я танковые дивизии (у Паулюса их оказалось две) и три полка пехоты. Из Крыма под Харьков началась переброска воздушных эскадр Рихтгофена.

13 мая советское наступление продолжалось. На южном участке фронт прорыва был расширен до 55 км, а глубина достигла 25-50 км. Сопротивление противника здесь стало заметно ослабевать, создались благоприятные условия для ввода подвижной группы. Стремительный и мощный удар двух танковых корпусов — около 300 машин — мог оказаться именно сейчас весьма эффективным. Однако командование ЮЗФ, введенное в заблуждение данными собственной разведки о сосредоточении в районе Змиева крупной танковой группировки противника, решило придержать корпуса в рукаве и ввести их в

прорыв с выходом стрелковых дивизий на рубеж реки Берестовая, до которой предстояло еще пройти с боями 15 км.

На севере 28-я армия преодолела главную полосу вражеской обороны и вышла на подступы к Харькову, на линию высот, обступающих город с востока. Войска Москаленко в первой половине дня продвинулись еще на 6 км. С этого момента советский «график» начал ломаться. В 13 часов немцы, сосредоточив в течение ночи и первой половины дня две подвижные группировки, нанесли удар с двух сторон по стыку 38-й армии с ее правым соседом. [223] В одну группу вошли 3-я

танковая дивизия и два полка пехоты, вторую составили 23-я танковая дивизия и один полк пехоты. «Такого сильного удара массы танков с пехотой… ударная группа 38-й армии не выдержала» и оказалась отброшенной на исходные позиции.

Чтобы вовсе не потерять выгодный плацдарм на западном берегу Северского Донца, Тимошенко приказал из резерва 28-й армии перебросить к Москаленко 162-ю стрелковую дивизию и 6-ю гвардейскую танковую бригаду. В итоге «ударная группа» одной только 38-й армии составила 5 стрелковых дивизий, 4 танковые и 1 мотострелковую бригады, около 200 танков, свыше 500 орудий и минометов, прикрываемых с воздуха 100 самолетами. Поэтому

«несмотря на многократное (?) численное превосходство (?) противника (который наносил контрудар тремя дивизиями с примерно 300 танками. — *Авт.),* воины 38-й армии оказали ему стойкое сопротивление, — сообщает официальная история армии, — и уничтожили за один день 139 танков».

Прямо с утра 14 мая — так утверждает Баграмян — германская авиация захватила господство в воздухе, стоило прибыть на театр военных действий 3-й истребительной эскадре. В дальнейшем немцы довели количество самолетов до 580 (в том числе 180 истребителей, 310 бомбардировщиков, 90 разведчиков).

889 советских самолетов (350 истребителей, 85 штурмовиков, 444 бомбардировщика, 10 разведчиков) ничего не смогли реально противопоставить такому «подавляющему превосходству» противника.

Армия Москаленко в этот день «прочно закрепилась» и более всего была озабочена сохранением стыка с соседом, куда продолжали бить две немецкие танковые дивизии. Войска 21-й армии топтались на месте, укладывая солдат в лобовых атаках на укрепленные пункты и высотки, обороняемые 79-й пехотной дивизией. Дошло до того, что главкому пришлось «не без назидания» объяснять генералу Гордову, что узлы сопротивления противника не надо брать в лоб, их необходимо блокировать и

обходить, всеми силами форсируя наступление. [224] Дивизии Рябышева продвинулись еще на 6-8 км и вышли к тыловому рубежу немецкой обороны, проходившему по рекам Харьков и Муром.

По плану операции наступил момент ввода в прорыв подвижной группы, состоявшей из 3-го кавкорпуса и 38-й стрелковой дивизии. Но из-за плохой организации управления эти соединения не успели сосредоточиться на исходном рубеже. Штабы соединений и штаб Тимошенко находились в отдалении от передовой — иногда их разделяли 20-30 км и более, радиосвязь работала безобразно, позывные частей перепутались,

«и в этой общей сумятице всеобщего воодушевления мало кто догадывался, что управление войсками уже потеряно».

Тем временем с юга 6-я советская армия вышла на рубеж, отстоящий не более чем на 35-40 км от южных предместий Харькова.

Между тем отсутствие активных действий на других участках фронта и возвращение Рихтгофена позволило немецкому командованию беспрепятственно перебрасывать к местам прорыва свои резервы. Командир 6-го кавкорпуса генерал Носков сообщил, что на Красноградском направлении противник ввел еще один полк, «теперь уже конников контратаковали два пехотных полка (!)». Интересно, что наши мемуаристы, оперируя с советской стороны дивизиями, корпусами и сотнями танков, подсчитывают каждый немецкий полк. Видимо, не зря, если три кавалерийских дивизии и танковая бригада отражают атаки двух германских пехотных полков.

Утром 15 мая Паулюс ввел в бой против 21-й армии 168-ю пехотную дивизию, переброшенную на автомашинах из Белгорода. На юге после упорных боев немцы отошли на западный берег реки Берестовой и взорвали мосты. К исходу дня из Полтавы на этот рубеж прибыла свежая 305-я дивизия. Таким образом, 4 дня войскам генералов 16роднянского и Бобкина противостояли 3 пехотные дивизии противника. [225]

Два последующих дня бои северной советской группировки носили в основном оборонительный характер. Немцы оказывали «бешенное сопротивление… предприняв несколько остервенелых контратак». Еще один штамп: «наши» сражаются героически, «враги» — остервенело. 17 мая «для отражения продолжающегося натиска на 28-ю армию» генерал Рябышев был вынужден ввести в сражение основные силы 3-го гвардейского кавалерийского корпуса. Теперь северная группа израсходовала все свои резервы, и 17 советских дивизий и 8 танковых бригад «героически» сдерживают «остервенелого» врага — пять пехотных и две

танковые дивизии.

На юге возможность ввести в бой подвижную группу появилась только к вечеру 16 мая, когда 266-я дивизия полковника А.А. Таванцева переправилась через Берестовую и захватила плацдарм. Но из-за позднего паводка река сильно разлилась, а широкая заболоченная пойма, вязкие берега и дно делали ее серьезным препятствием для танков. Нужно было восстанавливать мосты, и генерал Городнянский отложил ввод танковых корпусов до утра. В это же время группа Бобкина форсировала реку и охватила с трех сторон Красноград. Немцы тем не менее четырьмя пехотными дивизиями еще удерживали свой последний рубеж.

Наступление левого крыла Юго-Западного фронта действительно поставило войска Паулюса в тяжелое положение. Но, с другой стороны, немецкое командование, имевшее достаточные силы для наступления, быстро оценило благоприятные стороны создавшегося положения. Гальдер убедил Гитлера, что армейская группа Клейста может нанести русским контрудар и тем самым превратить оборонительное сражение в победу германского оружия. Фюрер приказал Клейсту выдвинуть свою танковую армию на ударные позиции против южного фаса барвенковского выступа.

С 13 по 16 мая в полосу действий 57-й и 9-й советских армий были выдвинуты крупные силы, сведенные на этом участке в два армейских и один моторизованный корпус. [226] 3-й мотокорпус имел в своем составе 5 дивизий, в том числе 14-ю танковую и 60-ю моторизованную. Главные силы этого соединения сосредоточились на 20-километровом участке Петровка, Хромовая Балка. 44-й армейский корпус в составе четырех пехотных и 16-й танковой дивизии занял позиции в районе Былбасовка, Соболевка. Западнее разместился 52-й корпус, из двух пехотных дивизий и 500-го штрафного батальона.

Советская разведка проглядела подготовку группы Клейста. О ее существовании, конечно, знали и даже поднимали вопрос о потенциальной опасности «краматорской группировки противника», но рассматривали его в чисто умозрительной плоскости. Как свидетельствует маршал Москаленко, при планировании Харьковской операции армейская группа Клейста по существу не принималась в расчет,

«с ее стороны, по мнению командования 57-й и 9-й армий, разделяемому штабом фронта и направления, нельзя было ожидать активных действий в ближайшее время, тем более в направлении на север».

Соответственно — и не ожидали.

С учетом того, что «нет реальной угрозы» со стороны противника в полосе действий правого крыла Южного фронта на Барвенковском направлении, войскам Юго-Западного фронта было приказано 17 мая продолжить наступление на Харьков. На левом ударном крыле войска 6-й армии ночью восстановили на Берестовой разрушенные мосты, и с утра командующий начал вводить в действие 21-й и 23-й танковые корпуса. Танки вклинились в немецкую оборону на 12-15 км и в районе станции Власовка перерезали железную дорогу Харьков — Краснодар. Группа Бобкина продолжала биться за Красноград, она далеко оторвалась от тыловых баз и начала ощущать нехватку боеприпасов. Никто еще и не подозревал, что сражение уже проиграно. [227]

Удар группы Клейста оказался для 9-й армии и командования Южного фронта совершенно неожиданным, хотя именно отражение этого удара являлось единственной задачей генералов Малиновского, Харитонова и Подласа. На рассвете 17 мая после полуторачасовой артподготовки немцы перешли в наступление в полосе 9-й армии на двух направлениях: из района Петровки — на Барвенково и со стороны Славянска — на Долгенькую. Уже к 8 часам утра советская «оборона» была прорвана на обоих направлениях на глубину 6-8 км.

Германская авиация разбомбила вспомогательный пункт управления и узел связи армии в Долгенькой, здесь же проходил «прямой провод» от Малиновского к Подласу — так что и с 57-й армией у штаба фронта связи больше не было. Командарм-9 к полудню перехал на основной КП в Каменку, но и там враги «оборвали провода», а радиосредств не хватало, и генерал Харитонов вовсе перебрался на восточный берег Донца. Штаб 9-й армии потерял управление войсками, а вверенные его заботам части вынуждены были вести бои изолированно, без взаимодействия между собой и с резервами армии и фронта.

Здесь самое время остановиться и задаться вопросом, а где, собственно, созданная красными командирами «прочная оборона, развитая в глубину…» и прочая? Ведь совсем рядом немецкая пехота демонстрирует, что закопавшись хорошенько в землю одной дивизией можно успешно держать оборону против трех-четырех дивизий противника, и никакими танками эту пехоту из земли не выкуришь. Конечно, по числу бойцов советская дивизия уступала германской, но плотность немецкой обороны под Харьковом составляла 20-25 км на дивизию, в иных местах и поболее. У генерала Харитонова одна дивизия держала в среднем 10 км фронта, это не считая находившегося у него в тылу кавалерийского корпуса Плиева и трех танковых бригад. [228]

Все дело в том, что хотя на создание своих оборонительных рубежей противники потратили одинаковое время, подход у них к этому делу был разным. Развитую во всех отношениях оборонительную полосу советские войска так и не построили — фактически она представляла собой систему опорных пунктов и узлов сопротивления, слабо оборудованных в инженерном отношении. На всем 170-километровом фронте обороны 9-й и 57-й армий было установлено всего 11 км проволочных заграждений, противотанковые заграждения не создавались вовсе. Общая глубина этого убожества не превышала 3-4 км. Никаких промежуточных и тыловых рубежей не существовало.

Но и это не самое главное. Генерал-лейтенант инженерных войск И.П. Галицкий оставил замечательные воспоминания, в которых вполне справедливо указывал:

«Хорошо известно, что без войск любой подготовленный, самый совершенный оборонительный рубеж не имеет практической ценности. Это не более, чем местность, изрытая окопами, противотанковыми рвами, с разбросанными на большом пространстве оборонительными сооружениями. Лишь с занятием его войсками он превращается в грозную преграду для врага».

Оборона 9-й советской армии и была этим рубежом «без войск», как, впрочем, и без окопов и рвов. По инициативе генерала Харитонова, одобренной командующим фронтом, его войска вовсе не оборонялись, а с 7 по 15 мая проводили свое собственное маленькое наступление с целью овладеть сильным укрепленным узлом сопротивления в районе Маяков. И так увлеклись, что к осуществлению этой затеи постепенно были привлечены значительные силы, в том числе почти все армейские резервы и 5-й кавкорпус, составлявший резерв фронта (!) — те самые резервы, которые по плану предназначались для ликвидации возможного прорыва противника на Барвенковском направлении. При этом Тимошенко и Хрущев знали о самодеятельности своих подчиненных, но не сочли нужным ограничивать инициативу столь опытных в военном деле товарищей, как Малиновский и Харитонов. [229]

В итоге операция в районе Маяков провалилась, советские соединения понесли большие потери (численный состав дивизий сократился до 5-7 тыс. человек, по сути, это были уже разбитые дивизии) и к моменту перехода в наступление группы Клейста занять оборону не успели.

Пресловутая «активная оборона» на деле вновь обернулась «фиктивной обороной». К 17 часам немцы взяли Барвенково, к вечеру — продвинулись на 20-25 км. Нависла угроза над тылами 57-й армии и всей ударной группировки Юго-Западного фронта.

Командование Южного фронта, потеряв связь с подчиненными войсками, более или менее разобралось в обстановке и сообщило ее главкому только к исходу дня. Таким образом, лишь вечером 17 мая штаб направления получил информацию о мощном ударе противника на южном фасе барвенковского выступа. К этому времени Клейст своим танковым кулаком не только завершил прорыв тактической обороны, но и добился успехов оперативного значения.

Сразу же после получения тревожных сообщений маршал Тимошенко известил Ставку Верховного Главнокомандования и попросил укрепить Южный фронт резервами. Москва выделила одну стрелковую дивизию и две танковые бригады и разрешила перебросить еще одну дивизию с Ворошиловградского направления, но прибыть в район боевых действий они могли не ранее 20-21 мая. Правда Тимошенко, по словам маршала Г.К. Жукова, не сообщил о том, что создалась реальная угроза окружения его армий. И вообще «Военный совет Юго-Западного направления большого беспокойства не проявил…». Сложившаяся ситуация требовала срочно сворачивать наступательную операцию Юго-Западного фронта и совместно с Южным фронтом заняться ликвидацией прорыва немецкой группировки. [230] Но штаб направления не имел реального представления об обстановке, не смог правильно оценить силы и намерения противника, наступавшего в полосе 9-й армии

Исполнявший обязанности начальника Генерального штаба генерал А.А. Василевский внес в Ставку предложение о немедленном прекращении наступления. Верховный после телефонных переговоров с Военным советом Юго-Западного направления, заявившем о намерении продолжать успешно начатую операцию и одновременно принять меры по отражению краматорской группировки противника, отклонил предложение Генштаба.

В итоге Тимошенко подчинил Южному фронту 2-й кавалерийский корпус полковника Г.А. Ковалева и приказал генералу Малиновскому силами двух кавкорпусов, двух стрелковых дивизий и трех танковых бригад 57-й и 9-й армий нанести контрудар по прорвавшемуся противнику и восстановить положение. Одновременно из резерва главкома выдвигалась 343-я стрелковая дивизия и 92-й тяжелый танковый батальон с задачей занять оборону на южных подступах к Изюму. Остальным войскам Юго-Западного фронта*было приказано продолжать наступление на Харьков.*

18 мая кризис в полосе 9-й армии продолжал обостряться. Приказ Тимошенко о нанесении контрудара войска Южного

фронта выполнить не смогли. Ко времени его получения корпус генерала Плиева уже полностью втянулся в оборонительные бои и не имел возможности сосредоточить силы на одном направлении, корпус Ковалева был отброшен 60-й мотодивизией, штаб генерала Харитонова полностью потерял управление своими дивизиями, а штаб Малиновского не имел связи ни с Харитоновым, ни с кавкорпусами. Немцы с утра нарастили удар из Барвенково, сломили сопротивление 5-го кавкорпуса и 51-й стрелковой дивизии и уже к 10 часам овладели Каменкой и южной частью Изюма. Разбитые части 9-й армии начали разрозненно отходить на рубеж Северского Донца, а танки Клейста стали продвигаться на запад вдоль правого берега реки. [231]

В Москве Василевский снова предложил остановить Харьковскую операцию и повернуть ударную группировку на юг для отпора врагу. И вновь это предложение было отклонено после того, как Сталин переговорил с Тимошенко. Много лет спустя в известном докладе наXXсъезде партии Хрущев утверждал, что именно Сталин упорно отказывался дать разрешение войскам Юго-Западного фронта выйти из-под удара и перейти к обороне.

А пока и Хрущев, и Тимошенко бодро рапортовали, что отвлекать основные силы 6-й армии и группы Бобкина для отражения удара Клейста нет никакой необходимости. Во всяком случае, в боевом донесении командования Юго-Западного фронта, подписанном Тимошенко, Хрущевым и Баграмяном, ни слова ни сказано о необходимости прекратить наступление на Харьков. Войска южной ударной группировки, по выражению Москаленко, «сами лезли в мешок, в пасть к врагу».

Только во второй половине дня 19 мая Тимошенко принял запоздалое решение приостановить наступление 6-й армии, закрепиться на достигнутых рубежах, вывести из боя основную группировку войск и концентрическим ударом 6, 57, 9-й армий разгромить прорвавшегося в их тылы противника.

Вновь созданной армейской группе, в которую включалась и группа Бобкина, под командованием генерал-лейтенанта Ф.Я. Костенко в составе пяти стрелковых дивизий, 6-го кавалерийского корпуса и трех танковых бригад была поставлена задача прочной обороной достигнутых рубежей обеспечить с запада наступление войск 57-й и 6-й армий.

Армии Городнянского в составе пяти стрелковых дивизий, двух танковых корпусов и 37-й отдельной танковой бригады надлежало, прикрывшись рекой Северский Донец с севера, главные силы скрытно развернуть к утру 21 мая на рубеже Большая Андреевка, Петровское и нанести удар в общем

направлении на восток. [232]

57— я армия получила задачу, прикрываясь частью сил с запада, тремя стрелковыми дивизиями, одной танковой бригадой и 2-м кавалерийским корпусом ударить по флангу прорвавшейся группировки противника в обход Барвенкова с юга.

9— й армии предписывалось, сдерживая противника на рубеже реки Северский Донец, наступать основными силами из района Студенки на запад. Кроме того, навстречу войскам, выходящим из окружения, предстояло нанести удар группе, которую возглавил заместитель командующего 38-й армией генерал-майор ГИ. Шерстюк. В составе одной стрелковой дивизии и трех танковых бригад она должна была наступать с востока в направлении Чепель, Лозовенька, а четыре левофланговые дивизии генерала Москаленко-нанести удар на Змиев. В общем, наступают абсолютно все!

«Ничего не скажешь, — пишет маршал Москаленко, — замысел был смелый, и представлялся он авторам простым и реальным. На деле все обстояло не так просто. Прежде всего необходимо было в ограниченное время произвести перегруппировку больших масс войск, разбросанных на большом пространстве. А мы… тогда еще не умели делать это должным образом».

Довольно странно звучат такие по-детски непосредственные объяснения своих военных неудач. Тот же Москаленко учился военному делу более двадцати лет, дослужился до генерала, участвовал в Финской кампании, в Отечественной войне — с первого дня на фронте (а год здесь засчитывается за три), командовал полком, бригадой, корпусом. И вот выясняется, что «еще не умеет» и «не хватает опыта». Генерал Паулюс, напротив, — штабист, никогда ничем не командовавший (короткое время «руководил» экспериментальным моторизованным батальоном), назначение в 6-ю армию получил 18 января 1942 года — и все умеет делать «должным образом». [233]

Сколько же надо учиться нашим полководцам? Может, сначала лучше получить образование, а потом уж браться командовать армиями и фронтами? Немцы-то, оказывается, все это время «…бешено рвались вперед. А мы словно рассчитывали, что они останутся на уже занятых ими позициях на период перегруппировки наших войск». Выполнять распоряжения главкома начали в ночь на 20-е, да и то лишь те, до кого оно дошло.

Клейст между тем продолжал «резать» основание барвенковского выступа. 21 мая, измотав и обескровив северную

советскую группировку, Паулюс перебросил 3-ю и 23-ю танковые дивизии на северный фас. На следующий день они форсировали Северский Донец и начали движение к югу. 22 мая германские ударные группы соединились в 10 км южнее Балаклей, перерезав последние коммуникации, связывавшие войска 6-й и 57-й армий с тылом. Капкан захлопнулся, в окружении оказалось более четверти миллиона советских солдат и офицеров.

Поскольку на действия наших частей и соединений отрицательно влияло отсутствие единого командования, маршал Тимошенко принял решение войска 6-й, 57-й армий и армейской группы Бобкина свести воедино под единым командованием генерала Костенко. Главной задачей этой южной группы войск, как ее назвали, было ударом на Савинцы прорвать кольцо окружения и выйти на левый берег Северского Донца. Одновременно с этим войска левого крыла 38-й армии, усиленные сводным танковым корпусом — это прибыли свежие бригады из резерва Ставки, получили приказ наступать навстречу частям, прорывающимся из окружения.

В ночь на 24 мая спешно производилась перегруппировка и сосредоточение войск. Но утром немцы опять нас опередили, возобновив наступление на широком фронте, стремясь расширить пробитый коридор и расчленить окруженную группировку на отдельные, изолированные друг от друга части. [234] Попытка деблокировать их извне силами 38-й армии также не удалась. До 29 мая советские соединения вели борьбу в окружении при полном господстве противника в воздухе, нехватке горючего, боеприпасов и продовольствия. Лишь небольшим группам удалось просочиться на восточный берег Донца — из окружения вышли всего около 22 тыс. человек.

В боях погибли генералы Ф.Я. Костенко, К.П. Подлас, А.Ф. Анисов, А.М. Городнянский, А.И. Власов, Л.В. Бобкин, З.Ю. Кутлин и др. Основные силы 20 стрелковых, 7 кавалерийских дивизий и 14 танковых бригад оказались либо уничтожены, либо пленены. Потери на конец мая, по неполным советским данным, составили почти 280 тыс. человек (из них 171 тыс. — безвозвратно), 652 танка, 1646 орудий, 3278 минометов. Немцы раструбили о захвате 240 тыс. пленных, 2026 орудий, 1249 танков,*сами потеряв при этом не более 20 тысяч у битыми и ранеными.* Фюрер наградил Паулюса Рыцарским крестом и послал поздравление, в котором выражал «восхищение успехом 6-й армии, сумевшей разгромить численно превосходящего противника».

Одновременно с ликвидацией барвенковского выступа северо-восточнее Харькова на Волчанском направлении немцы

окончательно обескровили войска Рябышева и Москаленко. Разбитые дивизии 28-й и правого фланга 38-й армий вернулись в те же окопы, откуда 12 мая начинали свое наступление. При этом, по утверждению генерала армии С.М. Штеменко, 28-й армии «угрожало окружение, и она отходила, можно сказать, неорганизованно, так как управление войсками было потеряно». Командовавший в ту пору 226-й стрелковой дивизией генерал А.В. Горбатов меланхолично отметил: «Вторая половина мая прошла для нас в обороне и безрезультативных попытках взять высоту 199,0».

«Для запланированного немецкого наступления, — резюмирует Типпельскирх, — попытка русских помешать ему была только желанным началом. [235] Ослабление оборонительной мощи русских, которого было не так-то легко добиться, должно было существенно облегчить первые операции».

* * *

Докладывая Верховному Главнокомандующему об итогах операции, неразлучная троица (Тимошенко, Хрущев и Баграмян) всю вину за ее провал, как водится, возложила на своих подчиненных:

«Поражение 9-й армии в значительной мере явилось результатом*несостоятельности командования этой армии для управления войсками в сложных условиях (курсив наш. — Авт.*]. Разведка всех видов 9-й армии и Южного фронта своевременно не вскрыла готовящегося удара и этим лишила командование возможности принять дополнительные меры для отражения удара противника по 9-й армии.

…Командование армий и часть командиров корпусов и дивизий со своими штабами оказались несостоятельными руководить войсками в сложных условиях боя (курсив наш. — Авт.). Как правило, руководящий командный состав армий, корпусов и дивизий в ответственные моменты операций и боя не руководил соединениями войск, а разъезжал по подразделениям. Так происходило в группе генерала Костенко и 6-й армии в период полуокружения и окружения, когда командующий армией уезжал в одну дивизию, член Военного совета — в другую, а начальник штаба — в третью.

Примерно этому же порядку следовало командование корпусов и дивизий.

Таким образом, централизованное управление целыми соединениями терялось и этим срывались намеченные действия. Нужно учесть, что все это происходило в самый напряженный момент обстановки, когда требовалось приложить максимум усилий по нацеливанию частей армий на выход из окружения и организации взаимодействия между родами войск на поле боя». [236]

Никудышные достались нашему триумвирату войска. В результате «хорошо задуманное и организованное наступление на Харьков оказалось не вполне обеспеченным от ударов противника на Барвенковском направлении».

«Все прекрасно было в бане, только не было воды».

В целом все написанное в докладе соответствует действительности, за исключением одного дополнения: в списках «несостоятельных» командиров первыми по праву должны были бы стоять фамилии и должности самих подписантов, так замечательно все задумавших и организовавших.

Кстати, а где было «в период полуокружения и окружения» командование фронта и направления? Из дневника маршальского адъютанта видно, что 22 и 23 мая, т. е. «в самый напряженный момент обстановки, когда требовалось приложить максимум действия для нацеливания частей», Тимошенко находился не в штабе, откуда должен был руководить войсками, а в 38-й армии и на переправах через Северский Донец. У Тимошенко вообще прослеживается такая привычка: в кризисных ситуациях бросать управление и уезжать на природу. Самое замечательное, что здесь же «встретили командующего Южным фронтом Малиновского». И вот два командующих фронтом «управляют» переправой у Ивановки! Снова согласимся с содокладчиками:

«Такое самоустранение от руководства войсками армии в целом окончательно приводило к потере управления войсками и порождало стихийность в боевых действиях на поле боя (курсив наш. — Авт.}».

Когда умер Сталин, а Хрущев стал во главе Коммунистической партии и Советского правительства, появилась возможность валить все «на начальство». Да что там, можно было самому диктовать историю. Под пристальным вниманием генсека появилась на свет 6-томная «История Великой Отечественной войны Советского Союза», в которой о харьковских событиях рассказывается следующее:

«Военный совет Юго-Западного направления принял решение прекратить дальнейшее наступление на Харьков и, быстро перегруппировав войска, создать сильную группу для отражения контрудара группы „Клейст“. Ставка Верховного

Главнокомандования не утвердила это отвечавшее обстановке решение и потребовала… силами Юго-Западного фронта продолжать наступление на Харьков, а 9-й и 57-й армиям Южного фронта и имевшимися на этом направлении резервами отразить контрудар противника». Далее сообщается, что прозорливый член Военного совета Н.С. Хрущев «с решением Ставки не согласился… *обратился непосредственно к Верховному Главнокомандующему с предложением немедленно прекратить наступление на Харьков (курсив наш. — Авт.*], а основные усилия Юго-Западного фронта сосредоточить для отражения контрудара противника. Но Ставка настаивала на выполнении ранее отданных приказов».

В редакционную комиссию фундаментального труда очень естественно вписался закадычный друг Баграмян.

После брежневского переворота советская историческая наука доказала, что главным полководцем войны был герой Малой земли, а с Хрущевым в ходе Харьковской операции Верховный Главнокомандующий ни разу «непосредственно» не общался и вообще мнение его по военным вопросам не ценил ни в грош. Уже будучи на пенсии, Никита Сергеевич в своих «Воспоминаниях» обиделся на маршала Василевского — это он, оказывается, неправильно информировал Сталина:

«…безусловно, не смогу обойти своего разговора с Василевским. Он произвел на меня тогда тяжелое впечатление. Я считал, что катастрофы, которая разыгралась под Барвенково, можно было бы избежать, если бы Василевский занял позицию, которую ему надлежало занять. Он мог занять другую позицию, но не занял ее и тем самым, считаю, приложил руку к гибели тысяч бойцов Красной Армии в Харьковской операции… Василевский, поступив неправильно, не выполнил своего долга воина и не пошел с докладом к Сталину во время Харьковской операции». [238]

Но это будет после.

Пока же для сталинских «братьев и сестер» Совинформбюро состряпало очередную брехню под названием «О боях на Харьковском направлении». Сообщалось, что советское наступление на харьковском направлении было предпринято с целью сорвать германское наступление на Ростов, о котором своевременно узнало наше командование. При этом захват Харькова «не входил в планы», и теперь, после двух недель боев, «можно сказать, что основная задача, поставленная Советским Командованием, — предупредить и сорвать удар немецко-фашистских войск — выполнена».

(В письме Военному совету Юго-Западного фронта Сталин указывал: «Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той

катастрофе — с потерей 18-20 дивизий, которую пережил фронт и продолжает еще переживать, то я боюсь, что с вами поступили бы очень круто». Верховный давал Тимошенко шанс исправиться.)

Немцы, согласно официальной сводке, потеряли убитыми и пленными около 90 тыс. человек, 540 танков, не менее 1500 орудий, до 200 самолетов, советские войска — «убитыми до 5 тыс., пропавшими без вести 70 тыс. человек», 300 танков, 832 орудия и 124 самолета. На население, привыкшее читать между строк, эти новости произвели гнетущее впечатление.

Алксандр Верт, корреспондент английской газеты «Санди Таймс», аккредитованный в СССР в годы войны, также подтверждает, что Харьковское сражение власти пытались преподнести как победу Красной Армии, для чего

«в начале июня иностранных корреспондентов специально возили в лагерь военнопленных близ Горького: но те 600-700 пленных, которых нам показали, были, несомненно, захвачены на первом этапе Харьковской операции — т. е. в ходе советского наступления 12-17 мая. Большинство их, хотя и проклинали свое „невезение“, держались, несмотря ни на что, чрезвычайно нахально; они твердили, что в 1942 году Германия разобьет Россию и ни на минуту не соглашались поверить в своевременность открытия какого-либо второго фронта». [239]

А вот товарищу Сталину теперь, после крупных поражений в Крыму и под Харьковом, очень захотелось в это поверить. О скором возвращении в Прибалтику можно было забыть, Верховному срочно понадобилась военная помощь западных союзников, и Молотов — время сразу нашлось — на стратегическом бомбардировщике ТБ-7 вылетел 20 мая в Лондон для заключения уже полгода обсуждаемого договора. Ему вновь был предложен проект, в котором отсутствовал вопрос о границах СССР. Молотов, считая его «пустой декларацией», запросил Сталина. Ответ последовал незамедлительно: «Согласись без этого». И советское правительство «согласилось не настаивать на включение в договор пункта о признании Англией западных границ СССР 1941 года». Договор был подписан 26 мая. Вслед за этим наш министр иностранных дел направил стопы в Вашингтон договариваться об открытии второго фронта.

Обсуждение вопроса завершилось принятием СССР и США соглашения от 11 июня, а также англосоветского коммюнике от 12 июня 1942 года. В этих документах, опубликованных в мировой и советской прессе, впервые официально говорилось о намерении союзников открыть второй фронт в Европе. Хочется подчеркнуть, что это был именно договор о намерениях, сформулированный в коммюнике следующим образом:

«…между обеими странами была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.».

Более того, во избежание недоразумений, Черчилль вручил Молотову меморандум, в котором однозначно указывал, что британское правительство не собирается пускаться в военные авантюры только ради того, чтобы получить второй Дюнкерк: [240]

«Мы готовимся к десанту на континенте в августе или сентябре 1942 года. Как уже было ранее разъяснено, главным фактором, ограничивающим размеры десантных сил, является наличие специальных десантных средств. Однако ясно, что если бы мы ради того, чтобы предпринять действия любой ценой, пустились бы на некоторую операцию, которая окончилась бы катастрофой и дала бы противнику возможность торжествовать по поводу нашего провала, то это не принесло бы пользы ни делу русских, ни делу союзников в целом. Заранее невозможно сказать, будет ли положение таким, что станет возможно осуществить эту операцию, когда наступит указанный срок.*Поэтому мы не можем дать никаких обещ(тий в этом вопросе (курсив наш. — Авт.*]. Но, если указанная операция окажется разумной и обоснованной, мы не поколеблемся осуществить свои планы».

Вполне трезвая постановка вопроса: декларациями Гитлера не разобьешь. Конечно, «наши специалисты» быстро доказали, что «в Англии бездействовала двухмиллионная армия», а Черчилль злонамеренно преувеличивал технические трудности, которые «якобы стояли на пути организации крупного десанта на Европейский материк».

Тем не менее подписание соглашений имело огромное значение. Для поднятия духа армии и народа это событие, как сказали бы сегодня, сопровождалось шумной рекламной кампанией.

* * *

В конце мая советская Ставка поставила перед войсками Юго-Западного фронта задачу перейти к обороне на рубеже Волчанск, Балаклея и далее по левому берегу реки Северский Донец, прочно закрепиться силами 21, 28, 38 и 9-й армий и не допустить развития наступления противника из района Харькова на восток. С 5 по 9 июня фронт был усилен новыми резервами — 7

стрелковых дивизий, 4 отдельные танковые бригады, 4, 13 и 24-й танковые корпуса. [241] Всего на ЮЗФ

насчитывалось 30 стрелковых дивизий и две стрелковые бригады, пять танковых и два кавалерийских корпуса, восемь отдельных танковых бригад.

Противостоявшая им 6-я немецкая армия в полосе от Изюма до Волчанска имела 14 пехотных, 3 танковые и 1 моторизованную дивизию. Германское командование готовилось к проведению двух частных наступательных операций, которые должны были создать благоприятную в оперативном плане обстановку для развертывания крупного летнего наступления.

Сначала предполагалось силами 6-й армии реализовать план «Вильгельм» против 28-й и правого фланга 38-й советских армий. В ходе второй операции под кодовым названием «ФридрихусII» немцы рассчитывали ударами трех группировок по сходящимся направлениям расчленить войска 38-й и 9-й армии, уничтожить их на правом берегу реки Оскол, а затем захватить плацдарм в районе Купянска на ее восточном берегу. Основные свои силы Паулюс сосредоточивал против 38-й армии генерала Москаленко. Штаб Тимошенко, предвидя, что противник может предпринять удар из района Чугуева на Купянск, сузил полосу обороны 38-й армии до 60 км (10 км на дивизию) и передал сюда свежие стрелковые и танковые пополнения, в том числе еще три танковые и две мотострелковые бригады, три артиллерийских и гвардейский минометный полки.

10 июня в 4 часа утра после 45-минутной артподготовки ударные германские группировки, поддержанные авиацией, атаковали 28-ю армию в районе Волчанска и правый фланг 38-й армии из-под Чугуева. Немцы стремились окружить и уничтожить главные силы 28-й армии в междуречье Северского Донца и Великого Бурлука. Не выдержав «сильного удара превосходящих сил противника» — у Рябышева сидели в обороне за водной преградой 8 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии в два эшелона, 1 мотострелковая, 7 танковых бригад; у Москаленко 8 стрелковых дивизий, 3 мотострелковые бригады и 6 танковых — 28-я армия начала отходить на восток. [242] Войскам правого фланга 38-й армии удалось остановить продвижение противника в направлении на Купянск, но они не смогли предотвратить глубокого вклинения танков и мотопехоты вдоль западного берега реки Большой Бурлак на северо-восток во фланг 28-й армии.

Маршал Тимошенко уже не рассказывает истории о слабости врага, а неустанно просит у Сталина подкрепления. Начальник Оперативного управления Генштаба генерал С.М. Штеменко не

один раз наблюдал переговоры Верховного со штабом Юго-Западного направления:

«— Стрелковых дивизий не можем дать, — говорил он Военному совету Юго-Западного направления при переговорах по прямому проводу 13 июня 1942 года, — так как у нас нет теперь готовых дивизий. Придется обойтись собственными силами, улучшить управление войсками.

Поскольку С.К. Тимошенко не раз ссылался на мощь танковых сил противника, Верховный Главнокомандующий указал:

— Танков у вас больше, чем у противника. Беда в том, что они либо стоят у вас, либо пускаются в бой разрозненно, отдельными бригадами. Ставка предлагает вам сосредоточить действия 22-го танкового корпуса, 23-го танкового корпуса где-либо в одном месте, скажем, в районе Великого Бурлука, и ударить по танковым группам противника. Если бы наши танковые корпуса действовали сосредоточенно и большой массой, у вас не было бы той картины, которая создалась…

Главком направления… пехоту и вооружение все-таки настойчиво просил. На это Верховный Главнокомандующий еще раз, уже письменно, вынужден был ответить: «…у Ставки нет готовых к бою новых дивизий… Наши ресурсы по вооружению ограничены, и учтите, что кроме вашего фронта, есть еще у нас другие фронты… Воевать надо не числом, а умением».

Но не получается у унтер-маршала ни числом, ни умением, ни даже «сосредоточить в одном месте». [243]

Чтобы не допустить продвижения противника, пытавшегося окружить главные силы генерала Рябышева, Тимошенко принял решение организовать мощный контрудар по прорвавшейся немецкой группировке, состоявшей из трех танковых и одной мотодивизии, основными силами танковых корпусов. Для этой цели создавалась оперативная танковая группа в составе 13, 22 и 23-го корпусов и двух стрелковых дивизий под общим командованием генерала Е.Г. Пушкина.

Однако объединить усилия корпусов, включенных в группу по времени и месту, на практике не удалось. Танковые соединения вели боевые действия на изолированных направлениях и без взаимодействия. 22-й танковых корпус генерала А.А. Шамшина вступил в сражение с танками противника, прорвавшимися через боевые порядки 38-й армии. Контратаками части корпуса заставили неприятеля отказаться от наступления на Купянском направлении, но и сами понесли немалые потери.

«Танковые бригады нанесли свой удар в лоб. Между тем были вполне возможны и обходные маневры, которые, несомненно, дали бы лучший результат. Но они не были нами заранее

спланированы», — этого командарм-38 тоже пока еще не умеет. Гораздо позже он разберется, что «…важна не только умелая организация наступления, но и способность видеть в ходе проведения операции те или иные тенденции ее развития, распознавать признаки возникающей угрозы и вовремя предотвращать ее. К сожалению, в описываемый период войны мы еще далеко не всегда обладали таким умением и еще только накапливали тот драгоценный опыт, который впоследствии сыграл огромную роль в разгроме врага».

13— й танковый корпус генерала П.Е. Шурова и 23-й корпус полковника А.М. Хасина вели боевые действия в составе 28-й армии. Корпуса были использованы в основном во втором эшелоне с целью отражения атакующего противника с заранее подготовленных позиций огнем танков с места, что принесло свои плоды. [244] Такая тактика наносила противнику больше потерь, чем контратаки. Танкисты задержали продвижение немецких частей и обеспечили армии возможность организованно отойти и занять новый оборонительный рубеж. За 4 дня боев корпус Шурова потерял 72 танка из имевшихся 126 машин, записав на свой счет 119 танков, 33 орудия и 76 автомашин неприятеля.

4— й и 24-й танковые корпуса находились в резерве Юго-Западного фронта. Корпуса часто перегруппировывались из одного района в другой, но участия в оборонительном сражении не приняли. К 14 июня немцев удалось остановить в 35 км от Волчанска, на короткое время на фронте наступило затишье.

20 июня Тимошенко вновь клянчил у Ставки хотя бы одну стрелковую дивизию, на что Сталин ответил:

«Если бы дивизии продавались на рынке, я бы купил для вас 5-6 дивизий, а их, к сожалению, не продают».

Верховный Главнокомандующий и Генштаб в это время напряженно ждали, что вот-вот начнется наступление группы армий «Центр» на Москву.

* * *

В 60— е годы, когда Сталин давно умер, а его «культ» был развенчан Хрущевым, видные советские мемуаристы стали «смело» утверждать, что Верховный весной 1942 года допустил большую ошибку, сосредоточив основные резервы на Московском направлении. Разведка-де фиксировала перегруппировку немецких войск и предупреждала о том, что главный удар

противник собирается нанести на юге.

Но, во— первых, не все ли равно, что планировал враг, если его собирались упредить своим «могучим ударом». [245]

Во— вторых, у Сталина были резоны считать, что немцы вновь попытаются взять столицу. В группе армий «Центр» по-прежнему оставалось более семидесяти дивизий (у Гитлера не было возможности пополнить их личным составом, но расформировывать соединения он запретил, и цифра выглядела достаточно грозно). На юге концентрировалось 94 дивизии, но почти треть из них составляли значительно менее боеспособные, чем германские, соединения Венгрии, Румынии и Италии. По свидетельству маршала Василевского,

«это давало Ставке и Генштабу основания полагать, что с началом летнего периода противник попытается нанести решительный удар именно на Центральном направлении. Это мнение, как мне хорошо известно, разделяло командование большинства фронтов».

К тому же, для того чтобы скрыть подготовку крупного наступления на южном крыле фронта и ввести советское командование в заблуждение относительно своих планов, германский генеральный штаб разработал план фиктивной операции «Кремль», который преследовал цель создать видимость подготовки к мощному наступлению на Московском направлении.

В рамках этой операции войска группы армий «Центр» получили «Приказ о наступлении на Москву», подписанный фельдмаршалом Клюге 29 мая, в котором им вменялось:

«Разгромить вражеские войска, находящиеся в районе западнее и южнее столицы противника, прочно овладеть территорией вокруг Москвы, окружив город, и тем самым лишить противника возможности оперативного использования этого района».

В приказе ставились конкретные задачи 2-й и 3-й танковым армиям, 4-й, 9-й полевым армиям и 59-му армейскому корпусу.

«Вражеские дезинформаторы не останавливались ни перед чем, чтобы запутать советское командование, — сообщает Баграмян. — Планом этой операции было, в частности, предусмотрено произвести аэрофотосъемку Московских оборонительных рубежей, окраин Москвы, прилежащих районов, организовать радиодезинформацию, усилить переброску агентов через линию Тула, Москва, Калинин и т. д.». [246]

Так что Верховный получал разные, порой прямо противоположные донесения от своей разведки и имел основания думать, что немецкие удары в Крыму и у Харькова — всего лишь

частные отвлекающие операции. Даже когда 19 июня в расположении советских войск разбился самолет с начальником оперативного отдела 23-й танковой дивизии и в руки нашего командования попал портфель с документами, раскрывающими суть операции «Блау», Сталин в эту «дезу» не поверил.

Более того, и в ноябре 1942 года, когда немцы штурмовали Сталинград и перевалы Кавказа, «величайший полководец», чтобы ни у кого не возникло и тени сомнений в правильности его «гениальной стратегии», в докладе, посвященном 25-летию Октябрьской революции, расставил все точки над «i», объявив, что главной стратегической целью Гитлера было… обойти Москву с востока:

«Какую главную цель ставили немецкие стратеги, открывая свое летнее наступление на нашем фронте? Если судить по откликам иностранной печати, в том числе и немецкой, то можно подумать, что главная цель наступления состояла в занятии нефтяных районов Грозного и Баку. Но факты (?) решительно опровергают такое предположение. Факты говорят, что продвижение немцев в сторону нефтяных районов СССР является не главной, а вспомогательной целью.

В чем же в таком случае состояла главная цель немецкого наступления? Она состояла в том, чтобы обойти Москву с востока (вот она — прозорливость гения! — *Авт.)*, отрезать ее от волжского и уральского тыла и потом ударить на Москву. Продвижение немцев на юг в сторону нефтяных районов имело своей вспомогательной целью не только и не столько занятие нефтяных районов, сколько отвлечение наших главных резервов на юг и ослабление Московского фронта, чтобы тем легче добиться успеха при ударе на Москву… [247]

…Основная цель летнего наступления немцев состояла в обходе Москвы с востока и в ударе по Москве, тогда как продвижение на юг имело целью… отвлечение наших войск подальше от Москвы… Эти расчеты немцев не оправдались».

Вождь не может ошибаться. Еще 10 лет после окончания войны, имея среди множества трофеев все документы германского генштаба (впрочем, и сегодня мало кто их видел), советские историки основывали свои «научные» изыскания на сталинской версии и рисовали карты «обхода Москвы с востока».

* * *

К 21 июня германское командование закончило подготовку второй частной операции. В ней должны были принять участие 13 дивизий из состава 6-й полевой и 1-й танковой армий. Главный удар наносился из района Чугуева по правому флангу и центру 38-й армии. Здесь на Купянском направлении была задействована ударная группировка в составе трех танковых, трех пехотных и одной мотодивизии. Вторая группировка, насчитывавшая 3 пехотные дивизии, изготовилась в районе Балаклеи. Еще 3 дивизии сосредоточились южнее Изюма против 9-й армии.

В распоряжении генерала Москаленко на этот раз имелось 7 стрелковых и 1-я истребительная дивизия, 1 мотострелковая, 6 танковых бригад — около 200 танков, 15 полков РГК. На тыловом рубеже армии по реке Оскол был развернут 52-й полевой укрепленный район, в составе шести артиллерийско-пулеметных батальонов. Действовала здесь и 16-я инженерная бригада РГК спецназначения, «оснащенная», кроме всего прочего, собаками — истребителями танков. «Напряженно работали в эти дни политорганы и парторганизации… И добивались еще большей боеготовности частей и подразделений».

Как утверждает сам Москаленко, «мы знали, где готовится новое наступление… мы установили и направление главного удара, подготовленного врагом». [248] Очень важно также то, что генерал обладал обширными познаниями в военном деле, например:

«Принцип обороны прост: стоять насмерть. Так должен был стоять стрелок, пулеметчик, минометчик, каждый воин… Погибал его товарищ, убит командир, но он должен по-прежнему делать все, чтобы уничтожать врага. Он не должен отступать ни на шаг. Таков приказ… Да, нам предстояло стоять насмерть».

Правда, что касается всякой остальной мелочи, ну там оборудовать позиции, установить заграждения, то на это, как всегда, «…не хватило времени… не успели».

22 июня после часовой артподготовки и ударов авиации германские дивизии перешли в наступление. Причем атаковали как-то особенно страшно: на советские позиции

«…ринулась лавина пьяных, дико орущих гитлеровцев. Вместе с пехотой в атаку в большом количестве шли танки (тоже, наверно, с пьяными экипажами. — *Авт.)*. В воздух поднимались одна за другой группы фашистских самолетов (с пьяными, надо думать, пилотами. — *Авт.)*… Ценою тяжелых потерь, буквально устилая свой путь трупами и подбитыми танками, наступающие к полудню смогли форсировать реку Великий Бурлук».

Поэтому войска Москаленко и сам генерал «стояли насмерть» совсем недолго. Уже к концу дня 38-я армия была расчленена и

отброшена со своих позиций, еще сутки спустя ее части, чтобы избежать окончательного окружения и разгрома, начали переправляться на восточный берег реки Оскол. Три левофланговые дивизии отступали разрозненно и неуправляемо, реку им пришлось форсировать в дневное время, под бомбами и вплавь, бросив всю тяжелую технику и вооружение. За Оскол пришлось отвести к 26 июня и правый фланг 9-й армии. Правда, захватить плацдарм немцам не удалось: у Тимошенко имелись в резерве еще 3 танковых корпуса.

У Паулюса не получилось организовать «котлы» на правом берегу Оскола, однако его армия нанесла несомненное поражение войскам двух советских фронтов, существенно улучшила свое оперативное положение и заняла выгодные позиции для последующих операций. [249]

Посрамляя гитлеровских стратегов, маршал Москаленко, накопивший «драгоценного опыта», указывает, что основная цель операции «ФридрихусII» немцами достигнута не была — они не захватили плацдармы на восточном берегу реки Оскол, «и помешала тому стойкость советских войск в обороне, перечеркнувшая расчеты немецко-фашистского командования».

Между тем Гальдер 24 июня 1942 года с удовлетворением зафиксировал в дневнике:*«Операция «ФридерикусII» выполнена, цель достигнута».*Добившись своих целей в полосе Юго-Западного фронта, немцы приступили к переброске танковых и моторизованных дивизий 1-й танковой армии в Донбасс для подготовки наступления на Ростовском направлении.

Маршалу Москаленко вторит маршал Баграмян: «Попытки врага расчленить и разгромить наши соединения, форсировать Оскол и захватить плацдармы были сорваны». Вот где оптимизм, вот где позитивное отношение к жизни! В любой ситуации наши маршалы умели разглядеть что-то хорошее, в любом хорошем — свои заслуги. Под руководством Тимошенко, Хрущева, Малиновского, Харитонова Юго-Западный и Южный фронты понесли огромные потери в людях и технике, но зато войска противника были «обескровлены нами», германское командование «теряло драгоценное время». По версии Баграмяна, если бы они с Тимошенко не сдали немцам четверть миллиона своих бойцов, т.о «заправилы вермахта» начали бы летнее наступление на месяц раньше и дошли бы до Урала.

А вот генерал Мюллер-Гиллебранд утверждает, что «весьма успешные» бои на южном фланге Восточного фронта побудили германское командование начать наступательные операции преждевременно, не завершив пополнение частей личным составом. [250]

Обстановка на южном крыле советско-германского фронта коренным образом изменилась в пользу вермахта. Победы в Крыму и под Харьковом произвели на Гитлера настолько сильное впечатление, что 28 июня он вызвал к себе Шпеера и потребовал «возобновить в прежнем объеме производство продукции ширпотреба»!

При чем здесь Баграмян? При том, что товарищ Сталин, в свою очередь, тоже «вычислил» виноватого.Им оказался генерал Баграмян!

«Товарищ Баграмян, — доводилось в директивном письме Верховного от 26 июня 1942 года, — не удовлетворяет Ставку не только как начальник штаба, призванный укреплять связь и руководство армиями, но не удовлетворяет Ставку даже и как простой информатор, обязанный честно и правдиво сообщать в Ставку о положении на фронте. Более того, т. Баграмян оказался неспособным извлечь уроки из той катастрофы, которая разразилась на Юго-Западном фронте. В течение каких-либо трех недель Юго-Западный фронт благодаря его легкомыслию не только проиграл наполовину выигранную Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18-20 дивизий».

Наиболее грамотный из руководителей направления был снят с должности и направлен с понижением, хорошо — не под трибунал. Тимошенко и Хрущев, конечно, допустили «ошибки», но Ставку пока «удовлетворяли».

После войны были названы еще одни виновники поражений Красной Армии — бывшие товарищи по оружию, англо-американские империалисты:

«В результате бездействия союзников (!) — пишет специалист по военной дипломатии В.Л. Исраэлян, — гитлеровской армии удалось не только избежать катастрофы, но и перейти весной 1942 года в новое наступление, дойти на юге до берегов Волги». [251]

От Оскола к Дону

Меня можно ругать за начальный период войны. Но 1942 год — это же не начальный период войны. Начиная от Барвенкова, Харькова, до самой Волги докатился. И никто ничего не пишет. А они вместе с Тимошенко драпали. Привели одну группу немцев на Волгу, а другую группу на Кавказ. А им были подчинены Юго-Западный, Южный фронт. Это была достаточная сила.

Маршал Г. К. Жуков

К середине июня 1942 года германское командование создало предпосылки для большого наступления на южном крыле Восточного фронта. Армейская группа под командованием генерал-оберста Максимилиана фон Вейхса в составе 2-й полевой и 4-й танковой немецких армий, а также 2-й венгерской армии во взаимодействии с 6-й армией Паулюса были нацелены на осуществление операции «Блау». Ее замысел сводился к нанесению двух ударов по сходящимся направлениям на Воронеж: одного из района Курска и другого из района Волчанска на Острогожск. В результате предполагалось окружить и разгромить советские войска западнее города Старый Оскол, выйти к Дону на участке от Воронежа до Новой Калитвы, после чего 4-я танковая и 6-я армии должны были повернуть на юг, в сторону Кантемировки — в тыл главным силам Юго-Западного фронта маршала Тимошенко.

В то же время второй ударной группе (1-я танковая и 17-я полевая армии) из района Славянска предстояло прорвать советский фронт и ударом на Старо-бельск, Миллерово завершить окружение войск Юго-Западного и Южного фронтов. [252]

В конечном итоге германское командование рассчитывало окружить основные силы двух советских фронтов, овладеть правым берегом Дона у излучины, прорваться к Волге, перехватить эту важную водную артерию в среднем течении и развить наступление на Кавказ.

Для осуществления намеченных целей Германия и ее союзники сосредоточили на южном крыле Восточного фронта 96 дивизий, в том числе 10 танковых и 8 моторизованных. В их составе имелось 900 тыс. человек, 1260 танков и штурмовых орудий, более 17 тыс. орудий и минометов, 1640 боевых самолетов. Из них 15 дивизий находились к Крыму в составе 11-й армии Манштейна. Резервы группы армий «Юг» составляли две немецкие пехотные дивизии и шесть дивизий союзников, но последние на фронт еще не прибыли. Воздушное прикрытие осуществляли 1200 самолетов 4-го воздушного флота под командованием Вольфрама фон Рихтгофена.

Основные силы армейской группы Вейхса, сосредоточенной в районе Щигров, включали 12 пехотных, 4 танковых и 3 моторизованные дивизии. Ударная группировка Паулюса в районе Волчанска состояла из девяти пехотных, двух танковых и одной мотодивизии. Всего на Воронежском направлении немцы имели 31 дивизию, около 900 танков. Эти цифры совпадают

почти во всех источниках, но ведут свое происхождение из одного — официальной «Истории Второй мировой войны». Некоторое недоверие вызывает свойственная ей постоянная путаница в арифметике. Согласно этой же «Истории», как раз в июне 1942 года 450 танков группы армий «Юг» штурмуют Севастополь. Тогда путем простого вычитания на все остальные «мероприятия» остается 810 машин. Если все они находились на Воронежском направлении, то что осталось на долю танковой армии Клейста, готовившейся ударить на Ворошиловград? [253]

Что касается советских сил, то здесь дело обстоит также запутанно. Раз наших бьют, значит враг должен обладать подавляющим преимуществом. Поэтому «История Великой Отечественной войны» сообщает, что на южном крыле в составе Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов к июлю 1942 года насчитывалось 655 тыс. человек, 740 танков, 14200 орудий и минометов, 1000 боевых самолетов. Далее для непонятливых имеется пояснение:

«Следовательно, общее соотношение сил было не в пользу наших войск. Они по количеству людей и боевой техники уступали противнику в среднем в полтора раза».

Генерал армии С.М. Штеменко, шагая в ногу с партией, подтверждает эти данные. Однако маршал А.М. Василевский дает совсем другие цифры — 1715 тыс. человек, 2300 танков, 16500 орудий и минометов, но всего 758 боевых самолетов.

Маршал более правдив. Только Юго-Западный фронт имел в своем составе 5 танковых корпусов, 3 из которых еще не участвовали в боях, и 13 отдельных танковых бригад. Что касается Брянского фронта, то он активно укреплялся Ставкой с середины весны. В нем, кроме пяти общевойсковых армий — 3,13, 48,40 и «кочующей» 61-й (всего 29 стрелковых, 6 кавалерийских дивизий, 11 стрелковых бригад), имелось 2 танковых корпуса и 9 отдельных танковых бригад. Вдобавок в полосе фронта находился резерв Ставки: 5-я танковая армия (только в ней — 480 танков) и 17-й танковый корпус. Все вместе это составляло свыше 1500 боевых машин только на Брянском фронте. Эти немалые силы готовились советским Генштабом для так и не состоявшегося наступления с целью разгрома немецкой группировки в районе Орла и Курска.

Командовал Брянским фронтом генерал Ф.И. Голиков — разведчик, дипломат, военачальник, политработник и стукач — кладезь талантов при минимуме образования: военно-агитаторские курсы и курсы усовершенствования высшего начсостава.

В общей сложности в составе войск Брянского, Юго-Западного

и Южного фронтов насчитывалась 81 стрелковая и 12 кавалерийских дивизий, 38 мотострелковых и стрелковых бригад, 9 укрепленных районов и 62 танковые бригады.

Что касается авиации, то поддержку с воздуха трех наших фронтов обеспечивали три воздушные армии — 2, 4 и 8-я. Только в последней в середине июня насчитывалось 9 авиадивизий и 7 отдельных авиаполков, имевших 836 самолетов: 596 боевых, 124 транспортных, 116 вспомогательной авиации (так ведь и у немцев в общем количестве самолетного парка транспортные, разведывательные и связные машины составляли более 30%).

Эффективность использования советской авиации снижалась из-за недостаточной сколоченности недавно созданных объединений, отсутствия радиосвязи, плохого взаимодействия, слабой подготовки летчиков и приверженности довоенным тактическим взглядам. Вследствие этого в воздушных боях истребители действовали скученно, без маскировки, не эшелонируясь по высоте, бой на вертикалях вести не умели. Обнаружив самолеты противника, все одновременно «роем» устремлялись в атаку, не разделяясь на ударные и резервные группы. При этом ни штурмовики, ни бомбардировщики, ни истребители не умели поддерживать свои наземные войска непосредственно на поле сражения. Для этого не было создано ни организационных, ни материально-технических предпосылок.

Как и в других родах войск, слабым местом являлась организация связи и управления:

«Связь с аэродромами, наземными войсками и их командными пунктами осуществлялась в основном только путем выкладыва-ния на земле специальных хорошо заметных сигнальных полотнищ, зажиганием в определенном порядке костров, нанесением опознавательных знаков на подвижных объектах. Летчики эволюциями самолетов или пуском ракет разного цвета подтверждали прием поданных им сигналов и действовали в соответствии с ними». [255]

Непосредственное участие в сражении с советской стороны приняли 74 стрелковые дивизии, 6 танковых корпусов, 37 танковых бригад, 6 укрепрайонов и Донской отряд Азовской военной флотилии общей численностью 1310 тыс. человек. Это цифры на начало так называемой Воронежско-Ворошиловградской оборонительной операции, не учитывающие введенные позднее резервы Ставки.

Таким образом, ни по одному из показателей наступающая сторона не имела сколь-либо значительного количественного превосходства над обороняющейся, а по танкам уступала вдвое.

За 9 дней до германского наступления в расположении

советских войск, потеряв в темноте ориентировку, приземлился штабной самолет. В нем находился офицер оперативного отдела 23-й танковой дивизии майор Рейхель, а при нем — ценнейшие документы по операции «Блау». Гитлер, узнав о происшедшем, пришел в бешенство. Он потребовал, чтобы командира дивизии генерала фон Бойнебурга, командира 40-го танкового корпуса генерала Штумме и его начальника штаба судил военный трибунал и настаивал на расстреле. Однако Сталин этим сведениям не поверил, посчитав их дезинформацией, а командование вермахта не стало изменять план наступления: перегруппировка войск отсрочила бы удар еще на несколько недель. [256]

Официальная советская пропаганда, подводя итоги первого года войны, 22 июня через рупоры Совинформбюро объявила:

«К весенне-летней кампании немецкое командование подновило, конечно, свою армию, влило в армию некоторое количество людских и материальных резервов. Но для этого гитлеровским заправилам пришлось взять под метелку все остатки людей, способных держать в руках оружие, в том числе ограниченно годных, имеющих крупные физические недостатки. В течение зимы гитлеровское командование неоднократно обещало немецкому населению весной начать „решающее“ наступление против Красной Армии. Весна прошла, но никакого решающего наступления немецкой армии не состоялось… Немецкая армия 1942 года, это не та армия, которая была в начале войны. Отборные немецкие войска в своей основной массе перебиты. Кадровый офицерский состав частью истреблен Красной Армией, частью разложился в результате грабежей и насилий над гражданским населением оккупированных районов. Младший командный состав, как правило, перебит и теперь производится в массовом порядке из необученных солдат.*Ныне немецкая армия не в состоянии совершать наступательных операций в масштабах, подобно прошлогодним (курсив наш. — Авт.)*».

В качестве подтверждения этих теоретических посылок приводились фантастические цифры германских потерь: 10 млн человек, из них не менее 3,5 млн. убитыми (на самом деле немцы столько не потеряли за всю Вторую мировую войну на всех фронтах вместе взятых; на 20 июня 1942 года потери на Восточном фронте составили 1,3 млн человек, из них примерно 332 тыс. убитыми и пропавшими без вести), 24 тыс. танков (германская промышленность еще не произвела и половину этой цифры), 20 тыс. самолетов. Советские потери исчислялись в 4,5 млн бойцов и командиров (разветолько пленными), 15 тыс.

танков (на самом деле вдвое больше), 9 тыс. самолетов (фактически же по 22 тыс. ежегодно).[257]

Воронежско-Ворошиловградская операция

Рано утром 28 июня началось германское летнее наступление. В этот день группа Вейхса нанесла удар в стык 13-й и 40-й армий Брянского фронта. Главный удар наносила 4-я танковая армия генерал-полковника Германа Гота южнее железной дороги Курск — Воронеж с задачей выйти к Дону. Южнее войска 2-й венгерской армии под командованием генерал-полковника Яны рвались к Старому Осколу. Севернее наступал 55-й армейский корпус.

Бросив на 45-километровом участке фронта против трех советских стрелковых дивизий три танковые (24, 9 и 11-я), три пехотные и одну мотодивизию, «ограниченно годные» немцы легко прорвали их оборону и, вклинившись на 10-15 км, вышли к реке Тим, южнее города Ливны. На следующий день они, несмотря на свои «крупные физические недостатки», углубили прорыв до 35-40 км. При том что, по утверждению генерала М.И. Казакова:

«Из захваченной нами директивы командира 40-го танкового корпуса немцев мы узнали, чтсгпротивник намеревается начать наступление… Штаб фронта, армейские штабы и войска готовились к этому. Тщательно отрабатывали взаимодействие,*особенно на стыке 13-й и 40-й армий (курсив наш. — Авт.)*.

Командарм-40 М.А. Парсегов — человек увлекающийся, у него порой не хватало терпения на детальный анализ обстановки. Мне и сейчас помнится один его разговор с командующим фронтом.

— Как оцениваете свою оборону?-спросил Ф.И. Голиков.

— Мышь не проскочит,-уверенно ответил командарм».

«Отработав взаимодействие», штаб Брянского фронта спокойно продолжил подготовку… к наступлению. Поэтому и оборона советских войск снова была

«активной»: даже первый оборонительный рубеж не успели оборудовать полностью, второй полосы, как правило, не было вовсе (генерал Горбатов о сложившемся положении писал: [258] «Оборону… нельзя назвать плохо организованной, вернее будет сказать, что никакой организации нет, нет и обороны»). Артиллерия и резервы равномерно распределялись по всему фронту. Отражать возможное наступление противника предполагалось контрударами танковых соединений. Поскольку

считалось, что немцы, как и в 1941 году, будут наносить удар в направлении Мценск, Тула, то наиболее сильная группировка танков — 5-я танковая армия находилась на правом фланге фронта и готовилась к нанесению контрудара по единственному варианту — на Чернь. Возможность наступления противника на Курско-Воронежском направлении всерьез не принималась.

Тот же Казаков сообщает, что ночь на 28 июня он провел за разработкой плана Орловской наступательной операции: «Мы настолько вжились в этот план, что порою представляли себе различные его варианты как реальные события».

А утром развернулись действительно реальные события.

«Увлекающийся» генерал Парсегов со штабом находился в глубоком тылу в районе Быково и особого беспокойства не проявлял. Ни он, ни его заместители не разу не побывали в своих стрелковых дивизиях, которые вели тяжелый бой. Даже прибывшим из резерва фронта двум танковым бригадам командарм не поставил задачи лично, а сделал это через офицеров связи. На следующий день немецкие танки приехали в Быково. Парсегов окончательно потерял связь с войсками и поспешно укатил в Касторное. Так, «возглавляя» дивизии Гота, генерал довольно быстро оказался в Воронеже. Управление дивизиями 40-й армии пришлось взять на себя непосредственно штабу Брянского фронта. [259]

Первые успехи генерала Вейхса хотя и осложнили обстановку на левом крыле Брянского фронта, но еще не представляли особой угрозы. Для ликвидации прорвавшейся группировки 4-й танковой армии генералу Голикову в ночь на 29 июня были переданы 4-й и 24-й танковые корпуса Юго-Западного фронта и 17-й танковый корпус из резерва Ставки. К участку прорыва направлялись также резервы Брянского фронта — 1-й и 16-й танковые корпуса, 115-я и 116-я танковые бригады. Эти силы насчитывали в своем составе свыше 1000 боевых машин и, конечно, при правильном их использовании могли коренным образом изменить обстановку. Осуществление контрмер осложнялось рас-средоточенностью корпусов, необеспеченностью их горючим и неумением воевать. Генерал Казаков так и пишет:

«Истинные же причины неудачи, на мой взгляд, были в другом: в неумении».

Ставка ВГК рекомендовала Голикову сосредоточить усилия танковых корпусов для разгрома группировки противника, прорвавшейся в район Горшечное. 4-й и 24-й танковые корпуса должны были нанести удар из района Старого Оскола на север, а 17-й танковый корпус — из района Касторное в Южном направлении. Все три корпуса объединили в оперативную группу

под командованием генерал-лейтенанта Я.Н. Федоренко, начальника Главного автобронетанкового управления, специально прибывшего на фронт для оказания помощи в организации боевых действий танковых соединений. Для удара по левому флангу и тылу наступавшей немецкой группировки нацеливались 1-й и 16-й танковые корпуса. Таким образом, Брянский фронт располагал достаточными силами для того, чтобы не только остановить группу Вейхса, но и разгромить ее основные силы.

Зная таланты своих военачальников, Сталин 30 июня лично проинструктировал Голикова:

«Запомните хорошенько. У вас теперь на фронте более 1000 танков, а у противника нет и 500 танков. [260]

Это первое, и второе: на фронте действия трех танковых дивизий противника у вас собралось более 500 танков, а у противника 300-350 танков самое большое.

Все теперь зависит от вашего умения использовать свои силы и управлять ими по-человечески. Поняли?»

Нет, не поняли! Командованию фронта не удалось организовать своевременного и массированного удара по флангам немецкой группировки. Все делалось в лучших традициях лета 1941 года: корпуса вступали в сражение разновременно и по частям, без взаимодействия с артиллерией и авиацией, без разведки и связи, при этом использовались они не столько для решения активных задач по уничтожению противника, сколько для затыкания брешей в обороне общевойсковых армий.

29 июня 16-й танковый корпус генерал-майора М.И. Павелкина завязал упорные бои с целью ликвидации плацдарма противника на левом берегу реки Кшень в районе Волово. На другой день, 30 июня, перешел в наступление из района южнее Ливны вдоль левого берега реки Кшень 1-й танковый корпус генерал-майора М.Е. Катукова. В междуречье Кшени и Олыма развернулись ожесточенные бои. Катукову удалось продвинуться на юг всего на 5 км, затем он был остановлен немецкой артиллерией и ударами авиации и занял оборону на стыке 13-й и 40-й армий. Бригады Павелкина противник обошел с юга и отрезал от тыловых коммуникаций; за 3 дня боев 16-й танковый корпус потерял более сотни боевых машин, а 109-я танковая бригада оказалась окруженной противником.

Бывший командир этой бригады генерал-полковник В.С. Архипов вспоминал, что бои на реке Кшень запомнились

«особенно крепко из-за многочисленных неиспользованных нами возможностей(курсив наш. — Авт.)… Вместо того чтобы сбить

противника с плацдарма ударом танкового кулака, мы пытались столкнуть его пальцем. В первый день бросили против двадцати немецких танков и двух батальонов автоматчиков, овладевших Новым Поселком, примерно столько же стрелков, но вдвое меньше танков. [261] На второй день — 20 наших танков против 40-50 фашистских и так далее. Противник, наращивая свои силы, опережал нас, и если в первый день боя за плацдарм мы имели общее превосходство в танках, но не использовали его в атаках, то к четвертому дню это превосходство перешло уже к противнику. Вот что значит применение танков с оглядкой, с дроблением танковых бригад и батальонов для «закрытия брешей».

Маршал бронетанковых войск М.Е. Катуков приводит другой способ применения танков — «без оглядки»:

«Поставил я командиру задачу, и он отправился выполнять ее. Часа через два-три начальник оперативного отдела Никитин передал донесение с левого фланга:

— Танковая бригада, понеся большие потери, вышла из боя. Командир отправлен в тыл. У него тяжелое нервное потрясение.

Что же произошло?

…Ведь обычно как действовали видавшие виды танкисты при выполнении такой задачи? Готовясь к атаке, они прежде всего высылали вперед боевую разведку, с тем чтобы она вызвала огонь на себя. Командиры танковых экипажей и подразделений в это время располагались в укрытиях, наблюдательных пунктах и засекали обнаружившие себя огневые средства врага. А потом подавалась команда «По машинам», и танковые экипажи устремлялись вперед, зная точно, какие цели им предстоит подавить огнем, уничтожить, смять гусеницами. Понятно, предварительная разведка не обеспечивала обнаружения всех целей, но все же значительно облегчала борьбу с огневыми средствами противника.

А в тот день в Придонье командир бригады без всякой разведки вывел танковые батальоны на большой голый бугор и открыл огонь по предполагаемым (!) позициям гитлеровцев. Бесспорно, он надеялся сокрушить вражескую оборону (?), открыть дорогу танкам и пехоте. [262] Но получилось все иначе. Немецкая артиллерия, хорошо замаскированная в ржаных хлебах и других укрытиях, осталась неуязвимой, а танки на голом бугре стали хорошей мишенью…»

Командир танковой бригады — это генеральская должность, и получал ее офицер в звании не ниже подполковника. Я понимаю, что военному, который не имеет представления о разведке, боевых порядках, использовании рельефа, маскировке,

можно дать генеральские погоны. Но доверить такому человеку бригаду танков? Поневоле вспомнишь американское: «У нас дурак не может быть начальником, это экономически нецелесообразно». Во сколько обошелся Красной Армии только один комбриг, угробивший в течение пары часов полсотни танков? Добавим сюда средства, затраченные на его содержание в течение двадцати лет службы и на лечение «нервного потрясения». Хотя упоминание о «видавших виды танкистах» наводит на мысль, что и другие комбриги учились воевать точно таким же образом, только нервы у них были покрепче.

Во второй половине 30 июня началось крупное танковое сражение и на левом фланге 40-й армии, между дивизиями германского 48-го танкового корпуса и танковыми корпусами оперативной группы Федоренко. 4-й танковый корпус генерал-майора В.А. Мишулина, перейдя в наступление из района Старого Оскола, к исходу дня достиг Горшечного, разгромив здесь передовые части противника. 17-й корпус генерал-майора Н.В. Фекленко нанес удар силами одной бригады из района Орехова также на Горшечное. Остальные соединения и части корпуса еще выдвигались в исходный район для наступления. 24-й танковый корпус генерала В.М. Баданова вместо перехода в наступление совместно с бригадами Мишулина получил задачу оборонять район Старого Оскола и не допустить прорыва противника на юг. [263]

Контрудар 4-го и 17-го танковых корпусов пришелся не по флангам и тылу 48-го танкового корпуса противника, а по его разведывательным и передовым частям. Это поставило советские корпуса, которые вышли в район Горшечное, в трудное положение, так как они сами оказались под угрозой окружения. 1 июля противник, обходя главными силами Горшечное с севера и юга, к исходу дня вышел на рубеж Орехово, Ясенки, Богородицкое. В районе Горшечное оказались в окружении 102-я бригада 4-го танкового корпуса и главные силы корпуса Мишулина. Танкисты дрались в кольце еще двое суток, отрезанные от тылов противником и в условиях полного господства его авиации. В ночь на 3 июля остатки бригад прорвались на восток.

Как видим, генерал Голиков и его штаб не сумели организовать мощного массированного удара по флангам ударной группировки Вейхса. Более того, командующий фронтом решил отвести части 40-й армии на новый рубеж. Ставка запретила это и одновременно указала на недопустимость отсутствия связи с 40-й армией и танковыми корпусами. То есть на деле никто этими корпусами не управлял, а их командиры,

тоже еще не «гинденбурги», а только учатся.

Маршал Василевский так и пишет:

«Командиры танковых корпусов (генерал-майоры танковых войск М.Е. Катуков, Н.В. Фекленко, М.И. Павелкин, В.А. Мишулин, В.М. Баданов) еще не имели достаточного опыта (?), а мы им мало помогали своими советами и указаниями. Танковые корпуса вели себя нерешительно: боялись оторваться от оборонявшейся пехоты общевойсковых армий, в связи с чем в большинстве случаев сами действовали по методам стрелковых войск, не учитывая своей специфики и своих возможностей… Примеры: Катуков (1-й тк) вместо быстрого уничтожения пехоты противника в течение суток занимался окружением двух полков…»

И Катуков согласен со старшим товарищем:

«…как всякий опыт, боевой тоже не дается сразу. Все эти мысли уже приходят к нам, участникам тех событий, как следствие опыта, накопленного в последующих боях». [264]

Как же так?

Ведь Катуков получил танковую дивизию в ноябре 1940-го, в июле 1941 года участвовал в контрударе на Луцк, Дубно, в битве под Москвой его бригада заслужила звание 1-й гвардейской, генерал считался специалистом по организации танкового боя с превосходящими силами противника.

Генерал Баданов на фронте с первых дней, командовал танковой дивизией и бригадой.

Генерал Фекленко войну начал 22 июня 1941 года на Украине в должности командира 19-го механизированного корпуса, наносил удар на Ровно, Дубно.

Генерал Мишулин, командуя 57-й танковой дивизией, в которой и танков, и бойцов было вдвое больше, чем в нынешнем корпусе, участвовал в Смоленском сражении, уже в июле 1941 года удостоился звания Героя Советского Союза «за умелое руководство боевыми действиями».

Сколько же еще опыта им надо и когда они этого опыта наберутся? И если германец воюет «по шаблону», то долго ли его выучить? Почти полтора года войны, страшных поражений и невиданных в истории потерь понадобилось красным командирам для того, чтобы прекратить изобретать пролетарскую военную науку и начать перенимать «шаблоны», то бишь азы военного дела у противника. И все равно усвоить удалось не все и далеко не всем.

К исходу 2 июля немцы перерезали железную дорогу Касторное — Старый Оскол, сутки спустя «панцергренадеры» 24-й танковой дивизии вышли к Дону.

* * *

Тем временем перешедшие в наступление 30 июня из района Волчанска войска 6-й немецкой армии и 40-го танкового корпуса к 14 часам прорвали оборону на стыке 21-й и 28-й армий Юго-Западного фронта и, пройдя за три дня 80 км, вышли в районы Старого Оскола и Волоконовки. [265]

Командующий 21-й армией генерал-майор А.И. Данилов, чтобы избежать окружения, решил отвести войска на восточный берег Оскола. Задача прикрытия отступавших соединений возлагалась на 343-ю стрелковую дивизию полковника П.П. Чувашева и приданный армии 13-й танковый корпус. К этому времени последний был пополнен до штатной численности, имел в своем составе 158,167,85-ю танковые, 20-ю мотострелковую бригады, 2 дивизиона реактивной артиллерии. В бригадах насчитывалось 180 танков. Это достаточно мощный кулак. Однако в составе объединения не имелось зенитной артиллерии, подразделений разведки и эвакуационно-ремонтных частей. В условиях отступления каждый подбитый или сломавшийся танк попадал в разряд безвозвратных потерь. Отход сопровождался непрерывными атаками противника, налетами бомбардировочной авиации и отсутствием поддержки со стороны своей артиллерии и пехоты. Танкисты понесли значительные потери в технике и личном составе, смертельное ранение получил генерал П.Е. Шумов, погиб командир 20-й стрелковой бригады майор П.И. Турбин и командир 85-й танковой генерал-майор А.А. Асейчев.

Соединения 28-й армии также оказались отброшены на левый берег реки Оскол. При этом, по воспоминаниям командарма:

«Нашей авиации в воздухе не было. Сведений о положении нашего правого соседа — 21-й армии и ее левофланговых соединений у нас не было. Ничего не мог сообщить о ней и штаб фронта, ссылаясь на отсутствие связи с объединением. На наши запросы по радио ответа не поступало, а самолетов для связи мы не имели».

Далее Рябышев жалуется на то, что командование фронта «сомневалось в абсолютно точной информации», отдавало распоряжения, которые «не соответствовали сложившейся обстановке», в частности приказало силами 23-го танкового корпуса нанести удар на север и выйти на связь с 13-м танковым корпусом 21-й армии, «не зная его точного местонахождения».

[266]

Обычная история: если у победы много отцов, то поражение — сирота. С другой стороны, в архивах ФСБ России сохранилась докладная записка особого отдела НКВД от 18 июля 1942 года на имя комиссара госбезопасности 3-го ранга Абакумова, которая озаглавлена: «О недочетах в боевых действиях 23-го танкового корпуса за период с 1 по 10 июля 1942 года». В ней, в том числе, излагалось следующее:

«Беспрерывная переброска частей 23-го танкового корпуса с одного рубежа на другой, неправильное использование их в бою — изматывало материальную часть, не достигая цели.

За 10 дней части корпуса совершили марш общей сложностью до 300 километров (на 1 июля в корпусе оставалось 85 танков. — *Авт.)*.

По приказу командования 28 армии, части 23-го танкового корпуса 1.7.1942 года сосредоточились в районе Козинка, Казначеевка, Конопляновка с задачей — уничтожить противника, продвигающегося на восток в направлении Волоконовка и дать возможность частям 28 армии отойти за реку Оскол и занять оборону.

Первая и основная задача была не выполнена.

1.7.42 года 6-я и 114-я танковые бригады начали наступление, не имея данных о силах противника, без организации взаимодействия с пехотой, артиллерией и авиацией.

В результате такой неорганизованности, танки были встречены из засад активным артиллерийским огнем противника во взаимодействии с авиацией, что сразу нарушило боевой порядок наступающих наших танков (вот подишь ты, особист, а в тактике разбирается получше многих наших полководцев — это потому, что еще в начальники не выбился или классическое: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны»? — *Авт.)*.

Вследствие непродуманного наступления, части корпуса потеряли только за два дня боя до 30 танков и с боем отошли на восточный берег реки Оскол.» [267]

Таким образом, задача — приостановить противника 23-м танковым корпусом — выполнена не была по причине неправильного руководства частями со стороны командующего 28-й армии генерал-лейтенанта Рябышева и члена Военного совета бригадного комиссара Попеля, а противнику удалось форсировать реку Оскол и продвинуться на восток. (В изложении самого Попеля это выглядит несколько подругому: «Чтобы сорвать самоуверенный замысел гитлеровских генштабистов, командующий фронтом бросает к Волоконовке танковый корпус теперь уже генерала Хасина. Танки должны ударить по немецкой

клешне и выйти к Северскому Донцу. Силы для такого удара недостаточны — у Хасина максимум 80 танков, из которых добрая половина старые Т-60 — „трактор с пушкой“. Но приказ надо выполнять… Одна из бригад действительно действовала успешно, продвинулась поначалу вперед. Но потом вынуждена была отступить, потеряв большее половины танков…» Непонятно, в чем же заключается самоуверенность «гитлеровских генштабистов»? — *Авт.)*.

С переходом частей танкового корпуса на восточный берег реки Оскол для занятия обороны в районе Принцевка, Пески, Терехово, Хохлово и Колосково установлено, что пехота 13-й гвардейской СД, которая должна была занять оборону в этом районе, отсутствовала.

Командование корпуса выехало к члену Военного совета 28-й армии Попелю с докладом о создавшемся положении.

Попель, вместо того чтобы принять соответствующие меры, взял карту и заявил:

«…У меня на карте пехота 13-й гвардейской стрелковой дивизии занимает оборону. Вы ничего не знаете. Езжайте и не создавайте паники».

Удивительные все-таки метаморфозы производит с сознанием советского и постсоветского человека руководящее кресло! В июле 1941 года точно также корпусной комиссар Вашугин учил воевать по карте и «без паники» самого Попеля, а теперь и наш герой вышел в большие люди, как-никак — член Военного совета армии. [268]

Американский писатель-фантаст Роберт Хайнлайн, посетив Советский Союз в 60-е годы, очень точно отметил, что советские граждане не понимают демократического общения: «В СССР вы или наверху, или внизу — но никогда не равны», и поэтому «… работник „Интуриста“, оставшись наедине с иностранцем, никак не может выбрать позицию. Подчиненный он или начальник? Обычно происходит нечто вроде быстрой пробы сил, затем немедленно принимается та или иная роль… В таком случае необходимо моделировать свое поведение по худшему образцу гневного припадка — вам доводилось его видеть во время выступления Хрущева; такое они поймут. В СССР так себя ведет только начальник…».

В «непобедимой и легендарной» этот принцип озвучен известным каждому военнослужащему афоризмом: «Я — начальник, ты — говно; ты — начальник, я — говно». Но вернемся к корпусу Хасина…

«К исходу дня 3.7.42 года противник, использовав отсутствие пехоты, переправил автоматчиков через реку Оскол и занял село

Колосково.

Находившиеся в этом селе в засаде наши танки из-за отсутствия пехоты вынуждены были гоняться за отдельными автоматчиками (!), выбивая их из села.Село Колосково было снова в наших руках.

4.7.42 года командование 23-го танкового корпуса получило распоряжение от генерал-майора Пушкина о немедленном отводе частей корпуса и занять новый рубеж обороны на реке Валуй:

«…Начать отход немедленно. Кутру 5.7.42 быть готовыми драться на реке Валуй».

Командование корпуса приказ Пушкина выполнило, свои части отвели и заняли рубеж на реке Валуй, оставив район обороны*без прикрытия наших частей (курсив наш. — Авт.)*». [269]

3 июля армия Паулюса своим левым флангом соединилась у Старого Оскола с прорвавшимися туда венгерскими частями из группы Вейхса. Часть соединений 40-й и 21-й армий, 13-го танкового корппуса оказались в окружении, в плен попали 40 тыс. человек. После этого главные силы Вейхса устремились на Воронеж, Паулюса — на Острогожск, охватывая правый фланг 28-й армии. Генерал Рябышев в этот же день получил приказ сдать командование командиру 3-го кавкорпуса генералу В.Д. Крюченкину и вместе с Попелем убыть в распоряжение Ставки.

* * *

Угроза прорыва немцев к Дону и захвата Воронежа стала вполне реальной. Сталин с особым вниманием присматривался к району Воронежа. Он предполагал, что, прорвавшись сюда германские войска форсируют Дон и начнут обходное движение в тыл Москвы. Стремясь упрочить положение на Воронежском направлении, Ставка приказала выдвинуть из резерва на левый берег Дона 3 армии — 60, 6 и 63-ю. Всего на участке от Задонска до Клетской разворачивались 22 свежих стрелковых дивизии и 1 стрелковая бригада. В район Воронежа перебрасывались 18-й и 25-й танковые корпуса. Туда же было приказано отправиться генералу Голикову и принять на себя личное руководство боевыми действиями. На основном командном пункте командующего фронтом временно заменил генерал-лейтенант Н.Е. Чибисов.

Одновременно в распоряжение Брянского фронта передали 5-ю танковую армию, имевшую в своем составе 3 танковых корпуса

(2,11 и 7-й), 19-ю отдельную танковую бригаду и одну стрелковую дивизию. Вместе с танковыми соединениями фронта она должна была нанести контрудар по флангу и тылу группировки немецких войск, наступавшей на Воронеж. Итого командование Брянского фронта получило в дополнение к имеющимся силам в общей сложности еще 23 стрелковые дивизии, 1 стрелковую, 5 мотострелковых и Станковых бригад — около 900 танков. [270]

В ночь на 3 июля корпуса 5-й танковой армии, которой командовал генерал-майор А.И. Лизюков, заканчивали сосредоточение к югу от Ельца. Немедленный и решительный их удар по врагу, рвавшемуся к Воронежу кулаком в 530 боевых машин в сопровождении мотопехоты, мог резко изменить обстановку в пользу советской стороны, тем более что основные силы этой немецкой, группировки, понеся потери и растянувшись на широком фронте, были связаны боями. Однако никаких задач Лизюков от штаба фронта не получил. Генерал Голиков, убыв в Воронеж, никому конкретно не дал указания организовать прием и ввод в сражение 5-й танковой армии, а заместитель командующего фронтом генерал Чибисов и начальник штаба генерал Казаков инициативу проявлять не торопились.

Поэтому 4 июля в район Ельца прибыл начальник Генерального штаба А.М. Василевский и лично поставил задачу Казакову и Лизюкову: одновременным ударом всеми имеющимися силами западнее Дона перехватить коммуникации танковой группировки Гота, уже прорвавшейся к Дону, и сорвать ее переправу через реку. С выходом в район Землянск — Хохол 5-я армия, при поддержке поредевших корпусов Павелкина и Катукова, должна была помочь вырваться из окружения войскам левого фланга 40-й армии. Операцию было приказано начать не позднее 15-16 часов следующих суток, не ожидая полного сосредоточения всех сил.

К назначенному сроку на исходный рубеж вышел только 7-й танковый корпус генерал-майора П.А. Ротмистрова. Главные силы армии еще находились в пути: одной из причин их медленного выдвижения явилось то, что командарм, экономя моторесурс, решил перевозить танки по железной дороге (а это — время на сосредоточение в районе погрузки, погрузка, выгрузка, выход в указанный район), хотя расстояние до района боевых действий не превышало 100 км. [271] В результате одновременно ввести в сражение основные силы танковой армии не удалось. Корпуса вводились в бой с ходу, без подготовки. Конкретных данных о противнике штаб армии не имел.

Утром 6 июля перешли в наступление бригады Ротмистрова. В районе Красной Поляны произошел встречный бой корпуса с

частями 11-й танковой дивизии противника, в результате которого немцы были остановлены и отброшены на 10-15 км за реку Кобылья Снова. На другой день в сражение с ходу был введен 11-й танковый корпус генерал-майора А.Ф. Попова и отдельная 19-я танковая бригада. В ожесточенных боях, продолжавшихся четверо суток, соединениям двух советских корпусов удалось лишь потеснить противника еще на 4-5 км и выйти к исходу 10 июля к реке Сухая Верейка. Только в этот день в наступление перешел 2-й танковый корпус генерал-майора И.Г. Лазарева.

Тем не менее существенных успехов советские войска добиться не смогли. Разновременный ввод в сражение корпусов 5-й танковой армии позволил противнику подтянуть резервы и организовать сильную оборону на выгодном естественном рубеже по реке Сухая Верейка, в результате чего дальнейшее продвижение войск Лизюкова было остановлено. Немцы в районе Землянска организовали жесткую оборону, плотно прикрытую противотанковой артиллерией и минными заграждениями, прорвать которую так и не удалось.

Все тот же маршал Василевский указывает:

«…5— я танковая армия задания не выполнила. Ее командование, не имея опыта в вождении таких танковых объединений, на первых порах действовало не совсем уверенно, штаб фронта ему не помогал и фактически его работу не направлял; не было поддержки со стороны фронтовых средств усиления-артиллерии и авиации. [272] Поэтому одновременного мощного удара по флангу и тылу ударной группировки врага достичь не удалось».

При этом танковые корпуса оперировали не по направлениям главных ударов, а вели наступление широким фронтом, словно общевойсковые соединения, с указаниям полос и разграничительных линий — растопыренными пальцами. Правда, германское командование вынуждено было направить для отражения ударов с севера 9-ю, 11-ю танковые и три пехотные дивизии, а также значительные силы авиации. Это ослабило натиск немцев на Воронеж и позволило войскам Брянского фронта выиграть несколько дней для организации обороны на новых рубежах.

Отметим и чудную организацию высшего военного управления. В описываемый период Брянским фронтом одновременно командовали генералы Голиков и Чибисов, каждый на своем фланге. Периодически их подменял находившийся явно не на своем месте и занимающийся не своим делом начальник Генерального штаба генерал Василевский. Здесь же — начальник

оперативного управления Генштаба генерал Ватутин. А кто же в Москве руководил «мозгом армии» в столь ответственный момент? Комиссар штаба Боков!

6 июля подвижные соединения группы Вейхса (дивизия СС «Великая Германия»), захватив неразрушенный мост, форсировали Дон и ворвались в западную часть Воронежа; по улицам города еще бегали трамваи. Брешь между Брянским и Юго-Западным фронтами достигла 300 км в ширину и до 170 км в глубину.

Бывший начальник штаба Брянского фронта генерал армии М.И. Казаков, склоняясь «над картой былых сражений», ссылается на высказывание Типпельскирха о том, что «в районе западнее Дона решающих успехов добиться не удалось…», и сообщает: «По всему выходит, что у нас вроде и нет причин сетовать на свои действия в сложившейся тогда обстановке» (!!!). Но тут же самокритично признает, что

«при том соотношении сил, которое сложилось в полосе Брянского фронта (особенно по количеству танков), наши войска могли бы не только нарушить планы противника, но и нанести сокрушительное поражение основной его ударной группировке (курсив наш. — *Авт.)*. [273] Почему же этого не случилось? Здесь, как уже отмечалось выше, сказались серьезные ошибки в управлении войсками… недостаток опыта в управлении войсками в сложных условиях. Этим в первую очередь и объясняются почти все наши тогдашний промахи. Сейчас нам ясно, как их можно было избежать».

7 июля Ставка «в целях улучшения управления войсками» разделила Брянский фронт на два — Брянский под командованием генерала Н.Е. Чибисова, вскоре замененного на Рокоссовского, и Воронежский под командованием генерала Голикова, его через неделю сменил генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин. В состав Воронежского фронта вошли 40, 60, 6-я общевойсковые армии, 4, 17, 18 и 24-й танковые корпуса и 2-я воздушная армия, получившие задачу во что бы то ни стало удержать восточный берег Дона.

* * *

В этот же день германское командование приступило к выполнению второго этапа — операции «Клаузевиц». Войска Паулюса и 40-й танковый корпус повернули на юг, развивая

наступление вдоль правого берега Дона на Россошь, Миллерово и выходя в тыл Юго-Западного и Южного фронтов. Во второй половине дня 7 июля 40-й танковый корпус генерала фон Швеппенбурга и 8-й армейский генерала Гейтца заняли Россошь. Основные силы 4-й танковой армии из-за медленного подхода пехотных дивизий, которые должны были ее сменить, пока задерживались под Воронежем, отражая советские контратаки.

Для удобства управления с 9 июля Гитлер разделил войска на юге на две группы армий. Командование группы армий «Юг» было переименовано в командование группы армий «Б»; фельдмаршалу фон Боку подчинялись 6-я немецкая, 2-я венгерская, 8-я итальянская и находившаяся в стадии формирования 3-я румынская арми. [274] Они получили задачу продолжать наступление, одновременно организовав оборону на рубеже реки Дон. Вновь созданное командование группы армий «А» приняло под свое начало 17-ю полевую, 1-ю и 4-ю танковые армии; на фельмагэшала Вильгельма Листа возлагалось руководство операциями по наступлению на Сталинград с юго-запада.

8 июля 1— я танковая армия Клейста нанесла удар из района Славянск, Артемовск через Донец, а 17-я армия-от Артемовска на Ворошиловград.

Так получилось, что именно в это время Тимошенко полностью дезорганизовал управление собственным фронтом. Дело в том, что присланный из Москвы вместо Баграмяна новый начальник штаба фронта генерал П.И. Бодин пришелся «не ко двору».

«Нового начальника штаба, однако, не пожаловали своим вниманием ни командующий, ни член Военного совета фронта, — пишет генерал армии Штеменко. — Несогласие не шло на пользу делу, тем более что положение на южном фланге советско-германского фронта становилось все более угрожающим. 6 июля 1942 года командующий Юго-Западным фронтом и член Военного совета, не предупредив начальника штаба, выехали на ВПУ — вспомогательный пункт управления — в Гороховке. ВПУ этот был плохо обеспечен средствами связи, там не было ни одного оперативного работника. Непонятный отъезд командующего фронтом резко ослабил его влияние на ход боевых действий. П.И. Бодин был вынужден спешно направить в Хороховку средства связи и офицеров-операторов.

В самый напряженный момент отступления с Юго-Западного фронта в 1енштаб перестали поступать доклады об обстановке — их не было целые сутки. А враг наступал уже под Россошыо, где наши войска пытались организовать оборону по южному берегу реки Черная Калитва. Операторы Генштаба сбились с ног,

стремясь узнать, удалось ли остановить противника. [275] Если нет и он форсирует реку, то возможен его прорыв на Кантемировку, и тогда обход главных сил нашего Юго-Западного фронта станет фактом со всеми вытекающими последствиями».

Такая вот ситуация: генерал Бодин рассылает офицеров связи на машинах и самолетах, чтобы добыть крупицы информации, ведет переговоры со Ставкой; маршал Тимошенко еще командует армиями, но не имеет связи ни с Москвой, ни со своим начальником штаба. У бдительного Хрущева даже «зародились нехорошие мысли», а не собирается ли маршал сдаться в плен, чтобы избежать ответственности?

Утром 8 июля наступавшие с севера немецкие части захватили Ольховатку и овладели плацдармами на южном берегу реки Черная Калитва. Таким образом, в то время как части 28-й советской армии находились на левом берегу Оскола, в районе Волконовки и Валуек, неприятель прошел далеко на восток и, отрезая тыловые коммуникации, нацелился на Кантемировку. Многострадальный 23-й танковый корпус вновь получил приказ нанести контрудар:

«7.7.42 года в 18-19 часов, во время боевых действий частей корпуса в районе сел Любомировка — Ново-Александровка, командование 28 армии, не зная действительного положения корпуса, сил противника, место его нахождения, издало приказ: „К 2.00 8.7.42 года, не считаясь ни с какими потерями, выбить противника из Россошь, овладеть переправой“.

При этом указано, что противник в районе Россошь имеет только автоматчиков.

Командование корпуса, получив такой приказ, крайне было возмущено, заявляя: «Это авантюра», т.к. не было никакой физической возможности к указанному времени вывести бригады из боя, сконцентрировать их и направить на выполнение поставленной задачи.

При использовании всех возможностей для кратчайшего выполнения приказа, корпус собрал остатки бригад лишь только к 10.30 8.7.42 года и сконцентрировал их в селе Ржевка. Все оставшиеся танки бригад корпуса (40 шт.) были приданы 6-й гвардейской бригаде. [276]

Необходимо отметить, что командование 23-го танкового корпуса к данным 28-й армии о силах и месте нахождения противника в районе Россошь отнеслось слепо, не перепроверив это своими возможностями, и на рассвете 8.7.42 года, когда бригады еще полностью не были собраны, часть штаба корпуса направило на вновь избранное КП в с. Екатериновка.

С прибытием штаба на указанное место, КП внезапно был

атакован танками и автоматчиками противника, в результате чего потеряли 8 зенитных пушек, несколько автомашин и до 20 человек убитыми и ранеными. Остальные лица из числа личного состава штаба разбежались. Штабные документы уничтожены.

Также следует указать, что командование 6-й гвардейской танковой бригадой беспечно, без ведения соответствующей разведки, повел о танки в направлении Россошь, те наткнулись на танки и артиллерию противника, потеряв несколько танков, отошли к с. Кривоносовка.

Наш источник… поданному вопросу… сообщил:

«…Около 9.00 8.7.42 года командир корпуса полковник Хасин поставил боевую задачу командиру 6-й гвардейской танковой бригады. В то время выяснилось, что часть танков из-за отсутствия масла и горючего отстали и стоят в пути, другая часть уже прибывших танков также не имели ГСМ и боевую задачу решать не могли.

Вскоре удалось достать на авиабазе около тонны бензина и немного масла, машины были минимально заправлены и в 10.30 бригада выступила из с. Ржевка на выполнение боевой задачи.

До переправы Россошь танкам предстояло пройти около 40 километров. Было ясно, что танки из-за отсутствия ГСМ и боеприпасов в отрыве длительного боя вести не могли и были обречены на гибель, что признавал и сам командир корпуса, но приказ 28-й армии требовал жертв. [277]

Считаю совершенно неверным решение командования 28-й армии о посылке танков в наступление на Россошь, т.к. наступление танков началось в тот момент, когда противник быстро распространялся от Россошь на юго-восток, а наши части поспешно отходили.

По существу танки корпуса пошли в глубокий рейд без пехоты и боевого обеспечения, что грозило им окружением.

Танки, как и следовало ожидать, своей задачи — овладеть переправой — не выполнили. Россошь не достигли, встретив упорное сопротивление противника, потеряв несколько танков, были вынуждены отойти в район Кривоносовка.

Одной из причин неудачных действий танков 23-го танкового корпуса является тот факт, что командование 23-го танкового корпуса не было информировано 28-й армией о существовании и действиях 22-го ТК юго-восточнее Россошь и к тому же с момента, как 6-я гвардейская танковая бригада пошла в атаку, связь и управление бригадами командование корпуса окончательно потеряло, и бригады действовали самостоятельно».

Командование 28-й армии, не зная обстановки и действительного положения бригад корпуса, продолжает издавать

непродуманные бессмысленные приказания. Например:

«Командиру 6-й танковой бригады. Командующий приказал:

1. Ваши танки расставить на прикрытие подходов к Басков, Осказ по рубежам…

2. Собрав все танки, сосредоточить в районе Балковская и подчинить их себе, подвижный резерв в районе Конюшен на южной окраине Балковская…»

Это в то время, как в 6-й гвардейской танковой бригаде на 19.7.42 года уже не было ни одного танка.

Вследствие неправильного использования частей танкового корпуса, бригады 6-я гвардейская, 114-я и 65-я на 10.7.42 года остались без материальной части и при этом потеряли значительную часть личного состава. [278]

Часть танков была уничтожена противником за время боя, а остальные уничтожены личным составом из-за отсутствия горючего, технической неисправности и отсутствия необходимых переправ через реки».

Слабоуправляемым соединениям 28-й армии не удалось организовать оборону на рубеже Черной Калитвы, и они продолжали отход на юго-восток, увеличивая разрыв с соседней 38-й армией, дивизии которой по-прежнему были развернуты фронтом на запад. Через эту брешь противник продолжал движение на юг — из Россоши на Кантемировку и из Ольховатки — на Каменку. Обеспокоенный поступающими с его правого фланга тревожными сведениями, генерал Москаленко связался с Тимошенко и поделился с ним своими сомнениями, однако был обвинен маршалом в «неустойчивости» и получил приказ оставаться на прежних позициях.

Штаб Юго— Западного фронта не ориентировался в изменениях обстановки, медлил и терял управление войсками. Связи с 28-й армией уже не было. Как описывает эти дни Москаленко:

«Связь со штабом фронта неоднократно и надолго прерывалась, да и положение войск последний не знал, а мы, в свою очередь, не располагали точными данными о местонахождении командного пункта фронта».

Впрочем, относительно места нахождения командного пункта фронта пребывала в недоумении и Ставка Верховного Главнокомандования, и Генеральный штаб. Начальник штаба ЮЗФ генерал Бодин переехал на новый КП, размещенный в Калаче, Тимошенко по-прежнему сидел в Гороховке. Лишь 9 июля по прямому указанию Ставки маршал прибыл на основной КП и в разговоре со Сталиным признал, что действительно возникла серьезная опасность выхода ударных группировок Гота и Паулюса

в глубокие тылы двух советских фронтов. [279] Командующий полагал, что за счет собственных возможностей Юго-Западный фронт в состоянии только временно задержать противника на направлении Кантемировка, Миллерово, но решительного отпора дать не сумеет, и просил дополнительные войска, особенно авиацию.

Вечером 9 июля генерал Москаленко под угрозой окружения, не имея связи с вышестоящим командованием, принял самостоятельное решение на отвод дивизий 38-й армии на восток и развертывание их фронтом на север в районе Кантемировки. Но немцы опережали в темпе, танки Швеппенбурга уже обходили Кантемировку с востока. К исходу 11 июля основные силы Юго-Западного фронта, охваченные с северо-востока и востока и атакованные с запада танковой армией Клейста, оказались вынужденными вести тяжелые бои южнее и юго-западнее Кантемировки. Сутки спустя 1-я танковая армия Клейста на широком фронте переправилась через реку Айдар южнее Старобельска и 14 июля приблизилась к Миллерово. Сюда же выдвигались основные силы 4-й танковой армии. Одновременно 17-я армия своим северным флангом достигла Ворошиловграда.

В этой обстановке по приказу Ставки 28, 38 и 9-я армии передавались Южному фронту, которому ставилась задача остановить наступление противника. Однако это распоряжение осталось на бумаге, поскольку Юго-Западного фронта уже не существовало. Он был расчленен на отдельные группировки войск, которые самостоятельно пробивались на восток, Тимошенко не имел с ними связи и ничем не управлял.

Остатки 21-й армии Гордова ушли за Дон. От 40-й армии остался лишь бросивший свои войска бравый генерал-майор Парсегов; героя финской войны практически сразу зафутболили на Дальний Восток, подальше от фронта. Обескровленные части 28-й армии выходили к станицам Казанская и Вешенская, имея в полках по 100 — 150 активных штыков. [280] 9-я армия генерала Лопатина откатывалась на юг. Войска Москаленко, не имея связи с соседями, широким фронтом отходили к Катарам. Здесь командарм-38 принял по радио приказ о передаче своей армии в подчинение Южному фронту, но связи с ним тоже не было, и Москаленко принял решение выводить дивизии на восток. 16 июля 38-я армия с боями пробилась к Дону в районе Серафимович.

Успеху германских ударных групировок способствовало абсолютное господство люфтваффе в воздухе. Несмотря на то что с советской стороны в сражении были задействованы силы четырех воздушных армий (2, 4, 5 и 8-й), 29 авиадивизий и 12

отдельных авиаполков, «сталинские соколы» ничем не смогли помочь своим наземным войскам. Немецкая авиация концентрировалась на решающих участках фронта и применялась массированно, подвергая одновременной бомбардировке боевые порядки пехоты, танков, огневые позиции артиллерии, штабы, узлы и линии связи, дороги, мосты, переправы, расчищая путь своей бронетехни-ке и мотопехоте. В условиях «чистого неба» группы пикировщиков, сменяя друг друга, висели над советскими позициями часами. Об этом вспоминают все, без исключения, участники июльских боев.

«Вражеская авиация господствовала в воздухе. Потери нашего вооружения от ее действий составляли 50% общих потерь, а потери боеприпасов от бомбежки в несколько раз превосходили потери от действий артиллерии противника… авиабомбежки, продолжавшиеся без перерыва пять часов, поколебали стойкость гвардейцев. Некоторые в таком аду становились невменяемыми, утрачивали способность понимать команды» (К. С. Москаленко).

«Нас непрерывно бомбили с воздуха. Эскадрильи „юнкерсов“ приходили и уходили, сменяя друг друга. Отразить эти налеты, к сожалению, было нечем» (Е.Ф. Ивановский).

«От массированной бомбежки у людей появилось какое-то безразличие к опасности. [281] Многие просто сидели на бруствере своей ячейки, своего окопа и смотрели на самолеты… Из-за такого настроения увеличилось число убитых и раненых, в том числе и среди командиров» (К.И. Провалов).

Наркому обороны пришлось выпустить специальный приказ в котором шла речь о применении истребительной авиации в первую очередь против бомбардировщиков противника «для уменьшения их ударной силы», об использовании штурмовиков для ударов по переднему краю противника, о привлечении истребителей для решения бомбардировочных задач на поле боя.

«После того как эти документы поступили в войска, — сообщают историографы 8-й воздушной армии, — было категорически запрещено выпускать в бой самолеты-штурмовики Ил-2 без бомбовой нагрузки, как это делалось ранее (!) при вылетах на штурмовку…» Летчикам-истребителям рекомендовалось также брать на подвески бомбы: оказывается, и устаревший И-153, и новейший Як-7 имели бомбодержатели. Поскольку пользоваться ими пилоты не умели, пришлось во фронтовых условиях организовывать «практическую отработку приемов и способов бомбометания».

В качестве мер материального поощрения были установлены денежные премии за каждый сбитый самолет противника и за боевые вылеты с полной бомбовой нагрузкой. При выдаче премий

каждые 2 вылета с бомбами засчитывались за 3 боевых вылета без бомб.

Отсюда можно понять, почему советские наземные войска так редко видели свою истребительно-штурмовую авиацию и чем она занималась — в основном штурмовала (без бомб!) объекты и скопления войск в тылу противника.

* * *

Командующий Южным фронтом генерал Малиновский первоначально решил остановить немецкие войска на рубеже Миллерово, Петропавловск, Черкасское. [282]

Но от этого решения пришлось почти сразу отказаться: более маневренные части противника опережали в выходе на этот рубеж. Южному фронту пришлось загибать северный фланг на восток, чтобы не дать врагу охватить этот фланг и прорваться в тыл. Выдвигаемым из резерва в район Миллерово соединениям 24-й армии пришлось с ходу вступать в бой с прорвавшимися немецкими танками и мотопехотой. И хотя немцы были поголовью пьяны — генерал Провалов, командовавший 383-й стрелковой дивизией, сообщает, что «перепившиеся фашисты шли на позиции… во весь рост, во взводных колоннах, даже не прикрываясь танками» — остановить их не удавалось.

К этому времени в германской стратегии начали проявляться патологические черты, вызванные влиянием Гитлера, принявшим на себя многочисленные виды командования. Непогрешимый фюрер решил, что главные силы Тимошенко отходят на юг, чтобы спастись от германских «клещей» за Доном, и решил устроить им гигантский «котел» севернее Ростова. С этой целью 13 июля он приказал обеим танковым армиям ускоренным маршем двигаться по обоим берегам на юг к устью реки Северский Донец и поворотом на запад вдоль Дона отрезать русских от переправ, а затем уничтожить противника совместно с 17-й армией.

При этом 4-й танковой армии, за неделю до этого форсировавшей Северский Донец в направлении на северо-восток, пришлось переправляться обратно. Все это стоило драгоценного летнего времени. Возражавший против скоропалительного изменения планов командующий группы армий «Б» генерал фельдмаршал Бок был смещен со своего поста, его место занял генерал Вейхс.

Таким образом, наступление танковых и моторизованных

дивизий на Сталинград откладывалось, на восток вниз по течению Дона продолжала продвигаться только 6-я полевая армия. [283] По мнению немецких генералов, это была крупная ошибка верховного командования:

«Никогда до этого и после этого обстановка не была такой благоприятной для наступления на Сталинград. Этот шанс был потерян ради проведения „битвы в котле“, хотя окружать тогда, собственно говоря, было некого».

Таким образом, когда германские войска достигли среднего течения Дона, их танковые армии повернули со Сталинградского направления на Ростовское с целью окружения войск Южного фронта в районе севернее и северо-западнее Ростова. К исходу 15 июля немцам удалось прорвать советскую оборону между Доном и Северским Донцом в полосе до 170 км и выйти в большую излучину.

15 июля Ставка приказала отвести войска Южного фронта за Дон в его нижнем течении и во взаимодействии с 51-й армией Северо-Кавказского фронта организовать прочную оборону по южному берегу реки от Верхнекурмоярской до Багаевской. Одновременно войска 28-й, 38-й и вновь сформированной 57-й армий передавались в состав созданного 12 июля Сталинградского фронта, командовать которым назначили маршала Тимошенко.

К исходу 19 июля главные силы Южного фронта отошли на рубеж Синегорский, Зверево, Дьяково.

20 июля 1-я танковая армия, с боями форсировав Северский Донец, нанесла удар из района юго-восточнее Каменск-Шахтинский на Новочеркасск. Через сутки из района севернее Таганрога в наступление перешел 57-й танковый корпус генерала Кирхнера. 23 июля соединения Клейста ворвались в Ростов, но «котел» не получился. Войска Малиновского отступили — бежали на левый берег Дона («Часть войск Южного фронта; идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором»), а немцы захватили на этом берегу ряд плацдармов. Армия Гота на Ростов не поворачивала, а осталась на плацдармах, занятых на южном берегу Дона у Константиновской и Николаевской. [284]

28 июля Южный фронт был расформирован.

В результате разгрома Юго-Западного и Южного фронтов к середине июля стратегический рубеж советских войск на юге оказался прорванным на глубину 150-400 км, что позволяло противнику развернуть наступление в большой излучине Дона на Сталинград. Немцам удалось захватить Донбасс, Ростов и

овладеть рядом плацдармов на левом берегу Дона. Советские войска избежали окружений, подобных киевскому или харьковскому, но понесли тяжелые потери: 568347 бойцов и офицеров (почти по 3 дивизии ежесуточно), в том числе около 80 тыс. пленными, 2436 танков, 13716 орудий и минометов, 783 боевых самолета, почти полмиллиона единиц стрелкового оружия. Потери вермахта за месяц боев на всем Восточном фронте составили 91400 человек, из них убитыми и пропавшими без вести — чуть более 19 тыс.

* * *

Главная причина летней катастрофы 1942 года все та же — самоуверенность советских «опытных и прозорливых» генералов и неумение воевать ни «на земле», ни «в небесах», ни «на море». «Гитлеровские генштабисты» в очередной раз переиграли сталинских, а «опытный» Паулюс разбил «неопытных» Тимошенко, Москаленко и Рябышева. Сталин однажды сказал, что немецкая стратегия «дефективна, так как она, как правило, недооценивает сил и возможностей противника и переоценивает свои силы».

Верховный как в зеркало смотрелся.

Маршал Рокоссовский единственный, кто прямо, безо всяких оговорок указал на безграмотность, продемонстрированную советским командованием при проведении Воронежско-Ворошиловградской оборонительной операции:

«Повторилась ошибка начального периода войны, когда издавались не соответствующие обстановке директивы, что было только на руку врагу. [285] Поспешно выдвигаемые ему навстречу войска, не успев сосредоточиться, с ходу неорганизованно вступали в*(…Делалось все не так, как обучали пас военному делу в училищах, академиях, на военных играх и маневрах, вразрез с тем, что было приобретено опытом двух предыдущих войн (курсив наш. — Авт.).*

В данном случае не требовалось «соломоново решение». Противник известен, сражение нами проиграно (это тоже было известно) — требовалось только реально подсчитать: когда и где смогут быть сосредоточены силы, способные остановить врага и нанести ему контрудар. В данной конкретной обстановке ближе, чем на реке Дон, сделать это мы не успевали. Само по себе напрашивалось естественное решение: потерпевшим поражение

войскам отходить, тормозя противника применением подвижной обороны. А затем организованно встретить его свежими силами, выдвигаемыми из резерва Ставки, на рубеже реки Дон…

Заместителям Верховного Главнокомандующего и начальнику Генерального штаба в этот ответственный момент следовало находиться именно в Ставке, у руля управления всеми Вооруженными Силами, где вырабатывались основные решения на действия войск, а не отрываться от своих прямых обязанностей выездами в войска».

Радует лишь оптимизм Москаленко:

«Да, многому научились мы в ходе майских и июньских боев в 1942 году. Стали глубже видеть и предугадывать замыслы противника, лучше планировать и управлять боевыми действиями».

Да неужели? Ну наконец-то!

Противник тоже отметил некоторое повышение квалификации советских командиров — русские научились отступать, пленных и брошенной техники было неожиданно мало. Но постоянное отступление, оставление все новых территорий, непрерывные успехи вермахта деморализовали войска. [286]

«Армии отступали, — писал Василий Гроссман. — Угрюмы были лица людей. Пыль покрывала их одежду, оружие, пыль ложилась на дула орудий, на брезент, покрывавший ящики со штабными документами, на черные лакированные крышки штабных пишущих машинок, на беспорядочно наваленные на подводы чемоданы, мешки, подводы. Серая сухая пыль проникала в ноздри и глотку. Губы сохли от нее и покрывались трещинами. Эта пыль проникала в людские души и сердца, она делала глаза людей беспокойными, она переливалась в артериях и венах, и кровь бойцов становилась от нее серой. То была страшная пыль — пыль отступления. Она разъедала веру, она гасила жар сердца, она мутно вставала перед глазами наводчика и стрелка. Бывали минуты, когда люди забывали о долге, о своей силе, о своем грозном оружии, и мутное чувство овладевало ими. Немецкие танки, гудя, двигались по дорогам. День и ночь висели над донскими переправами немецкие пикировщики, со свистом проносились над обозами „мессеры“. Дым, огонь, пыль, смертная духота…»

Особые отделы фиксировали рост «антисоветских, пораженческих и изменнических высказываний» военнослужащих:

«…Командир 214 артполка 38 СД подполковник Гурылев среди ряда командиров заявил:»…Нужно срывать знаки различия при отходе, чтобы не застрелили. В этой войне погибнешь ни за что. Где наша авиация? В газетах пишут о нашей авиации — все

это брехня. Немецкая авиация хорошая, а у нас гробы. Я несколько раз был свидетелем, как только наши самолеты поднимутся, так их сейчас же подбивают и они горят…»

И далее: «…Скоро будет заключен мир с Германией, ибо с ней борьба бессмысленна, да нам и воевать нечем, под большим шумом мы готовились к весеннему наступлению, а когда соприкоснулись с противником, то он нас разбил. У немцев техника, а у нас еще больше крови…» [287]

… Командир взвода 1055 СП, 297 СД Кутек, во время налета немецкой авиации, среди подчиненных говорил: «…Они летают, зная хорошо, что наших самолетов не будет, а если они и появятся в воздухе, то это будет безрезультатно. Немецкие самолеты наших не боятся и немедленно их уничтожают. Поэтому наши самолеты не поднимаются со своих аэродромов…»

На замечание одного красноармейца, что наши войска уже подготовлены и нанесут фашистам решительный удар, Кутек продолжал: «…Довольно, уже наударяли и доказали свою храбрость. Два выстрела дадут, а потом немец как начнет давать, что и места не находят. Операции наши, как правило, все проваливаются…»

Младший сержант роты ПТР 293 СД Багатиков Иван Матвеевич… в беседе с бойцами о действиях наших частей в районе Лозовой заявил: «…70 тысяч бойцов и командиров, о которых идет речь в газете, не пропали без вести, а перешли к противнику. Я тоже возьму автомат, перестреляю командиров и с автоматом перейду к немцам…»

…Красноармеец 1059 СП Пилипчук в присутствии ряда красноармейцев заявил: «…Видно по ходу войны, что Красной Армии не победить немецкой армии и немец с Украины никуда не уйдет. Счастливый тот, кто остался в тылу у немцев, живет себе припеваючи и работает дома…»

…Красноармеейц 349 СД Макагонов красноармейцам своего подразделения говорил: «…Если бы всем повернуть оружие против комиссаров и командиров, то войне через десять минут был бы конец и вновь бы восстановилось единоличное хозяйство и было бы продуктов вдоволь…»

…Командир 855 СП, 278 СД майор Федоров среди командного состава полка высказался о том, что Тимошенко плохой вояка и он гробит армию.

Начальник штаба артиллерии 76 СД капитан Свечкин в беседе с работниками штаба заявил: «…Нас предали. Пять армий бросили немцу на съедение. Кто-то выслуживается перед Гитлером. Фронт открыт и положение безнадежное…» [288]

Обстановка ухудшается с каждым днем и сталинский

«барометр» показывает «бурю». 23 июля Верховный пишет письмо Черчиллю:

«Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год».

Но Англии не под силу в одиночку осуществить высадку в Европе, Соединенные Штаты едва начали преодолевать кризис на Тихоокеанском театре военных действий и пока не способны оказать достаточно эффективную помощь своим союзникам. Да и Гитлер под воздействием июньских англо-американо-советских заявлений, с одной стороны, и «грандиозных» военных успехов на Востоке — с другой, предпринял определенные шаги. Еще 9 июля он издал приказ, в котором говорилось:

«Быстрые и громадные успехи на Востоке могут поставить Англию перед альтернативой: или немедленно предпринять крупную десантную операцию для открытия второго фронта, или потерять Советскую Россию как политический и военный фактор. Поэтому с большой вероятностью следует считаться с тем, что вскоре состоится высадка противника в зоне командования Запада».

Этим приказом предписывалось убытие моторизованной дивизии СО «Адольф Гитлер» из состава 1-й танковой армии и мотодивизии СС «Рейх» из группы армий «Центр» на Запад. Далее, командованию армии резерва надлежало немедленно укомплектовать 3 пехотные дивизии и перебросить на Запад как можно скорее, что возможно было сделать лишь в ущерб посылке пополнений на Восток. Еще две пехотные дивизии были изъяты из группы армий «А» во второй половине июля. [289] На побережье Атлантики и Средиземного моря разворачивались примерно 200 новых артиллерийских батарей береговой обороны и 25 крепостных батальонов. Наконец, ВВС должны были немедленно перебросить с Востока на Запад две авиагруппы бомбардировочной авиации.

* * *

Александр Верт об этих днях пишет:

«Что произошло в Ростове? Как в печати, так и в частных беседах по этому поводу делалось много туманных намеков. Все они сводились к тому, что некоторые соединения Красной Армии

впали в панику и бежали от бешеного натиска немцев… Из сообщений печати явствовало, что никакого приказа об оставлении города войскам не давалось. Многие генералы и офицеры были понижены в должности и звании. По всей стране пронеслось требование: „Возьмите себя в руки!“, и это требование нашло громкий отклик в печати. В последовавшие затем дни все больше и больше писалось о введении „железной дисциплины“; вина за падение Ростова открыто возлагалась на „трусов и паникеров“, не выполнивших свой долг по обороне города.

Во всем этом «ростовском деле» есть некоторые озадачивающие стороны. С военной точки зрения чрезвычайно сомнительно, чтобы в создавшейся в июле 1942 года обстановке можно было оборонять город более или менее длительное время. Говорили даже, что всякая попытка сделать из Ростова второй «Севастополь» могла кончиться лишь окружением, а это повлекло бы за собой напрасную гибель многих тысяч очень нужных людей. Как бы то ни было, но оставление Ростова без приказа*дало толчок для проведения широкой психологической, а также организационной кампании… Именно после падения Ростова командование Красной Армии приняло решительные меры к пресечению дальнейших случаев беспорядочного отступления (курсив наш. — Авт.)*». [290]

Как отмечалось в официальном издании «Великая Отечественная война Советского Союза», неудачи в Крыму, в районе Харькова, под Воронежем и в Донбассе отрицательно повлияли на боеспособность наших войск. Появились факты трусости, паникерства, нарушения дисциплины и воинского порядка. Это вызвало большую тревогу и партии, и правительства.

Обеспокоенное правительство 28 июля 1942 года издало знаменитый приказ наркома обороны № 227.

«Ни шагу назад!»

Этот приказ, с одной стороны, упоминается во всех работах, посвященных событиям 1942 года, в мемуарах всех генералов и не генералов, в том числе и немецких, как знаковое событие, как документ, сыгравший выдающуюся роль в организации отпора германскому нашествию.

«… приказ № 227 чрезвычайно благотворно повлиял на боеспособность войск. Каждый глубоко проникся мыслью о необходимости стоять насмерть в бою и делал для победы все,

что мог» (генерал армии С.М. Штеменко).

«Приказ № 227 — один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания, по степени эмоциональной напряженности… Я, как и многие другие генералы, видел некоторую резкость оценок приказа, но их оправдывало очень суровое и тревожное время. В приказе нас прежде всего привлекало его социальное и нравственное содержание» (маршал А.М. Василевский).

«…минометная рота старшего лейтенанта Попова и не подозревала, что оно уже есть, это жесткое, но по-большевистски правдивое слово Сталина» (генерал-полковник К.И. Провалов).

С другой стороны, такой вроде бы важный исторический документ мы долгое время, практически до развала СССР, не имели возможности прочитать. [291] Более чем на сорок лет он был погребен в тайниках секретных архивов и впервые опубликован в 1988 году, хотя его общее содержание было известно каждому гражданину — ведь в свое время приказ доводили «всем ротам, эскадронам, батареям, эскадрильям, командам и штабам» Красной Армии.

Что же в нем было такого особенного?

Почему его упрятали в спецфонды — понятно: «В приказе намечались меры по укреплению боевого духа и дисциплины войск, указывалось на необходимость объявить решительную войну трусам, паникерам, нарушителям дисциплины».

Меры для укрепления боевого духа предлагались следующие: снимать с постов и отдавать под трибунал командующих армиями, корпусами и дивизиями, допустивших самовольный отход войск без приказа командования фронтом; рядовых паникеров и трусов истреблять на месте; сформировать в каждой армии заградительные отряды и «поставить их в тылу неустойчивых дивизий»; создать штрафные роты и штрафные батальоны.

В последующие 2 месяца было сформировано 193 заградительных отряда — по 3-5 в каждой армии, до 200 человек в отряде. Основной их задачей являлось «в случае паники и беспорядочного отхода расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнять свой долг перед Родиной». Согласно справке НКВД, с 1 августа по 15 октября 1942 года заградотряды задержли 140775 военнослужащих. Из них 3980 человек арестовано, 1189 — расстреляно, 2961 — направлен в штрафные роты и батальоны, остальные — возвращены в свои части и на пересыльные пункты.

Подразделения штрафников создавались на основании Положения, введенного приказом НКО № 298 от 28 сентября 1942

года (утверждал Положение, кстати, Жуков). [292] Их целью декларировалось «дать возможность провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости кровью искупить свои преступления перед Родиной отважной борьбой с врагом на более трудном участке боевых действий».

Штрафные батальоны предназначались для командиров и политработников старшего и среднего звена. Причем командиры и комиссары батальонов и полков могли быть направлены в штрафбат не иначе, как по приговору Военного трибунала фронта, прочие — просто приказом по дивизии или армии. В штрафные роты направлялись рядовые красноармейцы и младшие командиры приказом по полку, без всяких затей с трибуналами. Сюда же попадали осужденные за уголовные преступления с отсрочкой приговора и заключенные лагерей, изъявившие желание «искупить вину кровью». В 1942-1943 годах на фронт было отправлено более 157 тыс. бывших заключенных. Все штрафники подлежали разжалованию в рядовые и лишались наград на время «взыскания».

Командный состав штрафных подразделений назначался из числа «волевых и наиболее отличившихся в боях командиров и политработников», получавших неограниченную власть в отношении своих подчиненных. Так, командир штрафбата пользовался в отношении штрафников дисциплинарной властью командира дивизии и мог любого из них просто расстрелять на месте.

Ротация кадров происходила довольно быстро, но по разным причинам. Командиры и политработники менялись из экономических соображений: один месяц службы им засчитывался за шесть, а сроки выслуги в званиях сокращались наполовину по сравнению с другими офицерами действующей армии (а в последней тоже действовали сокращенные сроки выслуги, поэтому за семь-восемь месяцев в штрафбате можно было вырасти от лейтенанта до подполковника). [293]

Личный состав, по понятным причинам, тоже менялся стремительно. Срок наказания определялся не очень большой — от одного до трех месяцев, после чего военнослужащий восстанавливался в званиях, наградах и правах. Но шансы на выживание были мизерны. Штрафбаты направлялись на «трудные участки», где имелись наиболее благоприятные условия для «искупления», и расходовались полностью в одной атаке или разведке боем. Основанием для досрочного освобождения и реабилитации служило ранение в бою (если повезет) или свершение чего-либо особо героического (как правило, посмертно).

На каждом фронте имелось от одного до трех штрафных батальонов (по 800 человек) и от пяти до десяти штрафных рот (по 150-200 человек). За войну через штрафбаты прошло 442 тыс. военнослужащих.

Ну и что? Крайние обстоятельства требуют крайних мер, это знали еще древние римляне. Ничего принципиально нового Сталин не придумал. Провалился блицкриг — и фюреру германской нации тоже пришлось насаждать у себя штрафные батальоны и заградительные отряды, дойдет в вермахте дело и до борьбы с дезертирами путем показательных расстрелов. Всей разницы, — что делать они это будут культурно, без матюков.

После войны из идеологически-маразматических соображений советские партвожди решили сделать вид, что у нас всего этого не было, а был сплошной массовый героизм ради защиты «завоеваний социализма». Но это сегодня приказ № 227 производит впечатление жестокого, хотя и вынужденно. А чем он мог удивить бойцов и командиров Красной Армии тогда?

Ведь в августе 1941 года Сталин издал с такими же благими намерениями — борьба с трусами и укрепление дисциплины — гораздо более людоедский приказ № 270, который никто из мемуаристов не восхвалял. Его вообще старались не вспоминать. Этим документом, действовавшим вплоть до 1956 года, все военнослужащие, попавшие в плен, объявлялись изменниками и дезертирами, а их семьи становились заложниками пролетарского государства: [294]

«Командиров и политработников… сдавшихся в плен врагу, считать дезертирами,*семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших Родину дезертиров.* Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров…*семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи (курсив наш. — Авт.)*».

Многие военачальники и политработники из тех, кто желает быть «святее папы», предлагали и гораздо более крутые меры. Например, незабвенный Г.К. Жуков, командуя Ленинградским фронтом, приказал расстреливать семьи (!) сдавшихся в плен военнослужащих, а поэт-«борзописец» Первомайский призывал к введению в армии «мер физического воздействия для укрепления дисциплины». Иосиф Виссарионович — просто слюнявый гуманист по сравнению с Георгием Константиновичем.

Бывшие заключенные советских лагерей и так «искупали вину» с первых дней войны, тогда же появились и заградотряды — генерал Сандалов расставлял их позади 4-й армии уже 25 июня 1941 года. Начальник Управления политпропаганды Юго-

Западного фронта 17 июля 1941 года доносил Мехлису: «…По неполным данным заград отрядам и задержано за период войны 54000 человек…»

Пышным цветом цвели в РККА произвол, самочинные расстрелы и мордобой — настолько, что пришлось издать приказ № 0391 «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями». В нем признавалось, что в войсках

«метод убеждения неправильно отодвинули на задний план, а метод репрессий в отношении подчиненных занял первое место; повседневная воспитательная работа в частях в ряде случаев подменяется руганью, репрессиями и рукоприкладством… [295] Необоснованные репрессии, незаконные расстрелы, самоуправство и рукоприкладство со стороны командиров и комиссаров являются проявлением безволия и безрукости, нередко ведут к обратным результатам,*способствуют падению воинской дисциплины и политико-морального состояния и могут толкнуть нестойких бойцов к перебежкам на сторону противника (курсив наш. — Авт.)*».

Вот, к примеру, выдержки из результатов проверки хода боевой подготовки 1437-го полка 1-го танкового корпуса Западного фронта от 19 июня 1943 года (вроде бы и Родину уже спасли, и воевать научились, и «коренной перелом» свершился):

«Вследствие плохой организации боевой подготовки и слабой воспитательной работы полк как боевая единица не сколочен и полностью поставленные перед ним задачи выполнить не может… в результате халатного отношения комсостава к своим обязанностям и бесконтрольности штаба, подразделения имеют низкую подготовку, как расчеты, так и управление и разведка… водительский состав подготовлен слабо. Из 21 могут водить более или менее 5 человек. Остальные требуют серьезного внимания по подготовке к вождению боевых машин… Питание в полку плохое и недоброкачественное…

В течение 2-3 месяцев воспитательная работа по укреплению советской воинской дисциплины в полку подменялась массовыми репрессиями… Командир полка майор В.С. Раевский, его заместитель по политической части майор Г.Л. Бабкин и начальник штаба майор А.И. Авдеев систематически применяли физические меры воздействия к своим подчиненным бойцам и командирам. В ряде случаев избиение производилось упомянутыми лицами в состоянии опьянения. Так, Раевский в апреле избил старшего техника-лейтенанта П.Я. Дорошина, нанеся ему несколько ударов кулаком и пистолетом по голове, а после приказал ему становиться для расстрела… Начальник штаба полка майор Авдеев в марте месяце в состоянии опьянения

превысил свои права и незаконно расстрелял старшего сержанта Навака. [296] В результате произведенного выстрела Навак получил тяжелое ранение в голову. За попытку присутствующих при этом красноармейца Н.С. Виноградова и старшины Д.М. Чистилина оказать помощь раненому, Авдеев пригрозил им расстрелом и приказал выбросить раненого Навака из машины на снег, а поставленному часовому — пристрелить Навака, если он поднимется. Спустя короткое время Навак попытался подняться и в соответствии с приказанием Авдеева был добит часовым. После убийства Навака Авдеев совместно с Гаевским послали матери Навака извещение, что ее сын расстрелян как трус и изменник…»

Славно воевалось бойцам 1437-го самоходного полка?

Так что «удивить» армию репрессиями Верховный не мог. Наоборот, многими эта часть приказа была воспринята как признак слабости власти. Стучали «ундер-вуды» особых отделов, обобщая сведения о «реагировании личного состава» на приказ № 227:

«…Начальник отдельной дегазационной роты военврач 3-го ранга Ольшанецкий в беседе высказал: „…Приказ Ставки — последний крик отчаяния, когда мы уже не в силах устоять против немцев. Все равно из этого мероприятия ничего не получится…“

…Красноармеец комендантского взвода 121 Тбр Шелопаев по поводу приказа заявил следующее: «Для, нашего народа какой хочешь приказ пиши, все равно выполнять, как и предыдущие приказы, не будут. Ведь в других приказах Наркома тоже говорилось, что с трусами и паникерами надо вести беспощадную борьбу, вплоть до расстрела на месте, но никаких мер не принимали. Все то же самое будет и с этим приказом. Скоро его забудут…»

…Санинструктор 41 ГвСП 14 ГвСД 63 армии Демченко после объявления приказа сказал:»…Все это не поможет. Или свои всех перебьют, или все сдадутся в плен, но наша не возьмет…»

Кстати, 11 мая 1942 года Сталин издал куда более суровый документ — постановление ГКО № 1227с, которым запретил «массовую ежедневную выдачу водки» в действующей армии (введенную тем же ГКО в августе 1941 года). [297] Фронтовые сто граммов полагались теперь только военнослужащим передовой линии, которые ведут наступательные операции и «имеющим успехи в боевых действиях против немецких захватчиков», — вот это был удар «ниже пояса»!

С точки зрения тактики, призывы стоять на месте под страхом смерти — глупость, лишающая командиров инициативы, а войска — возможности маневра. Именно такая тактика жесткой

обороны привела к грандиозным «котлам» 1941 года.

Так чем же все-таки «благотворно повлиял на боеспособность», а что это действительно так, признал даже противник, приказ № 227?

А тем, что впервые за войну (и, пожалуй, за 25 лет своего существования) советская власть, вместо сказок о десяти миллионах уничтоженных фрицев, антифашистских восстаниях в Европе, победах под Харьковом, инвалидах с физическими недостатками и неспособности «разложившегося и обескровленного» вермахта к наступательным операциям, сказала армии и народу правду — страна находится на краю гибели, дальше отступать некуда, вопрос стоит теперь только так: победить или умереть.

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами…

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так каку нас много территории, много земли, много населения, и что хлеба у нас всегда будет в избытке… [298]

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства небезграничны. Территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением, боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год.*У нас пет уже преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше -значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину (курсив наш. — Авт.)*. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону…

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв».

Это обращение к народному патриотизму (примечательно, что Сталин говорил не о защите социалистических завоеваний, а о спасении Родины), без приукрашивания горьких фактов и пустых обещаний, возымело действие.

«Тут психология солдатская очень сложная, и до глубины истинной никогда не докопаться никому, — пишет „рядовой пехотный“ М. Абдулин. — По нашему… разумению, мы могли отступать до тех пор, пока не появился этот приказ. Он сработал как избавление от неуверенности, и мы остановились. Остановились все дружно. Остановился солдат, убежденный, что и сосед остановился. Встали насмерть все вместе, зная, что никто уже не бросится бежать. Приказ оказался сильным оружием солдат — психологическим. [299] Хотя и неловко было сознавать тот факт, что сзади меня стоит заградительный отряд».

Немецкие генералы утверждают, что примерно с 10 августа на всех участках фронта было отмечено усиление сопротивления противника.

«На Западном фронте без перемен…»

Откровенно говоря, такие операции, так сказать, местного значения, проводимые оторванно от общих, на отдельных армейских участках, никогда себя не оправдывали и влекли за собой значительные потери.

Маршал К. К. Рокоссовский

На протяжении всего 1942 года командующий Западным стратегическим направлением, по совместительству командующий Западным фронтом, а затем заместитель Верховного Главнокомандующего генерал армии Жуков, «великий и ужасный», кровопролитно и безуспешно бился с группой армий «Центр», пытаясь в первую очередь ликвидировать Ржевско-Вяземский плацдарм. Войска Западного фронта, пока им командовал Жуков, никогда не стояли в обороне. Они непрерывно атаковали противника. Этакий был полигон для обучения полководца.

Своих потерь Георгий Победоносец (он любил, когда его так называли) никогда не считал, а немцам действительно приходилось туго. Почти все пополнения Гитлер бросил на юг. На долю фельдмаршала Клюге выпадали лишь крохи, которые не могли восполнить потери в людях и технике. Численность пехоты в его дивизиях была сокращена с девяти батальонов до шести. [300] Почти не поступали танки, сокращения коснулись и других родов войск.

Четырем армиям группы «Центр», имевшим в своем составе на 1 июля 1942 года около 70 дивизий, противостояли 20 армий Калининского, Западного и правого крыла Брянского фронтов — 140 дивизий. Кроме того, на Московском направлении были сосредоточены все стратегические резервы Ставки.

Частные операции

Начнем с того, что понятия «частная операция» в военной науке нет.

В соответствии ней, с военной наукой, операция — это совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту и времени сражений, боев, ударов и маневров разнородных

войск, проводимых одновременно и последовательно по единому замыслу и плану для решения задач на театре военных действий, стратегическом или оперативном направлении в установленный период времени.

По характеру боевых действий различают оборонительные и наступательные операции. Наступательная операция, в зависимости от масштаба, бывает:

стратегическая — для достижения стратегических целей;

фронтовая — проводится войсками фронта по единому плану и замыслу в целях разгрома противостоящих группировок противника и овладения территорией на одном стратегическом или нескольких оперативных направлениях);

армейская — проводится одной армией в целях разгрома противостоящей группировки противника и овладения районами, имеющими оперативное значение; как правило, осуществляется в рамках фронтовой операции, во взаимодействии с другими армиями, силами и средствами фронта. [301]

Советские военачальники изобрели еще одну разновидность- *частная операция.* Это такая фронтовая или армейская наступательная операция Красной Армии, которая закончилась полным провалом. То есть цели в начале операции ставились в соответствии с наукой — разгромить и захватить, и задействовались соответсвующие силы, а результаты обычно характеризовались словами «в виду недостатка сил», «обескровили», «прощупали», «сковали», «отвлекли резервы» и т. п. (если же проваливалась стратегическая операция, ну там — наступление на Харьков или освобождение Крыма, то ее понижали в «звании» до фронтовой). Правда, с учетом требования о том, что организуемое сражение должно быть «согласованным и взаимосвязанным» во всех звеньях, — то что вытворяли наши полководцы вообще нельзя назвать операциями, просто генералы «изучали азбуку».

* * *

В конце мая 1942 года Жуков решил провести еще одну операцию по разгрому болховско-брянской группировки противника силами левого крыла Западного фронта. Охватывающие удары на Брянск предстояло нанести войскам 16-й армии Рокоссовского и 61-й армии Попова. Боевой порядок стрелковых дивизий был выстроен в один эшелон, каждой

дивизии придавалось 12-15 танков непосредственной поддержки, плотность артиллерии составляла от 30 до 40 орудий на километр фронта. Для развития успеха во втором эшелоне 16-й армии был сосредоточен танковый корпус. Что касается «согласования» и «взаимосвязи», то Рокоссовский прямо указывает, что окончательные цели операции ему были неизвестны:

«Плохо было еще и то, что командование фронта почему-то не всегда считало обязанностью посвящать командующего армией в свои замыслы, т. е. не ставило в известность о том, какая роль отводится армии в данной операции во фронтовом масштабе. В данном случае это было так». [302]

Откуда же взяться взаимодействию, если каждый фигурант выполнял свою узкую задачу в отведенной полосе? Кроме того, армии должны были наносить удары поочередно.

Первыми после 30-минутной артподготовки перешли в наступление войска Попова, сутки спустя — дивизии Рокоссовского. Пехота 16-й армии при слабом противодействии противника ворвалась в траншеи первой позиции. Немцы отходили на вторую позицию, преследуемые советскими танками, которые самозабвенно палили по ним из пушек. По наблюдению командарма, «наши танкисты почти не применяли пулеметного огня, придпочитая вести пушечный, где надо и даже где не надо». Довольно успешно войска преодолели и вторую позицию.

Настала пора в соответствии с планом операции ввести в прорыв танковый корпус, но он на поле боя вовремя не появился. Получилось так, что штаб армии разрабатывал планы ввода этого соединения и ставил задачи штабу корпуса на карте. А вот заблаговременно разведать местность, проверить степень проходимости намеченного маршрута и те и другие как-то сделать «забыли». На пути выдвижения корпуса оказалась речушка с заболоченными берегами, где танкисты успешно застряли. Поэтому потребовалось еще 2 часа на то, чтобы вывести подвижную группу к указанному рубежу. За это время противник сумел перебросить свежие силы с разных направлений и из глубины.

К моменту появления на сцене танкового корпуса в воздухе уже прочно господствовала германская авиация:

«Над полем боя образовали круг сорок пикирующих бомбардировщиков. В первую очередь они набросились на головную танковую бригаду, которая, красиво развернувшись, проходила высоту в двух-трех километрах сзади наступавшей пехоты. [303] И тут произошло нечто невероятное: вместо того чтобы рвануться вперед, бригада остановилась. Она стояла на

голой высоте, а „юнкерсы“ сыпали на нее бомбы».

Танкистов, оказывается, «ошеломило»! «Наша пехота залегла и еле сдерживала контратаки. Танковый корпус под бомбежкой топтался на месте, рассыпавшись по всему полю…» — кроме красивых разворотов у него пока ничего не получалось. Под прикрытием авиации немцы подтягивали новые части. Похожая картинка наблюдалась и в полосе наступления 61-й армии.

Командармы попросили у фронта истребительной поддержки, и просьбу их удовлетворили, однако прибывшие в район сражения «сталинские соколы» вступить в бой с «фашистскими стервятниками» убоялись, ввиду явного превосходства последних:

«Вражеские истребители, обеспечивавшие свои бомбардировщики (немцы-то какие хитрецы: бомбардировщики у них без сопровождения не летают. — *Авт.)*, не позволяли нашим даже приблизиться к месту боя… верткие «мессершмитты», подобно стае борзых собак, набрасывались на наших и отгоняли их.*В этот денъ не было даже случая, чтобы советские самолеты вступали в бой (!) (курсив наш. — Авт.)*».

На этом наступление закончилось, разгромить кого-либо и открыть ворота на Брянск не удалось, советские войска на отдельных участках продвинулись вперед до 10 км. «В целом, — пишет Рокоссовский, — задачу мы не выполнили, противника потрепали и напугали здорово». Это и называется частной операцией: «напугали» — вот и «здорово».

В подготовке и проведении этого наступления принимал участие представитель Ставки генерал Воронов, зафиксировавший свое мнение:

«Мне было непонятно, зачем расходовать силы и средства на ряде фронтов для проведения частных операций с ограниченными целями… Зачем нужно начинать наступление двух армий одного и того же фронта с разницей во времени в одни сутки? Кого хотели обмануть? Противника? Мне думается, больше обманывали себя. Трудно представить, чтобы при активной воздушной разведке противник не смог заметить наших перегруппировок. [304] Это учтено не было. Вот и получилось, что вражеская авиация обрушила свои удары вначале на боевые порядки наступавшей группировки 61-й армии, а затем столь же ожесточенно стала бомбить перешедшие в наступление войска 16-й армии. Пехота была еще слабо подготовлена к наступлению…»

* * *

В начале июля было принято решение повторить операцию на Брянском направлении силами 10, 16 и 61-й армий, которым придавался 10-й танковый и 1-й гвардейский кавалерийский корпуса. Им предстояло развернуть наступление против 2-й танковой армии противника с рубежа Киров — Болхов в сторону Брянска. То есть в неизменном жуковском стиле: с прежних направлений, но большими силами. После войны было заявлено, что целью операции являлось «прощупать прочность немецкой обороны» на южном фланге Западного фронта. Уже по этой формулировке нетрудно догадаться, чем она закончилась.

С 5 по 12 июля под личным руководством командующего Западным фронтом развернулись ожесточенные боевые действия на участке между Жиздрой и Волховом. В боях проходили обкатку новые образцы вооружения и тактические приемы.

В частности, Ставка ВГК поручила командующему гвардейскими минометными частями генералу В.В. Аборенкову испытать в фронтовых условиях новую реактивную систему М-30, из-за характерной формы 300-мм снаряда получившую у солдат прозвище «Лука Мудищев». Генерал выехал в район города Белев, где в это время 61-я армия, которой теперь командовал генерал П.А. Белов, готовилась к наступлению. Туда же срочно направлялись в только что сформированных дивизионов М-30, сведенных для удобства управления в полки. Командарм определил цели — узлы сопротивления противника в деревнях Анино и Верхние Дольцы. [305]

Огневые позиции были выбраны с таким расчетом, чтобы стрельбу можно было вести на дальности, близкой к предельной: 2400-2600 м. В этом случае рассеивание снарядов ожидалось меньшим. Но пусковые станки пришлось установить на опасном расстоянии от переднего края противника — они попадали в зону его ружейно-пулеметного огня. На автомашинах снаряды подвозить было нельзя. Пришлось ночью доставлять их на руках личного состава дивизионов.

Днем 5 июля на противника в Анино и Верхних Дольцах обрушились 2 полковых залпа. Оба узла сопротивления были стерты с лица земли, после чего пехота заняла деревни без каких-либо потерь.

Боевые испытания показали, что дивизион М-30 залпом из 384 снарядов на дальность 2600 м создавал плотность огня на площади в 18 гектаров, равную 14 снарядам на километр. Этого было недостаточно для надежного подавления опорных пунктов. На такую плотность требовалось выпустить не менее 20 снарядов, т. е. следовало подключить еще одну батарею.

Тогда же выяснилось, что для 96 станков дивизиона М-30 трудно выбрать и оборудовать огневую позицию — она оказывалась вытянутой по фронту на десятки метров.

С учетом результатов испытаний штаб формирования ГМЧ в июле перешел к созданию отдельных дивизионов М-30 двухбатарейного состава по 24 станка в батарее. Залп дивизиона составлял теперь 288 реактивных снарядов. Необходимую плотность огня было решено достигать, привлекая к стрельбе по одной площади два-три дивизиона.

Была сделала попытка существенно повысить эффективность работы авиации.

Поддержку наземных войск на этот раз осуществляли 9 авиадивизий 1-й воздушной армии генерал-лейтенанта С.О. Худякова. Командарм одним из первых, взяв на вооружение опыт люфтваффе, попытался использовать авиацию массированно, посылая большие группы самолетов на направление главного удара. [306] Советские бомбардировщики и штурмовики, прикрываемые истребителями, буквально висели над полем боя. Перевес в первые дни наступления был явно на стороне советской авиации. Однако одного только количественного превосходства оказалось недостаточно. Ушедшие на задание эскадрильи, покинув аэродром, уже никем не управлялись, истребители с земли не наводились, штурмовики не взаимодействовали с наземными войсками, так как на советских самолетах не имелось радиостанций.

Тем не менее первый опыт получил положительную оценку как летных, так и общевойсковых командиров. Худяков докладывал командующему ВВС Красной Армии генералу А.А. Новикову:

«Я убедился, что на узком участке фронта можно сконцентрировать семьсот-восемьсот самолетов и использовать их на главном направлении наступающих войск.*Мне впервые за время, войны не стыдно было находиться в войсках фронтах (курсив наш. — Авт.)*. Авиация буквально висела над противником и пробивала дорогу пехоте… Помогите, товарищ командующий, нам быстрее оснастить истребители и штурмовики бортовыми радиостанциями. Мне кажется, в этом сейчас вся соль».

Действительно, «вся соль» заключалась в том, что в состав 1-й воздушной армии, кроме бомбардировщиков, входили 4 истребительные и 4 штурмовые авиационные дивизии, а радиостанциями были оборудованы только самолеты, и то не все, 18-го гвардейского истребительного полка. Один радиофицированный полк на всю армию! Причем лишь треть

машин в нем имела приемо-передающие радиостанции и половина — только приемники. Но и это считалось большим достижением. «О такой оснащенности в других частях можно было пока только мечтать», — вспоминал бывший заместитель начальника связи армии полковник Е.В. Кояндер. Надо думать, что в других воздушных армиях не было даже и этого. [307]

Следствием малочисленности бортовых радиосредств в истребительных и штурмовых частях стало падение уровня профессиональной подготовки офицеров связи. На них смотрели как на людей, не обремененных работой, чего армия не терпит. Поэтому связистов загружали аэродромными дежурствами и прочими делами, мало связанными с их непосредственными обязанностями. Начальники связи полков в своем большинстве имели летное образование, хорошо знали штабное дело. Их все шире привлекали к работе в штабах, выдвигали на должности начальников штабов полка. На их место ставили малоподготовленных людей — все равно радиостанций нет и получения их не предвидится.

Летчики радиоделу учиться не хотели, считая это пустой тратой времени, в чем молчаливо с ними соглашалось прямое начальство. В итоге, даже получив радиостанции, пилоты не умели ими пользоваться. Так, перед наступлением командование 1-й воздушной армии оборудовало в двух километрах от переднего края в полосе 16-й армии пункт наведения истребителей, но он своего назначения не оправдал. Согласно докладу заместителя Худякова полковника Л.Г Кулдина:

«Подавляющее большинство его попыток наводить истребители на цели не дали никаких результатов. Порой… даже казалось, что летчики умышленно не вступали в связь с радиостанцией наведения, а то и выполняли маневры, прямо противоположные указанным».

Полковник Кулдин пробыл на пункте наведения 2 дня. Затем, поняв, что никакого толка не добьешься, плюнул и вернулся в штаб армии.

Ход боевых действий показал также необходимость изменений в тактике, в первую очередь истребительной авиации. Советские летчики, в соответствии с предвоенными теориями, обучались в основном нанесению ударов по наземным целям и были слабо подготовлены к ведению воздушного боя. Эскадрильи ходили плотными строями, что тоже, с одной строны, соответствовало задачам штурмовки, с другой — было вызвано отсутствием радиосвязи. [308] Для воздушного боя эти «рои» были малопригодны, в кутерьме схватки летчики быстро теряли визуальный контакт друг с другом и действовали самостоятельно,

без взаимодействия и взаимного прикрытия.

Основной тактической единицей в истребительной и штурмовой авиации являлось звено из трех самолетов. Не имея между собой связи, летчики в полете держались компактно, крыло к крылу, внимательно наблюдая за действиями командира звена. Он же управлял подчиненными по принципу «делай как я». Такой строй сковывал маневр, не позволял вести непрерывного наблюдения за воздушной обстановкой, ограничивал инициативу.

Немецкие летчики действовали парами — ведущий и ведомый. Наличие на борту радиостанций позволяло им расходиться на значительные расстояния и быстро сближаться при необходимости, обмениваться информацией об обстановке, осуществлять сложные боевые маневры, взаимодействовать друг с другом и другими парами, оказывать помощь — действовать в бою осмысленно и тактически грамотно. Наземные пункты наведения помогали им быстрее найти в воздухе противника, занять более выгодное по отношению к нему положение. Истребители держали связь с бомбардировщиками при совместных с ними действиях, последние — с наземными войсками. На всех Ме-109 устанавливалась коротковолновая радиостанция с радиусом действия до 100 км, а на Ме-110 — две станции, одна из них длинноволновая, перекрывающая расстояние около 300 км. Имелись у немцев также станции ультракороткого диапазона, позволявшие выходить на наземную телефонную сеть.

Все это, и техническое оснащение, и четко работающую организацию, и адекватную тактику, в советских ВВС еще только предстояло создать, причем в ходе боевых действий, ценой жизней пилотов, которых готовили к совсем другой войне. [309]

По приказанию генерала Худякова в каждом истребительном полку одну эскадрилью полностью оснастили бортовыми радиосредствами. Вместо звеньев в этих подразделениях основными тактическими подразделениями становились пары. На машинах ведущих установили приемо-передающие станции. Поскольку их еще не хватало, многим ведомым приходилось довольствоваться только приемниками. В таких случаях, чтобы проверить связь, ведущий после взлета запрашивал у ведомого: «Если слышишь, покачай крыльями» или «Если слышишь, сделай „горку“. Тот отвечал соответствующими эволюциями, в бою строго следовал указаниям своего командира, передаваемым по радио, стараясь ни в коем случае не потерять его из виду. Утратив с ним зрительный контакт даже временно, летчик не мог бы подтвердить, принял ли переданную команду.

Наконец, в конце августа 1942 года вышло постановление

ГКО об оборудовании всех выпускаемых истребителей и штурмовиков приемо-передающими радиостанциями и приемниками из расчета 1:5, а в дальнейшем 1:3. Постановление еще предстояло выполнить, пилотов — обучить правильно, обеспечивая скрытность управления, пользоваться связью. Между тем даже книгу позывных штаб ВВС издал лишь в середине войны. Службу радиоперехвата организовали только в 1944 году. Поразительно, что после всех просчетов в организации связи и управления кибернетику в Советском Союзе объявили «буржуазной лженаукой».

К тому же увеличение количества радиостанций еще не решало всех проблем:

«Если бы все радиостанции имели кварцованные задающие генераторы и приемники с высокой точностью настройки, работать в радиосетях было бы просто и надежно. Но таких радиостанций и приемников в то время у нас не было. Радистам наземных станций и летчикам приходилось то и дело подстраиваться, разыскивая в эфире нужных корреспондентов. Найдя одного, они теряли других. [310] Поэтому находившиеся в воздухе летчики нередко не могли установить двухстороннюю связь со своими авиапредставителями или авианаводчиком, и даже друг с другом».

А в это время «германец», находясь в воздухе, мог вести переговоры «с любым своим командиром, если даже он находился у себя на квартире».

Положение с настройкой раций улучшилось с принятием на вооружение новых радиостанций РСИ-4, работавших на шести фиксированных частотах, и выделением для авиации «своих волн», на которых категорически запрещалось работать всем другим корреспондентам.

Немало времени прошло, прежде чем летчики поняли, выражаясь словами Героя Советского Союза полковника С.П. Данилина, что «радио и пулемет в бою равны», а основной тактической единицей в советской истребительной и штурмовой авиации стала боевая пара.

Аналогичные проблемы испытывали все роды войск. Например, танкисты имели радиостанции только на командирских машинах, а на линейных их не было, что немало затрудняло управление боем.

Германские генералы тоже учились и к этому времени хорошо усвоили особенности русской наступательной тактики:

«В наступлении у них, как правило, отсутствовала гибкость в управлении на поле боя и взаимодействие родов войск. Постепенно, однако, русские создали себе определенный шаблон,

по которому они вели наступление, внося в него иногда лишь незначительные изменения. Тем самым они облегчали немцам ведение обороны в тех случаях, когда соотношение сил было сносным. Наступление русские начинали обычно сильными ударами, наносившимися на широком фронте с целью прощупывания слабых мест в обороне противника… [311] Используя эту огневую и авиационную поддержку, пехота в сопровождении танков непосредственной поддержки, как правило, густыми цепями, не обращая внимания на значительные потери, переходила в атаку и буквально вгрызалась в оборону противника. Когда в каком-либо месте намечался прорыв, в бой вводились подвижные силы…*Возведенный в шаблон, этот способ наступления давал обороняющемуся большие возможности для. сохранения и сбережения своих сил (курсив наш. — Авт.)*».

Действительно, шесть немецких дивизий успешно отбили все атаки двадцати советских.

После недели боев советские войска вынуждены были вернуться на исходные рубежи. Итоги операции, как всегда, вдохновляют:

«Наступление армий Западного фронта из-за отсутствия превосходства над противником и прочности его обороны особых территориальных успехов не принесло, но сковало довольно сильные силы гитлеровцев… Хотя вражескую оборону прорвать не удалось, противник был вынужден перебросить на это направление из оперативного резерва три дивизии».

Ну и что? Оперативные резервы для того и существуют, чтобы, выдвигая их из глубины на угрожаемые участки, парировать удары противника. Их наличие у Клюге характеризует его как грамотного военачальника.

А вот у наших полководцев в 1942 году никаких оперативных резервов не наблюдалось и создавать их они не умели. Все свои войска они выстраивали в передовую линию, что позволяло немцам после прорыва фронта на узких участках безнаказанно идти на глубокое окружение советских войск, а окружив, беспрепятственно уничтожать их. Тимошенки, коневы, еременки в это время клянчили новые дивизии и армии из резерва Ставки.

Вполне закономерно, что и эта неудавшаяся фронтовая операция попала в разряд «боев местного значения». Однако в связи с этим «незнаменитым» сражением генерал Галицкий поведал совершенно потрясающую историю, проливающую свет на секреты нашей обороны. [312]

Разработанная до войны советская военная доктрина была агрессивной, пардон, наступательной. Вопросы стратегической обороны ею не рассматривались вовсе. Считалось, что Красная

Армия может вести эпизодически оборонительные действия на отдельных направлениях, но только в рамках общего стратегического наступления. 22 июня 1941 года началась совсем не та война, которую планировали красные маршалы. Поскольку к оборонительной войне не готовились, в войсках не оказалось мин, лопат, противотанковых гранат, колючей проволоки и много другого — всего того, что маршал Кулик называл «оружием трусов».

Не было у Красной Армии и инструкции по созданию полевых оборонительных рубежей. Точнее, инструкция была. Ее разработали еще в декабре 1940 года специалисты трех академий — Военно-инженерной, Военной академии имени Фрунзе и Артиллерийской академии. Тогда же инструкцию рассмотрели, одобрили и даже распечатали в типографии. А вот утвердить как-то не успели, да, видимо, и надобности особой в ней не было. Никому не нужная, она пролежала в недрах Главного военного инженерного управления (ГВИУ) почти полгода, хотя «содержала ценнейшую информацию о том, как тактически грамотно возводить оборонительные рубежи».

В первый день войны начальнику ГВИУ пришло в голову, что такой документ в действующей армии все-таки должен быть, и его заместитель провел процедуру «утверждения» в течение пяти минут: он поставил на инструкции собственноручную подпись и приказал разослать ее в войска. Но и там долгое время она оставалась невостребованной, опять же лопат и ломов не хватало, несмотря на великие стройки социализма. А самое главное, до осени 1942 года Красная Армия, неся немыслимые потери, непрерывно наступала и контратаковала, не утруждая себя строительством оборонительных рубежей (вообще, в тылу сотни тысяч гражданских людей, в основном женщин, что-то копали и что-то строили, но советские войска в большинстве случаев эти позиции не занимали; гораздо чаще ими потом пользовались немцы). [313]

Честно говоря, и принятая на вооружение инструкция написана была в соответствии с «самой передовой» военной теорией, которая начисто отвергала «окопную войну». Засиживаться в окопах не собирались, поэтому траншей не рыли, а изобрели индивидуальную стрелковую ячейку — земляную «ямку» на одного бойца. Просто и экономично, никаких ходов сообщения, запасных позиций и прочей мороки. Умники-математики доказали, что вероятность прямого попадания снаряда в такую ячейку мала, следовательно, меньше будут потери от огня противника. Притом, напомню, окапываться собирались «эпизодически» на отдельных направлениях в рамках

всеобщего наступления с целью освобождения зарубежных пролетариев от гнета их зарубежных эксплуататоров.

На деле оказалось, что мало уметь ходить в атаку за огневым валом, необходимо еще уметь отбивать атаки противника, создавать оборону и закрепляться на достигнутых рубежах. Выяснилось, что солдат в ячейке не ощущает локтевой связи с соседями и неустойчив в обороне. Подвоз на передовую боеприпасов и продовольствия, эвакуацию раненых, маневр огневыми средствами и подразделениями — все приходилось делать на открытой местности, на глазах противника, открывающего огонь по любой движущейся цели. Но если «до ветру» можно выползти ночью, то как командиру роты в ходе боя, например, перебросить отделение автоматчиков или пулеметный расчет на угрожаемое направление? В итоге войска несли бессмысленные, ничем не оправданные потери. О бытовых условиях в «ямках» я и речи не веду.

Так вот, на второй день вышеупомянутого наступления начальник инженерных войск Западного фронта вместе с начинжем 16-й армии решили осмотреть отбитый у немцев передний край обороны. [314] Их пытливым взорам предстали сплошные траншеи с оборудованными пулеметными и стрелковыми площадками, ходы сообщения, ведущие в землянки для отдыха солдат, по-фронтовому минимальные, но «удобства».

И вот главный инженер армии «вслух заразмышлял»: «Непонятно, почему немцы так привержены к траншеям?»

И главному инженеру фронта пришлось объяснять своему младшему коллеге, что траншеи «обеспечивают скрытное передвижение, надежную маскировку боевого порядка, маневр подразделений и огневых средств по фронту и в тыл, постоянную защиту обороняющихся от огня противника, широкую возможность подготовки запасных площадок для стрельбы изо всех видов оружия. В то же время траншея заставляет врага рассредоточивать огонь по всей длине траншеи, в результате чего резко снижается плотность и эффективность огня», а также позволяет личному составу подразделений отдыхать в нормальных условиях, оставив на позициях дежурных наблюдателей и пулеметчиков. В общем, немцы, даже делая ставку на блицкриг, не стали отвергать накопленный опыт предыдущей войны и изобретать «передовую науку» на базе нацистского метода.

На все эти резоны начальник инженерных войск армии (!) ответил фразой, дойстойной войти в сокровищницу советской военной мысли:

— Траншея, возможно, и хорошая штука. Но попробуй отрыть

ее! Сколько труда надо вложить!

Вот она, загадочная русская душа! Братские могилы копать, конечно, проще. Вот ключ к разрешению загадки: отчего советская дивизия не могла прорвать оборону германского батальона, а армия — дивизии. И наоборот: почему с такой легкостью немцы преодолевали советские позиции на любом выбранном ими участке.

Светлейший князь Ментиков перед штурмом Нарвы успокаивал сомневающегося Петра: «Не волнуйся, государь. Людишков хватит». [315] Сталинские полководцы мыслили аналогично. Красная Армия в 1942 году ежесуточно теряла около 20 тыс. убитыми и ранеными — две дивизии. Каждый день. И в 1943, и в 1944 году, и до самой Победы. И освобождение Европы обошлось нам ничуть не дешевле, чем оборона Сталинграда и Кавказа.

* * *

Все эти «запугивания» и «прощупывания» не помешали фон Клюге и Моделю провести наступательную операцию «Зейдлиц» с целью улучшить оперативное положение своих войск. Она была начата 2 июля 9-й немецкой армией против 39-й армии Калининского фронта, занимавшей выступ в районе города Белый. Немцы нанесли удар по самой узкой части коридора, связывавшего эту армию с основными силами фронта. В итоге им удалось прорвать оборону армии Масленникова, перерезать все коммуникации и окружить ее соединения и 11-й кавалерийский корпус. Попытки Конева прорвать кольцо извне успеха не имели.

К 20 июля немцы ликвидировали «котел» и приступили к прочесыванию местности. Лишь отдельным советским подразделениям удалось выйти из окружения на участках южнее и севернее Белого в полосы 30-й и 22-й армий. Важный плацдарм советских войск юго-западнее Ржева был потерян. Командарм-39 спасся, а вот его заместитель генерал И.А. Богданов погиб. Войска Калининского фронта были вынуждены отступить от Велижа и Демидова на север…

Под Ржевом и Сычевкой

С 16 июля Жуков начал планирование наступательной операции на Ржевско-Сычевском направлении, «организуя эту операцию как крупное наступление в рамках стратегической обороны Советской Армии (?)». [316]

Послевоенная историография утверждает, что

«главная цель операции состояла в том, чтобы сковать силы противника на Западном направлении, лишить его возможности перебрасывать соединения из группы армий „Центр“ на юг, где германские войска наносили главный удар в летней кампании, и вынудить перегруппировать на центральный участок фронта часть своих стратегических резервов».

Версия эта придумана задним числом, как и фиктивная цель. Именно в это время Гитлер снимал дивизии с южного крыла Восточного фронта и перебрасывал их на Запад, под Ленинград и… в группу армий «Центр» (в частности, в распоряжение фельдмаршала Клюге передавались 9-я и 11-я танковые дивизии и мотодивизия «Великая Германия»).

Просто наличие вражеского плацдарма в 120 км от Москвы нервировало Верховного Главнокомандующего.

Замысел операции заключался в том, чтобы ударами войск левого крыла Калининского фронта на Ржевском и правого крыла Западного фронта на Сычевском направлениях разгромить основные силы 9-й немецкой армии, ликвидировать ржевский выступ, овладеть городами Ржев, Зубцов, Сычевка, а при удаче — Вязьмой и прочно закрепиться на реках Волга, Гжать и Вазуза. Основная роль отводилась Западному фронту под командованием Жукова. Калининский фронт генерала И.О. Конева должен был силами 30-й и 29-й армий нанести главный удар с севера на Ржев и вспомогательный — вдоль левого берега Волги на Зубцов. Западному фронту силами 31-й и 20-й армий предстояло прорвать вражескую оборону на реке Держа и, разгромив зубцовско-кармановскую группировку противника, достичь рек Вазуза и Гжать. После этого 31-я армия должна была наступать на Зубцов, содействуя войскам Калининского фронта в освобождении Ржева. А 20-я армия развивала удар в направлении Сычевки. Южнее предстояло наносить удары на Сычевку и Вязьму 5-й и 33-й армиям. [317]

На подготовку отводилось две недели.

«В ходе подготовки операции был проведен комплекс мероприятий, направленных на воспитание у личного состава наступательного порыва, разъяснялись значение операции, боевые задачи войск, изучался опыт ведения наступательных боев с прорывом подготовленной обороны».

Но не политработой единой…

Для выполнения поставленной задачи фронты получили значительное количество артиллерии, бронетанковых и механизированных войск.

Так, 30— я армия Калининского фронта, которой командовал генерал-майор Д.Д. Лелюшенко, наносившая удар на Ржев с севера, получила в усиление 9 танковых бригад, из которых 6 использовались для непосредственной поддержки пехоты, а 3 бригады-35, 238 и 240-я — составляли подвижную группу армии. Всего в армии имелось свыше 400 танков.

В полосе наступления двух правофланговых армий Западного фронта сосредоточивались 6-й и 8-й танковые корпуса, 11 отдельных танковых бригад и самокатная мотоциклетная бригада (в которых насчитывалось около 1000 танков), 2-й гвардейский кавалерийский корпус.

31— й армии генерала В.С. Поленова, имевшей в своем составе 7 стрелковых дивизий (118, 164, 336, 247, 88, 239 и 20-я гвардейская), было придано шесть танковых бригад-34, 71 и 212-я для совместных действий с пехотой, а 92, 101 и 145-я входили в армейскую подвижную группу под командованием генерал-майора Бычковского. Им была поставлена задача в первый день операции овладеть Зубцовом, а передовыми отрядами выйти южнее этого города на Вазузу.

20— я армия генерал-лейтенанта М.А. Рейтера-шесть стрелковых дивизий (251,331,354,82,312 и 415-я), 40-я стрелковая бригада — усиливалась пятью танковыми бригадами, из которых 17-я и 20-я были переданы стрелковым дивизиям первого эшелона, а 11,188, 213-я танковые и 1-я самокатная бригады составляли армейскую подвижную группу под командованием полковника П.М. Армана. [318] Ей надлежало разгромить противостоящего противника и к исходу первого дня операции главными силами выйти на рубеж Подберезки — Овсяники. Одновременно группа Армана имела задачу передовыми отрядами захватить переправы на Гжати и частью сил овладеть районным центром Карманово.

Помимо танковых бригад, генералу Рейтеру дополнительно придавался 8-й гвардейский стрелковый корпус — 26-я гвардейская стрелковая дивизия, 153, 148, 129 и 150-я стрелковые бригады, целый ряд артиллерийских и минометных частей. К началу наступления армия имела 255 танков, 1517 орудий и минометов калибра 76 мм и выше, а также 1105 — калибра 25-50 мм.

Армейские подвижные группы планировалось ввести в бой в первый день операции с задачей завершить прорыв тактической

зоны обороны противника и захватить передовыми отрядами плацдарм на реках Гжать и Вазуза. Развитие успеха в оперативной глубине возлагалось на фронтовую, подвижную группу в составе двух танковых и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса под общим командованием генерал-майора И.В. Галанина. Группе предстояло войти в прорыв на второй день операции между армиями Поленова и Рейтера и наступать в общем направлении на Сычевку.

Таким образом, Жуков и Конев для проведения частной операции собирались ввести в сражение около 1400 танков, больше, чем их имел вермахт на фронте решающего германского наступления.

Впервые в больших масштабах планировалось реализовать идеи «артиллерийского наступления», изложенные в директиве Ставки от 10 января. Свод правил, составленный для фронтовых начальников, как мы помним, был несложен: максимально использовать огневую мощь артиллерии, увеличить ее подвижность, усилить ее взаимодействие с пехотой на всех стадиях наступательного боя. Все это было давно прописано в инструкциях и наставлениях. [319] Просто наставления не для генералов писаны, а указания «товарища Васильева», хочешь не хочешь, приходилось изучать и принимать к исполнению.

В результате на 10-километровом участке прорыва 30-й армии было сосредоточено 1323 орудия и миномета и 80 реактивных установок (140 стволов на километр, и это почти в то же самое время, когда Манштейн гордился своей самой мощной за всю войну артиллерийской группировкой); на 8-километровом участке 29-й армии — 936 орудий и минометов; в 20-й армии на 8 километров пришлось 978 стволов и 16 дивизионов реактивной артиллерии. Кроме того, к проведению артподготовки привлекались танки второго эшелона.

Каждая стрелковая дивизия в ударных группах армий должна была прорывать оборону противника в среднем на фронте 2-2,3 км.

Поскольку советским войскам предстояло форсировать водные преграды, наступающие армии были усилены инженерными частями и понтонно-переправочными средствами.

Общая численность войск в четырех армиях составляла 345 тыс. человек.

Для обеспечения скрытности подготовки операции проводился ряд маскировочных и дезинформационных мероприятий, до которых Жуков был большой охотник со времен Халхин-Гола. Этими действиями предусматривалось скрыть подготовку к нанесению удара на избранном направлении и

имитировать подготовку наступления в полосе 43, 49 и 50-й армий. К непосредственной организации операции привлекался ограниченный круг лиц, никаких письменных документов не выпускалось, задачи и приказания командиры отдавали своим подчиненным устно. Прибывающие войска прятались в лесах в 25-40 км от намеченного участка прорыва, их штабам и тыловым учреждениям строго запрещалось размещаться в населенных пунктах. [320]

Чтобы ввести немцев в заблуждение, на левом крыле Западного фронта изображалось создание мощной группировки войск. Для показа сосредочения войск на ложном направлении были привлечены 4 маскировочные и 3 стрелковые роты, 122 автомобиля и 9 танков, зенитно-пулеметная установка, 11 радиостанций. Саперы изготовили 833 макета танков, автомобилей, орудий, автоцистерн и походных кухонь.

Группы маскировщиков демонстрировали выдвижение танковых и мотострелковых колонн в районы ложного сосредоточения и нахождение там войск. В течение ночи они расставляли на указанных им маршрутах макеты танков и автомобилей. Такая импровизированная колонна «двигалась» до тех пор, пока ее не обнаруживал вражеский самолет. После этого материальную часть свертывали и перебрасывали на новые маршруты и участки. Чтобы привлечь внимание воздушной разведки противника к ложным районам, демонстрировалась их жизнедеятельность: с помощью приданных танков и автомобилей буксировали макеты боевых машин, оставляя на грунте следы гусениц и колес, разводили ночью костры. При налетах авиации, сопровождавшихся бомбежкой, дежурные команды бутылками с горючей смесью имитировали взрывы и пожары в местах расположения макетов военной техники, открывали ружейно-пулеметный огонь по снижающимся самолетам. Радиостанции демонстрировали активную работу «прибывающих» штабов.

Проведенные мероприятия дали положительные результаты. Противник неоднократно бомбил и обстреливал ложные районы, немецкая разведка была отвлечена на раскрытие ложной группировки. Но что особенно важно, немцы усилили оборонительные работы на этом направлении и, по советским данным, перебросили сюда две пехотные дивизии.

Интенсивно демонстрировались наступательные приготовления и на левом фланге 20-й армии: здесь в открытую проводились командирские рекогносцировки, предпринимались усиленные разведывательные поиски, обозначалась артиллерийская пристрелка, сооружались макеты, инсценировалось сосредоточение войск в глубине боевых

порядков. [321] Между тем главный удар планировалось нанести на стыке с армией Поленова из района Погорелое Городище.

Одним словом, вражеская разведка была отвлечена на раскрытие ложной группировки, а советское наступление оказалось для Клюге внезапным. В результате перегруппировки и сосредоточения сил в полосах наступления ударных группировок было достигнуто более чем 7-кратное превосходство над противником в танках, 6-кратное в артиллерии и 4-кратное в людях. Сосредоточение войск затрудняли начавшиеся ливневые дожди.

Немцы в полосе предстоящего наступления имели шесть пехотных (пять из них сокращенного, 6-батальонного штата) и две моторизованные (14-я и 36-я) дивизии. Главная полоса их обороны достигала в глубину 5-8 км и представляла собой систему опорных пунктов с хорошо продуманной системой различного вида огня, соединенных окопами полного профиля, прикрытых минными полями и проволочными заграждениями. В каждом опорном пункте имелось несколько позиций для противотанковых орудий и минометов. Оперативные резервы находились западнее реки Вазуза: 6-я пехотная дивизия — в районе Сычевки, 1-я танковая — в Ржеве, 5-я танковая — в Вязьме, 2-я танковая в Смоленске, 253-я пехотная дивизия вела борьбу с партизанами в районе Дорогобужа. Не могу удержаться, чтобы не привести советскую оценку морального состояния германских войск в июле 1942 года:

«Геббельсовская пропаганда, хвастливые сообщения о победах на юге еще продолжали оболванивать многих немецких солдат, особенно молодежь».

* * *

Первыми 30 июля в 7.30 при поддержке «артиллерийской музыки» двадцати артполков РГК и восемнадцати дивизионов гвардейских минометов перешли в наступление войска Калининского фронта. [322] Мощь огневого удара была столь велика, что пехотинцы 30-й армии прошли первую полосу обороны, почти не встречая сопротивления. Войска Лелюшенко прорвали первую полосу вражеской обороны, но перед второй, встретив упорное сопротивление и организованный огонь, были вынуждены остановиться. Артиллерия и даже танки отстали, завязнув в непролазной грязи.

Генерал Хлебников вспоминал:

«Кто наступал тогда, в низинах и болотах под Ржевом, вряд ли забудет эти дни. Вода льет потоками сверху, вода пробивается снизу, моментально заполняя свежевырытые окопы. Во влажных испарениях, в тумане, идет пехота. Ноги вязнут в черном жидком месиве так прочно, что кирзовые сапоги прихватывает, как клещами. Артиллеристы впрягают десяток лошадей, чтобы вытащить легкую 76-мм пушку, но и это не помогает. Лошади садятся в грязь едва ли не по брюхо, их приходится вытаскивать веревками. Грязь была нашим главным врагом, она заставила нас терять массу времени на преодоление каждого километра».

Когда о подобной ситуации при проведении операции «Тайфун» писали «недобитые гитлеровские генералы», наши историки их враз разоблачали: дело, дескать, не в погоде, а в талантах наших пролетарских военачальников и массовом героизме наших красноармейцев. Но вот теперь и им мешает «генерал Грязь». Хотя, если подумать, пускать 400 танков и артиллерию через болота? И без дождя придется несладко.

Наступление застопорилось, армия Лелюшенко втянулась в затяжные бои за укрепленный район Полунино. Действия советских войск приняли характер методического прогрызания глубоко эшелонированной обороны. Стрелковые дивизии продвигались медленно — 1-2 км в сутки, дорогой ценой отвоевывая каждый метр земли. Попытка командования армии повысить темп наступления вводом в бой подвижной группы успеха не имела. [323] Танковые бригады не могли оторваться от пехоты и действовали вместе с ней как танки непосредственной поддержки. Пять дивизий и 400 танков Лелюшенко топтались в грязи перед позициями 256-й пехотной дивизии противника. 29-я армия генерал-майора В.И. Швецова вообще не смогла продвинуться ни на шаг. Ожесточенные бои севернее Ржева продолжались последующие 3 недели безо всякого видимого результата.

Командование группы армий «Центр» немедленно начало переброску резервов в угрожаемый район. 31 июля в район Сычевки, где располагался штаб генерала Моделя, прибыла 6-я пехотная дивизия. В первых числах августа из Вязьмы на Ржев начала выдвигаться 5-я танковая дивизия, туда же подтягивалась 1-я танковая. Их сосредоточение должно было закончиться 5-7 августа.

* * *

Жуков планировал нанести свой удар 2 августа. Но это оказалось невозможным из-за ливней. Уровень воды в реке Держа, по которой проходила линия фронта на участке прорыва, резко повысился. Бурный поток сорвал два из четырех мостов. Глубина бродов, составлявшая обычно 0,2-0,7 м, увеличилась до 2-2,5 м, сделав их непроходимыми. В негодность пришли и грунтовые дороги. К тому же результаты боевых действий Калининского фронта оказались весьма скромными, особенно на стыке с 31-й армией. Учитывая все это, командование Западного фронта по согласованию со Ставкой перенесло начало наступления на 4 августа.

Спустя 5 дней после Конева, в 6.15 при мощной поддержке артиллерии и авиации нанес свой удар Жуков. Огонь всех орудий и минометов двух армий внезапно обрушился на передний край противника в районе Погорелого Городища. Немцев удалось захватить врасплох. В ходе полуторачасовой обработки переднего края оборона 161-й пехотной и 36-й моторизованной дивизий, по выражению генерала армии Гетмана, была «буквально сметена». [324] Заключительным аккордом прозвучал одновременный залп 18 дивизионов «катюш» — около 3600 реактивных снарядов калибра 132 и 82 мм, выпущенных в течение 10 секунд.

После такой огневой подготовки, которая длилась полтора часа, ударные группировки 31-й и 20-й армий без особых трудностей прорвали первую и вторую позиции обороны 161-й пехотной и 36-й моторизованной дивизий на фронте до 15 км. До наступления темноты войска первого эшелона продвинулись на глубину 6-8 км, разбив 161-ю дивизию генерала Рекке. Среди многочисленных трофеев в Погорелом Городище и Губинке оказались 400 мотоциклов, присланных на укомплектование 36-й мотодивизии, и офицерский публичный дом с обслуживавшей его «бригадой ариек». Немцы, бросив тяжелое вооружение, начали поспешный отход, прикрываясь огнем небольших арьергардных групп, минируя дороги и населенные пункты.

Подвижные группы обеих наступающих армий к 16 часам переправились через Держу и, не встречая сопротивления, вошли в прорыв. К исходу дня группа генерала Бычковского главными силами вышла в район Старое, Ревякино, а передовыми частями достигла населенного пункта Емельянцево. Группа полковника Армана в это же время подходила к Кондраково, передовые же ее части — к Праслово. Наступление продолжалось и ночью.

К утру 5 августа соединения Западного фронта полностью преодолели главную полосу обороны, расширив прорыв до 16 км и углубившись в расположение немецких войск на 8-10 км.

Вечером части армейских подвижных групп подошли к тыловому оборонительному рубежу противника на подступах в реке Вазуза, но прорвать его с ходу не смогли. 8-й стрелковый корпус в это время через леса пробивался к Карманово, преодолевая ожесточенное сопротивление 36-й мотодивизии. [325]

Таким образом, войска 31-й и 20-й армий в основном выполнили задачу прорыва тактической зоны обороны на всю глубину. В то же время в целом задачи, поставленные им, были осуществлены не полностью. Как уже отмечалось, план операции предусматривал на второй день для 31-й армии овладение городом Зубцов и выход на Вазузу, для 20-й армии — освобождение Карманово и захват передовыми отрядами переправ на Гжати. Этих целей пока не удалось достичь из-за медлительности обеих армейских подвижных групп как при переправе через Держу, так и после ввода в прорыв. Они буквально тонули в грязи.

Вновь возникли проблемы в управлении войсками, которые не стоят на месте, а все время находятся в движении. Передвижных радиостанций в Красной Армии еще не изобрели, основным средством связи оставались конные делегаты:

«Половина радиостанций узла связи армии и большая часть радиостанций соединений вышла из строя или застряла в грязи тыловых дорог… Для усиления связи с войсками в распоряжение штаба армии был выделен из кавалерийского корпуса кавалерийский эскадрон».

Из— за слабой организации подвоза к исходу второго дня операции в частях первого эшелона имелось 0,2-0,5 боекомплекта и три четверти заправки горючего.

Кроме того, немецкая авиация, оказывавшая довольно незначительное воздействие на наступавшие соединения 31-й и 20-й армий, все свои усилия направила на их тылы и фронтовые резервы. Несмотря на советское превосходство в воздухе и большие потери, немецкие самолеты, действуя группами по 10-30 машин, всю вторую половину дня 4 августа наносили бомбовые удары. Особенно от них пострадали переправы через Держу. Все они оказались разрушенными. Меры по их восстановлению небыли приняты своевременно. В итоге условия для ввода фронтовой подвижной группы в прорыв оказались менее благоприятными, чем предполагалось. Тем не менее, по мнению Жукова, операция началась удачно. [326]

Подвижная группа фронта начала выдвижение из исходных районов в 20 часов 4 августа. Все пути оказались забиты обозами, артиллерией, дороги были в исключительно плохом состоянии. Машины, шедшие ночью с затемненными фарами, застревали в

грязи. Все это тормозило движение.

Лишь под утро группа генерала Галанина достигла реки. Севернее Погорелого Городища вышел 6-й танковый корпус (169 танков) генерал-майора А.Л. Гетмана, южнее — 8-й (165 танков) генерал-майора М.Д. Соломатина, а слева от него — 2-й гвардейский кавкорпус (около 20 тыс. человек, 120 орудий) генерал-майора В.В. Крюкова. Поскольку восстановление переправ еще даже не началось, группа вынуждена была остановиться на восточном берегу. К счастью, она располагала собственными переправочными средствами — двумя пантонными батальонами, а также приданными тремя инженерными батальонами. Последние с ходу приступили к делу, и к 12-13 часам смогли обеспечить переправу на западный берег реки двух танковых бригад. К тому времени генерал Галанин уточнил задачу на день, приказав обоим танковым корпусам сильными передовыми отрядами овладеть к 18 часам рубежом Гнездилово — Хлепень и переправами на Вазузе. Южнее, к Гжати, должен был наступать кавкорпус.

В это время снова пошел дождь. Когда передовые отряды начали наступление в указанном направлении, дороги, подсохнувшие с утра, вновь превратились в месиво. Ктому же они были совсем разбиты ранее прошедшими войсками. Причем последние в ряде мест так и не смогли вытащить из грязи часть своих машин. Теперь это создавало пробки. Правда, после самих танкистов от дорог вообще осталось одно название:

«Танкисты, как правило, никаких обочин не признавали, слабые мосты не объезжали и часто их ломали. В результате большинство дорог после прохода танков становилось почти непроходимыми для артиллерии и автотранспорта». [327]

Словом, передовые отряды продвигались крайне медленно. Даже танкам нелегко давался каждый километр. Колесные же машины то и дело приходилось вытаскивать на руках. Отряд 8-го танкового корпуса к исходу дня 5 августа смог выйти частью сил лишь в район Покров, Ровное. Передовые подразделения 6-го корпуса, двигавшиеся несколько быстрее, достигли Костино, Бровцино на ближних подступах к Вазузе на участке 251-й стрелковой дивизии 20-й армии.

Впереди находился заранее укрепленный рубеж противника, проходивший здесь и севернее до Зубцова вдоль западного берега реки, а далее тянувшийся на юго-восток от нее к Карманово. Перед этим рубежом уже во второй половине дня 5 августа наступающие войска 31-й и 20-й армий встретили резко возросшее сопротивление противника и были остановлены по всей своей полосе. Попытка частей 251-й стрелковой дивизии

полковника Б.Б. Городовикова прорвать вражескую оборону в направлении Буконтово не увенчалась успехом даже с подходом передового отряда 6-го танкового корпуса, состоявшего из 100-й танковой, 6-й мотострелковой бригад и двух батарей противотанковой артиллерии.

Новая директива Жукова предписывала 31-й и 20-й армиям возобновить операцию с утра 6 августа и к исходу 8 августа выйти в своих полосах на железную дорогу Ржев — Вязьма. Фронтовой подвижной группе приказывалось продолжать наступление в направлении Сычевки.

6— й танковый корпус, выдвинувший к тому времени свои главные силы в район Зеновское, Засухино, Старое, должен был, не задерживаясь, выступить на Копы-лово. Оттуда ему предстояло нанести удар в направлении населенного пункта Малое Кропотово и овладеть районом Кривцово, Мостищи, Березовка, Кузьмино, расположенным на меридиане Ржева. Корпус генерала Соломатина получил задачу наступать от Каськова, Покрова, Ровное на Козлово, Хлепень и в дальнейшем выйти к Сычевке. [328] Разгромить противника юго-восточнее этого населенного пункта надлежало кавкорпусу генерала Крюкова, который выдвигался левее, из района Праслово, Красный Пахарь, Семеновское, Кондраково.

Эти задачи не удалось выполнить полностью, хотя они и впоследствии, вплоть до конца 1942 года, с незначительными изменениями ставились войскам Западного фронта. Порой казалось, что цель близка. Но немцам вновь и вновь удавалось вернуть утраченные позиции. Гитлер ни в коем случае не хотел отдавать удобный плацдарм, надеясь повторить когда-нибудь удар на Москву.

Соединения подвижной группы фронта по-прежнему двигались очень медленно. Дождь лил не переставая. Только во второй половине дня 6 августа корпус Гетмана вступил в бой с сильно поредевшими частями 161-й пехотной дивизии, противостоявшей левому флангу 31-й и правому флангу 20-й армий. Одним из первых атаковал противника передовой отряд 200-й танковой бригады. Действуя совместно с пехотой, он после ожесточенного боя ворвался в Буконтово и вышел на восточный берег реки Вазуза. Вслед за тем части 8-го танкового корпуса овладели населенным пунктом Козлово. Еще южнее главные силы 251-й стрелковой дивизии и танкисты Соломатина очистили Луковники и Карамзино от противника и продолжали наступать в направлении Печоры. Левофланговая 88-я дивизия 31-й армии при поддержке 200-й танковой бригады освободила Кошелево, которое немцы использовали в качестве одного из опорных

пунктов.

Оборона противника на этом участке была, таким образом, прорвана на рубеже Кошелево, Карамзиино. К 20-часам основные силы фронтовой подвижной группы вышли к Вазузе. В тот же день на западный берег переправились 6-я мотострелковая и 200-я танковая бригады корпуса Гетмана и с ходу повели наступление в направлении Гредякино, Щеколдино, Кортнево. Но едва продвинувшись на 2-3 км, они столкнулись с подошедшими резервами противника. [329] С наступлением темноты бой прекратился, советским частям удалось удержать небольшой плацдарм на западном берегу Вазузы.

31— я танковая бригада 8-го корпуса ночью также прорвалась к реке и захватила переправу в районе Хлепени.

* * *

Удар Западного фронта на Сычевку создавал угрозу отрезать всю северную часть ржевского выступа вместе с находящимися там войсками 9-й немецкой армии. Но разбежка во времени в 5 суток между началом наступления армий Конева и армий Жукова сыграла на руку противнику. К 5 августа резервы группы армий «Центр» уже сосредоточились в районе Сычевки, и генерал Модель вместо укрепления Ржевского направления мгновенно решил использовать их для нанесения контрудара на Погорелое Городище: от Осуги через Буконтово — силами 5-й танковой и 253-й пехотной дивизий, со стороны Сычевки через Хлепень — 1-й танковой и 6-й пехотной, из района Карманово — 2-й танковой, 36-й моторизованной и 342-й пехотной дивизий. Выдвижение немецких дивизий началось в ночь на 6 августа.

Чтобы показать всю трудность возникших вдруг перед ним проблем, генерал армии Гетман безудержно фантазирует на тему, насколько силен был враг:

«Итак, предстояли бои с явно превосходящими силами противника. Такой вывод можно было сделать на основании известных нам данных о составе немецких соединений. Так, танковые дивизии врага обычно насчитывали до 200 и более танков (не было в 1942 году у немцев ни одной такой дивизии. — *Авт.)*. Несколько забегая вперед, отмечу, что на этот раз соотношение сил в полосе наступления правого крыла Западного фронта… в целом было примерно равным, но на отдельных участках, в том числе и на нашем, оно действительно склонялось

в пользу гитлеровцев. [330] В частности, 5-я танковая дивизия противника имела в своем составе до 16 тысяч солдат и офицеров, то есть вдвое больше, чем наш корпус. Танков у нее было 160, а у нас — 169, но при этом более трети последних составляли легкие танки Т-60 со слабой броней и 20-мм пушкой (а еще 24 КВ, 46 Т-34 и 30 Т-70. — *Авт.)*. Соотношение сил по пехоте также было не в нашу пользу».

Как будто генерал Гетман проводил всю Ржевско-Сычевскую операцию в одиночку. Две танковые дивизии врага — громадная сила, а четырнадцать противостоящих им советских танковых бригад — так, безделица! Точно так же, как и действовшие в этой полосе четыре немецкие пехотные дивизии, надо полагать, несоизмеримо мощнее наших десяти стрелковых и трех кавалерийских дивизий.

Другое дело, что танковые корпуса действительно оказались вынуждены оперировать в довольно сложных условиях, но не по вине противника. Уже во время выдвижения из района реки Держа по незнакомой местности их штабы столкнулись с тем, что не могли получить от стрелковых частей каких-либо данных ни о дорожной сети, ни об обстановке на линии фронта. При прорыве вражеской обороны на участке Кошелево, Буконтово, командиры стрелковых полков, вышедших сюда почти на сутки раньше, оказались не в состоянии сообщить танкистам какие-либо сведения о противостоящих частях. А кроме того:

«…четкого взаимодействия танков с пехотой, артиллерии с авицией не было. Танкисты не имели достаточного опыта в пользовании сигнализацией, не умели поддерживать непрерывную связь и выдерживать заданный курс (!) в наступлении».

Вновь пошли проливные дожди. Подвоз боеприпасов, продовольствия и горючего осуществлялся только конным транспортом, и то с большим трудом. Группа Армана получала горючее по воздуху. Моторизованные подразделения вынуждены были передвигаться пешим порядком. [331]

Сказывалось также отсутствие связи между полками и штабами дивизий, а последних со штабами армий. Это привело к отсутствию ясного представления о лежащей впереди местности и силах противника. Хорошей связью не могла похвастаться и фронтовая подвижная группа, которая далеко не всегда знала обстановку в полосе наступления. Генерал Галанин, избравший местом своего пребывания командный пункт 6-го танкового корпуса, не имел ни своего аппарата управления, ни собственных средств связи и ничем фактически не управлял. По этой причине руководство корпусами подвижной группы пришлось взять на

себя непосредственно командующему фронтом.

7 августа на подступах к Вазузе развернулось встречное сражение между советскими танковыми корпусами и 1-й и 5-й танковыми дивизиями.

В результате 2-дневных ожесточенных боев 6-й танковый корпус и взаимодействовавшие с ним подразделения стрелковых дивизий не только отразили все контратаки врага, но и расширили плацдарм. Противник был выбит из Кортнево, расположенного на берегу Осуги, и из находящихся в междуречье населенных пунктов Васильки, Логово.

К исходу 8 августа обозначился успех и на участке соседнего 8-го танкового корпуса. Совместно с главными силами 251-й стрелковой дивизии его 93-я танковая и 8-я мотострелковая бригады подошли к восточному берегу Вазузы, прижав противника к реке, а их левофланговые подразделения начали переправляться на западный берег. При этом, как всегда неожиданно, выяснилось, что «оказывается, Вазуза более солидный приток Волги, нежели Держа. Ширина ее местами свыше 80 м, а глубина достигает двух и более метров». Еще левее продвинулись вперед 31-я и 25-я танковые бригады корпуса Соломатина. Взаимодействуя с частями 331-й стрелковой дивизии полковника П.Д. Берестова, первая из них форсировала Вазузу в районе Хлепени, вторая переправилась через Гжать. В результате советские войска на этом участке достигли рубежа Хлепень, Климово, Попсуева, а несколько южнее продвинулись до Бургово. [332]

Преодолел Гжать и 2-й гвардейский кавалерийский корпус, наступавший в полосе 354-й стрелковой дивизии генерал-майора Д.Ф. Алексеева. Продолжая действовать совместно с ней, он в ходе ожесточенных боев вошел в населенные пункты Романово, Подъяблонки, Колокольня. При переправе через реку кавалеристы понесли значительные потери, поскольку немецкая авиация непрерывно штурмовала конницу с низких высот. Советской авиации не было видно, хотя только для поддержки 20-й армии выделялось 9 авиадивизий; зенитная артиллерия далеко отстала от передовых частей.

Левофланговые соединения 20-й армии, преодолевая упорное сопротивление, продвигались в направлении Карманово.

7 августа в наступление перешли войска 5-й армии под командованием генерал-лейтенанта И.И. Федюнинского — 3-я гвардейская мотострелковая, 42-я гвардейская стрелковая, 19-я, 28-я стрелковые дивизии, 28, 35 и 49-я стрелковые, 120,161,154-я танковые бригады. Задача армии состояла в прорыве обороны противника южнее Карманово и развитии успеха в Северо-

Западном направлении — на Сычевку. Однако прорвать оборону 342-й и 35-й немецких пехотных дивизий не удалось ни в этот, ни на следующий день. И здесь свирепствовала германская авиация, которая за один день только в 3-й мотострелковой дивизии вывела из строя 413 человек. 10 августа Жуков поставил командарму-5 более скромную задачу: основные усилия направить на овладение Кармановом. Еще меньшими оказались успехи 33-й армии генерал-лейтенанта М.С. Хозина, которая начала наступать южнее 13 августа.

* * *

Вообще— то советское наступление обеспечивали две-1-я и 3-я — воздушные армии, в состав которых входили 19 авиадивизий. [333] Авиационные командиры вновь пытались отработать организацию вызова истребителей на поле боя по заявкам наземных войск. Специальные представители, находившиеся со своими рациями в общевойсковых армиях, обеспечивали выход самолетов в район боев через 9-10 минут после подачи вызова. Непосредственно над полем боя действиями авиации руководили представители истребительных авиадивизий, находившиеся на радиостанциях армейской радиороты ВНОС. Они информировали летчиков о воздушной обстановке, имея с ними 2-сторонюю связь. Однако такие случаи были единичными — большинство самолетов все еще не имело радиосредств, особенно передатчиков. Поэтому оказывать непосредственную поддержку наступающим войскам в процессе боя авиация не имела возможности и наносила удары главным образом по глубоким целям.

Но хотя бы опыт накапливался, закладывалась организация. Уже в феврале 1943 года, как с гордостью рассказывает полковник Кояндер, в 1-й воздушной армии впервые осуществили наведение по радио на цель большой группы штурмовиков, правда:

«Подобные случаи управления по радио штурмовиками, находившимися над полем боя, являлись в то время исключительно редкими… все внимание авианаводчиков уделялось в основном истребителям».

Была еще одна уважительная причина, не позволившая и на этот раз «сталинским соколам» завоевать превосходство в воздухе на Сычевском и Ржевском направлениях. Если раньше

утверждалось, что большинство советских самолетов имело устаревшую конструкцию и наши пилоты не могли в силу этого сражаться с люфтваффе на равных, то теперь стряслась другая беда:

«…летчики истребительной авиации, только накануне операции получившие самолеты новейших систем, не научились еще вести бой на них…».

Как говорится: не понос, так золотуха. [334]

* * *

Еще более напряженные бои развернулись 9 августа. Обе стороны ввели в бой все свои силы. Корпус Гетмана, наступая совместно с частями 88-й стрелковой дивизии 31-й армии, с утра нанес сильный удар по противнику. Сломить его сопротивление удалось лишь левофланговым частям. Развивая успех, корпус с пехотой в течение всего дня медленно продвигался вперед, главным образом вдоль Вазузы. К исходу дня они вышли на рубеж Кортнево, Логово, Тростино, Печора, расширив плацдарм на западном берегу реки до 8-9 км по фронту и до 3 км вглубь. М:пешно наступал в этот день и 8-й корпус. Но и танкисты несли большие потери от вражеской авиации. Кавалерийский корпус Крюкова разбил 6-ю пехотную дивизию, но был остановлен в 8 км юго-восточнее Сычевки частями 1-й танковой дивизии и брошенными в бой отрядами «трудовой повинности». В районе Карманово 8-й стрелковый корпус генерал-майора Ф.Д. Захарова весь день успешно отбивал атаки 46-го танкового корпуса противника. Убедившись в бесперспективности контрудара на Погорелое Городище, Модель приказал войскам 9-й армии с 10 августа перейти к обороне.

В целом результаты встречного сражения оказались благоприятными для войск правого крыла Западного фронта. Они по всей полосе наступления подошли к рекам Вазуза и Гжать и освободили южную часть города Зубцова. Однако изменившееся в пользу противника соотношение сил ставило под вопрос успех дальнейшего наступления на Сычевку: в бой были введены практически все наличные войска, подвижные группы потеряли ударную силу, утратил свое действие фактор внезапности. Вместе с тем появление 2-й танковой дивизии немцев в районе Карманово угрожало левому флангу 20-й армии. К тому же войска Калининского фронта еще не подошли ко Ржеву и

рассчитывать на их помощь в наступлении на Сычевском направлении не приходилось. [335]

Правда, по свидетельству генерала Сандалова, командующий 20-й армией некоторое время вынашивал идею ударом усиленного квалерийского корпуса проломить немецкую оборону с плацдарма юго-восточнее Гжати и прорваться прямиком к Вязьме, но генерал Крюков, помня судьбу группировок Ефремова и Белова, отказался от этой чести:

«По поручению Рейтера я несколько раз ездил беседовать по этому вопросу с командиром корпуса Владимиром Викторовичем Крюковым, моим близким товарищем по совместной службе в войсках Белорусского военного округа.

— Если направить оба танковых корпуса и мой корпус с плацдарма за р.Гжать на юго-запад, нет сомнения, что мы прорвемся сквозь вражескую оборону и успешно пойдем к Вязьме,-хладнокровно рассуждал Крюков. — Однако слабые войска вашей армии не сумеют сохранить участок прорыва. Противник после нашего прохода сомкнет фронт и будет бить нас в окружении и танковыми дивизиями, и авиацией.

— А если пустить в прорыв только ваш корпус, усиленный стрелковой дивизией и всеми армейскими танковыми бригадами?-допытывался я.

— В армейских танковых бригадах танков осталось немного, причем горючее для них, как я знаю, вы доставляете авиационным транспортом,-насмешливо ответил Крюков. — В рейде ваши бригады будут мне обузой. Нет, пусть слава и лавры в проведении подобной операции остаются лишь у моего коллеги генерала Павла Алексеевича Белова. Я не верю в возможность такого рейда сегодня».

На исходе 9 августа командование Западного фронта приняло решение, предусматривавшее ряд мер по усилению войск, наступавших на Кармановском направлении, с целью разгрома противостоявшей там группировки противника. В частности, на это направление перебрасывался и 8-й танковый корпус, передававшийся в подчинение 20-й армии. [336] Ему было приказано сосредоточиться 10 августа в районе Подберезки, совместно с частями 8-го гвардейского стрелкового корпуса нанести удар по левому флангу кармановской группировки врага и освободить районный центр Карманово. Таким образом, корпус генерала Соломатина был выведен из состава подвижной группы. В ночь на 10 августа он передал 251-й стрелковой дивизии свой участок боевых действий в районе Игнатово, Голяково и начал выдвигаться на Кармановское направление.

Разгром кармановской группировки, по мысли Жукова,

должен был создать условия для расширения наступательной операции правого крыла Западного фронта путем подключения к ней 5-й и 33-й армий.

Вследствие этого ударная группировка, наступавшая на Сычевку, была еще более ослаблена. В ее составе остался один танковый корпус, которому по-прежнему ставилась задача: расширить плацдарм, овладев участком Подъяблонки, Чупятино. Если еще накануне на этом направлении наносили удар все бронетанковые силы фронтовой подвижной группы с 251-й, 331-й стрелковыми дивизиями и частью сил 354-й, то с 10 августа наступать на Сычевском направлении предстояло одному корпусу Гетмана с 251-й стрелковой дивизией. 331-й и 354-й приказывалось закрепиться на достигнутых рубежах. В течение последующих трех дней боев войскам так и не удалось выполнить поставленную задачу — противник перешел к жесткой обороне на заранее подготовленных рубежах.

13 августа немцы нанесли внезапный удар со стороны Вишняково, Холм по позициям 88-й стрелковой дивизии. В результате ее части вынуждены были оставить Сады и Васильки. Дивизия закрепилась на участке восточнее Плющево, Пищалино, Лучково, Логово. При этом 6-му корпусу было приказано принять от нее участок, тянувшийся от последнего населенного пункта на юго-восток к Вазузе, и ударом в Западном направлении вернуть вновь захваченную противником деревню Сады. [337]

Теперь танкисты Гетмана наступали одновременно и на юго-запад, и на запад. Немцы оказывали упорное сопротивление, то и дело переходя в контратаки. Бои в междуречье продолжались вплоть до 18 августа. К исходу этого дня 6-й танковый корпус и части 251-й стрелковой дивизии потеснили противника на обоих направлениях, форсировали Осугу на ряде участков и вели бои на рубеже Лучково — Сады — Зеваловка — Печора.

Противник, однако, продолжал усиливать сопротивление. В период с 19 по 22 августа он вновь предпринял контратаки крупными силами. В полосах 331-й и 354-й стрелковых дивизий действовала немецкая 1-я танковая дивизия, которой удалось потеснить советские части. Отбросить 6-й танковый корпус и 251-ю стрелковую дивизию в эти же дни пыталась 5-я танковая дивизия. Но успеха не имела. Напротив, нашим удалось продвинуться вперед и расширить плацдарм к западу от Осуги до рубежа Сады, Пальцево, Киселево.

На левом фланге войска 20-й армии с трех направлений наступали на райцентр Карманово. Против трех немецких дивизий — 2-й танковой, 36-й моторизованной и 342-й пехотной, объединенных штабом 46-го танкового корпуса, генерал Рейтер

бросил 8-й танковый и 8-й стрелковый корпуса, 415, 312, 82-ю стрелковые дивизии и 40-ю стрелковую, а также три отдельные танковые бригады. С юга, форсировав Яузу, в этот район продвигались две дивизии армии Федюнинского. Тем не менее темп прогрызания многоярусной немецкой обороны составлял 1-2 км в сутки, операция заняла почти две недели.

23 августа ознаменовалось двумя значительными событиями в полосе наступления правого крыла Западного фронта. В этот день 31-я армия освободила Зубцов, а 20-я армия во взаимодействии с частью сил 5-й армии — районный центр Карманово. [338]

* * *

Используя успех Западного фронта, с 21 августа активизировали действия 30-я и 29-я армии Калининского фронта. В этот же день было взято село Полунино. Событие сие стало возможным в результате следующего стечения обстоятельств.

Командир 16-й гвардейской стрелковой дивизии, при поддержке 35-й танковой бригады, 8 дней бившейся за этот укрепленный пункт, заболел и был отправлен в тыл. Заменивший комдива полковник П.Г. Шафранов предложил гениальную и недоступную, видимо, разуму более высокого командования идею: сменить направление удара. Дело в том, что до этого все атаки на Полунино методично и однообразно велись с севера, так как к западу от села на штабной карте значилось непроходимое болото. И вот, наконец, после восьми суток кровавой брани, дивизионные разведчики прогулялись на болото и выяснили, что оно давно высохло.

Проверив эту информацию, полковник Шафранов составил свой план штурма: танковой бригаде и одному стрелковому полку приказывалось «изображать» атаку с севера, а два полка пехоты должны были внезапно ударить в обход, через болото. На рассвете 21 августа часть сил 16-й гвардейской дивизии совместно с танкистами завязала бой на северной окраине села, а 2 стрелковых полка быстро и скрытно вышли к южной окраине Полунино. Немцы от «Иванов» такой изощренности не ожидали — крупный опорный пункт пал в течение трех часов. Самое смешное, что при разборе операции в штабе фронта Шафранов удостоился упреков в том, что не потащил за собой в болото

танки (!), ведь по уставу «танки полагается пускать с главными силами».

Армии Калининского фронта вышли на подступы к Ржеву и левый берег Волги. Однако к 23 августа наступательные возможности советских войск были исчерпаны и они перешли к обороне. Ржев остался за немцами. [339]

Советские войска в ходе операции продвинулись на запад еще на 40-45 км, освободили 3 районных центра, но поставленных решительных целей не достигли. Правда, своими активными действиями они вынудили германское командование перебросить в район Ржева несколько соединений с других участков фронта. Оценивая эти события, генерал Типпельскирх пишет:

«Прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, которые готовились к переброске на южный фронт, были задержаны и введены сначала для локализации прорыва, а затем и для контрудара».

Это и было позднее объявлено достижением Красной Армии оперативно-стратегического значения и главной целью наступления.

Однако: во-первых, книга Типпельскирха, на которую любят ссылаться советские источники, вышла в 1951 году, на русском языке издана в 1956 году — от него мы все это и узнали; во-вторых, какие конкретно дивизии имеет в виду генерал — непонятно, зато достоверно известно, что именно в августе фон Клюге получил с «южного фронта» две танковые дивизии, которые немедленно пустил в дело.

Красной Армией были также достигнуты учебные цели:

«…было наглядно опровергнуто утверждение гитлеровцев о якобы неспособности советских войск успешно наступать против вермахта в летний период;

…операция уточнила ряд теоретических положений о наступательной операции и показала много нового для улучшения организации войск и более выгодного их прменения при наступлении;

…операция имела ценный опыт для последующих операций по организации и вводу в прорыв армейской и фронтовой подвижных групп».

И вообще: «…командование и войска приобрели ценный боевой опыт… В целом эта операция явилась определенным шагом в развитиии советского военного искусства». [340]

Освобождение одного отдельно взятого райцентра — это и есть достижение «крупной наступательной операции» двух фронтов?

Учеба Жукова, Конева, Рейтера, Федюнинского, Сандалова и

уточнение «ряда теоретических положений» стоила их войскам огромных потерь — официально 193683 человека убитыми и ранеными, т. е. 52% от всех сил, брошенных в бой. Эта цифра не берет в расчет 5-ю и 33-ю армии. Достигнутые Федюнинским и Хозиным результаты были мизерны, поэтому принято считать, что их войска в Ржевско-Сычевской операции вроде как не участвовали вовсе и потерь не понесли. На самом деле жуковские операции против ржевско-вяземского выступа являются самыми кровопролитными сражениями 1942 года, превосходящими по этому «показателю» даже Сталинград. Потери в них составляли около 8000 человек — почти дивизия — в день. По скорости расходования собственных солдат Георгий Константинович не имел себе равных, за что и чтят его на Руси великим полководцем.

В своих мемуарах, оценивая не совсем блестящие результаты наступления, Жуков попенял усопшему Сталину, что тот не дал довести дело до победного конца:

«Если бы в нашем распоряжении были одна-две армии, можно было… не только разгромить ржевскую группировку, но и всю ржевско-вяземскую группу немецких войск и значительно улучшить оперативное положение на всем Западном стратегическом направлении. К сожалению, эта реальная возможность была упущена Верховным Главнокомандованием».

Жуков умолчал о том, что он, как непосредственно ответственный за положение на Западном направлении, так увлекся схваткой с Моделем, что прохлопал удар противника на своем левом фланге. Пришлось Верховному для исправления положения дать Жукову еще 1000 танков. [341]

* * *

На самом деле сражение не закончилось 23 августа, как это считается официально. Просто командование фронта временно решило приостановить наступление на Сычевском направлении и сосредоточить усилия для удара по немецкой группировке в районе Гжати, западнее Карманово.

20— я армия должна была организовать удар в Гжатском направлении, помочь 5-й и 33-й армиям проломить оборону противника перед ними и в последующем совместно с этими армиями развернуть наступление на запад с целью ликвидировать весь ржевский выступ.

Еще 18 августа генерал Рейтер получил задачу: после очищения от немецких войск Кармановского района активными действиями части сил на Сычевском направлении за реками Вазуза и Гжать продолжать сковывать части 39-го танкового корпуса армии Моделя; тремя усиленными стрелковыми дивизиями подготовить к 1 сентября с плацдарма за рекой Гжать, юго-западнее Карманово, прорыв обороны противника и ввод в прорыв подвижной группы.

Подвижной группе под командованием генерал-лейтенанта А.А. Тюрина в составе 8-го танкового корпуса и 2-го гвардейского кавкорпуса, усиленной двумя танковыми бригадами, артиллерией и инженерными частями, приказывалось изготовиться для ввода в прорыв с рубежа Прилепы, Карманово на Гжатск для свертывания обороны противника перед 5-й армией и разгрома во взаимодействии с ней его гжатской группировки. 26 августа в состав подвижной группы были дополнительно включены 6-й танковый и 8-й гвардейский стрелковый корпуса. Планировалось, что при подходе к Гжатску группа генерала Тюрина перейдет в непосредственное подчинение командования фронта.

В течение последней недели августа войска 20-й армии частными боями улучшали начертание исходного рубежа для развертывания операции в Южном направлении. [342] Группа генерала Тюрина готовилась к выполнению задачи по наступлению на Гжатск. 6-й танковый корпус 27 августа передал свой участок на плацдарме за рекой Вазуза 251-й стрелковой дивизии и расположился рядом со 2-м гвардейским кавкорпусом в районе Подсосонье, Коротово, Васютники. 8-й гвардейский стрелковый корпус сосредоточивался в армейский резерв в леса севернее Карманово. Войска подвижной группы пополнялись людьми и материальной частью. Утром 2 сентября после короткой артподготовки войска 20-й армии пошли в атаку. Началась она успешно. В 2-дневных боях танкисты прорвали первую и вторую позиции обороны. Однако затем танковые бригады оторвались от пехоты и не смогли закрепиться на достигнутом рубеже. В то же время бригады подвергались непрерывным ударам вражеской авиации и понесли значительные потери в личном составе и материальной части. Оказавшись не в состоянии развить успех и преодолеть всю оборону противника (8-10 км), наши командиры были вынуждены 4 сентября отвести части на исходные позиции.

В последующие дни 6-й танковый корпус по приказу фронта был выведен из боя и вновь переброшен на другое направление — под Зубцов, в полосу 31-й армии. Это было вызвано тем, что к западу от города в районе Сохатино, Мартыново, Михеево

противник сосредоточил крупные резервы и начал настойчиво контратаковать в направлении Зубцова. Требовалось не только укрепить оборону советских войск на данном фронте, но и активными действиями заставить врага отказаться от попыток вернуть утраченные позиции.

К этому времени левофланговая 29-я армия Калининского фронта была передана в состав Западного. Ей вместе с 31-й армией надлежало провести наступательную операцию с целью разгрома всей ржевской группировки противника. Боевой приказ фронта требовал от них совместными ударами окружить и уничтожить

ее, освободив при этом Ржев. [343] Начало операции назначалось на 8 сентября.

6— й танковый корпус передавался в оперативное подчинение 31-й армии. К утру 8 сентября он сосредоточился в лесах южнее населенных пунктов Старый Березуй, Гнездилово, а в ночь на 9 сентября вышел на исходные позиции в районе юго-восточнее Михеево, Пулышково, Лесничено. Перед корпусом стояла задача войти в прорыв после достижения 164-й и 118-й стрелковыми дивизиями рубежа Белогурово-Черкасово, стремительно развить успех в Северо-Западном направлении и, не допуская отхода противника из Ржева на юго-запад, к исходу дня выйти в район Сбоево, Абрамцево, Турбачево.

Наступление было перенесено на 9 сентября. Оно началось на рассвете после получасовой артиллерийской подготовки. И так как стрелковым дивизиям не удалось полностью осуществить прорыв вражеской обороны, то для его завершения в то же утро в бой были введены части 6-го танкового корпуса.

Танкисты одним броском ворвались на немецкие позиции у Белогурово и Зубарево и к 10 часам овладели обеими деревнями. В тот же день войска корпуса завязали бои за Михеево. За этот небольшой, но важный в тактическом отношении населенный пункт сражались части двух танковых и мотострелковой бригад — за месяц непрерывных боев корпус потерял более половины боевых машин. Между тем немцы особенно яростно цеплялись именно за Михеево, овладение которым открывало возможность для удара на Ржев с юго-востока. Деревню Михеево танкисты взяли, а наступление в целом провалилось. Корпус Гетмана 12 сентября был выведен в резерв, ввиду больших потерь. Успехи на всех других участках оказались аналогичными.

Эти бои не удостоились названия «операции», их как бы не было вообще, хотя в них принимали участие войска пяти армий. Поэтому наши потери неизвестны. [344]

Впрочем, зная «закон Жукова», подсчитать несложно: нужно 8

тысяч бойцов умножить на количество дней.

На Козельском направлении

В середине августа немцы начали наступление из района западнее Волхова на Калугу, пытаясь ослабить удар советских войск в районе Ржева. Замысел операции «Смерч» сводился к глубокому прорыву обороны 16-й и 61-й советских армий и развитию в дальнейшем успеха в направлении на Сухиничи, чтобы выйти затем в район западнее Юхнова и поставить этим под угрозу все левое крыло Западного фронта. Для проведения этой операции привлекалось 11 дивизий, в том числе 9-я и 11-я танковые и 25-я моторизованная, имевшие до 400 боевых машин. Широко использовалась авиация.

11 августа соединения 2-й танковой армии внезапным ударом прорвали оборону на стыке 16-й и 61-й армий и вклинились на узком участке на 35-40 км, выйдя к реке Жиздра на участке Восты, Белокамень. Три стрелковые дивизии генерала Белова оказались отрезанными от основных сил. Одновременно другая группировка немецких войск нанесла удар на участке левофланговой 322-й стрелковой дивизии 16-й армии Баграмяна, оборонявшей рубеж по реке Россета. Немцы стремились выйти к реке Жиздра и сомкнуться со своей основной ударной группировкой, действовавшей против армии Белова.

Генерал Баграмян ввел в дело армейские резервы, но все же противнику удалось выйти к Жиздре на участке Гретня, Восты. 322-я дивизия потерпела значительный урон, но окружения избежала, отступив за реку.

Как только обозначились масштабы и возможные цели, преследуемые германским командованием, Баграмян отдал два распоряжения:

— 10-му танковому корпусу генерала В.Г. Буркова было приказано совершить марш из района Сухиничей и сосредоточиться к утру 12 августа на северном берегу Жиздры за левым флангом армии в готовности к нанесению контрудара в Южном направлении, навстречу танковым дивизиям противника, прорвавшим оборону 61-й армии. [345]

— 5-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора Е.П. Короткова после сдачи своего участка обороны соседям и 31-й гвардейской стрелковой дивизии, находившейся до этого в армейском резерве, должен был совершить ночной марш и к тому

же сроку сосредоточиться на северном берегу Жиздры в районе Алешинки. За левым крылом армии располагался 1-й гвардейский кавалерийский корпус.

Выйдя к Жиздре, немцы на протяжении нескольких дней стремились форсировать ее и развить успех в направлении Сухиничей. Ценой больших потерь им удалось крупными силами при поддержке танков форсировать реку в районе населенного пункта Глинная, проникнуть на узком участке в лес, что южнее Алешинки, и выйти на ближайшие подступы к этому населенному пункту. Но здесь германская мотопехота была остановлена мощным огнем крупнокалиберных орудий армейской артиллерийской бригады, а контратаками 146-й танковой бригады и частей 11-й гвардейской стрелковой дивизии отброшена в глубь леса. При попытке возобновить наступление на Алешинку танковые дивизии противника потерпели тяжелое поражение от контрудара вовремя подоспевшего из резерва фронта 9-го танкового корпуса генерал-майора А.В. Куркина.

Одновременно другая немецкая группировка стремилась прорваться из района Гретый на северо-запад в общем направлении на Сухиничи, но огнем и контратаками наших войск была отброшена в исходное положение. Это стало кульминационным моментом. Войска 16-й армии выстояли и заставили врага прекратить наступление и перейти к обороне. [346]

Упорной обороной и контрударами 3, 9 и 10-го танковых корпусов и стрелковых соединений наступление противника к 18 августа было остановлено. Немцы по теряли до 10 тыс. человек убитыми и свыше 200 танков и отказались от дальнейших планов наступления.

* * *

В ходе оборонительных боев командование Западного фронта, по приказу Ставки, подготовило наступательную операцию с целью разгрома группировки противника, прорвавшейся в глубину советской обороны. Решающая роль в операции отводилась 3-й танковой армии под командованием генерал-лейтенанта П.Л. Романенко, которая получила приказ нанести удар из района южнее Козельска в направлении Вейко, Старица.

Армия была сформирована в мае — июне 1942 года в районе

Плавска в составе 12-го и 15-го танковых корпусов и 179-й отдельной танковой бригады, 154-й и 264-й стрелковых дивизий, 62-го гвардейского минометного полка, истребительно-противотанкового артполка и зенитно-артиллерийского полка. Кроме того, перед началом операции в армию вошли 1-я гвардейская Московская Пролетарская мотострелковая дивизия, 3 артполка РГК, 2 гвардейских минометных полка, 2 истребительно-противотанковых, 5 зенитно-артиллерийских полков, 5 дивизионов РС, а также 3-й танковый корпус, имевший к этому времени 78 танков и 2 артиллерийских полка.

Вольно же Жукову воевать: на правом фланге у него почти 1400 танков, на левом — еще 1000.

Замысел операции состоял в том, чтобы ударом 16-й армии с севера, а 3-й танковой и 61-й армиями с северо-востока окружить и уничтожить противника в междуречье Россеты, Жиздры и Вытебети. Командование войсками левого крыла Западного фронта было возложено на генерала Романенко, которого 15 августа Ставка ВГК назначила по совместительству заместителем командующего Западным фронтом.

Наступление намечалось на 19 августа. Но к этому времени из-за обильных дождей и неорганизованной работы железной дороги войска Романенко не успели сосредоточиться в указанном районе, поэтому начало наступления откладывалось несколько раз. Переброска людей и техники закончилась к исходу 21 августа, а грузов — только к исходу 24 августа. Медлительность перегруппировки соединений и частей, а также и их сосредоточения использовал противник. Его авиация стала наносить массированные удары по выдвигавшимся эшелонам армии и районам ее сосредточения. Германское командование получило возможность как следует «подготовиться к встрече».

Получив данные о сосредоточении 3-й танковой армии в районе Козельска, наступавшие на этом направлении немецкие войска в ночь на 19 августа на рубеже Кричина, Кумово, Сметские Выселки, Озерна, Леоново перешли к позиционной обороне. Непосредственно в полосе наступления танковой армии оборонялись части 26-й и 56-й пехотных дивизий, усиленные танковыми подразделениями 11-й танковой дивизии, главные силы которой находились в резерве. Используя выгодные условия местности — лесные массивы, перелески, высоты, овраги и заболоченные участки, германская пехота создала сильную оборону, прикрыв ее минными полями, а местами и проволочными заграждениями.

Внезапность была утрачена, и советским войскам предстояло прорывать подготовленную оборону противника. По прибытии в

район Козельска 13-я и 17-я мотострелковые бригады танковых корпусов заняли позиции на южном фасе Козельского укрепленного района, прикрывая выгрузку и сосредоточение главных сил армии. 12-й танковый корпус генерал-майора С.И. Богданова сосредоточивался в районе Красного Клина, 15-й танковый корпус под командованием генерал-майора В.А. Копцова — в районе Городка, 179-я танковая бригада — в лесу в 2 км восточнее Козельска. [348]

Замысел генерала Романенко состоял в том, чтобы силами стрелковых дивизий прорвать оборону противника на 8-километровом участке, форсировать реку Вытебеть и захватить плацдарм на ее западном берегу, после этого ввести в прорыв танковые корпуса и развить наступление в глубину.

Для наступления были созданы три группы войск: правая в составе 3-го танкового корпуса, 324-й стрелковой дивизии и 105-й стрелковой бригады под общим командованием генерала Д.К. Мостовенко; центральная под командованием генерала Копцова в составе 15-го танкового корпуса и 154-й стрелковой дивизии, усиленных двумя гвардейскими минометными полками, истребительно-противотанковым полком и понтонно-мостовым батальоном; левая под командованием генерала Богданова в составе 12-го танкового корпуса и 264-й стрелковой дивизии, усиленных гвардейским минометным полком и понтонно-мостовым батальоном. Во втором эшелоне находилась 1-я гвардейская мотострелковая дивизия, а в резерве — 179-я танковая бригада и части усиления.

Группа войск Копцова получила задачу наступать в направлении Мешалкино, Мызин, Марьино, Белый Верх с ближайшей задачей разгромить противостоящего противника, форсировать Вытебеть и захватить плацдарм на ее западном берегу. В дальнейшем группа должна была во взаимодействии с северной группой 61-й армии и ударной группой 16-й армии окружить и уничтожить противника в районе Тростянка, Перестряж, Белый Верх. Группа войск Богданова получила приказ наступать в направлении Озерна, Тоськова, Сорокине, Обухове, Старица. Ближайшая задача противника, форсировать Вытебеть, в дальнейшем во взаимодействии с группой Копцова окружить и уничтожить немцев в районе Мединцеве, Старица. Фактически обеим ударным группам в полосе предстоящего удара противостояла только 26-я пехотная дивизия. 3-й танковый корпус наносил удар во взаимодействии с войсками Баграмяна на Куманово, Волосово.

1— я гвардейская мотострелковая дивизия должна была наступать за группой войск Богданова и, после того как 264-я

стрелковая дивизия овладеет Сорокино, вступить в бой из-за ее левого фланга и наступать на Красногорье, обеспечивая главные силы армии от ударов противника с юга.

Всего в полосе 3-й танковой армии против двух немецких пехотных дивизий было сосредоточено 60852 человека, 512 танков и 168 бронемашин, 861 орудие и миномет, 72 установки РС.

Утром 22 августа после артиллерийской и авиационной подготовки 16-я, 61-я общевойсковые и 3-я танковая армии перешли в наступление. Стрелковые дивизии, наступавшие в первом эшелоне, сравнительно легко овладели первой позицией, но на второй линии встретили упорное сопротивление, и темп продвижения резко замедлился. Стало ясно, что одним стрелковым дивизиям не под силу прорвать оборону и создать условия для ввода в прорыв танковых войск.

Для наращивания их удара по приказу Жукова в сражение были брошены танковые корпуса. Соединения 12-го танкового корпуса обогнали боевые порядки 264-й стрелковой дивизии полковника Н.М. Маковчука и атакой с ходу овладели Госьковой — крупным узлом сопротивления противника. Здесь корпус вынужден был остановиться, чтобы отразить контратаки противника, поддержанные активными действиями авиации, причем «гитлеровских самолетов было так много, что они буквально охотились за одиночными автомашинами, танками и мелкими группами бойцов». Бои на этом направлении приняли затяжной характер.

В 12 часов поступило донесение о том, что 3-й танковый корпус овладел Сметскими Выселками и успешно продвигается на запад. Учитывая, что продвижение на главном направлении приостановилось, командующий фронтом приказал перебросить сюда 15-й танковый корпус, а также ввести в бой 1-ю гвардейскую мотострелковую дивизию и развить успех. [350] Пролетарской дивизией командовал генерал-майор В.А. Ревякин — человек больших «военных дарований», бывший комендант Москвы, тот самый, который предлагал в октябре 1941 года посыпать улицы столицы взрывчаткой, чтобы на ней взрывались немецкие танки.

15— му танковому корпусу было приказано наступать на Слободку, Белый Верх, а мотострелковой дивизии-на Сметскую, Жуково. Перегруппировавшись, корпус Копцова повел наступление на запад, но был сразу же остановлен противником. Танкисты ввязались в затяжные бои, медленно преодолевая лесные завалы и минные поля.

154— я и 264-я стрелковые дивизии и 12-й танковый корпус, овладев Озеренским,.Озерной и Госьковой, вели упорные бои

южнее этих населенных пунктов. Южная группа 61-й армии успеха вовсе не имела. В течение 23-25 августа советские войска медленно продвигались, преодолевая упорное сопротивление противника.

Только к исходу 25 августа 15-й танковый корпус, 1-я мотострелковая и один полк 154-й стрелковой дивизии очистили от врага леса восточнее Вытебети и вышли к реке. Однако форсировать ее не удалось. 12-й танковый корпус, 154-я и 264-я стрелковые дивизии, наступавшие на левом фланге, существенного успеха в эти дни не имели. Лишь на отдельных направлениях им удалось продвинуться на глубину до 1-1,5 км. Южная группа войск 61-й армии, как и в первый день наступления, успеха также не имела. Главной причиной медленного наступления наших войск и в эти дни было господство вражеской авиации.

Чтобы сломить сопротивление 26-й пехотной дивизии, генерал Романенко в ночь на 26 августа приказал вывести из боя и перегруппировать 15-й танковый корпус из района Жуково в леса 3 км западнее Мызина, а затем совместно со 154-й стрелковой дивизией нанести удар на Сорокино и во взаимодействии с 12-м танковым корпусом овладеть этим населенным пунктом. [351]

Совершив 15-километровый марш, корпус Копцова на рассвете 26 августа перешел в наступление. Но и здесь успеха не добился, так как на его пути находился лесной массив, не позволивший развернуться в боевой порядок и маневрировать на поле боя. Успеха не имели также 12-й танковый корпус и 264-я стрелковая дивизия, так как против них германское командование бросило главные силы 11-й танковой дивизии, а также подошедшую из глубины 20-ю танковую дивизию, которые стремились овладеть Госьковой. Для отражения удара была введена в бой 179-я танковая бригада комбрига С.Я. Денисова.

К исходу 27 августа все контратаки противника с юга были отражены 12-м танковым корпусом, 264-й стрелковой дивизией, 179-й танковой бригадой и южной группой 61-й армии. Поэтому в ночь на 28 августа 15-й танковый корпус из района Мызина был перегруппирован в район Пакома с задачей совместно с 12-й гвардейской стрелковой дивизией сломить сопротивление врага в районе Леоново, а затем развить успех в направлении населенного пункта Уколицы и выйти в тыл группировке противника, оказавшей сопротивление 154-й и 264-й стрелковым дивизиям и 12-му танковому корпусу в районе Богдановка и Госькова. Корпусу Богданова было приказано наступать на Богдановку, Сорокино, а 264-й стрелковой дивизии на Марковку,

Сорокино.

Во второй половине дня 28 августа 15-й танковый корпус, имея в первом эшелоне все бригады, после 30-минутной артподготовки и ударов штурмовой авиации без разведки местности и противника перешел в наступление. Но сразу же наткнулся на сплошной противотанковый ров, прикрытый минными полями и огнем артиллерии, и вынужден был остановиться. В ночь на 29 августа саперы и мотострелки в противотанковом рве проделали проходы, и на рассвете наступление корпуса возобновилось. Но через 200-300 м бойцы наткнулись на второй такой же противотанковый ров. [352]

В течение дня танкисты вели огневой бой с противником, но преодолеть ров не смогли.

В ночь на 30 августа 15-й танковый корпус был выведен из боя и к утру сосредточился в лесу 1 км южнее Мешалкино в готовности совместно с 12-м танковым корпусом и 264-й стрелковой дивизией утром 30 августа нанести удар в Юго-Западном направлении и овладеть населенным пунктом Сорокино.

Однако к этому времени 12-й танковый корпус понес большие потери в личном составе и танках и практически потерял боеспособность. 3-й и 10-й танковые корпуса находились еще в худшем состоянии. Существенные потери понесла и 264-я стрелковая дивизия. Требовалось время для приведения в порядок 15-го танкового корпуса. По этим причинам наступление 30 августа не состоялось. К этому времени советские войска потеряли 34,5 тыс. убитыми и ранеными, а также около 500 танков.

30 августа наступала только 195-я танковая бригада полковника С.В. Леки из корпуса Копцова. Ей была поставлена задача нанести удар в Юго-Западном направлении и помочь вырваться из окружения двум батальонам 156-й стрелковой дивизии 61-й армии. К исходу дня бригада успешно выполнила поставленную задачу.

В то время как главные силы 3-й танковой армии пытались прорваться к деревне Сорокино, группа войск генерала Мостовенко форсировала реку Вытебеть и завязала бои за Волосово.

В связи с неудачным наступлением танковой армии на главном направлении и наметившимся успехом на правом фланге, в конце дня 30 августа командующий фронтом приказал на левом фланге перейти к обороне, основные силы Романенко перегруппировать на правый фланг, форсировать Вытебеть, овладеть рубежом Волосово, Перестряж, Белый Верх и во

взаимодействии с ударной группировкой 16-й армии, наступающей с севера, уничтожить противника в районе Колосово, Глинная, Белый Верх. [353] На основе этого приказа командующий танковой армией решил перегруппировать к Кумово 15-й танковый корпус и 264-ю стрелковую дивизию, а 12-й танковый корпус, понесший большие потери, вывести в резерв.

Войскам армии были поставлены следующие задачи: 3-му танковому корпусу и 342-й дивизии овладеть населенным пунктом Волосово и наступать на Тростянку; 264-й стрелковой и 1-й гвардейской мотострелковой дивизиям форсировать Вытебеть, овладеть поселками Ожигово, Жуково, Слободка и наступать на Перестряж и Белый Верх; 15-му танковому корпусу войти в прорыв и овладеть Перестряжем; 154-й стрелковой дивизии удерживать занимаемый рубеж, прикрывая левый фланг армии. Наступление назначалось утром 2 сентября. К этому времени в армии в строю находился 181 танк.

День 2 сентября выдался солнечным. Обнаружив перегруппировку главных сил танковой армии, немецкая авиация стала наносить непрерывные массированные удары. Поэтому советские войска перешли в наступление только в 13 часов. Сломив сопротивление противника, 3-й танковый корпус совместно с 342-й стрелковой дивизией к исходу 3 сентября овладел Волосово, а 1-я гвардейская мотострелковая дивизия форсировала Вытебеть и освободила Жуково.

Наиболее ожесточенные бои развернулись на направлении главного удара в районе Ожигово. В связи с тем что 264-я стрелковая дивизия не была своевременно сменена стрелковыми частями 61-й армии, в наступлении 2 сентября участвовал только один ее полк, который не смог сломить сопротивление врага, форсировать реку, овладеть Ожигово и создать 15-му танковому корпусу условия для ввода в прорыв. Поэтому в середине дня комкор ввел в бой 17-ю мотострелковую бригаду и 2 моторизованных батальона автоматчиков. После короткой артподготовки они форсировали реку и к исходу дня овладели Ожигово.

3 сентября через Вытебеть переправилась 195-я танковая бригада и устремилась на Перестряж. [354] Однако овладеть им не смогла, так как наткнулась на большой овраг, который прикрывался огнем немецкой противотанковой артиллерии, а вскоре противник атаковал танками с левого фланга. Хотя контратаку удалось отбить, наступление 195-й танковой бригады приостановилось. Не смогли развить успех на запад и остальные войска 3-й танковой армии, а также и ударная группа 16-й армии, наступавшая с севера.

Вечером 3 сентября из-за отсутствия танков в резерв Ставки был выведен 3-й танковый корпус. Поэтому с подходом в район Ожигово главных сил 254-й стрелковой дивизии 113-я танковая бригада полковника А.С. Свиридова и 17-я мотострелковая бригада 15-го танкового корпуса 4 сентября были перегруппированы в район Волосово, получив задачу совместно с 342-й стрелковой дивизией наступать на Тростянку.

В течение последующих пяти суток советские войска несколько раз пытались возобновить наступление, но из-за упорного сопротивления противника, недостатка сил и средств, а также нехватки боеприпасов успеха не имели. В принципе наши войска в эти дни не столько наступали, сколько отражали контратаки подошедших 9-й и 17-й танковых дивизий противника.

10 сентября советские войска перешли к обороне, а 3-я танковая армия, передав 1-ю мотострелковую дивизию и части усиления Белову и Баграмяну, была выведена в резерв.

В результате, потеряв практически все танки и около 60 тыс. человек убитыми и ранеными, советские войска продвинулись на 8-10 км. Окружить и разгромить им никого не удалось. Немецкие потери были оценены в 5 тыс. убитыми и 12 тыс. ранеными, более 80 танков и САУ, 150 орудий.

Наступление велось в условиях господства в воздухе германской авиации и в исключительно тяжелых условиях местности. Советские военачальники не имели не только данных разведки, но, судя по всему, и топографических карт. А может, не умели или не считали нужным ими пользоваться. [355] Во всяком случае танковые бригады вновь вынуждены были вести бои в невыгодных условиях лесисто-болотистой местности. Сосредоточение войск перед операцией сильно затянулось, зато удары наносились практически без подготовки.

Штабы армий и корпусов вместо управления войсками посредством кратких боевых распоряжений по телефону или радио увлекались разработкой письменных боевых приказов и тем самым поглощали время, так необходимое войскам для подготовки к боевым действиям. Отсутствовало взаимодействие между танковыми и стрелковыми частями. Удары по противнику наносились, как правило, в лоб, вместо того чтобы осуществлять обходы и охваты узлов сопротивления. Все это позволяло немцам свободно маневрировать своими силами и успешно отражать атаки.

В особенно трудном положении оказался 15-й танковый корпус, которому пришлось в ходе операции 4 раза перегруппировываться из одного района в другой в поисках

слабого места в обороне противника. И, как правило, каждый раз от него требовалось перейти в наступление немедленно. По этим причинам бригады шли в атаку неорганизованно, без разведки противника на местности. Итоги боев показали, что войскам не хватало умения вести высокоманевренные боевые действия.

Сказывался и общий низкий уровень подготовки экипажей. Например, советские танки могли либо двигаться, либо стрелять, а совмещать эти два процесса у наших танкистов пока не получалось. Поэтому на вопрос Сталина: «Стреляют танкисты с ходу?», — первый гвардейский танкист страны генерал Катуков простодушно ответствовал, нет, мол, не стреляют: «Меткость с ходу плохая, и снаряды жалеем». То есть стреляют с места, а затем прут на оборону противника без ведения огня.

Многочисленные эпизоды сталинских «уроков» со своими генералами просто умиляют:

«Сталин остановился, помотрел на меня в упор и заговорил четко, разделяя паузами каждое слово: [356]

— Скажите, товарищ Катуков, пожалуйста, во время атаки бить по немецким батареям надо? Надо. И кому в первую очередь? Конечно, танкистам, котрым вражеские пушки мешают двигаться вперед. Пусть даже ваши снаряды не попадают прямо в пушки противника, а рвутся неподалеку. Как в такой обстановке будут стрелять немцы?

— Конечно, меткость огня у противника снизится.

— Вот это и нужно,-подхватил Сталин. — Стреляйте с ходу, снаряды дадим, теперь у вас будут снаряды».

Маршал Баграмян высоко оценил результаты операции:

«Активные боевые действия советских войск на Западном фронте, в которых приняло участие большое ко личество танков, оказали значительное влияние на ход оборонительных сражений наших войск под Сталинградом и на Северном Кавказе. Несмотря на огромную потребность в резервах для наступления на юге, германское командование вынуждено было держать на центральном участке фронта значительные силы».

Но ведь для ведения наступательных операций требуется гораздо больше сил и средств, чем для организации обороны. Советский контрудар под Козельском отражали две танковые, три пехотные и одна моторизованная дивизии. Западный фронт задействовал для его нанесения войска трех армий — восемнадцать танковых бригад, одну мотострелковую и десять стрелковых дивизий, пять мотострелковых и одну стрелковую бригаду, части РГК и реактивную артиллерию.

Недаром генерал Гальдер о ходе операции по спрямлению линии фронта 2-й танковой армии сделал 22 августа следующую

запись:

«…наступление по плану „Смерч“ из разряда решающих переводится в категорию сковывающих. Уже понимают (командование группы „Центр“. — *Авт.)*, что достигнуть ничего не удастся, но думают, что нельзя отказываться от сковы-вания здесь крупных сил противника».

Так кто же кого сковывал? [357]

* * *

Лишь в сентябре 1942 года, что характерно, новый командующий Западным фронтом — генерал-полковник Конев — разрешил своим войскам рыть траншеи, «одобрил и рекомендовал для практического руководства». Но просто рекомендовать было недостаточно. На втором году войны выяснилось, что многие командиры пехотных частей, воспитанные на самой передовой военной науке, могли с криком «За Родину, за Сталина» идти впереди наступавших цепей, но

«не умели как следует привязывать траншеи к местности, так что бы они обеспечивали хорошее наблюдение и обстрел впереди лежащих участков, не могли правильно использовать естественные препятствия для усиления противотанковой обороны. Не все гладко было с расположением и привязкой к местности основных огневых точек, не ладилось с маскировкой».

Всему надо было учиться заново. Тогда же была впервые составлена инструкция по инженерному оборудованию траншейной обороны. Конев утвердил ее 13 октября 1942 года.

А уже 10 октября была получена директива на продолжение Ржевско-Сычевской наступательной операции.

Битва за нефть

Никакое окружение, никакое бегство, никакие несчастья и неудачи так не деморализуют солдата, как бездарное руководство.

Генерал П.В. Севастьянов

В начале июля 1942 года германские войска вышли к Дону на всем его протяжении, от Воронежа до устья, за исключением большой излучины западнее Сталинграда. Ход операции «Блау» первоначально оправдывал возлагавшиеся на нее ожидания. [358] Гитлер снова пришел ко мнению, что русские — на пределе своих сил и уже ввели в бой последние резервы. Это противоречило оценкам отдела иностранных армий Востока, который, наоборот, пришел к выводу, что:

«Людской потенциал Красной Армии в 1942 г., предположительно, не будет настолько ослаблен, чтобы вероятным стало ее военное поражение».

Но фюрер, с самого начала нацеливавшийся на нефтяные месторождения Кавказа, проявлял нетерпение. Желание как можно скорее добраться до вожделенной нефти толкнуло Гитлера на опрометчивый шаг. Он принял решение изменить план всей кампании, что в конечном итоге

«потребовало еще больших расходов драгоценного горючего и привело к потере не менее драгоценного времени».

Основополагающим пунктом операции «Блау» являлось стремительное наступление групп армий «А» и «Б» на Сталинград и окружение отступающих войск Тимошенко. Вслед за этим должно было начаться наступление на Ростов с общим направлением на Кавказ. Однако Гитлер так торопился захватить грозненскую и бакинскую нефть, что решил провести обе операции одновременно. Естественно, это не позволило обеспечить достаточную концентрацию войск. Вопреки советам Гальдера, фюрер перенацелил обе танковые армии на Южное направление и забрал у Паул юса 40-й танковый корпус, что, в свою очередь, не могло не сказаться на темпах продвижения 6-й армии к Сталинграду. Из подвижных соединений в ней осталась только одна моторизованная дивизия. Гитлер опасался, что, бросив основные силы на Сталинград, он нанесет удар по пустому месту и будет терять зря драгоценное летнее время.

Разногласия с начальником генерального штаба сухопутных сил, раздосадованного превращением поэтапной операции в два

одновременных удара, стали совершенно невыносимыми, когда фюрер стал отбрасывать любые советы и неоднократно по своему произволу заменять группировку войск их переброской.

Генерал— полковник Гальдер 23 июля записал в своем дневнике:

«…все еще имеющаяся недооценка вражеских возможностей принимает гротескные формы и становится опасной… О серьезной работе не может быть и речи. Болезненное реагирование на мгновенные впечатления и подчеркивание одних только недостатков в оценке руководящего аппарата и его возможностей — вот то, что определяет характер этого так называемого руководства».

Типпельскирх охарактеризовал новый стиль работы верховного командования следующим образом: [360]

«Гитлер с 1933-го не знал неудач. Мысль о том, что такое положение может когда-нибудь кончиться, что чужая воля окажется сильнее, чем его, была непостижимой и невыносимой для этого человека, который постепенно сжился с мифом о своей непогрешимости, „сомнамбулически“ следовал своей интуиции и которого льстивая пропаганда подняла до „величайшего полководца всех времен“… Всякая добровольная уступка была для него равносильна потере власти и престижа, подчинению чужой силе, следовательно, никаких уступок не могло быть… Не будет ошибкой искать в этом болезненно эгоцентрическом настроении Гитлера ключ к пониманию его руководства операциями в последующие годы.

Неизбежным следствием подобного ведения войны было такое использование живой силы и техники, которое намного превышало их возможности (курсив наш, — Авт.)».

В подписанной в тот же день директиве № 45 «О продолжении операции „Брауншвейг“ верховный главнокомандующий вооруженными силами и командующий сухопутными войсками Адольф Гитлер утвердил свое новое стратегическое решение: вместо первоначально предусмотренных эшелонированных операций он приказал провести 2 одновременных наступления по расходящимся направлениям — к Волге и на Кавказ. Генералу Паулюсу было приказано взять Сталинград, после чего повернуть на юг и развивать наступление вдоль Волги к Астрахани и дальше, вплоть до Каспийского моря. Группа армий „А“ под командованием фельдмаршала Листа должна была оккупировать восточное побережье Черного моря и захватить Кавказ.

Войска получали новые задачи, новые сроки и никаких подкреплений. Более того, посчитав, что имеющихся сил вполне

достаточно для окончательного разгрома русских на южном крыле, фюрер направил 11-ю армию Манштейна под Ленинград с задачей установить связь с финнами, овладеть городом «и сровнять его с землей». [361] Две моторизованные дивизии СС из состава группы армий «А» перебросил во Францию («Адольф Гитлер») и в группу армий «Центр» («Великая Германия»), две танковые дивизии из группы «Б» (9-ю и 11-ю) — в группу армий «Центр». Всего к концу июля с главного направления было снято 11 немецких дивизий, в том числе 2 танковые и 2 моторизованные.

Если 28 июня в составе группы армий «Юг» на фронте протяженностью 800 км было сосредоточено 68 немецких дивизий и 26 дивизий союзников, то к 1 августа для выполнения новых задач имелось 57 немецких и 36 союзных дивизий. Линия фронта на этот момент составляла уже около 1200 км. Номинально общее число соединений осталось неизменным, однако сами немцы вполне резонно считали боевую мощь итальянской, румынской или венгерской дивизии равной примерно 1/2 по сравнению с дивизией вермахта. Этим силам предстояло теперь захватить и удерживать полосу в 4100 км. Не говоря о трудностях подвоза и снабжения, которые должны были вследствие этого возникнуть,*стратегическая цель уже никоим образом не соответствовала наличным средствам.*

«23 июля, — сетует генерал Дёрр, — по-видимому, можно считать днем, когда главное командование германской армии ясно показало, что оно не следует классическим законам ведения войны и вступило на новый путь, который был в большей степени продиктован ему своеволием и нелогичностью Гитлера, чем рациональным реалистическим образом мыслей солдата… одних лишь перебоев с подвозом горючего (протяженность германских коммуникаций с выходом к Дону достигла 2500 км. — *Авт.)* было бы достаточно для срыва планов главного командования».

Сам замысел операции по директиве от 23 июля стал для вермахта роковым.

* * *

Как уже упоминалось, для наступления на Кавказ немецкое командование выделило группу армий «А». [362] Теперь в ее состав входила 1-я танковая армия генерал-полковника Эвальда фон Клейста, 4-я танковая армия генерал-полковника Германа

Гота, 17-я армия генерал-полковника Рихарда Руоффа, 3-я румынская армия генерала Петре Думитреску. К началу нового наступления в группе имелось 40 дивизий: 18 пехотных, 4 танковые, 3 моторизованные, 6 горнострелковых, 3 легкопехотные, 4 кавалерийские и 2 охранные. Румынские дивизии входили в состав германских объединений: 4 дивизии — в армию Гота, 3 — в подчинении Руоффа. Всего в распоряжении генерал-фельдмаршала Листа, по советским данным, имелось 167 тыс. солдат и офицеров, 1130 танков, 4540 орудий и минометов, до 1000 самолетов 4-го воздушного флота.

Цифры эти довольно спорны. Реально в боевых действиях на Кавказе приняли участие только 3 танковые дивизии — 3, 13 и 23-я. Что касается авиации, то здесь имеет место несложная манипуляция. Если мы возьмем описания боев на Сталинградском направлении, то увидим все те же 1000 самолетов 4-го воздушного флота. Что же, у генерал-полковника фон Рихтгофена 2000 самолетов? Нет, просто на всем протяжении советско-германского фронта от Балтийского до Черного морей в 1942 году действовали два из пяти германских воздушных флотов — 1-й и 4-й. Последний имел в своем составе 2 авиакорпуса и обеспечивал боевые действия на южном крыле от Орла до Ростова.

Историк самсоновской школы сравнивает количество самолетов всего 4-го воздушного флота с авиацией одного из советских фронтов, после чего авторитетно заявляет, что противник превосходил нас в авиации под Сталинградом более чем в 2 раза, а на Кавказе почти в 8 раз. Тогда как в действительности на Южном направлении с советской стороны летом и осенью 1942 года сражались летчики 2, 4, 5, 8,15,16 и 17-й воздушных армий, не считая авиацию ПВО, дальнего действия и Черноморского флота. Кто же виноват, что «эксперты» Рихтгофена успевали бить их всех. [363]

Что касается, в частности, Кавказа, то здесь к началу битвы в 4-й воздушной армии генерала Вершинина оставалось 130 исправных самолетов, в 5-й воздушной армии генерала Горюнова — 135, в ВВС Черноморского флота их насчитывалось 216, в ВВС Закавказского фронта — 409 боевых самолетов. Кроме того, в запасных авиаполках и авиационных школах имелось еще около 800 машин, из них 125 истребителей, 107 бомбардировщиков и 568 учебных самолетов. На Сталинградском направлении в это же время действовало около 700 советских самолетов. Сюда можно добавить и 8 авиадивизий Воронежского фронта. Вот теперь можно сравнивать.

Существуют еще показатели производства. По советским

данным, в мае 1942 года противоборствующие стороны на советско-германском фронте имели примерно равное количество самолетов — 3400. Германская военная промышленность в течение года выпустила 15409 машин, из которых на Восточный фронт было направлено менее половины. Советские авиационные заводы выдали в 1942 году 25436 самолетов. Официальная «История Великой Отечественной войны» с гордостью сообщает (есть чем гордиться), что

«советские Военно-Воздушные Силы получали ежемесячно в среднем 2260 самолетов (полтора-два германских воздушных флота в месяц. — *Авт.)*… По своим качествам новые советские самолеты не уступали немецким».

Так в чем же дело? А дело в том, что оружием еще надо уметь пользоваться. Если же не умеешь, то приходится сочинять истории о том, что у врага техники очень много, а у нас мало и устаревшей конструкции, что летчики, танкисты, артиллеристы, пехотинцы у них опытные, а мы еще не научились и, вообще, гранаты были «не того калибра». Напоследок арифметическая задачка: в мае в Красной Армии числилось 3855 самолетов, заводы производили по 2260 машин в месяц, к концу 1942 года остаток — 4544 самолета. Что бы это значило? [364]

Кроме того, немецкие силы на Кавказе неуклонно сокращались в связи с переброской все новых частей на Сталинградское направление. Генерал Клейст, сменивший Листа на посту командующего группой армий «А», утверждал позже:

«Мы могли бы достичь нашей цели, если бы мою армию не растаскивали по частям для поддержки войск, наступавших на Сталинград. Помимо некоторых моторизованных частей, мне пришлось передать корпус зенитной артиллерии и все военно-воздушные силы, за исключением разведывательных эскадрилий (курсив наш. — *Авт.)*».

Ближайшей задачей группы армий «А» было окружение и уничтожение советских войск, отошедших за Дон, южнее и юго-восточнее Ростова. Для этого немцы намеревались использовать ударные группировки танковых и моторизованных войск, которые должны были наступать с плацдармов в районах Константиновской, Цимлянской в общем направлении наТихорецк, а также пехотные дивизии — от Ростова. [365]

После захвата Северного Кавказа, согласно плану «Эдельвейс», намечалось обойти Главный Кавказский хребет с запада и востока, 17-й армии предстояло выйти к побережью Черного моря, овладеть Новороссийском и Туапсе. Кроме того, в Крыму готовилась к форсированию Керченского пролива 3-я румынская горно-пехотная дивизия генерала Фильчинеску, чтобы

нанести затем удар вдоль дороги, проходящей по Черноморскому побережью на юго-восток. Другая группировка имела задачу захватить Грозный и Махачкалу, частью сил перерезать Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги. Конечной целью на этом направлении являлся Баку. Одновременно с обходным маневром намечалось преодолеть Кавказский хребет в его центральной части по перевалам и выйти в районы Тбилиси, Кутаиси и Сухуми.

С выходом в Закавказье немцы захватывали последние базы Черноморского флота, устанавливали непосредственную связь с турецкой армией. В дальнейшем Гитлер надеялся вовлечь Турцию в войну на стороне Третьего рейха, а также создать условия для вторжения на Ближний и Средний Восток (при ином раскладе имелся план оккупации Турции — удобного плацдарма для переброски войск в Сирию и Ирак). Германское командование намечало также в сентябре, после прорыва Терского рубежа, развернуть военно-морские операции на Каспийском море с целью нарушения коммуникаций противника.

* * *

Советские войска, прикрывавшие Кавказское направление, занимали к 25 июля 1942 года следующее положение: по левому берегу Дона от Верхне-Курмоярской до устья реки оборонялись войска Южного фронта под командованием генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского. Общая ширина полосы обороны составляла 320 км. В составе фронта имелось 6 армий, но это были разбитые армии. [366]

Отошедшая за Дон 37-я армия генерал-майора П.М. Козлова держала оборону по южному берегу от Константиновки до Богаевской, в ней насчитывалось 17 тыс. бойцов. В ходе отступления армия потеряла всю свою артиллерию.

12— я армия генерал-майора А.А. Гречко в составе трех стрелковых дивизий (по 1300-1600 штыков в каждой) оборонялась на фронте шириной 40 км, от Белянина до Кизитеринки.

18— я армия генерал-лейтенанта Ф.В. Камкова в составе трех стрелковых дивизий и одной бригады (около 20 тыс. человек) вела оборонительные бои на фронте шириной 50 км, от Кизитеринки до устья Дона.

56— я армия, которой командовал генерал-майор А.И. Рыжов, имела 5 стрелковых дивизий и 3 стрелковые бригады, общей

численностью около 18 тыс человек. Эта армия после боев под Ростовом выводилась во второй эшелон. 24-я и 9-я армии, объединившие остатки 11 дивизий, были небоеспособны и отводились в районе Сальска за реку Егорлык для доукомплектования.

На правом крыле от Верхне-Курмоярской до Константиновской в полосе 171 км оборонялась 51-я армия Северо-Кавказского фронта, которой командовал генерал-майор Т.К. Коломиец. Она насчитывала 40 тыс. человек в четырех стрелковых и двух кавалерийских дивизиях и вела бои с группами противника, захватившими небольшие плацдармы на левом берегу Дона в районе Цимлянской и Николаевской.

Резерв фронта составляли стрелковая и кавалерийская дивизии, сосредоточенные в полосе 37-й армии.

Всего под командованием генерала Малиновского имелось 112 тыс. человек, 2160 орудий и минометов, 121 танк. Соотношение сил для обороняющейся стороны не самое безнадежное (уже выдвигаются новые резервы), если бы она умела организовывать оборону. Армии снова были растянуты в нитку без вторых эшелонов и резервов. [367] Кроме того, вышеприведенные цифры взяты из профильтрованной Институтом марксизма-леиинзма «Истории Второй мировой войны», в которой таким способом доказывается, что «противник достиг значительного превосходства над войсками Южного фронта: в личном составе — в 1,5 раза…». Однако в российском сборнике «Гриф секретности снят» указывается, что к началу операции у Малиновского было 300 тыс. человек.

Перед Южным фронтом стояла задача ликвидировать прорвавшегося на левый берег Дона противника и, восстановив положение, прочно удерживать занятые рубежи. К моменту отхода войск Южного фронта на левый берег создалось весьма напряженное положение с материально-техническим обеспечением войск. Поспешное отступление потребовало срочной эвакуации материальных ценностей из угрожаемых районов. Железнодорожные пути были забиты эшелонами. По грунтовым дорогам от Дона до Кубани двигалось огромное количество автомобильного и гужевого транспорта, угоняемого скота, беженцев. Это в большой мере осложняло нормальное снабжение действующей армии, в которой остро ощущался недостаток боеприпасов и горючего.

Северо— Кавказский фронт к тому времени занимал оборону от устья Дона по восточному берегу Азовского моря, Керченского пролива и по побережью Черного моря до Лазаревской. В его состав входили, кроме 51-й, 47-я армия генерал-майора Г.П.

Котова, 1-й отдельный стрелковый корпус, 17-й Кубанский кавалерийский корпус. Последний являлся добровольческим формированием, основу его составляли казаки непризывного возраста, т. е. старше 50 лет. Войскам фронта, насчитывавшим 216 тыс. бойцов и командиров, приказывалось прикрывать побережье, не допустить форсирования противником Керченского пролива.

Черноморскому флоту и Азовской флотилии надлежало поддерживать свои наземные войска и воспрепятствовать высадкам морских десантов врага. [368]

Флот выделил для наземных операций 87 тыс. бойцов морской пехоты и береговой охраны. Войска Закавказского фронта под командованием генерала армии И.В. Тюленева обороняли Черноморское побережье от Лазаревской до Батуми и далее по советско-турецкой границе. Часть сил фронта находилась в Северном Иране.

Оборона Кавказа с севера была подготовлена слабо. То, что об этом до лета 1942 года не задумывались, понятно — никто и вообразить себе не мог германские дивизии на берегах Дона и Волги. Но и после ясно обозначившейся угрозы сделано было немного. Правда, Военный совет СКВО еще 16 июня принял решение создать оборонительные рубежи между Доном и Кубанью, по Тереку, на Таманском полуострове, по побережью Черного и Азовского морей, но выполнить эти работы смогли менее чем на треть. То, что все-таки удалось сделать, по качеству исполнения нельзя было назвать полноценными оборонительными рубежами — они не были прикрыты инженерными заграждениями, полностью отсутствовала маскировка. Обсуждались грандиозные планы создания нескольких полос заграждений на глубину 100 км на наиболее вероятных направлениях действий противника, но на обсуждениях все и закончилось.

По свидетельству бывшего командарма-12 маршала Гречко:

«Командующим армиями и командирам отдельного стрелкового и 17-го кавалерийского корпусов приказывалось подготовить к взрыву все сооружения на дорогах, многие участки полотна дорог, установить минные поля, подготовить районы для затопления и заболачивания, к разрушению — военные объекты и железнодорожные узлы; перед передним краем главной оборонительной полосы и тыловых оборонительных рубежей создать сплошные полосы всех видов заграждений глубиной 6-8 км, оставив в них подготовленные к заграждению проходы для своих войск.*Однако все эти планы в большей части не были выполнены» (курсив наш. — Авт.)*». [369]

Месяц спустя, уяснив, что немцы вполне серьезно рвутся на юг, вопросами обороны Северного Кавказа озаботилась и советская Ставка. 19 июля Генеральный штаб отбил телеграмму маршалу Буденному:

«По данным Генштаба, — оборонительные сооружения и организация работ по укреплению Азовского, Черноморского побережий и южного берега р. Дон имеют ряд существенных недостатков, а командование некоторых частей и соединений фронта преступно халатно относится к организации обороны занимаемых ими участков. Так, например, участок обороны 113 сбр за два месяца проверяли девять комиссий и все отмечали одни и те же недостатки. Такое положение свидетельствует также об отсутствии должного руководства оборонительными работами со стороны штаба фронта».

Итогом бурной деятельности штабов, управлений оборонного строительства, саперной армии в составе восьми саперных бригад и 19 строительных батальонов был нуль — никаких рубежей, ни главных, ни тыловых, никаких заграждений, никакого минирования военных объектов. На рубеже Дона также ничего не было сделано. Более-менее окопалась 51-я армия генерал-майора Т.К. Коломийца.

* * *

Имеющий преимущество обязан атаковать: фельдмаршал Лист не собирался сбавлять темп. 25 июля германские войска начали наступление с плацдармов в нижнем течении Дона. 1-я танковая армия и 40-й танковый корпус армии Гота наносили главный удар на Сальск, Ворошиловск, а 17-я армия — на Краснодар. В один день оборона Южного фронта была взломана по всей полосе, сутки спустя немецкие подвижные соединения продвинулись на глубину до 80 км. Прорыв в район Сальска давал возможность танковой группировке Клейста выйти в тыл основным силам Малиновского, находившимся южнее Ростова. [370]

27 июля начальник оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск генерал Хойзингер указывал начальнику штаба группы армий «А» генералу Грайффенбергу:

«Из предмостного укрепления Ростова не нажимать слишком сильно на юг, чтобы не принудить противника к отступлению прежде, чем он будет окружен продвигающимся вперед левым

флангом группы армий».

Командование Южного фронта в целях улучшения оперативного положения решило отвести в ночь на 28 июля войска левого крыла на рубеж, проходивший по южному берегу реки Кагальник и Манычскому каналу. Однако планомерного отступления не получилось, дивизии не сумели оторваться от противника и организованно отойти на указанные рубежи. Маневр окончательно дезорганизовал управление войсками, нарушилась связь, по степи вновь носились порученцы.

К концу дня 28 июля фронта уже не было, между советскими армиями образовались большие разрывы, войска оказались неспособными сдержать натиск противника и продолжали откатываться на юг. На ряде участков отступление превратилось в бегство, населенные пункты оставлялись врагу без сопротивления. В дивизиях 12, 18 и 37-й армий оставалось по 500-800 штыков. В 56, 9 и 24-й армиях — только штабы и спецчасти.

Выход германских танковых и моторизованных соединений в Задонские и Сальские степи и на степные просторы Краснодарского края создал непосредственную угрозу их прорыва в глубь Кавказа. С целью объединить усилия всех войск на этом направлении Ставка решением от 28 июля образовала из войск Южного и Северо-Кавказского фронтов единый — Северо-Кавказский под командованием маршала С.М. Буденного, подчинив ему же Черноморский флот и Азовскую военную флотилию.

Семен Михайлович тоже был тяжел на руку, но, имея старорежимные привычки, офицерам морду не бил. [371] Правда, 59-летний участник русско-японской войны и «прославленный герой» войны гражданской, окончивший в 1932 году Военную академию имени Фрунзе «без отрыва от служебных обязанностей», о «войне моторов» имел самое смутное представление. Хрущев оставил воспоминания о посещении маршалом штаба Юго-Западного фронта:

«…он заслушал обстановку, заслушал командующего войсками и начальника оперотдела штаба Баграмяна. Его беседа с Баграмяном произвела на меня тяжелое впечатление. Я ее хорошо запомнил и до сих пор не могу забыть. Дело было после обеда. Будённый слушал Баграмяна, который докладывал об обстановке. Баграмян — очень четкий человек, доложил все, как есть, о всех войсках, которые у нас тогда были: их расположение, обстановку. Тут Буденный насел на Баграмяна. Отчего, не знаю конкретно… Помню только, что закончился разбор обстановки такими словами: „Что же это у вас такое? Вы не знаете своих войск“. —

„Как не знаю, я же вам доложил, товарищ маршал“, — отвечает Баграмян. „Вот я слушаю вас, смотрю на вас и считаю — расстрелять вас надо. Расстрелять за такое дело“, — этаким писклявым голосом говорит Семен Михаилович. Баграмян: „Зачем же, Семен Михайлович, меня расстреливать? Если я не гожусь начальником оперативного отдела, вы дайте мне дивизию. Я полковник, могу командовать дивизией. А какая польза от того, что меня расстреляют?“ Буденный же в грубой форме уговаривал Баграмяна, чтобы он согласился на расстрел. Ну, конечно, Баграмян никак не мог согласиться. Я был даже удивлен, почему Семен Михайлович так упорно добивался „согласия“ Баграмяна… Семен Михайлович уехал, а мы остались в прежнем тяжелом положении, которое после его приезда не улучшилось и не ухудшилось».

* * *

Во вновь созданном фронте насчитывалось 23 стрелковые, 5 кавалерийских дивизий и 9 стрелковых бригад. Им ставилась задача разгромить (!) и отбросить врага, во что бы то ни стало вернуть Батайск и восстановить положение по южному берегу Дона. [372] Чтобы улучшить управление войсками, командующий фронтом приказом от 28 июля разделил войска на две оперативные группы: Донскую на правом крыле и Приморскую на левом крыле фронта.

Донская оперативная группа, которую возглавил Малиновский, в составе 51,37 и 12-й армий прикрывала Ставропольское направление. Приморская группа генерала Я.Т. Черевиченко в составе 18, 56 и 47-й армий 1-го стрелкового и 17-го кавалерийского корпусов прикрывала Краснодарское направление и Таманский полуостров.

Однако издание приказов не могло в один миг превратить разбитые войска в боеспособные дивизии. В Донской оперативной группе по-прежнему ощущалась острая нехватка боеприпасов. Большинство войсковой артиллерии и артиллерии усиления находилось в движении, взаимодействие между общевойсковыми командирами и артиллерийскими начальниками из-за нарушения связи практически отсутствовало. Бронетанковые войска группы состояли из пяти танковых бригад, трех отдельных танковых батальонов и 14-го танкового корпуса. Не так давно это было почти 500 танков, теперь — 15 боевых машин.

Боевые действия войск Донской группы поддерживала 4-я воздушная армия под командованием генерал-лейтенанта К.А. Вершинина, которая имела в то время 130 исправных самолетов. Перед авиацией была поставлена задача: прикрыть отход наземных войск, бомбардировочными и штурмовыми ударами максимально задержать наступление противника и снизить темпы его продвижения. Штаб Вершинина не имел устойчивой связи со штабом фронта и штабами общевойсковых армий. Поэтому действовала авиация самостоятельно, по собственному разумению с «учетом обеспечения выполнения общей задачи».

Оборона войск Донской группы была организована слабо и не подготовлена в инженерном отношении, чем занималась у Буденного 8-я саперная армия — неизвестно. [373] На ряде участков пехота уже и сама была бы рада оборудовать для себя окопы и другие оборонительные сооружения, но не могла этого сделать из-за отсутствия шанцевого инструмента. Противотанковые мины не завезли. Тыловые части, самые «мобильные» при отступлении, далеко оторвались от своих армий и потеряли с ними связь, оставив войска почти без боеприпасов, горючего и продовольствия. Управление дивизиями тоже не стало лучше, по-прежнему не была организована устойчивая связь, а также взаимодействие, наземная и воздушная разведка.

В таких условиях войскам, казалось бы, надо поставить простую и конкретную задачу. И маршал Буденный ее поставил: 29 июля армиям Донской группы прекратить отступление, перейти к обороне, а с утра 30 июля силами левофланговых частей 51-й армии и двух едва поспевавших к сроку резервных танковых бригад нанести контрудар (?!) в направлении на Николаевскую, Константиновскую. В общем, какая-то логика в этом есть — лопат все равно не завезли. Руководство группой войск, наносивших контрудар, возлагалось на генерал-майора Б.А. Погребова. К исходу 29 июля 115-я кавалерийская дивизия и 135-я танковая бригада заняли исходное положение для наступления в районе Большой и Малой Мартыновки. Время начала атаки было назначено на 7.00 следующего дня.

Немцы не знали, что за двое суток наши войска прошли такую мощную реорганизацию, и как ни в чем не бывало продолжали развивать операцию «Эдельвейс». 30 июля за несколько минут до советского наступления в Большую Мартыновку ворвались танки 40-го корпуса. Они разметали имевшиеся у генерала Погребова подразделения и его штаб, обезглавив управление войсками группы, которая так и не успела перейти в наступление. К вечеру войска 51-й советской армии оказались отрезанными от основных сил фронта, разрыв составил

около 65 км. [374] Связь между штабом армии и штабами группы и фронта нарушилась. В этой обстановке Ставка ВГК 31 июля передала 51-ю армию в состав Сталинградского фронта. Столь же легко противник разрезал фронт на стыке 37-й и 12-й армий.

Наступление вермахта на Кавказе развивалось настолько успешно, что именно в эти дни Гитлер решил перебросить 4-ю танковую армию (без 40-го корпуса) на Сталинградское направление, где Паулюсу все еще не удалось захватить город. Эта непоследовательность в дальнейшем немцам обойдется дорого. По мнению Дёрра:

«Если в противоречившем действительной обстановке плане операции от 23 июля еще можно обнаружить главную группировку (группа армий „А“ в составе трех армий и группа армий „Б“ в составе только одной немецкой армии), то в новом приказе Гитлера от 30 июля последние остатки оперативной концепции были выброшены за борт.*Две равные по численности группы армий под прямым углом продвигались к целям, не имевшим между собой ничего общего (курсив наш. — Авт.)*, так как если ставилась задача овладения Кавказом, не нужно было стремиться к захвату Сталинграда, а если задача стояла в овладении Сталинградом, то не нужно было проводить наступление на Кавказ».

«Это была одна из самых неудачных идей, осенивших Гитлера», — записал А. Верт, который был, кстати, еще и полковником британской армии.

У фельдмаршала Листа стало на 8 дивизий меньше и именно на левом, ударном фланге. Пока это его не беспокоило.

С утра 2 августа немцы продолжили наступление на Сальск и к концу дня вышли на рубеж Пролетарская, Сальск, Белая Глина. С этого рубежа 1-я танковая армия стала быстро продвигаться двумя танковыми корпусами: 57-й корпус наносил удар на Кропоткин, а 40-й корпус — на Ворошиловск. Чтобы избежать окружения войск Донской группы, 3 августа Военный совет фронта отдал приказ на отход. [375]

37— я армия, прикрываясь арьергардами, отступала в Юго-Восточном направлении на Ворошиловск, который был сдан 5 августа. 12-я армия с боями отходила за реку Кубань в сторону Армавира и к исходу 5 августа переправилась на левый берег. К этому времени армия потеряла связь со штабом Донской группы и распоряжением командующего фронтом была включена в состав Приморской группы войск.

После захвата Ворошиловска танковый корпус фон Швеппенбурга развил активные действия на рубеже Невинномысск — Минеральные Воды — Георгиевск. На этом

закончилась оборонительная операция Донской оперативной группы, от которой остались лишь разрозненные и деморализованные подразделения генерала Козлова.

Валентин Пикуль пишет:

«…это было, пожалуй, стихийное бегство массы людей, облаченных в воинскую форму, и вся эта орава (иначе не скажешь) драпала на Кавказ, а в Ессентуках заградотрядам пришлось даже отбивать „атаки“ на винные склады, на элеватор и консервный завод».

В Ессентуках в одном из госпиталей находился на излечении политрук Плотников, выживший после крымской эпопеи, успевший вновь побывать на передовой и получить еще порцию железа:

«В половине первого ночи 10 августа 1942 года всех разбудили и сказали, что фашисты у Минеральных Вод, в любую минуту могут быть здесь. Нам возвратили партийные документы, отдали истории болезней, направления на дальнейшее лечение в глубоком советском тылу.

Ходячие больные отправились самостоятельно (пешком) в сторону Нальчика — прямо в госпитальных пижамах. Тысячи людей и повозок запрудили шоссе.

Я присоединился к Ивану Кравченко (он ходил на костылях) и к Василию Ванину (у него правая рука в гипсе). У меня забинтована голова и рука на косынке. Километров через шесть снова ухудшилось зрение, поэтому держался за здоровую руку Василия. [376] Добрели до Нальчика, там посоветовали ехать дальше. В тамбуре доехали до Махачкалы».

Трудно себе представить, но наш герой таким образом самостоятельно (!) в больничной пижаме (!) через Каспийское море, Красноводск, Алма-Ату, Ташкент, Оренбург и Челябинск добрался до «глубокого советского тыла» — Свердловска, где получил, наконец, медицинскую помощь.

* *

Не менее тяжелая обстановка сложилась для советских войск на левом крыле Северо-Кавказского фронта. Здесь основной удар армии Руоффа приняли на себя ослабленные 18-я и 56-я армии. Наиболее боеспособные, свежие, полностью укомлектованные войска группы Черевиченко размещались на второстепенных участках. Так, 47-я армия находилась на Таманском полуострове в ожидании вражеского морского десанта, а части 1-го отдельного стрелкового корпуса — 417-я дивизия и 4 стрелковые бригады — передислоцировались для занятия Краснодарского оборонительного обвода. Из танковых частей имелась Майкопская танковая бригада, приданная 17-му кавалерийскому корпусу, и 126-й отдельный танковый батальон в составе 47-й армии. Боевые действия войск группы обеспечивала 5-я воздушная армия генерал-лейтенанта С.К. Горюнова. К этому времени армия имела 135 исправных самолетов разных типов.

Общее состояние дел в Приморской группе мало отличалось от положения в Донской группе: оборонительные рубежи подготовлены не были, работа тыла дезорганизована. Большие усилия прилагались для оборудования на побережье Азовского и Черного морей опорных пунктов, укреплений и узлов сопротивления. В районах Азова, Ейска, Новороссийска, на Таманском полуострове было возведено почти полторы тысячи огневых точек, но все это великолепие ориентировалось в сторону моря. [377] Подступы к предгорьям Главного Кавказского хребта с севера в инженерном отношении не укреплялись, города Армавир, Майкоп и другие, реки Кубань, Лаба, Белая к обороне подготовлены не были.

К моменту ликвидации Южного фронта, лишенные управления части 18-й армии Камкова беспорядочно отступали, не оказывая противнику сколь-либо серьезного сопротивления.

«При отходе от Ростова очень часто нарушалось управление войсками, — вспоминает генерал Провалов. — Штабы некоторых наших объединений теряли связь с подчиненными дивизиями и не имели полного представления о складывающейся обстановке. Такое случалось и у нас в 18-й армии. Изредка появляющиеся из штаба командиры связи привозили лишь боевые распоряжения о занятии того или иного рубежа обороны. Где противник, сколько его, как дела у соседей? Спросишь нарочного, а он тоже почти ничего не знает.Неорганизованности, за которую приходилось расплачиваться кровью, было предостаточно».

29 июля противник передовыми частями форсировал реку

Кагальник в районе Новобатайска и продолжал развивать наступление в Южном и Юго-Восточном направлениях, стремясь выйти в глубокий тыл нашим частям, действовавшим на Кущевском направлении и Таманском полуострове.

В этих условиях бравый командующий Северо-Кавказским фронтом приказал именно войскам 18-й армии 30 июля нанести контрудар и во взаимодействии с 12-й армией и 17-м казачьим корпусом, который должен был наступать на Батайск, восстановить положение на Дону. Штабу 56-й армии предписывалось отойти за Кубань и организовать оборону по южному берегу реки и на Краснодарском обводе.

Однако командование 18-й армии было не в состоянии управлять своими войсками, а 17-й кавкорпус получил приказ штаба фронта с большим опозданием: контрудар не состоялся. Армия Камкова продолжала беспорядочно отходить. Положение войск Приморской группы стремительно ухудшалось. [378]

Армавир и Майкоп

Не сумев окружить армии Северо-Кавказского фронта между Доном и Кубанью и установив их отход за Кубань, командование группы армий «А» решило изменить направление главного удара. Основные силы 1-й танковой армии — две танковые, три моторизованные и одна легкопехотная дивизии — поворачивались на юго-запад на Армавир и Майкоп с задачей во взоимодействии с 17-й армией, наступавшей на Краснодар, прорваться к побережью Черного моря в районе Туапсе, окружить и уничтожить советские войска. На Грозненском направлении оставлялся лишь один танковый корпус Швеппенбурга.

5 августа генерал Клейст ввел в разрыв между 12-й и 37-й советскими армиями 13-ю танковую дивизию и дивизию СС «Викинг». На следующий день они форсировали Кубань, овладели Армавиром и продолжали наступление на Майкоп. На этом направлении шести германским дивизиям противостояли соединения 12-й армии и 1-го особого стрелкового корпуса. Маршал Гречко утверждает, что оказал врагу «жестокое сопротивление», однако немецкий источник меланхолично отмечает, что 13-я танковая дивизия «почти без боев продвинулась до Майкопа», при этом следует учесть, что танкистам генерал-майора Герра по пути пришлось трижды форсировать водные преграды.

Одновременно армия Руоффа нанесла удар на Краснодар. Оборонявшаяся на Краснодарском обводе 56-я армия к этому времени имела 93 орудия и 203 миномета. Снарядов в армии было 0,2-0,4 боекомплекта. Некоторые артиллерийские части оказались и вовсе без боеприпасов. [379]

9 августа Краснодар пал, день спустя части Клейста захватили Майкоп, а это уже первая нефть, к которой Гитлер так стремился. Начальник генерального штаба итальянской армии маршал Кавальеро в эти дни записал в своем дневнике:

«За армиями Листа следуют 10 тысяч специалистов и квалифицированных специалистов, которые должны после взятия Майкопа восстановить нефтяные скважины. Согласно подсчетам для того, чтобы снова пустить их в эксплуатацию, потребуется от 4 до 5 месяцев».

На деле потребовалось гораздо меньше времени. Хотя запасы нефти и бензина были русскими заблаговременно вывезены, буровые скважины забиты, демонтированное оборудование удалось эвакуировать лишь частично, а минирование таких стратегически важных объектов, какими являются нефтяные промыслы, вовсе не производилось. Так что фюрер получил все это во вполне приличном состоянии и уже через месяц начал качать майкопское «черное золото».

10 августа Ставка Верховного Главнокомандования указала маршалу Буденному:

«В связи с создавшейся обстановкой самым основным и опасным для Северо-Кавказского фронта и Черноморского побережья в данный момент является направление от Майкопа на Туапсе. Выходом противника в район Туапсе 47-я армия и все войска фронта, находящиеся в районе Краснодара, окажутся отрезанными и попадут в плен… ни в коем случае, под вашу личную ответственность, не пропустить противника к Туапсе».

Таким образом, Ставка категорически потребовала перекрыть пути выхода противника к морю.

Для этой цели предполагалось использовать силы 18-й армии и 17-го Кубанского корпуса. Одновременно 12-й армии была поставлена задача обеспечить стык 18-й и 56-й армий. 47-я армия перемещалась в район Новороссийска, оставляя Таманский полуостров морской пехоте. Кораблями Черноморского флота из Закавказья перебрасывались 236-я и 32-я гвардейские дивизии, с задачей занять дорогу от Майкопа на Туапсе. [380]

Между тем противник продолжал наступление двумя ударными группами: силами 16-й моторизованной и 101-й легкопехотной дивизий наАпшеронский, Нефтегорск и силами 13-й танковой, 97-й легкопехотной дивизий и дивизии СС

«Викинг» на Кабардинскую, Хадыженскую, пытаясь окружить войска 18-й армии.

12 августа немцы захватили Белореченскую. Здесь вела тяжелые бои 383-я стрелковая дивизия генерала Провалова, справа от нее оборонялись 31-я стрелковая и 9-я дивизия НКВД, слева 17-й кавалерийский корпус — 12,13,15 и 116-я дивизии. Германские части форсировали Лабу восточнее Белореченской на участке кубанцев и прорвались в район Хадыженской. По этому поводу Военный совет Северо-Кавказского фронта отмечал в своем постановлении:

«1. Прорыв противника в районе Хадыженская произошел исключительно по вине командования 17-го кавалерийского корпуса генерал-майора Кириченко и… полкового комиссара Очкина…

2. В течение 12-16.8.42 г. командование 17-го кавалерийского корпуса не выполнило ряд задач: а) допустило прорыв противника на участке Ханское, Великое;

б) не уничтожило противника в районе Гурийское, Кабардинская, несмотря на полученные указания дваджы;

в) на протяжении двух дней 17-й кавалерийский корпус топтался на месте и не вел решительных действий по уничтожению противника в районе Тверская, Хадыженская; г) командование корпуса неоднократно меняло место расположения своего штаба без разрешения штаба фронта, отрываясь от войск до 50 км, что приводило к потере управления войсками и связи со штабом фронта.

3. Командование 18-й армии, генерал-лейтенант Камков, член Военного совета бригадный комиссар Кузьмин, не приняло решительных мер по усилению обороны Хадыженской и в течение двух дней не нанесло решительного уцара по противнику, занявшему Хадыженскую».[381]

Сопротивление советских войск, регулярно подпитываемых резервами, нарастало. По данным штаба группы армий «А», потери в личном составе с начала операции «Эдельвейс» составили около 54 тыс. солдат и офицеров, из них более 10 тыс. за последние 10 дней. К середине августа наступление немецких войск застопорилось на рубеже Самурайская — Хадыженская — Ключевая — Смоленская.

В это время у немцев возникли первые трудности со снабжением, которые затем «стали хроническими и постепенно превратились в настоящее бедствие… Коммуникации настолько удлинились, что автоколонны, подвозившие горючее, сами расходовали в пути большую часть своего груза», в качестве «бензовозов» приходилось использовать верблюдов. Войска

генералов Клейста и Руоффа продвинулись на 100-120 км, но поставленных целей не достигли. Почти все силы фельдмаршала Листа оказались скованными в полосе Приморской группы, а ведь надо было еще непременно взять Баку.

За это время войска Закавказского фронта заняли оборону по рекам Терек, Баксан и на перевалах Главного Кавказского хребта, прикрыв направления Грозный, Баку и Орджоникидзе, Тбилиси.

Перед штурмом Кавказа

Закавказский военный округ, которым с января 1942 года командовал генерал армии И.В. Тюленев, 1 мая был вторично преобразован во фронт.

В июне фронт имел в своем составе 44, 45 и 46-ю армии, 17 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии, 3 стрелковые и 3 танковые бригады, 12 артиллерийских и 5ми-нометных полков, 12 зенитно-артиллерийских полков и 12 бронепоездов. На вооружений соединений фронта имелось 746 минометов (82 и 120 мм), 926 орудий, 220 танков. [382] С приближением опасности к Кавказу с запада, со стороны Донбасса и Дона, советская Ставка развернула часть войск Закавказского фронта в сторону этой новой угрозы.

16 июля штаб Тюленева направил в Генеральный штаб «План обороны Закавказья с севера», которым предусматривалось создание нескольких рубежей обороны. Первый и главный рубеж должен был проходить по реке Терек от побережья Каспийского моря до Майского, затем на юг по реке Урух до Главного Кавказского хребта и далее по хребту до побережья Черного моря в районе Лазаревской. В устье Терека велись работы по подготовке к затоплению этого района.

С 1 по 12 августа Ставка произвела перегруппировку войск Закавказского фронта. Одновременно из резерва Ставки были выделены 2 гвардейских стрелковых корпуса (10-й и 11-й) и в течение августа еще 11 стрелковых бригад. Перевозка этих войск осуществлялась через Астрахань, а потом по Каспийскому морю в Махачкалу и далее по железной дороге. С советско-турецкой границы и побережья Черного моря на рубеж Терек — Урух были переброшены пять стрелковых дивизий, три стрелковые и одна танковая бригада, три артиллерийских полка, бронепоезд и несколько других частей.

От устья Терека до Червленной оборона поручалась 44-й

армии под командованием генерал-майора А. А. Хрящева (со 2 августа — генерал-майора Петрова), войска которой выдвигались на указанные рубежи из района Махачкала, Баку. Армия имела в своем составе 6 стрелковых дивизий. От Червленной до Майского и далее по реку Урух оборона поручалась войскам армейской группы под командованием генерал-лейтенанта В.Н. Курдюмова в составе четырех стрелковых дивизий и 11-го гвардейского корпуса (вскоре эти войска приняло в свое подчинение управление 9-й армии). Особое внимание обращалось на прикрытие подступов к Грозному, Орджоникидзе, Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогам. [383]

Оборона Главного Кавказского хребта от Мамисонского перевала до побережья Черного моря возлагалась на войска 46-й армии, которой командовал генерал-майор В.Ф. Сергацков.

Второй оборонительный рубеж создавался по реке Сулак. Его занимала 116-я стрелковая дивизия. Кроме того, в глубине создавался оборонительный рубеж от Махачкалы до Буйнакска и тыловые рубежи по реке Самур в районе Дербентских ворот. Для обороны крупных административных и промышленных центров формировались оборонительные районы, основу войск в них составляли дивизии НКВД.

45— я армия генерал-лейтенанта Ф.Н. Ремезова и 15-й кавалерийский корпус прикрывали государственную границу с Турцией и коммуникации в Иране.

Оторванность войск, защищавших Грозный и Баку, от штаба фронта, который находился в Тбилиси, вынуждала создать — для более оперативного управления войсками — свой штаб руководства, что и было сделано. 8 августа по приказу Ставки была создана Северная группа войск Закавказского фронта, командовать которой назначили бериевского выдвиженца генерал-лейтенанта И.И. Масленникова, буквально за две недели до этого оставшегося без армии.

В группу вошли 44-я и 9-я армии — всего 9 стрелковых дивизий и 3 гвардейские стрелковые бригады. Резерв командующего группой составляли две стрелковые дивизии, 52-я танковая бригада, 36-й и 42-й дивизионы бронепоездов, гвардейский полк реактивной артиллерии, минометный полк. Через 3 дня из упраздненной Донской группы в подчинение Масленникова перешла 37-я армия.

Так, в первой половине августа 1942 года войска Закавказского фронта перегруппировали свои силы и организовали оборону Кавказа с севера. Особое внимание при этом уделялось надежному прикрытию Бакинских направлений и подступов к Грозному, как наиболее вероятных и доступных для

войск противника. [384]

Местность способствовала выполнению оборонительных задач. Чтобы задержать немцев перед главным оборонительным рубежом, выдвигались передовые отряды, которые, не встретив противника, вышли значительно севернее указанных им рубежей и к исходу 9 августа заняли оборону на восточном берегу Кумы.

* * *

После выхода германских войск к предгорьям западной части Главного Кавказского хребта командование группы армий «А» считало, что советские войска уже не смогут оказать серьезного сопротивления, о чем Лист доложил фюреру:

«Кажется, что противник по всему фронту выставил на передовые линии все имеющиеся в своем распоряжении силы и что после прорыва этой линии сопротивление противника будет сломлено».

В этой обстановке план немецкого командования сводился к тому, чтобы после перегруппировки приступить к непосредственному штурму Кавказа одновременно на трех направлениях.

17— я армия Руоффа получила задачу захватить побережье Черного моря от Анапы до Поти и затем наступать на Батуми и Тбилиси. Для обеспечения ее правого фланга 5-й армейский корпус под командованием генерал-лейтенанта Ветцеля силами 73-й и 9-й пехотных дивизий должен был захватить Анапу и Новороссийск и принять на себя охрану Черноморского побережья.

57— й танковый корпус, которым командовал генерал Кирхнер, силами моторизованной дивизии СС «Викинг» генерал-майора Штейнера и 1-й словацкой мотодивизии под командованием генерал-майора Туране-ца после захвата Майкопского нефтяного района должен был наступать на Туапсе и далее вдоль побережья на Сухуми, Батуми и частью сил совместно с 44-м армейским корпусом, которым командовал генерал артиллерии Де-Ангелис, на Адлер. В дальнейшем 44-му корпусу предстояло продвигаться за 57-м танковым корпусом на Тбилиси. [385]

В центре группы армий «А» действовал 49-й горнострелковый корпус генерала Конрада. Ему ставилась задача наступать через Главный Кавказский хребет на Сухуми и Кутаиси.

1— й танковой армии Клейста, наступавшей до этого наТуапсинском направлении, следовало резко повернуть на юго-восток и силами 3-го и 40-го танковых корпусов нанести удар из района Пятигорск, Прохладный на Орджоникидзе, Грозный, Махачкалу, Баку. Левый фланг армии обеспечивал 52-й армейский корпус, которым командовал генерал Отт.

В середине августа сражение должно было вспыхнуть с новой силой на всем протяжении Кавказского хребта.

На Моздокском направлении

Итак, против Северной группы войск генерала Масленникова действовала 1-я танковая армия генерала Клейста. Последний перебросил под Моздок две дивизии 40-го танкового корпуса: из района Армавира 13-ю танковую дивизию генерал-майора Герра, из района Нальчика — 3-ю танковую дивизию генерал-майора Брайта. На Моздокское направление выдвигались также 111-я пехотная дивизия генерал-майора Рюкнагеля и 370-я пехотная дивизия под командованием генерал-майора Клеппа, входившие в состав 52-го армейского корпуса. На Нальчикском направлении оставались 23-я танковая генерала фон Маккаи 2-я румынская горнострелковая дивизии. Итого: немцы собирались завоевать нефгеносные районы Грозного и Баку, имея всего б дивизий и 340 танков (в дальнейшем ожидался подход танковых и моторизованных частей из-под Сталинграда, которым следовало овладеть согласно графику). [386]

18 августа советские передовые отряды вступили в бой с частями 52-го армейского корпуса. Эти формирования в силу своей малочисленности не могли остановить подошедшую ударную групировку противника и 21 августа отошли к Моздоку, к своим главным силам. Все же действия передовых отрядов сыграли положительную роль: они заставили 1-ю танковую армию развернуться на рубеже реки Кума, помогли командованию Северной группы уточнить направление удара и подготовить войска к отражению атак.

23 августа немцы силами 3-й и 13-й танковых и 111-й пехотной дивизий перешли в наступление непосредственно на Моздок. Но здесь их встретил отряд майора Корнеева и курсанты Ростовского артиллерийского училища совместно с частями 26-й запасной стрелковой бригады. Три дня они вели ожесточенные бои, но под давлением превосходящих сил противника

вынуждены были оставить Моздок. На этот раз спецгруппа НКВД не успела грамотно заминировать нефтяные скважины и буровые вышки и взорвала их в тот момент, когда к ним приблизились немецкие мотоциклисты.

После захвата Моздока немцы пытались в первую очередь овладеть переправами через Терек и обеспечить себе исходный плацдарм для дальнейшего наступления в направлении Орджоникидзе.

25 августа начальник штаба 1-й танковой армии доносил в генеральный штаб

«о новом планировании армии на дальнейшее ведение наступления: из-за пустынной степной местности вблизи Каспийского моря между Тереком и Манычем невозможно выдвинуть сильные части. Также и вопрос снабжения водой сталкивается с колоссальными трудностями, так как будет борьба за отдельные колодцы, которые противник оставил в негодном состоянии. Поэтому наступление должно вестись с рубежа Баксан, Моздок, здесь направление главного удара.

Возможность перейти Терек под Моздоком является наиболее выгодной, так как ширина реки здесь не превышает 100 м. [387] Таким образом, под командованием командира 3-го танкового корпуса объединяется группа, состоящая из румынской горной дивизии, немецких горных частей, приданных этой дивизии, и усиленная полковой группой 23-й танковой дивизии, задачей которой будет — продвинуться западнее и южнее Терека на Орджоникидзе и отрезать военные дороги.

40— й танковый корпус с 3-й танковой дивизией и с частью сил 23-й танковой дивизии, а также вновь подчиненной 13-й танковой дивизией подготавливает наступление в районе Моздока через р. Терек, образует предмостный плацдарм и после наводки моста продвигается на Грозный.

52— й армейский корпус следует за 40-м танковым корпусом через Моздок, чтобы позднее продвигаться на Орджоникидзе.

После форсирования Терека прежде всего нужно уничтожить противника, находящегося в излучине Терека, и для этого ввести в действие достаточное количество танков для удара на Орджоникидзе».

Одновременно с наступлением на Моздок части 23-й танковой дивизии нанесли удар с севера и востока на Прохладный. Захватив его, немцы 25 августа начали наступление из этого района на юг — вдоль железной дороги Прохладный — Орджоникидзе. Однако все попытки прорвать оборону на этом участке успеха не имели. Таким образом, к исходу августа немцы, захватив Моздок и Прохладный, вышли к левому берегу рек Терек

и Баксан и приступили к подготовке удара из Моздока на Малгобек.

На этот раз Сталин со всей серьезностью воспринимал угрозу прорыва врага к Грозненскому и Бакинскому нефтяным районам и, в отличие от Гитлера, он в таких случаях не считал, что сил может быть слишком много. В районе Махачкалы была сформирована 58-я армия под командованием генерал-майора В.А. Хом-ченко, составившая второй эшелон Северной группы войск. В эту армию вошли 317, 328, 337-я стрелковые дивизии, 3-я стрелковая бригада и Махачкалинская стрелковая дивизия НКВД, 136-й артиллерийский и 1147-й гаубичный артполки. [388] В первом эшелоне группы находились 3 армии.

На левом фланге по реке Баксан оборонялась 37-я армия генерала Козлова. Армия имела в своем составе 2-ю гвардейскую, 275,392 (грузинскую), 295-ю стрелковые дивизии и 11-ю дивизию НКВД. Перед ней ставилась задача — удерживать Нальчик и не допускать противника за Баксан.

В центре по правому берегу Терека занимала оборону 9-я армия под командованием генерал-майора К.А. Коротеева. В состав армии входили 11-й гвардейский стрелковый корпус, 61, 151, 176, 389 и 417-я стрелковые дивизии и 62-я морская стрелковая бригада. Армии надлежало не допустить форсирования противником Терека.

44— я армия, которой командовал генерал Петров, в составе 223-й, 416-й азербайджанских и 414-й грузинской стрелковых, 30-й и 110-й (калмыцкой) кавалерийских дивизий, 9, 10, 60, 84 и 256-й стрелковых бригад оборонялась на правом фланге группы. Обе кавалерийские дивизии предназначались для обороны железной дороги Кизляр-Астрахань. Кроме того, для этой цели были выделены также 3 дивизиона бронепоездов, усиленные пехотными десантами и подвижными отрядами.

В резерве командующего Северной группой войск находились 10-й гвардейский стрелковый корпус, 89-я (армянская) и 347-я стрелковые дивизии, 52-я танковая бригада, 249-й и 258-й отдельные танковые батальоны, 8,44, 49 и 50-й гвардейские минометные полки и 259-й отдельный гвардейский минометный дивизион. Для действий по тылам противника с Туапсинского направления на правое крыло фронта Ставка перебросила 4-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Кириченко (бывший 17-й).

Напомню, что все это — против пяти немецких и одной румынской дивизии. Общее соотношение сил было в пользу советских войск. [389]

Однако командование Северной группы войск, несмотря на

точно выявившееся направление главного удара противника, распределило силы, и особенно артиллерию, равномерно по всему фронту. Вследствие этого на Малгобекском направлении с советской стороны в боях участвовала лишь небольшая часть стрелковых войск 9-й армии. Ее командующий, генерал Коротев, был из той же, сработанной на одной колодке, когорты советских военачальников: имел пролетарское происхождение, нигде ничему не учился, офицерское образование получил на пехотно-пулеметных курсах и был «горячим» человеком. Как вспоминает генерал армии Е.Е. Мальцев, вблизи наблюдавший работу полководца:

«Крутой стиль руководства стал прочной привычкой генерала… командарм был человеком очень эмоциональным, не в меру горячим. Получив приказ „Стоять насмерть! Ни шагу назад!“, он, бывало, часами названивал командирам дивизий: „Смотри мне, стоять насмерть! Иначе — трибунал. Ясно?“ — „Куда уж яснее“, — с заметной обреченностью в голосе отвечал обычно комдив».

Из имевшихся в Северной группе войск 2356 орудий и минометов на Малгобекском направлении в первый период операции было задействовано только 237. Таким образом, наши стратеги, зная, что главная группировка противника сосредоточена в районе Моздока, умудрились так расположить свои войска, что Клейст на направлении главного удара имел 6-кратное превосходство в артиллерии и 4-кратное в танках. Цель наступления заключалась в том, чтобы прорвать оборону советских войск на реке Терек и захватить Малгобек. Затем немцы рассчитывали танковыми соединениями прорваться между Терским и Сунженским хребтами и, наступая по долине вдоль Алхан Чуртского канала, выйти к Грозному.

31 августа Гитлер из своей ставки еще раз напомнил фельдмаршалу Листу:

«Главная задача 1-й танковой армии — уничтожение противника в излучине Терека… [390]

Всеми силами, и прежде всего подвижными, продолжать наступление на Грозный, чтобы наложить руку на район нефтепромыслов».

Утром 2 сентября немцы приступили к форсированию Терека, им удалось захватить небольшой плацдарм, но переправа основных сил была сорвана фланговой атакой 11-го гвардейского корпуса. В ночь на 4 сентября войска Клейста нанесли сильный удар из районов Предмостного и Кизляра на Вознесенское. Наступление велось группами танков (около 100 машин 3-й дивизии) с десантом на броне, поддерживаемых двумя

дивизионами штурмовых орудий. В полосе 9-й армии им удалось продвинуться на 12 км южнее Предмостного. Во второй половине дня генерал Коротеев ввел в бой 62-ю морскую стрелковую бригаду с 249-м танковым батальоном, 47-й гвардейский истребительно-противотанковый дивизион и остановил противника у подножия Терского хребта.

Большую помощь, что довольно редко услышишь в воспоминаниях о 1942 годе, советским наземным войскам оказывала в это время авиация 4-й воздушной армии, работая по неприятельским плацдармам, переправам и непосредственно над полем боя.

Главную роль в успехе оборонительной операции Северной группы войск сыграли 2 обстоятельства. Во-первых, этому способствовали условия местности: танковые группировки противника могли продвигаться только по долинам, огражденным хоть и невысокими, но крутыми горами, перерезанными ущельями, оврагами и покрытыми густым лесом; танкоопасные направления легко просчитывались. Во-вторых, неоднократно испытав горечь поражений от малочисленного, но высокопрофессионального противника, советские командиры научились-таки строить прочную эшелонированную оборону и организовывать взаимодействие между родами войск. Пример такой грамотной организации боя приводит в своих воспоминаниях маршал Гречко:

«Среди танковых боев в районе Моздока особенной ожесточенностью отличался бой в долине, длившийся десять с половиной часов… [391]

Вход в долину обороняли 52-я танковая бригада майора В.И. Филиппова, артиллеристы майора Ф. Долинского и один мотострелковый батальон. Танкам отводилась в этой обороне главная роль (долгое время само понятие «танк в обороне» считалось одной из ересей в советской военной науке. — *Авт.)*. До наступления темноты Филиппов и Долинский договорились о взаимодействии (тоже новинка, но майоры учатся быстрее генералов. — *Авт.)*. Ввиду того что вход в долину в самом узком месте не превышал 7 км, решено было создать ряд противотанковых опорных пунктов, способных к самостоятельной обороне. Эти пункты эшелонировались по долине на достаточную глубину (а генерал-лейтенант Масленников вытягивает свои войска в ниточку. — *Авт.)*. Каждый из них состоял из танковой засады, усиленной на флангах противотанковыми пушками и автоматчиками.

Первая линия ПТОПов должна была рассечь наступавшие эшелоны вражеских танков на отдельные группы и нанести им

тяжелый урон. Поэтому она была наиболее прочной. Эта линия состояла из двух танковых рот, сведенных в три засады, находившиеся в огневой связи между собой. Танки были врыты в землю и стояли в линию под углом 45 градусов к линии наступления врага. Такой боевой порядок позволил им вести одновременный огонь одинаковой силы в нескольких направлениях.

Вторая линия ПТОПов находилась от первой в двух километрах. В нее входило несколько танков КВ и противотанковых орудий.

Третью линию образовывали отдельные танки и противотанковые орудия. На этой линии предстояло добить немецкие танки. КП командира танковой бригады был в центре ПТОПов. Майор Филиппов лично просматривал всю местность. Это помогло ему в дальнейшем четко управлять действиями танков. [392] Поскольку артиллерийский батальон и отдельные орудия располагались вблизи танковых засад, майор Долинский решил находиться вместе с командиром танковой бригады. Это облегчило ему руководство огнем артиллеристов в соответствии с быстро меняющейся обстановкой (вот они — настоящие русские полководцы, майоры Филиппов и Дольников; единственный недостаток их позиции, судя по описанию, — отсутствие минных заграждений, так ведь мин не было. — *Авт.)*.

На рассвете после продолжительного артиллерийского и минометного огня по нашим боевым порядкам гитлеровцы бросили в атаку 120 танков, сотни автоматчиков-десантников и свыше полка пехоты в пешем строю. Танки двигались на предельной скорости двумя группами в 50 и 70 машин, надеясь с ходу ворваться в долину по скатам, образующим ее. В бинокль было отлично видно, что в 5-7 км от переднего края нашей обороны на дорогах скопилось большое количество артиллерии на тягачах и автомашин с немецкой пехотой. Это был второй ударный эшелон, подготовленный противником для развития успеха в глубину.

Лишь только танки врага приблизились к нашей обороне на 700-800 м, артиллерия и минометы открыли по ним сильный огонь. Первыми очередями наших пулеметчиков с фашистских танков были сметены автоматчики. Тотчас артиллерия перенесла огонь на пехоту, следовавшую в 300 м за танками. Одновременно произвели несколько точных залпов гвардейские минометы. Их снаряды разорвались в гуще фашистской пехоты. Потеряв до половины состава, фашисты стали отходить. Между тем танки продолжали упорно идти вперед, считая, видимо, что пехота их скоро догонит. Но в этот момент вражеские танки, автоматчики и

пехота находились на далеком расстоянии друг от друга. При любом физическом напряжении они не могли уже вместе ворваться на наш передний край обороны. Тем самым создалась благоприятная обстановка для разгрома врага по частям. [393]

Когда немецкие танки подошли вплотную в первой линии ПТОПов, весь огонь обрушился на них. Через минуту на поле боя уже пылали шесть немецких танков и около десяти остановились, подбитые снарядами.

Так как левая группа немецких танков (50 машин) оказалась ближе к нашим позициям, главный удар нанесли сначала по ней. Он был настолько мощным, что уцелевшие немецкие машины повернули назад. Тогда засады первой линии сосредоточили свой огонь на правой, более сильной группе (70 машин) фашистских танков. Наши танки и орудия тыловых опорных пунктов пока молчали, не обнаруживая себя.

Немецкие танкисты первой группы, наблюдавшие за разгромом левой группы танков, видимо, решили, что стоит им прорваться через наш передний край, как они выйдут на тактический простор, где отсутствуют огневые средства.

На большой скорости они помчались вперед, несмотря на то что путь их был усеян пылавшими и подбитыми машинами. Около 18 танков прорвались сквозь первую линию нашей обороны. Однако через минуту они попали под огонь новой линии ПТОПов. Поскольку прорвалась лишь группа наступавших танков, плотность огневого воздействия на каждый из них оказалась здесь даже выше, чем перед передним краем. Вскоре запылало еще семь вражеских машин и несколько повернуло назад. Четыре танка попытались проскользнуть дальше в долину. Два из них, наткнувшисьна засаду наших танков, были подбиты, остальные повернули назад.

Благодаря согласованным действиям танкистов, артиллеристов и пехотинцев, мужеству и героизму воинов к ночи на поле боя осталось 53 вражеских танка. Было подбито также 10 орудий различного калибра, уничтожено свыше 800 вражеских солдат и офицеров. Наши танкисты потеряли десять машин, пять из которых вскоре снова вступили в строй».

Классика! Именно в таких боях ковалась Победа, а не в скороспелых контрударах, которые непременно надо было наносить «немедленно» с задачей в один-два дня всех «уничтожить» и «ликвидировать». [394]

И тут же, едва остановив п ротивника, командующий Северной группой войск приказал ликвидировать вражеский плацдарм и очистить правый берег Терека. С утра 14 сентября 10-й гвардейский стрелковый корпус при поддержке специально

созданных трех армейских групп артиллерии нанес удар на Моздок с востока. На следующий день с запада и юго-запада на Предмостный перешли в наступление части 11-го гвардейского корпуса и ударная группа 37-й армии. На ряде участков контрудары совпали с атаками немецких войск и вылились в ожесточенные встречные бои. Генерал Клейст, умело маневрируя силами, сумел удержать захваченные территории и даже несколько продвинуться к предгорьям западной части Сунженского хребта. Если, стоя на месте, наши генералы уже умели организовать бой, то в движении эта организация быстро рассыпалась.

Однако добиться оперативного успеха 1-51 танковая армия так и не смогла. После десяти дней кровопролитных боев немцы вынуждены были остановиться. Упорное сопротивление и непрерывные контратаки советских войск сильно ослабили немецкие части. Особенно большие потери понесли 111-я и 370-я пехотные дивизии. Сентябрь заканчивался, а армии Клейста удалось лишь ненамного продвинуться южнее Моздока, потеряв при этом более 6000 солдат и офицеров и 180 танков.

Для усиления моздокской группировки с Туапсинского направления была переброшена дивизия СС «Викинг», которую Клейст ввел в первую линию 24 сентября. На этот раз он нацелил главный удар в Эльхотовские ворота — долину шириной 4-5 км, через которую про ходили дороги на Грозный и Орджоникидзе, Советские войска в этот момент были озабочены другими проблемами — исполнением очередной директивы Ставки об уничтожении противника южнее Терека, для чего следовало «немедленно приступить к ликвидации» и т. п. [395] Поэтому генерал Коротеев, занятый созданием своих ударных группировок на указанных направлениях, прохлопал сосредоточение группировки противника.

Немецкий удар 25 сентября был сильным и неожиданным. В этот же день передовые батальоны 13-й танковой дивизии завязали бои за Эльхотово. Но взять селение немцам удалось лишь 27 сентября. В этой обстановке командующий Северной группой войск вполне разумно предложил отказаться от наступления и временно перейти к обороне на занимаемых рубежах. Ставка утвердила это решение.

Продвинувшись всего на несколько километров, войска Клейста были вынуждены отказаться от дальнейших атак, так и не пробившись к вожделенным нефтепромыслам Грозного.

Бои за Новороссийск

Почти одновременно с ожесточенными боями Северной группы войск Закавказского фронта на Моздокском направлении войсками Северо-Кавказского фронта проводилась Новороссийская оборонительная операция. Она началась 19 августа в предгорьях западной части Главного Кавказского хребта.

После отхода к предгорьям войска маршала Буденного силами 18, 12 и 56-й армий к 17 августа закрепились на рубеже Хамышки, Самурская, Нефтегорск, Кабардинская, Дубинин, Ставропольская, Азовская.

47— я армия отошла к Новороссийску на рубеж Шапсугская, Крымская, Троицкая, Славянская, Петровская. Между 47-й и соседней с ней 56-й армией к этому времени образовался разрыв от Абинской до Азовской протяженностью около 40 км, который не был прикрыт войсками. [396]

По поводу отвода частей генерала Котова на некоторые из этих рубежей Ставка указала Буденному:

«Санкции на отвод войск фронта на рубеж Режет, ст. Навагинская, Тхамаха, Шапсугская, Верхне-Баканский не требуется, так как вы без согласия Ставки уже отвели войска на этот рубеж, что неправильно.

Нужно учесть, что рубежи отхода сами по себе не являются препятствием и ничего не дают, если их не защищают. Оборону горных рубежей нужно строить на упорных контратаках впереди основных позиций на всех подступах к этим позициям, с тем чтобы на каждом направлении создать Врагу наибольшие трудности в продвижении, изматывая его малыми и большими боями на истребление.

По всему видно, что вам не удалось еще создать надлежащего перелома в действиях войск и что там, где командный состав не охвачен паникой, войска дерутся неплохо и контратаки дают свои результаты, как это видно из действий 17-го кавкорпуса.

Вам необходимо взять войска в свои руки, заставить их драться и правильно построить оборону в предгорьях, добившись постоянного упорства в действиях всех отдельных отрядов впереди основных позиций и главных сил на основных рубежах».

Наиболее слабо оказался прикрыт Таманский полуостров. Там оборонялись незначительные части морской пехоты и тыловые подразделения военно-морских баз. Эти войска занимали оборону на широком фронте вдоль побережья Таманского полуострова фронтом на запад и по рекам Кубань и Протока фронтом на северо-восток.

Против войск Северо-Кавказского фронта была сосредоточена

17-я немецкая армия. Она имела задачу захватить Таманский полуостров, овладеть Новороссийском и далее наступать вдоль Черноморского побережья на Сухуми.

Стремясь объединить усилия войск и флота для обороны Новороссийска и Таманского полуострова, командующий фронтом 17 августа создал Новороссийский оборонительный район (НОР), в который вошли войска 47-й армии (две стрелковые дивизии и две бригады), 216-й стрелковой дивизии из состава 56-й армии, Азовская военная флотилия, Темрюкская, Керченская, Новороссийская военно-морские базы и сводная авиационная группа. [397] Командование НОР поручалось генерал-майору Г.П. Котову. Его заместителем по морской части был назначен командующий Азовской флотилией контр-адмирал С.Г. Горшков. Им была поставлена задача не допустить прорыва противника к Новороссийску как с суши, так и с моря.

Оборону с суши должна была осуществлять 47-я армия совместно с морской пехотой.

Защита базы с моря возлагалась на береговую артиллерию, корабли военно-морской базы и авиацию флота. Береговая артиллерия насчитывала 87 стволов калибра 45-152 мм. Корабельные силы состояли из двух канонерских лодок, 26 катеров охраны водного района, 17 торпедных катеров. Морская авиагруппа располагала 112 самолетами. С воздуха Новороссийск оборонял базовый район ПВО, включавший в себя 62-й истребительный авиационный полк и зенитную артиллерию — 84 орудия и 50 зенитных пулеметов.

По плану обороны Новороссийска, разработанному еще в октябре 1941 года, предусматривалось создание передового, основного и тылового рубежей, а также рубежей прикрытия и противодесантного рубежа. Передний край намечалось укрепить противотанковыми и противопехотными препятствиями. Однако после высадки советских десантов в Крыму все работы были свернуты. Лишь в июле 1942 года началось строительство оборонительных сооружений в самом городе и противодесантной обороны его побережья. Таким образом, несмотря на уже имевшийся опыт защиты Одессы и Севастополя, где заранее не была создана оборона с суши, к началу боев за Новороссийск работы по созданию сухопутной обороны вокруг города в значительной мере не удалось выполнить. [398] К 18 августа оборонительные сооружения в основном были оборудованы только на внутреннем обводе.

К исходу 19 августа войска 47-й армии занимали следующее положение: 216-я стрелковая дивизия сосредоточилась в 1-м секторе, в районе Шапсугской, и отдельные ее подразделения

занимали оборону на участке Эриванский, Семнцовский; 103-я стрелковая бригада частью сил удерживала Абинскую, а двумя батальонами оборонялась в районе Крымской, одной ротой удерживала Троицкую, и один батальон оборонялся в районе Киевского и Варениковской; сводная бригада из 14, 142 и 322-го батальонов морской пехоты оборонялась на Неберджаевском направлении — 2-й сектор; 77-я (азербайджанская) стрелковая дивизия основными силами сосредоточилась в 3-м секторе, в районе Верхне-Баканского, перевала Волчьи Ворота, Гайдук, и частью сил прикрывала Кабардинский и Неберджаевский перевалы; 144-й и 35-й батальоны морской пехоты и 40-й артдивизион Азовской флотилии занимали оборону в 4-м секторе — по реке Курка на участке Красный Октябрь, Калабатка; 83-я морская стрелковая бригада выдвигалась для обороны 5-го сектора — Крымская, Киевское; 126-й отдельный танковый батальон, имевший в своем составе 36 танков Т-26, был сосредоточен в районе Горно-Веселого. Оборона прибрежного района от Геленджика до Анапы возлагалась на Новороссийскую военно-морскую базу; Таманский полуостров должна была защищать Керченская ВМБ.

По словам Гречко, силы, выделенные германским командованием для захвата Новороссийска, превосходили силы оборонявшихся по людям в 4 раза, по орудиям и минометам в 7 раз, по танкам и самолетам в 2 раза. Правда, Гречко не указывает, какие это были силы. Но на карте прекрасно видно, что в Новороссийском направлении действовали две немецкие пехотные и три румынские кавалерийские дивизии. [399]

19 августа 9-я и 73-я немецкие пехотные дивизии начали наступление на Северскую и Абинскую. К концу дня им удалось захватить станицы Северская, Ильская, Холмская, Ахтырская и завязать бои за Абинскую. Попытки с ходу овладеть последней были отбиты частями 103-й стрелковой бригады. В тот же день против стрелковой роты 103-й бригады и подразделений 144-го батальона морской пехоты, оборонявшихся в районе Троицкой и Анастасиевской, начал атаки румынский кавалерийский корпус — 5, 6 и 9-я дивизии. Румынская конница захватила эти две станицы, но была остановлена у крупной железнодорожной станции Крымская. После этого основные силы кавкорпу-са — две дивизии — развернули наступление на Темрюк. Поддержанные артиллерией и авиацией, румыны прорвали фронт под Темрюком и двинулись на станицу Курчанская.

Для усиления подразделений, защищавших Темрюк, штаб Азовской флотилии сформировал из личного состава сторожевых кораблей и катеров батальон морской пехоты в 500 человек под

командованием майора Ц. Кунникова. Этот батальон был немедленно выдвинут к станице Курчанская. Получив небольшое подкрепление, морская пехота при огневой поддержке орудий 40-го артдивизиона, канонерских лодок «Буг», «Дон», «Днестр», № 4, монитора «Железняков» и двух речных канлодок до вечера следующего дня удерживала эту фланговую позицию передового рубежа, а затем под прикрытием огня корабельной артиллерии совершила перегруппировку на второй рубеж обороны.

Германское командование, сменив 5-ю румынскую кавалерийскую дивизию, понесшую большие потери, свежей 9-й кавдивизией, с рассветом 22 августа возобновило наступление на Темрюк. Вечером следующих суток по приказу командования защитники Темрюкской ВМБ оставили город и отошли на Таманский полуостров. [400]

На Новороссийском направлении 21 августа немцы продолжали наступать на Крымскую силами 5-го армейского корпуса из района Абинской и частью сил румынского кавкорпуса из Троицкой. В этот же день командующий 47-й армией перебросил в район Крымской 83-ю морскую стрелковую бригаду, до этого охранявшую побережье. Тем не менее к концу дня советские войска оставили Абинскую и Крымскую.

Создалась угроза прорыва противника через перевалы. В связи с этим по решению адмирала Горшкова из личного состава тыловых частей, экипажа, плавсредств флотилии и Новороссийской ВМБ были сформированы отряды морской пехоты общей численностью около одной тысячи человек и направлены на перевалы Бабича, Кабардинский, Волчьи Ворота и на дорогу Абрау-Дюрсо, где в этот период не было частей 47-й армии. Частям НОР удалось приостановить дальнейшее продвижение противника.

22 и 23 августа 103-я стрелковая бригада вела оборонительные бои на рубеже Неберджаевская, Нижне-Баканский, Горно-Веселый. Немцам удалось захватить Неберджаевскую, а затем и Нижне-Баканский. Однако попытки развить наступление вдоль шоссе Верхне-Баканский — Новороссийск были отбиты.

25 августа наступила оперативная пауза. В то же время генерал Котов решил нанести контрудар силами 77-й стрелковой дивизии на Неберджаевскую. В ходе 3-дневных боев дивизия овладела высотами южнее Неберджаевской, где и остановилась, понеся серьезные потери.

Получив кратковременную передышку, войска 47-й армии ускорили оборудование занимаемых позиций, пополнили боевые подразделения за счет личного состава тыловых частей и частей

морской пехоты. Командование Азовской флотилии укрепляло оборону Таманского полуострова. 26 августа оно создало там 3 боевых участка, обороняемых 305, 388 и 144-м батальонами морской пехоты.

Между тем противник произвел перегруппировку своих войск. [401] Перебросив с Туапсинского направления в район Крымской 125-ю пехотную дивизию 57-го танкового корпуса, немецкие войска 29 августа вновь перешли в наступление. На этот раз, отказавшись от лобовых атак, они прорывались к Новороссийску в обход с северо-запада через Натухаевскую силами 125-й пехотной дивизии генерала Фрибе и через Верхне-Баканский, где действовала 73-я пехотная дивизия. Второй удар 9-я дивизия генерала Шлейница наносила с севера — из Неберджаевской на Мефодиевский. Продвижение немецких частей шло очень медленно.

Зато части 5-й и 9-й кавалерийских дивизий румынского корпуса двумя полками мотопехоты и одним кавполком 31 августа вышли к побережью Черного моря, захватили Анапу и изолировали от основных сил 47-й армии части морской пехоты, оборонявшие Таманский полуостров. Морякам пришлось выделить часть сил для прикрытия Восточного направления, ослабив оборону побережья Керченского пролива.

Первоначально германское командование планировало переправить из Крыма на Таманский полуостров 11-ю армию, но потом было принято решение перебросить ее основные силы под Ленинград, а десантную операцию под условным наименованием «Блюхер-II» провести силами двух румынских дивизий — 19-й пехотной и 3-й горной. Позже к операции решили подключить и 46-ю немецкую пехотную дивизию, которая имела приказ высадиться на Таманский полуостров, обеспечить высадку румынских дивизий, после чего возвратиться в Крым. Операцию намечалось осуществить 10 августа. Однако этот срок пришлось перенести сначала на 15 августа, а затем на 1 сентября.

Изоляция советских частей на Таманском полуострове вынудила приступить к выводу кораблей Азовской флотилии в Черное море. Прорыв судов через Керченский пролив протекал в очень тяжелых условиях. [402] Пролив был сильно минирован, простреливался немецкой артиллерией и подвергался воздействию авиации. С 3 по 29 августа из 217 судов, направленных в Черное море, при прорыве через пролив погибли 107 катеров и вооруженных сейнеров. Кроме того, 14 кораблей были взорваны в азовских базах из-за невозможности вывести их в море.

В ночь на 2 сентября войска 46-й немецкой пехотной дивизии

и 3-й румынской горной дивизии начали форсирование Керченского пролива. Высадке пытались противодействовать береговая артиллерия, подразделения морской пехоты и авиация Черноморского флота. Вышедшие из Новороссийска в южную часть Керченского пролива торпедные катера не нашли десантные суда, так как противник действовал в северной части пролива.

К 5 сентября советские части на катерах, тральщиках и сейнерах покинули Таманский полуостров, в Новороссийск и Геленджик было вывезено около 6000 человек, которые включились в боевые порядки защитников Новороссийска.

* * *

Действия Черноморского флота в ходе войны по ряду объективных и субъективных причин оцениваются в целом как малоэффективные. Большую роль, конечно, сыграло поражение советских войск на суше. Флот лишился своих основных баз и вынужден был использовать кавказские порты Туапсе, Поти и Батуми, не оборудованные для стоянки и обеспечения военных кораблей. Негативную роль сыграло и то обстоятельство, что, обладая количественным превосходством, советская авиация уступила противнику господство в воздухе, а флотское руководство оказалась не готовым к решению задач оборонительной войны. Например, умели выставлять минные заграждения, но не умели их преодолевать и грамотно маневрировать; готовились громить конвои врага, но не отрабатывали охрану собственных. Неудовлетворительной являлась организация ПВО, управления, ведение разведки, взаимодействие с авиацией.

Кроме того, на протяжении всей советской истории отношение к военно-морскому флоту со стороны руководителей государства было дилетантским, а со стороны высшего военного руководства — пренебрежительным. Перед войной на флот не жалели денег, но о том, что с ним делать, имели слабое представление. Как вспоминает Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов, «непонимание» морского дела происходило на фоне хорошего отношения к флоту в целом». При этом

«в Генеральном штабе не было ни одного флотского представителя, который мог бы что-либо грамотно посоветовать по морским вопросам, а меня (народного комиссара Военно-Морского Флота СССР! — *Авт.)* и Главный морской штаб никто

не спрашивал…

…если в бытность Сталина все основные вопросы решались только по его указаниям, то флотские как-то особенно замкнулись на него, и не было ни одного руководителя, который бы взялся за их решение… Причины заключались в том, что флот очень дорог и вопросы его сложные. Нужно было в них детально разбираться, чтобы сознательно принимать решения, а для этого ни желания, ни времени не было. Решения Сталина по флоту никогда нельзя было предугадать, как и трудно угадать правильное решение, и поэтому часто получалась неприятность… уже в начале работы в Москве я, разбираясь с военно-морскими вопросами, обнаружил, что меня стали озадачивать некоторые его решения. Так, выслушав мой доклад, в котором я убедительно доказывал большое значение зенитного вооружения для современных кораблей, Сталин заявил, что «драться около Америки мы не собираемся», и отверг мои предложения. Зная, что от самолетов можно потонуть и в 1000 км от своих берегов, и в каких-нибудь 50 км, и в базах, я не мог признать правильными рассуждения «великого вождя»… С огорчением приходил к выводу, что Сталин не желает вникать во флотские вопросы и поэтому принимает неправильные решения… [404]

Анализируя все это длительное время работы в Москве, я пришел к глубокому убеждению, что Сталин, будучи сторонником флота, рассчитывал на него опираться в решении политических задач, но к решению задач по созданию флота практически он подходил неправильно и не всегда грамотно».

В итоге «флоты мы всячески готовили к войне, но эти приготовления не нацеливали на конкретные задачи, а без этого это еще не подготовка. Научить корабли драться*безотносительно к противнику («красные» начинают и выигрывают. — Авт.)* — это важно, но далеко еще не все», а при планировании операций, даже десантных (!), «флотским вопросам не придавалось большого значения и с моряками не только не советовались, но они даже не инфрмировались как следует».

В 1941 году на Черноморском театре военных действий у советского флота не было реальных противников, румынские корабли у наших берегов не появлялись. В мае — июне 1942 года немцы и итальянцы перебросили в Крым дюжину торпедных катеров и шесть карликовых подлодок прибрежного действия. Осенью 1943 года появились 6 немецких сумбарин второй серии, доставленных из Кильской бухты. Основным же боевым средством германского флота на Черном море стали быстроходные десантные баржи и самоходные паромы, вооруженные артустановками, бомбосбрасывателями и выполнявшие

многообразные боевые задачи. Их насчитывалось около сотни.

Количественное превосходство Черноморского флота над военно-морскими силами противника было абсолютным. Он вступил в войну, имея в своем составе 1 линкор, 5 крейсеров, 3 лидера, 13 эскадренных миноносцев (кроме того, в январе 1942 года вступил в строй эскадренный миноносец «Свободный»), 47 подводных лодок, 84 торпедных катера, 802 самолета. С началом боевых действий были мобилизованы десятки судов, переоборудованных в сторожевые корабли, канонерские лодки и тральщики.

Флот выполнял следующие основные задачи: 1. Набеговые операции с целью обстрела побережья противника и содействие своим сухопутным войскам.

Как правило, такие акции оборачивались потерями и повреждениями кораблей при минимальной их эффективности. Так, при набеге на Констанцу 26 июня 1941 года на румынском минном поле погиб лидер «Москва», а лидер «Харьков» получил серьезные повреждения от огня береговых батарей. 2 сентября 1942 года при обстреле порта Феодосия торпеду в борт получил крейсер «Молотов»; взрыв оторвал 20 метров кормы вместе с рулем, корабль простоял в ремонте до июня 1943 года.

29 ноября 1942 года в ходе набеговой операции на побережье Румынии подорвался на мине крейсер «Ворошилов». По мнению адмирала Басистого,

«…еще раз проявилась наша недооценка минной опасности… Крейсер „Ворошилов“ и эсминец „Сообразительный“, оказавшись на минном поле, по существу, повторили ошибку кораблей, действовавших здесь в первый месяц войны. Параваном{4} эсминца была подсечена мина. Это сигнал о серьезной опасности. Следовало немедленно выходить из района минного заграждения, причем выходить задним ходом, ни в коем случае не уклоняясь в сторону от линии первоначального движения. Таково требование инструкции. А крейсер и эсминец этого требования не выполнили. «Сообразительный», затеявший разворот на обратный курс (!), конечно, подвергался серьезной опасности подрыва на мине. Безусловно, подвергался ей и «Ворошилов», продолжавший движение вперед (!)… И вот результат — мины, взорвавшиеся в правом и левом параване, нанесли крейсеру немалые повреждения».

Обстрелы побережья и портов зачастую производились с больших дистанций, огонь велся по площадям и без корректировки, поэтому и результаты высокими быть просто не могли. [406] Линейный корабль «Парижская коммуна» в этих обстрелах окончательно «доизносил» каналы стволов главного

калибра (при выстрелах вместе со снарядами вылетали выкрошившиеся куски металла) и с февраля 1942 года он стоял в Поти, участия в боевых действиях больше не принимал.

Наконец, 6 октября 1943 года вышедший из Туапсе с целью нанесения ударов по портовым сооружениям Ялты и Феодосии отряд кораблей в составе лидера «Харьков», эсминцев «Способный» и «Беспощадный» был уничтожен немецкими пикировщиками.

2. Постановка минных заграждений.

Наиболее достоверным результатом этой работы стал подрыв на собственных минах эскадренных миноносцев «Совершенный», «Способный», «Смышленный» и «Дзержинский».

3. Обеспечение десантных операций.

Из тринадцати морских десантов, высаженных за войну Черноморским флотом, лишь четыре имели оперативное значение, причем в конце концов большинство операций — Феодосийская, Керченская, Евпаторийская, Алуштинская, Суданская — закончилось разгромом и гибелью высаженных войск.

Боевые корабли и подводные лодки привлекались также для переброски воинских контингентов и грузов, что в принципе не соответствовало их назначению, но диктовалось обстановкой. При этом обеспечение блокированного Севастополя стоило гибели крейсера «Червона Украина», четырех эсминцев, двух подводных лодок. При проведении Феодосийской десантной операции тяжелые повреждения получили эскадренные миноносцы «Шаумян», «Железняков», «Незаможник», крейсер «Красный Кавказ». Последний провел в ремонте 10 месяцев.

4. Борьба на коммуникациях.

Немцы осуществляли активные морские перевозки, в первую очередь для обеспечения своей крымской группировки. [407] Наличие Черноморского флота существенного влияния на них не оказывало. Советские надводные корабли боевых столкновений с равноценным противником не имели, ввиду отсутствия такового. На их счету нет ни одного уничтоженного вражеского корабля или подводной лодки. Впрочем, на рубке гвардейского эскадренного миноносца «Сообразительный», единственного уцелевшего из пяти черноморских усовершенствованных «семерок», красовалась цифра «2», свидетельствовавшая о потоплении двух субмарин, но… одной из них была советская Щ-206, взорванная глубинными бомбами в районе Констанцы, другую просто «приписали» по результатам обстрела ялтинского порта.

Подводники Черноморского флота записали на свой счет 63

потопленных и 13 поврежденных транспортных судов противника. За войну, по советским данным, неприятель потерял на театре военных действий 466 боевых и вспомогательных судов и 324 транспорта, но достоверными считаются цифры 279 и 217 соответственно. Оновные потери, в том числе 6 подводных лодок, немцы понесли от воздействия авиации в 1943-1944 годах, из них более 50% — в базах.

После «черного дня» 6 октября 1943 года Верховный Главнокомандующий распорядился перевести все крупные корабли Черноморского флота в резерв Ставки — Сталину нужно было оставить хоть что-то, способное «нести флаг» после войны. Участия в боевых действиях они больше не принимали.

К этому времени флот потерял 1 крейсер, 3 лидера, 11 эсминцев (в строю оставались «Сообразительный», «Бойкий» и 2 «новика» образца 1917 года — «Незаможник» и «Железняков»; в капитальном ремонте до конца 1944 года находился эскадренный миноносец «Бодрый»), 18 подводных лодок. Потери в малых кораблях и судах не подсчитаны до сих пор, многие из них числятся пропавшими без вести, но общий счет здесь идет на сотни. [408] Германские катерники потопили двадцать и повредили одно советское судно. Суммарные потери советского флота на Черном море относительно потерь противника за весь период войны оцениваются как 1: 0,6 и в общем несоразмерно велики по сравнению с нанесенным неприятелю ущербом.

Как традиционно повелось в новой и новейшей истории России, основную роль моряки играли на суше. Морские стрелковые бригады и батальоны участвовали в обороне Одессы, Севастополя, Сталинграда, Таманского полуострова, Туапсе и Новороссийска. В ходе битвы за Кавказ Черноморский флот выделил около 40 тыс. бойцов морской пехоты и береговой охраны, 150 береговых и 200 зенитных орудий, 250 самолетов, 250 кораблей и судов в состав Приморской, затем Черноморской групп. Всего же в масштабе ВМФ с кораблей на фронт ушло более 400 тыс. человек.

* * *

К 1 сентября под Новороссийском наименее защищенными оказались подступы к городу с запада. Это объяснялось тем, что недостаточное количество войск в 47-й армии не позволяло заблаговременно занять подготовленные позиции на внутреннем

оборонительном обводе. Кроме того, отсутствие резервов не давало возможности командованию армии проводить контратаки, и части с боями отходили в горный район северо-воеточнее Новороссийска. В связи с выходом немецко-румынских войск к внешнему обводу оборонительного района, командующий фронтом приказал главные силы 47-й армии сосредоточить на направлении Неберджаевской и Верхне-Баканского. Из резерва фронта в армию передавалась 318-я стрелковая дивизия под командованием полковника В.А. Вруцкого.

Это было последнее решение, принятое маршалом Буденным. 1 сентября Ставка ВГК преобразовала Северо-Кавказский фронт в Черноморскую группу войск Закавказского фронта под командованием генерал-полковника Я.Т. Черевиченко. [409] В группу вошли войска 12,18,47 и 56-й армий, 4-й гвардейский кавалерийский корпус. Буденный остался не у дел. Впрочем, замена была равноценная: один кавалерист (по уровню мышления) времен гражданской войны сменил другого.

Если обратиться к официальной биографии Черевиченко, то видно, что человек всю жизнь упорно учился на полководца: окончил кавалерийские курсы, высшую кавалерийскую школу, кавалерийские курсы усовершенствования комсостава, военно-политические курсы командиров-единоначальников и, наконец, Военную академию имени М.В. Фрунзе в 1935 году. Вроде бы очень грамотный генерал. Однако в собственноручно написанной автобиографии все выглядит гораздо более прозаично:

«Общее образование: окончил сельскую школу в 1910 году, в 1935 году*сдал за десятилетку при Военной академии имени Фрунзе (курсив наш. — Авт.)*».

Было в те поры нашему «Ломоносову» сорок лет от роду и дальше устройства лошади его образование не простиралось. И ничего, до поры до времени командовал армиями и фронтами.

С 1 по 6 сентября были сформированы и направлены на защиту Новороссийска 2 батальона, влившиеся в состав 83-й морской бригады. Из Туапсе и Поти прибыли 15, 16 и 17-й батальоны морской пехоты общей численностью 3400 человек, сколоченные в 200-й морской полк. Из прибывших защитников Таманского полуострова сформировали 2-ю бригаду морской пехоты 4-батальонного состава. В боевые порядки береговой артиллерии флота включили береговые и зенитные батареи Азовской флотилии и Керченской военно-морской базы, выдвинутые на передовые позиции. Из кораблей Черноморского флота была создана группа артиллерийской поддержки НОР.

С утра 4 сентября немцы попытались прорваться к городу со стороны Неберджаевской. В контратаку совместно с 1-й сводной

бригадой был брошен полк морской пехоты. [410] Их активно поддерживала береговая и корабельная артиллерия. Лидер «Харьков» и эсминец «Сообразительный» произвели огневой налет по скоплениям вражеских войск. Об эффективности этого артиллерийского налета говорит запись в журнале боевых действий группы армий «А»:

«Противник вел концентрированный огонь тяжелой артиллерией с военных кораблей и причинил нашим частям большие потери».

Однако усилия отдельных частей и подразделений не координировались штабом 47-й армии. Генерал Котов и его штаб не сумели наладить связь с войсками и мобилизовать все силы на отпор врагу. Вскоре немцам удалось захватить перевал Волчьи Ворота, Абрау-Дюрсо и Южную Озерейку, а с рассветом 6 сентября выйти на дорогу Неберджаевская — Мефодиевский и прорваться к северо-западным окраинам Новороссийска.

Усилив свою группировку частями, переброшенными из Крыма, и тремя батальонами танков, противник продолжал рваться к Новороссийску. 7 сентября немцы устремились в промежутки между опорными пунктами 47-й армии. В тот же день части 9-й пехотной дивизии прорвались к северной окраине Новороссийска, захватили железнодорожный вокзал, потом элеватор и порт. Завязались уличные бои.

В этот период Военный совет фронта сместил с должности Котова и назначил командующим 47-й армии генерала А.А. Гречко. Прибывший в Новороссийск вместе с новым командармом новый член Военного совета армии генерал Е.Е. Мальцев так описал сложившуюся обстановку:

«Картина выяснялась в общем-то неприглядная. Слабым было взаимодействие пехоты, артиллерии, авиации и флота. Не чувствовалось твердой руки командующего, Военного совета армии. Рода войск действовали в сущности сами по себе. Со многими частями штаб не имел связи. Бойцы каждой войсковой единицы, входившей в состав 47-й армии, героически сражались с наседавшим противником, но между ними не было взаимосвязи, не существовало единого и четкого плана обороны, потому подчас уязвимые места на стыках и флангах частей и соединений оставались открытыми, без укреплений, без войск. Резервы были израсходованы». [411]

К исходу 9 сентября противник занял большую часть западного района города. В ночь на 10-е Новороссийск был оставлен. Защитники города отошли и закрепились на восточном берегу Цемесской бухты.

До 15 сентября войска левого фланга 47-й армии отбивали

атаки противника, пытавшегося прорваться вдоль побережья к Туапсе.

Все это время лекциями, семинарами и наглядной агитацией воодушевлял бойцов на подвиги сонм политработников. Вдохновенно рассказывает о работе политотдела армии его бывший начальник генерал М.Х. Калашник:

«Всем многообразием форм и методов партийно-политической работы мы стремились укрепить у солдат уверенность в том, что мы должны, мы можем выстоять… На ротных и батальонных митингах, в беседах и докладах… Частые выезды в войска, беседы с командирами соединений и начальниками политорганов, с комиссарами частей, с солдатами и офицерами занимали уйму времени. Для отдыха его почти не оставалось».

Количество этих дармоедов в Красной Армии просто не поддается никакому учету, все они, надувая щеки, рассказывают, как ковали победу, «воспитывая людей в духе непоколебимой стойкости».

Приведем пример передовой 81-й морской стрелковой бригады.

«В бригаде насчитывалось более ста агитаторов. Это были самые смелые, самые авторитетные, в политическом отношении наиболее грамотные люди. [412] Политотдел бригады, военкомы и руководители партийных организаций регулярно инструктировали их по самым различным политическим и военным вопросам, знакомили с положением на фронтах, с важнейшими международными событиями, помогали активистам готовить необходимые наглядные пособия, рекомендовали темы для бесед, газетные и журнальные статьи для коллективных читок.

В обстановке почти непрекращавшихся боев делать это было нелегко, однако партполитаппарат бригады находил возможность непрерывно поддерживать активность агитаторов. Например, военком 3-го батальона политрук Н.А. Дрепа ежедневно встречался с агитаторами непосредственно в отделениях, взводах и ротах… ставил перед ними практические задачи на день, а по вечерам, когда бои несколько стихали, обязательно проверял (!), как выполнены его задания. Опыт этого политрука политотдел обобщил в специальной листовке, которая принесла большую пользу другим политработникам…

Агитаторы в часы затишья проводили громкие читки этих материалов прямо в окопах, траншеях, в землянках и блиндажах, дополняя суждения и выводы авторов живыми, злободневными примерами из боевой жизни».

Не война, а сплошная политинформация. Закроешь глаза и представишь, как над позициями морской бригады «в часы затишья» сотня агитаторов читает лекции и дополняет суждения.

Напротив, 216-я стрелковая дивизия была явно не передовой:

«Слабо работали некоторые ротные партийные и комсомольские организации, многие из них в результате последних трудных боев и значительных потерь фактически распались. Разбор заявлений бойцов и командиров о приеме в партию и комсомол порой без каких-либо серьезных причин затягивался. Далеко не всегда целеустремленно велась воспитательная работа с воинами нерусской национальности».

А вот перлы из еще одного подобного источника: [413]

«…Казьмин заходит в кабинет со срочным делом. Он человек жизнерадостный, энергичный, любит шутку; с такими людьми приятно и легко работать. Однако на этот раз на его лице нет улыбки, он докладывает сдержанно и сухо — значит, чем-то взволнован. Так оно и есть: в некоторых подразделениях парторганизации затягивают прием бойцов и командиров в партию (страсти какие, аж дух захватывает! — *Авт.)*. Конечно, спешки тут нельзя допускать, требуется кропотливая индивидуальная работа, однако откладывать заявления о приеме в партию, ссылаясь на какие бы то ни было причины, недопустимо: лучшие воины должны идти в бой, зная, что они находятся в рядах славной ленинской партии.

— В седьмой гвардейской стрелковой дивизии,-докладывает Казьмин, — выдача партбилетов и кандидатских карточек задерживается. Как будто вручение партийных документов — это простая формальность! Но ведь все мы, Андрей Дмитриевич, знаем по опыту, что партбилет в бою удваивает силы бойца…

Надо заметить, что во фронтовых условиях вручение партбилетов и кандидатских карточек далеко не простое дело (тяжела доля политработника! — *Авт.)*. Необходимо сделать фотографию, записать учетные данные, вручить партбилет непосредственно в роте, батарее, эскадрилье».

Из этих сочинений с надуманными проблемами, рассказами о собственной значимости и «массовом героизме» ничего нельзя узнать о войне. Например, 2-месячная оборона знаменитого «дома Павлова» в интерпретации Калашниковых и окороковых выглядит следующим образом:

«В подвальных помещениях дома, где находился командный пункт и отдыхал гарнизон, была оборудована также ленинская комната (!), снабженная шашками, домино, художественной, политической и военной литературой. Сюда приходили политработники, проводили беседы и читки газет. Гвардейцы

гарнизона все время были в курсе событий на фронте и жизни страны. Здесь же происходил прием в партию и комсомол». [414]

Сам сержант Павлов, к сожалению, воспоминаний не оставил, а сразу после войны ушел в монастырь.

Солдатские мемуары — самые интересные и самые редкие в нашей литературе. В них нет места агитаторам и переживаниям по поводу кандидатской карточки, а есть пот, кровь, страх, боль, голод, холод и вши:

«Изнуряли вши… Я пробовал дустом травить — бесполезно. Бывало, когда после боя взмокну, я доставал пакет с дустом и через воротник засыпал под мокрую рубашку на голое тело. Дустом пудрил все тело от макушки до пяток. Но вши были живучие, и дуст не влиял на них». Или такие подробности солдатского труда: «Минометчики навьючены лафетами, стволами, плитами. Просто упади, споткнись — и по инерции движения железо расплющит твой затылок. Если бы не тяжелые вьюки, то легкораненые минометчики, падая, не умирали бы. Тяжелый вьюк добивал раненого».

* * *

После провала попыток прорвать оборону восточнее Новороссийска германское командование организовало новое наступление северо-восточнее города. С этой целью немцы сосредоточили в районе Абинской дополнительно к действовавшим на этом направлении 9-й и 73-й немецким пехотным дивизиям 3-ю румынскую горнопехотную дивизию, прибывшую из Крыма. Генерал Руофф надеялся)даром по флангу 47-й армии прорвать оборону советских войск на рубеже поселка Эриванский и станицы Шапсугская, отрезать войска армии от остальных сил Черноморской группы, разгромить ее и, наступая через горы в Южном направлении, выйти к морю в районе Геленджика.

Своеобразная разведсводка о противнике в стиле советского политработника:

«Несмотря на то что эти соединения в последних боях были изрядно потрепаны, а с самодовольных командиров сбили присущую гитлеровцам спесь, все же дивизии еще оставались сильными. Они былиукопмлектованы кадровым личным составом, хорошо вооружены и в достаточной степени обеспечены боеприпасами, имели танки и штурмовые орудия». [415]

О румынской горнострелковой:

«Командовал ею близкий к правительственным кругам и румынскому королевскому дому заносчивый фашиствующий генерал Фильчинеску. В составе соединения насчитывалось около 16 тысяч подготовленных и экипированных солдат и офицеров. Хотя румынские союзники Гитлера, особенно солдаты, не были такими фанатиками, как одурманенные нацистской демагогией немецкие солдаты, 3-я румынская дивизия горных егерей являлась весьма опасным противником».

На рубеже, где готовилось наступление румынской дивизии, оборонялись части 216-й стрелковой дивизии генерал-майора А.М. Пламеневского, ослабленные в предыдущих боях и несколько подзабытые командованием, бросившим все силы под Новороссийск. Член Военного совета армии зафиксировал свои впечатления от посещения передовых позиций 216-й дивизии:

«Когда мы подошли к окопу, навстречу нам поднялось два почерневших от зноя бородача. Один из них доложил:

— Командир пулеметного расчета Киселев.

— Боец Мехеда з Одессы,-предствился второй…

Оказывается, последний раз пароль пулеметчикам был передан неделю назад и за это время к ним никто не заглядывал.

— А как же с питанием?-спросил я.

— Сухарив мы набралы нымало, а потом создалы свий запас,- не без гордости ответил рядовой Михеда. И тут же провел нас к окопу, где хранилось соленое мясо дикого кабана, много орехов, диких яблок и шиповника. — Так що у нас каждый день обид з трех блюд. Даже компот варымо. Добре, що вода недалеко (повезло бойцу Михеде — подорвался кабан на противотанковой мине, у других солдат дивизии — такое же «меню», только без кабанятины. — *Авт.)*… [416]

Командарм поблагодарил пулеметчиков… На обратном пути он, как бы разговаривая сам с собой, тихо произнес:

— Бойцы у нас отличные. С такими Кавказ не отдадим. А вот мы плохо руководим войсками…»

19 сентября 3-я горнопехотная дивизия «заносчивого» и «фашиствующего» Фильчинеску перешла в наступление и начала теснить передовые подразделения Пламеневского и части 2-й бригады морской пехоты. После 3-дневных боев румыны захватили несколько высот и вклинились в оборону на глубину до 6 км. Генерал Гречко, оценив обстановку, принял решение нанести по флангам вклинившейся группировки два сходящихся удара и, окружив ее, уничтожить. Для этой цели 77-я стрелковая дивизия полковника Е.Е. Кабанова была сосредоточена в районе Эриванского, а 255-я бригада морской пехоты полковника Д.В.

Гордеева и 83-я морская стрелковая бригада подполковника Д.В. Красникова — в районе Шапсугской. В ночь (!) перед наступлением во всех частях провели ритуальные партийные и комсомольские собрания, а затем и митинги, на которых «многие брали на себя конкретные обязательства. Например, уничтожить вражеский пулеметный расчет, подорвать или разбить автомашину, бронегранспортер, истребить столько-то захватчиков».

Контратака советских войск началась на рассвете 25 сентября. Свыше двух суток длился ожесточенный бой, итогом которого стал разгром румынской дивизии. Она потеряла убитыми, ранеными и пленными до 8 тыс. солдат и офицеров и была снята с фронта. С 27 сентября немецко-румынские войска на Новороссийском направлении перешли к обороне и больше не предпринимали здесь попыток наступать крупными силами.

Руоффу не удалось выйти на Туапсинское шоссе. Не мог он использовать для снабжения своих войск и Новороссийский порт, так как тот простреливался с советской стороны артиллерийским и пулеметным огнем. [417]

На перевалах

Германское командование намеревалось наступать не только по открытым просторам, но и нанести несколько ударов через перевалы Главного Кавказского хребта. Для этого в группу армий «А» был включен профессионально высокоподготовленный 49-й горно-пехотный корпус под командованием генерала Рудольфа Конрада. В состав корпуса входила 1-я горнострелковая дивизия «Эдельвейс» генерала Ланца — одно из лучших соединений вермахта, 4-я горнопехотная дивизия генерала Эгельзеера, а также 97-я и 101-я легкопехотные (егерские) дивизии. Горнопехотные соединения укоплектовывались альпинистами и жителями горных районов Германии, баварцами и тирольцами, для которых горы были родной стихией. Корпус имел задачу наступать через Главный Кавказский хребет от дороги на Туапсе до Мамисонского перевала.

Все его соединения были снабжены специальным горным снаряжением и оружием:

«В экипировку личного состава входили удобная крепкая горная обувь и верхняя одежда, палатки, спальные мешки, походные спиртовые индивидуальные кухни и примусы, темные

очки. Снаряжение состояло из ледорубов, „кошек“, веревок, скальных и ледовых крючьев и карабинов, горных спасательных средств. Высокогорные части обеспечивались также специальным высококалорийным питанием».

Кроме того, для действий на горных перевалах в распоряжении Листа находился румынский кавалерийский корпус генерал-майора Попеску в составе 5,6 и 9-й кавдивйзий. В Крыму готовилась к форсированию Керченского пролива 3-я румынская горнопехотная дивизия генерала Фильчинеску.

Наличие в группе «А» большого количества специальных горных войск свидетельствовало о том, что германское командование придавало большое значение прорыву в Закавказье через перевалы и заранее готовилось к проведению таких операций с учетом особенностей войны в горах. [418]

Многие офицеры вышеперечисленных соединений имели солидную горную подготовку и обладали опытом ведения боев, приобретенным в период действий в горах Норвегии и на Балканах. Командир «эдельвейсов» генерал Губерт Ланц сам был опытным альпинистом, прошедшим Альпы, Кавказ и Гималаи. Его дивизия являлась элитным подразделением рейха, а бойцы перед войной постоянно жили и тренировались в горах Швейцарии и во французских Альпах. Кроме того, еще в 30-е годы немецкие «туристы» и «спортсмены» облазили вершины и перевалы Кавказского хребта и провели тщательную разведку его различных районов в целях детального изучения местности.

… А до войны вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою,
Он падал вниз, но был спасен,
А вот сейчас, быть может, он
Свой автомат готовит к бою…

Несколько иначе обстояли дела с горными войсками в великой, могучей и бардачной Советской стране.

Конечно, горнострелковые части существовали и в Красной Армии. Имелись горнострелковые дивизии, корпуса и даже армии. В этих войсках в составе полков не было батальонов, полки делились на роты. Автомобильный транспорт дополнялся вьючным, например ротами ишаков. Бойцы носили вместо фуражек панамы. Вот, по сути, и все, что отличало советских «горно-стрелков» от обычных стрелковых соединений. Как и в танковых войсках или авиации, качеством при создании этих войск пожертвовали ради количества.

Начать с того, что в них не было альпинистов, а бойцы даже не умели ходить на лыжах. Впрочем, и самих-то лыж у них не было. До войны альпинисты не регистрировались по особой

военно-учетной специальности, поэтому лишь некоторые спортсмены, и то случайно, служили в горных соединениях. [419] Специальная горная подготовка в этих частях не проводилась. Не имели они ни специального горного снаряжения, ни обмундирования. Бойцы и командиры носили сапоги или ботинки с обмотками, обычные брюки, шинели. Эта одежда и обувь мало годились для действий в условиях высокогорья. Каково в сапогах и шинели заниматься скалолазанием? Горнострелковые соединения имели на вооружении специальные орудия для ведения огня в горах, но стрелковое оружие — обычное, с прицелом, рассчитанным для стрельбы под небольшим углом к горизонту.

Традиционным для нашей армии было отношение к боевой и специальной подготовке, выглядевшей максимально упрощенно:

«Хотя перед войной в горнострелковых войсках и проводились учения, — писал известный альпинист, ученый и воин А.М. Гусев, — бойцы тренировались в несложных предгорных районах и лишь изредка совершали походы через перевалы и на вершины… А ведь горная подготовка для горнострелковых соединений, по существу, является одним из элементов боевой подготовки. Она необходима для успешного ведения боя и в предгорьях, и на перевалах, и на вершинах. Ориентировка, ведение разведки, применение различного рода оружия, сами правила ведения огня — все это в горах имеет свою специфику. Знание гор позволяет уменьшить потери от естественных опасностей: мороза, лавин, камнепадов, закрытых трещин. Особенно сложны действия в горах в зимних условиях. Чтобы добиться успеха, необходимо владеть горными лыжами, уметь ходить на снегоступах. Ни того, ни другого в горных соединениях не было… Мы, альпинисты, еще до войны не раз обращались в управление горной, лыжной и физической подготовки Красной Армии с предложением использовать наш опыт для горной подготовки войск. Но нередко слышали в ответ: „Нам на Эльбрусах не воевать…“

Воевать в условиях высокогорья в те времена действительно не собирались, советские горные части готовились летом 1941 года одним броском преодолеть Карпаты, потому и были сосредоточены перед войной в Молдавии и Украине, потому не нужны им были всякие альпинистские тонкости.

Лишь в ноябре 1941-го, после оставления советскими войсками Крыма, группу спортсменов-альпинистов — А.М. Гусев, Э.Л. Бадер, Ю.Н. Губанов, Н.П.Хромов, А.И. Сидоренко, Б.М. Беркович, А.С. Уваров, В.В. Молоканов — направили в Закавказье для организации специальной подготовки горнострелковых

войск. Начинать им пришлось с обучения «горнострелков» хождению на лыжах (многие бойцы вообще увидели их впервые) и стрельбе под большим углом к горизонту, что наставлениями по стрельбе даже не рассматривалось. Постепенно в войска поступало и горное снаряжение: ледорубы, веревки, палатки, спальные мешки, горные лыжи и ботинки.

Срочные меры, предпринятые советским командованием, помогли улучшить положение с подготовкой горнострелковых войск, однако вскоре выяснилось, что проделанная работа по большей части пропала впустую. С одной стороны, весной 1942 года товарищ Сталин вознамерился переломить ход войны, а значит, вновь не собирался «воевать на Эльбрусах». С другой — сказался традиционный советский принцип — незаменимых у нас нет. Если немцы даже в самые тяжелые моменты старались не вводить элитные егерские части в бои на равнинах, то у нас они использовались в любой ситуации без учета специализации: можно было бросать в атаку на танки воздушных десантников без тяжелого вооружения или посылать горных стрелков в морские десанты. В результате такого отношения даже те немногие соединения, в которых серьезно проводилась боевая подготовка личного состава к боевым действиям в горах, лишь частично использовались на высокогорных участках фронта. [421]

Оборона перевалов еще в ноябре 1941 года была возложена на 46-ю армию Закавказского фронта, которой командовал генерал-майор В.Ф. Сергацков. В июне 1942 года та же армия получила задачу не допустить выхода противника к Черному морю и в Закавказье через перевалы. В боевом приказе штаба фронта от 23 июня говорилось:

«Не исключена возможность наступления противника со стороны Северо-Кавказского фронта через Главный Кавказский хребет по Военно-Осетинской, Военно-Сухумской и другим дорогам на Кутаиси и на Черноморское побережье».

Полоса обороны армии была весьма протяженной и разнообразной по характеру местности: начиналась она от побережья Черного моря и тянулась до высокогорных областей. Но проблема заключалась не в этом, а в том, что имея под рукой Черноморский флот с линкором, крейсерами и эсминцами против десятка неприятельских катеров, советское командование больше всего опасалось морских десантов. Поэтому основное внимание генералов Тюленева и Сергацко-ва было направлено на организацию обороны побережья. Высокогорные перевалы советское командование считало сами по себе непреодолимой преградой для противника и подготовке их к обороне не придавало особого значения. Фактически никакой обороны и не

было.

На перевалы заблаговременно не потрудились завезти взрывчатые вещества и материалы для устройства заграждений, не оборудовались позиции, не заминировали горные проходы и тропы. Наконец, на перевалах отсутствовали войска. В основном их прикрывали небольшие силы от роты до батальона, которые к тому же не имели связи со своими штабами. Личный состав таких отрядов не был подготовлен к действиям в горах, поэтому не мог создать надежную оборону и предвидеть возможные действия опытного противника. [422] Северные склоны перевалов не оборонялись, разведка там не производилась. Командиры соединений и частей редко бывали на перевалах и плохо знали, как организована оборона. Уже после войны командир 815-го полка майор В.А. Смирнов рассказывал, что, находясь на Марухском перевале, он ни разу не видел своего комдива. Некоторые перевалы вообще не были заняты войсками.

«Существовала какая-то беспечность, порожденная, очевидно, неверием в способность немецких войск сколько-нибудь значительными силами просочиться через высокогорные перевалы в Закавказье, — писал в своей книге маршал Гречко. — Фронт полностью доверился армии и выпустил из рук контроль за положением дел на перевалах. Когда 10 августа Ставка выразила сомнение в достоверности доклада штаба фронта о состоянии обороны на перевалах и поставила конкретные вопросы, штаб фронта не смог ответить на них, так как не располагал точными данными, какие перевалы и какими силами прикрыты, какие из них подготовлены к подрыву.

…Ввиду того что большинство командного состава войск фронта не имело опыта боевых действий в горах, оборона и система ее огня организовывались, как правило, только непосредственно на перевале, вместо того чтобы выносить огневые средства на ближние и дальние подступы к нему (самая подготовленная к действиям в горах 9-я горнострелковая дивизия защищала в это время берег моря от турецкой границы до Поти; отнюдь не в высокогорных районах были назначены рубелей и 20-й горной дивизии; зато в Приэльбрусье отправилась 63-я кавалерийская дивизия! — *Авт.)*.

Оборона не являлась круговой. Ряд направлений, допускавших подход к перевалам не только отдельных групп, но и целых подразделений противника, не был обнаружен и никем не оборонялся. Это явилось следствием того, что детальная рекогносцировка районов, примыкавших к перевалам, не производилась. [423] (Это у генерала Ланца имелись подробные карты Кавказа, а для генералов Тюленева и Леселидзе советские

спортсмены-альпинисты рисовали кроки по памяти: «Как ни странно, военные действия в горах показали, что мы как следует не знали Главного Кавказского хребта. Нам пришлось изучать его по скудным описаниям и устаревшим, весьма неточным картам». — *Авт.)*. Более того, на позициях оставлялось лишь наблюдение, а сами гарнизоны располагались на южных скатах хребта, в населенных пунктах и кочевьях, удаленных от перевалов иногда на 5-20 км».

* * **

Между тем уже в первых числах августа 49-й горно-пехотный корпус из района Невинномысска и Черкесска начал движение к перевалам. В горы шли хорошо обученные, полностью укомплектованные, обеспеченные специальным альпинистским снаряжением соединения. Путь на перевалы от Санчаро до Эльбруса был, по существу, открытым.

Разделившись на 4 группы, альпийские стрелки 1-й и 4-й горнопехотных дивизий устремились по долине реки Большая Лаба в направлении перевалов Санчаро и Псеашха, по долинам рек Марух и Большой Зеленчук — к перевалам Наурский и Марух, а по долине реки Тиберда — на перевал Ютухорский и Домбай. Еще одна группа «эдельвейсов», составленная из опытных альпинистов, направлялась по долине реки Кубань к перевалам Нахар, Гондарай, Морды на Главном Кавказском хребте и далее к Хотю-Тау. Этот путь вел к Эльбрусу и в тыл советских частей, отходивших вверх по Баксанскому ущелью. Кстати, перевалы Хотю-Тау, Чипер-Азау в этом горном узле никем не охранялись, на самом Эльбрусе находились лишь четыре сотрудника метеорологической станции. На Белореченском направлении действовали части 97-й легкопехотной дивизии.

Нельзя сказать, что продвижение корпуса Конрада было совсем уж беспрепятственным. [424] По ущельям в сторону хребта отходили разрозненные советские подразделения, отрезанные в предгорьях от основных сил. Эти части оказывали сопротивление на наиболее выгодных для обороны участках наседавшим егерям. Отступавшие отряды двигались без карт, причем мало кто знал горы, немцы же довольно свободно ориентировались на местности.

Как указывает Гусев, многие такие отряды

«постигла печальная участь. Преследуемые врагом, они

попадали в боковые ущелья, заканчивающиеся отвесными скалами, крутыми снежными склонами и нагромождениями ледников. Тут могли пройти только опытные альпинисты. И люди гибли от лавин, камнепадов, гибли в бездонных трещинах ледников, гибли от пуль настигших их гитлеровцев. Много лет прошло с тех пор, но и сейчас еще находят в горах останки бойцов и командиров, пытавшихся прорваться к своим через суровые заоблачные выси и погибших здесь…».

Относительно всех этих событий штаб 46-й армии пребывал в счастливом неведении. 16 августа он доносил во фронт: «Положение частей без изменений». Между тем немцы еще 15-го числа захватили Клухорский перевал, который должен был оборонять один батальон 815-го полка 394-й стрелковой дивизии. Фактически на перевале находилась лишь рота, легко сброшенная «эдельвейсами», две другие роты располагались на южных склонах, а ближайшие подкрепления — в Сухуми, в 110 км от перевала (из них 80 км горными тропами). Штабу генерала Сергацкова об этом стало известно только 17 августа. Подобная обстановка сложилась и на других направлениях, где немцы либо упредили советские части в занятии перевалов, либо сбили прикрывавшие их мелкие подразделения. На Клухорском и Санчарском направлениях, пользуясь полной внезапностью, они в короткий срок продвинулись на 10-25 км по южным склонам, создав угрозу Сухуми и коммуникациям вдоль Черноморского побережья.

Даже 20 августа штаб фронта, не ориентируясь в обстановке, докладывал в Ставку новый план обороны Черноморского побережья от вражеских десантов. Надо признать, что в Москве забеспокоились раньше, чем в Тбилиси и Кутаиси. В тот же день генералу Тюленеву указали обеспокоиться все-таки положением на перевалах и удержанием проходов через хребты:

«Противник стремится вторгнуться в пределы Закавказья и для достижения этой цели не ограничится действиями крупных сил на основных операционных направлениях.

Враг, имея специально подготовленные горные части, будет использовать для проникновения в Закавказье каждую дорогу и тропу через Кавказский хребет, действуя как крупными силами, так и отдельными группами… Глубоко ошибаются те командиры, которые думают, что Кавказский хребет сам по себе является преградой для противника. Надо крепко запомнить вам, что непроходимым является только тот рубеж, который умело подготовлен для обороны и упорно защищается. Все остальные преграды, в том числе и перевалы Кавказского хребта, если их прочно не оборонять, легкопроходимы, особенно в данное время

года.

Исходя из этого, Ставка требует наряду с созданием прочной обороны на основных операционных направлениях немедленно усилить оборону Главного Кавказского хребта, и особенно Военно-Грузинской, Военно-Осетинской и Военно-Сухумской дорог, исключив всякую возможность проникновения противника на этих направлениях».

Бумага, в общем, правильная и чувствуется в ней стиль кремлевского «горца». Но несколько запоздавшая — перевалы уже сданы.

21 августа отряд альпинистов капитана Грота поднялся на Эльбрус и установил на вершине флаги с эмблемами 1-й и 4-й горнопехотных дивизий. [426] Само восхождение егерей никакого военного значения не имело, но завоевание этого горного массива открывало путь на Ингурскую и Военно-Сухумскую дороги в глубокий тыл советских войск. А каков был пропагандистский эффект! «Покоренный Эльбрус венчает конец павшего Кавказа!» — писали берлинские газеты. Капитан Грот был награжден Рыцарским крестом, его подчиненные — Железными крестами.

План операции «Эдельвейс» близился к завершению; более двух третей территории, намеченной к захвату, были взяты — почти весь Северный Кавказ, кубанские просторы и Сальские степи, Майкопский нефтеносный район, перевалы через Главный Кавказский хребет; на Эльбрусе развевались флаги со свастикой. В это время генерал Роммель бил англичан в пустынях Северной Африки, а 23 августа танкисты генерала Хубе вышли к Волге.

Гитлер еще не получил нефти, но уже лишил ее Сталина. Практически вся кавказская нефть шла по Волге. Весной 1942 года в Москву и Центральную Россию были доставлены огромные количества нефти, равные чуть ли не годовому запасу. В. Карпов вспоминает, в частности, о множестве огромных «нефтеям», вырытых заключенными вокруг Свердловска; к ним подводили железнодорожные ветки и прямо из цистерн сливали в эти котлованы нефть. Однако с началом летней кампании бомбежки волжского пути германской авиацией делали перевозки по нему все более рискованными. В августе вывоз нефти с Кавказа практически прекратился, Волга оказалась перерезаной.

Несмотря на это, добыча некоторое время продолжалась. Ввиду нехватки емкостей для хранения, нефть сливали в лощины гор.

«Правда, основные нефтеносные районы оставались там в наших руках, — вспоминал Хрущев, — но они были фактически выведены из строя, оборудование демонтировано, прекратилась добыча и переработка нефти. [427] Сложились тяжелые условия

для промышленности. Кроме того, мы лишились возможности экономически использовать территории (вместе с территориями под немцами оказалось более 48 млн человек. — *Авт.)*, которые достались противнику».

Весьма остро щущалась потеря Кубани, одного из богатейших сельскохозяйственных районов России.

В довершение всего, в августе стало окончательно ясно, что в 1942 году второго фронта в Европе не будет. 13 августа Сталин вручил британскому премьеру весьма жесткий меморандум, в котором обвинил правительство Великобритании в том, что оно нанесло «моральный удар всей советской общественности» и разрушило планы советского командования, построенные из расчета на «создание на Западе серьезной базы сопротивления немецко-фашистским силам и облегчения таким образом положения советских войск». Далее утверждалось, что именно сейчас сложились наиболее благоприятные условия для высадки союзников на континент, поскольку Красная Армия отвлекла на себя все лучшие силы вермахта. Верховный прямо признал — Советский Союз стоит на грани поражения, что приведет в первую очередь к ухудшению положения.

Сталина можно понять: он попал в крайне тяжелую ситуацию и даже, если верить отдельным свидетельствам, зондировал почву на предмет заключения сепаратного мира с Германией.

Черчилль 14 августа ответил известной «Памятной запиской», в которой напоминал о своем меморандуме от 10 июня и указывал:

«…нападение шести или восьми англо-американских дивизий на полуостров Шербур и на острова Канала было бы рискованной и бесплодной операцией. Немцы располагают на Западе достаточным количеством войск… По мнению всех британских военно-морских, военных и воздушных органов, операция могла бы окончиться лишь катастрофой».

Премьера тоже можно понять: в августе 1942 года положение было явно «не таким», чтобы осуществить высадку в Европе. [428] Черчилль прекрасно осознавал, что на данном этапе вся тяжесть операции открытия второго фронта легла бы на Англию — американцы делали обнадеживающие заявления, но на практике ничего не предпринимали и даже не планировали. Поэтому он отдавал предпочтение другим идеям — плану высадки во французской Северной Африке или операции «Юпитер» — освобождению Северной Норвегии.

К тому же «на протяжении ряда месяцев 1942 года Черчилль считал СССР союзником, которого „придется списать в расход“, и временами крайне пессимистически оценивал его шансы

выжить… Даже после того как русские отразили первый немецкий натиск на Москву, Черчилль считал, что быстрое поражение Советского Союза не исключено» (А. Верт). К таким же выводам в августе пришел комитет начальников штабов, который полагал, что «русские не способны нанести противнику контрудар такой силы, чтобы помешать немцам осуществить свои планы». Отсюда следовало учитывать угрозу появления осенью 1942 года германских дивизий в Северном Иране или Ираке.

В докладе средневосточного комитета обороны сообщалось:

«В наихудшем для нас случае нам следуеет ожидать возникновения угрозы для Северного Ирана к 15 октября, а если противник изменит свои планы и начнет движение через провинцию Анатолия, то нам нужно быть готовыми встретить эту опасность в Северной Сирии и в Ираке к 10 сентября.

Если кампания в России обернется для русских плохо, а вы не сможете направить нам своевременно необходимое количество подкреплений (для отражения новой угрозы требовалось дополнительно четыре пехотные, одна таковая дивизии и 95 эскадрилий ВВС. — *Авт.)*, то мы окажемся перед дилеммой:

а) либо наши войска или возможно большее количество наших баз и сооружений придется перевести из Египта на северный фланг, чтобы прикрыть иранские нефтепромыслы (а это означало бы потерю Египта); [429]

б) либо нам нужно будет продолжать нашу нынешнюю политику и идти на риск потери иранских нефтепромыслов.

У нас нет сил, чтобы оборонять и то, и другое, и если мы попытаемся выполнять обе эти задачи, то не выполним ни одной».

Какая уж тут высадка в Европе!

«Это были как раз те дни, когда Черчилль… пил гораздо больше, чем можно пить в его годы, и часто вызывал нашего посла Майского, чтобы спросить его с некоторой ехидцей: „Когда же дядюшка Джо обратится к Гитлеру с просьбой о заключении мира?“

Это было время пика побед германского оружия. Но это был последний «перевал», взятый Гитлером. Правда, пока об этом никто и не подозревал.

«С середины августа, — пишет Дёрр, — стало ясно, что операции на юге России шли не по намеченному плану; армия вместо „победного марша“ с трудом продвигалась вперед. В таком положении принято бросать в бой резервы или же менять план операции.*Резервов не было. Следовательно, было необходимо менять план операции (курсив наш. — Авт.)*. Он мог бы, например, заключаться в том, чтобы сосредоточить все силы на одной цели и временно отказаться от остальных. Решение

главного командования могло быть двояким:

а) ради достижения успеха на Кавказе отказаться от Сталинграда и перейти здесь к обороне…

б) взять Сталинград и отказаться от Кавказа…

Верховный главнокомандующий, однако, не хотел отказываться ни от чего и продолжал расходовать силы и средства в боях, которые не имели ничего общего с операцией».

Для реализации конечных целей у Рудольфа Конрада просто не имелось достаточных сил. [430] Он считал, что красные ввели в бой последние резервы, а 46-я армия, командование которой принял генерал-лейтенант К.Н. Леселидзе, только начала разворачиваться к морю «задом», а к горам «передом». Против двух горнопехотных дивизий противника Леселидзе имел 9-ю и 20-ю горнострелковые, 394,242, 351, 267-ю стрелковые, 63-ю кавалерийскую дивизи и 51-ю стрелковую бригаду. В армию передавались дополнительно 61-я стрелковая дивизия и несколько других подразделений. Из резерва Ставки для обороны перевалов была направлена группа альпинистов из состава отдельной мотострелковой бригады особого назначения, сформированной в войсках НКВД из добровольцев-спортсменов разного профиля. Но это лишь начало.

23 августа из Москвы в Тбилиси прибыл член Государственного Комитета Обороны Л.П. Берия, который заменил ряд ответственных работников армейского и фронтового аппарата Закавказского фронта, в том числе и командующего 46-й армией. Сказать доброе слово о Лаврентии Павловиче давно стало неприличностью, стиль его работы маршал Гречко назвал «грубым администрированием», противопоставляя его «кропотливой организаторской работе штабов фронта и армии». Но кто мог лучше расшевелить это сонное царство под пальмами Сухуми? И в чем выражалась «кропотливая работа», когда немцы развешивали флаги над Эльбрусом? Кстати, генерал армии Тюленев после войны так и выразился: «Перевалы проспали». Судя по дальнейшим действиям командования Закавказского фронта, товарищ Берия нашел нужные слова, сумел придать смысл «кропотливой работе».

Авиация фронта, наконец, получила задачу вести ежедневную разведку с воздуха всех перевалов через.Главный Кавказский хребет и дорог, ведущих к ним с севера.

Были приняты меры и по устройству заграждений на важнейших перевальных маршрутах, выводящих к побережью Черного моря. [431] На Санчарском направлении устанавливались электрические заграждения. На Военно-Осетинской и Военно-Грузинской дорогах начались работы по

подготовке обрушения скал, разрушению дорог и их затоплению. Все это усиливалось созданием минных полей. Кроме системы заграждений, вдоль этих дорог строилась система оборонительных сооружений — узлов обороны, опорных пунктов, дотов и дзотов, окопов и противотанковых рвов. На основных направлениях и дорогах создавались комендатуры, имевшие резервы саперных сил, средств и снабженные радиостанциями.

Для противодействия обходам противника формировались специальные отряды силой до роты с саперным отделением, которые выдвигались на возможные направления обходного маневра. С этой же целью подрывались тропы, которые не прикрывались войсками. Срочно создавались отдельные горнострелковые отряды, каждый в составе роты — батальона. Эти, отряды, куда входили альпинисты-инструкторы (альпинистов теперь искали по всем фронтам), направлялись на самые труднодоступные участки.

Самое непосредственное участие принял Берия и в ликвидации обанкротившегося штаба Северо-Кавказского фронта. Очевидец событий Серго Берия пишет:

«Штаб фронта полностью утратил управление войсками и был деморализован. По согласованию со Ставкой и ГКО отец освободил от должности командующего фронтом Семена Буденного и члена Военного совета Лазаря Кагановича, еще целый ряд людей, повинных в развале обороны. Сталин это решение одобрил, потому что сам убедился в неспособности руководства фронта организовать должный отпор противнику.

Я видел Буденного, находящегося, как мне показалось, в состоянии прострации. Когда отец приехал к нему, тот начал убеждать: «Незачем эти мандариновые рощи защищать, надо уходить!» [432] Отец, хотя и знал, что как военачальник представлял собой маршал Буденный, был поражен. Командующий фронтом не мог внятно объяснить, где какие части находятся, кто ими командует. Когда он докладывал отцу об обстановке, тот сразу понял, что больше говорить не о чем. Прервав разговор, отец начал вызывать к себе командиров всех рангов и выяснять, что же там происходит в действительности.

На моих глазах делали карту боевых действий, и маршал Буденный сидел в сторонке с отсутствующим взглядом. Мне показалось, что он вообще толком не понимал, о чем идет речь».

В январе 1943 года маршалу придумали должность командующего кавалерией страны, которую он бессменно возглавлял последующие 10 лет. Уже будучи пенсионером, перешагнув 70-летний рубеж, Семен Михайлович умудрился стать трижды Героем Советского Союза.

Судьба так повернулась, что Берию в 1953 году «разоблачили», расстреляли, обвинив заодно в том, что он «нанес ущерб нашей обороне но время битвы за Кавказ».

В «Советскую военную энциклопедию» издания 1976 года член ГКО маршал Берия не попал вовсе. Статья о битве за Кавказ проиллюстрирована фотографией с подписью: «Бригадный комиссар Л.И. Брежнев вручает партийный билет красноармецу А. Малову». Из издания 1990 года исчез и Брежнев. Ох, уж эти извивы придворной историографии!

* * *

Итак, 46— я армия двинулась в горы. На этом наступление генерала Конрада, собственно, и закончилось. 27 августа немцы были остановлены под Клухором и на Марухском перевале. Дальнейшие боевые действия свелись к выдавливанию их с южных склонов обратно. Ожесточенные бои развернулись от Приэльбрусья до самой дороги на Туапсе. Советским частям, без боя отдавшим северные склоны хребта, теперь приходилось наступать снизу вверх, на ходу решая непростые вопросы снабжения, постигая с нуля тактику горной войны. [433]

«Мы часто наступали в лоб, — пишет Тюленев, — а не в обход, что особенно пагубно в горной войне. Допускалась беспечность при расположении войск в обороне. Все это приводило к печальным последствиям. Кроме того, первое время наши войска занимали лощимы или перевалы и оставляли без прикрытия соседние высоты. Это давало возможность противнику без боя занимать их, а затем фланкирующим огнем выбивать наши части с выгодных позиций… Боевые действия в горах многому нас научили, обогатили наш фронтовой опыт».

«Эдельвейсы», обладая гораздо более высокой подготовкой, не раз наносили чувствительные контрудары, однако спуститься к морю, которое синело на горизонте, им так и не удалось. Впрочем, перевалы они тоже не отдали.

К концу сентября обстановка в горах стабилизировалась. Конраду пришлось выделить дивизию альпийских стрелков в распоряжение Руоффа для нового наступления на Туапсинском направлении, в качестве замены он получил части из итальянского альпийского корпуса «Белая лилия».

За этот же период пополнились силы генерала Леселидзе, причем и количественно, и качественно. Было создано 16

отрядов, предназначенных для действий в высокогорной местности. Они должны были придаваться находившимся там частям или действовать самостоятельно, оставаясь в подчинении штаба 46-й армии. Каждый отряд состоял из двух рот автоматчиков по 100 человек и одной пулеметно-минометной роты с приданными ей взводами саперов и противотанковых ружей. Общая численность отряда составляла 300-320 человек. Укомплектовывались они альпинистами.

«Знакомясь с отрядом, — вспоминает А. Гусев, — я был поражен его блестящей экипировкой. [434] Каждый боец имел все необходимое для боевых действий в горах: ледорубы, десятизубые „кошки“, штормовые костюмы, спальные мешки, меховые жилеты, меховые носки, шерстяные и кожаные перчатки, подшитые валенки, лыжи с жестким креплением, снегоступы, рюкзаки, горнолыжные ботинки, лавинные шнуры, защитные очки. На каждое отделение в отряде имелись в соответствующем количестве альпийские веревки, горные палатки, спиртовые кухни, скальные и ледовые крючья, скальные молотки и другое необходимое снаряжение.

Личный состав носил особую форму: командиры — двубортный китель, лыжные брюки, горные ботинки; солдаты — лыжную куртку, лыжные брюки, горные ботинки. Форма эта была удобна, универсальна и отвечала всем требованиям техники движения в горах.

Это были первые в Красной Армии первоклассные горнострелковые подразделения, ничем не уступавшие горнопехотным подразделениям, имевшимся в армиях других государств, и в частности в германской армии».

Как тут не вспомнить никулинский анекдот: «Характер такой! Пока по заднице не получим, ничего делать не будем».

В октябре советским войскам удалось сбросить противника с Белореченского и группы Санчарских перевалов. С наступлением зимы активные боевые действия в горах прекратились. Клухорский, Марухский, Умпырский перевалы, Хотю-Тау, вершины Эльбруса остались за егерями. Они ушли оттуда сами в январе 1943 года, когда Северная группа войск Закавказского фронта, перейдя в решительное наступление, освободила Моздок и Минеральные Воды, а успехи на Сталинградском направлении создали реальную угрозу окружения германских частей на Кавказе. Тех же из «эдельвейсов», кто не успел отступить и оказался отрезанным от своих сил, отлавливали по ущельям войска НКВД. [435]

17 февраля 1943 года, по приказу командования фронта, 3 группы альпинистов под общим руководством А.М. Усева, с

участием представителя политуправления и кинооператора, совершили зимнее восхождение на Эльбрус, сняли черно-красные «фашистские вымпелы» и установили на вершинах Государственные флаги СССР.

К концу сентября обстановка на театре военных действий стала менее напряженной, чего нельзя сказать об обстановке в германских штабах. После всех победных фанфар исход сражения за Кавказ оказался для Гитлера слишком неожиданным: германские войска оказались остановлены на всех направлениях. Настало время искать виновных за фактический провал операции «Эдельвейс».

Еще 29 августа генерал Гальдер записал в дневнике свой разговор с фюрером:

«Сегодня были очень раздраженные споры по поводу руководства операциями в группе армий „А“. Пришлось говорить по телефону с Листом о тех мерах, которые надлежало бы принять, чтобы снова сделать наши действия маневренными».

Через два дня, 1 сентября, Гитлер заявил на совещании руководящего состава вермахта:

«Все зависит от упорства! Противник израсходует свои силы быстрее, чем мы… Кто-то должен выдохнуться, но не мы».

Тем не менее удары германских соединений в направлении Баку явно становились все слабее и слабее. 8 сентября Гальдер записал:

«Надостаточное продвижение группы армий „А“ серьезно разочаровывает фюрера».

Чтобы установить причины неудач, Гитлер откомандировал к Листу в Сталино начальника штаба оперативного руководства ОКБ генерала Йодля. [436] Докладывая ему обстановку, Лист прямо сказал, что следует отказаться от попыток выхода к Черному морю через Кавказский хребет. Генерал-фельдмаршал просил Йодля доложить об этом фюреру и посоветовать ему, чтобы он разрешил отвести части горнострелкового корпуса хотя бы за перевалы, поскольку 49-й горнопехотный корпус рисковал оказаться в изоляции. Лист также заявил о том, что наступление 1-й танковой армии на Баку близко к своей остановке. Когда Йодль вернулся в ставку Гитлера и доложил о своих переговорах с Листом, о том, что перспективы боев на Кавказе мрачные, фюрер пришел в ярость.

10 сентября генерал-фельдмаршал Лист был снят с поста командующего группой армий «А». Гитлер принял его обязанности на себя и в течение месяца лично руководил операциями группы, стремясь добиться перелома в битве.

Войска группы армий «А» в середине сентября уже не могли

наступать по всему фронту. Поэтому германское командование приняло решение о нанесении последовательных ударов сначала на Туапсе, а затем на Орджоникидзе. В беседе с Кейтелем 18 сентября Гитлер заявил:

«Решающим является прорыв на Туапсе, а затем блокирование Военно-Грузинской дороги и прорыв к Каспийскому морю».

Ближайшая задача наступления на Туапсинском направлении состояла в том, чтобы кратчайшим путем выйти на побережье Черного моря, отрезать Черноморскую группу войск от основных сил Закавказского фронта, лишить Черноморский флот всех баз и портов. В случае успеха фронт сокращался почти на 200 км, что позволяло высвободить около десяти дивизий, которые можно было бы перебросить в сторону желанных нефтеносных районов на Каспии. Проведение операции возлагалось на 17-ю армию генерала Руоффа и части горнопехотного корпуса генерала Конрада. Один удар планировалось нанести от Нефтегорска, второй — от Горячего Ключа. Клещи должны были замкнуться у поселка Шаумян, в 30 км севернее Туапсе, создавая «котел» для 18-й армии генерала Камкова. [437]

Оценивая расстановку сил перед этой операцией, советские историки, как обычно, пользуются своей особой, специально разработанной для таких случаев арифметикой:

«После провала планов прорваться на Туапсинском направлении в Закавказье в августе — сентябре 1942 года немецко-фашистское командование решило силами 17-й армии (свыше 162 тысяч человек, 147 танков и штурмовых орудий, 1316 орудий и 950 минометов) при поддержке части сил 4-го воздушного флота (350 самолетов) вновь нанести удары… и окружить основные силы 18-й армии (32 тысячи человек, 244 орудия, 362 миномета)… Для нанесения главного удара из войск немецкой 17-й армии была создана группа „Туапсе“.

Отсюда даже слепому должно быть видно, что опять у врага подавляющее превосходство над нашими войсками. Непонятно только, почему все силы группы армий «А» или армии Руоффа сравниваются с одной несчастной армией Камкова? Почему, например, не с 383-й стрелковой дивизией Провалова? Было бы еще страшнее. Или взводом лейтенанта Рябцева? Ясно, что это величины несоизмеримые.

Попробуем сравнить иначе. Всего к этому времени в группе армий «А» имелось 26 дивизий, из них 3 танковые. В состав противостоящих им войск Закавказского фронта входило более 60 стрелковых и кавалерийских дивизий, 31 стрелковая бригада, 10 танковых бригад, не считая бронепоездов, отдельных танковых

батальонов и горнострелковых отрядов. Согласимся, в таком виде соотношение сил выглядит несколько иначе. На 1 октября в частях Закавказского фронта числилось 165423 коммуниста (умножаем на два, ведь «партбилет делает вдвое сильнее») и 219131 комсомолец, а на одного коммуниста приходилось три беспартийных. [438] Между прочим, медаль «За оборону Кавказа» получили около 870 тыс. человек — в основном выжившие. Этой награды, учрежденной в 1944 году, не удостоились погибшие, пропавшие без вести, оказавшиеся в плену.

Далее: 17-й армии Руоффа с ее 18 дивизиями противостоял не один генерал Камков, а четыре советских армии — 47, 56, 18, 46-я.

И даже по сравнению с ударной группой «Туапсе» силы нашей 18-й армии смотрятся не так уж бледно. С немецкой стороны в операции участвовали 7 дивизий — 46, 125,198-я пехотные, 97-я и 101-я егерские, 1-я словацкая мотодивизия и сводная горнопехотная дивизия Ланца. У генерала Камкова и в Туапсинском оборонительном районе — семь стрелковых (31, 383, 328, 408, 236, 395 и 32-я гвардейская) и две кавалерийские (11-я и 12-я гвардейские) дивизии, четыре стрелковые и одна мотострелковая бригада, полк морской пехоты, плюс поддержка двух 130-мм береговых батарей, одной 180-мм железнодорожной батареи, артиллерии Черноморского флота, плюс непрерывная подпитка новыми дивизиями, бригадами, пушками и самолетами.

Другое дело, что Камков тоже оказался «не Гинденбург», — в анкете ничего, кроме кавалерийских курсов, а оборона строилась по правилам «самой передовой» советской военной науки. Так, дивизии первого эшелона, немотря на оперативную паузу, не имели сплошной линии обороны, а ограничились созданием ротных опорных пунктов, не установили инженерные заграждения, минные поля и даже рекогносцировку собственной полосы обороны не произвели. Зато усердно возводились заграждения и огневые точки на Черноморском побережье: в местах возможной высадки десантов устанавливались противопехотные минные поля, на берегу от Кабардинки до Туапсе завершалось строительство свыше 500 дотов и дзотов, устанавливалось более 300 управляемых фугасов. Тонны взрывчатки закладывались для вывода из строя Сухумского шоссе, разрушения мостов и подпорных стен.

На этих работах были задействованы основные силы саперных и инженерных частей, непосредственно для фронта этих специалистов «не хватило». И не только специалистов: страна великих строек коммунизма и на втором году войны не сумела обеспечить свою армию самым простым шанцевым инструментом.

Пример из Тюленева:

«Стрелковая часть, оборонявшая горы Гунай и Гейман, раздобыла (!) два десятка лопат, но лома ни одного не имела. А попробуй-ка выдолби окоп в скале без лома! Выручил какой-то смекалистый интендант: наладил изготовление ломов из осей обозных повозок».

Интересно, а когда нужны были повозки, вместо осей вставляли ломы?

«При планировании работ, — пишет маршал Гречко, — штаб инженерных войск Черноморской группы допустил серьезные ошибки, особенно в распределении имевшихся инженерных и саперных подразделений. Так, на обслуживание заграждений, установленных на дорогах, было выделено слишком много саперных подразделений, тогда как на других участках саперов не хватало. Среди командного состава все еще существовало ошибочное мнение, будтно горно-лесистая местность сама по себе является хорошим прикрытием и нет надобности производить крупные оборонительные работы (весной 1940 года немцы протолкнули через Арденны целую танковую группу, а у нас два года спустя все еще „существовало ошибочное мнение“. — *Авт.)*.

Все это привело к тому, что, хотя время и местность*позволяли сделать оборону непреодолимой, она оставалась слабо оборудованной.* Даже некоторые ключевые высоты оказались не укрепленными и*не занятыми войсками (курсив наш. — Авт.)*. Опорные пункты не были приспособлены к круговой обороне, система огня не организована, а лесные завалы, созданные только по переднему краю обороны, не заминированы».

Ставка Верховного Главнокомандования указала командующим Закавказским фронтом и Черноморской группой войск:

«Поданным Генштаба, подтвержденным событиями последних дней, оборона войск Черноморской группы слабая, несмотря на то что время и местность позволяли сделать ее непроходимой».

Особенно слабой оказалась оборона на участке именно 18-й армии. При том, что по признанию генерала Провалова: «О готовящемся наступлении немцев на Туапсинском направлении нам было известно». Беда в том, что ожидали противника в долине реки Пшеха, но ожидания эти не оправдались.

25 сентября после 2-дневных мощных авиационных ударов по коммуникациям и боевым порядкам 18-й армии немцы силами 97-й и 101-й легкопехотных дивизий «неудержимой лавиной ринулись в атаку» из района Хадыженской на Шаумян. Сутки спустя 198-я пехотная дивизия начала прорыв от Горячего Ключа

на Фанагорийское. В течение трех дней пять советских дивизий, почти месяц совершенствовавших перед этим свою оборону, «героически сдерживали натиск» трех германских пехотных дивизий.

27 сентября генерал Руофф ввел в полосе 383-й стрелковой дивизии альпийских стрелков Ланца. Им удалось прорвать фронт, овладеть горами Гунай, Нейман — здесь «эдельвейсов» не ожидали — и выйти в долину реки Гунайка, создавая угрозу тылам 18-й армии. Советские части начали отход на запад и юго-запад. Генерал Провалов, оправдывая свою неудачу, пишет, что его атаковала чуть ли не вся группа армий «А»:

«На 383— ю стрелковую дивизию немцы обрушили сразу альпийских стрелков Ланца, 97-ю егерскую, 46-ю специально подготовленную к боевым действиям в горах, мотодивизию СС „Викинг“, бельгийский легион „Валлоны“.

Генерал как-то забывает, что слева от него с вышеперечисленными соединениями противника дрались 236-я стрелковая и 32-я гвардейская дивизии, справа — 31-я стрелковая и 11-я кавалерийская дивизии, в тылу разворачивались резервные 328-я и 408-я стрелковые дивизии, 40-я мотострелковая бригада. [441] Ну а эсэсовцы из дивизии «Викинг» просто померещились, они в это время находились под Моздоком.

На Лазаревском направлении части 46-й немецкой пехотной дивизии перешли в наступление 28 сентября с участка Самурская, Нефтегорск и продвинулись почти до долины реки Пшеха.

29 сентября Ставка ВГК объясняла генералу Тюленеву обстановку:

«Несмотря на достаточное количество сил на Хадыженско-Туапсинском направлении и длительное время занятия войсками оборонительных рубежей, противник сумел с первых же дней наступления выйти во фланг и тыл частям 18-й армии, обороняющим дорогу Хадыженская — Туапсе.

1. Вместо глубоко эшелонированной сильной обороны части 18-й армии оказались разбросанными и, несмотря на общее*превосходство в силах (курсив наш. — Авт.)*, на каждом отдельном направлении оказывались слабее наступающего противника…

«…»

3. Не пытались восстановить положение в первые же дни, сосредоточить необходимые силы и перейти в решительную контратаку, а усиливали обороняющиеся части небольшими силами, что давало возможность противнику*бить их по частям (крусив наш. — Авт.)*.

Дальнейшее намерение противника сводится к тому, чтобы, действуя со стороны Котловина, гора Гунай, гора Гейман и с направления Фанагорийское по долине р. Псекупс, обойти главные силы нашей хадыженской группировки, изолировать ее и тем самым создать реальную угрозу выхода на побережье в район Туапсе…

Считаю необходимым немедленно создать ударные Группировки, перейти к активным действиям и полностью восстановить положение в районе к югу от Хадыженской и на участке Горячий Ключ, имея в виду ни в коем случае не допустить прорыва противника в район Туапсе». [442]

Особенно опасным являлся прорыв в центре оперативного построения 18-й армии, поэтому командование Черноморской группы решило нанести здесь сильный контрудар и уничтожить противника в районе Сосновка — гора Гейман и восстановить положение. Этот удар был назначен на 2 октября. Но немцы опередили и 1 октября сами ударили на этом участке, овладев населеными пунктами Котловина и Куринская. 7 октября войска генерала Камкова вновь попытались нанести контрудар с целью уничтожения гунайской и сосновской группировок противника. Однако из-за неорганизованности и слабой подготовки успеха этот удар не имел. В тот же день генерал Черевиченко приказал командующему 18-й армией прекратить разрозненные действия и, не распыляя сил, нанести последовательные удары по неприятельской группировке в районах Гунайки и Котловины. К 9 октября советские войска контратаками остановили дальнейшее продвижение противника. На правом крыле Черноморской группы войск наступила оперативная пауза, обе стороны готовились к продолжению борьбы на Туапсинском направлении.

Немцы усиливали свою группировку в районе Гуная, снимая части с других участков. В свою очередь, командование Закавказского фронта проводило ряд срочных мероприятий по усилению войск Черноморской группы. Из состава 56-й армии в 18-ю армию передавалась 353-я стрелковая дивизия. В район Туапсе в качестве резерва были переброшены 83-51 морская стрелковая бригада и отдельный полк морской пехоты. Кроме

того, на усиление 18-й армии из резерва фронта передавались 107-я стрелковая бригада и 4 артиллерийских полка, 5-я воздушная армия пополнялась самолетами.

11 октября Ставка освободила от командования Черноморской группой генерал-полковника Я.Т. Черевиченко и назначила на его место генерал-майора И.Е. Петрова (Черевиченко затем 4 месяца командовал 5-й армией, короткое время побыл заместителем командующего Северо-Западным фронтом и почти полтора года находился в распоряжении Ставки — не могли найти ему применения. В апреле 1945-го генерал-полковнику (!) доверили стрелковый корпус). [443]

Еще до этого Военным советом Черноморской группы войск был разработан план разгрома гунайской и хадыженской группировок противника. Для этой цели создавались две ударные группы: в районе Навагинской для удара на Хадыженскую и в районе Церковный для удара на Нефтяную. Такой план имел ряд серьезных недостатков. Во-первых, не учитывались реальные возможности сосредоточения войск. Им предстояло совершать перегруппировку только по одной дороге на каждом направлении, а в районе Церковного находилась всего одна вьючная тропа — для больших начальников карта оставалась гладкой бумагой, на которой можно нарисовать все, что угодно. Во-вторых, переброска войск на фланги ослабляла центр 18-й армии, видимо, считалось, что противник уже утратил инициативу.

Пока велась эта сложная перегруппировка, немцы 14 октября нанесли два одновременных удара — из района Гунайка, гора Гейман и из района восточнее Фанагорийского на Шаумян, Садовое с целью окружить основные силы 18-й армии и прорваться к Туапсе. К исходу 15 октября егеря вышли к окраине Шаумяна; 198-я пехотная дивизия на левом фланге тоже прорвала советскую оборону и начала продвигаться по долине реки Хатыж. Положение на Туапсинском направлении становилось все напряженнее.

Полнокровная, прибывшая с советско-турецкой границы 408-я стрелковая дивизия оказалась изолированной от основных сил 18-й армии, сражавшихся на Шаумянском направлении, и от своих тылов. Единственной дорогой, соединявшей ее с армией, стала пешеходная тропа через Семашхо. [444] Части дивизии, удерживая оборону на невыгодных позициях, несли большие потери, иссякал запас снарядов, мин и патронов.

15 октября Ставка послала командующему Закавказским фронтом директиву, в которой говорилось:

«Из ваших наиболее частых посещений войск Северной

группы и из того, что вами значительно большая часть войск направлена в состав этой группы, Ставка усматривает недооценку вами значения Черноморской группы и оперативно-стратегической роли Черноморского побережья.

Ставка разъясняет, что значение Черноморского направления не менее важно, чем направление на Махачкалу, так как противник выходом через Елисавет-польский перевал в Туапсе отрезает почти все войска Черноморской группы от войск фронта, что, безусловно, приведет к их пленению; выход противника в район Поти, Батуми лишает наш Черноморский флот последних баз и одновременно предоставляет противнику возможность дальнейшим движением через Кутаиси и Тбилиси, а также от Батуми через Ахалцих, Ленинанкан по долинам выйти в тыл всем остальным войскам фронта и подойти к Баку».

Этой же директивой предписывалось немедленно перебросить в состав 18-й армии 3 гвардейские стрелковые бригады — 10,11,12-ю из резерва Северной группы, 63-ю кавалерийскую дивизию из состава 46-й армии, 83-ю морскую стрелковую бригаду из 47-й армии, а также передать Черноморской группе 83-ю горнострелковую дивизию, прибывшую из Ирана. Все эти части уже через 5 дней находились в районе боевых действий.

Противник между тем продолжал наступать и 16 октября вышел к Навагинской, а на следующий день овладел Шаумяном и завязал бои за Елисаветпольский перевал. Фанагорийская группировка к 16 октября захватила урочище Степки и стала распространяться дальше. Генерал Руофф был уверен в полном успехе предприятия, кольцо почти уже захлопнулось. [445] В этот день в журнале боевых действий группы армий «А» появилась запись:

«Сопротивление противника в районе Туапсе, сделавшееся в последние дни заметно слабее, позволяет сделать вывод, что силы сопротивления русских сильно надломлены нашим непрерывным наступлением, а также эффективной поддержкой авиации».

17 октября генерал Петров со штабом выехал к Камкову, чтобы разобраться в ситуации. В ходе проверки выяснилось, что

«командующий 18-й армией и его штаб не знали действительного положения дел на фронте. Они потеряли связь с соединениями левого фланга армии. Командованию армии доже не было известно о том, что противник захватил Шаумян. Оно пренебрегло условиями местности и стремилось создать сплошной фронт, в результате чего войска, поступавшие в армию из резерва, распылялись, вместо того чтобы сосредоточиваться

для нанесения контрударов в наиболее угрожаемых местах».

Видя такие действия руководства армии и учитывая обстановку, Военный совет фронта решил сменить командующего 18-й армией генерал-лейтенанта Ф.В. Камкова и назначить на его место ставшего своеобразным «пожарным» генерал-майора А.А. Гречко, который до этого командовал 47-й армией на Новороссийском направлении. Камкова тоже не обидели — отправили на место Гречко командовать 47-й армией. Рокировка была проведена 19 октября.

* * *

Новый командарм-18 решил сосредоточить усилия армии и выделенные в его распоряжение резервы для нанесения контрудара по группировке противника, вышедшей в район Шаумяна. Интересно, что много и пространно рассуждая о создании глубокоэшелонированной обороны, никто и не думал заниматься этим на практике. В итоге 19 октября немецкие войска сами перешли в наступление и захватили перевал Елисаветпольский и гору Кочканова. [446] Генералу Гречко, избегая окружения, пришлось отводить свой левый фланг. Противник продолжал развивать наступление на Гойтх, Георгиевское.

С утра 21 октября после сильной артиллерийской и авиационной подготовки немцы нанесли новый удар из района Гунайки. Егеря раздавили сопротивление сильно поредевшей и оставшейся без боеприпасов 408-й стрелковой дивизии, проникли на северную окраину Перевального и овладели Гойтхом. Передовые германские части вышли к долине реки Туапсинка, от которой до Туапсе оставалось немногим более 30 км. Но на этом рубеже к исходу 23 октября немцы были остановлены, а затем с 31 октября перешли к обороне. Слава Богу, наши бравые генералы смогли сделать хотя бы это. Правда, учитывая, что в октябре против семи вражеских дивизий с советской стороны действовали десять стрелковых и три кавалерийские дивизии, восемь стрелковых и одна мотострелкрвая бригада, не считая отдельных отрядов и полков морской пехоты, достигнутые результаты не впечатляют.

Чем могли помогали наземным войскам летчики 5-й воздушной армии и ВВС Черноморского флота. Правда, и в октябре 1942 года им приходилось сталкиваться с теми же

трудностями:

«Управление авиацией по радио тогда еще переживало свой начальный период (!). Рации имели лишь самолеты новых конструкций, созданные в ходе войны (неужели наличие радиостанции на борту настолько зависит от конструкции самолета? Помнится мне, англичане успешно испытали взаимодействие корабля и самолета, оснащенного радиостанцией, летом 1913 года. Надо было купить у англичан этот аэроплан новейшей конструкции. — *Авт.)*, а поскольку они выходили на задание вместе со старыми, не имевшими раций, то управлении ими в воздухе осуществлялось, как и прежде, с помощью ракет. Кстати, многие летчики, на самолетах которых имелись рации, поначалу не умели ими квалифицированно пользоваться. [447] По выработавшейся привычке больше доверяли ракетным сигналам и покачиваниям крыльями ведущих самолетов (так их и сбивали, пока они крыльями покачивали. — *Авт.)*. Сначала пришлось внедрять радиосвязь в основном на земле между штабами соединений и аэродромов (интересно, конструкция аэродрома как-нибудь на это влияла? — *Авт.)*».

Тот же источник о взаимодействии с пехотой:

«Зашла речь и об ударах авиации по переднему краю противника. Мы у себя в штабе хорошо понимали огромное значение таких ударов, но планировали их крайне редко (бомбовые удары наносились в основном по тылам противника. — *Авт.)*. Для этого требовалось, чтобы наши войска обозначали свой передний край белыми полотнищами, кострами и ракетами, но общевойсковые командиры не всегда соглашались выполнять просьбы авиационного командования. И их можно понять: костры, полотнища и даже ракеты почти всегда становились ориентирами не только для нашей, но и для вражеской авиации».

Которую, к тому же, наземные командиры видели над собой гораздо чаще.

Последнюю попытку прорваться к Туапсе через Георгиевское немцы предприняли в середине ноября. К 23 ноября они вклинились в оборону 18-й армии на глубину 8 км и по фронту до 10 км, но здесь были остановлены, а 26 ноября фланговыми контрударами советских войск отброшены на исходные позиции. К середине декабря их оттеснили на реку Пшиш.

На этом закончилась Туапсинская операция: германским войскам так и не удалось прорваться к Черному морю юго-восточнее Новороссийска.

Туапсинская операция

К концу сентября обстановка на театре военных действий стала менее напряженной, чего нельзя сказать об обстановке в германских штабах. После всех победных фанфар исход сражения за Кавказ оказался для Гитлера слишком неожиданным: германские войска оказались остановлены на всех направлениях. Настало время искать виновных за фактический провал операции «Эдельвейс».

Еще 29 августа генерал Гальдер записал в дневнике свой разговор с фюрером:

«Сегодня были очень раздраженные споры по поводу руководства операциями в группе армий „А“. Пришлось говорить по телефону с Листом о тех мерах, которые надлежало бы принять, чтобы снова сделать наши действия маневренными».

Через два дня, 1 сентября, Гитлер заявил на совещании руководящего состава вермахта:

«Все зависит от упорства! Противник израсходует свои силы быстрее, чем мы… Кто-то должен выдохнуться, но не мы».

Тем не менее удары германских соединений в направлении Баку явно становились все слабее и слабее. 8 сентября Гальдер записал:

«Надостаточное продвижение группы армий „А“ серьезно разочаровывает фюрера».

Чтобы установить причины неудач, Гитлер откомандировал к Листу в Сталино начальника штаба оперативного руководства ОКБ генерала Йодля. [436] Докладывая ему обстановку, Лист прямо сказал, что следует отказаться от попыток выхода к Черному морю через Кавказский хребет. Генерал-фельдмаршал просил Йодля доложить об этом фюреру и посоветовать ему, чтобы он разрешил отвести части горнострелкового корпуса хотя бы за перевалы, поскольку 49-й горнопехотный корпус рисковал оказаться в изоляции. Лист также заявил о том, что наступление 1-й танковой армии на Баку близко к своей остановке. Когда Йодль вернулся в ставку Гитлера и доложил о своих переговорах с Листом, о том, что перспективы боев на Кавказе мрачные, фюрер пришел в ярость.

10 сентября генерал-фельдмаршал Лист был снят с поста командующего группой армий «А». Гитлер принял его обязанности на себя и в течение месяца лично руководил операциями группы, стремясь добиться перелома в битве.

Войска группы армий «А» в середине сентября уже не могли наступать по всему фронту. Поэтому германское командование приняло решение о нанесении последовательных ударов сначала на Туапсе, а затем на Орджоникидзе. В беседе с Кейтелем 18

сентября Гитлер заявил:

«Решающим является прорыв на Туапсе, а затем блокирование Военно-Грузинской дороги и прорыв к Каспийскому морю».

Ближайшая задача наступления на Туапсинском направлении состояла в том, чтобы кратчайшим путем выйти на побережье Черного моря, отрезать Черноморскую группу войск от основных сил Закавказского фронта, лишить Черноморский флот всех баз и портов. В случае успеха фронт сокращался почти на 200 км, что позволяло высвободить около десяти дивизий, которые можно было бы перебросить в сторону желанных нефтеносных районов на Каспии. Проведение операции возлагалось на 17-ю армию генерала Руоффа и части горнопехотного корпуса генерала Конрада. Один удар планировалось нанести от Нефтегорска, второй — от Горячего Ключа. Клещи должны были замкнуться у поселка Шаумян, в 30 км севернее Туапсе, создавая «котел» для 18-й армии генерала Камкова. [437]

Оценивая расстановку сил перед этой операцией, советские историки, как обычно, пользуются своей особой, специально разработанной для таких случаев арифметикой:

«После провала планов прорваться на Туапсинском направлении в Закавказье в августе — сентябре 1942 года немецко-фашистское командование решило силами 17-й армии (свыше 162 тысяч человек, 147 танков и штурмовых орудий, 1316 орудий и 950 минометов) при поддержке части сил 4-го воздушного флота (350 самолетов) вновь нанести удары… и окружить основные силы 18-й армии (32 тысячи человек, 244 орудия, 362 миномета)… Для нанесения главного удара из войск немецкой 17-й армии была создана группа „Туапсе“.

Отсюда даже слепому должно быть видно, что опять у врага подавляющее превосходство над нашими войсками. Непонятно только, почему все силы группы армий «А» или армии Руоффа сравниваются с одной несчастной армией Камкова? Почему, например, не с 383-й стрелковой дивизией Провалова? Было бы еще страшнее. Или взводом лейтенанта Рябцева? Ясно, что это величины несоизмеримые.

Попробуем сравнить иначе. Всего к этому времени в группе армий «А» имелось 26 дивизий, из них 3 танковые. В состав противостоящих им войск Закавказского фронта входило более 60 стрелковых и кавалерийских дивизий, 31 стрелковая бригада, 10 танковых бригад, не считая бронепоездов, отдельных танковых батальонов и горностелковых отрядов. Согласимся, в таком виде соотношение сил выглядит несколько иначе. На 1 октября в частях Закавказского фронта числилось 165423 коммуниста

(умножаем на два, ведь «партбилет делает вдвое сильнее») и 219131 комсомолец, а на одного коммуниста приходилось три беспартийных. [438] Между прочим, медаль «За оборону Кавказа» получили около 870 тыс. человек — в основном выжившие. Этой награды, учрежденной в 1944 году, не удостоились погибшие, пропавшие без вести, оказавшиеся в плену.

Далее: 17-й армии Руоффа с ее 18 дивизиями противостоял не один генерал Камков, а четыре советских армии — 47, 56, 18, 46-я.

И даже по сравнению с ударной группой «Туапсе» силы нашей 18-й армии смотрятся не так уж бледно. С немецкой стороны в операции участвовали 7 дивизий — 46, 125,198-я пехотные, 97-я и 101-я егерские, 1-я словацкая мотодивизия и сводная горнопехотная дивизия Ланца. У генерала Камкова и в Туапсинском оборонительном районе — семь стрелковых (31, 383, 328, 408, 236, 395 и 32-я гвардейская) и две кавалерийские (11-я и 12-я гвардейские) дивизии, четыре стрелковые и одна мотострелковая бригада, полк морской пехоты, плюс поддержка двух 130-мм береговых батарей, одной 180-мм железнодорожной батареи, артиллерии Черноморского флота, плюс непрерывная подпитка новыми дивизиями, бригадами, пушками и самолетами.

Другое дело, что Камков тоже оказался «не Гинденбург», — в анкете ничего, кроме кавалерийских курсов, а оборона строилась по правилам «самой передовой» советской военной науки. Так, дивизии первого эшелона, немотря на оперативную паузу, не имели сплошной линии обороны, а ограничились созданием ротных опорных пунктов, не установили инженерные заграждения, минные поля и даже рекогносцировку собственной полосы обороны не произвели. Зато усердно возводились заграждения и огневые точки на Черноморском побережье: в местах возможной высадки десантов устанавливались противопехотные минные поля, на берегу от Кабардинки до Туапсе завершалось строительство свыше 500 дотов и дзотов, устанавливалось более 300 управляемых фугасов. Тонны взрывчатки закладывались для вывода из строя Сухумского шоссе, разрушения мостов и подпорных стен.

На этих работах были задействованы основные силы саперных и инженерных частей, непосредственно для фронта этих специалистов «не хватило». И не только специалистов: страна великих строек коммунизма и на втором году войны не сумела обеспечить свою армию самым простым шанцевым инструментом. Пример из Тюленева:

«Стрелковая часть, оборонявшая горы Гунай и Гейман, раздобыла (!) два десятка лопат, но лома ни одного не имела. А

попробуй-ка выдолби окоп в скале без лома! Выручил какой-то смекалистый интендант: наладил изготовление ломов из осей обозных повозок».

Интересно, а когда нужны были повозки, вместо осей вставляли ломы?

«При планировании работ, — пишет маршал Гречко, — штаб инженерных войск Черноморской группы допустил серьезные ошибки, особенно в распределении имевшихся инженерных и саперных подразделений. Так, на обслуживание заграждений, установленных на дорогах, было выделено слишком много саперных подразделений, тогда как на других участках саперов не хватало. Среди командного состава все еще существовало ошибочное мнение, будтно горно-лесистая местность сама по себе является хорошим прикрытием и нет надобности производить крупные оборонительные работы (весной 1940 года немцы протолкнули через Арденны целую танковую группу, а у нас два года спустя все еще „существовало ошибочное мнение“. *— Авт.)*.

Все это привело к тому, что, хотя время и местность*позволяли сделать оборону непреодолимой, она оставалась слабо оборудованной.* Даже некоторые ключевые высоты оказались не укрепленными и*не занятыми войсками (курсив наш. — Авт.)*. Опорные пункты не были приспособлены к круговой обороне, система огня не организована, а лесные завалы, созданные только по переднему краю обороны, не заминированы».

Ставка Верховного Главнокомандования указала командующим Закавказским фронтом и Черноморской группой войск:

«Поданным Генштаба, подтвержденным событиями последних дней, оборона войск Черноморской группы слабая, несмотря на то что время и местность позволяли сделать ее непроходимой».

Особенно слабой оказалась оборона на участке именно 18-й армии. При том, что по признанию генерала Провалова: «О готовящемся наступлении немцев на Туапсинском направлении нам было известно». Беда в том, что ожидали противника в долине реки Пшеха, но ожидания эти не оправдались.

25 сентября после 2-дневных мощных авиационных ударов по коммуникациям и боевым порядкам 18-й армии немцы силами 97-й и 101-й легкопехотных дивизий «неудержимой лавиной ринулись в атаку» из района Хадыженской на Шаумян. Сутки спустя 198-я пехотная дивизия начала прорыв от Горячего Ключа на Фанагорийское. В течение трех дней пять советских дивизий, почти месяц совершенствовавших перед этим свою оборону, «героически сдерживали натиск» трех германских пехотных

дивизий.

27 сентября генерал Руофф ввел в полосе 383-й стрелковой дивизии альпийских стрелков Ланца. Им удалось прорвать фронт, овладеть горами Гунай, Нейман — здесь «эдельвейсов» не ожидали — и выйти в долину реки Гунайка, создавая угрозу тылам 18-й армии. Советские части начали отход на запад и юго-запад. Генерал Провалов, оправдывая свою неудачу, пишет, что его атаковала чуть ли не вся группа армий «А»:

«На 383— ю стрелковую дивизию немцы обрушили сразу альпийских стрелков Ланца, 97-ю егерскую, 46-ю специально подготовленную к боевым действиям в горах, мотодивизию СС „Викинг“, бельгийский легион „Валлоны“.

Генерал как-то забывает, что слева от него с вышеперечисленными соединениями противника дрались 236-я стрелковая и 32-я гвардейская дивизии, справа — 31-я стрелковая и 11-я кавалерийская дивизии, в тылу разворачивались резервные 328-я и 408-я стрелковые дивизии, 40-я мотострелковая бригада. [441] Ну а эсэсовцы из дивизии «Викинг» просто померещились, они в это время находились под Моздоком.

На Лазаревском направлении части 46-й немецкой пехотной дивизии перешли в наступление 28 сентября с участка Самурская, Нефтегорск и продвинулись почти до долины реки Пшеха.

29 сентября Ставка ВГК объясняла генералу Тюленеву обстановку:

«Несмотря на достаточное количество сил на Хадыженско-Туапсинском направлении и длительное время занятия войсками оборонительных рубежей, противник сумел с первых же дней наступления выйти во фланг и тыл частям 18-й армии, обороняющим дорогу Хадыженская — Туапсе.

1. Вместо глубоко эшелонированной сильной обороны части 18-й армии оказались разбросанными и, несмотря на общее*превосходство в силах (курсив наш. — Авт.)*, на каждом отдельном направлении оказывались слабее наступающего противника…

«…»

3. Не пытались восстановить положение в первые же дни, сосредоточить необходимые силы и перейти в решительную контратаку, а усиливали обороняющиеся части небольшими силами, что давало возможность противнику*бить их по частям (крусив наш. — Авт.)*.

Дальнейшее намерение противника сводится к тому, чтобы, действуя со стороны Котловина, гора Гунай, гора Гейман и с направления Фанагорийское по долине р. Псекупс, обойти главные силы нашей хадыженской группировки, изолировать ее и тем самым создать реальную угрозу выхода на побережье в район Туапсе…

Считаю необходимым немедленно создать ударные Группировки, перейти к активным действиям и полностью восстановить положение в районе к югу от Хадыженской и на участке Горячий Ключ, имея в виду ни в коем случае не допустить прорыва противника в район Туапсе». [442]

Особенно опасным являлся прорыв в центре оперативного построения 18-й армии, поэтому командование Черноморской группы решило нанести здесь сильный контрудар и уничтожить противника в районе Сосновка — гора Гейман и восстановить положение. Этот удар был назначен на 2 октября. Но немцы опередили и 1 октября сами ударили на этом участке, овладев населеными пунктами Котловина и Куринская. 7 октября войска генерала Камкова вновь попытались нанести контрудар с целью уничтожения гунайской и сосновской группировок противника. Однако из-за неорганизованности и слабой подготовки успеха этот удар не имел. В тот же день генерал Черевиченко приказал командующему 18-й армией прекратить разрозненные действия и, не распыляя сил, нанести последовательные удары по неприятельской группировке в районах Гунайки и Котловины. К 9 октября советские войска контратаками остановили дальнейшее продвижение противника. На правом крыле Черноморской группы войск наступила оперативная пауза, обе стороны готовились к продолжению борьбы на Туапсинском направлении.

Немцы усиливали свою группировку в районе Гуная, снимая части с других участков. В свою очередь, командование Закавказского фронта проводило ряд срочных мероприятий по усилению войск Черноморской группы. Из состава 56-й армии в 18-ю армию передавалась 353-я стрелковая дивизия. В район Туапсе в качестве резерва были переброшены 83-51 морская стрелковая бригада и отдельный полк морской пехоты. Кроме

того, на усиление 18-й армии из резерва фронта передавались 107-я стрелковая бригада и 4 артиллерийских полка, 5-я воздушная армия пополнялась самолетами.

11 октября Ставка освободила от командования Черноморской группой генерал-полковника Я.Т. Черевиченко и назначила на его место генерал-майора И.Е. Петрова (Черевиченко затем 4 месяца командовал 5-й армией, короткое время побыл заместителем командующего Северо-Западным фронтом и почти полтора года находился в распоряжении Ставки — не могли найти ему применения. В апреле 1945-го генерал-полковнику (!) доверили стрелковый корпус). [443]

Еще до этого Военным советом Черноморской группы войск был разработан план разгрома гунайской и хадыженской группировок противника. Для этой цели создавались две ударные группы: в районе Навагинской для удара на Хадыженскую и в районе Церковный для удара на Нефтяную. Такой план имел ряд серьезных недостатков. Во-первых, не учитывались реальные возможности сосредоточения войск. Им предстояло совершать перегруппировку только по одной дороге на каждом направлении, а в районе Церковного находилась всего одна вьючная тропа — для больших начальников карта оставалась гладкой бумагой, на которой можно нарисовать все, что угодно. Во-вторых, переброска войск на фланги ослабляла центр 18-й армии, видимо, считалось, что противник уже утратил инициативу.

Пока велась эта сложная перегруппировка, немцы 14 октября нанесли два одновременных удара — из района Гунайка, гора Гейман и из района восточнее Фанагорийского на Шаумян, Садовое с целью окружить основные силы 18-й армии и прорваться к Туапсе. К исходу 15 октября егеря вышли к окраине Шаумяна; 198-я пехотная дивизия на левом фланге тоже прорвала советскую оборону и начала продвигаться по долине реки Хатыж. Положение на Туапсинском направлении становилось все напряженнее.

Полнокровная, прибывшая с советско-турецкой границы 408-я стрелковая дивизия оказалась изолированной от основных сил 18-й армии, сражавшихся на Шаумянском направлении, и от своих тылов. Единственной дорогой, соединявшей ее с армией, стала пешеходная тропа через Семашхо. [444] Части дивизии, удерживая оборону на невыгодных позициях, несли большие потери, иссякал запас снарядов, мин и патронов.

15 октября Ставка послала командующему Закавказским фронтом директиву, в которой говорилось:

«Из ваших наиболее частых посещений войск Северной

группы и из того, что вами значительно большая часть войск направлена в состав этой группы, Ставка усматривает недооценку вами значения Черноморской группы и оперативно-стратегической роли Черноморского побережья.

Ставка разъясняет, что значение Черноморского направления не менее важно, чем направление на Махачкалу, так как противник выходом через Елисавет-польский перевал в Туапсе отрезает почти все войска Черноморской группы от войск фронта, что, безусловно, приведет к их пленению; выход противника в район Поти, Батуми лишает наш Черноморский флот последних баз и одновременно предоставляет противнику возможность дальнейшим движением через Кутаиси и Тбилиси, а также от Батуми через Ахалцих, Ленинанкан по долинам выйти в тыл всем остальным войскам фронта и подойти к Баку».

Этой же директивой предписывалось немедленно перебросить в состав 18-й армии 3 гвардейские стрелковые бригады — 10,11,12-ю из резерва Северной группы, 63-ю кавалерийскую дивизию из состава 46-й армии, 83-ю морскую стрелковую бригаду из 47-й армии, а также передать Черноморской группе 83-ю горнострелковую дивизию, прибывшую из Ирана. Все эти части уже через 5 дней находились в районе боевых действий.

Противник между тем продолжал наступать и 16 октября вышел к Навагинской, а на следующий день овладел Шаумяном и завязал бои за Елисаветпольский перевал. Фанагорийская группировка к 16 октября захватила урочище Степки и стала распространяться дальше. Генерал Руофф был уверен в полном успехе предприятия, кольцо почти уже захлопнулось. [445] В этот день в журнале боевых действий группы армий «А» появилась запись:

«Сопротивление противника в районе Туапсе, сделавшееся в последние дни заметно слабее, позволяет сделать вывод, что силы сопротивления русских сильно надломлены нашим непрерывным наступлением, а также эффективной поддержкой авиации».

17 октября генерал Петров со штабом выехал к Камкову, чтобы разобраться в ситуации. В ходе проверки выяснилось, что

«командующий 18-й армией и его штаб не знали действительного положения дел на фронте. Они потеряли связь с соединениями левого фланга армии. Командованию армии доже не было известно о том, что противник захватил Шаумян. Оно пренебрегло условиями местности и стремилось создать сплошной фронт, в результате чего войска, поступавшие в армию из резерва, распылялись, вместо того чтобы сосредоточиваться

для нанесения контрударов в наиболее угрожаемых местах».

Видя такие действия руководства армии и учитывая обстановку, Военный совет фронта решил сменить командующего 18-й армией генерал-лейтенанта Ф.В. Камкова и назначить на его место ставшего своеобразным «пожарным» генерал-майора А.А. Гречко, который до этого командовал 47-й армией на Новороссийском направлении. Камкова тоже не обидели — отправили на место Гречко командовать 47-й армией. Рокировка была проведена 19 октября.

* * *

Новый командарм-18 решил сосредоточить усилия армии и выделенные в его распоряжение резервы для нанесения контрудара по группировке противника, вышедшей в район Шаумяна. Интересно, что много и пространно рассуждая о создании глубокоэшелонированной обороны, никто и не думал заниматься этим на практике. В итоге 19 октября немецкие войска сами перешли в наступление и захватили перевал Елисаветпольский и гору Кочканова. [446] Генералу Гречко, избегая окружения, пришлось отводить свой левый фланг. Противник продолжал развивать наступление на Гойтх, Георгиевское.

С утра 21 октября после сильной артиллерийской и авиационной подготовки немцы нанесли новый удар из района Гунайки. Егеря раздавили сопротивление сильно поредевшей и оставшейся без боеприпасов 408-й стрелковой дивизии, проникли на северную окраину Перевального и овладели Гойтхом. Передовые германские части вышли к долине реки Туапсинка, от которой до Туапсе оставалось немногим более 30 км. Но на этом рубеже к исходу 23 октября немцы были остановлены, а затем с 31 октября перешли к обороне. Слава Богу, наши бравые генералы смогли сделать хотя бы это. Правда, учитывая, что в октябре против семи вражеских дивизий с советской стороны действовали десять стрелковых и три кавалерийские дивизии, восемь стрелковых и одна мотострелкрвая бригада, не считая отдельных отрядов и полков морской пехоты, достигнутые результаты не впечатляют.

Чем могли помогали наземным войскам летчики 5-й воздушной армии и ВВС Черноморского флота. Правда, и в октябре 1942 года им приходилось сталкиваться с теми же

трудностями:

«Управление авиацией по радио тогда еще переживало свой начальный период (!). Рации имели лишь самолеты новых конструкций, созданные в ходе войны (неужели наличие радиостанции на борту настолько зависит от конструкции самолета? Помнится мне, англичане успешно испытали взаимодействие корабля и самолета, оснащенного радиостанцией, летом 1913 года. Надо было купить у англичан этот аэроплан новейшей конструкции. — *Авт.)*, а поскольку они выходили на задание вместе со старыми, не имевшими раций, то управлении ими в воздухе осуществлялось, как и прежде, с помощью ракет. Кстати, многие летчики, на самолетах которых имелись рации, поначалу не умели ими квалифицированно пользоваться. [447] По выработавшейся привычке больше доверяли ракетным сигналам и покачиваниям крыльями ведущих самолетов (так их и сбивали, пока они крыльями покачивали. — *Авт.)*. Сначала пришлось внедрять радиосвязь в основном на земле между штабами соединений и аэродромов (интересно, конструкция аэродрома как-нибудь на это влияла? — *Авт.)*».

Тот же источник о взаимодействии с пехотой:

«Зашла речь и об ударах авиации по переднему краю противника. Мы у себя в штабе хорошо понимали огромное значение таких ударов, но планировали их крайне редко (бомбовые удары наносились в основном по тылам противника. — *Авт.)*. Для этого требовалось, чтобы наши войска обозначали свой передний край белыми полотнищами, кострами и ракетами, но общевойсковые командиры не всегда соглашались выполнять просьбы авиационного командования. И их можно понять: костры, полотнища и даже ракеты почти всегда становились ориентирами не только для нашей, но и для вражеской авиации».

Которую, к тому же, наземные командиры видели над собой гораздо чаще.

Последнюю попытку прорваться к Туапсе через Георгиевское немцы предприняли в середине ноября. К 23 ноября они вклинились в оборону 18-й армии на глубину 8 км и по фронту до 10 км, но здесь были остановлены, а 26 ноября фланговыми контрударами советских войск отброшены на исходные позиции. К середине декабря их оттеснили на реку Пшиш.

На этом закончилась Туапсинская операция: германским войскам так и не удалось прорваться к Черному морю юго-восточнее Новороссийска.

Нальчик — Орджоникидзе

В ходе Малгобекской операции войска Северной группы накапливали силы для наступления. Со своей стороны германское командование также готовилось нанести удар 1-й танковой армией на Грозный и далее на Махачкалу и Баку. [448]

На правом фланге группы войск Закавказского фронта в районе Старо-Щедринской в конце сентября сосредоточился 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус, который передислоцировался сюда с Туапсинского направления.

В этот период между флангами Закавказского и Сталинградского фронтов существовал разрыв более чем в 200 км. Здесь от Буденовска до Каспийского моря простиралась безводная солончаковая степь, покрытая песчаными бурунами. В свою очередь, между левым флангом 1-й немецкой танковой армии и войсками, действовавшими на Сталинградском направлении, также имелся большой разрыв. Левый фланг 1-й танковой армии был, по существу, открыт: он прикрывался лишь небольшими моторизованными отрядами и кавалерийским полком фон Юнгшульца. Слабые гарнизоны находились в Левокумском, Владимировке и Ачикулаке.

Учитывая эти обстоятельства, командование Закавказского фронта решило выдвинуть на данное направление 4-й гвардейский кавкорпус, нанести им удар во фланг 1-й танковой армии и выйти ей в тыл. Такими действиями предполагалось прочно прикрыть железную дорогу Кизляр — Астрахань и отвлечь внимание противника от Малгобекско-Моздокского направления, где в это время советские войска готовились к наступлению. Удар корпуса должен был послужить началом наступления для 9-й армии и 10-го гвардейского стрелкового корпуса. Если бы эта операция стала успешной, то войска 1-й танковой армии оказались бы под угрозой окружения. Возможно, она бы и удалась, если бы планировалась с учетом точных данных о противнике и вариантов его возможных действий.

2 октября корпус генерала Кириченко двинулся по Прикумской степи в направлении на Ачикулак. Нигде не встретив противника, кавалеристы прошли за 12 дней, точнее ночей, всего 150 км. [449] Суворовские солдаты эту дистанцию одолели бы пешком суток за двое-трое. Красные казаки не торопились, стараясь не слишком удаляться от растянувшихся верблюжьих караванов с продовольствием фуражом и бочками с водой. Медлительность и нерешительность командования корпуса привели, во-первых, к потере внезапности, во-вторых, задерживали начало наступления 9-й армии и 10-го стрелкового корпуса.

В десятых числах октября казачьи части вошли в соприкосновение с немцами в районе Абдул-Газа, Махмут-Мектеб и Березкин. Стремительным «ударом в сабли» кавалеристы овладели этими населенными пунктами и продолжили движение на Ачикулак, где противник, по данным разведки, имел гарнизон в составе батальона пехоты, 400 всадников и 30 танков.

Однако эти данные были ошибочны. Германское командование обнаружило неспешное продвижение 4-го кавалерийского корпуса и, не имея других резервов, перебросило из Донбасса для прикрытия левого крыла и тыла 1-й танковой армии части корпуса особого назначения «Ф».

* * *

Особый штаб «Ф» во главе с генералом авиации Гельмутом Фельми, считавшимся в рейхе знатоком Востока, был создан еще в мае 1941 года. В задачи штаба входило руководство диверсионной деятельностью, агентурной разведкой, специально сформированными воинскими националистическими частями на Ближнем и Среднем Востоке, а также на Кавказе. Местом первоначальной дислокации штаба был избран лагерь на мысе Суниоц в Южной Греции, где проходили подготовку арабы, которые в будущем должны были составить ядро «иракско-арабской армии».

Летом 1942 года, после захвата Ростова, накануне прорыва группы армий «А» на Кавказ, германское командование решило, что сложились благоприятные условия для реализации далеко идущих планов, связанных с вторжением в Иран, Ирак и затем в Индию. [450] По сравнению с такими блестящими перспективами взятие какого-то там Тбилиси казалось пустячным делом.

20 августа ОКБ приняло решение приступить к развертыванию Особого штаба «Ф» в корпус особого назначения «Ф» и перебросить его в резерв штаба группы «А» в Сталино. Согласно планам, корпус Фельми после вступления немецких войск в Тбилиси подлежал переброске по железной дороге через Ростов на Кавказ и в дальнейшем должен был наступать по направлению Западный Иран — Ирак с выходом к Персидскому заливу, к Басре. На Ближнем Востоке корпусу, смыкая «большие клещи», надлежало соединиться с итало-германскими войсками, которым к тому времени предстояло овладеть Суэцким каналом. К 3 октября корпус сосредоточился в районе Сталино и

формально вошел в состав группы «А», фактически подчиняясь ОКБ.

В корпусе «Ф» имелись подразделения и части всех родов войск, что позволяло ему действовать самостоятельно. В состав корпуса входили 3 усиленных моторизованных батальона, каждый из которых насчитывал до 1000 человек. 1-й и 2-й батальоны были укомплектованы исключительно солдатами и офицерами вермахта, 3-й состоял полностью из арабов. Каждый мотобатальон по составу, вооружению, тактическим и огневым возможностям приравнивался к полку. Кроме того, в корпус входили: отдельный танковый батальон (25 танков), авиационный отряд (25 самолетов), рота связи, саперная и минометная роты, разведотряд, кавалерийский эскадрон, взвод метеослужбы, автоколонна. Артиллерия состояла из дивизиона 4-батарейного состава, батареи 105-мм штурмовых орудий, тяжелого и легкого зенитных дивизионов — всего 120 орудий и минометов…

Корпус «Ф» был полностью механизирован и располагал возможностью при наступлении на Ирак вооружить дивизию из аборигенов-добровольцев. Численность корпуса первоначально составляла около 6000 человек. [451] После переброски на Кавказ ему были приданы кавалерийский полк и один батальон 201-го танкового полка. Личный состав корпуса, помимо военной и политической подготовки, занимался изучением географии и истории стран Ближнего и Среднего Востока, а также Индии. Солдаты и офицеры владели турецким, персидским, арабским и другими восточным языками, вдобавок они знали французский и английский.

Первоначально корпус особого назначения должен был выступить как ударно-штурмовое соединение и политический центр похода германской армии на Кавказ и страны Востока. Личному составу вменялось в обязанность проводить разведывательно-диверсионную, пропагандистско-агитационную работу, заниматься подготовкой антисоветских восстаний на Кавказе.

Верховное командование поставило перед генералом Фельми двойную задачу: 1) двигаться под строжайшим секретом вслед за группой армий «А» на Иран через Баку и по Военно-Грузинской дороге, в зависимости от того, где быстрее обозначится успех; 2) оказать помощь 1-й танковой армии в преодолении усиливающегося сопротивления противника.

Поскольку успех никак «не обозначался», все большую важность приобретала вторая задача. Наконец, 6 октября Гитлер приказал бросить части генерала Фельми на осуществление операции — «как можно скорее перерезать железную дорогу,

идущую от Кизляра на север». 15 октября началась переброска корпуса в Буденновск, к району предстоящих военных действий, а уже 17-го корпус «Ф» вошел в боевое соприкосновение «с сильной кавалерией» противника…

* * *

17 октября части 30-й кавалерийской дивизии 4-го гвардейского Кубанского корпуса вместо неожиданного ночного удара на Ачикулак безуспешно атаковали с утра передовой отряд противника в Андрей-Кургане. В итоге дивизия сама попала под удар главных сил корпуса «Ф» и, понеся большие потери, отступила. [452] Немцы перешли в наступление против 9-й и 10-й гвардейских кавдивизий и после 2-дневных боев овладели Урожайным и Владимирской. На этом рубеже Фельми организовал прочную оборону, хорошо подготовленную в инженерном отношении, за которой расположились моторизованные части. В результате корпус Кириченко не выполнил поставленной задачи, а удар германских дивизий в направлении Нальчика окончательно похоронил план советского наступления.

Командующий фронтом приказал командиру корпуса с утра 30 октября, обходя опорные пункты противника, наступать на Степное, Соломенское и во взаимодействии с 63-й кавалерийской дивизией, прибывшей из Черноморской группы войск, и 10-м гвардейским стрелковым корпусом разгромить моздокскую группировку противника. Но Кириченко решил в ночь на 1 ноября вновь атаковать и захватить Ачикулак. Немцы к этому времени успели сосредоточить здесь дополнительно подразделения 360-го и 375-го гренадерских полков. Двое суток казаки вели безуспешные тяжелые бои с пехотой и танками противника, но захватить Ачикулак не смогли. Понеся большие и неоправданные потери в лобовых атаках на опорные пункты противника, корпус отступил, а 7 ноября без разрешения командования фронта и группы генерал Кириченко начал отводить свои дивизии на восток в направлении Черного Рынка.

Узнав об этом, генерал Тюленев телеграфировал командиру корпуса:

«Поставленная вам задача набеговых операций во фланг и тыл противника наилучшим образом обеспечивает прикрытие железной дороги Кизляр — Астрахань… и совершенно

несовместима с вашим отходом на восток. Немедленно примите меры к установлению соприкосновения с противником своими передовыми частями и обеспечению за собой ранее занимаемой полосы… и активизируйте действия, разйедгрупп с захватом пленных и нарушением управления противника». [453]

Однако к этому времени казаки, вдоволь навоевавшись, уже отошли на 100 км на восток. Момент был упущен, красиво задуманный маневр не осуществился. В нашей официальной истории «рейд закончился блестящим успехом кубанцев».

Корпус «Ф» остался на занимаемых позициях. Изрядно потрепанный, он оказался не способен вести наступательные действия. К тому же его активность сдерживалась острым дефицитом горючего и отсутствием авиационного прикрытия — все ресурсы Клейст бросил на Грозненское направление. В конце концов элитное специальное соединение генерала Фельми использовалось как обычный армейский корпус (в январе 1943 года он был вновь преобразован в Особый штаб «Ф», а в феврале — переброшен в Тунис, где еще через 3 месяца капитулировал у мыса Бон в составе 250-тысячной итало-немецкой группировки).

* * *

После провала попытки прорваться через Эльхо-товские ворота, германское командование решило захватить сначала Орджоникидзе. Одновременно намечалось, закрыв Военно-Грузинскую дорогу, разъединить советские части, а затем развивать наступление на Грозный, Баку и по Военно-Грузинской дороге на Тбилиси. 14 октября в журнале боевых действий группы армий «А» появилась запись:

«Наступление с горного массива Малгобек — Вознесенское на Орджоникидзе проводится с целью пересечения военных дорог. Наступление с задачей овладения Грозненским нефтяным районом и форсирования рек Аргун и Сунжа имеет конечной целью, преследуя противника, достичь моря».

Еэрод Орджоникидзе имел большое стратегическое значение, чего по какой-то причине не замечали в штабе Тюленева. Отсюда открывался проход в Закавказье по Военно-Грузинской дороге и через Дарьяльское ущелье. Однако с севера подступы к городу прикрываются реками и горными хребтами. [454] Зато местности в направлении на Нальчик и к Оржоникидзе на восток проходима для всех родов войск.

Командование Северной группы войск, зная, что против них действует германская танковая армия, менее всего ожидало наступления германских войск на Нальчикском направлении. Что очень странно для профессиональных военных: неужели они думали, что танки Клейста попрут через Эльбрус? Скорее всего ничего они по этому поводу и не думали, командование Северной группы войск в это время увлеченно готовило свое наступление, нацеленное на разгром моздокской группировки противника. Несмотря на то что командующий Закавказским фронтом приказал генералу Масленникову одновременно с подготовкой наступления на Малгобекско-Моздокском направлении усилить войска, прикрывающие Нальчик, последнему было не до того.

Между тем противник еще в сентябре начал подготовку к наступлению именно на этом участке фронта. 25 сентября немцы захватили небольшой плацдарм на западном берегу Терека в районе Майского. Командование 37-й армии Северной группы войск не придало этому особого значения и не приняло мер к ликвидации плацдарма. А именно с последнего германские войска собирались нанести главный удар в Нальчикской операции. С нашей стороны на этом участке действовал один полк 151-й стрелковой дивизии.

Немцам вполне удалось ввести советское командование в заблуждение. Впрочем, для этого почти никогда не требовалось больших усилий. Для маскировки своих намерений командование 1-й танковой армии продолжало активные действия мелкими группами в районе Малгобека и, укрепив инженерными сооружениями оборону в районе Илларионовка, Эльхотово, Планово, сняло оттуда 13-ю и 23-ю танковые дивизии и сосредоточило их в районе Майское, Котляревская. Кроме того, 2-я горнострелковая румынская дивизия была усилена двумя горнострелковыми батальонами. [455]

Всего на Нальчикском направлении генерал Клейст сосредоточил две танковые и одну горнострелковую дивизии, десять батальонов и дивизионов специального назначения. Численность войск здесь достигала почти 34 тыс. человек, 460 орудий и минометов, 178 танков. Основная часть этих «огромных сил», которых Жукову или Рокоссовскому хватило бы разве что на одну-две атаки, сконцентрировалась на плацдарме протяженностью всего около 20 км. Немцы рассчитывали нанести удар 2-й румынской дивизией на Нальчик с севера, а затем двумя танковыми дивизиями с востока.

Тем временем войска Северной группы войск заканчивали последние приготовления к наступлению, которое намечалось на 3 ноября. К началу боевых действий группа была усилена девятью

артиллерийскими полками, десятью истребительно-противотанковыми полками, двумя минометными и двумя полками реактивной артиллерии. В группе имелось около 30 дивизий, 8 танковых бригад, 8 отдельных танковых батальонов и 6 бронепоездов. 4-я воздушная армия включала 232 самолета. Основные силы советских войск находились на Грозненском и Орджоникидзенском направлениях, в то время как на Нальчикском направлении оборонялась слабая («всего» 5 дивизий) 37-я армия генерала Козлова.

К началу операции силы армии оказались равномерно растянутыми на фронте протяженностью 120 км. Резервов 37-я армия не имела. Оборона ее в инженерном отношении была оборудована слабо, минных заграждений не создано, несмотря на то что еще в октябре в полосе соседней 9-й армии кипели жесточайшие оборонительные бои. Кажется, что безграмотность, тупость и косность мышления советских военачальников не имеет границ. Способны ли они к обучению вообще? [456]

Проблемой Масленникова и его командармов являлось также наличие большого количества национальных формирований — 7 стрелковых дивизий, отдельные батальоны, дивизионы и эскадроны комплектовались из «народностей Кавказа и Средней Азии». Личный состав и младшие командиры в них в подавляющем большинстве не знали русского языка, а некоторая часть к тому же совершенно неграмотна. Командиры и комиссары были конечно партийцами-интернационалистами и национальных различий между советскими людьми принципиально не признавали, т. е. одинаково «интернационально» проявляли к подчиненным «формализм, а порой бездушие и грубое отношение» — обычный набор, означающий: не кормили, били по пьянке, расстреливали бессудно. Боевая и специальная подготовка в этих частях проводилась на таком лее низком уровне как и во всей Красной Армии, но к этому добавлялся еще и языковой барьер. В итоге горцы и азиаты массово дезертировали, благо дом был рядом, или перебегали к немцам.

Начальник политотдела Северной группы войск бригадный комиссар Надоршин доносил начальнику Главпура Щербакову:

«…В результате запущенности воспитательной работы с личным составом, плохого изучения и знания людей, в результате отсутствия элементарной работы по сколачиванию подразделений и подготовке их к участию в боях*состояние большинства национальных дивизий до последнего времени было плохое (курсив наш. — Авт.* }. В частях этих дивизий имелись массовые случаи дезертирства, членовредительства и измены

Родине. Две национальные дивизии — 89-я армянская и 223-я азербайджанская — по своей боевой подготовке и политико-моральному состоянию личного состава были признаны небоеспособными и отведены во второй эшелон.

223— я дивизия, не вступив еще в бой и только находясь на марше для занятия участка обороны, показала свою небоеспособность. [457] На этом марше из частей дивизии дезертировало 168 человек одиночками и группами, унеся с собой оружие и боеприпасы.

89— я дивизия с первых же дней боев при незначительном столкновении с противником дрогнула, растеряла много людей, техники и оружия и также показала себя неспособной выполнить хоть сколько-нибудь серьезную задачу. Несмотря на то что дивизия имела 10 месяцев (!) для боевой учебы, это время было использовано нерационально. Вместо кропотливой и упорной работы по повышению боевой выучки личного состава и подготовки его к предстоящим боям здесь занимались бесплодной шумихой и парадностью… С людьми не работали, их не воспитывали и об их бытовых нуждах не беспокоились. Были случаи, когда бойцы на передовых позициях днями не имели питьевой воды, не получали горячей пищи. Поэтому не удивительно, что большая часть их попала под влияние враждебных элементов, безнаказанно орудовавших в дивизии.

В первом бою много командиров взводов, рот и батальонов потеряли управление своими подразделениями. Разведки организовано не было, взаимодействия и взаимосвязи между подразделениями в бою не было.

В результате этого дивизия понесла большие потери. Много бойцов разбежалось, а более 400 человек перешли на сторону противника…

Аналогичное положение вскрыто сейчас и в 392-й грузинской дивизии. В этой дивизии только за 4 дня, с 9 по 13 октября, изменили Родине и перешли на сторону врага 117 красноармейцев и командиров…»

* * *

Командование армии и Северной группы войск не сумело разгадать замысел противника. Это понять можно. Непонятна беспечность в строительстве обороны на самом танкоопасном направлении. [458] Хотя разведка и докладывала о

перегруппировке вражеских войск, выводы из ее данных были сделаны ошибочные. Советский чиновник, в том числе и военный, воспитан на принципе «Начальник всегда прав» и в силу убогости фантазии просто не может себе вообразить, что у Клейста может быть другой взгляд на обстановку и свои собственные планы. Поэтому наши штабы оценили перегруппировку противника как мероприятия по укреплению своей обороны.

25 октября рано утром германская авиация произвела мощный налет по войскам и штабу 37-й армии, располагавшемуся в Долинском. Тенерал Козлов не успел еще и чаю откушать, как оказался без связи с Северной группой войск и лишился управления своими войсками.

В10 часов утра 2-я румынская горнострелковая дивизия, усиленная немецкими частями, после короткого, но сильного огневого налета перешла в наступление. Танки с десантами автоматчиков под прикрытием дымовых завес нанесли удар по стыку 295-й и 392-й стрелковых дивизий, в общем направлении на Нальчик. 295-я дивизия полковника Н.Г Сафаряна вынуждена была отступить за день до 8 км на отдельных участках. 392-я дивизия, которой командовал полковник Е.И. Купарадзе, была отрезана и прижата к горам. Загнанным в Баксанское ущелье подразделениям этой дивизии пришлось уходить в Закавказье через перевалы Приэльбрусья. Заодно дивизии было поручено переправить 12 тонн молибдена с Тырныаузского комбината и 25 тыс. голов рогатого скота, принадлежавшего племенным совхозам. Этот переход фактически в зимних условиях на высоте до 3700 м был совершен за 10 суток, но из сражения за Нальчик дивизия Купарадзе выбыла.

Во второй половине дня 26 октября немецко-румынские войска подошли к Нальчику, который пал 2 дня спустя. В это же время из района Майское, Котляревская ударили 13-я и 23-я танковые дивизии. Прорвав слабую оборону, немецкие танки быстро распространялись в юго-западном направлении и к исходу дня продвинулись более чем на 20 км. Неуправляемые войска 37-й армии разрозненно отступали на юго-запад. [459]

Командующий Северной группой войск оценивал действия противника как частную акцию по ликвидации нависающего положения армии Козлова. Лишь к вечеру генералу Масленникову стало ясно, что немцы задумали широкую операцию по захвату Орджоникидзе с запада.

Вдохновленное первыми успехами командование группы армий «А» доносило в ставку Гитлера:

«В районе 1-й танковой армии наступление на Нальчик, по-видимому, застало противника врасплох. Танковые дивизии уже в

первый день продвинулись до Псыгансу, некоторые их части повернули на север и создали предпосылки для окружения приблизительно четырех дивизий противника. Уничтожение этой группировки должно закончиться в несколько дней. Противник оттеснен в горы. Представляется, что продвижение танковыми силами в южном, а затем в восточном направлении на Орджоникидзе откроет широкие перспективы…»

Командующему Закавказским фронтом необходимо было принять срочные меры для прикрытия Орджоникидзевского направления. В это время генерал армии Тюленев находился в Черноморской группе войск на Туапсинском направлении. Узнав о наступлении противника на Нальчик, он вылетел в штаб Северной группы и направил в ее распоряжение 155-ю стрелковую бригаду из Сухуми и 317-ю и 319-ю стрелковые дивизии из 58-й армии. Кроме того, в район прорыва подтягивался вновь сформированный 10-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора П.Е. Ловягина. Он должен был в ночь на 27 октября занять оборону по восточному берегу реки Урух, от Терека до Чиколы. Корпусу подчинялась правофланговая 275-я стрелковая дивизия и 52-я танковая бригада. 11-му гвардейскому стрелковому корпусу генерал-майора И.П. Рослого приказывалось занять оборону по внешнему обводу Орджоникидзевского оборонительного района. [460]

Противник между тем продолжал непрерывно наступать, отбрасывая части генерала Козова к предгорьям Главного Кавказского хребта. Между дивизиями 37-й армии образовался разрыв, участок от Уруха до Чиколы оказался совершенно открытым. Создавалась непосредственная угроза прорыва немецких танков к Орджоникидзе.

29 и 30 октября германское командование произвело перегруппировку 13-й и 23-й танковых дивизий к западному берегу реки Урух. 31 октября они нанесли удар в районе Чиколы и вышли в тыл 10-му стрелковому корпусу, разметав гусеницами его штаб. Прорвав оборону корпуса, противник повел наступление на Ардон. 1 ноября немцы заняли Алагир и форсировали реку Ардон. В этот же день их авиация нанесла по Орджоникидзе сильный бомбовый удар, в результате которого погиб начальник штаба Закавказского фронта генерал-лейтенант П.И. Бодин, а также член Военного совета фронта А.Н. Саджая и нарком внутренних дел Северо-Осетинской республики Заделава.

В эти напряженные дни генерал Тюленев принял решение отказаться от запланированного наступления на Ищерском направлении и в 2-дневный срок перебросить 10-й гвардейский стрелковый корпус из 44-й армии на Орджоникидзевское

направление. Сюда же шли 2-я и 5-я гвардейская танковые бригады. Кроме того, в районе Орджоникидзе сосредоточивались 5 истребительно-противотанковых артполков и 3 полка реактивной артиллерии. Благодаря принятым мерам, наступление противника было замедленно, но положение оставалось крайне опасным.

С утра 2 ноября немецкие танковые части прорвали внешний обвод Орджоникидзевского укрепленного района и передовыми частями вышли к пригороду. К исходу дня они захватили Гизель. [461] Дальше им продвинуться не удалось: при всем арийском презрении к противнику трех дивизий было все-таки маловато для завоевания Грозного и Баку. 5 ноября стало переломным днем всей Нальчикской операции. Немцы были окончательно остановлены. Более того, забуксовав на подступах к Орджоникидзе, германская группировка сама оказалась в мешке. Создалась реальная возможность ее окружения и уничтожения в районе Гизели.

* * *

Учитывая сложившуюся обстановку, командующий Закавказским фронтом принял решение нанести контрудар по гизельскои группировке одновременно всеми силами, находившимися на Орджоникидзевском направлении. Но командующий Северной группой войск, в свою очередь, принял половинчатое решение. По его плану в наступление переходили 3 стрелковые и 4 танковые бригады; основные же силы — 5 стрелковых дивизий и 6 стрелковых бригад — занимали пассивное положение и фактически не имели перед собой противника.

Генерал Тюленев внес коррективы в это решение, приказав использовать для контрудара весь 10-й гвардейский стрелковый корпус, а также 276-ю и 351-ю дивизии и 155-ю стрелковую бригаду. Однако наступление началось все же не всеми силами, а по намеченному плану генерала Масленникова. Подходившие же формирования вводились в бой по частям. Правда, и так называемая гизельская группировка представляла из себя одну-единственную 13-ю танковую дивизию.

6 ноября утром 10-я гвардейская и 57-я стрелковая бригады, 5-я гвардейская и 63-я танковые бригады нанесли удар вдоль восточного берега реки Фиат-Дон на Дзуарикау. В полдень 10-й

гвардейский стрелковый корпус силами 4-й гвардейской стрелковой бригады совместно с 52-й и 2-й танковыми бригадами нанес удар на Гизель, но был контратакован танками противника и отошел на исходный рубеж. И все же, благодаря успешному продвижению 11-го гвардейского стрелкового корпуса, противник оказался почти полностью окруженным. [462] У него оставался лишь узкий проход в районе Дзуарикау шириной не более 3 км. Части 13-й немецкой танковой дивизии делали все, чтобы расширить этот коридор и вырваться из ловушки. Особенно сильные бои разгорелись в Суарском ущелье в 12 км от Орджоникидзе.

Этот район боевых действий играл большую роль во всей Нальчикской операции. Во-первых, через Суарское ущелье открывался путь к Военно-Грузинской дороге, по которой шло снабжение советских войск. Во-вторых, этим путем немцы могли ввести свежие силы на помощь своей окруженной группировке в районе Гизели. Стремясь оказать помощь 13-й танковой дивизии, германское командование 9 ноября бросило в бой 2-ю румынскую горнострелковую дивизию и немецкий полк «Бранденбург», поддержанные 60 танками. Однако они не смогли пробиться ни в Суарское ущелье, ни в район Гизели.

Советским войскам, в свою очередь, не удалось ликвидировать окруженные немецкие части. Контрудары наносились разрозненно и неодновременно. Как только войска начали передвигаться, управление ими было потеряно, отсутствовало взаимодействие стрелковых частей и танков, а танкисты не имели даже сигнальной связи с артиллерией. Прочно удерживая коридор, немцы по ночам уходили из гизельского мешка. К 11 ноября германские дивизии отошли к Алагиру, где прочно закрепились.

Так закончилась Нальчикская оборонительная операция. Она имела важное значение для обороны Кавказа. С разгромом германских войск на подступах к Орджоникидзе провалилась их последняя попытка прорваться к Грозненскому и Бакинскому нефтяным районам, а также в Закавказье.

Не сумев лично переломить ситуацию на Кавказе, Гитлер 22 ноября передал командование группой армий «А» генерал-полковнику Клейсту (1-ю танковую армию принял генерал кавалерии Эберхард фон Макензен). [463] Это уже не имело никакого значения, после того как разразилась сталинградская катастрофа.

* * *

Одновременно с подготовкой контрнаступления под Сталинградом Ставка ВГК поставила перед войсками Северной группы Закавказского фронта задачу активными действиями сковать все силы 1-й немецкой танковой армии, не дать германскому командованию осуществить широкие переброски войск из группы армий «А» под Сталинград. Штаб Северной группы войск разработал план нанесения контрударов на Нальчикском и Моздокском направлениях.

На первом контрудар предстояло нанести войскам 9-й армии генерала К.А. Коротеева и 37-й армии генерала Козлова. Им ставились задачи: до 15 ноября выйти на рубеж реки Ардон; к 20 ноября овладеть районом Алагира и 29 ноября выйти на рубеж реки Урух.

Противник имел на этом направлении 23-ю и 13-ю танковые дивизии, в которых насчитывалось 260 танков.

С утра 13 ноября войска левого фланга армии Коротеева и дивизии Козлова начали наступление, но в течение десяти суток не сумели прорвать вражескую оборону, а лишь вклинились на глубину до 10 км, выйдя на восточный берег рек Ардон и Фиаг-Дон.

Основной причиной неудачных действий 9-й и 37-й армий являлась плохая подготовка контрудара. Не было организовано взаимодействие войск, особенно между пехотой, танками и авиацией. Командование не сосредоточило необходимые силы и средства на главном направлении. Так, например, в 9-й армии 3-й стрелковый корпус, действовавший на направлении главного удара, имел всего две танковые бригады и два артиллерийских полка усиления, в то время как оперировавший на второстепенном направлении 11-й гвардейский стрелковый корпус имел две танковые бригады и три артполка. Кроме того, контрудар проводился одними и теми же войсками, уставшими от длительных боев и перегруппировок. [464] Часто им приходилось в течение всего дня вести бой, ночью перегруппировываться, а утром следующего дня снова вступать в бой.

Малоуспешные действия Северной группы войск не могли удовлетворить Ставку. 15 ноября в Москву были вызваны командующий Закавказским фронтом генерал армии И.В. Тюленев и командующий Северной группой генерал-лейтенант И.И. Масленников. Войскам Северной группы войск была поставлена задача: прочно прикрывая основные направления на Грозный и Орджоникидзе, нанести удары на обоих флангах и разгромить моздокскую и алагирскую группировки противника.

В соответствии с этим планом была произведена новая

перегруппировка. К этому времени из Черноморской группы войск прибыли 11-я и 12-я гвардейские кавалерийские дивизии. Из них и 63-й кавдивизии был сформирован 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус под командованием генерал-майора А.Г. Селиванова. Теперь на правом крыле группы находилось 2 кавалерийских корпуса и 110-я кавдивизия.

Советские контрудары не помешали командованию группы армий «А» высвободить 23-ю танковую дивизию, которая перебрасывалась в район Котельникова в группу Манштейна, нацеленную на оказание помощи окруженной группировке Паулюса. На усиление 1-й танковой армии с Таманского полуострова прибыла 50-я пехотная дивизия, сменившая в районе Малгобека мотодивизию СС «Викинг».

27 ноября войска левого фланга 9-й армии начали наступление в общем направлении на Дигору. На рубеже реки Ар дон.они были остановлены дивизией «Викинг». В течение трех дней советские части пытались прорвать оборону противника, но успеха не имели. 4 декабря они предприняли новые атаки, но и на этот раз были вынуждены прекратить наступление. Неуспех операции объяснялся неудачным выбором направления главных ударов. [465] Средства усиления равномерно распределялись между частями, поэтому не было создано превосходства над противником в силах на главных направлениях. Отрицательно сказывалась на действиях наших войск и плохая работа разведки. Обычный набор «уважительных причин», кроме разве «превосходства противника».

Было нарушено взаимодействие между пехотой и танками, особенно между 140-й танковой бригадой подполковника Н.Т. Петренко и частями 3-го горнострелкового корпуса полковника Г.Н. Перекрестова. Так, с 26 на 27 ноября части корпуса были сняты с участка наступления бригады, о чем танкистов даже не поставили в известность.

11 декабря Ставка указала генералу Масленникову:

«Противник уже перебросил из района ваших войск часть своих сил на север и тем ослабил себя. Судя по ходу операции под Сталинградом, противник будет и впредь перебрасывать часть своих сил на север. Преднамеренный отход противника на северном берегу Терека нельзя считать случайностью. Создалась, таким образом, благоприятная обстановка для наступления всех ваших войск. Ваша задача состоит в том, чтобы не упустить момента и действовать посмелее».

Обстановка для наступления войск Северной группы действительно была благоприятной. Положение 6-й немецкой армии под Сталинградом, находившейся в окружении, не только

требовало переброски туда свежих сил, но и подрывало моральный дух немецких солдат и их союзников, действовавших на Северном Кавказе. 9 декабря командующий группой армий «А» телеграфировал генералу Макензену:

«Необходимо разъяснить всем командирам, что танковая армия должна во что бы то ни стало, несмотря на сильное давление неприятеля, удерживать свои позиции… Все теперь заключается в том, чтобы… стиснув зубы, держаться».

Почти одновременно с контрударами левого крыла Северной группы начались контрудары советских войск и на ее правом крыле. [466] 30 ноября 4-й гвардейский Кубанский корпус нанес удар в тыл моздокской группировки противника и к исходу дня 1 декабря вышел на дорогу Ачикулак — Моздок. Но большего корпусу достигнуть не удалось. До 4 декабря казаки вели ожесточенные бои с моторизованными подразделениями германского корпуса особого назначения «Ф». Неудача постигла и Донской казачий корпус. Опасаясь удара по своему правому флангу, он также вынужден был отступить.

Войска 44-й армии под командованием генерал-майора В.А. Хоменко — 7 стрелковых дивизий и 9-й стрелковый корпус, усиленные танковыми частями — имели задачу во взаимодействии с Донским казачьим корпусом 30 ноября нанести удар в направлении Шефатово — Моздок, разгромить группировку противника и к 12 декабря освободить Моздок.

Наступление развивалось медленными темпами. К исходу дня 3 декабря советские соединения вышли на рубеж Титаров, Сборный, 2 км восточнее Ищерской. Однако дальнейшего успеха не имели. Это пороизошло по ряду причин. Конечно, «противник имел здесь большие силы».

А кроме того, наши войска крайне плохо снабжались боеприпасами. Автотранспорт уже в первые дни наступления застрял. Водителям приходилось вести машины по песчаному бездорожью. Ориентиров для движения не было, регулировщики и указатели на путях подвоза отсутствовали. В результате и эвакуацию раненых надлежащим образом не организовали. Особенно плохо работали тылы дивизий и полков. Так, 402-я стрелковая дивизия уже на второй день наступления осталась полностью без продовольствия. Взаимодействие отсутствовало. Артиллерия отстала от пехоты, танки оперировали без разведки маршрутов, часто отрывались от пехоты. Горючим и боеприпасами они снабжались плохо. [467] Перед наступлением тщательная разведка противотанковой обороны врага не производилась, не оказывалась достаточная поддержка танкистам артиллерией и пехотой. В результате танки зачастую действовали

самостоятельно и несли большие потери.

Поэтому армия генерала Хоменко свою основную задачу по овладению Моздоком не выполнила. К 25 декабря войска правого фланга 44-й армии продвинулись в Западном направлении лишь на 10 км.

Введенная из второго эшелона в сражение 58-я армия в полосе между 44-й и 9-й армиями в наступательных действиях также успеха не имела и до конца месяца вела безрезультатные бои.

37— я армия Козлова должна была совместно с 9-й армией окружить и уничтожить ардондигорскую группировку противника. Командарм решил двумя отрядами 295-й стрелковой дивизии и полком 11-й стрелковой дивизии НКВД прикрыть левый фланг армии на рубеже рек Черек, Черек-Балкарский, а основными силами 295-й, 2-й гвардейской стрелковых дивизий и кавалерийским полком наступать в трех направлениях с общей задачей отрезать пути отхода противника из района Ардон, Алагир, Чикола и содействовать развитию успеха наступления войск 9-й армии.

На основании приказа командующего Северной группой 37-й армии предстояло перейти в наступление 29 ноября. Но затем начало операции неоднократно переносилось. Это дало возможность противнику выявить подготовку нашего наступления и усилить свою оборону.

4 декабря войска армии перешли в наступление, но началось оно неодновременно. Так, 295-я стрелковая дивизия атаковала с опозданием на 2 часа. В ходе операции полки потеряли ориентировку, смешали свои боевые порядки. Встреченные сильным огнем противника, части 295-й дивизии успеха не имели.

В тот же день утром части 2-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Ф.В. Захарова нанесли внезапный удар наХазнидон, Урух. [468] В результате гвардейцы стремительно овладели этими населенными пунктами, захватив пленных и трофеи. Войска армии были уже близки к выполнению задачи, но безуспешные действия 9-й армии позволили противнику перебросить с Ардонского направления дополнительные силы и остановить продвижение 37-й армии.

23 декабря немцы с целью высвобождения дивизии СС «Викинг» для переброски ее под Сталинград приступили к отводу своих частей из района Ардон, Алагир, Дигора. Установив отход противника, войска 37-й армии перешли в преследование. Однако боевое распоряжение на наступление полки и дивизии получили с большим опозданием, и светлого времени суток на подготовку

уже не осталось. Части не успели произвести разведку местности, организовать взаимодействие и подготовить технику к бою. Командиры подразделений не получили конкретных задач и поэтому не сумели довести их до бойцов.

К моменту получения боевого распоряжения 2-я гвардейская стрелковая дивизия уже начала наступление и успела продвинуться на 15-20 км. Командиру дивизии пришлось в спешном порядке менять направление. К двум часам дня 24 декабря дивизия заняла новый исходный район и, абсолютно не подготовив наступления, начала его в 15.00 вместо пяти часов утра, как было предусмотрено планом. Атаки велись лобовые. Из-за отсутствия разведданных и сильного тумана огонь артиллерии велся по площадям и был малоэффективным. В результате дивизия своих задач не выполнила, кроме 351-й стрелковой генерал-майора В.Ф. Сергацкова, перед которой противник отошел, оставив Алагир и Црау.

Таким образом, активные действия Северной группы войск к концу декабря 1942 года прекратились. Сокращая фронт обороны, германское командование 23 декабря начало отводить свои войска из районов Ардона, Алагира и Дигоры на подготовленный оборонительный рубеж Эльхотово, Чикола. [469]

Эту благоприятную для наступления обстановку командование Северной группы войск не сумело использовать. Контрудары на Нальчикском направлении не дали желаемых результатов. Задача по разгрому ардонской и алагирской группировок врага выполнена не была, хотя наличные силы и средства вполне позволяли это сделать. Немцам удалось вывести из боя 23-ю танковую дивизию и мотодивизию СС «Викинг» и бросить их в район Котельниково к группе генерала Манштейна на помощь своей сталинградской группировке.

Маршал Гречко разъяснял, что

«готовя контрудары, штабы не всегда уделяли должное внимание маскировке войск. Противник часто вскрывал наши намерения и принимал соответствующие меры.

Из— за плохой разведки наши войска часто не знали даже начертания переднего края обороны противника. Поэтому огонь артиллерии и минометов не всегда был эффективным. Так, 4-5 декабря при контрударе 11-го стрелкового корпуса огонь артиллерии и минометов в период артиллерийской подготовки был направлен на уничтожение боевого охранения противника, а при подходе наших войск к истинному переднему краю его обороны они не были поддержаны артиллерией из-за того, что боеприпасы были уже израсходованы.

Управление войсками со стороны штаба Северной группы и

некоторых штабов дивизий велось иногда на большом удалении от войск. Поэтому штабы наступающих армий порой по нескольку дней не имели подробных сведений о положении на фронте. Часто о характере обороны и силах противника командирам дивизий приходилось узнавать уже в ходе боев…

В первые дни наступления во всех наших полках было много потерь не только от танковых контратак противника, но и его минных заграждений. Оступая, противник заминировал дороги, отдельные окопы, тропы, мосты и проходы. [470]

Характерно, что контратаки, количество которых возрастало с нашим продвижением в глубину обороны противника, осуществлялись чаще всего танковыми подразделениями. Пехотные подразделения использовались, как правило, для огневого боя и оборудования позиций на очередных рубежах обороны.

Обычно бой протекал в такой последовательности. Когда наши наступавшие части, преодолев минные заграждения и артиллерийско-минометный огонь противника, приближались к очередному его оборонительному рубежу, враг контратаковал танками наиболее выдвинувшееся наше подразделение, вынуждая его замедлить или даже прекратить дальнейшее продвижение. С наступлением темноты он отводил основную часть своих сил на следующий рубеж обороны. На ночь оставалось прикрытие в составе небольших сил артиллерии, минометов и танков, с саперным и пехотным подразделениями, которые всю ночь ракетами освещали линию фронта и, как только где-либо замечали движение с нашей стороны, сосредоточивали туда огонь. С утра следующего дня, подтянув за вечер и ночь свою артиллерию и минометы, наши войска создавали перевес над силами прикрытия противника и вынуждали его к отходу. Далее все повторялось сначала. Противник вел подвижную оборону, наши войска методически разрушали ее, при этом не уничтожали врага на месте, а выталкивали его на следующий рубеж.

Все эти и многие другие причины приводили к серьезным издержкам в боевых действиях войск Закавказского фронта. При лучшем руководстве войсками эти действия могли бы дать более эффективные результаты». [471]

Основные достижения плохо подготовленного наступления сводились к тому, что

«к этому времени (декабрь 1942 года! — *Авт.)* командование группы, армий, а также командиры соединений и штабы приобрели большой опыт ведения боя в сложных условиях, научились более твердо управлять войсками».

Самые густонаселенные, самые плодородные, самые

экономически развитые районы собственной страны советские полководцы превратили в грандиозный полигон и учились, учились, учились. Под Москвой — воевать в тяжелых зимних условиях, под Харьковом — в тяжелых весенних условиях, под Ржевом — наступать лётом, на Кавказе — в горах…

* * *

Оборона Кавказа осуществлялась во взаимосвязи со Сталинградской битвой, оказавшей огромное влияние на дальнейшее развитие событий на этом театре военных действий. Осенью 1942 года, как пишет в своей книге «Стратегия непрямых действий» Б. Лидцел Гарт,

«внимание и усилия немцев все более сосредоточивались на Сталинградском направлении в ущерб действиям по захвату кавказских нефтяных источников; 1-я танковая армия, действовавшая на Кавказе, постепенно была ослаблена из-за переброски войск под Сталинград. Пополнение этой армии другими соединениями и частями вместо выбывших на Сталинградский фронт не производилось».

Крах армии Паулюса окончательно похоронил план «Эдельвейс» и все надежды Гитлера.

В течение своего летнего и осеннего наступления на Кавказ войска группы армий «А», по советским оценкам, потеряли более 100 тыс. человек.

Потери Красной Армии в битве за Кавказ на 31 декабря 1942 года оцениваются в 373911 человек, 990 танков, 5049 орудий и минометов, 644 боевых самолета.

В сложившейся ситуации германским войскам ничего не оставалось, как спешно оставить Кавказ. «Оптимизм» потерпевших поражение немецких генералов по этому поводу забавно перекликается с рассуждениями Баграмяна и Москаленко по поводу проигранной советскими войсками Воронежско-Ворошиловградской операции: [472]

«Оценивая сегодня события того времени, можно прийти к тому выводу, что невозможность продолжения наступления войск группы армий „А“ была, вероятно, и для нее, и для ее командования просто счастьем… Не подлежит сомнению, что если бы ее войска и преодолели горный хребет и даже вышли бы к южной границе Советского Союза, то после катастрофы в верхнем течении Дона и под Сталинградом они просто не сумели

бы пробиться из Закавказья назад и соединиться с главными силами немцев».

Вынужденный отдать приказ об отходе группы армий «А» с Кавказа, Гитлер тем самым признал всю бесперспективность дальнейшей борьбы за достижение поставленных целей.

Сталинградские университеты

…Что греха таить — в сорок втором мы еще не умели воевать и управлять войсками так, как научились потом.

Маршал Н. И. Крылов

Начало оборонительного периода Сталинградской битвы принято отсчитывать с 17 июля 1942 года, когда передовые части 6-й немецкой армии генерала Паулюса вошли в соприкосновение с войсками 62-й армии генерал-майора В.Я. Колпакчи на рубеже реки Чир.

Советскому командованию к середине июля наконец-то стало ясно, что противник не собирается поворачивать свои силы на север и северо-восток, а стремится прорваться к Волге в районе Сталинграда, захватить этот важный стратегический пункт и крупнейший про мышленный район и перерезать коммуникации, связывающие центр страны с Кавказом. Разбитые и отступающие войска Юго-Западного и Южного фронтов были не в состоянии остановить врага. [473]

На Сталинградское направление Ставка выдвинула из своего резерва 62, 63 и 64-ю армии. Они вошли в Сталинградский фронт, созданный 12 июля на базе управления ЮЗФ. В состав фронта вошли также 21-я общевойсковая и 8-я воздушная армии. Командующим фронтом утвердили Тимошенко, членом Военного совета — Хрущева, начальником штаба — Бодина. Сюда же влились вышедшие из окружения части 28-й и 38-й армий. В оперативное подчинения фронта была передана Волжская военная флотилия.

Всего к 20 июля Сталинградский фронт располагал 38 стрелковыми и тремя кавалерийскими дивизиями, восемью стрелковыми бригадами. Из них 18 дивизий были свежими и полностью укомплектованными личным составом и артиллерией (в трех новых армиях имелось 3710 орудий и минометов), шесть дивизий насчитывали от 2500 до 4000 человек, а 14, прошедших путь от Донца и Оскола, — от 300 до 1000 человек и были совершенно небоеспособными.

В составе Сталинградского фронта действовали также 13, 22, 23 и 28-й танковые корпуса, 3-й кавалерийский корпус, 14 отдельных танковых бригад и 9 отдельных танковых батальонов.

В 8— й воздушной армии имелось 454 самолета. Кроме того, здесь действовало 210 бомбардировщиков дальней авиации и 60 истребителей 102-й авиадивизии ПВО. С 20 июля по 17 августа

прибыло еще 23 авиаполка общей численностью около 450 самолетов.

Таким образом, к началу оборонительной операции в распоряжении Тимошенко находилось 540 тыс. человек, свыше 1000 танков, 734 самолета. Кроме того, в резерв штаба фронта в это же время передавались еще 8 стрелковых дивизий, переброшенных с Дальнего Востока, и вновь сформированная 57-я армия под командованием генерал-майора Д.Н. Никишева. 22 июля было принято решение о создании в составе фронта 1-й и 4-й танковой армий смешанного состава на базе управлений и тылов 38-й и 28-й армий, четырех танковых корпусов и прибывших стрелковых соединений. [474]

Можно сделать вывод о том, что никакого количественного превосходства и в данном случае наступавшая сторона не имела. А главное, как указывал А. Самсонов в своей брошюре, посвященной 10-летию Сталинградской битвы:

«Верховный Главнокомандующий Советскими Вооруженными Силами товарищ Сталин с прозорливостью великого полководца своевременно разгадал планы немецко-фашистского командования. И.В. Сталин противопоставил авантюристическим замыслам врага свой стратегический план разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, разработанный с учетом реальных возможностей и конкретных условий обстановки. В основе этого гениального плана лежала идея активной обороны с последующим переходом в контрнаступление. Для практического осуществления сталинского плана необходимо было в затяжных оборонительных боях обескровить противника и любой ценой удержать Сталинград, чтобы создать благоприятные условия для перехода к успешному контрнаступлению».

В 1941 году Сталин заманил вермахт под Москву и там «загубил» лучшие его войска, в 1942 году столь же гениально Верховный заманивал немцев к Волге. Так что все идет по плану — быть и товарищу Самсонову академиком.

Перед Сталинградским фронтом стояла задача, обороняясь в полосе шириной 520 км — от Павловска по левому берегу Дона до Клетской и далее на юг через Суровикино к Верхне-Курмоярской — остановить дальнейшее продвижение противника. На подступах к Сталинграду возобновилось начатое осенью 1941 года и заброшенное было после зимних побед Красной Армии строительство оборонительных рубежей. Руками 225 тыс. сталинградцев сооружались 4 оборонительных обвода: внешний, средний, внутренний и городской. Формировались отряды народного ополчения, истребительные батальоны и группы противовоздушной обороны. [475]

Непосредственно в большой излучине занимали оборону 62-я и 64-я армии, имея десять стрелковых дивизий, две морские стрелковые и три танковые бригады, восемь курсантских полков, шесть отдельных танковых батальнов — 160 тыс. человек, 2200 орудий и минометов, около 400 танков. Передовые отряды были выброшены на рубеж рек Чир и Цымла, основные силы размещались на правом берегу Дона по линии Клетская, Суровикино, Верхне-Курмоярская.

Что касается оценки противника, то, стремясь одновременно продемонстрировать и советскую мощь, и «могутность» противника, наши исторические корифеи, жилины и самсоновы, совсем запутались. Фундаментальный труд «История Второй мировой войны)» на с. 155 пятого тома сообщает:

«Немецко— фашистское командование настолько было уверено в быстром и легком захвате Сталинграда, что сочло даже возможным взять из наступавшей на Сталинградском направлении 6-й армии несколько соединений и передать их в состав армий, действовавших на других направлениях и вывести в резерв. В итоге состав этой армии*к 17 июля сократился по сравнению с началом месяца с 20 до 13 дивизий. Из подвижных, соединений в ней осталась только одна моторизованная дивизия (курсив наш.-Авт.)*».

Ровно через 3 страницы коллектив авторов ошарашивает совершенно другими данными:

«К 17 июля на Сталинградском направлении наступало 14(?) дивизий 6-й немецкой армии, в которых насчитывалось около 2 70 тыс. человек, 3 тыс. орудий и минометов (калибром 75мм и крупнее) и около 500 танков (курсив наш. — Авт.}».

Непонятно, это в «только одной мотодивизии» — 500 танков? Ну и конечно, здесь же весь 4-й воздушный флот — «всего до 1200 самолетов», и снова «немецко-фашистские войска превосходили советские…» во столько-то раз.

Так вот, если быть совсем точным, к 17 июля на Сталинградском направлении наступали 3 пехотные дивизии 8-го армейского корпуса генерала Гейтца. [476]

19 июля германские войска смяли советские заслоны и начали втягиваться в большую излучину Дона, Паулюс рассчитывал дойти до Сталинграда и захватить город с ходу к 25 июля.

«Для немцев вопрос занятия Сталинграда и выхода к Волге казался решенным. Срок определялся просто: надо было только разделить длину оставшегося пути на среднюю величину суточного продвижения. Произведя эту нехитрую выкладку, Гитлер объявил миру день занятия Сталинграда».

С интересом приглядывался к обстановке прибывший на фронт заместитель командующего 64-й армией генерал В.И. Чуйков. До 1942 года он находился в Китае в советниках у Чан Кайши, по сталинскому выражению, «дергал за хвост японского тигра руками китайских товарищей». На этой новой для него войне генерал был еще новичком и поэтому старательно вспоминал, чему его учили в Военной академии:

«По всем нашим уставам и наставлениям, обороняющийся должен прежде всего оценить противника и местность, на которой он решает принять бой или сражение, и разместить свои силы в наивыгоднейшем положении. Для обороняющихся местность всегда должна быть союзником, она должна ему дать тактические выгоды для контратак, для использования всех огневых средств, для маскировки.

В то же время местность должна по возможности затормозить движение и маневр наступающего, а при инженерном обеспечении — сделать ее недоступной для танков, чтобы наступающий не имел скрытых подступов и как можно дольше находился под огнем обороняющегося».

В общем, в теории Чуйков все очень верно излагает. [477] Но то ли он учился в какой-то другой академии, чем его начальники, то ли он про все эти тонкости уже после войны разузнал, однако

«оборонительная линия для 62-й армии выбиралась без учета этих требований. Мы не успели использовать естественные преграды — реки, речушки и овраги, которые можно было легко усилить инженерными сооружениями и сделать их труднодоступными для наступающего; позиции были размещены в голой степи, открыты для наблюдения и просмотра их как с земли, так и с воздуха. Много получилось разрывов между обороняющимися подразделениями и частями, особенно на правом фланге, которые давали возможность противнику охватывать позиции обороны и выходить ей в тыл».

Все время одни и те же грабли: как обороняться — не успели приготовиться, как наступать — не успели сосредоточиться. Маршал Тимошенко «академиев не кончал», провел ногтем по карте — тут тебе и «стоять насмерть», а где там реки, где овраги, какая разница? (На самом деле все это делалось в соответствии с Полевым уставом РККА, который работу на местности возлагал

на командиров стрелковых полков и батальонов. Для вышестоящих командиров и штабов (?) работа на местности при организации обороны не предусматривалась.) Само собой, не имелось инженерных средств заграждения, остро не хватало мин и взрывчатки. Вместо траншей и ходов сообщения отрывались отдельные стрелковые окопы, что в условиях открытой местности делало смертельным номером маневр живой силой и огневыми средствами во время боя. Противотанковые средства 62-й и 64-й армий — 944 орудия и 3660 противотанковых ружей — равномерно распределялись по всему фронту, вместо сосредоточения их на танкоопасных направлениях. Очень слабым было обеспечение зенитной артиллерией.

Не менее интересно расположил войска на указанных ему позициях и принявший командование 64-й армией генерал Гордов. [478] Почти целая дивизия из состава первого эшелона была выделена в передовые отряды на удалении от главных сил на 40-50 км, не имея ни артиллерийской, ни авиационной поддержки. Основную полосу обороны на западном берегу Дона от Суровикино до Верхне-Курмоярской заняли 4 стрелковые дивизии, 154-я морская стрелковая и 121-я танковая бригада. Остальные свои силы Гордов оставил на восточном берегу Дона и реки Мышковка, лишив армию второго эшелона и резервов.

В дополнение к этому противник непрерывно фиксировал все передвижения советских войск, его разведывательные самолеты подолгу кружили над позициями, а

«…мы не могли вести с ними борьбу, потому что в армии не было зенитной артиллерии, а истребители воздушной армии фронта были заняты на другом участке фронта».

Если взглянуть на сложившуюся диспозицию с высоты птичьего полета, то невольно хочется спросить, а какие такие важные участки имелись еще на Сталинградском фронте, где так сильно были заняты истребители воздушной армии генерала Т.Т. Хрюкина?

Штаб фронта, как раз совсем наоборот, о противнике не имел ни малейшего представления — разведывательная авиация, по-видимому, тоже действовала «на другом участке». Свидетельством этому служит хотя бы приказ, полученный Гордовым и Чуйковым 22 июля: направить по правому берегу Дона к станице Цимлянской 66-ю морскую и 137-ю танковые бригады и нанести удар по переправляющейся там «группе войск противника». При сосредоточении сил и переправе через реку, экспериментальным путем выяснилось, что мост у Нижне-Чирской (но какова рекогносцировка!) не выдерживает веса тяжелых и средних танков. В итоге ушла в ночь бригада моряков

и мотострелковый батальон в сопровождении 15 танков Т-60 с задачей «ударом во фланг и тыл уничтожить» ни много ни мало… 4-ю танковую армию Гота.

В этот же день произошла смена командующих Сталинградским фронтом. [479] На место загубившего все дело Тимошенко Сталин назначил генерал-лейтенанта Гордова. Качество управления и руководства боевыми действиями от этого ничего не выиграло. По мнению подчиненных Гордова, он

«не обладал тогда опытом крупного военачальника. К сожалению, это представление подтвердилось в дальнейшем… Гордов, конечно, старался делать все, что мог. Но задача была ему не по силам».

Генерал к тому же отличался крайне неуживчивым характером и тоже, как и многие другие советские генералы, был «горячий человек». Н.С. Хрущев так охарактеризовал нового командующего:

«…недостаток его заключался в грубости. Он дрался с людьми. Сам очень щупленький человечек, но бьет своих офицеров».

Впрочем, в глазах Сталина рукоприкладство как раз являлось не недостатком, а свидетельством «твердости руководства» и поощрялось Верховным.

* * *

Маршал же Тимошенко еще долго и плодотворно служил на благо Отечества. Новых званий ему уже не полагалось, но свою долю полководческих орденов он получил. Однако Звезду Героя за Отечественную войну Сталин ему не дал, не счел необходимым.

Согласно постановлению ЦИК СССР от 16 апреля 1934 года Золотая Звезда Героя Советского Союза являлась высшей степенью отличия и присваивалась «за личные и коллективные заслуги перед государством, связанные с совершением геройского подвига». Первыми удостоились этой награды 7 летчиков, участвовавш их в спасении челюскинцев. Вскоре к ним присоединились знаменитые на всю страну летчики-испытатели и участники дальних перелетов — М.М. Громов, В.П. Чкалов, Г.Ф. Байдуков, А.В. Беляков; первые женщины-летчицы — В.С. Гризодубова, П.Д. Осипенко, М.М. Раскова. Это были подвиги мирных дней. Затем были Хасан, Испания, Халхин-Гол и Зимняя

война, за которую получил свою Звезду и Тимошенко. [480] Основу первого потока героев Советской страны составляли, как правило, летчики, танкисты, пехотинцы, офицеры младшего и среднего звена, одним словом — люди поля боя. В послевоенное время в СССР главными героями стали космонавты и генералитет.

18 февраля 1965 года маршал Тимошенко получил-таки свою вторую Золотую Звезду. Какой же «геройский подвиг» совершил 70-летний инспектор Министерства обороны? Да просто у него юбилей, вот дожил, в отличие от миллионов своих подчиненных, поэтому и достойная награда с формулировкой «за заслуги перед Родиной и Вооруженными Силами СССР».

Идея получать Звезду Героя «за заслуги» понравилась нашим полководцам. Со временем она стала штатной» в комплекте наград советских маршалов. Сталин умер. Бывшие сталинские «соколы», «боги войны», «цари полей» перековались в верных хрущевцев и объявили на весь мир, что Верховный, оказывается, воевал по глобусу. Разве мог он оценить по достоинству их стратегические таланты и безмерные заслуги? И вообще, одна Золотая Звезда на целом маршале — как-то даже несолидно смотрится. И вот, заняв высшие посты в государстве и армии, бросились наверстывать упущенное, не понимая своим начальственным умишком, что выглядят смешно и стыдно.

Вторую Звезду «за заслуги перед Родиной» получили маршал Малиновский и маршал Москаленко.

Генерал Гречко за время войны геройского звания «по ошибке» не удостоился. Но вот в 1955 году он стал маршалом — и пожалте: в 1958 году награда нашла героя, а в 1973-м — вторая. А как красиво звучит: «советский партийный, государственный и военный деятель, полководец, министр обороны СССР, Маршал Советского Союза, дважды герой Советского Союза Гречко Андрей Антонович».

Не имел среди своих многочисленных ореденов Золотой Звезды и генерал Ротмистров, но стоило ему стать главным маршалом бронетанковых войск — и дело и шляпе. [481]

Не проявил Сталин справедливости и по отношению к самым первым, самым «народным маршалам» образца 1935 года. Пришлось, похоронив Великого Пахана, наверстывать упущенное: Ворошилов стал дважды Героем Советского Союза, а Буденный — трижды. Последний свой «геройский подвиг» Семен Михайлович совершил в 85-летнем возрасте.

Маршалы Конев, Крылов, Рокоссовский, Катуков, Якубовский, Чуйков, Кошевой свои две Звезды заработали во время войны. Больше им «по штату» было не положено.

В самом начале этого чудного периода еще в силе был самый-

самый выдающийся из маршалов — Г.К. Жуков. Ему и звезд полагалось больше, чем остальным. В 1956 году Георгий Константинович, трижды герой, стал Героем Советского Союза в четвертый раз — «за выдающиеся заслуги перед КПСС и советским народом». Впрочем, заслуги действительно были. Не каждый решится сбросить атомную бомбу на собственную армию.

Апофеозом этой комедии самонаграждений стало вручение в мирное время четырех геройских Звезд (высшая степень отличия), ордена «Победа» (высшая полководческая награда, ввиду отсутствия наличия, пришлось позаимствовать орден покойного Василевского), именного Золотого оружия (высшая награда гражданской войны) маршалу Л. И. Брежневу — вот величайший полководецXXвека!

В совокупности 35 советских маршалов, не считая маршалов родов войск и генералов армий, стали Героями Советского Союза 56 раз, из них «за войну» — 30 раз, остальное — «за заслуги».

* * *

22 июля 1942 года сменилось командование Сталинградского фронта.

На следующий день началось наступление 6-й немецкой армии, которая ввиду возросшего сопротивления советских войск была значительно усилена. [482] 19 июля в нее был включен 14-й танковый корпус под командованием генерала фон Витерсгейма, а 20 июля — возвращен 51-й армейский корпус генерала фон Зейдлица. 22 июля в распоряжение командования 6-й армии была передана из резерва одна охранная дивизия, а действовавшая на левом фланге 75-я пехотная дивизия передана во 2-ю венгерскую армию. После всех перегруппировок в 6-й армии насчитывалось восемнадцать дивизий, в том числе одна танковая и две моторизованные — по советским данным, около 250 тыс. человек, 7500 орудий и минометов, 740 танков. Бог знает, откуда взялось столько танков? Непосредственно на Сталинградском направлении против советских 62-й и 64-й армий первоначально действовали 9 дивизий, а с 25 июля — 12, плюс еще 150 танков. Почти через 60 лет после описываемых событий было официально признано, что с 23 по 31 июля 270 тысяч немецких солдат, имея 3400 орудий и минометов и 400 танков, атаковали 540 тысяч при 5000 орудиях и 1000 танков. До этого неизменно утверждалось, что противник имел тройное превосходство.

Нет сомнений, что если бы сразу после разгрома Юго-Западного и Южного фронтов германское командование, как это планировалось директивой № 41, двинуло на Сталинград хотя бы 4-ю танковую армию, к концу июля город бы пал. На деле дивизии Гота и Клейста в середине июля были ориентированы фюрером на организацию «ростовского котла», а 6-й полевой армии предстояло вести фронтальное наступление на Сталинградском направлении при значительно менее благоприятной оперативной обстановке.

Паулюс образовал две ударные группировки: северную — 14-й танковый и 8-й армейский корпуса (позднее в ее состав вошел и 17-й армейский корпус, которым командовал генерал Голлидт); южную — 51-й армейский и 24-й танковый генерала фон Кнобельсдорфа (последний был «реквизирован» у Гота, переброшен из района нижнего течения Донца и переподчинен армии 24 июля).

Обе эти группировки имели своей задачей продвинуться вдоль берега Дона внутри его большой излучины до Калача и, окружив основные силы противника в этом районе, соединиться для форсирования Дона и наступления на Сталинград.

23 июля северная группа четырьмя дивизиями Витерсгейма нанесла удар по правому флангу 62-й армии, который обороняли 33-я гвардейская, 192-я и 184-я стрелковые дивизии, и с боями продвинулась на глубину 20 км. Чтобы не допустить прорыва неприятельской группировки, генерал Гордов решил временно передать 13-й танковый корпус в подчинение генерала Колпакчи. Последний в 5 часов утра 24 июля отдал приказ танковому корпусу и 33-й гвардейской дивизии с батальоном танков нанести контрудар с тем, чтобы восстановить положение на своем правом фланге. На подготовку удара отводилось 5 часов. Однако с утра 24 июля германские «клещи» сомкнулись в районе Верхне-Бузиновки, где разгромили штабы 184-й и 192-й дивизий; при этом погиб комдив-192 полковник А.Ф. Захарченко и пропал без вести комдив-184 полковник Т.С. Койда.

13— й танковый корпус, который возглавил полковник Т.И. Танасчишин, был заново укомлектован, имел в своем составе три танковые, одну мотострелковую бригады и 123 танка. В составе бригад не было противотанковой и зенитной артиллерии. Боевые возможности корпуса сильно снижала низкая обученность подразделений. В 10 часов корпус перешел в наступление в направлении Манойлина, но этот наспех организованный маневр, не поддержанный не успевшей выйти на рубеж развертывания пехотой, не дал ощутимого результата и был отбит. Только от ударов авиации противника танкисты потеряли 21 машину.

К исходу дня 3-я и 60-я немецкие мотодивизии прорвались к Дону в районе станиц Голубинской и Каменской, завершив окружение трех советских стрелковых дивизий, 40-й танковой бригады, 644-го танкового батальона и трех артполков РГК. [484] Германские части вышли к правому берегу Дона в районе Каменский, правый фланг 62-й армии был глубоко охвачен с севера.

25 июля из района Обливской перешла в наступление южная группировка Паулюса. Главный удар по правому флангу 64-й армии, временное командование которой принял Чуйков, наносил одной танковой и двумя пехотными дивизиями 24-й танковый корпус Кнобельсдорфа. Ровно сутки спустя и здесь оборона была прорвана и немецкие подвижные соединения устремились к реке Чир, выходя в стык советских армий. Резервов, по милости Гордова, у Чуйкова на правом берегу не имелось. К тому же в тылах армии пронесся слух, что немецкие танки находятся в двух-трех километрах от переправ, и началась паника. Многие устремились к переправе. Чтобы остановить людей и повозки, Чуйков послал туда офицеров штаба. Но все было напрасно. Авиация противника, заметив большое скопление людей и транспорта, начала их бомбить. Во время этой воздушной атаки погибли начальник артиллерии армии, начальник оперативного отдела, начальник инженерной службы и другие командиры. Лишь к вечеру 27 июля войскам 64-й армии удалось закрепиться на восточном берегу рек Чир и Дон и остановить противника.

Однако положение на правом фланге оставалось нестабильным. Севернее Калача немцы глубоким охватом прорвались к переправам через Дон и угрожали выходом в тыл всем советским войскам, находившимся в большой излучине. Для ликвидации обозначившейся опасности необходимо было принять срочные меры. Сталин потребовал не только остановить продвижение противника, но и отбросить его за реку Чир. Из резерва Ставки начали прибывать 126, 204, 205, 321, 399, 422-я стрелковые дивизии и другие соединения. Приехавший в штаб Сталинградского фронта генерал Василевский приказал нанести контрудары силами 1-й и 4-й танковых и частью сил 64-й и 62-й общевойсковых армий. [486] Одновременно из района Серафимовичей в южном направлении, в тыл группировке противника, предстояло наступать дивизиям 21-й армии генерал-майора А.И. Данилова.

Две танковые армии — это сила: около 40 тыс. бойцов, почти 1000 орудий и минометов и более 700 единиц бронетехники. Правда, маршал Еременко кручинится о том, что они «почти не

были укомплектованы танками», но это он просто бьет на жалость. В состав 1-й танковой армии под командованием уже «многому научившегося» генерала К.С. Москаленко входили 13-й и 28-й танковые корпуса, 158-я тяжелая танковая бригада, 79-й полк гвардейских минометов, 131-я стрелковая дивизия, 2 артполка ПВО и 1 полк противотанковой артиллерии. В корпусах имелся ровно 301 танк (общий недокомплект 31 машина), в том числе 162 «тридцатьчетверки». Тяжелая бригада получила эшелон новеньких КВ. В 4-ю танковую армию генерала В.Д. Крюченкина входили 22-й и 23-й танковые корпуса, 51-й полк «катюш», 133-я танковая бригада, 18-я стрелковая дивизия, артиллерийские полки ПТО и ПВО.

Загвоздка крылась в другом — в организации. Самих армий, как единого боевого организма, на практике не существовало. Так, генерал Москаленко приказ о формировании 1-й танковой получил 22 июля, утром следующего дня его штаб приступил к исполнению обязанностей, в этот же день последовало указание о готовности к нанесению контрудара утром 25 июля. К этому времени соединения и части нового объединения были разбросаны на значительном пространстве, а 13-й танковый корпус уже готовился вступить в бой в составе 62-й армии. Все эти корпуса, бригады, дивизии не имели связи между собой, не были готовы к слаженным боевым действиям, у вновь испеченных командармов не хватило времени даже познакомиться с собственными войсками, не говоря об отработке взаимодействия и управления. [486]

Согласно плану операции, 1-й танковой армии предписывалось переправиться через Дон в районе Калача и наступать в направлении населенного пункта Майо-ровского. Ближайшая задача — уничтожить прорвавшегося врага и к исходу дня овладеть рубежом Верхне-Бузиновская, Манойлин. В дальнейшем предстояло развивать наступление на Перелазовский и там соединиться с 4-й танковой армией. Войска Крюченкина не успевали сосредоточится на исходных позициях в указанный срок, поэтому они должны были начать боевые действия 27 июля, продвигаясь из района Трехостровской на Перелазовский. Сказанное означает, что контрудар наносился неодновременно, причем силами армий, не закончивших формирования и не получивших всех положенных средств усиления. На подготовку фронтовой наступательной операции отводились одни сутки! Маршал Москаленкоуверяет, что «неготовность к контрудару была хорошо известна и принимавшим решение, и выполнявшим его», но, мол, другого выхода просто не было — «обстановка требовала быстрого нанесения удара».

Так ли, нет ли, но в ночь на 25 июля назначенные войска в основном сосредоточились на восточном берегу Дона. 28-му танковому корпусу (178 танков) полковника Е.С. Родина предписывалось с утра перейти в решительное наступление, разгромить противника, а затем преследовать его до Ново-Григорьевской и Логовского. 13-му танковому корпусу предстояло наступать в направлении Верхне-Бузиновская, Клетская. Во втором эшелоне армии за корпусом Родина следовали 158-я танковая бригада и 131-я стрелковая дивизия. Левее корпуса Танасчишина частью своих сил должна была нанести удар 62-я армия.

С рассветом 1-я танковая армия приступила к нанесению контрудара по противнику, который тоже возобновил наступление с целью захватить переправы у Калача. Завязалось встречное сражение 14-го танкового корпуса Витерсгейма с бригадами Москаленко. [487] Несмотря на превосходство в силах, советские войска с самого начала оказались в крайне невыгодных условиях. В первую очередь в результате нерешительных действий танковых бригад, отсутствия данных о противнике и абсолютного германского господства в воздухе.

«Вражеская авиация, — вспоминает маршал, — действовала группами по два-три десятка самолетов, появлявшихся над нами каждые 20-25 минут. Им, к сожалению, ничего не противопоставила наша 8-я воздушная армия, занятая, видимо, на других (??) направлениях… Войска 28-го танкового корпуса отбросили в упорных боях неприятеля на 6-8 км от Калача. Ночью мы произвели перегруппировку и пополнили боеприпасы. Утром 26 июля 28-й танковый корпус возобновил наступление. Атака началась на рассвете, в 3 часа, до появления авиации противника (на свою надежды нет никакой. — *Авт.)*. Мы рассчитывали, что удар будет не только стремительным, но и внезапным.

Однако оказалось (!), что к его отражению вражеские войска готовились всю ночь. Они заняли выгодные рубежи, зарыли в землю танки, подтянули противотанковую артиллерию. Применили против наших танков 88-мм зенитные пушки (поскольку никакая германская противотанковая артиллерия наши средние и тяжелые танки не брала. — *Авт.)*.

Атака, проведенная на рассвете частями 28-го танкового корпуса, успеха не имела. Вторая атака, предпринятая в 15 часов, также была отражена противником. Мы понесли чувствительные потери. Например, в 1-м батальоне 55-й танковой бригады на ходу осталось 9 танков… Наша атака территориальной цели не достигла. Однако противник был остановлен, почувствовал силу нашего удара…»

Вот вам разница в организации боевого управления и, в конечном счете, профессионализме. Немцы, вступив в бой с ходу, за каких-нибудь шесть часов ночного времени успели и закопаться в землю, и создать опорные пункты, и «напрячь все силы для удержания достигнутого рубежа». [488] Словом, в кратчайший срок создать оборону, непреодолимую для наших ударных соединений, которые, кстати, бездумно пытаются пробить ее лобовыми атаками в одном и том же направлении. А советскую оборону германские танки легко прорывают в тот же день, когда получают горючее для своих топливных баков.

Эти бои только утвердили немцев во мнении, что

«самым слабым местом Красной Армии по-прежнему оставалась ее убогая тактика. Русские танкисты совершенно не использовали преимущества рельефа местности и, похоже, не знали принципов стрельбы и маневра».

По признанию Москаленко, в ходе боевых действий*«все время давали себя знать и пробелы в обучении войск»,* поэтому после ожесточенных дневных боев, длившихся по 17-18 часов, приходилось проводить ночные сборы выживших механиков-водителей танков, чтобы с рассветом бросить их в новую атаку.

Если все знали о неготовности к контрудару, то, может, не стоило его затевать? Может, надо было самим занять выгодные рубежи, использовать водную преграду, закопаться в землю, создать опорные пункты и прочее? А если контрудар был так необходим, как уверяет маршал Василевский, то, может быть, стоило хотя бы по-хозяйски распорядиться имеющимися немалыми силами? Складывается впечатление, что вся реальная подготовка состояла из написания боевых распоряжений. Например, поражает тот факт, что под Калачом решается судьба фронта, а никто не в курсе, чем занимается 8-я воздушная армия, или сама она не знает, чем ей заниматься.

Рядовой 389-й пехотной дивизии генерала Магнуса писал домой:

«Ей— богу, мы в полной безопасности, ведь в небе наши асы. Кстати, русских самолетов я вообще не видел». (Правда, наши авиаторы утверждают, что они «всеми имеющимися силами днем и ночью… уничтожали танки и моторизованные войска противника».) [489]

В эти же дни левее наступал 13-й танковый корпус. Но, оказавшись в двойном подчинении, он продолжал выполнять прежнюю задачу: наносил удар на Маной-лин вместо того, чтобы повернуть на Верхне-Бузиновку и Клетскую. Связи с полковником Танасчишиным генерал Москаленко не имел. В результате ударные группировки 1-й танковой армии били по расходящимся

направлениям. Пришлось специально послать в 13-й корпус генерала Е.Г. Пушкина, который лишь 28 июля поставил ему новые задачи и повернул бригады с северо-западного и западного направления на север.

Воспользовавшись тем, что 1-я танковая армия в течение первых дней наступления сражалась по существу одна, противник сосредоточил против нее большую часть огневой мощи своей артиллерии и крупные силы авиации. Штаб генерала Москаленко с нетерпением ждал, когда сможет включиться в операцию 4-я танковая армия Крюченкина, чтобы совместными с ней действиями сломить сопротивление врага. Но ожидания не оправдались. Даже к 16 часам 27 июля из состава 4-й танковой на западный берег Дона переправились только 17 танков одной из бригад 22-го корпуса.

4— я танковая армия запаздывала с началом наступления, а 13-й танковый корпус по-прежнему вел бои в районе Манойлина. Поэтому удар на Верхне-Бузиновку 1-я танковая армия наносила лишь силами 28-го танкового корпуса. 131-я стрелковая дивизия наступала на север вдоль правого берега Днепра, а 158-й тяжелой танковой бригаде было приказано очистить от противника высоты западного берега Дона. Армия «ехала» в разные стороны и ни на одном направлении не могла прорвать немецкую оборону.

Лишь 13— му танковому корпусу удалось к 28 июля соединиться в районе Майоровского с частями 184-й и 192-й стрелковых дивизий и 40-й танковой бригады, объединенных под общим командованием полковника К.А. Журавлева. Однако это не было разгромом противника. [490] Немцы просто пропустили танки и вновь замкнули кольцо окружения. Танковые бригады оказались отрезаны от штаба корпуса и от своих тылов без достаточных запасов горючего и боеприпасов, длительного боя они вести не могли. Командир корпуса, находившийся вместе с бригадами, был лишен возможности связаться со штабом и не имел средств управления.

Германское командование поспешило принять меры для парирования удара. На правом фланге у Москаленко появилась еще одна пехотная дивизия 8-го армейского корпуса. На левом — одна танковая и две пехотные дивизии 24-го танкового корпуса форсировали реку Чир, разорвали смежные фланги 62-й и 64-й армий и создали угрозу удара на Калач с юго-запада, отрезая 1-ю танковую армию от переправ через Дон. Для ликвидации этой опасности Москаленко пришлось направить в район Суровикино резервную 163-ю танковую бригаду из состава 13-го корпуса и вновь прибывшие 204-ю и 321-ю стрелковые дивизии. Сюда же перебрасывался 23-й танковый корпус. Введенные в бой на стыке

62-й и 64-й армий, эти соединения сыграли решающую роль в отражении удара противника на Калач. Немецкие дивизии были разбиты и отброшены за реку Чир.

В последние июльские дни 1-я танковая армия, таким образом, действовала на двух противоположных направлениях — северо-западном и юго-западном, причем последнее требовало соответствующего внимания со стороны командования и штаба армии. Командующему армии пришлось обзавестись двумя наблюдательными пунктами и мотаться с одного на другой, чтобы руководить действиями войск на обоих направлениях. Направив все подкрепления на юго-запад, Москаленко не смог нарастить усилий на направлении главного удара.

4— я танковая армия переправилась на правый берег Дона только к вечеру 28 июля и поэтому перешла в наступление только утром следующего дня силами всего лишь двух танковых бригад 22-го корпуса. [491] За 3 дня они продвинулись до рубежа Верхне-Голубинский, Евлампиевский, Малонабатовский, где были остановлены противником. 31 июля ударом через Верхне-Бузиновку вышла из окружения в расположение 4-й танковой армии группа Журавлева. Вместе с частями 13-го танкового корпуса в последней насчитывалось менее 5000 человек и 66 танков.

30— 31 июля боевые действия против северной группировки Паулюса достигли наивысшего напряжения. В 4 часа утра, сковав немцев с фронта, правофланговые соединения 1-й танковой армии-28-й танковый корпус, 131-я стрелковая дивизия и 158-я тяжелая танковая бригада вновь перешли в наступление. Стремясь обойти противника с запада, они медленно продвигались вперед. На этот раз советскому командованию удалось достичь и наращивания сил армий, действовавших с юга. Как только 23-й танковый корпус выполнил задачу по разгрому врага в районе устья реки Чир, он был перенацелен для действий в Северном направлении. В это же время 13-й танковый корпус, переданный в состав 4-й танковой армии, совместно с частями 22-го танкового корпуса начал наступление на Осиновский, в тыл немецкой группировке. Над германскими 3-й и 60-й мотодивизиями нависла угроза окружения. Однако реализовать ее русским не удалось.

Немецкая пехота создала систему плотного противотанкового огня, генерал Паулюс четко маневрировал своими силами, просчитывая маневры противника, а немецкая авиация господствовала в воздухе, беспрерывно атакуя советские части и нанося им чувствительный урон. Например, в корпусе Танасчишина осталось 27 танков и он, по сути, потерял

боеспособность. Вплоть до 5 августа продолжались в этом районе кровопролитные бои. В течение двенадцати дней советские войска непрерывно атаковали, пока окончательно не выдохлись, после чего сами перешли к обороне.

Тем более, что пополнения к ним больше не поступали: центр тяжести боев в начале августа переместился на Котельниковское направление. [492]

Как мы помним, одновременно с «разгромом» северной группировки противника 64-я армия, которую возглавил генерал М.С. Шумилов, и 62-я армия, которую принял генерал-лейтенант А.И. Лопатин, должны были нанести удар по южной групировке Паулюса, прорвавшейся к Суровикино и Нижне-Чирской. Маршал Чуйков оставил подробное описание исполнения этой части советского плана, к которому просто нечего добавить:

«В это же время была получена директива фронта за подписью начальника штаба генерал-майора Д.Н. Никишева. Директива предписывала одновременным ударом двух армий (62-й и 64-й) уничтожить обе группировки противника в районе Верхне-Бузиновки и на реке Чир. 64-я армия усиливалась 204-й стрелковой дивизией и 23-м танковым корпусом.

Распоряжение было получено в 14 часов 28 июля, а начало операции назначалось на 2 часа ночи 29-го, т. е. через 12 часов.

Нам надлежало с М.С. Шумиловым немедленно найти (?) 204-ю дивизию и 23-й танковый корпус. Мы об их местонахождении ничего не знали. Запросили по телефону штаб фронта. Нам ответили:

— Ищите эти части между Доном и рекой Лиска.

Всю ночь мы колесили по степи в поисках приданных 64-й армии частей (самое подходящее занятие для командарма и его заместителя. — *Авт.)*. Проискали все утро и только к полудню 29 июля в районе Жирков нашли одну танковую бригаду 23-го корпуса. Командир бригады ничего не знал и к наступлению не готовился (а в штабе фронта уже десять часов рисуют стрелы! — *Авт.)*.

Разыскивая штаб 23-го корпуса в совхозе «Победа Октября», мы по пути заехали в хутор Володинский, где расположился командный пункт 62-й армии.

Полный, белокурый и внешне очень спокойный генерал А.И. Лопатин встретил нас на командном пункте хорошим обедом и объявил нам, что 62-я армия не может выполнить распоряжение начальника штаба фронта, так как части не готовы, боеприпасы не подвезены и Военный совет фронта это распоряжение не подтвердил. [493]

А.И. Лопатин высказал свои предположения, почему Военный

совет фронта не подтвердил директивы штаба фронта. Наши 1-я и 4-я танковые армии под командованием генералов К.С. Москаленко и В.Д. Крюченкина предприняли контрудары по наступающему противнику. Контрудар наших же 62-й и 64-й армий должен был наноситься в развитие ударов танковых армий.

Но ни 1— я, ни 4-я танковые армии не смогли остановить наступление противника и разбить его части… Одновременного контрудара не получилось.

Я прекратил поиски 204-й дивизии и 23-го танкового корпуса. Надо было возвращаться в штаб армии».

Что касается 21-й армии, которой надлежало силами трех-четырех дивизий нанести удар с севера в направлении Клетской и отрезать немцам пути отхода, то генерал А.И. Данилов сумел выделить для решения задачи только один полк (?!). Соответствующим был и результат этого «наступления».

Плохо организованные удары пяти советских армий на время остановили продвижение противника, не позволили ему форсировать Дон, но заявленных решительных целей не достигли. Одновременного, концентрического контрнаступления всеми силами не получилось ни в масштабах фронта, ни в масштабах армий. Танковые корпуса действовали изолированно друг от друга, без поддержки пехоты и авиации и понесли существенные потери.

Оценивая достигнутые результаты, наши полководцы поставили себе в заслугу, что в этом сражении они «сорвали замыслы противника с ходу прорваться к Волге», задержали продвижение 6-й армии и в значительной мере «охладили ее наступательный пыл». Никаких других способов «задержать продвижение» они придумать не могли. [494]

Советские военачальники, рассказывая нам об этом, полны оптимизма. Ну не разгромили врага, как обещали, зато остановили; не остановили — так «обескровили», в крайнем случае — «сорвали замысел противника». Какой ценой — не важно, зато «враг почувствовал силу наших ударов».

Рокоссовский, не имевший отношения к этим ударам, оценивал их более критично:

«Ставка излишне часто вмешивалась в деятельность командования фронта по оперативным и даже тактическим вопросам. Она необоснованно торопила командование фронта с подготовкой и нанесением контрударов, использованием на тех или иных направлениях частей и соединений, несмотря на то, что в конкретных условиях обстановки командование фронта могло более своевременно решать такие вопросы… Открытый характер

местности давал обороняющимся войскам большие преимущества в ведении меткого прицельного огня. Поэтому Верховное Главнокомандование должно было проявить выдержку и большое предвидение. Оно не должно было толкать командование фронта и армией на преждевременный переход в наступление, так как советские войска в то время не были к нему подготовлены и несли неоправданные потери в бесплодных контрударах… Вследствие этого все наспех подготовленные контрудары не дали положительных результатов и привели к большим потерям в людях и технике».

* * *

Тем не менее войти в Сталинград парадным маршем немцам не удалось.

Неожиданное появление крупных сил Красной Армии на Сталинградском направлении, втянувших войска Паулюса в затяжные бои на правом берегу Дона, вынудило Гитлера срочно усилить действовавшую здесь германскую группировку. Фюрер приказал повернуть нацеливавшуюся ранее на Кавказ 4-ю танковую армию и нанести удар по Сталинграду с юга. [495] Таким образом, немецкое командование вновь вернулось к идее двухстороннего охвата советских войск под Сталинградом, хотя и много меньшими силами, чем предусматривалось директивой №41. Ослабление же заходящего крыла группы армий «А», вызванное уходом армии Гота, привело к тому, что сил на окружение войск Южного фронта южнее и юго-восточнее Ростова у этой группы армий не хватило.

Новый план действий группы армий «Б» был прост: обе ее армии — 4-я танковая южнее, а 6-я армия севернее Сталинграда — наносили удар в направлении Волги, у реки поворачивали соответственно налево и направо и брали в клещи весь район Сталинграда с оборонявшимся в нем войсками.

4— я танковая армия Гота в конце июля переправилась через Дон в нижнем течении и занимала плацдарм южнее Цимлянской. Мощь ее значительно снизилась после того, как из ее состава были изъяты 2 танковых корпуса и дивизия «Великая Германия». В распоряжении генерала Гота остались 48-й танковый и 4-й армейский корпуса, имевшие в своем составе 14-ю танковую, 29-ю моторизованную, две немецкие и две румынские пехотные дивизии. В пути находился 6-й румынский корпус из четырех

пехотных дивизий. Войска Гота должны были нанести главный удар танковым корпусом восточнее железной дороги Сальск-Сталинград на северо-восток и выйти к Волге в районе Красноармей-ска. 4-му армейскому корпусу надлежало обеспечивать» восточный фланг армии, а 6-му румынскому корпусу — западный фланг в районе между железной дорогой и Доном.

1 августа 4-я танковая армия перешла в наступление. Характерно, что перед этим немцы простояли на плацдарме 10 суток и, едва начав движение, с легкостью прорвали оборону 51-й советской армии (буквально накануне переданной в состав Сталинградского фронта), разрезав ее на части. [496] Армия, которая находилась за Доном с середины июня, имела полтора месяца времени и единственную задачу — создать на этом рубеже прочную оборону, прекратила свое существование в один день.

По сведениям «Советской военной энциклопедии», она в августе вроде бы с кем-то воевала, но ею никто не командовал. Штаб армии потерял связь с соединениями и не имел достоверных сведений о сложившейся к юго-востоку от Цимлянской обстановке. Последний приказ, полученный, к примеру, 138-й стрелковой дивизией, гласил: «Действовать самостоятельно в зависимости от обстановки». Разрозненные остатки советских дивизий частью отходили на восток, к Сталинграду, частью — на Элисту.

Германская 14-я танковая дивизия уже 2 августа овладела Котельниково, разгромив на станции четыре эшелона с прибывающими войсками 208-й стрелковой дивизии (еще несколько эшелонов этой же дивизии были разбиты ударами немецкой авиации ввиду того, что штаб фронта не озаботился прикрыть с воздуха район выгрузки прибывающих резервов), вечером 3 августа вышла к реке Аксай, а утром 4-го продолжала движение на Плодовитое. Для защиты этого направления из левофланговых соединений 64-й армии спешно создавалась оперативная группа под командованием генерала Чуйкова из 29-й (11 тыс. человек) и 208-й (10 тыс. человек) стрелковых дивизий, 154-й бригады морской пехоты и 6-й гвардейской танковой бригады, двух полков реактивной артиллерии. Кроме того, в состав группы передавались отошедшие сюда 138-я (4200 человек) и 157-я (1500 человек) стрелковые дивизии разбитой 51-й армии. Чуйкову категорически предписывалось любыми средствами удержать позиции на реке Аксай. Дополнительные силы, в том числе 7 гвардейских минометных полков, перебрасывались в район станций Абганерово и Тингута. [497]

6 августа главные силы 48-го танкового корпуса генерала

Гейма — 14-я танковая и 29-моторизованная дивизии — сосредоточились у реки Аксай и, осуществив прорыв левого фланга 64-й армии, достигли внешнего оборонительного обвода на участке Абганерово, Плодовитое. 7-8 августа немцы продвинулись к станции Тингута. Создавалась прямая угроза прорыва к Сталинграду с юго-запада.

Командование фронта перебросило сюда все имевшиеся под рукой силы и средства. Двум дивизиям Гейма, оторвавшимся от своей пехоты, противостояли 29, 126, 204, 426, 38-я стрелковые дивизии, 133-я танковая бригада с 43 тяжелыми КВ. Сюда же прибыло управление 13-го танкового корпуса Танасчишина, принявшее под свое командование 6-ю гвардейскую, 13-ю, 25-ю танковые, 38-ю мотострелковую бригады, в которых насчитывалось 132 танка, в том числе 114 «тридцатьчетверок». И тем не менее «в районе прорыва противник располагал силами, в четыре раза большими, чем советские войска (?!!)».

9 августа группа Чуйкова при поддержке приданного ей 13-го танкового корпуса попыталась нанести контрудар во фланг корпусу Гейма, но была отбита двумя румынскими пехотными дивизиями. Но на короткое время положение на этом направлении стабилизировалось, войска 64-й армии к исходу 11 августа снова вышли на внешний оборонительный обвод. Корпус Танасчишина за это время потерял 96 танков, получил 40 машин пополнения и занял оборону в боевых порядках общевойсковых соединений. Танки использовались на переднем крае как неподвижные огневые точки — закопаны в землю по башни и замаскированы.

В дальнейшем в связи с ухудшением обстановки в районе Калача 64-я армия вынуждена были отойти за реку Мышкова.

Дело в том, что Паулюс тоже не сидел на правом берегу Дона сложа руки. Войска 6-й армии, перегруппировав силы, с утра 7 августа возобновили наступление в полосе 62-й советской армии, оборонявшей выступ в малой излучине. Связь штаба армии с большинством соединений в этот день была потеряна. [498] Вечером 8 августа 16-я и 24-я танковые дивизии, прорвавшиеся с севера и юга, сомкнули «клещи» западнее Калача, окружив 6 дивизий и части усиления 62-й армии. Остатки войска генерала Лопатина откатывались на восток. Их отступление прикрывал 23-й танковый корпус, от которого осталось 20 танков, 30 орудий и минометов и около 200 стрелков. До 10 августа он в составе сводного отряда удерживал правый берег Дона южнее Калача, обеспечивая переправу остатков разбитой 62-й армии. Мелкими группами и поодиночке пробивались к своим окруженцы. Так, командир 33-й гвардейской стрелковой дивизии полковник А.И.

Утвенко вывел из окружения 120 человек. Практически вся артиллерия армии досталась немцам.

* * *

Именно в этот период Сталин, раздраженный донесениями со Сталинградского фронта, приказал передать генералу Гордову:

«Я поражен вашей близорукостью и растерянностью. Сил у вас много, а справиться с положением не хватает у вас хребта. Жду от вас сообщений о ликвидации тревожного положения на вашем фронте».

Ничем порадовать Верховного Главнокомандующего генерал Гордов не мог. К 10 августа советские войска отошли на левый берег Дона и заняли оборону на внешнем обводе Сталинграда. Закончилась недолгая карьера 1-й и 4-й танковой армий и первой тысячи танков фронта. То есть 4-я танковая армия еще фигурировала некоторое время, но «танкового» в ней ничего не осталось, теперь это было чисто общевойсковое объединение, получившее шуточное прозвище «четырехтанковая». Управления танковых корпусов были выведены в тыл на переформирование и доукомплектование.

По словам маршала Василевского: [499]

«Ставка и Генеральный штаб все более и бол ее убеждались, что командование этим фронтом явно не справляется с руководством и организацией боевых действий такого количества войск (то, что Гордов не справлялся даже с одной армией было видно еще в ходе Харьковской и Воронежской операций, зачем же было ему фронт давать, да еще столь ответственный? — *Авт.)*, вынужденных к тому же вести бои на двух разобщенных направлениях. Не справлялось оно и с теми мероприятиями, которые по заданию ГКО и требованиям военной обстановки должны были проводиться для усиления обороны города».

* * *

Общая протяженность фронта достигла 810 км.

Ставка приняла решение о разделении Сталинградского фронта на два. 5 августа из из его состава был выделен новый,

Юго-Восточный фронт, на который возлагалась задача обороны юго-западных подступов к городу. В состав фронта вошли войска левого крыла — 64, 57, 51 и 8-я воздушная армии, 13-й танковый корпус, части 118-го укреп-района. Для него же из резерва перебрасывалась 1-я гвардейская армия. Командующим был назначен генерал-полковник А.И. Еременко. В подчинении генерала Гор-дова оставались 63, 21, 62-я общевойсковые, 4-я танковая, вновь формируемая 16-я воздушная армии, 28-й танковый корпус. 1-я танковая армия расформировывалась.

По странному капризу Сталина линия разделения между двумя фронтами проходила через центр города, разделяя соответственно и ответственность за его удержание между двумя «горячими» командующими. Впрочем, такое положение просуществовало недолго. Быстро выяснилось, что разделение фронтов еще более усложнило решение важнейших вопросов, например, массированного применения авиации (которая и так постоянно решала задачи на каких-то «других участках»), руководства противовоздушной обороной или эвакуации из города промышленных предприятий и населения. Легко можно представить, как два командующих спасают каждый «свою» половину Сталинграда. [500]

Уже 9 августа Ставка, по предложению Василевского, приняла новое решение, согласно которому Сталинградский фронт подчинялся командующему Юго-Восточного фронта. В итоге все это бюрократическое творчество обернулось банальной сменой командующих, генерал Гордов стал заместителем Еременко. Но при этом — случай уникальный — сохранилось два фронтовых управления.

Как вспоминает сам Еременко,

«…руководить приходилось через два параллельно действовавших штаба. Не говоря уже ни о чем другом, даже для технического осуществления функций руководства войсками требовалось вдвое больше времени. Приказы, директивы, распоряжения, как правило, издавались в двух вариантах, будучи подготовлены двумя разными штабами. Приходилось заслушивать двух начальников штабов, двух начальников разведывательных отделов, двух артиллеристов, двух танкистов, двух командующих ВВС, двух заместителей по тылу. Одних только заместителей по двум фронтам набиралось до двенадцати человек. А ведь нам нужно было не только выслушать каждого, а и дать указания, проконтролировать их исполнение».

Здесь же постоянно клубились представители Ставки, Генерального штаба, ГКО, направленцы и порученцы…

Какой борщ, когда такие дела на кухне!

Свой первый фронтовой опыт обобщил и генерал Чуйков. Размышляя об итогах оборонительных боев, он пришел к выводу, что ничего нового в тактике немцев не было:

«Будь у нас в это время более глубокое построение обороны, да еще противотанковые резервы, можно было бы не только сдержать наступление, но и нанести большой урон противнику».

Действительно, ничего нового для красных командиров в немецкой тактике и быть не могло. Просто немцы тактику досконально изучали и грамотно применяли, а русским учиться недосуг, они все постигали опытным путем, долго и кроваво. [501] Полтора года учились строить эту самую глубокую оборону, пользоваться радиосвязью, а также другим премудростям. Два года накапливали опыт правильного применения авиации. А вот искусство маневра так и не успели освоить — война закончилась.

«…Немецкие танки не шли в атаку без пехоты и без поддержки авиации. На поле боя не заметно было доблести немецких танкистов, их смелости и быстроты действий, о которых писали зарубежные газеты».

По Чуйкову если немецкие танкисты не ввязываются в безнадежный бой без поддержки пехоты и авиации, то это признак трусости. Вот если фронт теряет за две недели тысячу танков — вот это «доблесть». А какая «быстрота действий»! К слову, какие зарубежные газеты читал товарищ Чуйков, окончивший 2 класса сельской школы?

«Немецкая пехота была сильна своим автоматическим огнем, но быстрого продвижения на поле боя я не видел. Наступая, немецкие пехотинцы не жалели патронов, но стреляли часто попусту… Передний край гитлеровцев, в особенности ночью, был прекрасно виден, он обозначался трассирующими пулями и ракетами всех цветов. Казалось, они либо боятся темноты, либо скучают без стрельбы». А еще, заметим, немецкая пехота была сильна своей великолепной подготовкой, способностью мгновенно освоить любой захваченный рубеж, умением маневрировать в наступлении и стойкостью в обороне.

«…Наиболее четко работала в бою авиация противника. Связь и взаимодействие авиации с наземными войсками у противника были отработаны. Чувствовалось, что фашистским летчикам знакома тактика своих и наших наземных войск».

Ну хоть что-то оценил по достоинству!

«…Сегодня весь день авиация немчуры не давала никакого покоя, — писал домой советский пехотинец, — хоть зарывайся на 100-1000 метров, а достанет. Наших самолетов не видно было целый день, и это не только сегодня, но было вчера и будет завтра. Нет никакого сопротивления, что хотят, то творят с

наземными войсками… [502] Ведь до чего дошло, что летчик из нагана бьет по пехоте, насколько они не боятся и как низко приземляются. Как не замаскируй окоп — все видит… Ой, сколько сегодня на нашем направлении было самолетов, это ужас, и главное то, что одна партия уходит, а другая приходит. Ну где наши самолеты, почему они нам не помогают?…»

Основные потери немцы в это время несли не от воздействия противника, не от наших поспешных контратак, а от болезней, тепловых ударов и физического истощения личного состава.

Тем не менее бои под Калачом показали, что «русские больше не намерены без борьбы отдавать территорию».

Для продолжения наступления группе армий «Б» пришлось в очередной раз произвести перегруппировку сил. Войскам Хота противостояли 64-я и свежая 57-я армии, стало ясно, что без дополнительных сил 4-я танковая армия не сможет продвигаться дальше. Поэтому Паулюсу пришлось вернуть в нее 24-ю танковую и 297-ю пехотную дивизии. Осиленной таким образом 4-й танковой армии предписывалось выйти на берег Волги в районе Красноармейска.

Основные силы 6-й армии — 8 дивизий — перебрасывались на северный фланг и сосредоточивались для форсирования реки в самой восточной части излучины Дона у Вертячего. Задача армии состояла в захвате плацдарма и прорыве неприятельской обороны с выходом подвижными соединениями к Волге севернее Сталинграда. На острие удара находился 14-й танковый корпус, его северный фланг обеспечивался 8-м армейским корпусом, южный — 51-м корпусом Зейдлица. На правом фланге армии 24-й танковый корпус должен был занять плацдарм по обе стороны от Калача и с него силами одной 71-й пехотной дивизии наступать в восточном направлении.

8— му авиакорпусу генерала Фибинга-126 самолетов, в том числе 30 истребителей и 59 бомбардировщиков — главными силами надлежало сначала поддерживать действия Зейдлица по захвату переправ, а затем — прорыв танкового корпуса Витерсгейма. [503]

На усиление 6-й армии из резерва ОКХ передавался 11-й армейский корпус генерала Штрекера. Чтобы обеспечить прикрытие разрыва между группами армий «Б» и «А», достигшего 300 км, главное командование сухопутных войск выделило на Астраханское направление 52-й армейский корпус генерала Отта, который должен был, используя сеть опорных пунктов, контролировать участок Садовое, Элиста, река Маныч.

По мнению генерала Ганса Дёрра, эти постоянные перемещения объяснялись тем, что у немцев не было резервов,

Гитлер стремился успеть везде:

«Верховный главнокомандующий не понимал, какую роль они [резервы] призваны играть; он не мог допустить, чтобы какое-либо соединение не имело боевой задачи… Это жонглирование силами фронта, которым виртуозно владели все инстанции, было изобретено главным командованием и превратилось в нездоровую систему, призванную заменить отсутствие резервов».

В течение августа выдвинулась к Дону 8-я итальянская армия под командованием генерала Гарибольди в составе шести пехотных и одной кавалерийской дивизий. Итальянцы заняли участок от Павловска до устья реки Хопер. Однако это не привело к усилению группировки Паулюса, поскольку, не слишком веря в боеспособность своих союзников, германское командование не сняло занимавшие этот рубеж дивизии 29-го армейского корпуса, а включило их в состав итальянской и располагавшейся выше по течению реки 2-й венгерской армий.

Зато Сталин понимал толк в резервах. Он умел их создавать, накапливать и в нужный момент у него всегда иод рукой находились дивизии, корпуса и армии. Ставка ВГК систематически усиливала войска на Сталинградском направлении. С 1 по 20 августа сюда было направлено 15 стрелковых дивизий, новые 2, 4, 7, 16-й танковые корпуса, пополнялись техникой и людьми 22, 23 и 28-й (производимое только сталинградскими заводами вооружение позволяло ежедневно формировать противотанковый артполк с 20 орудиями и танковую роту в составе 10 машин. [504] В августе, согласно решению об удвоении производства, СТЗ выпустил 390 «тридцатьчетверок», до последнего дня находился на заводе нарком танковой промышленности и представитель ГКО В.А. Малышев. Город давал фронту минометы, автоматы, бронепоезда, бронебойные и крупнокалиберные снаряды, мины, тягачи, бронекатера, броню, реактивные установки, обувь, воинское обмундирование и многое другое.) К 25 августа в войсках имелось 19 полков и 17 отдельных дивизионов РС, в том числе 16 — тяжелых М-30.

В состав Сталинградского фронта вошла 1-я гвардейская армия, на подходе были 66-я и трижды погибшая, сформированная в четвертый раз 24-я армия. Это еще 16 дивизий и 5 танковых бригад.

Так что и генерал Еременко получил свою тысячу танков. Одновременно укреплялась оборона на подступах к городу, производилась перегруппировка артиллерии, часть войск заняла средний обвод. Поддерживающие сухопутные войска 8-я и 16-я воздушные армии и 102-я истребительная дивизия ПВО имели

738 самолетов. Кроме того, на Сталинградском направлении систематически использовались 150-200 бомбардировщиков АДД.

Для оказания помощи командованию фронта Ставка направила в этот район в первой половине августа генерала Василевского, а в конце месяца — генерала Жукова.

* * *

С середины августа германские войска планомерно расшатывали советскую оборону.

13 августа две пехотные дивизии 6-й армии (корпус Штрекера) повели наступление на правом фланге 4-й танковой армии Крюченкина, состоявшей теперь из шести стрелковых дивизий (343, 192, 205, 18, 321,.184-й), в направлении на Перекопку. [505] Оборонявшаяся здесь 321-я стрелковая дивизия, не выдержав натиска противника, начала отходить на северо-восток. Для усиления обороны на этом участке генерал Крюченкин в тот же день перебросил с центрального участка армейской полосы истребительную бригаду и противотанковый артполк. Командующий фронтом, в свою очередь, передал в распоряжение командующего 4-й танковой армии 193-ю танковую бригаду, 2 отдельных танковых батальона, 22-ю истребительно-противотанковую артбригаду, 2 артполка и гвардейский минометный полк. В ходе 2-дневных боев немцы были остановлены, но в боевые действия в полосе 321-й дивизии втянута немалая часть резервов армии и фронта.

Утром 15 августа после 2-часовой артиллерийской и авиационной подготовки Паулюс нанес одновременно два удара по войскам Крюченкина: главный — на Сироткинскую, вспомогательный — на Трехостровскую. За первый день немцам удалось продвинуться на 12-20 км. Их танки прорвались к командному пункту 4-й танковой армии; с этого момента штаб Крюченкина уже ничем не управлял. В полном окружении оказались 192, 205 и 184-я стрелковые дивизии. В трех других осталось по 700-800 бойцов. Разбив советские войска в малой излучине, немцы форсировали Дон и овладели плацдармом на левом берегу в районе Песковатки, Вертячего.

Оценив обстановку, командующий фронтом решил ввести в бой войска прибывающей 1-й гвардейской армии, которой командовал генерал Москаленко. И не просто ввести, а конечно же нанести контрудар, «уничтожить и восстановить положение»

— стандартные задачи, задаваемые любой свежей части, стоило ей только прибыть на любой из советских фронтов.

Новая армия имела в своем составе 5 гвардейских стрелковых дивизий, которые формировались на основе оставшихся без работы по специальности воздушно-десантных корпусов. Их личный состав подбирался из настоящих бойцов, прошедших хорошую подготовку, поэтому звание «гвардейцев» им было присвоено авансом. [506] Однако, во-первых, бывшие парашютисты в большинстве не имели боевого опыта и, в силу специфики своей профессии, плохо знали материальную часть тяжелого пехотного вооружения — минометов и станковых пулеметов. Во-вторых, сама армия только-только выгрузилась, сосредоточение не закончила и из-за неэффективной работы тыловых учреждений не могла выпросить у штаба фронта, который сам же собирался бросить ее прямо с колес в контрнаступление, боеприпасов и прочего снабжения.

«Ударять» по врагу традиционно нужно было очень срочно, на подготовку также традиционно отводилась одна ночь, ибо «суровая, грозная обстановка на подступах к Сталинграду вынуждала командующего фронтом использовать все имеющиеся силы». Другой вопрос — насколько умело они использовались. И вполне понятно, почему у командующего хронически отсутствуют резервы: все прибывающие соединения «в связи с напряженной обстановкой» вводились в бой поспешно, без ориентировки, без подготовки к бою, а порою, как видим, и без боеприпасов.

Уже 16 августа 1-я гвардейская армия вступила в сражение тремя своими дивизиями. На некоторое время фронт здесь был стабилизирован. 4-я танковая армия, получив две свежие гвардейские дивизии, заняла оборону по восточному берегу Дона от Вертячего до устья реки Иловля.

В это время на юге, после перегруппировки сил, 17 августа продолжил наступление генерал Гот. Он переместил направление главного удара вправо и нанес удар в стык 64-й и 57-й советских армий. Три дня спустя 48-й танковый корпус Кнобельсдорфа вышел к высотам восточнее станции Тундутово; до Волги оставалось всего 20 км. Чтобы усилить свой левый фланг, генерал Еременко снял с фронта обороны 62-й и 4-й танковой армий 4 истребительно-противотанковых артполка, 4 полка гвардейских минометов, отдельную танковую бригаду и перебросил на угрожаемый участок 57-й армии южнее Сталинграда. Эти части помогли остановить продвижение Гота, но все резервы фронта оказались растащенными по флангам, а оборона в центре — ослаблена. [507]

Тогда нанес свой главный удар Паулюс. 21 августа 6-я армия

форсировала Дон по обе стороны от Вертячего и 23 августа прорвала оборону 62-й армии, расчистив путь 14-му танковому корпусу. В образовавшийся прорыв ринулись одна танковая, две моторизованные и две пехотные дивизии.

О том, что большая группа немецких танков и мотопехоты к середине дня уже достигла среднего оборонительного обвода, штаб Лопатина, потеряв связь с войсками, не имел понятия. Штаб фронта узнал об этом первым из донесения воздушной разведки, но докладу летчика, основанному на визуальных наблюдениях, вначале не поверили: столь глубокий прорыв врага казался невероятным.

К 16 часам, «переехав» пешие колонны выдвигавшейся к передовой из резерва 87-й стрелковой дивизии, передовые батальоны 16-й танковой дивизии генерала Хубе пересекли междуречье и вышли к Волге в районе поселков Рынок, Латошинка севернее Сталинграда. Фронт оказался расчлененным на две части. Подходившие к городу с севера и северо-запада железнодорожные линии были перерезаны, нарушен и водный путь по Волге.

«Мы смотрели на простиравшуюся за Волгой степь, — записал в дневнике немецкий капитан. — Отсюда лежал путь в Азию, и я был потрясен».

В этот день авиация Рихтгофена — весь 4-й воздушный флот — неоднократно бомбила город с воздуха, совершив за сутки до 2000 самолето-вылетов, сбросив 1000 тонн бомб. Сталинград пылал, как гигантский костер. Были разрушены промышленные предприятия, жилые кварталы. На деревянные дома юго-западной окраины обрушился град зажигательных бомб, здесь все выгорело до тла. Коробки многоэтажек устояли, но перекрытия рухнули. Был уничтожен городской водопровод. Массированные бомбардировки не прекращались до наступления темноты. [508]

В предместьях северной части города удар прорвавшихся немецких «панцеров» приняла 10-я стрелковая дивизия НКВД полковника А.А. Сараева, поддержанная огнем батарей 1077-го зенитного артиллерийского полка подполковника В.Е. Гетмана. На линии Городище — Гумрак — Садовая заняли оборону танковые бригады 23-го корпуса генерала Хасина. К Сталинскому тракторному заводу (СТЗ) были брошены курсанты военно-политического училища, части ПВО, противотанковый артполк, сводный отряд моряков Волжской флотилии. Городской комитет обороны направил к месту прорыва отряды народного ополчения, истребительные батальоны и 99-ю танковую бригаду (50 танков), сформированную из двух учебных батальное СТЗ. Изо всех этих сил был образован северный боевой участок. Войска его отразили

удары передовых частей 14-го танкового корпуса.

10— й дивизии была также придана 1-я рота 28-го отдельного отряда собак-истребителей танков под командованием старшего лейтенанта П.Г. Брагоренко. Впервые собак в «противотанковом» варианте применили осенью 1941 года под Москвой, якобы в связи с отчаянным положением на подступах к столице. Но затем упоминания о них встречаются в описаниях обороны Оскола и Сталинграда в 1942 году и в ходе наступления Донского фронта в 1943-м. Наверняка, и позже эти «отдельные отряды» не оставались без работы.

Собак обучали 3 месяца. Секрет дрессировки самый простой: их кормили только под движущимся танком. В итоге у животных вырабатывался рефлекс: при виде танка бросаться под его днище. Тут и срабатывала штырьковая мина, закрепленная на спине собаки. По свидетельству Сараева, именно собаки-камикадзе «первыми открыли счет подбитым танкам врага» в боях за Сталинград, «и это не осталось незамеченным гитлеровцами. Впоследствии в прифронтовой зоне немцы перестреляли всех собак и кошек».

Вскоре в район тракторного завода прибыли с других участков Сталинградского фронта еще 3 стрелковые бригады. [509] Утром 29 августа войска северного участка перешли в наступление. Противник был выбит из населенного пункта Рынок и отброшен к северу на 8 км.

* * *

Немалое изумление у немецких танкистов вызвало то обстоятельство, что орудийные расчеты развернутых на прямую наводку зениток состояли из юных девушек (а всего в 9-м Сталинградском корпусе ПВО служило более 8000 женщин). Стрелять по наземным целям их никто не учил, но дрались они поразительно бесстрашно:

«Русские женщины — это настоящие солдаты в юбках. Они готовы сражаться по-настоящему и в ратном деле могут заткнуть за пояс многих мужчин».

Немцам это было непонятно и дико, поскольку вермахт два с половиной года участвовал в мировой войне без помощи женщин, если не считать передвижных публичных домов. Лишь в январе 1942 года, в связи с острой нехваткой людских ресурсов, в немецкой армии была создана организация «штабных помощниц»

для того, чтобы высвободить солдат-мужчин в штабах в Германии и на оккупированных территориях. И это все, что можно сказать о немецких женщинах в этой войне. Ни одна из них не служила в действующей армии. Никто не видел фотографий, запечатлевших немецкую санитарку, выволакивающую на себе раненого из-под огня, тем паче, какую-нибудь Гретхен, отражающую натиск большевистских орд, припав девичьей грудью к пулемету. Гитлер не додумался даже до такой простой мысли, как использование труда матерей и жен своих солдат на военных предприятиях, в то время как в СССР десятки тысяч «тружениц тыла» варили сталь, стояли у токарных станков или собирали танки. Гнусный нацистский режим не позволял женщине в полной мере выразить себя.

Зато в самой свободной Советской стране «война в полном смысле слова перестала быть уделом мужчин», и «женщины как равноправные члены социалистического государства стали и равноправными его защитниками (!)». [510] Как видим, хотя с людскими ресурсами было все нормально, здесь — дело в принципе.

Чтобы советские женщины могли спать спокойно, завоеванное равноправие закрепили законодательно, приняв 1 сентября 1939 года Закон «О всеобщей воинской обязанности». С этого момента воинская служба в СССР стала почетной обязанностью каждого гражданина, независимо от пола. В статье 13 Закона говорилось о том, что Народным комиссариатам обороны и ВМФ предоставляется право брать на учет и принимать на службу в армию и флот женщин, а также привлекать их на учебные сборы. От имени всех советских женщин благодарила на историческойIVсессии Верховного Совета любимую Коммунистическую партию и Советское правительство депутат Е.М. Кожушина:

«Все мы, молодые патриотки готовы, выступить на защиту нашей прекрасной Родины. Мы, женщины, гордимся тем, что нам дано право защищать ее наравне с мужчинами».

Очень скоро война позволила в полной мере реализовать это право — «защищать наравне».

«У нас в дивизии было немало женщин, — вспоминает генерал Провалов, — санинструкторы, телефонистки, врачи, медицинские сестры, прачки, хлебопеки. То ли мы уже просто привыкли к тому, что женщины повседневно делали тяжелую работу, то ли не было времени замечать, как им несладко на фронте, но женский фронт на войне лично у меня не вызывал каких-то особых вопросов».

Лично у меня вопросы есть. Первый и самый простой из них:

сколько же их было?

Значит, в одной 383-й стрелковой дивизии женщин «было немало» — примерно около ста. Численность таких дивизий в 1942 году пошла на пятую сотню. Были еще кавалерийские и авиационные дивизии, стрелковые, мотострелковые, танковые, морские бригады, артиллерийские, саперные, разведывательные батальоны, подразделения связи и ПВО, медслужбы, управления корпусов, армий, фронтов, тылов и т. д. [511] Везде служили женщины, сотни тысяч женщин. Официально — более 800 тысяч. Но вот неутомимая исследовательница данной темы В. Муромцева сообщает:

«В годы Великой Отечественной войны более миллиона советских женщин с*оружием врунах (курсив наш. — Авт.)*защищали Родину».

А без оружия — со скальпелем, гаечным ключом, телефонной трубкой, регулировочными флажками или солдатскими портками?

30 июня 1941 года, «учитывая большое стремление советских женщин принять непосредственное участие в вооруженной борьбе против фашизма», ГКО принял ряд постановлений о мобилизации женщин и девушек для несения службы в войсках ПВО, связи, внутренней охраны, на военно-автомобильных дорогах и т. д.

Было проведено также несколько специальных комсомольских мобилизаций девушек в Красную Армию. В 1942 году ЦК ВЛКСМ принял решение о мобилизации комсомолок для службы в ВМФ.

В войска ПВО по мобилизации ЦК ВЛКСМ было направлено 106 тыс. женщин. Наиболее крупная комсомольская мобилизация «женской молодежи» в войска ПВО была проведена по постановлению ЦК ВЛКСМ, принятому 28 марта 1942 года, которое обязывало обкомы и крайкомы в течение двух недель — до 10 апреля — совместно с военкоматами призвать 100 тыс. девушек-комсомолок в возрасте от 19 до 25 лет. Осенью 1942 года прошла новая мобилизация женщин на службу в войска ПВО, наличие комсомольского билета и «стремления» роли уже не играло. В войсках Ленинградской армии ПВО женщин было свыше 9000. Более 17 тыс. женщин насчитывалось в подразделениях МПВО Ленинграда. В Особой Московской армии служили 20 тыс. женщин и девушек и 40 тыс. бойцов МПВО. К концу войны женщины составляли 24% контингента войск ПВО — около 300 тыс. В отдельных полках и дивизиях их насчитывалось до 80-100%.

Только по комсомольским мобилизациям на службу попало примерно 550 тыс. девушек, причем 70% служили в действующей

армии. С конца 1942 года каждый седьмой комсомолец в РККА был женского пола! Немало было и «несоюзной женской молодежи». Добавим 186 тысяч членов КПСС. [512]

Среди фронтовых врачей женщины составляли 41%, среди военных хирургов — 43%, фельдшеров — 43%, медицинских сестер — 100%, санинструкторов и санитарок — 40%. За годы войны было подготовлено 300 тыс. медсестер и свыше 900 тыс. сандружинниц и санинструкторов.

В составе каждой армии 1-го Белорусского фронта (6 армий) служило до 3000 девушек и женщин, в начале 1945 года в составе 2-го Белорусского фронта — свыше 20 тыс. женщин. Кроме того, большое количество их было в специальных и тыловых частях фронтового подчинения. На этом же фронте 9656 женщин работали по вольному найму.

Женщины были не только прачками, поварами, телефонистками и санинструкторами. А также — шоферами, слесарями, артиллеристами, пулеметчиками, автоматчиками, снайперами, матросами, танкистами, летчиками, морскими пехотинцами, разведчиками, политруками и командирами батальнов.

В системе всеобуча Наркомата обороны СССР было подготовлено 222 тыс. женщин «бойцов-специалистов»: минометчиц, станковых и ручных пулеметчиц (пробовал кто-нибудь из вас потаскать станковый пулемет или минометную плиту?), автоматчиц, снайперов, связисток, специалистов дорожно-эксплуатационных частей. Рязанское пехотное училище только за 1943 год подготовило 1388 женщин-командиров, которые затем командовали взводами, ротами, батальонами, пулеметными и минометными подразделениями. Так в 383-й стрелковой дивизии — командир пулеметного взвода Октябрина Борисенко; Левина Анна — командир огневого взвода 4-й батареи 169-го минометного полка 3-й артдивизии прорыва.

В соответствии с постановлением ГКО, в ноябре 1942 года при Московском военном округе был сформирован 1-й отдельный женский запасной стрелковый полк. [513] Только за первый год своего существования он подготовил для фронта 5175 солдат и сержантов, в том числе 489 стрелков, 217 минометчиц и 266 пулеметчиц.

В снайперских школах и на курсах, входивших во всеобуч, было подготовлено 2484 женщины-снайпера. Центральная женская школа снайперской подготовки дала фронту 1061 снайпера и 407 инструкторов. Выпускницы последней «отстреляли» почти дивизию противника — 11280 человек. Снайпер Лия Молдагулова уничтожила 91 солдата и офицера,

Тамара Костырина — 120, Людмила Павлюченко — 309!!!

Осенью 1941 года по инициативе М.М. Расковой началось формирование трех женских авиаполков — истребительного, бомбардировочного и ночных бомбардировщиков.

586— й истребительный полк, оснащенный машинами Як-1, приступил к боевой работе в апреле 1942 года в системе ПВО Саратова. Женщины-истребители прикрывали от немецких бомбардировщиков промышленные центры и железнодорожные узлы Саратова, Воронежа, Касторной. В период с сентября по ноябрь 1-я эскадрилья полка участвовала в Сталинградской битве. Полк прошел от Волги до Вены, летчицы провели 125 воздушных боев, сбили 38 самолетов противника, а Екатерина Зеленко совершила единственный в истории «женский» воздушный таран.

Знаменитый 588-й полк «небесных тихоходов» — 20 экипажей — под командованием Е.Д. Бершанской прибыл на Южный фронт в конце мая 1942 года в состав 218-й ночной ближнебомбардировочной авиадивизии 4-й воздушной армии. На его вооружении находился самолет У-2, «переоборудованный для бомбометания». Переоборудование поначалу заключалось в наличии по бортам двух корзин, в которые укладывались минометные мины и гранаты, сбрасываемые вручную. «Ночные ведьмы» участвовали в боях за Донбасс, Кавказ, Севастополь, Могилев, Варшаву, Данциг, совершили 23672 боевых вылета. Полк стал именоваться 46-м Таманским орденов Красного Знамени и Суворова гвардейским женским авиаполком. [514]

Боевая деятельность 587-го бомбардировочного полка началась в декабре 1942 года под Сталинградом в составе 270-й авиадивизии 8-й воздушной армии. Вначале летчицы учились на самолете Су-2, но потом пересели на Пе-2. При выросшем штате экипажа и технического персонала женщин-специалистов уже не хватало, и полк получился смешанного состава. Он дошел до берегов Балтийского моря и получил звание 125-го гвардейского Борисовского орденов Суворова и Кутузова авиаполка дневных бомбардировщиков имени М. Расковой, его летчицы совершили 4419 боевых вылетов.

Кстати, летом 1942 года американцы тоже приняли программу по подготовке женщин-военных летчиков. Однако первые 25 молодых женщин, прошедших отбор (здоровье, высшее образование, американское гражданство, возраст 21-25 лет), были призваны на службу в ВВС лишь в августе 1943 года. В составе экспериментальной женской эскадрильи они осваивали, и довольно успешно, истребители и бомбардировщики Б-17. Даже неофициальное прозвище подразделения звучало очень похоже — «летающие ведьмы». Однако к участию в боевых действиях их не

допустили, решили, что для таких дел у Америки досточно мужчин. В декабре 1944 года программа была закрыта.

Британский подход к вопросу был еще консервативнее.

«Преисполненный изумления, — пишет М. Муркок, — смотрел я на то, как довольно много женщин выполняют здесь работы, которые в Англии — не то чтобы даже считались подходящими для женщин; в Англии никому бы даже идея в голову не взбрела, что женщина вообще в состоянии приняться за такое».

Как о чем-то уникальном поведал в свое время писатель С.С. Смирнов историю Марии Лагуновой — механика-водителя танка. На самом деле это был вовсе не единичный случай. [515] Бывший командир 91-й танковой бригады маршал Якубовский вспоминает о Екатерине Петлюк и ее танке Т-70 с именем «Малютка». Можно вспомнить Марию Октябрьскую и ее «Боевую подругу», а также Ирину Левченко, закончившую не только танковое училище, но Военную академию бронетанковых и механизированных войск. Список можно продолжить: механиками-водителями служили Валентина Бархатова, Вера Безрукова, Валентина Богданова, Александра Бурлакова, Валентина Грибалева, Зинаида Климентьева, Ольга Поршонок, Вера Смирнова, Тамара Охрименко; командирами танков были А. Бойко, В. Орлова, Таисия Потанина, А. Калинюк; а Е. Кострико-ва, Ирина Левченко и А Самусенко командовали танковыми подразделениями.

Были и совсем экзотические девушки. В 38-й армии воевала 18-летняя Дуся Сытник — командир сабельного эскадрона (!) 1 8-го гвардейского кавалерийского полка, в 4-м кавкорпусе — снайперский взвод (45 человек) кубанских казачек. Колесова Елена командовала диверсионной группой отряда специального назначения, а Екатерина Михайлова прошла через самые жестокие бои в составе штурмового батальона морской пехоты.

Только за боевые заслуги орденами и медалями было награждено 150 тыс. советских женщин, а 86 из них удостоены звания Героя Советского Союза.

Они внесли свой вклад в Победу — и низкий им зато поклон.

«Едва ли найдется хоть одна военная специальность, — восхищается маршал Еременко, — с которой не справились бы наши отважные женщины так же хорошо, как их братья, мужья и отцы».

Но возникает другой вопрос: мужики, — братья, мужья и отцы, — вам это и правда было нужно?

А как быть с этим:

…Летчица Милютина, тяжело раненная в живот, 4 раза теряла сознание во время полета. Напрягая последние силы и

волю, она довела самолет до своей территории и благополучно посадила его… [516]

…Командир эскадрильи 125-го гвардейского полка К.Л. Фомичева в боях с врагом дважды горела в воздухе, получила ранение правой ноги, перелом шести ребер и дважды — ожоги второй степени…

…Радистка 2-го батальона 216-го полка 76-й стрелковой дивизии Елена Стемпковская

«…легла за пулемет и открыла огонь по фашистам. Но силы были слишком неравные. Гитлеровцы захватили девушку в плен, подвергли ее нечеловеческим истязаниям и пыткам. Лена предпочла мученическую смерть, но не выдала врагу военной тайны. Тогда ей не было и двадцати одного года…»

…Член разведгруппы фронта Аня Морозова.

«При выполнении очередного задания группу наших разведчиков окружили эсэсовцы. Аня, раненная в руку, укрылась в болоте, но ее выследили с помощью собак. Не желая сдаваться в плен, она бросила под себя гранату…»

…19— летняя Валерия Гнаровская, санинструктор 907-го стрелкового полка 244-й дивзии, защищая раненых, уничтожила свыше двадцати солдат и офицеров противника, со связкой гранат бросилась под танк и подорвала его…

Сколько их — сестер, жен и матерей — было убито, ранено, искалечено, прошло через плен — никто не знает.*Но из 86 женщин-Кроев Советского Союза 47 получили это звание посмертно.*

Наконец, еще одна сторона проблемы, старательно забытая. Из материалов проверки вольнонаемных лиц в частях и органах тыла 5-й армии Западного фронта от 4 декабря 1941 года:

«…З., по национальности полька, работала машинисткой армвоенторга. 13/X1-41 года привезена из г. Москвы без всяких ее характеризующих документов. В половом отношении развращена и вокруг себя группировала командный состав…

…П., 1922 года рождения. В течение последних 2 лет работала парихмахершей в г. Москве. 20/X1-41 года была привезена из Москвы и назначена на должность машинистки. П. своей половой распущенностью создала сборище с участием нач. состава… [517]

…К., 1915 года рождения, работала официанткой в столовой № 2. Развращена в половом отношении и своим поведением вносила элементы бытового разложения в окружающую ее среду…

…В госпиталях процветает сожительство, причем в этом сожительстве активное участие принимают начальники

госпиталей и комиссары (470, 105 и др. госпитали)…

…В 105 госпитале нач. АХОЯ., беспартийный, полтора месяца тому назад сошелся с медсестрой В. — членом ВЛКСМ. Через некоторое время Я. прекратил связь с В. и сошелся с медсестрой И. На почве этого В. покончила жизнь самоубийством…

…Начальник 105 госпиталя военврач 2 ранга К. и комиссар того же госпиталя батальонный комиссар С., кроме основной квартиры, имели вторую нелегальную квартиру, в которой весело проводили время с женщинами-врачами своего же госпиталя…»

Из докладной записки начальника ОО НКВД Волховского фронта «О морально-бытовом разложении ком-полсостава частей и соединений 59-й армии» от 10 марта 1942 года:

«За последнее время в частях 59-й армии со стороны отдельных военнослужащих участились случаи морально-бытового разложения. Зачастую, используя свое служебное положение, командиры склоняют женский персонал к половому разврату, здесь же, в присутствии посторонних, решают боевые задачи. Отдельные командиры и комиссары частей, увлекаясь женщинам и, систематически пьянствуют. В ходе боевых операций, вместо руководства боем, отлеживаются в блиндажах…

Начальник санслужбы 942-го артиллерийского полка 374-й стрелковой дивизии военврач 3-го ранга Бело-глазов в нетрезвом состоянии зашел в операционную палатку, вызвал к себе санинструктора Уланову, где и пытался ее использовать. Когда Уланова оттолкнула его от себя, последний с возмущением выхватил пистолет и произвел несколько выстрелов в землю… [518]

Командир 378-й стрелковой дивизии полковник Дорофеев и комиссар дивизии Корнышев систематически пьянствуют и сожительствуют с женщинами.

8 января Дорофеев и Корнышев пригласили к себе зубного врача и медфельдшера Леванову. Указанные женщины пьянствовали и ночевали с ними двое суток. Будучи выпивши, Дорофеев заявлял командирам: «…Здешние женщины проститутки, их нужно использовать, а вы, командиры, не теряйте этого случая…»

5 февраля во время наступления дивизии на командный пункт выехал начальник штаба и комиссар дивизий. Дорофеев же вызвал к себе в блиндаж девушку военфельдшера и пропьянствовал с ней четверо суток. Свой невыезд на командный пункт мотивировал болезнью.

Комначсостав в беседах между собой говорит: «…Ну, как там наше пьяное начальство, что решило?…» В момент выполнения боевой задачи частями дивизии по овладению д. Остров

Дорофеев, Корнышев и начальник штаба Аксельрод на протяжении трех суток пьянствовали, не выходя из блиндажей.

Подобные факты морально-бытового разложения комначсостава в частях 59-й армии не единичны. По нашей информации, командиры и комиссары частей и соединений мер к устранению подобных явлений не принимают,*так как сами являются — виновниками этого (курсив наш. — Авт.)*».

Весело отцам-командирам в своих блиндажах, пока красноармейцы «проявляют героизм» и что-то там штурмуют! Даже не верится, что все это происходит прямо на передовой в ходе боевых действий. Можно представить, как такие картинки поднимали моральный дух подчиненных. Кстати, 59-я армия (можно ли назвать ее армией?) — одна из двух, наносивших главный удар в Любанской операции 1942 года. Чем дело обернулось — известно: Мясным бором. [519]

Походно— полевыми женами, а порой и не одной, обзаводились комдивы и политруки, командармы и начальники политотделов, члены Военных советов и военачальники самых высоких рангов-генералы Власов, Черняховский, Маркиан Попов, Еременко, Катуков, незабвенный Леонид Ильич Брежнев и железный Жуков. За их «моральным обликом» приходилось надзирать уже лично Верховному Главнокомандующему.

Одним словом: «Война показала, какими неисчерпаемыми силами обладает свободная и равноправная женщина Страны Советов, как выросли за годы Советской власти ее способности, расцвел талант, сколь многогранной стала ее деятельность». Разные, прямо скажем, раскрывались «грани» в условиях, когда ничего не стоили жизни, ломались судьбы и под лозунгом «Война все спишет» рушились моральные принципы. Была, конечно, и любовь, и свадьбы, и дети, семейные пулеметные расчеты и даже супружеский экипаж самоходного орудия, но вот вопрос: насколько это повысило боеспособность Красной Армии?

Может быть, если бы было на фронте меньше женщин (и водки), мужчин скорее бы домой потянуло, полководцы бы не так сильно «отвлекались». Вот, к примеру, записка Жукова от 1 февраля 1945 года:

«Я имею доклады… о том, что т. Катуков проявляет полнейшую бездеятельность, армией не руководит, отсиживается дома с бабой и что сожительствующая с ним девка мешает ему в работе. (Самому Жукову „походная жена“, конечно, не мешает. — *Авт.)* Требую: немедля отправить от Катукова женщину… Катукову заняться делом…»

Глядишь, войну бы раньше закончили?

* * *

Советское командование вновь было вынуждено принимать «пожарные» меры к уничтожению прорвавшейся к Волге группировки. Не ожидая полного сосредоточения резервов, в районе Котлубани создавалась ударная группа. В ее состав вошли 28-й танковый корпус, 169-я танковая бригада, 35-я, 27-я гвардейские и 298-я стрелковая дивизии. [520] На подходе были 4-й и 16-й танковые корпуса и стрелковые соединения из резерва Ставки. Эта группа, возглавляемая заместителем командующего Сталинградским фронтом генерал-майором К.А. Коваленко, должна была нанести удар на юго-запад, закрыть прорыв у Котлубани и Большой Россошки и выходом к Дону восстановить положение. Еще одна группа в составе свежего 2-го и 23-го танковых корпусов под общим командованием начальника автобронетанковых сил войск фронта генерал-лейтенанта А.Д. Штевнева нацеливалась из района Орловки в общем направлении на Ерзовку. Корпус генерала Хасина к этому времени был пополнен техникой, людьми и имел 195 танков Т-34.

Одновременно 62-я армия получила задачу правым флангом нанести удар в Северном направлении на Вертячий и соединиться там с левым флангом 4-й танковой армии, наносящим удар в Южном направлении.

Таким образом, бросив в бой 650 танков, планировалось искромсать втянувшуюся в узкий коридор ударную группировку противника и восстановить фронт по левому берегу Дона.

Танковый корпус Витерсгейма имел в своем составе 16-ю танковую, 3-ю и 60-ю мотодивизии. Следовавшие за ним пехотные части 8-го корпуса растянулись в образовавшемся 60-километровом коридоре от Вертячего до Волги. Фланги прорыва удерживали заслоны 384-й и 295-й пехотных дивизий.

Группа генерала Коваленко, не дожидаясь подхода танковых корпусов, перешла в наступление в 18 часов 23 августа, через 5 часов после получения приказа. Две ее дивизии, встретив упорное огневое противодействие, продвинуться не смогли. Третья дивизия совместно с 169-й танковой бригадой, которой командовал полковник А.П. Коденец, разгромила протвостоящего им противника и соединилась с войсками 62-й армии, отрезав германский танковый корпус от основных сил. Однако развить успех не удалось, немцы вскоре восстановили сообщение по коридору. Группа генерала Штевнева перешла в наступление 24 августа. Она продвинулась на 6 км и завязла в немецкой обороне севернее Орловки. [521]

26 августа Коваленко ввел в сражение 4-й и 16-й танковые корпуса, свежие 24, 84, 315-ю стрелковые дивизии, однако их наступление велось на широком фронте, без ярко выраженного направления главного удара и оказалось безуспешным.

В последующие дни 2,4,16,23 и 28-й танковые корпуса совместно со стрелковыми дивизиями почти непрерывно штурмовали вражеские позиции, но полностью изолировать и разгромить прорвавшуюся группировку не смогли, хотя ширина коридора в районе Котлубань сократилась до 4 км. Немцы, заняв круговую оборону, стояли насмерть, организовав эффективную систему огня и на полную мощь задействовав свою авиацию. Немецкие самолеты методически бомбили и обстреливали советские войска еще на марше, не давая возможности в течение светлого времени организованно подготовиться и вступить в бой.

До начала сентября 3 дивизии 14-го танкового корпуса находились в критической обстановке на берегу Волги, отражая советские атаки, получая снабжение по воздуху и от небольших групп, пробивавшихся к нему ночью. Генерал Витерсгейм хотел даже оставить свои позиции, но Паулюс запретил отход. Дискуссия закончилась смещением с должности засомневавшегося в успехе Витерсгейма; корпус возглавил однорукий «папа Хубе».

Встречные контрудары левофланговых сил армии Крюченкина и правофланговых частей армии Лопатина с целью выхода на левый берег Дона на участке Песковатка, Вертячий также не имели успеха. Лишь войскам 63-й и 21-й армий, осуществлявших вспомогательный удар на правом крыле Сталинградского фронта, в результате упорных боев удалось захватить юго-западнее Серафимовича плацдарм в 50 км по фронту и до 25 км в глубину.

Об организации боевых действий 4-й танковой армии рассказывает докладная записка особого отдела:

«В ходе операций, проводимых 4 танковой армией по уничтожению прорвавшегося на восточный берег р. Дои противника, имеют место серьезные недочеты в руководстве операциями со стороны командования частей и соединений армии. [522]

Штаб армии частями и соединениями руководит неоперативно; отмечены неоднократные случаи, когда издаваемые штабом армии приказы в течение одного дня несколько раз отменяются и заменяются новыми…

Плохо оранизовано взаимодействие между частями и родами войск… Имеются факты бомбардировки частей своей авиацией…

Штаб армии и действующие части не занимаются постоянной

разведкой сил противника, в результате чего не знают, какие части им» противостоят, каличе-ство частей, не знают, какую задачу ставит противник, вообще не имеют о противнике никаких сведений.

Характерно заявление по этому поводу командующего 4 танковой армией генерал-майора Крюченкина: «Черт его знает, что там делает противник, ничего абсолютно неизвестно: какое положение в „рукаве“ прорыва, что делает 62 армия, где находятся наши части в соприкосновении с противником…»

Части совершенно не уделяют внимания разведке. Например, 24 августа с. г., перед наступлением, командование 114 Гв.СП выслало разведку всего на 100 м от своего переднего края.

В 780 СП— взвод пешей разведки, на протяжении с 30.8-42 г. по 5.9-42 г. ни одной боевой задачи по разведке не выполнил, в полку к разведке не готовятся, задача на разведку до разведчиков не доводится, не изучаются пути движения разведчиков, в результате разведка не знает маршрутов и возвращается обратно, не выполнив задачу.

Отмечены случаи потери связи штаба армии с соединениями. Так, 24 августа с. г. армии была подчинена 35 Гв.СД, с которой штаб армии в течение суток связи не имел и ничего не знал о ее боевых действиях.

За время боевых действий отмечен целый ряд фактов проявления трусости со стороны командно-начальствующего, а также рядового состава. [523]

Например:

1) 23 августа с. г. противник под прикрытием авиации прорвал линию обороны 4 и 166 СП, которые в беспорядке стали отходить.

Командир 4 полка майор Яров и военком батальонный комиссар Сергеев, вместо организации планомерного отхода, бросив полк, бежали с поля боя.

Командир 116 СП майор Козин, военком батальонный комиссар Беликов и нач. штаба полка капитан Тищенко бежали с поля боя, причем на КП полка оставили сов. секретные документы и кассу полка.

2) 15— го августа с. г. огневые позиции артполка 22 истребительной бригады подверглись бомбардировке авиацией противника.

Командир полка майор Чирков и военком Петров, проявив трусость, бежали с поля боя. Полком никто не руководил…

КрасноармеецІдивизиона АП 78 СД Щербинин в разговоре с бойцами заявил:

«…Немецкая армия сильнее Красной Армии. Немцы скоро нас

окружат и уничтожат. Наши командиры о бойцах не заботятся, плохо кормят. Наших командиров нужно перестрелять, а самим пойти в плен к немцам».

Основная причина неуспеха советских войск была все та же — слабая организация и неудовлетворительная подготовка. Войска, не закончив сосредоточения, бросались в бой без разведки местности и противника, при слабом артиллерийском и авиационном обеспечении, причем авиаторы бомбили без разбора и чужих, и своих, а танкисты зачастую обстреливали собственную пехоту. Времени для подготовки контрударов, для отработки взаимодействия, организации управления «не хватало».

Наспех формируемые из различных соединений группы не имели в своем составе специальных органов управления и служб связи, что означает отсутствие в ходе боя как первого, так и второго. По свидетельству Чуйкова:

«Связь и на второй год войны была у нас слабым местом. Гитлеровцы во всех звеньях использовали рации. [524] У нас превалировала проводная связь. Она постоянно выходила из строя. Приходилось рассылать офицеров, что крайне затрудняло руководство войсками, разбросанными на степных просторах».

Поэтому сведения об изменении обстановки и принимаемые решения запаздывали.

В штабах по-прежнему «рисовали стрелы», не имея достоверной информации не только о противнике, но и о своих войсках:

«Приказы со словечком „немедленно“ частенько приходили в часть, когда уже были оставлены поименованные в приказах населенные пункты, а иной раз переставала существовать как боевая единица и та часть,.которой надлежало выполнить приказ».

* * *

Более того, из района Калача 25 августа вполне успешно начала наступать усиленная танками 71-я немецкая дивизия. А 29-го армия Гота нанесла еще один удар — из района Абганерово. На этот раз она взломала оборону 64-й армии и к исходу дня вышла к Гавриловке, т. е. в тыл войскам Шумилова и Лопатина. 62-я и 64-я армии оказались глубоко охвачены противником с севера и с юга. Командармы Лопатин и Шумилов просили командование фронта отвести войска из оперативного мешка на

заранее подготовленный рубеж обороны, но Еременко разрешения на это не дал. Он планировал очередной контрудар. Однако наносить его было нечем, к тому же в советские планы постоянно «вносил коррективы» противник.

29 августа армия Гота, раздавив 126-ю стрелковую дивизию и разгромив ее штаб, проломила оборону в центре 64-й армии. 30 августа советское командование вынуждено было принять запоздалое решение об отводе обеих армии на средний оборонительный обвод. Но и там они не смогли закрепиться и к исходу 2 сентября отошли ко внутреннему обводу.

62— я армия заняла оборону на участке Рынок, Орловка, Гумрак, Песчанка, а 64-я армия-на участке от Песчанки до Ивановки. На левом фланге находилась 57-я армия, командование которой принял генерал Толбухин. [525]

Немецкие самолеты днем и ночью бомбили Сталинград и переправы. Зарево пожаров не угасало. Полыхали нефтехранилища и нефтеналивные суда. Нефть и керосин потоками стекали в Волгу и горели на ее поверхности. В городе не хватало водьг, не было электричества. Население укрывалось в оврагах и подвалах. К концу августа в городе числилось свыше 400 тыс. жителей. Но поскольку он был забит беженцами из западных областей, точной цифры никто не знал. По некоторым данным, она достигала 600 тыс. человек. До 20 августа было эвакуировано 100 тыс., из них сталинградцев не более 35-40 тыс. человек. Офицеры Генштаба, изучавшие по заданию Ставки обстановку в Сталинграде, докладывали:

«Город перенаселен. Дошло даже до того, что люди живут под заборами, в садах, на берегу р. Волги, в лодках и т. д. Эвакуация города проходит слишком медленно из-за отсутствия достаточного количества средств передвижения и плохой работы эвакобюро… Все школы и клубы переполнены ранеными. Госпитали продолжают оставаться в городе. Светомаскировка плохая…»

Эвакуация мирного населения, дабы избежать распространения паники, запрещалась до 23 августа, когда, наконец, было принято соответствующее постановление.

С 24 августа по 14 сентября за Волгу было вывезено около 300 тыс. человек. Если учесть, что в это количество входят раненые солдаты, персонал госпиталей, тыловые учреждения, беженцы из других областей и около 60 тыс. сталиградцев-призывников в возрасте до 50 лет, которые очень скоро вернутся обратно, то станет ясно — почти половина жителей оставалась в Сталинграде — женщины, дети, старики, рабочие оборонных предприятий. От бомбардировок и артобстрелов с августа по

октябрь, по неполным данным, погибло почти 43 тыс. человек гражданского населения, десятки тысяч получили ранения.

Мужское население города в основном было уже на фронте.

«Солдаты сидят в окопах, солдаты читают письма»:

«Гор. Сталинград, пос.Ворошилова, Жилстрой № 22, школа ФЗО № 14, Перельман М.Т.:»…Не знаю, придется ли тебе писать письмо или нет. Положение наше ужасное. Мы погибаем. Вырваться отсюда нельзя, пути отрезаны. На Волгу немец сбросил мину и 2 пассажирских парохода потоплены, сегодня сгорела баржа с нефтью. В общем, с жизнью надо распрощаться. Жалко детишек, они веселы и беспечны и совершенно не готовы принять смерть. Не умрем от бомб, то умрем от мерзких рук местного населения. Они не люди, а звери…»

…Ростовская обл., Дубовский район, Ильинский с/с, к-хоз «Лен.Путь», Лапко Н.Р.:

«…Милый, мне кажется, что приходит конец моей жизни. Я живу в таком месте, что от врага не убежишь, нет на чем, а от нас он не так далеко. Если не смогу уехать и придет кровавый палач, то я не останусь на поругание, возьму детей и пойду в реку. Все, что от меня зависело, я сделала. Районные начальники уже своих жен отправили на машинах. Так было и у нас, когда мы еще и не думали, то начальство, т. е. верхушки, отправили своих жен не торопясь, обеспечив продуктами и хорошим транспортом, а нас уговаривали не делать паники, и когда враг наступал на пятки, то нас всех выпихнули. На переправе скопление народа, а там гад бомбит. Так точно было в Больше-Каменском районе, начальство отправило свои семьи на автомашинах, а нам — как пришлось. Так и здесь райработники, т. е. верхушки, жен своих уже отправили машинами, а нас отправят на быках, да и то, если будет возможность. Мы „догоним“ их…»

…Левая сторона Дона, Степное Поле, Нельга Клавдия Васильевна:

«…11.7.42 г. произошла эвакуация нашего населения, все выехали, начальство — военком Микульского райвоенкомата выехал за 2 дня до эвакуации. Нам не сообщил ничего, а оставшийся зам. — интендант тов. Павлов, казак, нагрузил машину — и срываться. [527] Я к нему обратилась, так он ответил — идите на переправу, там есть лодки и вас перевезут. Я и мама стали плакать — как же идти без ничего. Он с криком — „Я не потащу вас на своем горбу“, а на машину погрузили ценности военкомата: лампы, ведра, балалайки, гитары, а ребенка и жену командира оставили на съедение немцам».

А чем озабочено высоколобое начальство? 25 августа на заседании Военного совета фронта начальник Генерального

штаба (!) Василевский и представитель ГКО Маленков с пристрастием допрашивали секретаря обкома партии А.С. Чуянова, почему в городе перестала выходить газета «Сталинградская правда». На доклад о том, что здание редакции и типографии разрушно до основания немецкой авиацией, последовал приказ — восстановить типографскую базу в течение суток, ибо: «Есть газета — есть партийное руководство в городе, есть Советская власть».

В эти же дни в штаб Паулюса прибыл генерал-майор Леннинг; назначенный комендантом Сталинграда.

* * *

1 сентября правый фланг 6-й немецкой армии соединился с левым флангом 4-й танковой армии в районе Старый Рогачик. С этого времени главные силы Паулюса и Гота были нацелены в основном на центральную часть города, вдоль железных дорог Калач — Сталинград и Сталинград — Котельниково. Утром 3 сентября немцы повели наступление по всему фронту. К полудню на левом фланге 64-й армии им удалось переправиться через реку Червленую и прорвать оборону у поселков Цыбино и Нариман. На участке 62-й армии, преодолев советские по зиции на реке Россошка, противник вышел на линию разъезда Басаргино. Советские войска с тяжелыми боями отходили на последние позиции, к Сталинграду. Армии понесли большие потери, в некоторых дивизиях оставалось по 500-1000 человек, в десяти танковых бригадах, действовавших в полосе 62-й и 64-й армий, имелось всего 146 танков. [528]

3— 4 сентября руководство фронта и многочисленные московские контролеры тихо и незаметно переправились на восточный берег Волги, даже не поставив об этом в известность городской комитет обороны. Самым большим воинским начальником в Сталинграде остался комендант гарнизона полковник А.А. Сараев.

Как вспоминает Чуянов:

«Утром 5 сентября позвонил Н.С. Хрущев. Глухим, вкрадчивым голосом он сообщил, что Военный совет и штаб фронта передислоцировались за Волгу в район хутора Ямы Краснослободского района.

— Когда это произошло?-спросил я, недоумевая.

— Вы можете стать хорошей добычей для фашистов, если промедлите,-сказал Хрущев, оставив мой вопрос без ответа. — Не задерживайтесь, переходите на свой запасной командный пункт.

— Это приказ или пожелание?-снова спросил я.

— Рекомендация, но вы не подумайте, пожалуйста, что мы бросаем вас в городе и сами «утекаем» за Волгу…

И мне стало ясно, что он сделал этот звонок для страховки, поставив меня перед совершившимся фактом, дескать, смотри, я тебя предупредил».

* * *

«Чтобы ослабить нажим врага» на Сталинград, Ставкой спешно готовился новый контрудар. Для его организации из Москвы прибыл назначенный 26 августа на должность заместителя Верховного Главнокомандующего генерал армии Жуков. Этот контрудар, по мнению маршала Москаленко, «являлся в те дни жизненной необходимостью. Следовательно, нужно было нанести его хотя бы теми силами, которые имелись по рукой».

Под рукой у Жукова и Еременко кое-что было.

К этому времени севернее города сосредоточивались три армии: 24-я армия генерал-майора Д.Т. Козлова, в составе пяти стрелковых дивизий и одной танковой бригады; 66-я армия под командованием генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского — шесть стрелковых дивизий и четыре танковые бригады; заканчивалась перегруппировка и укомплектование 1-й гвардейской армии, теперь в ней имелось восемь стрелковых дивизий. [529] В состав Сталинградского фронта включалась вновь созданная 16-я воздушная армия генерал-майора С.И. Руденко. Кроме упомянутых сил, к операции привлекались левофланговые части 4-й танковой армии. Всей авиации — более 900 самолетов — предписывалось прикрыть группировки войск фронта и ударами по живой силе и боевой технике врага обеспечить наступление войск.

Поскольку Сталин торопил, а войска Козлова и Малиновского могли занять исходный рубеж не ранее 5 сентября, было принято волевое решение начать наступление силами 1-й гвардейской армии. Подготовка этой операции страдала все теми же, ставшими хроническими, недостатками. Так, решение о нанесении удара правым флангом Сталинградского фронта, если верить Жукову, было принято не позднее 27 августа, а приказ о передислокации в район Лозное генерал Москаленко получил только 30 августа. Боевую задачу до него довел лично Жуков 1 сентября, а приступить к «уничтожению» противника предписывалось с утра следующего дня. Дефицит времени, отсутствие развединформации, средств усиления, зениток, взаимодействия с авиацией никого не смущали. Только отсутствие горючего заставило отложить начало операции на сутки.

В подчинение Москаленко передавались изрядно потрепанные войска из расформированной группы генерала Коваленко, в том числе 4-й и 16-й танковые корпуса. Из последних удалось укомплектовать лишь две полнокровные танковые бригады. Кроме того, в состав армии вошел 7-й

танковый корпус генерала Ротмистрова, имевший 191 танк. Корпус совершил 200-километровый марш от станции Серебряково и сосредоточился северо-западнее Сталинграда 2 сентября, т. е. в бой фактически вводился с ходу, даже не зная, где находится передний край, не говоря уже о расположении противотанковых средств неприятеля. [530] В общем, армия к наступлению была не готова, но «жестокая действительность, диктовала, как*и не раз прежде (курсив наш. — Авт.),* неизбежную необходимость идти на врага теми силами, какие имелись в данный момент».

3 сентября 1-я гвардейская перешла в наступление. Она начала его без достаточной артиллерийской и авиационной подготовки и поддержки, не успев подтянуть к исходным позициям всех своих сил. Паулюс, в отличие от Жукова и Гордова, обладал всей полнотой информации и заблаговременно укреплял свой левый фланг, создавая здесь мощную огневую систему и эшелонированную оборону. Германское командование отслеживало сосредоточение советских войск, знало не только о направлении планируемых ударов, но и о времени их начала.

Перед самым началом советской атаки немцы нанести артиллерийский удар по сосредоточившимся на рубежах атаки дивизиям, причинив им большой урон, а с переходом русских в наступление бросили против них авиацию. В результате, продвинувшись на 5-6 км, армия Москаленко был а остановлена противни ком. На следующий день советские войска, введя в бой второй эшелон, продолжали атаковать на тех же направлениях и с тем же результатом. Снова в момент начала атаки заговорила германская артиллерия и полтора часа гвоздила рубежи сосредоточения, и вновь в воздухе господствовала германская авиация.

Директивой от 3 сентября Ставка потребовала от Жукова решительных действий:

«Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если Северная группа войска не окажет немедленной помощи. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам… Промедление теперь равносильно преступлению». [531]

5 сентября Жуков ввел в бой 24-ю и 66-ю армии — справа и слева от 1-й гвардейской. Цель: мощным фланговым ударом разгромить продвинувшуюся к Волге вражескую группировку, соединиться с войсками 62-й армии и восстановить общую с Юго-Восточным фронтом линию обороны. Выполнить эти задачи не

удалось. Войска вступали в сражение прямо с 50-километрового марша, разведка не выявила группировку и огневую систему противника, артиллерия не смогла ее подавить, поэтому сбить немцев с позиций не получилось. Например, командир 221-й стрелковой дивизии не только не имел информации о местонахождении и силах противника, но даже не знал, к какой армии относится его дивизия.

За день сражения советские части продвинулись всего лишь на 2-4 км, 24-я армия вернулась на исходные позициии. Германская авиация господствовала в воздухе днем, советская работала в основном по ночам. Еще десять дней четыре советские армии топтались на месте, обильно орошая землю кровью своих солдат. Потери были огромны, результаты — мизерны. Так, в 7-м танковом корпусе Ротмистрова в строю осталось 15 боевых машин; корпус пришлось вывести в тыл на доукоплектование.

Ушлые немецкие генералы применили еще вот какую «хитрость» — они непрерывно вели разведку, точно прогнозировали направление и силу жуковских ударов, принимали адекватные меры:

«Так как немецко-фащистскому командованию… стали известны силы атакующих и места нанесения ударов, то на соответствующих направлениях*оно заблаговременно создало опорные пункты (курсив наш. — Авт.)*. Туда же были нацелены действия всей вражеской авиации, подтянуты резервы пехоты, танков, артиллерии, минометов».

Вот так, генералу Москаленко дали всего 3 дня на перегруппировку армии и подготовку к наступлению, а противник уже «заблаговременно создал опорные пункты».

Как отмечал маршал Рокоссовский:

«В последующие дни в наступавших армиях были уплотнены боевые порядки дивизий первого эшелона, сужены полосы наступления, произведено с помощью топографов ориентирование на местности и организовано взаимодействие и управление. [532] Однако командующий фронтом и командующие армиями, видоизменяя задачи, направления ударов и состав соединений, наступательные действия проводили по прежней схеме. В результате войска в течение 12 суток*упрямо, прямолинейно и неумело направлялись для ударов в лоб, вели бои в неизменной группировке» (курсив наш. — Авт.)*.

Германская пехота оборонялась умело, используя особенности местности, свои и советские оборонительные сооружения, средства заграждения и подбитые танки в качестве бронированных огневых точек.

12 сентября «непобедимый» Жуков доложил Сталину, что

ничего у него не вышло:

«Москва, тов. Сталину.

…2. Начатое наступление 1, 24 и 66-й армий мы не прекращаем и проводим его настойчиво. В проводимом наступлении, как об этом мы вам доносили, участвуют все наличные силы и средства.

Соединение со сталинградцами не удалось осуществить потому, что мы оказались слабее противника в артиллерийском и авиационном отношении. Наша 1-я гв. армия, начавшая наступление первой, не имела ни одного артиллерийского полка усиления, ни одного полка НТО, ни ПВО.

Обстановка под Сталинградом заставила нас ввести в дело 24-ю и 66-ю армии 5.9, не ожидая их полного сосредоточения и подхода артиллерии усиления…

Такое вступление в бой армий по частям и без средств усиления не дало нам возможности прорвать оборону противника и соединиться со сталинградцами, но зато наш быстрый удар заставил противника повернуть от Сталинграда его главные силы против нашей группировки, чем облегчилось положение Сталинграда, который без этого удара был бы взят противником»

Особый отдел Сталинградского фронта в этот день тоже отправил в сто лицу свое донесение. В нем сообщалось

«В последние 3 дня, несмотря на издание штабом фронта ряда приказов о наступлении, прорыве линии обороны противника и соединении обеих группировок, руководящие работники штаба не верят в реальность своих же приказов и считают, что войска при теперешнем их состоянии не смогут прорвать оборону противника.

Так, заместитель начальника оперативного отдела штаба фронта подполковник Крамар заявил: «Я не верю в реальность приказа».

В дивизиях 1-й Гвардейской армии насчитываются большие потери».

«Облегчив положение», Жуков укатил обратно в Москву. Между тем Паулюс не только успешно отбивал натиск четырех советских армий на своем левом фланге, но на следующий день после жуковского доклада начал штурм Сталинграда.

Тяжелые бои на участке Самофаловка, Ерзовка продолжались до конца октября. Наши войска атаковали непрерывно, но единственное, чего им удалось добиться, — это вынудить Паулюса повернуть фронтом на север часть своих сил.

Свою неудачу наши полководцы объяснили, как водится, численным превосходством врага. Главный маршал бронетанковых войск Ротмистров сообщает, что «немецко-

фашистское командование сняло некоторые танковые и моторизованные дивизии со Сталинградского направления и бросило их навстречу нам». Трудно спорить с маршалом и доктором военных наук, вот только у Паулюса здесь была всего одна танковая и две моторизованные дивизии, и все они входили в корпус генерала Хубе, который и держал полукруговую оборону на северном фланге 6-й армии.

По воспоминаниям маршала Москаленко, уже в первые же часы боя он выяснил, что у противника «…огромное превосходство в силах и средствах, в особенности в артиллерии, танках и авиации». А как же при таком соотношении сил он собирался его «отсекать» и «уничтожать»? [534]

Можно задать и такой вопрос: каким образом три немецкие дивизии, полтора месяца не выходящие из боев, при 200 танках умудрились иметь «огромное превосходство» над двадцатью свежими советскими дивизиями, поддержанными 500 танками? Не задумываясь над этим парадоксом, маршал Москаленко объявил, что советское наступление было не просто успешным, но и является «одной из самых блестящих страниц (!!!) эпопеи города на Волге».

* * *

Подводя итоги первого этапа Сталинградской битвы, можно суверенностью сказать, что советское военное руководство бездарно его проиграло. В течение двух месяцев Паулюс и Гот вели успешное наступление, имея в своем распоряжении 18 немецких и 4 румынские дивизии, в том числе 3 танковые и 3 моторизованные. Генералы Гордов и Еременко, Василевский и Жуков за эти же 2 месяца, заботами товарища Сталина, смогли ввести в сражение в районе Сталинграда более 60 стрелковых дивизий, 8 танковых корпусов, 12 отдельных танковых бригад, несколько отдельных танковых батальонов, около 2500 танков! Один только 13-й танковый корпус за 3 месяца боев четырежды комплектовался до штатной численности, получил за это время и снова потерял 550 боевых машин.

И вот враг стоит на берегах Волги, а украшенные большими звездами и килограммами орденов полководцы рассказывают нам сказки о четырех — и шестикратном превосходстве противника и о том, что

«в ожесточенных боях на подступах к Сталиграду… советские

военачальники многое усвоили в трудной школе современной войны».

С одной стороны, товарищу Сталину можно посочувствовать, с другой — он сам растил эти кадры.

«Время — кровь»

12 сентября Паулюс и Вейхс прибыли в ставку Гитлера под Винницей. На совещании фюрер потребовал скорейшего захвата Сталинграда и под занавес заявил: [535]

«Русские на грани истощения своих сил. Сопротивление под Сталинградом следует оценивать лишь как местного значения. К ответным действиям стратегического характера, которые могли бы быть для нас опасными, они больше не способны. Кроме того, северный фланг на Дону получит значительное подкрепление со стороны союзников. При этих обстоятельствах не вижу серьезной опасности для северного фланга. В остальном надо заботиться о том, чтобы скорее взять город в свои руки, а*не допускать его превращения, во все пожирающий фокус на длительное время (курсив наш. — Авт.)*».

Командующий 6-й армией попросил дополнительно три дивизии и пообещал управиться за десять дней.

С военной точки зрения в этом не было никакой необходимости, поскольку основная стратегическая цель — обеспечение северо-восточного фланга при наступлении на Кавказ — была достигнута. Немецкие войска вышли к Волге, и она не могла больше использоваться как водная магистраль, а Сталинград перестал быть узлом коммуникаций. Его промышленные предприятия частью были эвакуированы, частью разрушены. Овладение самим городом ничего не меняло.

Задача, поставленная Паулюсу, носила, таким образом, тактический характер, но имела огромное пропагандистское значение:

«До тех пор пока русские сражались западнее Волги, Сталин мог утверждать о героической обороне своего города. Гитлер не хотел успокаиваться, пока его войска не захватили последний клочок земли, называвшейся Сталинградом. Политика, пропаганда и чувства взяли верх над трезвой оценкой полководца».

Правда, высшее германское командование считало, что операция не займет много времени.

К исходу 12 сентября немецкие войска стояли почти у стен Сталинградского тракторного завода и в 3-4 км от центра города. Паулюс решил начать штурм Сталинграда с захвата его северного и центрального районов. Для этого планировалось нанести одновременно 2 мощных удара и прорваться к Волге. [536] С этой целью сосредоточивались две группировки: одна — в составе 295, 71, 94-й пехотных и 24-й танковой дивизий — в районе восточнее поселка Гумрак, другая — из 14-й танковой, 29-й моторизованной и 20-й пехотной румынской дивизий — в районе Верхней Ельшанки. Задача казалась несложной: пройти с боем 5-10 км и сбросить русских в реку.

К этому моменту германские войска вышли к Волге в районе Купоросное и полностью изолировали 62-ю армию. Ее фронт обороны протяженностью 25 км проходил от правого берега Волги у поселка Рынок, через Орловку, восточнее Городища и Разгуляевки, Садовой, Купоросной. Максимальное расстояние от берега Волги у Орловки составляло 10 км. На армию легла вся тяжесть задачи по защите центральной части Сталинграда и заводских районов. 5 сентября от должности был отстранен генерал Лопатин, предложивший отвести войска за Волгу.

Новым командующим 62-й армией назначили генерала Чуйкова. В подчиненных ему войсках насчитывалось 12 стрелковых дивизий (33-я и 35-я гвардейские, 87, 98, 112, 131, 196, 229, 244, 315, 399 и 10-я стрелковая дивизия НКВД), 7 стрелковых (10, 38, 42, 115,124, 129, 145-я) и 5 танковых бригад, 20-я истребительная бригада, 12 артиллерийских и минометных полков. Однако многие дивизии по численности «был и меньше батальона — 250-1000 штыков, общая численность 35-й гвардейской вместе с приданными подразделениями составляла 664 человека, 23-й танковый корпус имел 40-50 танков, из которых 30% использовались как неподвижные огневые точки. Более-менее укомплектованными были 10-я дивизия НКВД (7500 человек), да 3 отдельные стрелковые бригады. Всего 62-я армия имела к середине сентября около 54 тыс. человек, 900 орудий и минометов, 110 танков. Локтевой связи с соседями не было, фланги армии упирались в Волгу. Немцы прочно удерживали господство в воздухе. [537]

Силы 6— й армии Паулюса в этой полосе советскими источниками оцениваются в 100 тыс. солдат и офицеров, около 2000 орудий и минометов, 500 танков и штурмовых орудий. По мнению же бывших генералов вермахта:

«Немецкие армии начали эту борьбу настолько ослабленными, что в обычных условиях о них можно было бы сказать, что они „измотаны боями“. Роты редко насчитывали

более 60 человек, танковые дивизии — только 60-80 исправных танков. Но и силы 62-й армии русских в начале сентября были настолько истощены, что во всем районе города не было резервов».

* * *

13 сентября немцы начали штурм. Основной удар они наносили в направлении Мамаева кургана силами 295-й пехотной дивизии и железнодорожного вокзала — 76-я и 71-я дивизии. В первый день им удалось лишь несколько потеснить советские части. Вечером командующий фронтом приказал Чуйкову выбить противника с занятых участков и восстановить положение. 14 сентября в 3.30 части 62-й армии перешли в контратаку, которая успеха не принесла. К 12 часам немцы сосредоточили 5 дивизий на узком участке фронта и нанесли сильнейший удар. С воздуха их поддерживали сотни самолетов. Бои разгорелись на улицах города. Этот день стал одним из наиболее тяжелых для защитников Сталинграда. В описании Чуйкова, повторяющем неизменные штампы наших мемуаристов, солдаты вермахта выглядели как сборище опереточных злодеев:

«Несмотря на громадные потери, захватчики лезли напролом. Колонны пехоты на машинах и танках врывались в город. По-видимому, гитлеровцы считали, что участь его решена, и каждый из них стремился как можно скорее достичь Волги, центра города и там поживиться трофеями. Наши бойцы… видели, как пьяные гитлеровцы соскакивали с машин, играли на губных гармошках и плясали на тротуарах. Фашисты погибали сотнями, но свежие волны резервов все больше наводняли улицы». [538]

С левого берега Волги обороняющихся поддерживали 250 орудий и тяжелых минометов фронтовой артиллерийской группы — 6 артиллерийских и минометных полков, артиллерия 2-го танкового корпуса, зенитная артиллерия Сталинградского корпусного района ПВО, 4 полка реактивной артиллерии. По прорвавшимся в город войскам противника из своих пятидесяти орудий вели огонь корабли Волжской военной флотилии.

К исходу дня «пьяные гитлеровцы» овладели вокзалом, выбив оттуда трезвых сталинцев, и заняли Мамаев курган, который господствовал над всем Сталинградом и левым берегом Волги. Бой шел в 800 м от командного пункта 62-й армии, расположенного в балке реки Царица у ее устья. Возникла угроза

выхода противника к центральной переправе. Войск в центре у Чуйкова почти не осталось — в районе вокзала оборону держал заградотряд 62-й армии. Ожесточенные бои развернулись и на левом фланге, в районе пригорода Минина, который атаковали дивизии Гота.

Положение спасла прибывшая с левобережья в ночь на 15 сентября 13-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора А.И. Родимцева, имевшая 10 тыс. бойцов. Она с ходу вступила в бой и выбила врага из центра города. К полудню 16 сентября ударом 39-го гвардейского полка немцы были сброшены и с Мамаева кургана. Атака, по описанию командира 1-го батальона И.И. Исакова, была, можно сказать, психическая:

«Пошли цепью. Наша атака со стороны выглядела ненастоящей. Ей не предшествовали ни артиллерийская подготовка, ни удар авиации. Не поддерживали нас и танки. Никто не перебегал, не ложился — бойцы шли и шли… Противник открыл ружейно-пулеметный огонь. Видно было, как в цепях падали люди. Некоторые поднимались и снова двигались вперед… Курган перешел в наши руки… Правда, за сравнительно короткое время атаки — а она продолжалась часа полторадва — мы понесли весьма ощутимые потери. [539] Убитых и раненых могло быть значительно меньше, если бы нас поддерживала артиллерия. Вооружены мы были лишь винтовками, автоматами, пулеметами и минометами».

До вечера гвардейцы отбили 12 контратак. Большие потери понесла и 295-я пехотная дивизия вермахта.

Первые дни обороны были для Чуйкова особенно трудными не только ввиду превосходства противника, но и из-за отсутствия всякой организации. В то время как начальники всех степеней, в том числе и командиры отдельных соединений, спешно убыли на левый берег Волги, Чуйкова за день до вражеского штурма кинули на правый берег принимать разбитую, разрозненную, незнакомую ему армию на незнакомой позиции и вместе с этой армией выполнять приказ вождя: «Сталинград не сдавать!».

Хотя в Кремле, также как и в Берлине, мало кто сомневался, что дни Сталинграда сочтены, для Чуйкова и всех оставшихся в городе войск сталинский приказ означал, что места за Волгой для них не было. Оставалось драться до последнего человека, выигрывал драгоценное время, а «время — это кровь», как выразился впоследствии сам Василий Иванович. В таком духе и была проведена разъяснительная работа с подчиненными.

При этом заблаговременно город к обороне подготовлен не был: укрепления, заграждения, огневые точки отсутствовали, наспех сложенные на улицах баррикады выглядели несерьезно,

реальным препятствием для наступающих немцев стали городские развалины. И чем больше стараниями германской артиллерии и авиации становилось в Сталинграде развалин, тем больше укрытий находили обороняющиеся.

Склады боеприпасов, медикаментов, продовольствия из города вывезли (!?). По этой причине уже через сутки боя дивизия Родимцева, потерявшая 30% личного состава, оказалась без патронов. Боеприпасы и продовольствие теперь приходилось доставлять обратно через единственную работающую переправу и

только в ночное время! [540] Позаботиться о раненых было некогда и некому, транспортные средства для их переправки палевый берег не выделялись. Легкораненые бойцы делал и плоты, грузили на них тяжелораненых и самостоятельно переплывали через Волгу. Течением плоты относило вниз по реке, где раненые разбредались по селам в поисках помощи.

«Боевые потери, отходы, недостаток боеприпасов и продовольствия, трудности с пополнением людьми и техникой — все это отрицательно влияло на моральное состояние войск. У некоторых возникло желание уйти поскорее за Волгу, вырваться из пекла», — вспоминает Чуйков.

Поэтому отряды НКВД осматривали все отходившие плавсредства и патрулировали город, задерживая подозрительных лиц. Так, с 13 по 15 сентября заградотрядом особого отдела армии было задержано 1218 военнослужащих. Достаточно многочисленными были и случаи перехода на сторону противника.

На двух фронтах Сталинградского направления действовал 41 заградотряд, который с 1 августа по 15 октября задержал 51758 военнослужащих, сбежавших с передовой.

* * *

Ожесточение обеих сторон непрерывно росло, сражение принимало невиданный прежде почти апокалипсический характер. Выжившие единодушно назвали это «сталинградским адом»:

«Гром стрельбы, вой мин, снарядов и бомб, свист пуль и рев двигателей сделались настолько обычными под Сталинградом и в самом городе, что казалось — иначе и быть не может. Этот адский гром постоянно давил на уши и пригибал тебя к земле. Но ночью, однако, все стихало. Передохнуть требовалось и нам, и

противнику, подготовиться под покровом темноты к новым, еще более жестоким баталиям. Ночью на нашей и на вражеской стороне кормили личный состав, подвозили боеприпасы, оказывали помощь раненым, по возможности эвакуировали поврежденную технику. [541]

Гитлеровцы были совсем рядом, ведь ничейная полоса ничтожно узка. Слышались стоны раненых там и тут. Позвякивали лопаты похоронных команд у них и у нас».

Но скоро не станет ни тихих ночей, ни похоронных команд — лишь круглосуточная беспощадная схватка.

На южной окраине Сталинграда с 17 по 20 сентября шли бои за самое высокое в этой части города здание элеватора, который защищал батальон гвардейцев 35-й дивизии. Нетолько элеватор в целом, но и отдельные его этажи и хранилища по нескольку раз переходили из рук в руки. Полковник Дубянский докладывал по телефону генералу Чуйкову:

«Обстановка изменилась. Раньше мы находились наверху элеватора, а немцы внизу. Сейчас мы выбили немцев снизу, но зато они проникли наверх, и там, в верхней части элеватора, идет бой».

Таких упорно оборонявшихся объектов в городе были десятки и сотни; внутри них с переменным успехом неделями велась борьба за каждую комнату, за каждый выступ, за каждый марш лестничной клетки. До 27 сентября яростная схватка шла за вокзал. Тринадцать раз он переходил из рук в руки, каждый его штурм стоил обеим сторонам сотен жизней. Немцы, понесшие в первых лихих атаках существенные потери, начали менять тактику. Атаки теперь велись на небольших участках, в пределах одного-двух кварталов, силами полка или батальона при поддержке 3-5 танков. Улицы и площади стали ареной кровопролитных боев, которые уже не затихали до конца битвы.

«Это была поистине титаническая борьба человека против человека, — пишет генерал фон Бутлар, — в которой немецкие гренадеры и саперы, располагавшие всеми современными боевыми средствами, медленно прокладывали себе в уличных боях путь через город. Такие крупные заводы, как завод им. Дзержинского, „Красные баррикады“ и „Красный Октябрь“, приходилось штурмовать порознь и в течение нескольких дней. Город превратился в море огня, дыма, пыли и развалин. [542] Он поглощал потоки немецкой и русской крови, постепенно превращаясь в Верден Второй мировой войны… русские сражались с фанатическим упорством… Потери с обеих сторон были огромны».

В ночь на 18 сентября командный пункт Чуйкова

передислоцировался на берег Волги у центральной переправы. Для этого пришлось переправиться на восточный берег, подняться выше по течению реки и вернуться на западный берег. Во время этого переезда НКВД успело «изъять» заместителя начальника артиллерии армии полковника Белякова «за антисоветскую агитацию» и «шпионаж» (?).

В районе центральной переправы, как и повсюду в Сталинграде, творился ад. На песчаных отмелях громоздились станки, моторы и другое заводское оборудование, которое не успели эвакуировать. У кромки берега стояли полуразбитые баржи. С утра до темноты над Волгой кружила авиация противника, а ночью открывала огонь артиллерия. Причалы и подходы к ним круглыми сутками находились под огнем орудий и 6-ствольных минометов. Доставка войск и грузов для 62-й армии осложнилась до предела. Подразделения, успевавшие за ночь переправиться, нужно было немедленно развести и поставить на позиции, а грузы раздать войскам, иначе утром они уничтожались бомбежкой. Днем на берег сползались раненые и ждали вечера; врачей не было, и люди умирали сотнями без медицинской помощи. Трупы не убирались, по ним ездили на машинах.

Здесь же, в назидание вновь прибывшим пополнениям, расстреливали шпионов, трусов, «самострелов» и дезертиров, невзирая названия, вплоть до команда ров и комиссаров полков. 19-20 сентября заградотрядом особого отдела армии было задержано 184 человека, из них 21 расстрелян, 40 арестовано, остальные отправлены на передовую. Всего за сентябрь по приговорам особых отделов в 62-й армии было расстреляно 195 военнослужащих, а кроме того, «в отдельных случаях правильно инструктированная агентура сама расправлялась с трусами и паникерами на месте».

В состав армии влились в эти дни 95-я и 284-я стрелковые дивизии, 137-я танковая и 92-я бригада морской пехоты. Штабы полностью «израсходованных» полков по очереди отводились за Волгу, получали пополнение и вновь возвращались на позиции.

По свидетельству маршала Ф.И. Голикова:

«В сентябре новые резервы Ставки стали поступать интенсивно. Бригада за бригадой, дивизия за дивизией. Всего за сентябрь 62-я армия получила семь свежих полнокровных дивизий и пять отдельных стрелковых бригад… в течение сентября из состава 62-й армии было выведено на восстановление девять обескровленных дивизий… Резко возросла оснащенность армии вооружением».

* * *

Первая неделя боев показала советскому командованию, что в городе обороняющиеся войска могут наносить значительно большие потери противнику, чем контрудары войск, наступающих по открытой степной местности. Тем не менее для оказания помощи сталинградцам Ставка решила нанести новый контрудар с севера и восстановить единый фронт с 62-й армией. Для его организации в помощь Гордову вновь прибыл генерал Жуков. Новое наступление планировалось провести силами 1-й гвардейской и 24-й армий, но на другом участке — южнее станции Котлубань. 1-я гвардейская фактически формировалась заново: передав свою полосу соседям, штаб Москаленко передислоцировался в стык 4-й танковой и 24-й армий, где получил в свое подчинение 8 новых дивизий, сосредоточенных на 12-километровом фронте. Армия была усилена артиллерией РГК: 4, 7 и 16-м танковыми корпусами, пополнившими свою материальную часть; тремя отдельными танковыми бригадами и имела задачу нанести удар из района Котлубани в общем направлении на Гумрак, уничтожить противостоящего противника и соединиться с войсками Чуйкова. [544]

В первом эшелоне с задачей непосредственной поддержки пехоты наступали 3, 12 и 143-я танковые бригады, а также соединения 7-го танкового корпуса Ротмистрова. 4-й и 16-й танковые корпуса составляли подвижную группу армии, имея задачей развить успех первого эшелона. При этом 16-й корпус генерала А.Г. Маслова должен был вводиться вслед за 4-м корпусом, которым командовал генерал А.Г. Кравченко.

Противник южнее Котлубани располагал удобными для обороны позициями и к тому же успел их сильно укрепить. Передний край обороны проходил по гребням господствующих высот. Ими прикрывались огневые позиции артиллерии и все передвижения в глубине обороны. Окружающая местность с этих высот просматривалась на многие километры. Оборону здесь держали немецкие 60-я, 3-я моторизованные и 79-я пехотная дивизии. Советским войскам вновь предстояла лобовая атака по голой степи.

Наступление началось утром 18 сентября. Но сначала, как и в начале сентября, первой заговорила германская артиллерия, открыв огонь по местам сосредоточения советских войск — немцы были готовы к встрече. Затем полуторачасовую артподготовку провела армия Москаленко, и советские танковые бригады атаковали передний край обороны противника.

Преодолевая упорное сопротивление, они продвинулись на 1-1,5 км и сумели подняться на гребени высот. Но взломать оборону на всю ее глубину не удалось.

Чтобы нарастить силу удара, в 14 часов командарм ввел в сражение 4-й танковый корпус и две дивизии второго эшелона. Однако они запоздали с выходом на «Большой гребень». В 18 часов немецкая пехота, усиленная 50 танками, предприняла контратаку и сбросила с высот поредевшие и не закрепившиеся части 308-й и 316-й стрелковых дивизий. К этому времени советские танки были выбиты, артиллерия сопровождения отстала еще утром, штабы потеряли управление. [545]

Дневник капитана Лорингофена:

«Русские атаковали с холма, наши же части находились на склоне. Два дня они следовали одним и тем же маршрутом. Прекрасные цели! Тогда мы сожгли не меньше сотни танков».

В течение следующих четырех дней советские дивизии беспрерывно гнались на штурм высот, но снова овладеть гребнем не удалось. 23 сентября в наступление перешел 16-й танковый корпус. Однако и его соединения не смогли достичь цели, атакуя противника в лоб на тех же участках и направлениях, где в продолжение нескольких дней пытались прорвать оборону 4-й и 7-й корпуса.

В эти дни Рокоссовский находился на КП рядом с Хордовым, наблюдая работу командующего фронтом, и

«убедился, что он отличался большой горячностью и стремился нагнать побольше страха на подчиненных. Это явствовало из телефонных переговоров, которые Гордов вел с командармами… Не случайно командный состав фронта, о чем мне впоследствии довелось слышать, окрестил его управление „матерным“.

К концу месяца наступление выдохлось. Войска понесли большие потери, но прорвать оборону противника нигде не смогли. Неунывающий Москаленко сообщает, что и на этот раз он кого-то «сковал» и сильно «обескровил».

1— я гвардейская армия была расформирована, а то, что от нее осталось, передали в 24-ю армию. Потерявший за 3 месяца 3 комплекта боевой техники генерал Ротмистров «глубоко задумался» о том, что

«пора нам, прежде всего старшим командирам,*научиться воевать грамотно,* со знанием дела… Малоуспешное проведение… контрудара*при наличии большой массы танков свидетельствовало о слабом умении применять крупные танковые соединения (курсив наш. — Авт.)*…

…даже имея данные о противнике, основные потери мы

несли не во время прорыва переднего края вражеской обороны, а при бое в ее глубине, когда нарушалось взаимодействие танков с артиллерией и пехотой и отсутствовала авиационная поддержка. [546] Беда здесь состояла прежде всего в том, что наши артиллеристы из-за неудовлетворительно налаженной разведки или недостатка тяжелых пушек в период короткой огневой подготовки атаки полностью не подавляли противотанковые средства гитлеровцев. Не оказывали в этом им помощи и авиаторы. Прорвав вражескую оборону, танки сразу же наталкивались на мощный огонь артиллерии и танков противника из глубины его обороны (а вот немецкие танки, судя по ходу военных действий в 1942 году, легко прорывали нашу оборону и ни на что не наталкивались. — *Авт.)*, при этом оставались в одиночестве, поскольку гитлеровцы отсекали нашу пехоту пулеметным и минометным огнем, прижимали ее к земле непрерывной бомбежкой.

Но надо признать, что в отсутствии надежной артиллерийской поддержки была доля вины и танкистов. Готовясь к бою, они («они» — это как раз сам Ротмистров. — *Авт.)*лишь информировали артиллеристов о своих задачах, а не согласовывали взаимодействие по рубежам, пристрелянным артиллерией, не устанавливали сигналов вызова артиллерийского огня (!), не поддерживали постоянной связи с командными и наблюдательными пунктами артиллеристов».

Поразительно: генерал уже год воюет, до этого 2 года преподавал тактику бронетанковых войск, защитил диссертацию и стал доцентом, участвовал в финской войне, в создании первых механизированных корпусов и вот, наконец, «задумался». Полагаю, не в последнюю очередь Ротмистрова заставил задуматься доклад комиссара госбезопасности Абакумова в ГКО и Генштаб, в котором прямо указывалось, что в больших потерях 7-го танкового корпуса виноват его командир.

Командование 62-й армии также получило приказ: одновременно с войсками Сталинградского фронта нанести удар в направлении на северо-западную окраину города и уничтожить противника в этом районе. Начатое Чуйковым 19 сентября наступление вылилось в 3-дневные встречные бои в районе Мамаева кургана и поселка Рынок. Эти контратаки не дали никаких результатов и поглотили все и без того мизерные резервы армии. [547]

Кстати, маршал Крылов, не давая никакой оценки действиям Малиновского, отмечает, что сточки зрения осажденных:

«Предположение, что действия советских войск севернее города вынудят противника оттягивать какие-то силы из-под

Сталинграда (а в штабе фронта одно время почему-то были уверены, что это уже происходит. — *Авт.)*, в тот раз, к сожалению, не оправдалось… Наша армия получила лишь небольшую передышку на несколько часов от бомбежек с воздуха, да и то не полную: фашистские самолеты не исчезали совсем, их только поубавилось. А натиск наземных сил противника не ослабевал. Скоро стало ясно, что он*никуда не переносил ни одной действовавшей перед фронтом 62-й армии пехотной или танковой части (курсив наш. — Авт.)*».

То есть с оперативно-тактической точки зрения результатом наступления 1-й гвардейской армии был нуль. Не вызывает сомнений и ответ на вопрос: кто кого обескровил?

21 сентября на фронте от Мамаева кургана до зацарицынской части города немцы перешли в наступление силами пяти дивизий. К полудню из-за обрыва линий связи Чуйков потерял управление своим левым флангом, посылаемые туда офицеры связи не возвращались. Сутки спустя 22 сентября 62-я армия была разрублена на две части: на участке буквально растаявшей дивизии Родимцева (так, от 1-го батальона 42-го гвардейского полка, оборонявшего вокзал, в живых осталось 6 человек) немцы вышли к центральной переправе севернее реки Царица. Отсюда они имели возможность просматривать почти весь тыл армии и вести наступление вдоль берега, отрезая советские части от реки.

Генерал Родимцев вспоминает:

«Боевые действия, развернувшиеся ранним утром 22 сентября на участке дивизии, по напряженности, ожесточению и потерям превзошли все предыдущие бои, которые пришлось вести гвардейцам в городе. [548] Среди пламени и дыма, под непрерывным огнем пулеметов, артиллерии и танков, под бомбовыми ударами авиации неприятеля гвардейцы бились насмерть, отстаивая каждую улицу, каждый дом. Повсюду то и дело вспыхивали яростные рукопашные схватки. Это поистине был ад. Я побывал не в одном сражении, но в такой схватке мне довелось участвовать впервые».

Чтобы восстановить положение, Чуйков на следующий день бросил в контратаку вновь прибывшую 284-ю дивизию подполковника Н.Ф. Батюка (10 тыс. человек). В ходе 2-дневных ожесточенных боев было приостановлено наступление противника из района центральной пристани на север. Но соединиться с 42-й и 92-й стрелковыми бригадами, действовавшими за рекой Царица, не удалось. Их остатки отступили за Волгу, причем первыми, бросив войска, бежали с поля боя штабы. Впоследствии командиров и комиссаров обеих бригад трибунал приговорил к высшей мере наказания.

Развязав себе руки на южном фланге, немцы начали перебрасывать оттуда части к Мамаеву кургану и севернее.

Для восстановления снабжения «чуйковцев» срочно организовывались новые пристани и водные коммуникации: первая — в районе Верхняя Ахтуба, вторая — в районе Скурди, третья — в районе Тумак. Отсюда на кораблях и судах Волжской флотилии и на лодках грузы переправлялись к пристаням у завода «Красный Октябрь» и у поселка Спартановка. От завода «Баррикады» на остров Зайцевский был наведен пешеходный мост на железных бочках, а между островом и левым берегом Волги действовала лодочная переправа. Стрелковые бригады, оперировавшие у реки Царица, снабжались самостоятельно через остров Голодный. Всего за время обороны на правый берег было перевезено около 100 тыс. солдат и офицеров, 11429 т грузов, 1975 ящиков с минами, 404 автомашины и др.

К вечеру 24 сентября бои в центре города стали стихать, первый кризис был 62-й армией преодолен. [549]

* * *

«Начавшийся в середине сентября период боев за Сталинградский промышленный район, — пишет Ганс Дёрр, — можно назвать позиционной, или „крепостной“ войной. Время для проведения крупных операций миновало, из просторов степей война перешла на изрезанные оврагами приволжские высоты с перелесками и балками, в фабричный район Сталинграда, расположенный на неровной, изрытой, пересеченной местности, застроенной зданиями из железа, бетона и камня. Километр, как мера длины, был заменен метром, карта генерального штаба — планом города.

За каждый дом, цех, водонапорную башню, железнодорожную насыпь, стену, подвал и, наконец, за каждую кучу развалин велась ожесточенная борьба, которая не имела себе равных даже в период первой мировой войны с ее гигантским расходом боеприпасов. Расстояние между нашими войсками и противником было предельно малым. Несмотря на массированные действия авиации и артиллерии, выйти из района ближнего боя было невозможно. Русские превосходили немцев в отношении использования местности и маскировки и были опытнее в баррикадных боях за отдельные дома; они заняли прочную оборону…*Позиционная война нагрянула неожиданно для немецких*

войск, потери в людях и технике были несоизмеримы с успехами, которые исчислялись квадратными метрами захваченной местности (курсив наш. — Авт. }».

На счет опыта немецкий генерал загнул, откуда у Красной Армии мог взяться опыт баррикадных боев? Мы и окопы-то рыть не умели, и города до этого момента никогда не обороняли.

Городские постройки дробили боевые порядки наступавших германских дивизий и направляли их силы вдоль улиц. Советские подразделения удерживали особо прочные здания, создавали в них опорные пункты с немногочисленными гарнизонами, способными в случае окружения вести круговую оборону. Во время артиллерийской и авиационной подготовки противника «чуйковцы» вплотную подбирались к его позициям, сознательно идя на самый ближний бой. [550] Защитники города первыми в Красной Армии освоили методы оборонительных действий: научились пропускать над собой немецкие танки — под огонь противотанковой артиллерии и бронебойщиков, отсекать огнем пехоту, укреплять рубежи, использовать инженерные заграждения, массово применять снайперов, маскироваться, скрытно маневрировать и внезапно контратаковать. По наблюдению Исакова:

«Здесь впервые за войну бойцы стали надевать каски: при обстреле кирпичи, падавшие с верхних этажей, наносили тяжелые увечья, а то и убивали».

Обстановка в Сталинграде сложилась так, что красноармейцы получили своеобразную, невиданную ранее свободу, оставшись без «видных полководцев», которые укатили за Волгу. Самым большим начальником был комбат, который сражался и умирал рядом. Были еще настоящие фронтовые комдивы, которым приходилось ежеминутно самим рисковать жизнью и принимать самостоятельные решения. Солдаты*понимали обстановку и верили своим командирам* — это очень важно!

Генерал Еременко в обороне Сталинграда, по большому счету, играл роль начальника тыла, обеспечивавшего снабжение 62-й армии, и делал это хорошо. Сражение вел Чуйков и «чуйковцы». Командарм, правда, как и большинство сталинских выдвиженцев, по воспоминаниям генерала Ласкина, был крут, ценил «настоящих вояк» и недолюбливал «штабных», в отношении своих офицеров «бывал несправедлив». Этот дипломатический язык переводится просто: Чуйков мог запросто под горячую руку выбить зубы начальнику штаба какой-нибудь дивизии за не понравившийся ему доклад. И конечно, «он был беспощаден с паникерами и трусами».

Севернее города Жуков, Гордов, Москаленко, Малиновской

бессмысленным необученным стадом (новобранцы проходили 12-дневную подготовку!) гнали на бойню десятки тысяч солдат и не продвинулись ни на шаг. [551] В Сталинграде в условиях уличных боев, ежедневных схваток небольших групп, индивидуальных поединков значение приобрели индивидуальные качества каждого бойца, его желание выжить и победить. Причем даже в этих невероятно трудных условиях шансов выжить и смысла было больше, чем в жуковских атаках. Вот тогда и проявились настоящие природные качества русского солдата, а не только бесконечная терпеливость и способность «стойко переносить все тяготы и лишения военной службы».

«Требовалось постоянно придумывать что-то новое, — вспоминает Крылов. — И этим занимались в армии увлеченно, даже с азартом, множество людей — от старших командиров и штабистов до рядовых солдат.*У людей обострялось чувство личной ответственности за результат боя, развивалась инициатива, способность дерзать, бойцы научились мыслить по-командирски (курсив наш. — Авт.)*».

Об этом же пишет полковник Исаков:

«Каждая атака требовала своего решения и мало чем походила на предыдущие. Естественно, в таких своеобразных условиях неизмеримо возросла роль командиров отделений, командиров взводов и рот. Нередко им приходилось действовать самостоятельно, иногда даже в отрыве от других подразделений. Поэтому все большее значение приобретали инициатива, сообразительность и находчивость».

Широкое распространение получило снайперское движение. Такие «знатные стрелки», как Зайцев, Чехов, Ильин, Пассар, стали в Сталинграде «культовыми фигурами».

Думается, что сержант Я.Ф. Павлов, старший лейтенант И.И. Наумов или командир 3-го батальона 42-го гвардейского стрелкового полка капитан А.Е. Жуков нанесли войскам Паулюса куда больший ущерб, чем сановный однофамилец последнего, при гораздо меньших «затратах».

О буквально преображении бойцов в сталинградских условиях вспоминает и Виктор Некрасов: [552]

«…подкрепления бывали порой просто жалкими. Через реку переправляли — с большим трудом, — скажем, двадцать новых солдат. Это были либо пожилые люди лет 50-55, либо 18 — или 19-летние юнцы. Они стояли на берегу, дрожа от холода и страха. Им выдавали теплую одежду и отправляли на передовую. К тому времени, когда новички туда добирались, немецкие снаряды успевали уничтожить пятерых или десятерых из двадцати — ведь над Волгой и над нашими позициями постоянно висели немецкие

осветительные ракеты, так что полной темноты никогда не было. Но что поразительно — те из новобранцев, которые все же добирались до передовой, очень быстро становились на редкость закаленными солдатами — настоящими фронтовиками!., битва за Сталинград была торжеством и величайшей славой русской пехоты».

Рождалась тактика ведения современного уличного боя: наряду со взводами и отделениями появились новые тактические единицы — малые по численности, но мобильные и мощные штурмовые группы, вооруженные автоматическим оружием, ножами, гранатами, толовыми зарядами, огнеметами и ампулометами. За ними следовали группы закрепления со станковыми пулеметами, легкими минометами, минами и противотанковыми ружьями.

«Никаких штатных штурмовых подразделений мы не создавали. Вопрос был поставлен так: уметь штурмовать должен каждый!» (Справедливости ради уточним: немцы первыми начали действовать небольшими штурмовыми группами, ведь они же их и придумали еще в 1918 году.)

Недаром два с половиной года спустя, во время штурма Берлина, на острие главного удара 1-го Белорусского фронта находились гвардейцы Чуйкова.

К сожалению, еще через сорок лет, в 1996 году, этот опыт оказался забыт. Полководцы новой генерации вновь предпочли учиться «методом тыка», оплачивая образование кровью российского солдата. И некому было, планируя взятие Грозного, заставить маршала Грачева хотя бы книжку почитать. [553]

* * *

С 16 сентября по приказу группы армий «Б» Паулюс стал отвечать за весь ход операций в Сталинграде. 48-й танковый корпус, входивший в состав танковой армии Гота, был переподчинен 6-й армии. В район западнее Орловки перебрасывались 24-я танковая дивизия генерала фон Ленски и снятая с северного участка 389-я пехотная генерала Магнуса. В центр направлялась из района севернее Городища 295-я пехотная дивизия генерала Кортеса. Перегруппировка войск производилась с таким расчетом, чтобы основные их усилия сконцентрировать против центра и северной части города.

С 27 сентября по 4 октября активные боевые действия велись

на северных окраинах за поселки заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады», а с 4 октября — за сами эти заводы. Одновременно немцы вели наступление в центре на Мамаев курган и на крайний правый фланг 62-й армии в районе Орловки.

К вечеру 27 сентября Мамаев курган пал. Крайне трудное положение сложилось в районе устья реки Царицы, где оборонялись 42-я, 95-я стрелковые бригады и полк 10-й дивизии. Понеся большие потери, испытывая острый недостаток в боеприпасах и продовольствии, потеряв управление, они не выдержали натиска противника и разрозненными группами стали переправляться на левый берег Волги.

К 30 сентября встречными ударами Паулюсу удалось ликвидировать орловский выступ.

62— я армия отвечала контратаками вновь прибывших 39-й гвардейской, 193-й и 308-й стрелковых дивизий. Чуйкову регулярно подвозили подкрепления, но они стремительно таяли. 193-я дивизия генерала Ф.Н. Смехотворова за шесть дней боев потеряла 4/5 своего состава, от 13-й и 35-й гвардейских, 10-й дивизии НКВД, провоевавших в городе две недели, остались только штабы. Численность большинства немецких дивизий упала до уровня полка. [554]

28 сентября Ставка образовала новый фронт — Донской. В его состав вошли почти все армии Сталинградского фронта, кроме 62-й. Фронт занимал рубеж по реке Дон от Павловска до Качалинской и далее до Ерзовки на Волге. Командующим был назначен генерал К.К. Рокоссовский; генерал Гордов отправился принимать 33-ю армию, фронтами он больше не командовал. Тогда же из состава Юго-Восточного фронта, войска которого сражались в городе и южнее, был образован Сталинградский фронт под командованием генерала А.И. Еременко. Каждый фронт подчинялся непосредственно Ставке.

* * *

В первые дни октября армия Чуйкова оборонялась на фронте протяженностью 25 км и глубиной от 200 м до 2,5 км. На этой узкой прибрежной полосе, целиком простреливаемой противником, передвижение частей и подразделений могло осуществляться лишь ночью. Маневр из глубины был практически невозможен из-за отсутствия постоянных переправ через Волгу. Когда немцы заняли районы города к югу от реки Царица до

Купоросное, севернее вышли на вершину Мамаева кургана, они стали просматривать и простреливать всю территорию, удерживаемую защитниками Сталинграда, а также переправы через Волгу. В «чертовых куполах» — водонапорных баках на вершине кургана — надолго поселились немецкие наблюдатели и корректировщики артиллерийского огня.

С этого момента направлением главного удара стал район тракторного завода. С севера и северо-запада его обороняла группа полковника С.Ф. Горохова в составе 124-й, 149-й стрелковой бригад и полка 10-й дивизии. С запада подступы к заводу защищала 112-я стрелковая дивизия. В районе поселка Баррикады держалась 308-я стрелковая дивизия полковника Л.Н. Гуртьева. 193-я стрелковая сражалась за поселок Красный Октябрь. 39-я гвардейская дивизия под командованием генерал-майора С.С. Гурьева продолжала отбивать атаки противника на завод «Красный Октябрь». Ожесточение борьбы нарастало. Паулюс наращивал силы в этом районе. [555] Чуйков 5 октября бросил к тракторному свежие пополнения — 37-ю гвардейскую дивизию генерал-майора В.Е Желудева и 84-ю танковую бригаду (49 танков) полковника Д.Н. Белова. С левого берега непрерывно вели огонь орудия фронтовой артиллерийской группы, на отдельных участках обороны 62-й армии плотность артиллерии была доведена до 110 стволов на километр фронта.

Войска Чуйкова продолжали удерживать рубеж: рынок — поселок тракторного завода — заводы «Баррикады» и «Красный Октябрь» — северо-восточные склоны Мамаева кургана — вокзал. Потери 6-й армии принимали катастрофические размеры: в 94-й пехотной дивизии осталось 535 человек, 76-я дивизия была выбита практически полностью. Немцы увязли в тяжелых боях на улицах Сталинграда и прилегающих к нему районах. К исходу первой декады октября их атаки стали ослабевать.

* * *

В превращенном в руины городе оставалось более 200 тыс. жителей. В захваченных районах немцы организовали две комендатуры и приступили к массовому выселению гражданских лиц из Сталинграда в Калач, Гумрак и станицу Нижне-Чирскую. Около 60 тыс., по советским данным, были вывезены на принудительные работы в рейх и на Украину, более 3 тыс. расстреляны и казнены. Примерно 12-15 тыс. человек остались на

оккупированной территории для обслуживания нужд германской армии.

Кроме того, тысячи женщин и детей прятались в развалинах домов, подвалах, в системе канализации, в пещерах, выкопанных на волжских склонах (в подвалах знаменитого «дома Павлова» проживало около 35 местных жителей, которые помогали гарнизону «рыть ходы сообщения, а иногда брали в руки автомат или винтовку»). Добыть еду и питьевую воду было практически невозможно. По ночам дети, ставшие основными кормильцами, пробирались к реке за водой или к сожженным зернохранилищам, где можно было разжиться обгоревшим зерном. [556] Многие из них стали жертвами немецких часовых или советских снайперов.

«Основной пищей ограбленного до предела населения в этот период было мясо и кожа убитых и павших животных, — говорится в докладной записке на имя Л. Берии, — что привело к массовым смертным случаям, заболеваниям и опуханию на почве голода и истощения».

Люди, естественно, погибали и умирали сотнями. Поразительно другое — около 8 тыс. выживших после пяти месяцев Сталинградской битвы.

14 октября 1942 года Гитлер отдал приказ своим войскам о переходе к Стратегической обороне на всем советско-германском фронте, кроме Сталинградского направления, а также в районах Нальчика и Туапсе. Тем самым фюрер признал крах всех своих стратегических планов. Война была уже проиграна, и с военной точки зрения было неважно, кому достануться развалины города на Волге. Но это был город, названный именем Сталина, и взятие его стало первостепенной задачей вермахта.

В середине октября Паулюс готовился к решающему штурму. Он сосредоточил в районе заводов на 5-километровом участке три пехотные и две танковые дивизий, здесь он решил нанести новый удар. Со всех концов фронта, с флангов стягивались подкрепления, инженерные и противотанковые части. Из Германии по воздуху прибыли 5 саперных батальонов. Перед фронтом 62-й армии пополнялись и готовились к боям 8 немецких дивизий, насчитывавших 90 тыс. солдат и офицеров, при 2300 орудиях и 300 танках. 14-я танковая и 29-я моторизованная дивизии выводились в резерв. Штурм должен был поддерживать 8-й авиакорпус в полном составе.

Чуйков имел в это время 55 тыс. человек, 1400 орудий и минометов, 80 танков. 8-я воздушная армия насчитывала 188 исправных боевых самолетов.

Наступали дни небывалых даже для Сталинграда по жестокости боев.

В 8 утра 14 октября, после мощных налетов германской авиации и артподготовки, которые длились два с половиной часа, перешли в наступление наземные войска, их основные силы — три пехотные и две танковые дивизии — рвались к Волге на 4-километровом участке между Сталинградским тракторным заводом и «Баррикадами», стремясь расчленить 62-ю армию и уничтожить ее. В воздухе не было ни одного советского самолета. Чуйков сумел дозвониться до командующего 8-й воздушной армией и

«попросил немного угомонить фашистских стервятников. Генерал Хрюкин сказал откровенно, что сейчас помочь нечем. Противник плотно блокировал аэродромы армии. Пробиться нашей авиации к Сталинграду пока невозможно… В тот день мы не видели солнца».

Буквально все пишут о беспомощности советской авиации, а между тем на Сталинградском направлении было задействовано 36 авиационных дивизий!

Главный удар пришелся по 112-й, 308-й стрелковым и 37-й гвардейской дивизиям. К 16 часам эти формирования, расчлененные и обойденные танками противника, вели бои в окружении.

«Сведения от войск поступали противоречивые, — вспоминает Чуйков. — Уточнять их становилось все труднее и труднее. Командные и наблюдательные пункты полков и дивизий разбивались снарядами и бомбами. Многие командиры погибли. На командном пункте армии погибло 30 человек. Охрана штаба армии не успевала откапывать людей из разбитых блиндажей…»

Начальник штаба армии генерал Крылов считал, что «таким тяжелым положение армии не было никогда», она была очень близка к полному уничтожению.

15 октября немцам удалось овладеть тракторным заводом и прорваться к Волге, разрубив 62-ю армию пополам. Советские соединения, действовавшие севернее завода, оказались отрезанными от основных сил. Они объединились в группу, насчитывавшую около 7000 бойцов, под командованием полковника С.Ф. Горохова. Заняв круговую оборону в районе Рынок, Спартановка, группа, снабжаемая боеприпасами по воздуху, отбивала атаки противника до конца битвы. [558]

* * *

О себе Чуйков неоднократно и скромно повторяет, что у него никогда, даже в самой тяжелой ситуации, не возникало мысли о переправе на левый берег Волги:

«Я лично не думал об отходе на противоположный берег, считал невозможным даже отход на один из островов… Однажды К.А. Гуров сказал мне, что у него в запасе несколько лодок для Военного совета армии. Я ему ответил, что это меня не касается, на левый берег я не попаду, если буду в полном сознании».

Этой версии придерживается и Крылов:

«…вопрос о перенесении командного пункта той ночью и, не возникал… Вопрос о перенесении командного пункта по-прежнему не поднимался… Ясным оставалось одно: отходить нельзя и некуда».

Но лавры сталинградских героев многим не давали покоя. А полководцы наши ревнивы к славе, аки женщины. Поэтому маршал Москаленко с сочувствием (вот, мол, как Чуйкову было трудно), ссылаясь на архивы Министерства обороны СССР, привел в мемуарах «переписку» командарма-62 со штабом фронта:

«Военному совету фронта.

14.10.42 г. 21.40. Армия разрезана на две части. Штаб армии находится 800 м от противника. Управление идет только по радио через радиоузел на левом берегу реки. Телефон все время рвется.

Прошу разрешить перейти на запасной КП на левом берегу сегодня, ночью, иначе управлять невозможно (курсив наш. — Авт.). Чуйков, Гуров, Лебедев, Крылов». Резолюция начальника штаба фронта:

«Опер. отд.

Ком. фронта приказал КП 62А оставаться на западном (правом) берегу р. Волги.

Захаров». [559]

«Т. т. Еременко, Хрущеву.

15.10.1942.

Противник, введя новые силы пехоты и танков, наступает на северную группу Горохова. Одновременно развивает удар на юг, подошел Минусинск.

37 и 95 сд, всего 200 человек, не могут задержать противника, двигающегося на юг и выходящего на КП штама и тылы 308 сд.

Положение осложнилось. Оставаться дальше на КП невозможно.*Разрешите переход КП на левый берег, другого места нет (курсив наш. — Авт.)*.

Чуйков, Гуров, Крылов».

Резолюция командующего фронтом:

«Т. Чуйкову.

Оставаться КП в Сталинграде. Принять меры переправы в ночь с 15 на 16 138-й сд на правый берег р. Волги.

Еременко».

Так что были, были моменты, когда и у золотозубого командарма в белых перчатках возникало порой желание «вырваться из пекла». Интересно, что запись Крылова «отходить нельзя и некуда» относится к 16 октября и совпадает с резолюцией командующего фронтом.

В этот день командный пункт 62-й армии посетил генерал Еременко. В связи с этим маршал Василевский рассказал Симонову следующую историю:

«По словам моего собеседника, Еременко, в частности, в тяжелые для Сталинграда дни, когда у Чуйкова все висело на волоске и когда Сталин потребовал через Василевского, чтобы Еременко выехал туда, на правый берег Волги, к Чуйкову и помог ему, — именно такое выражение употребил Василевский и, очевидно, это было выражение Сталина, — Еременко два дня откручивался от этого и поехал только на третий день… Он умел выкручиваться и вместе с тем имел большие способности к подхалимажу. Вылезать наружу из блиндажа или подземелья он не любил». [560]

Косвенным подтверждением служит рассказ Крылова об этом историческом посещении командующего фронтом:

«Андрея Ивановича Еременко я не видел с тех пор, как два месяца назад представлялся ему, прилетев в Сталинград с Кавказа. Командующий фронтом и теперь держался без особой официальности, но был хмурым. Оно и понятно: прибыл в армию, которая за последние дни — в тяжелейших, неравных боях, но все-таки потеряла важные для фронта позиции… Однако о

тракторном Еременко не спросил.

— Пришел поглядеть, как вы тут живы,-сказал он, входя в штольню. И добавил с прямотой и откровенностью, немного меня удивившими: — Товарищ Сталин приказал самому у вас побывать и доложить, что здесь творится».

Надо сказать, что в течение короткого срока, командуя Брянским фронтом и 4-й ударной армией, генерал Еременко получил два тяжелых болезненных ранения, руководство обороной Сталинграда он принял будучи еще на костылях — поневоле оценишь удобства блиндажа. При всем том Сталин высоко оценивал действия Еременко на подступах к Сталинграду, называя его «генералом обороны».

После захвата Сталинградского тракторного завода немцы поставили цель разгромить основные силы 62-й армии. 16 октября они повернули свой ударный кулак на юг и повели наступление вдоль берега Волги. К этому времени соединения Чуйкова очень ослабли. В некоторых дивизиях, например в 37-й гвардейской, 95-й и других, оставалось всего по несколько десятков бойцов, от оборонявшего завод «Баррикады» рабочего отряда — 5 человек, 112-я стрелковая дивизия насчитывала 598 человек. Собственные резервы армия израсходовала, ее необходимо было усилить. 17 октября в состав армии прибыла 138-я дивизия полковника И.И. Людникова. [561] Ее переправили на правый берег корабли Волжской флотилии. Части дивизии с ходу вступили в бой. С 18 октября таран Паулюса стал заметно терять свою силу.

Эти бои описал и историограф 14-й танковой дивизии Р. Грамс:

«Это была жуткая, изнуряющая борьба на земле и под землей, в развалинах и подвалах, в канавах большого города, в его индустриальных кварталах… Танки карабкались через горы мусора и обломки, скрежеща, пробираясь через чудовищно разрушенные заводские цеха, стреляя с ближних дистанций вдоль заваленных улиц и тесных заводских дворов. Иной бронированный колосс вдруг сотрясался и разваливался на части под грохот детонирующей вражеской мины. Но это все можно было вынести.

Дальше же был глубокий, как бездонное ущелье, круто обрывающийся к реке волжский берег, здесь разгорались самые ожесточенные схватки… А на противоположном низменном лесистом берегу реки нельзя было увидеть врага, но он был там, он вел оттуда артиллерийский огонь, и каждую ночь сотни его лодок перевозили подкрепления через широкий поток в руины Сталинграда, и все начиналось сначала: ураганный огонь,

пикирующие бомбардировщики, дым и чад, часами заслоняющие солнце. Но положение почти не изменялось, а боеспособность наших войсктаяла, как масло на солнце».

Ожесточенное сопротивление 62-й армии истощало противника физически и морально, сковывая маневр его резервов и облегчая тем самым условия для действий советских войск северо-западнее и южнее Сталинграда.

* * *

Чтобы облегчить положение 62-й армии, 19 октября из района севернее города перешли в наступление войска Донского фронта. Правда, сначала генералу Рокоссовскому ставились гораздо более решительные задачи: прорвать оборону, противника, соединиться с войсками Сталинградского фронта, «истребить вражескую группировку, прорвавшуюся к реке Волге». [562] Главный удар наносила 66-я армия генерала Жадова. Для обеспечения выполнения боевой задачи армии, кроме входивших в ее состав 5 стрелковых дивизий, были приданы 4 дивизии из 24-й армии и 4 полностью укомплектованные стрелковые дивизии из резерва Ставки, а также 23 артполка РГК, 12 полков реактивной артиллерии, несколько танковых бригад. На каждый километр линии фронта у Жадова приходилось 74 орудия, не считая минометов и реактивных установок. Авиация фронта работала на участке армии, выполняя задачи по штурмовке противника и прикрытия своих частей с воздуха.

За период с 20 по 26 октября 66-я армия, непрерывно атакуя, продвинулась всего на 3 км и поставленную задачу не выполнила. Потери при этом составили около 18 тыс. человек.

Докладывая о причинах неудачи, Рокоссовский и Жадов заявили, что пехота, особенно вновь прибывшие дивизии, плохо обучена и предложили прекратить наступательные действия.

«…Люди не обучены и совершенно не подготовлены, многие совершенно не умеют владеть винтовкой. Прежде чем воевать, надо новую дивизию хотя бы месяц (!) обучать и подготовить. Командный состав как средний, так и старший тактически безграмотный, не может ориентироваться на местности и теряет управление подразделениями в бою… При наличии большого артогня и массированных налетов нашей авиации, части продвигаются очень медленно… Авиация противника активности не проявляла. Силы противника перед фронтом 66-й армии

незначительные, противник собрал солдат из тылов…»

С целью придания своей пехоте «бодрости», Рокоссовский настаивал на том, чтобы заградотряды шли следом за пехотными частями и «силой оружия заставляли бойцов подниматься в атаку».

Особый отдел Донского фронта в докладной своему начальству отметил в первую очередь бездарное и неумелое руководство со стороны командиров полков, дивизий и самого генерала Жадова. [563] Артиллерия открывала огонь либо задолго до выхода стрелковых частей на исходный рубеж для атаки, либо лупила по своим, поскольку артиллерийские командиры «не организовали наблюдения за результатами стрельбы, их наблюдательные пункты находились далеко в тылу (?). Отдельные артполки не получили боеприпасы и огня вообще не вели». Авиация «поддерживала» артиллерию в этом вопросе, периодически атакуя передний край своих же войск. Вершиной чудной организации явилось то обстоятельство, что «командиры частей не были предупреждены, когда начать атаку»!

Но и это не все. В 66-й армии бойцы умирали от голода:

«Вследствие плохого питания и истощения бойцов, в 587 и 692 СП, 212 СД зарегистрировано 23 смертных случая. В 62 СД отмечено 9 смертных случаев. Врачебными комиссиями установлено, что смерть последовала от истощения и переутомления организма. (И Рокоссовский хотел, чтобы эти „хефтлинги“ бодренько бежали на пулеметы? А кормить он их не пробовал? — *Авт.)*Несмотря на наличие сигналов, ни командование армии, ни командование фронтом не приняли должных мер через учреждения тыла для организации нормального снабжения.»

Армия Жадова не являлась исключением. Так, воевавший в соседней армии М. Абдулин делится в «Солдатском дневнике» рецептом приготовления киселя из комбикорма.

После войны маршал М.И. Казаков по поводу этой операции сообщил кратенько:

«Причин этой неудачи много (действительно. — *Авт.)*. На мой взгляд, главное заключалось в том, что не хватало средств для осуществления операции».

А самое грустное состояло в том, то что с немецкой стороны, без поддержки танков и авиации, оборону держали измотанные части одной-единственной 3-й мотодивизии генерала Шлемера, в которой оставалось по 27 бойцов на роту. [564]

Южнее Сталинграда 22 октября ударная группа 64-й армии — 422-я и 126-я стрелковые дивизии, 93, 96 и 97-я стрелковые бригады 7-го корпуса, 13, 50, 90 и 155-я танковые бригады —

нанесли удар в районе Купоросное, Зеленая Поляна на стыке с 62-й армией. Советские части продвинулись на северо-запад на 3 км, но на следующий день были отброшены на исходные позиции. 25 октября армия Шумилова вновь повела наступление в том же направлении. Упорные бои продолжались до 1 ноября. Войска продвинулись на 3-4 км и овладели южной частью Купоросное.

В эти дни боец 422-й стрелковой дивизии В.И. Коваленко в письме матери сообщал:

«Я жив, а через секунду, может быть, убьют, потому что здесь жизнь секундная. Хотя вы и пишете не думать о смерти, но я не думаю, чтобы остался жив, потому что очень сильные бои, много народу перебито, трупы лежат на земле, жутко смотреть: и немцы, и наши лежат, бедняги, гниют и никому не нужны, хотя бы похоронили, а то валяются, как снопы. Танки ездят по людям, как по дровам. Танк весь в крови, жутко смотреть. Со мной такие товарищи, которые с первого боя ранены, есть такие, которые не успевают увидеть немца, как его убьют или ранят. Я считаю человека, которого ранили в руку или ногу — счастливым, а то ведь большинство убивают…»

Территориальный успех фланговых контрударов был незначителен, но они задержали («время — кровь») предпринятую Паулюсом перегруппировку.

К 30 октября наступление 6-й армии затормозилось, хотя на участке между заводами «Барикады» и «Красный Октябрь» до Волги оставалось пройти не более 400 м. В первых числах ноября напряжение боев несколько спало. Немцы действовали лишь мелкими группами и закрепляли захваченные позиции.

Однако Гитлеру непременно хотелось победно «завершить сражение за Сталинград», и Паулюсу пришлось готовить новый штурм. [565]

Безусловно, в ноябре уже не доминировали военные соображения, по которым немецким войскам имело бы смысл продолжать штурм Сталинграда. Их полностью заменили соображения политического характера.

«Эта битва стала действительно символом борьбы двух враждебных миров, — пишет Типпельскирх. — Немецкие войска напрягали свои последние силы, считая, что для достижения решающего исхода войны они должны любой ценой выполнить поставленную перед ними задачу. Фанатическое стремление Гитлера во что бы то ни стало захватить у своего противника в Москве этот город, носивший его имя, брала верх над всякими трезвыми соображениями о том, стоило ли вообще затевать такую битву ради преимуществ, которые мог принести в военном или политическом отношении захват этого города. В это время у

Гитлера, конечно, были глубокие сомнения относительно правильности своих стратегических планов. Поэтому он все сильнее старался убедить себя и других в удачном и планомерном ходе операции за два года войны, а также в будущих успехах… Утверждение Гитлера, что остается взять Сталинград, чтобы перерезать последнюю и крупнейшую транспортную артерию противника — Волгу, было неубедительным — ведь немецкие войска стояли уже у самой Волги… А какую пользу могло принести теперь овладение городом, если его захват в рамках общей обстановки потерял интерес, а его удержание стало опасным?»

Тем не менее 8 ноября 1942 года на партийном съезде Гитлер объявил «испытанным борцам»:

«Я хотел достичь Волги у одного определенного пункта… Случайно этот город носит имя самого Сталина. Но я стремился туда не по этой причине… Я шел туда потому, что это весьма важный пункт. Через него осуществлялись перевозки тридцати миллионов тонн грузов, из которых почти девять миллионов тонн нефти. Туда стекалась с Украины и Кубани пшеница для отправки на север. Туда доставлялась марганцевая руда… [566] Именно я хотел его взять, и — вы знаете, нам много не надо, — мы его взяли! Остались незанятыми только несколько точек. Некоторые спршивают: а почему же вы не берете их побыстрее? Потому что я не хочу там второго Вердена. Я добьюсь этого с помощью небольших ударных групп».

Сталин, в свою очередь, намекнул днем раньше:

«Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник!»

* * *

11 ноября немцы предприняли еще одну попытку овладеть городом. В операции приняли участие пять пехотных (389, 79, 305, 100 и 295-я) и две танковые (24-я и 14-я) дивизии, усиленные четырьмя свежими саперными батальонами. Новое наступление совпало с началом мощного ледохода на Волге, что сильно ухудшало поло жение чуйковцев, лишенных снабжения. Суда Волжской флотилии не могли пробиться к правому берегу.

На узком участке 500-600 м у завода «Барикады» немецким солдатам удалось преодолеть оборону 95-й стрелковой дивизии и выйти к Волге. «Пьяные или обезумевшие фашисты лезли

напролом», — вспоминал Чуйков. А в другом полушарии «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Такие бои не поддаются стратегическому расчету. Они ведутся со жгучей ненавистью, со страстью…»

62— я армия в третий раз оказалась разрубленной, а 138-я стрелковая дивизия была отрезана от главных сил. Бойцы дивизии продолжали удерживать лишь небольшой участок около 700 м по фронту и 400 м в глубину. Комдив-138 приводит письмо немецкого офицера, убитого в боях за «остров Людникова»:

«Нам надо дойти до Волги. Мы ее видим — до нее меньше километра. Нас постоянно поддерживает авиация и артиллерия. Мы сражаемся, как одержимые, а к реке пробиться не можем. Вся война во Франции продолжалась меньше, чем за один приволжский завод. Мы брали крупные города и теряли при этом меньше людей, чем на этом Богом проклятом клочке земли. [567] Против нас, вероятно, сражаются смертники. Они не получают подкреплений, так как мы контролируем переправу. Они просто решили сражаться до последнего солдата. А сколько их там осталось — последних? И когда этому аду настанет конец?…»

Это был последний успех 6-й армии. На остальных участках фронта войска Чуйкова своих позиций не сдали. Даже берлинские газеты признавали:

«Впервые в истории современный город удерживается войсками до разрушения последней стены… этот противник не жалеет собственный город. Наше наступление, несмотря на численное превосходство, не ведет к успеху».

Сражение как бы по инерции продолжалось на отдельных участках до 20 ноября. К концу оборонительного периода Сталинградской битвы 62-я армия удерживала район севернее Сталинградского тракторного завода, завод «Барикады» и северо-восточные кварталы центра города. 64-я армия обороняла подступы к его южной части. Ценой крови Чуйков выиграл время. Общие потери Красной Армии в Сталинградской оборонительной операции составили 643842 человека, 1426 танков, 12137 орудий и минометов, 2063 самолета.

Наступление немецких войск на Сталинградском направлении было окончательно остановлено. Крупная группировка вермахта оказалась втянутой в затяжные изнуряющие бои и была лишена возможности маневрировать. Сталинград, как и опасался Гитлер, превратился «во всепожирающий фокус». В сражении между Волгой и Доном вермахт, по советским данным, потерял за июль — ноябрь до 700 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными, более 1000 танков, свыше 2000 орудий и минометов, более 1400 самолетов. Если

разделить эти цифры примерно на три, можно получить близкий к истинному результат.

* * *

Таким образом, хотя оба наступательных крыла группы «Юг» в летней кампании 1942 года действовали успешно, в октябре они уже находились на пределе своих возможностей, к тому им же не хватало горючего для подвижных соединений. [568] Вместо того чтобы пожертвовать либо Кавказом, либо Сталинградом, дабы выстоять зимой, заняв укороченную линию фронта, Гитлер и дальше настаивал на овладении и удержании обеих позиций, хотя сам же считал далеко выдвинутую дугу германского фронта на Дону и Волге опасной. К тому же своей собственной пропагандой, возвестившей 8 ноября: «Сталинграду нас в руках», фюрер лишил себя какой бы то ни было оперативной свободы и свободы принятия решений. Теперь уйти из города означало признать свое поражение.

На Сталинградском направлении в 860-километровой полосе от Павловска до Халхута действовали войска 8-й итальянской, 3-й румынской, 6-й и 4-й танковой немецких армий. Сюда же выдвигалось управление 4-й румынской армии. На 1 октября на этом направлении немцы и их союзники имели 53,5 расчетные дивизии, в том числе 9 танковых и моторизованных. Причем основные силы и средства сгрудились непосредственно в районе Сталинграда, где продолжали вести активные боевые действия вместо того, чтобы перейти к стратегической обороне.

Войска этой группировки располагались в невыгодных условиях на огромной дуге с вершиной у Сталинграда в междуречье Волги и Дона. Ее фланги северо-западнее и южнее Сталинграда прикрывались менее боеспособными румынскими и итальянскими соединениями. На Сталинградском направлении вермахт не располагал крупными оперативными резервами.

На 1 октября в резерве командования группы армий «Б» имелось всего три дивизий: 298-я пехотная и две танковые — 22-я немецкая, насчитывавшая около 45 машин, и 1-я румынская, имевшая на вооружении 40 легких танков чешского производства. Оперативное построение немецких группировок, наступавших на Сталинград и Кавказ, было растянутым. [569] Наступательные возможности исчерпались, и они вынуждены были перейти к обороне со слабо прикрытыми флангами сталинградской

группировки, не располагая достаточными резервами. Коммуникации оказались растянутыми на тысячи километров и были уязвимы на огромных пространствах. Все это со здавало благоприятные условия для решительного контрнаступления советских войск на Южном направлении.

По мнению маршала Рокоссовского:

«При объективной оценке создавшегося положения и в предвидении надвигавшейся зимы у врага оставался только один выход-*немедленный отход на возможно большее расстояние.* (Начальник германского генерального штаба генерал Гальдер ясно видел опасность и предлагал такое же решение — отвести войска от Сталинграда и за счет высвободившихся дивизий создать прочный фронт по линии Дона. Гитлер предпочел заменить начальника генштаба. — *Авт.).*Но, недооценивая возможности Советского Союза, противник решил удерживать захваченное им пространство, и это в сложившейся обстановке своевременно использовало наше Верховное Главнокомандование. Наступал для нас долгожданный момент».

В конце сентября советское командование приступило к разработке плана и непосредственной подготовке контрнаступления на Сталинградском направлении.

После войны у Сталинградской наступательной операции, как у любой победы, появилось много отцов. Так, Жуков поведал об «остром слухе» вождя и о том, как они вдвоем с Василевским 13 сентября предложили Сталину план большого контрнаступления, нацеленного на фланги Паулюса, прикрытые румынскими войсками. Хрущев утверждал, что вместе с Еременко представил в Ставку к конце сентября план будущего контрнаступления. Сам Еременко рассказал в мемуарах, что он выдвинул идею о сталинградских контрударах прямо в день своего назначения командующим фронтом.

Можно сказать, что во второй половине сентября идея контрнаступления носилась в воздухе. Однако еще Наполеон выразился в том смысле, что полководец — не тот, кто придумал план сражения, а тот, кто взял на себя ответственность за его реализацию. [570]

С этой точки зрения совершенно прав адмирал флота Н.Г Кузнецов, единственный изо всех вспомнивший настоящего «автора»:

«Нужно прямо сказать, что при огромном, а иногда и решающем значении роли полководцев, проводивших планы операции в жизнь, зарождение идеи в Ставке и воля Верховного Главнокомандующего определили успех сражения».

На этот раз Сталин не торопил своих полководцев, операция

готовилась тщательно, грамотно, в строжайшей тайне. В ходе ее прежде всего намечалось окружить 6-ю армию Паулюса; затем, нанеся удар на Среднем Дону, развивать успех к Ростову, разбить немецкие войска на Северном Кавказе, развернуть наступление в Донбасс, на Курском, Брянском, Харьковском направлениях. Главный удар предполагалось нанести на Юго-Восточном направлении с плацдармов в районе Серафимовича и Клетской в полосе 3-й румынской армии с выходом на тылы 11-го армейского корпуса Штрекера. Этот район степи был настолько удален от Сталинграда, что немецкие танковые и механизированные части, сосредоточенные вокруг города, все равно не успевали спасти положение в случае прорыва. Другая группировка должна была наступать южнее Сталинграда из района Сарпинских озер в полосе 4-й румынской армии, замыкая кольцо окружения в районе Калача.

Советскому командованию, широко применившему методы маскировки и дезинформации, на этот раз удалось ввести противника в заблуждение относительно места, времени удара и сил, которыми предполагалось его нанести (только для того чтобы обмануть немецкую авиаразведку, в различных местах через Дон построили 17 мостов, но лишь 5 из них предполагалось реально использовать). Штаб ОКХ, к примеру, считал наиболее вероятным наступление русских против северного фланга группы армий «Б» с выходом к Ростову и Азовскому морю. Обсуждалась также возможность зимнего наступления против

ржевского выступа. [571] Гитлер полагал, что главный удар русские нанесут по позициям, занимаемым итальянцами. Командование 6-й армии и группы армий «Б» отслеживало концентрацию советских сил на плацдармах у Клетской и Серафимовича, прогнозировало скорое наступление противника в своей полосе, но недооценивало его масштабы. Большинство штабных генералов сходились во мнении, что у русских нет сил для нанесения достаточно мощных ударов, и в этом они очень крупно ошибались. В итоге

«верховное командование вермахта не смогло в решающий момент сосредоточить свои усилия именно там, где определялась судьба всей борьбы».

Упрямство Гитлера, стремившегося любой ценой удержать Сталинград, конечно, усугубляло ситуацию, но на самом деле проблема была глубже. Даже если бы не случилось окружения армии Паулюса, немцам пришлось бы отдать все, завоеванное в летней кампании, для удержания огромного фронта у них попросту не было сил. К осени 1942 года Советский Союз полностью восстановил военное производство, а Красная Армия

значительно превосходила истощенный вермахт в материальных и людских ресурсах. И если нам говорят, что на пике военных усилий в составе группы армии «Б», наступавшей на Сталинград, действовало более 80 дивизий Германии и сателлитов, то с советской стороны в битве принимали участие: 105 стрелковых, 9 кавалерийских, 36 авиационных, 7 тяжелых артиллерийских, 6 зенитно-артиллерийских и 2 гвардейские минометные дивизии, 22 отдельные стрелковые, 3 мотострелковые, 8 истребительных, 39 танковых бригад, 23 отдельных танковых полка, 14 танковых и 5 механизированных корпусов и многое другое.

19 ноября 1942 года начался «сталинский праздник» — операция «Уран». Советские войска осуществили прорыв на обоих флангах — на Дону и южнее Сталинграда, — и начали охват немецких армий.[572]

«Все попытки противника помешать окружению оказались запоздалыми, — пишет Рокоссовский. — Соединения гитлеровцев, танковые и моторизованные, перебрасываемые из района Сталинграда к месту образовавшегося прорыва, вводились в бой по частям и, попадая под удары на-шихпревосходящихсил, терпели поражение.*С ними палучапасъ та же картина, что и с частями Красной Армии в боях в большой излучине Дона (курсив наш. — Авт.)*. Не приняв вовремя кардинального решения на отход, немецко-фашистское командование, как в свое время и наше, пыталось наложить мелкие «заплатки» на все расширяющуюся огромную брешь на Сталинградском направлении».

23 ноября подвижные соединения Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились восточнее Калача. В кольце оказались двадцать немецких и две румынские дивизии, а также многочисленные части усиления, в которых насчитывалось в общей сложности около 270 тыс. солдат и офицеров. Несмотря на все усилия Эриха фон Манштейна деблокировать окруженную групировку, 2 февраля 1943 года все было кончено — Паулюс капитулировал. Шестимесячная сталинградская эпопея закончилась для вермахта катастрофой, ставшей символом перелома в ходе войны.

После Сталинграда война повернула на Запад.

Следует сказать, что жуковское оперативное искусство — это превосходство в силах в 5-6 раз, иначе он не будет браться за дело, он не умеет воевать не количеством и на крови строит свою карьеру.

Операция «Марс»

Следует сказать, что жуковское оперативное искусство — это превосходство в силах в 5-6 раз, иначе он не будет браться за дело, он не умеет воевать не количеством и на крови строит свою карьеру.

Маршал А.И. Еременко

Одновременно с операцией «Уран» под Сталинградом на Московском направлении разворачивалась операция «Марс». [573] Это наступление советские историки в своих многочисленных исследованиях, трудах и многотомных «историях» просто пропустили.

Между тем уже 10 октября советские войска получили директиву на продолжение Ржевско-Сычевской операции, которая вновь должна была проводиться силами Калининского и Западного фронтов с той же целью: окружение и уничтожение «злокачественной опухоли» — 9-й немецкой армии в районе ржевского выступа. Начало наступления намечалось на 23 октября. Затем сроки были сдвинуты на месяц, что позволило привлечь к подготовке и руководству операцией генерала армии Г.К. Жукова.

На Московском направлении на участке от Холма до Болхова по-прежнему была сосредоточена основная группировка советских войск. В сумме силы двух фронтов и Московской зоны обороны с резервами Ставки насчитывали 1890 тыс. человек, более 24 тыс. орудий и минометов, 3375 танков и 1100 самолетов.

Им противостояли 72 дивизии группы армий «Центр», которая вместе с резервами имела около 1680 тыс. человек, до 3500 танков.

Сравнивая силы сторон, необходимо помнить, что численный перевес Красной Армии выражался еще и в том, что полная смена войск в ней происходила гораздо быстрее, чем у противника. В конце 1942 года личный состав в стрелковых ротах обновлялся в течение недели-двух. М. Абдулин сообщает, что «за два месяца боев весь личный состав в ротах сменился полностью по несколько раз»! Поэтому зачастую потери советских армий и фронтов при проведении наступательных операций превышали 100% от исходного количества войск. Из одиннадцати армий Западного фронта генерала Конева в наступлении должны были участвовать 20, 31 и 29-я. Основной удар наносила 20-я армия

под командованием генерал-майора Н.И. Кирюхина в составе шести стрелковых дивизий и четырех танковых бригад. [574] После прорыва вражеской обороны в ее полосе предполагалось ввести в сражение подвижную группу под общим командованием генерал-майора В.В. Крюкова в составе 6-го танкового, 2-го гвардейского кавалерийского корпусов и 1-й самокатно-мотоциклетной бригады.

«Нам вновь предстояло форсировать Вазузу… — пишет генерал Гетман, — а затем наступать на ту самую Сычевку, к которой войска фронта не смогли прорваться в августе».

От Калининского фронта генерал-полковника М.А. Пуркаева выделялись также 3 армии. 41-я армия под командованием генерал-майора Ф.Г. Тарасова и 22-я армия генерал-майора В.А. Юшкевича наносили удар на восток, навстречу частям Западного фронта, а 39-я армия генерал-майора А.И. Зыгина должна была наступать на юг, в направлении Оленино. В полосе 41-й армии для развития успеха планировалось ввести в бой 1-й механизированный корпус генерала Соломатина.

К формированию механизированных корпусов в Красной Армии вновь приступили в сентябре 1942 года. Опыт войны показал, что в составе танковых войск необходимо иметь моторизованную пехоту, которая могла бы обеспечивать действия танков и закреплять захваченные ими районы и рубежи. С другой стороны, там, где применение чисто танковых корпусов могло быть затруднено условиями местности, предусматривалось использовать механизированные соединения, которые должны были иметь больше мотопехоты. В состав корпусов входили по три механизированные (каждая такая бригада имела танковый полк — 339 человек и 39 танков), одна-две танковые бригады, полк ПТО, полк ПВО, дивизион гвардейских минометов, бронеавтомобильный дивизион, инженерно-минная рота, части обеспечения. Корпус Соломатина насчитывал 15200 бойцов и 224 танка, из них 10 КВ., 119 Т-34 и 95 Т-70. Кроме того, в резерве 41-й армии находились 47-я и 48-я танковые бригады — еще сотня танков.

В полосе 22-й армии, кроме 185-й, 238-й стрелковых дивизий, должен был действовать 3-й мехкорпус генерал-майора М.Е. Катукова — три механизированные и одна танковая бригада, 13500 человек, 175 танков. В резерве командарма имелась 114-я стрелковая бригада и 39-й танковый полк. [575]

Для проведения операций «Марс» выделялось в общей сложности 545 тыс. человек и 1200 танков.

Группа армий «Центр» за прошедшее время значительно усилилась. В октябре — ноябре сюда было переброшено в общей

сложности 16 дивизий. Непосредственно наржев-ско-вяземском выступе перед фронтом 20-й и 31-й советских армий оборону занимал 39-й танковый корпус, состоявший из 5-й танковой, 78-й и 102-й пехотных дивизий. Позади них располагались резервы — 9-я танковая и 95-я пехотная дивизии. На западном фасе выступа перед 22-й и 41-й армиями находился немецкий 41-й танковый корпус, позади которого тоже имелись армейские резервы — 1-я танковая дивизия и мотодивизии СС «Великая Германия». Севернее оборону занимал 23-й армейский корпус — 110-я и 206-я пехотные, 14-я моторизованная дивизии.

Немцы хорошо подготовились к зимней кампании. Не в пример прошлой зиме, весь личный состав был снабжен теплым обмундированием. Оборона непрерывно совершенствовалась в инженерном отношении. На всех направлениях вероятных ударов советских войск были выставлены минные поля, созданы мощные опорные пункты, система дзотов. В полосе Западного фронта, по признанию Гетмана:

«Наиболее укрепленной оказалась полоса предстоявшего наступления нашей подвижной группы, тянувшаяся от Кортнево до населенного пункта Хлепень».

У основания выступа располагались резервы группы армий «Центр» — 12, 19 и 20-я танковые дивизии. В критической ситуации они могли быть достаточно быстро переброшены на угрожаемое направление. [576]

Одновременно на своем правом крыле Калининский фронт готовился проводить еще одну операцию — наступление 3-й ударной армии генерал-майора К.Н. Галицкого на Великие Луки и Невель с целью перерезать в районе Новосоколышки железную дорогу Ленинград — Витебск. В перспективе советское командование рассчитывало, ликвидировав великолукский плацдарм противника, открыть путь в Прибалтику. В 3-ю ударную армию входили 5-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора А.П. Белобородова, 5 стрелковых дивизий, 5 отдельных танковых, 7 артиллерийских полков и 9 полков гвардейских минометов. В резерве командарма находился 2-й механизированный корпус, 184-я танковая и 31-я стрелковая бригада.

Общий замысел сводился к следующему. Главный удар южнее Великих Лук в обход города с северо-запада наносил 5-й стрелковый корпус — 9-я и 46-я гвардейские, 357-я стрелковая дивизии. Навстречу Белобородову из района севернее Великих Лук наступала?81-я стрелковая дивизия полковника Б.С. Маслова. С фронта город охватывала 257-я стрелковая дивизия полковника А.А. Дьяконова. В полосе прорыва главных сил 5-го стрелкового

корпуса вводился 2-й механизированный корпус под командованием генерала И.П. Корчагина — три механизированные и две танковые бригады — с задачей овладеть железнодорожным узлом Новосокольниково. Южнее гвардейцев Белобородова наносили вспомогательные удары 21-я гвардейская и 28-я стрелковая дивизии 3-й ударной армии и правофланговая 360-я дивизия 4-й ударной армии. Обеспечение правого фланга ударной группировки возлагалось на 31-ю стрелковую бригаду, левый фланг прикрывала 184-я танковая бригада.

Жуков план утвердил лично. Это по его «совету» все силы 3-й ударной армии были выстроены фактически в один эшелон. Генерал Галицкий хотел оставить в резерве 21-ю гвардейскую дивизию позади своего левого фланга, но представитель Ставки приказал выдвинуть дивизию в первый эшелон и тем самым «расширить участок прорыва и увеличить начальную силу удара». [577] Великий полководец Жуков никогда не понимал, зачем нужны оперативные резервы, у него никто не оставался «без дела». Наступать должны были все — 95608 человек, 743 орудия, 1346 минометов, 46 установок РС, 390 танков. Более 500 орудий надлежало сопровождать пехоту в боевых порядках.

Противник в полосе предстоящего наступления, не имея достаточно войск, сосредоточил свои усилия на защите наиболее важных участков. Район Великих Лук обороняли части 83-й пехотной дивизии генерала Шерера и один охранный батальон. Город был превращен в мощный, подготовленный к круговой обороне узел сопротивления, насыщенный огневыми средствами. Многие здания превратили в долговременные огневые точки, взаимодействовавшие друг с другом и перекрывавшие огнем улицы и перекрестки. Передний край обороны проходил в 5 км от городских окраин. Южнее, в районе Мартьяново, участок прикрывался двумя отдельными батальонами. Между этими двумя «группировками» и севернее Великих Лук имелись лишь небольшие гарнизоны в отдельных населенных пунктах.

В районе Новосокольников располагались резервы: 3-я горнострелковая дивизия и 55-й полк 6-ствольных минометов. Северо-восточнее Невеля сосредоточивалась 20-я мотодивизия. Кроме того, в район Опухлики против южного фланга генерала Галицкого подтягивалась 291-я пехотная дивизия, а в район Насва, к северо-востоку от Великих Лук, с Холмского направления перебрасывалась 8-я танковая дивизия. Прибывший в Новосокольники из Витебска штаб 59-го армейского корпуса должен был объединить все эти соединения.

* * *

Операции войск Западного и Калининского фронтов начались 25 ноября сразу по трем направлениям. Две армии Западного фронта атаковали восточный фас ржевского выступа севернее Зубцова, на 40-километровом участке вдоль рек Вазуза и Осуга. [578] Одновременно 22-я и 41-я армии Калининского фронта нанесли встречный удар с западного фаса выступа. А 3-я ударная армия начала наступление против северного крыла группы армий «Центр», пытаясь с двух сторон охватить Великие Луки.

В ночь перед наступлением погода в полосе 20-й и 31-й армий резко изменилась, повалил снегопад, затем началась пурга. Артиллеристы не видели целей и вели огонь по площадям, что резко снизило эффективность артподготовки, и хотя она длилась полтора часа, результаты ее были незначительны. Это сразу стало ясно, как только в 9.20 в атаку пошла пехота. Неподавленные огневые точки противника оказали сильное противодействие. 31-й армии генерал-майора В.С. Поленова прорвать оборону не удалось. Ее 88, 336 и 239-я стрелковые дивизии, поддержанные 332-й и 145-й танковыми бригадами, ценой больших потерь добились лишь незначительных успехов. Южнее 20-я армия достигла несколько большего — 247-я стрелковая дивизия, при поддержке 80-й и 140-й танковых бригад,, форсировала Вазузу и захватила плацдарм на ее западном берегу. Командарм сразу же бросил в бой свой резерв — 331-ю стрелковую дивизию полковника П.Е. Берестова. Под сильным огнем противника части 20-й армии медленно пробивались вперед, расширяя плацдарм. Однако и здесь не удалось добиться прорыва.

Тогда Жуков и Конев решили бросить вперед резервы и подвижную группу, не дожидаясь, пока стрелковые части прогрызут главную полосу. Жуков не был бы Жуковым, если бы не был готов ради достижения поставленной цели израсходовать последнего имеющегося под рукой солдата.

На рассвете 26 ноября части второго эшелона — 8-й гвардейский стрелковый, 6-й танковый и 2-й гвардейский кавалерийский корпуса начали выдвижение на плацдарм. Однако быстрого массированного удара не получилось. Две сотни танков, 30 тыс. солдат и 10 тыс… кавалеристов длинными колоннами растянулись по двум узким, затерянным в снегах дорогам, ведущим через реку на западный берег. [579] В результате подвижные части понесли потери от огня немецкой артиллерии, еще не вступив в бой. Лишь к середине дня 6-й танковый корпус

(170 танков), которым ввиду болезни генерала Гетмана командовал полковник П.М. Арман, переправился на плацдарм. Три дивизии кавкорпуса вынуждены были задержаться на восточном берегу реки до следующего дня.

Танкисты сразу же рванулись вперед. 6-я мотострелковая бригада овладела деревней Холм-Березуйский и повернула на юг. 22-я танковая к вечеру выбила немецкие гарнизоны из укрепленных пунктов в Большом и Малом Кропотово, а ее 2-й танковый батальон прорвался через железную дорогу Ржев — Сычевка к деревне Ложки. 200-я и 100-я танковые бригады заняли Гриневку и Подосиновку. Этот успех дался нелегко: бригады потеряли до половины личного состава и танков, много было раненых, требующих эвакуации, следовало также пополниться горючим и боеприпасами. Корпус перешел к обороне.

В это время немцы перебрасывали к участку прорыва части 27-го армейского корпуса из района Ржева и 9-ю танковую дивизию со стороны Сычевки.

Наступление подвижной группы возобновилось 28 ноября, с подходом отставших соединений. Вместе с 6-м танковым корпусом действала 1-я самокатно-мото-циклетная бригада. С рубежа 100-й танковой бригады северо-западнее Подосиновки наносил удар также кавалерийский корпус Крюкова. К исходу дня советские войска продвинулись вперед еще на 20 км. Были разгромлены штабы трех частей из состава 9-й армии, уничтожено 2 артиллерийских полка противника, захвачены тыловые склады. К исходу дня 22-я и 200-я танковые бригады совместно с частью сил 6-й мотострелковой бригады перерезали железную дорогу Ржев — Сычевка и достигли рубежа Соустово, Азарово, Никишино, где были остановлены подоспевшими немецкими резервами. [580]

Однако сосредоточенные на плацдарме советские стрелковые части так и не вошли в прорыв. Кроме того, на плацдарм не удалось перебросить достаточное количество артиллерии, а 9-я танковая дивизия немцев начала контратаки в Северном направлении вдоль Ржевского шоссе, угрожая отрезать прорвавшиеся части.

Жуков считал, что все еще идет нормально. В ночь на 29 ноября он отдал приказ стрелковым дивизиям на плацдарме расширять прорыв, танковым и кавалерийским частям продолжать наступление.на запад. Соединившись с войсками Калининского фронта, они должны были довершить окружение и разгром противника.

В эту же ночь немцы нанесли удар с двух сторон по флангам и в тыл прорвавшейся советской группировки. С севера атаковали

части 27-го армейского корпуса, с юга — 39-го танкового. Они закрыли брешь в обороне на участке Ложки, Никишево. В результате находившиеся западнее железной дороги Ржев — Сычевка ослабленные в боях части 2-го кавалерийского корпуса, 22-й и 200-й танковых бригад, батальон 6-й мотострелковой бригады, остатки самокатно-мотоциклетной бригады оказались в окружении.

Калининский фронт, хотя и наступал сразу обоими своими флангами, добился в эти дни более заметных успехов. 41-я армия, нацеленная на левый фланг ржевской группировки, начала наступление на город Белый, севернее, вдоль реки Лучеса, наносила удар 22-я армия. Утром 25 ноября ударная группа 41-й армии — 6-й Сибирский добровольческий стрелковый корпус генерала С.И. Поветкина (в его состав входили 150-я Новосибирская дивизия, 74-я Алтайская, 75-я Омская, 78-я Красноярская и 91-я стрелковые бригады; дивизия имела 13754 человека, бригады — по 6000 человек) и 1-й механизированный корпус, несмотря на метель и малопригодную для наступления местность, прорвали оборону противника и начали обход Белого, стремясь перерезать шоссе на Духовщину. [581]

К вечеру 27 ноября передовые части 65-й и 219-й танковых бригад корпуса Соломатина достигли дороги Белый — Владимирское, прервав одну из двух важнейших коммуникаций 41-го танкового корпуса генерала Гарпе. В немецкой обороне образовался прорыв шириной 20 км и глубиной 30 км. Однако советская пехота и артиллерия в условиях бездорожья далеко отстала от танкистов.

К тому же вместо того чтобы двигаться вслед за танками и завершить глубокий охват, генерал Тарасов бросил 150-ю стрелковую дивизию на север, на штурм Белого. Ее войска не смогли преодолеть оборону 146-й пехотной дивизии противника, несмотря на то что весь удар был сосредоточен против одного из ее полков. Даже введение в бой 91-й стрелковой и 19-й механизированной бригад не смогло изменить положения. А утром 26 ноября к Белому подошли немецкие резервы — 113-й моторизованный полк 1-й танковой дивизии и фузилерный полк мотодивизии СС «Великая Германия». Остальная часть 1-й танковой дивизии была брошена на север — против двух танковых бригад Соломатина, оседлавших шоссе Белый — Владимирское.

27 ноября генерал Соломатин запросил у командующего 41-й армией резервы — 47-ю и 48-ю танковые бригады. Однако Тарасов и их не направил в прорыв — командарм задумал новый обходной маневр. 47-я бригада полковника И.Ф. Дремова была

направлена северо-восточнее Белого, чтобы попытаться замкнуть вокруг города кольцо окружения. 29 ноября Дремову удалось обойти город и выйти на шоссе Белый — Владимирское, но дальше он продвинуться не смог.

Севернее 22-я армия в первый день наступления прорвала немецкую оборону на стыке 86-й пехотной дивизии 41-го танкового корпуса и 110-й пехотной дивизии 23-го армейского корпуса. Впрочем, сплошного фронта на этом направлении не было, основным препятствием для наступивших поначалу являлся глубокий снежный покров и многочисленные минные поля. [582] В следующие 2 дня генерал Юшкевич ввел в сражение весь механизированный корпус Катукова и вытеснил германские войска из долины реки Лучесы. Дальше наступление застопорилось, поскольку Модель перебросил в полосу 23-го армейского корпуса последний полк из состава дивизии «Великая Германия». В ответ генерал Юшкевич отправил в бой свои последние резервы — 114-ю стрелковую бригаду и 39-й танковый полк. Однако и это не помогло, продвинуться дальше и выйти на шоссе Оленино — Белый советские части не смогли.

Обстановка стала для наших генералов слишком сложной: бездорожье, пурга, отсутствие информации, опять же — немцы. Танковые бригады растворились в лесах и снегах, управление по-прежнему оставляло желать лучшего, надежная связь с подразделениями отсутствовала.

Генерал Д.А. Драгунский вспоминает, как получил задание отыскать сгинувший в стремительном наступлении танковый батальон:

«Оторванный от всего и всех батальон Долгова залег на опушке леса и вот уже третий день не двигался с места (т. е. никаких задач не выполнял. — *Авт.)*. Телефонной связи с ротами (подчиненными. — *Авт.)* и штабом бригады (начальством. — *Авт.)*не было. Единственная радиостанция оказалась запакованной в ящик и спрятанной (!) где-то в обозе. Вдобавок ко всему я с удивлением узнал, что Долгов страдает радиобоязнью. Он и подчиненным вдолбил, что противник якобы охотится за каждой рацией и именно по ним ведет артиллерийский огонь». При этом комбат за трое суток «лежания на опушке» так и не смог выяснить, «какой противник перед батальном, кто действует справа и слева».

С севера на позиции 23-го армейского корпуса немцев наступала 39-я армия Калининского фронта, имевшая в своем составе три стрелковые дивизии, четыре стрелковые и две танковые бригады. Ей противостояли две пехотные — 253-я и 206-я — и 14-я моторизованная дивизии, усиленные спешно

переброшенной сюда парой батальонов из дивизии «Великая Германия». [583]

Поскольку генерал Зыгин наносил вспомогательный удар, резервов у него не было, прорвать неприятельскую оборону и выйти на шоссе Оленино — Ржев 39-я армия не смогла. Ее части продвинулись всего на 5 км, а затем были отброшены на исходные позиции.

Тем временем все вернее вырисовывалось повторение сценария Ржевско-Вяземского сражения. Непогрешимый Жуков вновь наступал на те же грабли. Интересно, кого он на этот раз сделает виноватым?

Западнее железной дороги Ржев — Сычевка находились в окружении части подвижной группы 20-й армии. Были исчерпаны запасы продовольствия, кончались боеприпасы и горючее. Попытка организовать снабжение по воздуху не удалась. Поэтому на рассвете 30 ноября по приказу командующего фронтом части 6-го танкового корпуса предприняли попытку прорваться только в районе Малое Кропоткино. Одновременно войска генерала Кирюхина наносили встречный удар с востока. Но пробиться к деревне удалось только окруженцам, наступавшая с востока пехота так и не смогла сделать того же. Немцы тем временем подтягивали резервы и укрепляли оборону на этом направлении.

Командование 6-го танкового корпуса приняло решение пробиваться к своим севернее, через Большое Кропоткино. В ночь на 30 ноября танкисты нанесли неожиданный удар на северо-восток. Одновременно им навстречу наступала 100-я танковая бригада с пехотой. В этом бою погибли командиры 200-й танковой и 6-й мотострелковой бригад, однако к утру 1 декабря окруженные части пробились через заслоны противника. Танковые бригады потеряли большую часть боевой техники, поэтому 6-й танковый корпус был выведен в тыл на доукомплектование.

20— я кавалерийская дивизия полковника Курсакова пробиться на восток не смогла и поэтому пошла на запад. После более чем месячного рейда по немецким

тылам около тысячи кавалеристов и присоединившихся к ним партизан вышли в расположение 22-й армии.[584]

* * *

Осложнилось положение и в полосе армии генерала

Тарасова. К 41-му корпусу противника подошли подкрепления — 9-я и 12-я танковые дивизии. 1 декабря мехкорпус Соломатиина вынужден был прекратить атаки и перейти к обороне. Проанализировав обстановку, командир советского корпуса пришел к выводу, что над его соединениями нависла реальная угроза окружения. Он вывел в тыл автотранспорт, оставив в боевых порядках только танки, тягачи с орудиями, машины с боеприпасами. Меры командования фронтом по усилению флангов у основания клина запоздали.

К 6 декабря немцы восстановили контроль над дорогой Белый — Владимирское. Обходившая Белый с северо-востока 47-я танковая бригада полковника Дремова была отрезана, ей пришлось с боями пробиваться из окружения. 7 декабря с юга перешел в наступление подошедший из резерва 30-й немецкий танковый корпус — 19-я и 20-я танковые дивизии, а также 1-я танковая и другие части 41-го корпуса. К исходу дня немцам удалось выйти в тыл подвижной группе Калининского фронта, окружив юго-восточнее населенных пунктов Шипарево, Цыцыно, Дубровка части 1-го механизированного и две бригады 6-го стрелкового корпусов.

Генерал Жуков находился в этот момент на командном пункте 41-й армии в деревне Клемятин. Получив доклады об обстановке, он приказал окруженным войскам оставаться на месте. Генералу Соломатину ставилась задача принять под свое командование все части, оказавшиеся в кольце. На самолетах была организована доставка им боеприпасов и продовольствия, стягивались резервы для прорыва внешнего фронта окружения. Все эти меры предпринимались с целью удержать плацдарм, занятый танкистами в глубине вражеской обороны, чтобы затем продолжить наступление. [585]

Немногим лучше дела обстояли в районе Великих Лук. 24 ноября передовые полки четырех стрелковых дивизий 3-й ударной армии, действовавший на главном направлении, при поддержке артиллерии и танков, произвели разведку боем.

Разведка боем — это добывание данных о противнике боевыми действиями специально выделенных подразделений. Она проводится при подготовке наступления с целью уточнения начертания переднего края и системы огня противника. Это значит, что рота, батальон или полк бросались в атаку без надежды на какой-либо успех (для «достоверности» им зачастую ставили реальную боевую задачу), но за это время разведчики-наблюдатели выявляли и наносили на карту огневые точки противника, которые необходимо подавить при развертывании «настоящего» наступления.

Как указывает учебник, разведка боем проводится в случаях, «когда другими способами получить необходимые сведения о противнике не удается». Как правило, другими способами «добывать информацию» о противнике не умели: авиация использовалась редко, особенно в период, когда немцы господствовали в воздухе, и добытые ею данные были недостоверны. Фронтовая разведка была беспомощна, техническая и радиоразведка находились в зачаточном состоянии, даже систематическое визуальное наблюдение за противником не велось. Поэтому любимыми способами ведения разведки в Красной Армии стали добывание «языка» и разведка боем. Но хорошо информированный пленный — редкость. К тому же трудности контроля: разведгруппы порой удалялись на 100 метров от переднего края, ночевали в нейтральной полосе, а поутру возвращались с докладами о трудностях рейда. А на носу очередное наступление, начальство требует данных о силах немцев, и снова организуется разведка боем. В основном для таких мероприятий использовались штрафные роты и батальоны — самый подходящий случай «искупить вину перед Родиной». [586]

Одну из таких разведок описал лейтенант В. Дятлов:

«В десятиминутном огневом налете участвовало два дивизиона нашего полка — и все. После огня какие-то секунды стояла тишина. Потом выскочил из траншеи на бруствер командир батальона: „Ребята-а! За Родину! За Сталина! За мной! Ура-а-а!“ Штрафники медленно вылезли из траншеи и, как бы подождав последних, вскинув винтовки наперевес, побежали… Немцы бросили серию красных ракет в сторону атакующих и сразу же открыли мощный минометно-артиллерийский огонь. Цепи залегли, залегли и мы — чуть сзади в продольной борозде. Голову поднять было нельзя. Как засечь и кому засекать в этом аду цели противника? Его артиллерия била с закрытых позиций и далеко с флангов. Били тяжелые орудия. Несколько танков стреляли прямой наводкой, их снаряды-болванки с воем проносились над головой… Штрафники лежали перед немецкой траншеей на открытом поле и в мелком кустарнике, а немец „молотил“ это поле, перепахивая и землю, и кусты, и тела людей… Отошло нас с батальоном штрафников всего 7 человек, а было всех вместе — 306…»

Как видим, в смысле полученной информации толку немного. Платить же приходилось дорого. Не только потому, что сам метод малоэффективен. По науке, чтобы скрыть от противника направление предстоящего удара, разведку боем необходимо проводить на широком фронте. Это значит, что в таких же

безнадежных боях гибли солдаты — на ложных направлениях, вводя врага в заблуждение.

А вот еще одна разведка боем на Донском фронте в описании М. Абдулина:

«Батальоны штурмовали проволочные заграждения, противопехотную паутину. Чтобы сдержать натиск нашего полка, немцы были вынуждены открыть огонь изо всех видов огневых средств, что, собственно, и требовалось нашему командованию, уточняющему детали контрнаступления. Прорвать оборону противника мы не смогли, но свою боевую задачу потеряв при этом большую часть личного состава и сократив свой участок переднего края до фактически одного батальона, мы выполнили. [587] Картину того первого боя сознание смогло охватить лишь после его окончания, когда в ночь с 13 на 14 ноября в числе немногих выживших я вышел в боевое охранение к нейтральной полосе.

С вечера моросил мелкий дождь, потом резко подморозило… А потом взошла полная луна… Это было похоже на многотысячную скульптурную композицию застывших в ледяном панцире фигур солдат в натуральную величину — лежащих навзничь, сгорбившихся, сидящих, скрючившихся, со вскинутыми руками — призывающими не ослаблять атаки… Обледенелые лица с широко открытыми глазами и кричащими ртами… Груды тел на колючей проволоке, которые придавили ее к земле, приготовив проход к фашистским траншеям…»

Так, «уточняя детали» для командования, в одной атаке, первой и последней, погиб 1034-й полк 293-й стрелковой дивизии. Заметим, не штрафной батальон, а ускоренный выпуск курсантов Ташкентского пехотного училища — лучшего применения им не нашлось.

Еще об одном, совершенно оригинальном способе ведения разведки, рассказал генерал армии Е.Ф. Ивановский:

«Вскоре после гибели А.И. Лизюкова командование корпусом временно принял человек, которого никто из наших фронтовиков не знал. Стиль его работы с командирами штаба показался тоже каким-то непривычным. В первой беседе со мной он несколько раз повторил, что надо будет на направлении предстоящих действий лучше и глубже разведать огневые средства противника. Каких-либо конкретных указаний не дал, советов не высказал.

Перед вечером выехали мы на рекогносцировку местности. Командир долго разглядывал передний край в свой большой трофейный бинокль и вдруг ставит мне такую задачу:

— Мы будем вести наблюдение вон оттуда,… — он кивнул на высокую скирду соломы. — А вы, Ивановский, возьмите «виллис»

и поезжайте по полю. [588] Противник откроет по вам огонь, мы и засечем кое-что.

— Ничего себе задание… — подумал я изумленно. — Что-то вроде движущейся мишени для немецких огневиков.

Мрачновато бросил положенное «есть» и сел в приземистую юркую машину.

Комкор с помощниками взобрался на скирду. Я повел «виллис» вдоль переднего края, прикрываясь кустами лишь кое-где, — ехал почти на виду у гитлеровцев. Те сейчас же заметили, открыли огонь из разных видов оружия, но почему-то не по мне, а по… скирде. Около нее ложились мины, ее секли пулеметные очереди. Как ориентировались немцы, не знаю. Может быть, обнаружили большое начальство на скирде по сверканию в лучах солнца нарядного бинокля. Вижу, скатываются все со скирды кубарем один за другим, машут и кричат мне:

— Давай скорее машину сюда, эвакуироваться надо!

— Лучше вы ко мне… — показываю им жестами. — Здесь хоть ничего не рвется».

Вывод: разведка боем в советском исполнении — очковтирательство с целью «засечь кое-что» и доложить вышестоящему начальству. Максимум — она позволяла уточнить начертание переднего края. Конечно — это большое дело, если нередко наступления затевались даже без этих подробностей. Но вскрыть систему хорошо оборудованной обороны противника, когда огневые средства имеют по 3-5 сменных позиций, а также эшелонированы в глубину, такими методами невозможно.

И на этот раз разведка боем не принесла ожидаемых результатов: подразделения едва приблизились к переднему краю немецкой обороны и залегли, огневые точки были выявлены далеко не полностью, артиллеристы соответственно не получили нужных данных, а значит, достаточно эффективно подавить огневую систему противника перед наступлением не могли. [589]

С утра 25 ноября генерал Галицкий двинул в бой основные силы. Части 5-го гвардейского стрелкового корпуса, наносившие главный удар, сразу же встретили сильное огневое противодействие противника. Броска вперед не получилось, за первые сутки корпус продвинулся на отдельных направлениях до 2-3 км. Но, благодаря подавляющему превосходству («война» идет с одной немецкой пехотной дивизией и отдельными гарнизонами), советское наступление хоть и медленно, но развивалось. К утру 28 ноября 357-я стрелковая дивизия полковника А.Л. Кроника выбила немцев из деревни Мордовище и перерезала железную дорогу Великие Луки — Новосокольники. Вечером того же дня гвардейцы Белобородова встретились с

передовыми частями 381-й стрелковой дивизии, замкнув кольцо окружения вокруг великолукского гарнизона — около 7 тыс. человек. Генерал Шерер успел покинуть город.

46— я гвардейская стрелковая дивизия к этому времени вышла к станции Чернозем и заняла ее. 21-я гвардейская дивизия генерала Д.В. Михайлова за 4 дня боев продвинулась лишь на 4-5 км, а 28-я стрелковая дивизия генерала С.А. Князькова занималась штурмом высот в районе деревни Полибино и отбивала у Сеньково психические атаки «пьяных эсэсовцев» (кто же в психическую трезвым пойдет?) из подоспевшего 10-го полка 1-й пехотной бригады СС.

Для развития наступления на главном направлении командарм решил ввести в прорыв 18-ю механизированную бригаду из 2-го мехкорпуса. Она должна была в ночь на 28 ноября сосредоточиться в 15 км юго-западнее Великих Лук и направить усиленный передовой отряд для захвата Новосокольников. Севернее полковник Маслов, также в соответствии с указаниями Галиц-кого, направил один полк своей 381-й дивизии с 146-м танковым батальоном на Великие Луки, а двумя полками развернул наступление на Новосокольники.

Мехбригада с боем вышла в указанный район, но к железнодорожному узлу Новосокольники ей удалось пробиться только к 16 часам 29 ноября. [590] Несколько ее танков прорвались даже на окраину, но были сожжены огнем противотанковых орудий. Израсходовав почти все боеприпасы, бригада вынуждена была перейти к обороне на юго-восточных подступах к городу. В это время полк 381-й стрелковой дивизии вел бой на северо-восточных подступах к городу. Его действия, несогласованные с механизированной бригадой, тоже не дали результатов.

К Новосокольникам был направлен еще один стрелковый полк и 34-я механизированная бригада с танковым полком 43-й мехбригады из корпуса генерала Корчагина, который и должен был объединить действия всех соединений на этом направлении. Общая атака началась утром 3 декабря. Но войска действовали разрозненно, достигнуть успеха опять не удалось.

Между тем противник приступил к сосредоточению на флангах советских войск ударных группировок. От Насвы спешно выдвигалась 8-я танковая, а из района Опухлики на Поречье — 291-я пехотная дивизия. Сюда же предполагалось направить 20-ю мотодивизию. Для отражения надвигавшейся угрозы генерал Галицкий с северо-запада прикрылся 31-й и 54-й стрелковыми, а также 44-й лыжной бригадами, приказав им организовать прочную оборону. Сюда же затем были направлены 26-я

стрелковая и 36-я танковая бригады из все того же механизированного корпуса. На левом фланге лицом к противнику разворачивались 28-я стрелковая дивизия, 184-я танковая, 45-я лыжная бригады и два полка 360-й дивизии. Часть сил снималась с Новосокольнического направления, оставшиеся войска перешли к обороне на восточных подступах к городу.

К 10 декабря, после ожесточенных боев, обстановка в полосе 3-й ударной армии на короткое время стабилизировалась. Советским войскам удалось окружить немецкий гарнизон в Великих Луках и отразить на своих флангах попытки противника пробиться к городу. В центре советские войска продвинулись на 25-30 км, но занять Новосокольники не смогли. [591]

Бывший офицер оперативного отдела штаба армии генерал-лейтенант Г.Г. Семенов, анализируя причины неудачи, писал:

«К началу наступления на направлении главного удара мы имели превосходство над гитлеровцами в силах и средствах. Но многие соединения и части… слабо знали противостоящего противника. Наступать они начали медленно, осторожно. Из-за отсутствия в армии вторых эшелонов (жуковское искусство. — *Авт.)* вскоре после прорыва обороны неприятеля все войска оказались втянутыми в бои. Дальнейшее наращивание усилий армии возможно было только за счет резервов извне. Побригадное использование 2-го механизированного корпуса привело к тому, что это сравнительно крупное подвижное соединение не оказало заметного влияния на ход событий. Результаты действий корпуса могли стать более значительными, если бы его основные силы были направлены на захват города Новосокольники в первые дни операции».

* * *

Жуков однако считал, что под Великими Луками достигнут значительный успех и не терял надежды добиться подобного и в районе ржевского выступа. Подписанная им и Сталиным 8 декабря 1942 директива Ставки требовала от войск Калининского и Западного фронтов разгромить к 1 января группировку противника в районе Ржев, Сычевка, Оленино, Белый.

Примечательно, что в своих мемуарах Жуков делает вид, что наступательная операция двух фронтов началась именно после издания директивы: «В период с 20 ноября по 8 декабря планирование и подготовка наступления были закончены». В

другом месте маршал еще раз уточняет: «28 ноября я находился в штабе Калининского фронта, где обсуждал с командованием предстоящую наступательную операцию». Вот те раз! Уже четыре дня идет жесточайшее сражение, уже смыкается кольцо окружения вокруг 6-го танкового корпуса, войска генерала Тарасова безуспешно штурмуют Белый, в самом разгаре Великолукская операция, а представитель Ставки, специально вызванный из-под Сталинграда для координации действий Пуркаева и Конева, не в курсе происходящего. [592] Если и были здесь какие-то «бои местного значения», то Жуков тут не при чем.

Между тем бывший начальник артиллерии Калининского фронта генерал-полковник Н.М. Хлебников вспоминает, что «Георгий Константинович прибыл к нам» еще 22 ноября и почти безотлучно находился на КП фронта или в штабе 41-й армии — «очень серьезен, немногословен, категоричен в каждом суждении и оценке». А за 3 дня до этого, 19 ноября, Жуков находился в 3-й ударной армии. Как же так, Георгий Константинович? До 8 декабря уже больше ста тысяч солдатиков в снег легло, а некого «вспоминать», не о чем «размышлять».

Для нового наступления в 20-ю армию были направлены резервы и пополнения. Генерал Кирюхин получил свежий 5-й танковый корпус и несколько подразделений из состава 31-й армии. 6-й танковый корпус, не завершивший доукомплектование (в его мотострелковой бригаде имелось всего лишь 170 активных штыков, в 22-й и 100-й танковых бригадах собрали 100 танков), снова вводился в дело. Танкистам ставилась задача прорвать совместно со стрелковыми частями оборону противника на участке Большое и Малое Кропотово и вывести пехоту-на рубеж Ложки, Белохвастово. В дальнейшем во взаимодействии со 2-м гвардейским кавкорпусом выйти в леса Южнее Макруши и повернуть на северо-запад.

«Наступление, — констатирует Гетман, — велось в том же направлении, что и в конце ноября. Однако на этот раз оно не имело успеха, так как осуществлялось меньшими силами, в то время как противник продолжал подтягивать резервы…» Зная привычку советских полководцев бить раз за разом в лоб на одном и том же направлении, Клюге и Модель не сомневались в вопросе, куда им «подтягивать резервы».

Наступление началось в 10.10 11 декабря. Буквально сразу в бой были введены танковые корпуса. [593] Они сумели достичь деревни Малое Кропотово, но без отставшей пехоты. Контратакованные затем противником танкисты были вынуждены отойти на исходные позиции. Бои западнее Вазузы продолжались до конца месяца, пока войска Западного фронта не выдохлись

окончательно.

И опять Жуков здесь «не при делах». Он-то находился на Калининском фронте, и вот результат:

«Командование Калининского фронта в лице генерал-лейтенанта М.А. Пуркаева со своей задачей справилось. Группа войск фронта, наступавшая южнее города Белого, успешно прорвав фронт, двинулась в направлении на Сычевку (это о полностью окруженном корпусе Соломатина? — *Авт.)*. Группа войск Западного фронта должна была, в свою очередь, прорвать оборону противника и двинуться навстречу войскам Калининского фронта… Но случилось так, что Западный фронт оборону противника не прорвал».

В общем, где-то Конев напортачил. Пришлось премудрому Жукову выехать на КП Западного фронта, где он мгновенно разобрался в обстановке: «…я пришел к выводу, что повторять операцию было бесполезно. Противник разгадал наш замысел и сумел подтянуть к району действия значительные силы с других участков». Остается лишь удивляться прозорливости противника и.забывчивости нашего маршала.

Той же директивой от 8 декабря 39-й и 22-й армиям Калининского фронта предписывалось развить удар в общем направлении на Оленино, а войска 41-й армии должны были «разгромить прорвавшуюся группировку противника в районе Цыцыно», а затем не позднее 20 декабря овладеть городом Белый. Новых танковых корпусов генерал Пуркаев не получил, ни одной из поставленных задач его армии выполнить не смогли.

Сибиряки и танкисты Соломатина неделю сражались в окружении, отразив все атаки сжимавших кольцо вражеских дивизий. Снабжение их по воздуху крайне затруднялось нелетной погодой, не раз авиаторы сбрасывали грузы в расположении противника. [594] В частях совершенно кончилось горючее, на исходе были боеприпасы и продовольствие. Наконец Жуков приказал выводить группу из окружения.

В ночь с 15 на 16 декабря генерал Соломатин повел остатки своих войск на прорыв. Перед этим он уничтожил оставшуюся технику и тяжелое вооружение, собрал свои части в кулак и нанес удар в Западном направлении, забрав с собой больных и раненых. С внешней стороны фронта при поддержке всей армейской артиллерии немцев атаковала 154-я танковая бригада полковника Ф.Д. Артамонова. Потери 1-го механизированного корпуса, по докладу генерала Соломатина, составили 8 тыс. убитыми и ранеными и 150 танков.

Общие потери двух советских фронтов в повторной Ржевско-Сычевской операции косвенно оцениваются в 250 тыс. человек и

около 800 танков.

Войскам генерала Пуркаева наступать на Белый было затруднительно еще и потому, что с утра 11 декабря противник нанес контрудар на Великолукском направлении, и все резервы пришлось бросать туда. После неудачной попытки деблокировать осажденный гарнизон с северо-запада немцы перенесли основные усилия в район Лешаково, Конюшки. Отсюда по кратчайшему направлению к Великим Лукам на 6-километровом фронте стремилась прорваться 291-я пехотная дивизия, которой удалось потеснить части 9-й гвардейской дивизии генерала Простякова и 14 декабря овладеть деревней Громово. В последующие дни обе стороны наращивали силы на этом направлении.

Командующий 3-й ударной армией получил в свое распоряжение свежий 8-й эстонский стрелковый корпус генерал-майора Л. А. Пэрна и 15 декабря, бросив в бой его 19-ю гвардейскую дивизию, отбил Громово. Немцы в ответ подтянули 20-ю моторизованную дивизию и 1-ю бригаду СС и 19 декабря вновь нанесли удар. За 2 дня боев они продвинулись до Алексейково. [595] Генерал Галицкий (поскольку на командном пункте почти безвылазно находился в эти дни Жуков, который лично следил за использованием прибывающих резервов, то реально Галицкий мало чем и руководил) последовательно направил в угрожаемый район вновь прибывшие 249-ю стрелковую дивизию и 100-ю стрелковую бригаду. 24 декабря в сражение были введены 44-я и 45-я лыжные бригады, а также 360-я стрелковая дивизия. Армия получила еще 10 артполков. Деревня Алексейково неоднократно переходила из рук в руки.

С утра 4 января 1943 года противник ввел в бой 205-ю пехотную дивизию, переброшенную из-под Вележа, и захватил ряд населенных пунктов. 7 января германская ударная группировка была еще раз усилена прибывшей из Франции 331-й пехотной дивизией. Сутки спустя немцы пересекли железную дорогу Великие Луки — Новосокольники и продолжали продвигаться вперед, их передовые части находились уже в 4-5 км от города. Одновременно с северо-запада вновь перешла в наступление 8-я танковая дивизия.

9 января по немецкому клину нанесли фланговые удары 33-я и 184-я танковая бригады и прибывшие из фронтового резерва части 32-й стрелковой дивизии. Со стороны Великих Лук оборонительный рубеж заняли 100-я и 36-я танковые, 47-я механизированная, 57-я инженерная бригады, два полка 357-й стрелковой дивизии. К 12 января, продвинувшись за месяц кровопролитных боев на 15 км, обе германские группировки окончательно остановились, прорваться к окруженным им не

удалось. Затем они были отброшены на исходные позиции контратаками 150-й стрелковой дивизии, 23-й и 145-й танковых бригад и других частей 3-й ударной армии.

Одновременно начиная с 13 декабря четыре советские стрелковые дивизии, одна танковая, одна механизированная бригада и 13-й гвардейский танковый полк с огнеметными танками непрерывно штурмовали Великие Луки. Полностью подавить сопротивление гарнизона и освободить город удалось лишь 16 января 1943 года. [596]

Таким образом, к 20 января 3-я ударная армия, имевшая к концу операции уже одиннадцать стрелковых дивизий, две стрелковые, две лыжные, семь танковых и четыре механизированные бригады, освободила территорию площадью 650 км2 и город Великие Луки. Железнодорожный узел Новосокольники остался в руках противника. По советским данным, немцы потеряли около 59 тыс. убитыми и ранеными, 4000 пленными, 250 танков, 770 орудий и минометов. Трофеи составили 190 орудий и минометов, 22 танка и бронемашины, 40 паровозов, 155 автомобилей, 6 складов с военным имуществом и снаряжением.

Участник событий, бывший офицер оперативного отдела штаба 3-й ударной армии генерал Г.Г. Семенов в своих воспоминаниях приводит один из образчиков жуковского военного искусства в критические предновогодние дни.

По всем теоретическим правилам (и нашим, и немецким) для ликвидации прорвавшейся на узком участке ударной группировки противника наиболее целесообразным считалось направлять резервы на фланги клина с тем, чтобы не дать ему расшириться и попытаться его срубить. Что немцы неоднократно демонстрировали Жукову под Ржевом, Вязьмой, Белым и Сычевкой, окружая целые армии и корпуса. Но наш полководец не желал воевать «по шаблону», поэтому

«он требовал ставить вновь прибывшие дивизии перед самым острием клина. И это решение оказалось наиболее верным (!!). Перед гитлеровцами вставали все новые и новые преграды. Фашисты прогрызали боевые порядки одной дивизии, а перед ними уже оказывалась другая. Благодаря этому острие клина затупилось: враг нес большие потери, его наступавшая группировка заметно слабела. В конце концов он вынужден был остановиться».

Вольно же было воевать без пяти минут маршалу! Бросай под танки все, глядишь, гусеницы в мясе увязнут, клин и «затупится». Поэтому нет необходимости Жукову изучать «шаблоны». Умников, изобретавших всякие маневры, он враз укорачивал:

«Блистать академической терминологией сейчас не время. Война не терпит схоластики и верхоглядства». [597]

И после войны даже рисовался, противопоставляя свою самобытную методу деятельности военных «профессорского типа»:

«Мне многое приходилось осваивать практически, без достаточных, предварительно накопленных широких и разносторонних знаний. Это имело и свою положительную сторону. Отвечая за дело, стремясь поступить наилучшим образом и чувствуя при этом те или иные проблемы в своей общей подготовке, я стремился решать вставшие передо мной проблемы как можно фундаментальнее, стремился докопаться до корня, не позволять себе принять первое попавшееся поверхностное решение… Кстати сказать, некоторые из наших высокообразованных профессорского типа военных, оказавшихся в положении командующих на тех или иных фронтах войны, не проявили себя с положительной стороны. В их решениях мне случалось замечать как раз элементы поверхностности. Порой они предлагали поверхностные решения, не укладывавшиеся в их профессорскую начитанность».

Вот так, «докопавшись до корня» и решив проблему «фундаментально», Жуков и додумался бросать стрелковые дивизии прямо под танковые клинья. Действительно, «широких и разносторонних знаний» для этого не требовалось. Поэтому, начав Великолукскую операцию с 95 тыс. солдат и офицеров, советские войска потеряли в ее ходе более 104 тыс. убитыми и ранеными.

* * *

Наступление Западного и Калининского фронтов провалилось. Войскам генерала Галицкого удалось хотя бы освободить Великие Луки, и проводимая одной 3-й ударной армией операция удостоилась своего места в нашей истории. Успехи двух фронтов в Ржевско-Сычевской операции были столь мизерны, а потери значительны, что ее попросту вычеркнули из «анналов».

А между тем в 90-е годы ряд западных историков высказали предположение, что операция «Марс» в планах советского командования имела стратегическое значение, едва ли не большее, чем операция «Уран». [598] В случае успеха под Ржевом

должна была последовать операция «Юпитер», превосходящая по масштабу Сталинградское контрнаступление, — удар 5-й и 33-й армий Западного фронта на Вязьму с привлечением стратегических резервов Ставки. В перспективе войска Западного и Калининского фронтов должны были разгромить всю группу армий «Центр», а затем прорваться к Балтийскому морю.

Правда, видный советский разведчик генерал Судоплатов эту версию опровергает. Из его воспоминаний следует, что Сталин сделал решающую ставку на Сталинградскую операцию, а наступление на Ржев служило целям грандиозной дезинформации германского генштаба и носило отвлекающий характер:

«Дезинформация порой имела стратегическое значение. Так, 4 ноября 1942 года „Гейне“-»Макс» (лейтенант НКВД Алексей Демьянов, он же офицер связи в советском Генштабе, «завербованный» немецкой разведкой. — *Авт.)* сообщил, что Красная Армия нанесет немцам удар 15 ноября не под Сталинградом, а на Северном Кавказе и под Ржевом. Немцы ждали удара под Ржевом и отразили его. Зато окружение группировки Паулюса под Сталинградом явилось для них полной неожиданностью».

Это косвенно подтверждает доклад в штабы ОЮСи ОКВ руководителя «русского отдела» абвера Гелена, ко торый, ссылаясь на агентуру в Москве, сообщал, что «главный уцар в будущих операциях русских» следует ожидать на участке группы «Центр».

«Не подозревавший об этой радиоигре Жуков, — продолжает Судоплатов, — заплатил дорогую цену — в наступлении под Ржевом полегли тысячи и тысячи наших солдат, находившихся под его командованием. В своих мемуарах он признает, что исход наступательной операции был неудовлетворительным. Но он так никогда и не узнал, что немцы были предупреждены о нашем наступлении на Ржевском направлении, поэтому бросили туда такое количество войск».

С этой точки зрения цель Ржевско-Сычевской операции действительно была достигнута. [599] Цена, как обычно, никого не интересовала. Поскольку Жукова обо всех этих тонкостях намеренно не информировали, то и воевал он всерьез, добросовестно укладывая перед немецкими позициями «ударную норму» 10 тыс. убитыми и ранеными в сутки! Отвлекающая операция обошлась дороже Сталинграда.

Даже вполне благонадежный Катуков засомневался, а нельзя ли было «отвлекать» противника не столь ретиво или применить весьма немалые силы поумнее:

«В течение ноября — декабря все три механизированных корпуса периодически вели на своих направлениях бои — наступательные и оборонительные. Действовали мы разрозненно и по задачам, и по времени. Не скрою, были тогда среди танкистов разговоры: а почему бы не нанести врагу одновременный удар силами трех корпусов? В таком случае мы, безусловно, добились бы более крупного успеха, создали бы ощутимый перелом в боевых действиях Калининского фронта.

Теперь— то любой скажет, что в ноябре -декабре сорок второго года развертывалась решающая битва на Сталинградских рубежах. Следовательно, нашим механизированным корпусам ставилась вполне конкретная и с дальним прицелом задача: активными действиями не на одном, а на нескольких направлениях связать резервы противника и не дать гитлеровскому командованию широко маневрировать своими силами. Наши действия не только помешали фашистам перебросить часть соединений на поддержку группировке, попавшей на правом берегу в безвыходное положение, но и заставили их усилить войска, действовавшие на нашем фронте.

Все это ясно, хотя и сейчас можно спорить: нельзя ли было ту же задачу решать другими методами, не изматывая в малоэффективных боях довольно крупные танковые силы? Правда, этому мешали непроходимые леса и болота. Но все же, думается, танковая группировка на Калининском направлении была использована не в полную меру своих возможностей». [600]

В версии Судоплатова вызывает сомнение неинформированность Жукова. Как-никак он являлся первым и единственным заместителем Верховного Главнокомандующего, т. е. в военной иерархии занимал второй пост после Сталина.

По мнению американского военного историка Дэвида М. Глэнца, причины поражения лежали в том, что

«Жуков осуществлял операцию „Марс“ в характерной для него манере. Советские атаки были массированными, он не жалел людских и материальных ресурсов, не учитывал неблагоприятные условия местности и погодные условия. Стремясь к победе, он полагался на нажим по всему фронту и простой маневр мощными танковыми и механизированными корпусами… Умело организованная немецкая тактическая обороны относительно небольшими „боевыми группами“, максимально использующими преимущества местности, сдерживала атакующие советские мобильные части, не позволяя им прорваться в оперативный тыл немцев. Обороняющиеся изматывали атакующую пехоту и отсекали ее от танков. Не поддаваясь панике и удерживая только то, что действительно необходимо было удержать, германское

командование постепенно собирало резервы, необходимые для контрударов и победы».

Поразмышлял над этим вопросом и сам Жуков:

«Разбираясь в причинах неудавшегося наступления войск Западного фронта, мы пришли к выводу, что основной из них явилась недооценка трудностей рельефа местности, которая была выбрана командованием фронта (?) для нанесения главного удара.

Опыт войны (!) учит, что если оборона противника располагается на хорошо наблюдаемой местности, где отсутствуют естественные укрытия от артиллерийского огня, то такую оборону можно легко разбить артиллерийским и минометным огнем, и тогда наступление наверняка удастся.

Если же оборона противника расположена на плохо наблюдаемой местности, где имеются хорошие укрытия за обратными скатами высот, в оврагах… то такую оборону разбить огнем и прорвать трудно, особенно когда применение танков ограничено. [601]

В данном конкретном случае не было учтено влияние местности, на которой была расположена немецкая оборона, хорошо укрытая за обратными скатами пересеченной местности».

Все эти откровения в области военного искусства, достойные курсанта максимум второго курса, просто приводят в изумление. Ну надо же! Без малого год именно Жуков самозабвенно и безуспешно «спиливал» ржевский выступ и вот разобрался наконец-то в здешнем рельефе, а также «освоил практически», что особенности местности необходимо учитывать при планировании операций.

Даже не участвовавший в сражении по болезни танковый генерал Гетман заметил больше:

«Наступление велось на укрепленные позиции, занятые танковыми войсками противника, в условиях лесисто-болотистой местности и сложной метеорологической обстановки. И то, и другое благоприятствовало противнику. У нас же отсутствовало должное взаимодействие с пехотой и надежное артиллерийское и авиационное обеспечение. Пехота отставала от танков. Недостаточно было организовано подавление вражеских опорных пунктов, особенно его противотанковых средств, огнем артиллерии и ударами авиаций… Слабы были наши средства разведки и связи, что отрицательно сказывалось на управлении войсками».

Жуков в своих исканиях не одинок. Большинство советских военачальников было не в ладах с топографией.

Так, Еременко безуспешно пытается организовать оборону на

подступах к Сталинграду:

«Район крайне беден лесами. Открытый характер местности, естественно, сильно затруднял маскировку войск и путей их снабжения. Рельеф местности… не представлял каких-либо препятствий для передвижений частей любого рода войск… [602] Для организации упорной обороны рельеф местности не создавал благоприятных условий, мало помогали этому и водные преграды (особенно, когда оборонительные рубежи создаются без их учета. — *Авт.)*… Во всех отношениях театр военных действий был для нас неблагоприятным».

А вот буквально на том же месте проводятся контрудары:

«…открытая степная местность района боевых действий, на которой трудно укрыться, была неудобной как для сосредоточения войск, так и для их передвижения».

Плохому танцору люстра мешает, генералу — рельеф.

В 1942 году в боях за Ржев, Вязьму, Сычевку, Гжатск и за жуковский «опыт войны» войска двух фронтов потеряли до полутора миллиона бойцов и командиров, попутно изучая местный рельеф. Жукову никого не удалось «победить». Поскольку маршал, по мнению адмирала Кузнецова, «ревностно относился к каждому листку лавра в награду за ожидаемую победу», задним числом была придумана история, как Жуков с Василевским создали план победной Сталинградской операции. Но, во-первых, всем известно, что штабист из Жукова был никакой. Во-вторых, Жуков вместе с Василевским в качестве представителей Ставки действительно участвовали в подготовке контрнаступления под Сталинградом. Правда, по мнению Рокоссовского, они больше мешали, чем помогали командующим фронтами.

Ржевский выступ, сокращая линию фронта, немцы оставили сами в феврале 1943 года, без боя.

Заключение

Лучше поменьше делать ошибок, чем на ошибках учиться.

Маршал М.Н. Тухачевский

После окончания войны настало время писать историю и делить славу. Первым делом победу над Германией объявили результатом «мудрой политики большевистской партии» и доказательством преимуществ социалистического строя. [603] Сам факт Победы, таким образом, оправдывал все — ликвидацию целых слоев населения (классов), коллективизацию, голод, переселение народов, массовые репрессии, чистки в армии, тотальный контроль над личностью — и подтверждал неоспоримое право Коммунистической партии и дальше направлять и наставлять советский народ по пути «к светлому будущему всего человечества».

Главным архитектором Победы являлся, конечно, «величайший вождь и полководец Генералиссимус Советского Союза И.В. Сталин:

«Гениальное научное предвидение событий, величайшее уменье И.В. Сталина находить правильные решения самых сложных вопросов, непреклонная воля к победе стали источником сил советского народа и армии».

Естественно, что и советское военное искусство было объявлено «самым искусным».

Маршал Василевский писал:

«Сталинская стратегия в Великой Отечественной войне отличалась мудростью, глубиной стратегических замыслов, замечательным проникновением в замыслы и планы противника (ну как, например, обход Москвы с востока. — *Авт.)*, решительностью постановки целей и мобилизацией всех возможностей для их достижения (несомненная заслуга Иосифа Виссарионовича. — *Авт.)*… Под руководством товарища Сталина Советские Вооруженные Силы показали образцы проведения упорных оборонительных и решительных наступательных действий, а также блестяще осуществили ряд контрнаступлений, овладев на практике этим замечательным видом наступления. Сталинская тактика (была и такая? — *Авт.)* отличалась гибкостью, полным отсутствием шаблона, замечательным искусством маневрирования, умелым сочетанием форм борьбы, настойчивым достижением поставленных целей, всесторонним использованием техники и хорошо организованным управлением

войсками». [604]

Чтобы ярче высветить роль Верховного Главнокомандующего, некоторых «зазнавшихся» полководцев пришлось «задвинуть» в отдаленные округа или отдать под суд.

Но и самые великие диктаторы не вечны. Не прошло и трех лет после смерти Сталина, как его верный соратник Н.С. Хрущев заявил, что для страны было бы лучше, если бы вождь всех народов переставился лет на пятнадцать раньше (!):

«Если бы Сталин умер к началу второй мировой войны, то есть к 1939 году, то и Великая Отечественная война могла пойти по другому руслу. Страна лучше бы подготовилась к ней. А так он все взял на себя и ошибся… в конце концов мы под руководством Сталина одержали победу, но с чересчур большими жертвами, неимоверными потерями. Без Сталина враг явно был бы разгромлен с меньшими потерями».

Видел бы Иосиф Виссарионович своего «маленького Маркса» в те дни, когда тот вещал с трибуны XX съезда.

Историю надо было переписывать. Естественно, что главным сражением, решившим исход войны, стала Сталинградская битва, а главными ее героями — Хрущев и Еременко. Военачальников, поддержавших нового Генсека в его начинаниях, осыпали наградами и объявили «видными полководцами». Несогласных, вроде маршалов Голованова и Рокоссовского, спровадили на пенсию. В новой редакции войну выиграли, вопреки ошибкам Верховного Главнокомандующего, который в военном деле мало что понимал.

Особой «гибкостью хребта» отличался несгибаемый маршал Жуков. С 1955 года — он ярый борец с «культом личности».

«Вся накопившаяся к Сталину неприязнь, — пишет адмирал Н.Г. Кузнецов, — как распрямляющаяся пружина, чувствовалась в эти дни во всем поведении Жукова. Он как бы стремился наверстать потерянное время и славу… Сталин правильно и вовремя заметил опасные стремления Жукова приписывать все себе».

Позднее, когда Хрущев тоже заметил «опасные стремления» и отправил маршала на заслуженный отдых, Герогий Константинович в своих мемуарах оценил роль Сталина довольно высоко. [605] И то сказать: невелика честь «самому Жукову» быть заместителем у недоумка.

Трогательную историю из тех времен поведал Константин Симонов:

«Жуков говорил о том, что его волновало и воодушевляло тогда, вскоре после XX съезда. Речь шла о восстановлении доброго имени людей, оказавшихся в плену главным образом в

первый период войны, во время наших длительных отступлений и огромных по масштабу окружений… Видимо, этот вопрос касался каких-то самых сильных и глубоких струн его души. Наверное, он давно думал об этом и много лет не мог внутренне примириться с тем несправедливым и огульным решением, которое находил этот вопрос раньше. Он с горечью говорил о том, что по английским законам оказавшимся в плену солдатам и офицерам за все время пребывания в плену продолжали начислять положенное жалованье, причем даже с какой-то надбавкой, связанной с тяжестью положения, в котором они находились.

«А что у нас, — сказал он, — у нас Мехлис додумался до того, что выдвинул формулу „Каждый, кто попал в плен, — предатель родины“ и обосновывал ее тем, что каждый советский человек, оказавшийся перед угрозой плена, обязан был покончить жизнь самоубийством, то есть требовал, чтобы ко всем миллионам погибших на войне прибавилось еще несколько миллионов самоубийц. Больше половины этих людей были замучены немдами в плену, умерли от голода и болезней, но, исходя из теории Мехлиса, выходило, что даже вернувшиеся, пройдя через этот ад, должны были дома встретить такое отношение к себе, чтобы они раскаялись в том, что тогда, в 41-м или 42-м, не лишили себя жизни».

Не помню уже в точности всех слов Жукова, по смысл их сводился к тому, что позорность формулы Мехлиса — в том недоверии к солдатам и офицерам, которое лежит в ее основе, в несправедливом предположении, что все они попали в плен из-за собственной трусости. [606]

…Жуков сказал, что считает своим долгом военного человека сделать сейчас все, чтобы предусмотреть наиболее полное восстановление справедливости по отношению ко всем, кто заслуживает этого, ничего не забыть, ничего не упустить и восстановить попранное достоинство всех честно воевавших и перенесших потом трагедию плена солдат и офицеров. «Все эти дни думаю об этом и занят этим», — сказал он».

Ох и артист Георгий Константинович! А что его «волновало и воодушевляло» 4 октября 1941 года, когда он собственноручно составил для войск Ленинградского фронта шифрограмму № 4976 следующего содержания:

«Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они тоже будут репрессированы».

До такого не додумался ни Сталин, ни Мехлис. Ради карьеры и очередной звезды Жуков был готов стрелять в кого угодно — в своих и чужих, они атомную бомбу сбросил на свои войска. Этим

он Сталину и нравился.

29 июня 1956 года было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». Пункт 8 постановления прямо указывал:

«Министерству обороны СССР (т. Жукову): а)пересмотреть в персональном порядке все дела бывших военнопленных…»

Поэтому Жуков, весь «взволнованный», теперь — в первых рядах «реабилитаторов», ночей не спит, «восстанавливает справедливость и попранное достоинство». Никита Сергеевич Хрущев называл таких людей КВД — куда ветер дует.

В брежневскую эпоху осталось лишь кое-что подправить и отлакировать. Например, Сталин ошибался, но все же был выдающимся Верховным Главнокомандующим. Фронтами руководила плеяда выдающихся полководцев, выпестованных Коммунистической партией, которые били «гитлеровских вояк» по всем правилам военного искусства. [607] Наши солдаты, вдохновляемые пламенными политработниками, рвались на амбразуры и под танки, проявляя массовый героизм. Данные об огромных потерях, массовом дезертирстве, сотрудничестве с немцами, приказы № 270 и 275, доклады о работе заградотрядов и использовании штрафных батальонов и т. д. — были надолго похоронены в архивах.

При всех творческих разногласиях и личных амбициях неизменным для всех советских историков, писателей и мемуаристов должен был оставаться основополагающий тезис, выдвинутый Сталиным в речи 9 февраля 1949 года:

«Наша победа означает, прежде всего, что победил наш советский общественный строй (не догадался Александр I объявить Отечественную войну 1812 года победой „феодально-крепостнического строя“. — *Авт.)*… Война показала, что советский общественный строй является подлинно народным строем, выросшим из недр народа и пользующимся его могучей поддержкой, что советский общественный строй является вполне жизнеспособной и устойчивой формой организации общества… Наша победа означает, во-вторых, что победил наш советский государственный строй».

Нетрудно догадаться, в соответствии с новыми веяниями, когда прошла мода на антисталинизм, прошла и жуковская бессонница «по поводу грубых нарушений законности».

В 1971 году маршал «со свойственной ему прямотой и решительностью» критикует роман А. Чаковского «Блокада»:

«В романе неоднократно проводится мысль, что советское командование добивалось исполнения приказов не методом

убеждения, не личным авторитетом, не взывая к патриотическим чувствам бойцов и командиров, а под прямой угрозой расстрела… У читателя может возникнуть впечатление, что у нас не было военно-полевых судов, которые судили за те или иные преступления, а существовало самоуправство военачальников, которые без всякого суда и следствия расстреливали подчиненных. [608] Непонятно, с какой целью А. Чаковский пропагандирует эту ложь? Такая пропаганда (!), безусловно, вредна и играет на руку нашим идеологическим противникам».

Замечательно, что Жуков адресовал письмо не писателю Чаковскому, не редакции журнала «Знамя», опубликовавшей роман, а секретарю ЦК КПСС И.Н. Демичеву, так сказать, сигнализировал. Доставалось от принципиального маршала и конкурентам-мемуаристам:

«Большой недостаток некоторых мемуаров, которые я читал, — ограниченность кругозора и командующих армиями, и командующих фронтами (которая не мешала им армиями и фронтами командовать. — *Авт.)*…»

Жуков добился своего: его «канонизировали», а на «Воспоминания и размышления» вполне серьезно стали ссылаться как на исторический документ.

За всеми этими хлопотами не нашлось только времени, чтобы сосчитать павших. Видимо, не было заинтересованности. Иначе как-то блекнут лавры на челе «великих полководцев».

* * *

Подведем итоги «учебы».

Безвозвратные потери Красной Армии в 1942 году, согласно авторам книги «Гриф секретности снят», составили 3258216 человек. Генерал Д. Волкогонов оценивал их в полтора раза выше — 5888235 бойцов и офицеров. Однако и эта цифра многими современными историками считается заниженной. По их мнению, речь может идти о не менее чем 7,15 млн убитыми, пленными, умершими от ран и болезней. Немецкая армия в 1942 году потеряла на Восточном фронте около 519 тыс. человек. То есть, повышая свое военное образование, наши полководцы за одного убитого немецкого солдата укладывали 13 советских. В следующем, 1943 году, — «всего» 10! Заметный прогресс!

Неизлечимыми пороками советской военной машины как детища тоталитарной политической системы являлись презрение

к человеческой жизни (помните В.В. Маяковского: [609] «Единица — вздор, единица — ноль… Единица! Кому она нужна?!»), а также жесткая централизация власти, лишавшая командиров на передовой всякой инициативы. Командармы, командиры дивизий и полков являлись только «шестеренками», передаточными звеньями между штабом фронта и передовой. От них лишь требовалось гнать войска вперед или «стоять насмерть» в зависимости от руководящих указаний вышестоящих инстанций. «Всякая инициатива должна быть наказана», — еще один незабвенный лозунг Советской Армии. Это приводило к тому, что товарищу Сталину приходилось самолично внедрять «новые технологии» в войска, сочинять для них инструкции и даже «разрешать» в отдельных вопросах проявлять инициативу:

«При проведении наступательных операций командование фронтов и армий иногда смотрят на установленные для них разграничительные линии как на забор и как на перегородку, которые не могут нарушаться, хотя бы этого требовали интересы дела и меняющаяся входе операции обстановка.

В результате наши армии при наступлении идут вперед прямо перед собой, в пределах своих разграничительных линий, не обращая внимания на своих соседей, без маневра, который вызывается обстановкой, без помощи друг друга и тем облегчают маневр противнику и предоставляют ему возможности бить нас по частям. Ставка разъясняет, что разграничительные линии определяют лишь ответственность командиров за определенный участок или полосу местности, в которых выполняется ими полученная боевая задача, но их нельзя рассматривать как неизменные и непереходимые перегородки для армий…

Ставка Верховного Главнокомандования, разъясняя это, разрешает и предоставляет право командующим фронтами менять в ходе операций разграничительные линии между армиями фронта, менять направление удара отдельных армий в зависимости от обстановки». [610]

Отметим слово «разрешает» — стало быть раньше, т. е. до осени 1942 года, не разрешала. Да и теперь право действовать сообразно меняющейся обстановке было предоставлено только командующим фронтами, которые лично ставили задачи каждой дивизии и бригаде и любую инициативу подчиненных воспринимали как посягательство на свою власть.

Примеров тому бесконечное множество.

«В полосе нашей армии, — вспоминает генерал Жадов, — выдвигались две дивизии, каждая по 12-13 тысяч личного состава, для проведения частной армейской операции. Обе дивизии почему-то следовали по одной дороге, поэтому растянулись в

длинную кишку и были отличной целью для вражеской авиации. В это время к нам в штаб (дело происходит в полосе 3-й армии Брянского фронта. — *Авт.)* прибыл командующий фронтом генерал-полковник Я.И. Черевиченко. Зная его по довоенной службе, я обратился к нему с некоторым укором:

— Яков Тимофеевич, разве можно так выдвигать дивизии?

— А кто так спланировал? — спросил он.

— Дивизии выдвигаются по плану фронта, — ответил я.

— Немедленно перепланируйте их выдвижение так, как это нужно в соответствии с интересами армии, — приказал Черевиченко.

Начальник оперативного отдела А.В. Владимирский со своими помощниками и начальниками родов войск и служб быстро переработал план выдвижения дивизий. Мы изыскали возможность обеспечить каждую из них двумя дорогами. Командирам дивизий были отданы соответствующие распоряжения (в интересах дела). О произведенных изменениях в плане сосредоточения соединений я донес в штаб фронта. Но там наша инициатива, хотя и санкционированная командующим фронтом, была расценена как недопустимое вмешательство в прерогативы штаба фронта. [611] Последовали организационные выводы: прибыл генерал Петрушевский с предписанием, из которого явствовало, что я отстраняюсь от должности начальника штаба армии».

Вот заместитель командующего 62-й армии генерал Н.И. Крылов озабочен тем, что на правом фланге у него маловато пехоты, но сделать ничего не может:

«Перебрасывать сюда стрелковые части с других участков командование фронта не разрешало. Тогда я впервые за год войны (ой ли? — *Авт.)* встретился с таким положением, когда не в армии, а выше определялось, где стоять каждому полку».

Аналогичные проблемы не давали покоя генералу Горбатову:

«Письмо Ставки (от 10 января) содержало глубокий смысл и содействовало бы успехам, если бы точно выполнялось все, что в нем было сказано. Но мы по-прежнему получали приказы, противоречащие требованиям письма, а поэтому не имели успеха. Трудно объяснить, почему поступали такие приказы даже от командарма… В той обстановке естественно было, чтобы командир дивизии сам выбирал объекты для частных операций, сам определял силы отряда и время для нападения с использованием внезапности. В таких случаях противник обычно имел потери в два, три, а то и в четыре раза больше, чем мы. Другое дело, когда тебе издалека все распишут и прикажут захватить 17 января — Маслову Пристань, 19 января —

Безлюдовку, 24 января — Архангельское и т. д., с указанием часа атаки, определят силы (к тому же не соответствующие ни задаче, ни твоим возможностям). В этих случаях результат почти всегда был один: мы не имели успеха и несли потери в два-три раза больше, чем противник.

Особенно непонятными для меня были настойчивые приказы — несмотря на неуспех, наступать повторно, причем из одного и того же исходного положения, в одном и том же направлении несколько дней подряд, наступать, не принимая в расчет, что противник уже усилил этот участок… А ведь это был целый этап войны, на котором многие наши командиры учились тому, как нельзя воевать и, следовательно, как надо воевать». [612]

А вот 23— й танковый корпус южнее Сталинграда по согласованию с командованием армии сменил позиции и отошел назад. Но командование фронта, не давшее санкции на отход, расценило это как нарушение приказа № 227, что могло «сыграть отрицательную роль в воспитании командного состава». Корпусу было приказано вернуть позицию.

«Танкисты смело пошли вперед, — пишет прибывший надзирать за воспитательным процессом маршал Голиков, — несмотря на малочисленность своих сил. Этот удар не дал больших территориальных успехов, но притянул на участок корпуса значительные силы врага, в том числе его авиацию, что ослабило нажим гитлеровцев на других участках (отвлекать танками авиацию — это вклад „голиковых“ в военное искусство. — *Авт.)*. Важным было и воспитательное значение этого мероприятия (каждый должен понять: свое начальство страшнее врага! — *Авт.)*».

Поскольку тоталитарные пирамиды возводятся по единому проекту, перед немецкими генералами в 1942 году все острее вставала точно такая же проблема. Все они поголовно жалуются, что с приходом Гитлера на пост верховного главнокомандующего

«вместо принятых до сих пор приказов, которые были проникнуты доверием к способностям и знаниям высших военачальников, появился новый вид приказа, крайне узко ставивший задачу и не допускавший никакой инициативы, наконец, часто требующий выполнения поставленной задачи под угрозой или же вообще ставились невыполнимые задачи. Нежелательные устранялись. Вместо доверия преследовалась цель сделать подчиненного беспрекословным».

Похоже, не правда ли?

Маршал Жуков в беседе с писателем К. Симоновым также отмечал, что

«…Гитлер своими ошибками помогал ошибаться германскому

генеральному штабу, что он часто мешал принимать генштабу более продуманные, более верные решения. И когда в 1941 году после разгрома немцев под Москвой он снял Браухича, Бока, целый ряд других командующих и сам возглавил немецкие сухопутные силы, он, несомненно, оказал нам этим серьезную услугу. [613] После этого и немецкий генеральный штаб; и немецкие командующие группами армий оказались связанными в гораздо большей мере, чем раньше. Их инициатива оказалась скованной. Шедшие теперь от Гитлера как от главнокомандующего сухопутными силами директивы стали непререкаемыми в гораздо большей степени, чем это требовалось в интересах дела. Существовавший раньше в германской армии уровень самостоятельности в решении оперативных вопросов снизился, и увольнение Браухича, с которого все это началось, было нам, конечно, на руку».

Приведем последнюю запись в дневнике отправленного в отставку Гальдера:

«В письменных приказах наблюдается все большее пренебрежение к правильному словоупотреблению (знакомо? — *Авт.)*. Вместо продуманных формулировок различные эмоционально окрашенные слова и выражения (уничтожить, разгромить, воспрепятствовать обходу) даже тогда, когда это вообще невозможно».

Парадокс: в то время как феодально-крепостническая РККА стремилась подняться до уровня вермахта, последний перенимал самые уродливые «достижения» социалистической системы:

«…русские имели обыкновение упрямо придерживаться однажды поставленной цели — свойство, из которого немецкое командование в последующие годы могло бы извлечь большую пользу, если бы оно само не оказалось гораздо упрямее русских».

Мутируя под воздействием «бацилл национал-социализма», вермахт терял качества, делавшие его лучшей армией в мире. Ну, а количеством немцы никого не могли удивить. Деградация немецкой армии иногда наводит на мысль, что, может быть, русское «ментальное поле» так на нее влияло? Или просто воздух в России такой?

Тем не менее соотношение германских и советских потерь на протяжении всей войны оставалось крайне неблагоприятным для советской стороны. [614] До самого ее конца воевать в Красной Армии предпочитали числом, побеждать — большой кровью, заваливая врага трупами необученных «одноразовых» солдат. Военное искусство для большинства высших военачальников так и осталось чуждым понятием.

В 1945 году, проводя Берлинскую операцию, Жуков и Конев,

имея 5-кратное численное превосходство над противником, не стали ничего изобретать, а просто бросили на город четыре танковые армии — 5388 единиц бронетехники. Вот и все искусство: «Против лома нет приема»! Член Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал К.Ф. Телегин вспоминал, что у командующего была только одна цель:

«…не медлить, не мешкать, искать слабое место… Но если этого места нет — наваливаться массой техники, давить ею. Пускай это будет стоить нам жертв и потерь, но надо как можно быстрее рваться к Берлину. (А почему такая спешка? Оказывается, главным образом потому, что Жуков опасался конкуренции со стороны Конева, который мог войти в Берлин первым. — *Авт.)*…

Да, мы считались с тем, что придется при этом понести потери в танках, но знали, что даже если и потеряем половину (генерал рассуждает о двух тысячах экипажах как о неодушевленных предметах. — *Авт.)*, то все же еще до 2 тысяч бронеединиц мы введем в Берлин (и ввели, несмотря на опыт Сталинграда! — *Авт.)*, и этого будет достаточно, чтобы взять его».

В итоге, потери только 1-го Белорусского фронта за две недели операции составили 1940 танков и САУ. Из них половина сгорела в уличных боях, не оказав существенного влияния на исход боевых действий.

Потери Советской Армии в Отечественной войне 1941-1945 годов не сосчитаны до сих пор. По оценке Б. Соколова, общая убыль убитыми и умершими в ходе войны с Германией составила 31,1 млн военнослужащих. Безвозвратные потери вермахта в борьбе с СССР им оцениваются в 2,157 млн. Одно лишь сравнение этих цифр позволяет многое понять и в «преимуществах социалистического строя», и в «самой передовой военной науке». [615]

«Такой прогрессивный характер свойственен лишь советскому оперативному искусству, опирающемуся на единственно научную теорию познания — марксистско-ленинскую методологию, и это обеспечило его полное торжество в Великой Отечественной войне над нашумевшими в Западной Европе „новыми“ оперативными методами немецко-фашистской военной школы».

Здесь мы согласимся с просвещенным мнением генерал-лейтенанта Злобина: ТАКОЕ возможно только у нас, ни одна другая военная школа до ТАКИХ вершин оперативного искусства не поднялась.